

Академия наук СССР

Институт истории СССР

С. М. ТРОИЦКИЙ

**Русский
абсолютизм
и дворянство
в XVIII в.**

ФОРМИРОВАНИЕ БЮРОКРАТИИ

Издательство «Наука»

Москва

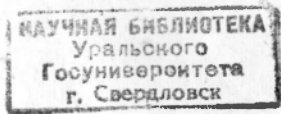
1974

9(с)1
Т708

В монографии подробно исследована история разработки одного из важнейших законодательных актов — Табели о рангах, укреплявшей социально-политическую базу абсолютизма в России. В книге показан сложный состав российской бюрократии XVIII в., верхи которой рекрутировались по преимуществу из дворянской среды, а низшие звенья заполняли выходцы из других сословий. Автор обрисовал социальное, имущественное и служебное положение чиновничества, что позволило установить, что принцип выслуги, заключенный в «Табели о рангах» Петра I, проводился на практике независимо от политических бурь середины столетия. В работе вскрываются основные тенденции в социальной эволюции бюрократии в XVIII в. с привлечением обширного архивного материала.

Ответственный редактор

Л. Г. БЕСКРОВНЫЙ

750608

Светлой памяти
моего дяди и учителя
Николая Владимировича
УСТЮГОВА
посвящаю

Введение

Одной из центральных тем истории России в период позднего феодализма является проблема генезиса абсолютизма и его дальнейшей эволюции в направлении к буржуазной монархии. Исследование конкретных вопросов социально-экономической истории того периода настоятельно выдвинуло задачу изучения изменений надстройке и ее воздействия на феодальный базис, без чего невозможно раскрыть всю сложность и противоречивость перехода от феодализма к капитализму в России, определить общие закономерности и специфику этого процесса по сравнению с другими европейскими странами.

В предлагаемой монографии предпринята попытка исследовать процесс формирования бюрократии в России в XVIII в. Эта тема представляет большой научный интерес в нескольких отношениях.

Прежде всего история возникновения бюрократии неразрывно связана с историей государства в период позднего феодализма. Наряду с постоянной армией и денежными налогами, бюрократия была важнейшим атрибутом абсолютной монархии, которая получила в ее лице могущественное орудие для борьбы с сепаратизмом одовитой аристократии за дальнейшую централизацию государственного управления. Постепенное превращение бюрократии в собую прослойку общества было одним из важнейших показателей эволюции абсолютной монархии в направлении к буржуазному государству.

В то же время складывание бюрократии как особой прослойки общества было во многом обусловлено изменениями в социальной структуре господствующего класса феодалов, дальнейшим выдвиганием на историческую арену одной из его частей — дворянства, которое было опорой самодержавия в борьбе с родовитой знатью за неограниченную власть. Создание бюрократии закрепило политическое господство другого слоя феодалов. Поэтому история бюрократии в то же время является и историей дворянства в России, но не всего класса, а лишь той его части, которая участвовала в управлении государством.

Это придает особый интерес исследованию проблемы формирования бюрократии, так как позволяет выяснить функционирование механизма государственной власти, а также раскрыть более сложный характер взаимоотношений государства и господствующего

класса феодалов в процессе становления абсолютизма и его дальнейшей эволюции. В частности, появление бюрократии способствовало росту относительной независимости и самостоятельности верховной власти от интересов, порой противоречивых, различных слоев дворян.

При освещении поставленных в монографии вопросов автор опирался на труды классиков марксизма-ленинизма, в которых глубоко раскрыты общие закономерности эволюции государственного строя при переходе от феодализма к капитализму, а также показана важная роль бюрократии в системе политических институтов абсолютной монархии.

Самое общее и чрезвычайно емкое определение бюрократии дано В. И. Лениным, писавшим о существовании «чиновничества, бюрократии, как особого слоя лиц, специализировавшегося на управлении и поставленного в привилегированное положение перед народом»¹. Бюрократия, как и абсолютизм, является исторической категорией, которая в своем развитии проходит ряд этапов. Ее окончательное превращение в прослойку капиталистического общества происходит после победы буржуазной революции, которая, по словам К. Маркса, ликвидирует «прерогативы феодальных сеньоров, местные привилегии, городские и цеховые монополии» и прочий «средневековый хлам». Тем самым она расширяет почву «для той надстройки, которой является здание современного государства»².

В формировании бюрократии представляется наиболее существенным ряд моментов, связанных с изменениями в организации государственного управления при абсолютизме. Чтобы осуществить свою главную, «цивилизаторскую» миссию, заключающуюся в дальнейшей централизации государства, абсолютная монархия постепенно реформирует аппарат управления, вводя во всех его звеньях, сверху донизу, систематическое разделение труда. При этом в государстве складывается иерархия учреждений и должностей, предусматривающая подчинение низших звеньев администрации высшим, а всей армии чиновников — абсолютному монарху, находящемуся на вершине «пирамиды власти». Систематическое и иерархическое разделение труда между различными отраслями государственного управления закрепляется в законодательстве абсолютизма, детально регламентирующего функции и компетенцию отдельных ведомств, а также обязанности всех чиновников и каждого в отдельности. Такими мерами абсолютный монарх стремился укрепить и упорядочить деятельность государственного аппарата, а также усилить контроль за его работой. Эту же цель преследовал абсолютизм, реорганизуя работу всех учреждений и вводя более сложные формы делопроизводства и отчетности.

Перестройка аппарата управления абсолютной монархии, с одной стороны, вызывала увеличение численности чиновничества, с другой — изменение его качественного состава, в частности, воз-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 455.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 339.

растание количества низших разрядов чиновников (секретарей, канцеляристов и т. п.), которые должны были обслуживать делопроизводство в учреждениях и обеспечивать бесперебойную функционирование всех звеньев государственной машины. Само расширение состава «канцелярии» (франц. — bureau) было одним из характерных признаков централизации государственного управления. Отсюда произошли термины «бюрократия», «бюрократизация».

Чтобы сделать аппарат управления более послушным, абсолютная монархия изменяла принципы комплектования и материального обеспечения чиновников. На смену иерархии чинов, основанных на «породе», привилегиях, обусловленных принадлежностью к определенному слою феодалов, вводилась иерархия чинов в зависимости от личной выслуги, заслуг и знаний человека. Это уравнивало представителей разных прослоек феодального класса перед абсолютным монархом, а также создавало более благоприятные условия для привлечения в аппарат управления выходцев из других сословий и групп. Введение постоянного денежного жалования для всех категорий чиновников также усиливало их зависимость от абсолютизма.

Отмеченные изменения в организации государственного аппарата при абсолютизме происходили не сразу, не одновременно, а в течение длительного исторического периода. В целом они создавали предпосылки для формирования бюрократии — особым образом организованного чиновничества. Процесс складывания бюрократии, как и абсолютизма, имел свою специфику в разных европейских странах, что объяснялось особенностями их исторического развития, влиявшими на характер и темпы эволюции абсолютной монархии в направлении к буржуазному государству.

С учетом изложенных выше положений мы можем дать следующее определение бюрократии для исследуемого в монографии периода. Под бюрократией мы понимаем особый слой лиц, специализирующихся на управлении государством и обладающих рядом привилегий. Возникновение бюрократии связано с утверждением абсолютизма в России в первой четверти XVIII в. и дальнейшим выдвижением на историческую арену дворянства. Отличительными чертами бюрократии этого времени были: 1) систематическое и иерархическое разделение функций между разными отраслями государственного управления, а внутри учреждений между отдельными чиновниками; 2) введение принципов комплектования и прохождения службы чиновниками в зависимости от личной выслуги, способностей и образования, а не по привилегиям, даваемым «породой», т. е. принадлежностью к определенному слою класса феодалов; 3) изменение материального обеспечения чиновников, выразившееся в замене поместного и натурального жалования постоянными денежными окладами. Постепенно названные принципы организации государственного аппарата распространялись на все большую часть Российской империи, что усиливало централизацию управления и способствовало превращению бюрократии в

особый слой населения. В свою очередь последнее приводило к усилению относительной самостоятельности абсолютной монархии от интересов различных прослоек дворянства.

Чрезвычайно ценный материал для выяснения особенностей процесса формирования бюрократии в России дают труды В. И. Ленина, писавшего о том, что фактически бюрократия «правит государством российским» и определяет всю его политику³. Давая общую характеристику этого политического института, В. И. Ленин не раз отмечал, что по своему происхождению и назначению в современном ему обществе бюрократия является чисто буржуазным учреждением⁴. В такой трактовке происхождения и роли бюрократии он опирался на труды К. Маркса⁵.

В зависимости от особенностей исторического развития отдельных стран буржуазная потенция бюрократии проявлялась по-разному, особенно на ранних этапах возникновения этой прослойки. Поэтому, например, В. И. Ленин, отмечая глубоко буржуазный характер деятельности бюрократии в конце XIX в., в то же время обращал внимание на ее тесную связь с дворянством и крепостничеством, подчеркивая, что «абсолютизм и бюрократия насквозь пропитаны крепостнически-буржуазным духом»⁶. После отмены крепостного права в 1861 г. страна прочно вступила на путь капиталистического развития. Однако политический строй России, по словам В. И. Ленина, был «насквозь пропитан крепостничеством», что, в частности, было видно «по преобладающему влиянию дворян-землевладельцев на государственные дела и по всевластию чиновников, которые тоже были главным образом — особенно высшие — из дворян-землевладельцев»⁷. Бюрократия превратилась во «флюгер», старающийся обеспечить интересы буржуа и помещиков. Такое же положение сохранялось и позже, в период империализма.

Ленинские оценки классовой природы российской бюрократии в эпоху капитализма и империализма помогают вскрыть сложный, внутренне противоречивый процесс образования этой прослойки общества в период позднего феодализма. Господство грубых форм крепостничества, огромное влияние крупных помещиков на политику абсолютной монархии, слабость формирующейся буржуазии, наряду с другими причинами, привели к тому, что в России XVIII в. бюрократия сохраняла тесную связь с господствующим классом феодалов, подвергаясь частичному «одворяниванию».

Монография охватывает историю формирования бюрократии с начала второго десятилетия до середины 60-х годов XVIII в. Такие хронологические рамки исследования были выбраны потому, что законодательное оформление бюрократии произошло в первой четверти XVIII в. в связи с утверждением в России абсолютизма.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 301.

⁴ Там же, стр. 439—440.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 157—158.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 267.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 39; см. также т. 21, стр. 58.

В качестве конечной грани взята середина 60-х годов XVIII в. Издание в 1762 г. манифеста о вольности дворянства, отменившего обязательный характер дворянской службы в армии и гражданском управлении, а затем и целого ряда указов об улучшении работы государственного аппарата, явилось важным этапом в истории российской бюрократии, ибо эти меры правительства способствовали притоку в ряды чиновников «разночинцев». В то же время сословные требования дворянства в Уложенной комиссии 1767 г., наряду с другими причинами, оказали существенное влияние на организацию государственного управления Россией в последней трети XVIII в. История бюрократии этого периода должна явиться темой особого исследования.

Недостаточная изученность многих важнейших проблем социально-экономической (национальный и социальный состав, численность дворянства и прочих сословий и др.) и политической истории (специфика управления в национальных окраинах России, история отдельных центральных и местных учреждений и др.), а также состояние источников заставили автора ограничиться исследованием истории разработки Табели о рангах 1722 г., заложившей основы правительственной политики в отношении чиновничества, дальнейшего развития ее принципов в изучаемое время и применения их на практике; формирования бюрократии (состав и численность чиновничества, социальное происхождение, роль денежного жалованья, уровень образования и профессиональной подготовки) и ее социальной эволюции («одворянивание» и «обуржуазивание» чиновничества). В центре монографии — изучение процесса складывания бюрократии.

* * *

Проблема формирования российской бюрократии в XVIII в. не стала предметом специального изучения в дореволюционной историографии! Непомерно идеализируя роль государственной власти и считая ее падклассовой силой, дворянские и буржуазные авторы при освещении истории XVIII в. главное внимание уделяли истории государства, особенно тех периодов, которые были связаны с деятельностью Петра I и Екатерины II. При этом они особенно интересовались историей верховной власти и историей государственных учреждений.

В дореволюционное время было издано много работ по истории дворцовых переворотов в России в XVIII в., в которых содержатся данные для выяснения противоречий внутри господствующего класса феодалов. Однако в целом, несмотря на отдельные различия, дворянские и буржуазные историки не смогли дать правильное объяснение причин дворцовых переворотов и показать их влияние на внутреннюю политику абсолютной монархии в XVIII в.⁸

⁸ С. М. Троицкий. Историография «дворцовых переворотов» в России XVIII в.— «Вопросы истории», 1966, № 2, стр. 38—53.

Буржуазные историки и юристы опубликовали много работ по истории отдельных центральных учреждений России в XVIII в. — Сената⁹, Синода¹⁰, Верховного Тайного совета и Кабинета¹¹, Государственного совета¹², коллегий и канцелярий¹³, а также по истории местного управления¹⁴.

В центре внимания этих авторов была история самого учреждения: причины его создания, функции и компетенция, структура и штаты, организация делопроизводства, контроля и отчетности. Для их написания историки государственной школы использовали главным образом законодательство и редко обращались к архивам учреждений. Как правило, в этих сочинениях содержится мало сведений о чиновниках, хотя, как метко сказал еще М. М. Сперанский, «в государстве учреждения без людей тщетны», как и «люди без добрых учреждений мало доброго произвести могут»¹⁵.

Специально по истории чиновничества опубликованы популярная брошюра Е. П. Карновича и публицистическая работа В. А. Евреинова по истории гражданских чинов и Табели о рангах в России, в которой он высказал ряд интересных замечаний о ее создании и дальнейшей эволюции (в Приложениях напечатаны некоторые важные документы по истории разработки Табели о рангах)¹⁶. В статьях военных историков Н. П. Глиноецкого и А. З. Мышлаевского собраны ценные данные по истории формирования офицер-

⁹ А. Н. Филиппов. История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета, ч. 1. Юрьев, 1895; *он же*. Правительствующий Сенат при Петре Великом и его ближайших преемниках (1711—1741 гг.). СПб., 1911; П. Голыцын. Первый век Сената. СПб., 1910; «История Правительствующего Сената за двести лет. 1711—1911 гг.», т. 1—5. СПб., 1911; В. И. Веретенников. Очерки истории генерал-прокуратуры в России доекатерининского времени. Харьков, 1915; и др.

¹⁰ Т. В. Барсов. Святейший Синод в его прошлом. СПб., 1896; Ф. В. Благовидов. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и первой половине XIX ст. Казань, 1899; П. В. Верховский. Учреждение Духовной коллегии и духовный регламент, т. 1—2. Ростов-на-Дону, 1916; и др.

¹¹ Б. Л. Вяземский. Верховный Тайный Совет. СПб., 1909; «200-летие Кабинета е.и.в. 1704—1904». СПб., 1911; и др.

¹² П. Н. Даниевский. История образования Государственного совета в России. СПб., 1859; В. Г. Щеглов. Государственный Совет в царствование Александра I, т. I—II. Ярославль, 1895; и др.

¹³ Д. Толстой. История финансовых учреждений России со времени основания государства до окончания царствования имп. Екатерины II. СПб., 1848; В. Чубинский. Историческое обозрение устройства управления морским ведомством в России. СПб., 1869; В. И. Веретенников. Из истории Тайной канцелярии. 1731—1762. Харьков, 1911; и др.

¹⁴ И. Андреевский. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864; А. Лохвицкий. Губерния. Ее земские и правительственные учреждения, ч. 1. СПб., 1864; И. Дитягин. Устройство и управление городов России, т. I. Города России в XVIII ст. СПб., 1875; П. Н. Мрочек-Дроздовский. Областное управление России XVIII в., ч. I. М., 1876; И. Блинов. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905; и др.

¹⁵ Цит. по кн.: А. Н. Филиппов. Кабинет министров и его сравнение с Верховным Тайным Советом. Юрьев, 1898, стр. 1.

¹⁶ Е. Карнович. Русское чиновничество в былое и настоящее время. СПб., 1897; В. А. Евреинов. Гражданское чиновничество в России. СПб., 1888.

ского корпуса и системы чинов в армии, представляющие большой интерес для изучения складывания бюрократии¹⁷.

В деле к названным трудам по истории учреждений в России XVIII в. применима характеристика видного дореволюционного, а затем и советского историка Ю. В. Готье, данная им работам по истории местного управления этого периода. Поскольку их авторами были юристы, то у них «на первом месте стоял интерес к учреждениям как таковым, к норме, регулирующей областную жизнь. От этого являлась склонность изучать учреждения вне связи с людьми, вне связи с обществом, мало учитывая реальную жизнь, которая нередко ломает самые стройные и самые разумные нормы, диктуемые человеческим разумом»¹⁸.

Некоторым исключением из приведенного выше перечня являются труды Б. Н. Чичерина, А. Д. Градовского, М. М. Богословского и самого Ю. В. Готье. Б. Н. Чичерин и А. Д. Градовский являлись крупнейшими представителями государственной школы в историографии, чьи концепции оказывали и оказывают большое влияние на буржуазных историков вплоть до наших дней. Они пытались выяснить особенности процесса формирования российской бюрократии и дать определение этой прослойке общества.

Б. Н. Чичерин высказал ряд интересных положений о роли бюрократии в системе политических институтов абсолютной монархии. Он правильно обратил внимание на то, что бюрократия — это историческая категория, а ее возникновение неразрывно связано с утверждением абсолютизма. Она была важным орудием абсолютной монархии в борьбе за политическую централизацию страны. Излагая теорию государства с позиций либеральной буржуазии, заинтересованной в компромиссе с самодержавием, Чичерин довольно критически высказывался о роли бюрократии в современном государстве, хотя его критика была весьма мягкой, обращенной в дореформенный период истории России, ибо он читал свой курс не только в Московском университете, но и наследнику, будущему императору России. «Из удобного орудия власти, — писал Чичерин, — бюрократия может превратиться в самостоятельное тело, имеющее свои собственные интересы и становящееся между монархом и народом». Тогда «сверху водворяется господство официальной лжи, внизу царит полнейший произвол». В результате власть «неизбежно становится произвольной и стеснительной» — так деликатно называл Чичерин деспотизм российского самодержавия. Устранить такое зло, по его мнению, можно «только системой сдержек, вводящих господство бюрократии в должные границы». К числу «сдержек» Чичерин относил отделение суда от ад-

¹⁷ Н. Глиноецкий. Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чиновпроизводства в русской армии. — «Военный сборник», 1887, № 4; А. З. Мышлаевский. Офицерский вопрос в XVII в. — Там же, 1899, № 6.

¹⁸ Ю. В. Готье. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II, т. I. М., 1913, стр. 2.

министрации, контроль за ее деятельностью, несменяемость и независимость судей, широкое местное самоуправление с участием буржуазии¹⁹.

А. Д. Градовский в работе по истории генерал-прокуратуры отметил тесную связь между развитием государственных учреждений России и служилым сословием, а также огромную зависимость последнего от самодержавия²⁰. По его мнению, «в русском обществе XVII столетия можно заметить все элементы, из которых впоследствии сложилось петровское государство». К их числу он относил образование «служилого класса», т. е. дворянства, приписанного к государственному тяглу, а также дьяков и приказных людей. Между ними не было сколько-нибудь существенных различий: и те и другие зависели от государственной службы и личной выслуги. Однако в XVII в. бюрократии еще не было, ибо в приказном управлении на высших ступенях сохранялось действие принципа родовитости, местничество. «Бюрократия,— по мнению Градовского,— предполагает предварительную пивелировку общества, уничтожение всех или по крайней мере главных сословных преимуществ, повсеместное проведение личной заслуги как единственного условия служебной деятельности и повышения». В другом месте своего труда Градовский определял бюрократию как «систему лиц, между которыми распределены отдельные части управления и которые расположены таким порядком, что низшие поглощаются высшими, не оставляя никакого следа своей деятельности»²¹.

Такое понимание сущности бюрократии и ее роли в государственном управлении свидетельствовало о более глубоком подходе Градовского к этой проблеме и отличало его взгляды от распространенных в то время упрощенных воззрений на «бюрократию» как на «перевес чиновников для письмоводства над чиновниками действующими», «владычество канцелярии»²².

Однако, высказав ряд интересных суждений о формировании бюрократии, Градовский не исследовал историю ее возникновения. В целом он не смог правильно раскрыть сложный процесс эволюции форм государственной власти в связи с переходом к абсолютизму и изменениями в социальной структуре феодального общества, в том числе внутри правящего класса. Считая государство

¹⁹ В. Н. Чичерин. Курс государственной науки, ч. V. Политика. М., 1898, стр. 142—146.

²⁰ А. Д. Градовский. Высшая администрация в России и генерал-прокуроры.— Сочинения, т. I. СПб., 1899, стр. 48—49, 52, 61—62.

²¹ Там же, стр. 63, 70, 130.

²² Подобных взглядов, например, придерживался В. К. Ржевский, считавший, что «бюрократия» означает устройство, в котором господство представлено тому, что французы называют бюро и что у нас носит название канцелярии... Бюрократия теснейшим образом связана с развитием письмоводства и канцелярий, с преобладанием форм и отчетностей над самим делом» (В. К. Ржевский. Взгляд на теорию бюрократической администрации.— «Русский вестник», 1860, октябрь, кн. 2, стр. 776, 810).

надклассовой силой, создающей сословия, Градовский преувеличивал также различия в историческом развитии России и других европейских стран, а потому не смог верно оценить влияние их опыта на русскую историю. Так, отметив заимствования Петром I некоторых правовых норм и учреждений в странах Западной Европы, он считал, что в России была введена лишь форма, но не суть новых учреждений. Поэтому, полагал он, если, например, в Швеции и Дании «бюрократическое начало» было признаком силы центральной власти, то в России оно, напротив, служило признаком правительственной слабости и неестественного напряжения страны²³. В России XVIII в., по мнению Градовского, не было настоящей бюрократии. Как и ранее, управление государством было «приказано» монархией Сенату и генерал-прокурору. «Бюрократическое начало», введенное в результате реформ Петра I, ослабляло личный характер взаимоотношений царской власти и администрации, присущий якобы издревле Руси, в которой испокон веков было единение монарха и «земли», «земского начала», а не борьба сословий с королевской властью, как это имело место на Западе.

Основные положения концепции А. Д. Градовского о характере эволюции государственного строя России в первой четверти XVIII в. повторил М. М. Богословский. Однако он, в отличие от большинства авторов перечисленных выше работ по истории учреждений XVIII в., не ограничился интерпретацией законодательства, а широко использовал архивы местных учреждений и ввел в научный оборот большой фактический материал по истории управления Россией и чиновничества в первой трети XVIII в. Он отметил рост бюрократизации управления еще в XVII в. Богословский отметил, что хотя высший и средний слои бюрократии комплектовались в основном за счет дворян, но и тяглые сословия играли важную роль в пополнении рядов чиновников. Выборные представители посадских и черносошных крестьянских миров выполняли ряд функций государственного аппарата²⁴.

Гораздо больше данных для истории формирования бюрократии в России XVIII в. дает названный выше труд Ю. В. Готье, в котором приведены ценные сведения о социальном составе и происхождении различных категорий местной администрации, порядке их комплектования, размерах жалованья, количестве крепостных крестьян, а также о правительственной политике в отношении чиновничества²⁵.

Определенный интерес для изучения возникновения бюрократии представляют труды дореволюционных авторов по истории дворянства в России в XVIII в. Начиная с первых работ по этой

²³ А. Д. Градовский. Указ. соч., стр. 131, 143—146, 161.

²⁴ М. М. Богословский. Областная реформа Петра Великого. М., 1902, стр. 270—272.

²⁵ Ю. В. Готье. Указ. соч., т. I—II. М., 1913—1941.

теме, принадлежащих перу Г. Ф. Миллера и М. Г. Спиридова, дворянские, а затем и буржуазные историки сосредоточили основное внимание на изучении сословных прав и привилегий правящего класса, а также различий в его юридическом и экономическом положении по сравнению с дворянством западноевропейских стран. В частности, оба автора отметили большую роль государственной службы в судьбах российского дворянства, которое после издания Петром I в 1722 г. Табели о рангах стало усиленно пополняться за счет выходцев из других сословий²⁶.

Такой же подход к истории дворянства был характерен и для авторов работ по этой теме, появившихся во второй половине XIX — начале XX в.²⁷ Среди них наибольшее значение имела работа А. Романовича-Словатинского, первое издание которой вышло в Киеве в 1870 г. Он разделял основные положения государственной школы о роли самодержавия в истории России, а также о ее специфике по сравнению с западноевропейскими странами, в том числе тезис о закреплении сословий верховной властью. В соответствии с таким подходом Романович-Словатинский подробно изложил законодательные акты Петра I и его преемников об организации службы и учебы дворян, которые, подражая Западной Европе, положили начало превращению «царских чиновных людей» в «сословие шляхетства», а также охарактеризовал указы, определявшие сословные привилегии служилого класса. Он, в частности, много внимания уделил оценке Табели о рангах, с введением которой было узаконено получение дворянства за службу выходцами из других сословий. Благодаря такому порядку в России в общем не было замкнутости правящего класса. Романович Словатинский правильно отметил чрезвычайно пестрый национальный и социальный состав российского дворянства, отдельные слои которого имели существенные различия в материальном положении. Эти его наблюдения представляют определенный интерес для изучения истории пополнения рядов дворянства в XVIII в., выяснения правового и материального положения дворянского сословия, поставившего большую часть высшего чиновничества. Однако Романович-Словатинский, как и другие историки юридической школы, переоценил самостоятельность самодержавия и не смог вскрыть сложный характер его взаимоотношений с правящим классом, орудием диктатуры которого и было государство.

²⁶ Г. Ф. Миллер. Известие о дворянах российских... СПб., 1790; М. Г. Спиридов. Краткий опыт исторического известия о российском дворянстве. М., 1804.

²⁷ А. Романович-Словатинский. Дворянство в России от начала XIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912; И. А. Порай-Кошиц. Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII в. 862—1796. СПб., 1874; М. Яблочков. История дворянского сословия в России. СПб., 1876; С. А. Корф. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762—1855 гг. СПб., 1906; Н. П. Павлов-Сильванский. Государевы служилые люди. 2-е изд. СПб., 1909; и др.

В целом дореволюционная историография накопила много сведений по истории государственного аппарата в XVIII в. и его бюрократизации, но дала мало данных для изучения процесса формирования самой бюрократии.

Одну из первых попыток дать марксистскую оценку роли бюрократии в системе политических институтов абсолютной монархии предпринял М. С. Ольминский (М. Александров). В 1910 г. он издал книгу «Государство, бюрократия и абсолютизм», в которой правильно подчеркивал классовый, дворянский характер абсолютной монархии, критически используя данные, накопленные дворянскими и буржуазными историками, стремившимися обосновать тезис о надклассовом характере государства. Однако при этом Ольминский допустил ряд ошибок. Так, он отождествлял дворянство с бюрократией, которая, по его мнению, обслуживала интересы лишь класса феодалов-землевладельцев. «Отождествление земледельческого дворянства с бюрократией,— писал Ольминский,— происходило не только путем поглощения дворянства бюрократией, но и путем поглощения бюрократии дворянством»²⁸. Этот его тезис напоминал аналогичное суждение Романовича-Словатинского. Тем самым Ольминский переоценил сплоченность класса феодалов и проглядел борьбу между отдельными прослойками дворянства.

Ошибочный характер тезиса Ольминского о взаимоотношениях правящего класса и бюрократии вскрыл В. И. Ленин, показавший рост относительной независимости абсолютной монархии от интересов разных прослоек господствующего класса²⁹.

В 1912 г. В. В. Воровский в статье «О природе абсолютизма в России» выступил против другого неверного положения в книге М. С. Ольминского, не видевшего борьбы внутри класса феодалов и упрощавшего социальную базу абсолютной монархии. «Центральная власть,— писал он,— являясь по отношению к самому дворянству выразительницей интересов дворянской массы, выступала по отношению ко всему обществу как центр дворянского класса, «общедворянской организации», по выражению Александра. Это различие Александров упускает из виду»³⁰.

В 20-х — начале 30-х годов в советской историографии получило распространение мнение М. Н. Покровского о роли торгового капитала в период позднего феодализма. Он полагал, что абсолютизм и его основные институты (бюрократия, постоянная армия и полиция) возникают на основе торгового капитала. К началу XVIII в., по его мнению, сложилась «вся машина, выжимавшая из народной массы то, что та сработала», созданная «по образцу купеческой конторы, с безграничными полицейскими пол-

²⁸ М. Ольминский. Государство, бюрократия и абсолютизм. 3-е изд. М., 1925, стр. 104, 106.

²⁹ См. В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 21, стр. 32.

³⁰ В. В. Воровский. Сочинения, т. I. М., 1933, стр. 203—204.

номочиями»³¹. Покровский уточнял свою позицию в вопросе о социальных предпосылках абсолютизма в России, однако во всех работах он рассматривал бюрократию в качестве одного из важнейших признаков абсолютной монархии, наряду с постоянной армией и денежными налогами, хотя специально не изучал историю возникновения чиновничества. И позже проблема формирования российской бюрократии в XVIII в. не привлекала внимания исследователей³².

В 60-х годах усиливается интерес советских историков к проблемам абсолютистской монархии в России. В 1964 г. появилась ценная статья Н. Ф. Демидовой, в которой впервые в историографии предпринята попытка изучить процесс складывания российской бюрократии в связи с переходом к абсолютизму и наметить основные этапы образования этой прослойки³³. Во время дискуссии (1968—1971) об абсолютизме в России некоторые участники высказали интересные мнения о времени и условиях возникновения бюрократии и ее роли в системе политических институтов абсолютизма.

А. Я. Аврех, рассматривая абсолютную монархию в качестве прототипа современного буржуазного государства, считает, что она сама создает все элементы государства в ходе исторического развития, в том числе бюрократию, которая при отсутствии в России XVIII в. капитализма и буржуазии была не буржуазной, а «плутократической», т. е. такой, «которая присваивает себе часть богатства в процессе купеческого и иного накопления, пользуясь своим служебным положением и властью». В результате «это обстоятельство послужило исходным моментом ее дальнейшей буржуазной эволюции и обособления от дворянской массы»³⁴. Предложенное им определение, на наш взгляд, не позволяет правильно объяснить происхождение этого политического института абсолютной монархии, так как оно не учитывает влияния новых принципов комплектования аппарата управления (личная выслуга, способности и образование человека, замена поместного жалованья денежным и др.), что в целом было свойственно буржуазному государству и что способствовало формированию такой прослойки общества, как бюрократия. Необходимо также отметить значительную неопределенность самого термина «плутократия». К тому же в XVIII в. не было условий для ее появления. Не случайно В. И. Ленин, касаясь истории России «николаевской эпо-

³¹ М. Н. Покровский. Избранные произведения, кн. 3. М., 1966, стр. 92, 93.

³² Е. С. Зевакин опубликовал этюд о подьячих, в котором кратко коснулся их социального состава («Подьячие Поместного приказа начала XVIII в. По «скаскам» 1706—1709 гг.» — «Исторические записки», т. 11. М., 1941, стр. 280—282).

³³ Н. Ф. Демидова. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв. — «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». М., 1964, стр. 206—242.

³⁴ А. Я. Аврех. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России. — «История СССР», 1968, № 2, стр. 94.

хи», отмечал в качестве характерной особенности ее государственного строя безраздельное политическое господство дворян-крепостников, ибо в это время «дворянин-помещик командовал без «плутократии»»³⁵. В другой работе Ленин подчеркивал, что только «при Александре II русский царизм начал превращаться в «плутократическую» монархию»³⁶. К тому же термин «плутократия» В. И. Ленин брал в кавычки. Проникновение в ряды бюрократии верхушки торгово-промышленной буржуазии, активно участвовавшей в управлении Россией и дележе «государственного пирога», относится главным образом ко второй половине XIX— началу XX в.

А. Н. Чистозвонов поставил важный вопрос о необходимости глубже изучать социальную базу, на основе которой происходило формирование бюрократии в различных европейских странах. По его мнению, специфической особенностью России было то, что «служилое дворянство (и формировавшаяся из него сначала приказная, а в XVIII в. чиновная бюрократия) конституировалось в конечном счете как дворянство крепостническое, занимающее совершенно иное общественное место в процессе хозяйственного развития, чем дворянство французское, английское или даже кастильское»³⁷. Однако этот тезис не раскрыт автором и не аргументирован конкретными данными, поэтому с ним трудно согласиться.

И. А. Федосов попытался определить причины, время и источники формирования бюрократии, ее дальнейшую эволюцию. По его мнению, «важнейшим итогом социальной политики Петра I было создание бюрократии как самостоятельного слоя общества и важнейшей опоры абсолютизма». Ее возникновение было связано с переходом в первой четверти XVIII в. к абсолютизму. Она сама явилась важным «инструментом централизации» и была направлена против феодального сепаратизма во всех его проявлениях. Федосов попытался определить те социальные слои общества, из которых комплектовалась бюрократия в России: это «среднее» дворянство, бывшие приказные люди, выходы из податных сословий, т. е. слои, враждебные феодальной аристократии. Важную роль в укреплении господства дворян в России сыграло издание Петром I Табели о рангах, которая «стала действенным средством поощрения» их к государственной службе и в то же время расширила социальную базу абсолютизма, «создав возможность для проникновения в господствующий класс разночинцев». Интересна точка зрения Федосова по вопросу о «буржуазности» русской бюрократии. По его мнению, пестрый социальный состав бюрократии, отсутствие у нее «глубоких исторических корней

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 81.

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 411.

³⁷ А. Н. Чистозвонов. Некоторые аспекты проблемы генезиса капитализма.— «Вопросы истории», 1968, № 5, стр. 55.

в феодальном классе» и каких-либо сословных корпоративных прав привели к тому, что «этот межсословный слой» был против сословных привилегий, ведущих свое начало от старых феодальных времен, стремился к превращению всего населения в подданных, а себя — в основную силу, стоявшую между верховной властью и населением и монопольно управлявшую последним. В дальнейшем бюрократия, особенно ее верхние и средние слои, сливается с феодальным классом, проникается его идеологией и становится консервативной силой, шедшей на поддержку новых общественных отношений лишь постольку, поскольку они не противоречили, как ей казалось, интересам государства³⁸.

И. А. Федосов высказал ряд верных наблюдений об условиях формирования бюрократии в России XVIII в. Однако его трактовка «буржуазности» бюрократии в XVIII в. вызывает ряд возражений. Подчеркивая разночинный состав бюрократии, он преувеличил ее «антисословный» характер: в первой половине XVIII в. в верхних слоях бюрократии численно преобладали потомственные и родовитые дворяне, тесно связанные с интересами правящего класса. Думается, что Федосов недостаточно учитывает реальные исторические условия, в которых происходило формирование бюрократии — господство феодально-крепостнических отношений, огромную силу абсолютизма, сохранение и укрепление сословных перегородок в стране, что породило такое явление, как «одворяживание» части выходцев из социальных низов, попадавших на государственную службу. Возможность проникнуть в ряды «благородного» сословия и воспользоваться всеми его привилегиями оказывала огромное влияние на чиновничество, поэтому вряд ли можно говорить о том, что оно было враждебно «сословным привилегиям, ведущим начало от старых феодальных времен». Наоборот, многие разночинцы, попав на государственную службу, стремились получить чины и ранги, дающие им дворянский статус и связанные с этим привилегии.

Поскольку в предлагаемой монографии исследуется лишь одна из тем, затронутых в ходе дискуссии об абсолютизме, то мы не касаемся других аспектов этой большой и сложной проблемы и связанных с ним мнений.

В 1972 г. была опубликована статья Т. С. Мамсик, в которой предпринята попытка выяснить отдельные аспекты комплектования высшей бюрократии и ее взаимоотношения с абсолютизмом в XVIII в.³⁹ В советское время опубликовано также несколько трудов, содержащих сведения по истории управления промышленностью, армией и флотом, финансами и дворцовыми владения-

³⁸ И. А. Федосов. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма.— «Вопросы истории», 1971, № 7, стр. 59—61.

³⁹ Т. С. Мамсик. Некоторые вопросы формирования высшей бюрократии в России XVIII в.— «Бахрушинские чтения 1971, вып. II». Новосибирск, 1972, стр. 25—35.

ми⁴⁰. Правда, в них мало данных о формировании чиновничества в России. Однако эти работы вместе с трудами дореволюционных историков по истории учреждений в целом дают большой материал для характеристики аппарата управления абсолютной монархии и его бюрократизации в XVIII в.

Отдельные аспекты формирования бюрократии в России в XVIII в. привлекают внимание современных буржуазных ученых. Так, американский историк М. Раев попытался определить специфику бюрократии в России⁴¹. Рассматривая историю российского дворянства в XVI—XVIII вв. сквозь призму служебных обязанностей государству, Раев сосредоточил внимание на противопоставлении положения дворян в России их положению на Западе, как это делали в свое время родоначальники государственной школы в историографии Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин и продолжают делать их последователи за рубежом в наши дни. По его мнению, в XVIII в. произошло падение политической роли дворянства, что было связано с утверждением абсолютизма в правление Петра I, который, усвоив «совершенно новую концепцию роли государства и политической власти», покончил с ее личным характером и создал «машину современного государства», важнейшим элементом которой была бюрократия (см. стр. 34—36 его книги). Вслед за немецким историком М. Вебером Раев считает, что русскому чиновничеству не хватало ряда важнейших черт «современной бюрократии». Поэтому о ней можно говорить лишь как о «субалтерн-бюрократии», созданной государством и полностью зависевшей от него, мало сближавшейся с основной массой дворян даже после одворянивания и получения имений (см. стр. 104—108, 209—210, прим. 176—177). М. Раев высказал ряд интересных соображений о роли бюрократии в усилении абсолютистского характера власти монарха, отметил распространение индивидуализма среди дворянства с введением Табели о рангах, а также незначительную роль буржуазии, которая была еще слаба в это время, в комплектовании бюрократии (стр. 68—69, 106, 108). Однако в целом он не смог раскрыть сложный характер связей между государственной властью и дворянством при переходе к абсолютизму, причины увеличения относительной самостоятельности абсолютной монархии от интересов правящего класса и формирующейся буржуазии. Утверждение абсолютизма в России и создание важнейшего орудия абсолютной монархии объясняется американским историком лишь как следствие влияния политических идей Запада и не связано с изменениями в социально-политическом строе стра-

⁴⁰ Д. С. Бабурин. Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939; Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953; Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958; Е. И. Индова. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М., 1964; С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966; и др.

⁴¹ M. Raeff. Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility. N. Y., 1966.

ны в XVII в. Он переоценил «падение» политической роли дворянства после появления бюрократии⁴².

К его работам близка по тематике статья французской исследовательницы С. Блан «Русская административная практика в первой половине XVIII в.», в которой освещается история государственного аппарата и затронут вопрос о формировании чиновничества⁴³.

* * *

Большую часть источников для написания монографии составили неопубликованные документы. При выявлении и сборе материалов по истории формирования бюрократии в XVIII в. перед исследователем возникают огромные трудности, ибо источники по этой теме имеются в фонде каждого учреждения и в подавляющем большинстве личных фондов. В соответствии с основной задачей монографии и преимущественным интересом к наиболее общим вопросам избранной темы мы сосредоточили главное внимание на изучении обширной документации двух центральных учреждений XVIII в. — Сената и находившейся при нем Герольдмейстерской конторы, которые ведали всеми вопросами, связанными с учетом и назначением на службу дворян, приказных людей и других категорий населения. В их фондах отложилось также много материалов по истории отдельных разрядов чиновничества из различных учреждений — центральных и местных.

Из огромного фонда Сената (№ 248), хранящегося в Москве в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), мы использовали документы Канцелярии Сената и генерал-прокурора Сената, охватывающие период с 1711 г. до начала 70-х годов XVIII в. и содержащие дела по Приказному столу, Герольдмейстерской конторе, Кабинету министров, а также по отдельным коллегиям, канцеляриям, конторам и губерниям. Кроме того, мы привлекли материалы Первого департамента Сената, который после его разделения в 1763 г. ведал основными вопросами внутреннего управления. В фонде Сената имеются указы верховной власти, доклады, экстракты, справки Сената, донесения центральных и местных учреждений, списки чиновников отдельных ведомств.

Аналогичные по составу документы хранятся в фонде Герольдмейстерской конторы (№ 286). В нем также широко представлены документы, связанные с приемом людей на службу, их повышением и увольнением в отставку (челобитные, копии документов, подтверждающих дворянское происхождение человека — по-

⁴² С. М. Троицкий. Русское дворянство XVIII в. в изображении американского историка. — «История СССР», 1970, № 5, стр. 205—208.

⁴³ S. Blanc. La pratique de l'administration russe dans la première moitié du XVIII-e siècle. — «Revue d'histoire moderne et contemporaine», 1963, t. X, N 1, p. 45—64; см. о ней М. П. Павлова-Сильванская. Проблема русского абсолютизма в современной буржуазной литературе. — «История СССР», 1969, № 6, стр. 233—234.

коленные росписи, выписи из десятен, жилецких и смотренных списков, писцовых и переписных книг, указы, патенты на чины, ордена и др.). Особую группу в фонде Герольдмейстерской конторы составляют документы, в которых учитывались отдельные разряды служилых людей, а затем чиновников: материалы смотров дворян России в 1721—1723 гг. и в более позднее время (списки служилых людей по «чинам» и городам, книги записей приездов на смотр, «сказки» отдельных лиц), списки чиновников разных классов и рангов по учреждениям и т. д.

Документы Сената и Герольдмейстерской конторы ЦГАДА сохранились достаточно полно и содержат разнообразный материал по истории формирования бюрократии в изучаемое время. Однако влияние традиций в делопроизводстве Разрядного приказа и организации учета служилых людей по «чинам» наложили отпечаток на деятельность Сената и Герольдмейстерской конторы: вплоть до середины XVIII в. в них отдельно велся учет чиновников по учреждениям, рангам и чинам, включенным в Табель о рангах. Так называемые канцеляристы (канцеляристы, подканцеляристы, копиисты, писцы, подьячие с приписью местных учреждений), в свою очередь, учитывались особо. Такая практика привела к тому, что сохранившиеся данные не всегда сопоставимы, ибо в каждом случае при проведении учета той или иной категории чиновников правительство преследовало вполне конкретную цель.

Другая особенность учета чиновничества России в первой половине XVIII в. заключалась в том, что правительство интересовалось главным образом сведениями, необходимые для учета служебного старшинства среди чиновников каждого разряда и повышения их в рангах (время поступления на службу, изменения в окладах и чинах и т. п.). В то же время некоторые важные показатели (национальность, причины поступления на службу, материальное положение чиновника и т. п.) обычно не учитывались. В сводных данных обычно также отсутствуют сведения о социальном происхождении человека, которое Герольдия и администрация выясняли при приеме его на государственную службу.

Отчасти подобные недостатки источников компенсируются находкой двух уникальных комплексов материалов: переписи чиновников центральных и местных учреждений России, чьи должности были включены в Табель о рангах, и переписи «канцеляристов» губернских, провинциальных и воеводских канцелярий, проведенных Сенатом и Герольдмейстерской конторой в 1754—1756 гг. Эти переписи сохранились в фондах и Сената и Герольдии. Поэтому пришлось провести большую работу по воссозданию материалов переписей в целом. Они содержат богатейшие сопоставимые данные о составе, численности, социальном происхождении, уровне профессиональной подготовки, душевладении и службе чиновников России и их детей начиная с конца XVII в. Эти сведения широко использованы в монографии, особенно в четвертой

главе, где дана их подробная источниковедческая характеристика и критика.

Для изучения политики абсолютизма в отношении бюрократии мы обращались к документам фонда 370 ЦГАДА («Дела, относящиеся до образования различных государственных учреждений»), в которых имеются черновые и подготовительные материалы для разработки Табели о рангах, различные редакции этого закона и отдельных статей, в том числе написанные и отредактированные царем Петром I; «мнения» о проекте Табели о рангах Сената, Военной и Адмиралтейской коллегий, а также копии и выписки из регламентов о чинах Австрии, Англии, Дании, Пруссии, Франции, Швеции и других европейских государств. В Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота СССР (фонд 233, Дела графа Ф. М. Апраксина и др.) также обнаружены ценные документы по истории разработки Табели о рангах.

Помимо этих фондов были также привлечены документы из коллекций бывшего Государственного архива Российской империи: «Кабинет Петра I» (IX разряд), «Кабинет Екатерины II» (X разряд), «Переписка разных лиц» (XI разряд), «Придворное ведомство» (XIV разряд), «Внутреннее управление» (XVI разряд), которые содержат сведения по истории формирования бюрократии (указы правительства, доклады Сената и Герольдмейстерской конторы, списки чиновников и т. д.) и дают возможность изучить эволюцию Табели о рангах в 20—60-х годах XVIII в.

Для определения социального облика российской бюрократии в XVIII в. мы использовали документы из фондов Сената и коллекций б. Госархива Российской империи, содержащие сведения о материальном положении чиновников и их участии в торгах и промыслах (данные о пожаловании земель в различных районах России, о покупке, захвате крестьян и земли, наличии промышленных предприятий у чиновников и др.). Для этой же цели были привлечены хранящиеся в ЦГАДА документы фондов: «А. Д. Меншикова» (№ 198), «Канцелярия конфискации» (№ 340), «Портфели Миллера» (№ 198), а также отдельные части вотчинного архива князя А. Д. Меншикова, находящиеся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) и в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ОР ГБЛ), а также в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. В Архиве ЛОИИ были использованы также документы по политической истории России XVIII в. из фонда Воронцовых (№ 36) и ценный неопубликованный справочник академика С. Б. Веселовского о дьяках и подьячих XV—XVII вв. (фонд 29). В Отделе рукописей Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ОР ГПБ) были использованы документы (из фонда А. В. Макарова и коллекции Эрмитажного собрания), содержащие сведения об имущественном положении чиновников и их занятиях торговлей и промышленностью.

Из опубликованных источников широко использованы указы из первого «Полного собрания законов Российской империи» (т. I—XVII. СПб., 1830), а также черновые и подготовительные материалы к законодательству петровского времени, введенные в научный оборот Н. А. Воскресенским⁴⁴. В Отделе рукописных фондов Института истории СССР АН СССР (ОРФ Института истории СССР) сохранилась рукопись второго тома публикации Н. А. Воскресенского «Законодательные акты Петра I», завершенная им в 1942 г. и содержащая «Акты об общественных классах», в том числе документы по истории создания Табели о рангах (среди них черновые наброски и указы Петра I об организации службы и учебы дворян, русские и иностранные источники для подготовки Табели о рангах и другие материалы).

Цели исследования потребовали привлечения широкого круга разнообразных источников, характеризующих различные стороны процесса формирования бюрократии и во многом определили методику их обработки. Поэтому мы использовали приемы текстологии, статистики и исторической генеалогии, а также разработанную автором методику социальной идентификации при выяснении происхождения чиновников, о чем подробно рассказано в соответствующих разделах книги.

Цели и задачи исследования определили структуру монографии. В первой главе рассматривается история изменений в государственном строе России первой четверти XVIII в., сопровождавшихся утверждением абсолютизма и бюрократизацией аппарата управления. Глава вторая посвящена выяснению истории создания Табели о рангах и тех идей, которыми руководствовались правительство, определяя принципы комплектования служащих государственного аппарата. Эволюция норм Табели о рангах и развитие законодательства абсолютистской монархии о чиновничестве в 20—60-х годах XVIII в. изучены в третьей главе. В наиболее обширной четвертой главе рассматривается история формирования бюрократии в центральных и местных учреждениях Российской империи (ее состав, численность, социальное происхождение и принципы комплектования, материальное обеспечение и т. д.). Последняя, пятая, глава посвящена выяснению социальной эволюции российской бюрократии.

В заключение считаю своим долгом поблагодарить сотрудников ЦГАДА, на протяжении многих лет помогавших мне в сборе материалов для книги, особенно начальника Отдела научно-справочного аппарата Т. С. Иванову и заведующую читальным залом архива Н. М. Васильеву, а также моих товарищей по сектору истории СССР периода феодализма Института истории СССР АН СССР и всех участвовавших в обсуждении рукописи монографии и щедро делившихся с автором своими советами и критическими замечаниями.

⁴⁴ Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, т. I. М.—Л., 1945.

**Утверждение абсолютизма
и бюрократизация государственного управления
(первая четверть XVIII в.)**

11 // Становление абсолютной монархии в России, как и в других европейских государствах, явилось закономерным результатом социально-экономического и политического развития страны.

7 Характеризуя основные изменения в государственном строе России в XVII—начале XX в., заключавшиеся в его эволюции в направлении к буржуазной монархии, В. И. Ленин отметил то главное, что отличало XVIII век от XVII столетия. «Например, русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией, — писал он, — не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами „просвещенного абсолютизма“¹». В другой работе В. И. Ленин снова заострил внимание на том, что отличало государственный строй России в XVII и XVIII вв.: «Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьи-дворянскую монархию XVIII века...»². Таким образом, В. И. Ленин в первую очередь подчеркивал, что в XVIII в. с переходом к абсолютизму самодержавие стало опираться на дворянство и бюрократию, а не на боярскую аристократию.

Однако было бы неправильно на этом основании все изменения в государственном строе России, связанные с утверждением абсолютизма, сводить только к падению политической роли боярства и замене его дворянством и бюрократией. В. И. Ленин показал и другие важные черты государственного строя России после установления абсолютизма: право монарха бесконтрольно распоряжаться средствами государственного бюджета, засиление полиции³.

Ленинские определения восходят к наиболее полной характеристике основных политических институтов абсолютной монархии, данной К. Марксом в работе «Гражданская война во Франции». «Централизованная государственная власть, — писал К. Маркс, — с ее вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судейским сословием, — ор-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 346.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 121.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 455—456; т. 4, стр. 252.

ганами, построенными по принципу систематического и иерархического разделения труда, — существует со времен абсолютной монархии»⁴.

Как явствует из приведенных высказываний классиков марксизма-ленинизма, с переходом от сословно-представительной монархии к абсолютизму создаются политические институты, позволяющие абсолютной монархии выполнять ее главную миссию, заключающуюся в объединении страны⁵. Не все они возникали одновременно, для их создания потребовалось значительное время, поскольку становление абсолютной монархии было длительным и сложным процессом.

Эволюция государственного строя России в сторону абсолютизма была обусловлена сдвигами в социально-экономическом развитии страны, сопровождавшимися зарождением буржуазных отношений, а также обострением классовой и внутриклассовой борьбы среди феодалов. На важность материального фактора при изучении «централизаторской миссии» абсолютной монархии обращал внимание К. Маркс, писавший о том, что «разделение труда в национальном масштабе» и «многообразие внутреннего обмена» являются единственно возможной основой для установления единой системы управления и общего законодательства»⁶.

Однако, если мы возьмем отдельные элементы или составные части такого сложного исторического явления, как установление абсолютизма, то должны будем признать, что в каждом конкретном случае воздействие этих общих причин проявлялось по-разному: иногда прямо, чаще в опосредствованной форме. Так, обострение классовой борьбы трудящихся масс влияло на усиление централизации государственного аппарата складывавшейся абсолютной монархии, заставляя ее изыскивать более совершенные средства обеспечения классовых интересов феодалов, укреплять карательные органы, армию. На замену аристократии дворянством у руля государственной машины большое воздействие оказывала борьба внутри феодального сословия, а также между интересами правящего класса и формирующейся буржуазии. Само углубление разногласий внутри правящего класса связано с изменениями в хозяйстве России под влиянием роста товарно-денежных отношений; косвенно оно отражало обострение классовой борьбы между крестьянами и феодалами.

В ходе дискуссии по проблеме генезиса абсолютизма в России выявился различный подход к решению ряда важных вопросов (социально-экономические предпосылки, вызвавшие переход к абсолютизму, оценка роли городского населения и др.). Наша точка зрения по спорным вопросам нашла отражение в печати⁷.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 339.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 431.

⁶ Там же, стр. 432.

⁷ С. М. Троицкий. О некоторых спорных вопросах истории абсолютизма. — «История СССР», 1969, № 3, стр. 130—149; он же. В. И. Ленин об абсо-

Народно
Переход от сословно-представительной монархии к абсолютной начался в XVII столетии и завершился в основном в первой четверти XVIII в. в правление Петра I, когда произошло не только фактическое, но и юридическое оформление неограниченной власти монарха в России и были созданы политические институты, на которые он опирался: регулярная армия и флот, бюрократический аппарат управления, полиция, централизованная фискальная система. Одновременно правительство Петра I провело важные реформы в области экономики и культуры.

Обращает на себя внимание тот факт, что законодательное оформление основных политических институтов абсолютной монархии было проведено в сравнительно короткий срок, заняв немногим более двух десятков лет. Такая быстрота осуществления большого числа сложных социально-экономических, политических и культурных реформ правительством Петра I была не только следствием обострения классовых и внутриклассовых противоречий в конце XVII — первой четверти XVIII в.; она была ускорена потребностями военного времени, а главное — явилась результатом всего исторического развития России в XVII столетии, во многом подготовившего эти преобразования.

При проведении реформ правительство широко использовало опыт западноевропейских стран, причем заимствование происходило в форме синтеза, а не слепого копирования идей, норм права и политических институтов. Важно отметить, что потребность у Петра I и его окружения в использовании опыта других европейских абсолютных монархий была вызвана всем ходом социально-политического развития России в XVII — начале XVIII в., вполне отчетливо определившейся тенденцией к установлению абсолютизма. Именно сходством отдельных явлений в социально-экономическом и политическом развитии значительной части европейских стран в XVII — XVIII вв. на пути превращения в абсолютную монархию объясняется то, что некоторые идеи и политические институты, возникнув в одной стране, в целом находили благоприятную почву для своего применения в других европейских государствах. Переоценивать независимость надстроечных явлений от породившего их базиса нет никаких оснований.

Петр I сам достаточно ясно определил отношение к использованию иностранного опыта при проведении реформ в России. В указе от 28 апреля 1718 г. о сочинении регламентов коллегиями он написал, что те пункты, из шведских инструкций, которые «неудобны или с ситуациею сего государства несходны, и оные ставить по своему рассуждению»⁸. Петра I интересовала не столько

лютой монархии в России. — «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма». М., 1970, стр. 294—311; см. также «Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы всесоюзной дискуссии». М., 1969, стр. 149—158.

⁸ ПСЗ, т. V, № 3197, стр. 565.

форма, сколько существо дела, ибо он критически относился к иностранному опыту, ставя на первое место обобщение существовавшей в России практики и учет особенностей развития своей страны. Спустя четыре года Феофан Прокопович следующим образом изложил эту же мысль в «Правде воли монаршей»: «Разумный есть и человек и народ, который не стыдится перенимать доброе от других и чуждых; безумный же и смеха достойный, который своего и худого отстать; чуждого же и доброго принять не хочет».

История реформ, проведенных правительством Петра I, довольно полно освещена в литературе. Поэтому мы кратко остановимся лишь на тех результатах преобразований, которые позволяют более правильно оценить место и значение бюрократии в системе учреждений абсолютной монархии.

В правление Петра I произошло юридическое оформление неограниченной власти монарха. В 1716 г. он изложил свои взгляды на характер царской власти в Воинском уставе: «царь «никому на свете о своих делах ответа дать не должен, но и силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воли и благомнению управлять»»). Эту мысль он дословно повторил в Морском уставе¹⁰. В 1721 г. Петр I принял титул императора России, а в следующем году издал Устав о престолонаследии, законодательно закрепивший за монархом право назначать по своему усмотрению наследников престола¹¹. Наиболее полное обоснование идеология абсолютизма в России нашла свое выражение в «Правде воли монаршей»¹².

Как и его предшественники в России, Петр I использовал теорию божественного происхождения царской власти для усиления ее неограниченного характера. Ссылки на божественный промысел были включены в Духовный регламент: «Монархов власть есть самодержавная, которым повиноватися сам бог за совесть повелевает»¹³. Но Петр I не ограничился ссылками на божественный промысел и широко использовал нормы «естественного права» для идеологического обоснования неограниченного характера своей власти и проводимых им реформ. С этой целью он и лица из его ближайшего окружения обращались к популярным в Европе в XVI—XVIII вв. сочинениям идеологов абсолютизма (Г. Гроций, Д. Локк, Т. Гоббс, С. Пуффендорф, Х. Вольф и др.). Западноевропейские философы и юристы, опираясь на нормы «естественного права», подробно развивали тезис о том, что абсолютистская монархия является надклассовой силой, творцом исторического прогресса. (Абсолютный монарх, получающий свою власть от божественного промысла и олицетворяющий государство, заботится об

⁹ ПСЗ, т. VII, № 4870, стр. 643.

¹⁰ ПСЗ, т. V, № 3006, стр. 325; т. VI, № 3485, стр. 59.

¹¹ ПСЗ, т. VI, № 3840, 3893.

¹² ПСЗ, т. VII, № 4870.

¹³ ПСЗ, т. VI, № 3718, стр. 316.

«общем благе». Наиболее яркое выражение эта мысль нашла в ставшей «крылатой» фразе французского короля Людовика XIV: «Государство — это я!»

Согласно этим воззрениям, для достижения «всемирной пользы» монарх создает сеть учреждений и с их помощью при посредстве детально разработанных законов и инструкций регламентирует все стороны жизни и деятельности подданных ради их же «счастья». Государство осуществляет свои действия на основании «закона», «правового порядка», которому подчиняются все подданные. При этом сам монарх провозглашался всего лишь первым слугой государства. В понимании «общего блага» и способов его достижения имелись различия у представителей отдельных направлений общественной мысли того времени, а также у философов разных стран. К этому следует прибавить, что теории Г. Гроция, С. Пуффендорфа и других идеологов абсолютизма были по преимуществу программой идеального с их точки зрения общественного устройства, а не исторической реальностью. В целом лозунг об «общем благе» отличался значительным эклектизмом. Это позволяло абсолютным монархам использовать его как в борьбе с выступлениями народных масс против социального гнета, так и для подавления оппозиции аристократии. Соединение идеи «общего блага» с теорией божественного происхождения власти абсолютного монарха облегчало последнему борьбу с притязаниями церкви на политическую гегемонию¹⁴.

Подлинная сущность тезиса о государстве как творце «общего блага» и других лозунгов идеологов абсолютизма хорошо раскрыта в трудах классиков марксизма. Критикуя эсеров, придерживавшихся вульгарных буржуазно-демократических идей по вопросу о классовой природе государства, В. И. Ленин писал: «Конституция для них не новое поприще, не новая форма классовой борьбы, а абстрактное благо подобно „закононости“, „правовому порядку“, „общему благу“ либеральных профессоров и т. д. и т. п. На самом деле и самодержавие, и конституционная монархия, и республика суть лишь разные формы классовой борьбы, причем диалектика истории такова, что, с одной стороны, каждая из этих форм проходит через различные этапы развития ее классового содержания, а с другой стороны, переход от одной формы к другой несколько не устраняет (сам по себе) господства прежних эксплуататорских классов при иной оболочке»¹⁵.

И в России XVIII в. правительства Петра I и его преемников широко использовали идею о государстве как творце «общего блага» для идеологического обоснования проводимой ими политики усиления политической централизации страны. При этом в зависимости от конкретных условий русской действительности ме-

¹⁴ См. подробнее: М. А. Рейснер. Общественное благо и абсолютное государство. — «Вестник права», 1902, № 9—10, стр. 1—128; М. М. Богословский. Областная реформа Петра Великого. М., 1902, стр. 14—20.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 346.

пьялось реальное содержание таких понятий, как «общее благо», «государственный интерес»¹⁶. «Фактически, — по словам новейшего исследователя социально-политических взглядов царя Петра I, — к проявлениям заботы об «общем благо» можно было отнести любую акцию монарха, ибо считалось, что вся его деятельность была подчинена этой цели». Этому же Петр I требовал и от всех своих подданных, ибо, «общее благо» — это также и способность подданных в зависимости от сословной принадлежности служить «государственному интересу»¹⁷. Аналогичные взгляды высказывал идеолог абсолютизма Феофан Прокопович, возводивший служение государству в гражданскую добродетель истинного христианина, ибо «богоугодное дело заключается в том, чтобы всякий человек строго исполнял обязанности своего звания, своего чина»¹⁸. При этом и Петр I и Феофан Прокопович разделяли тезис феодальной идеологии о неизбежности сословного деления общества.

«Общее благо» в понимании Петра I было различным не только для привилегированного и податного населения, но и для каждого сословия государства. Если для крестьян оно означало сохранение и укрепление возможностей выполнять постоянно растущие повинности государства, то посадские люди и купцы должны были не только платить государственные налоги, но активно участвовать в развитии промышленности и торговли. «Государственная польза» требовала превращения монахов из тунеядцев в полезных членов общества, а священников — в обычных слуг государства, занимающихся также духовным воспитанием подданных. Одновременно следовало увеличить и служебное бремя представителей привилегированного сословия России — дворян, которые должны были служить в армии или в гражданских учреждениях, а также учиться, чтобы иметь возможность лучше выполнять свои обязанности¹⁹.

Однако, несмотря на формально-уравнительный характер лозунга об «общем благо», при его реализации на практике главные тяготы ложились на податные сословия — крестьян и посадских людей, составлявших большинство населения России. Духовенство и особенно дворянство имели много возможностей уклоняться от выполнения требований государства. Увеличение служебного бремени дворян в пользу государства сопровождалось расширением и укреплением их прав на землю и крестьян.

¹⁶ Н. И. Павленко. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. — «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». М., 1964; А. Б. Просина. Апология абсолютизма в учении Феофана Прокоповича о государстве и праве. — «Вестник Московского ун-та. Право», 1969, № 2.

¹⁷ Н. И. Павленко. Петр I (К изучению социально-политических взглядов). — «Россия в период реформ Петра I». М., 1973, стр. 64, 77.

¹⁸ Цит. по статье: А. Б. Просина. Теоретическое обоснование Феофаном Прокоповичем реформ Петра I. — «Вестник Московского ун-та. Право», 1969, № 6, стр. 68.

¹⁹ Н. И. Павленко, Петр I, стр. 65—77.

Чтобы добиться «общего блага», государство, по мнению Петра I, должно было иметь «добрые порядки», т. е. хорошо составленные законы, а также разветвленную сеть центральных и местных учреждений, которые смогут обеспечить их выполнение всеми подданными абсолютного монарха. Вера во всеислие законов, исходящих от верховной власти, привела к тому, что Петр I не скупился на издание законодательных актов, детально регламентирующих деятельность учреждений и все стороны жизни подданных. Если во второй половине XVII в. (по опубликованным данным) в среднем издавалось 36 указов в год, то в первой половине XVIII в. каждый год появлялось 160 указов²⁰. По данным С. П. Луппова, законодательные и информационные материалы, «Ведомости» и календари, содержавшие наиболее важные с точки зрения правительства сведения, составляли свыше 70% общего числа изданий петровского времени (1350 из 1877)²¹.

Политика мелочной полицейской опеки и регламентации общественной и частной жизни подданных получила теоретическое обоснование в «Правде воли монаршей» Феофана Прокоповича: «Может монарх законно повелевати народу не только все, что необходимо для пользы отечества, по и все, что ему ни понравится, только бы народу не вредно и воле божьей не противно было». В соответствии с этим подходом абсолютный монарх мог предписывать «обряды гражданские, церковные, перемены обычаев, употребление платьев, домостроения, чины и церемонии в пиrowаниях, свадьбах, погребениях и пр.»²²

Законодательное оформление неограниченной власти монарха в первой четверти XVIII в. сопровождалось коренной перестройкой всего аппарата управления, особенно интенсивно осуществлявшейся в последние 10—15 лет жизни Петра I, когда вполне определился победоносный для России исход Северной войны. Петр I завершил многовековой спор между светской и духовной властью в пользу неограниченной монархии. В его правление церковь была полностью подчинена светской власти. Патриаршество в России было ликвидировано, и его место заняло особое учреждение — Синод, или Духовная коллегия, зависевшая в своей деятельности от воли царя. Необходимость этой реформы была так аргументирована в Духовном регламенте, написанном Феофаном Прокоповичем и отредактированном Петром I: «От соборного правления не опасатися отечеству мятежей и служения, яковие происходят от единого собственного правителя духовного, ибо простой народ не ведает, како разнствует власть духовная от самодержавной, но великою высочайшего пастыря честию и славою удивляемый, помышляет, что таковой правитель есть то второй

²⁰ Н. И. Павленко. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в., стр. 416.

²¹ С. П. Луппов. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973, стр. 86—88.

²² ПСЗ, т. VII, № 4870, стр. 628.

государь, самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство». Подчиненное положение церкви в государстве было закреплено в регламенте Духовной коллегии, которая вместе с ее местными органами включалась в сеть бюрократических учреждений абсолютизма. На нее было распространено действие законов, регламентирующих деятельность государственного аппарата. Каждый церковный служитель, независимо от своего сана, приносил присягу на верность монарху и обязывался «верным, добрым и послушным рабом и подданным быть», как делали все государственные чиновники²³. 17 мая 1722 г. по распоряжению Петра I Синод издал указ с приложением особой формы присяги для духовных лиц. На священников возлагалась обязанность, не считаясь с тайной исповеди, доносить администрации о недовольных царем и правительством²⁴. Подчинив церковь светской власти, Петр I лишил ее земельных владений и ограничил доходы, для чего восстановил в 1701 г. Монастырский приказ, просуществовавший до учреждения Синода, к которому перешли его функции. В итоге церковь была превращена в государственную организацию, во многом зависящую от абсолютного монарха²⁵.

Падение политической роли аристократии в XVII в. предопределило гибель Боярской думы. На смену ей пришел Сенат. Из органа, созданного на время отлучек царя, Сенат превратился в высшее правительственное учреждение, направлявшее работу коллегий и губернских учреждений. В своей деятельности он полностью подчинялся монарху. Члены Сената, как и Боярской думы, назначались царем. Однако при пожаловании в сенаторы учитывались не порода и знатность, а преданность и заслуги перед монархом. Чтобы подчеркнуть большую зависимость нового учреждения от власти императора и предупредить какие-либо проявления оппозиции со стороны его членов, Петр I не ввел должность сенатора в Табель о рангах, хотя должности других сенатских чиновников были в нее записаны (генерал-прокурор, генерал-рекетмейстер, обер-секретарь, секретарь и др.).

Такую же линию в отношении Сената продолжали в первой половине XVIII в. и преемники Петра I. Так, когда Екатерина II в 1763 г. назначила московского губернатора графа П. С. Салтыкова по совместительству «присутствовать» в Сенатской конторе, то формулировка ее указа вызвала толки среди верхов бюрократии. Обеспокоенная этим императрица поручила доверенному лицу, статс-секретарю Г. Н. Теплову, составить историческую справку, для какой цели был учрежден Сенат и на основании каких узаконений назначались его члены. В России, писал Теплов, Се-

²³ ПСЗ, т. VI, № 3718, стр. 315, 317.

²⁴ Там же, № 4012.

²⁵ «Церковь в истории России (IX в.—1917 г.)». М., 1967, стр. 162—163; И. А. Булыгин. Церковная реформа Петра I.— «Вопросы истории», 1974, № 5.

нат был создан «не па таком основании, на каком учреждаются в республиках с их прерогативами, но сделал его величество так, как самодержцу надлежит в своем государстве», поэтому царь «никаких и нигде прерогатив персонам присутствующим в указах не показал, по каждый член почитаться должен по своему чину». Далее Теплов подробно разъяснял эту мысль встревоженной Екатерине II: «Всякое место по фундаторову разумению и толковать должно. Государь Петр Великий Сенат своей самодержавной власти приличный в государстве своем для подмоги себе в делах не с польского, шведского и другого какого-либо республиканского обыкновения учредил, а оному месту только дал прерогативу первым быть правительством под собою. И понеже оное место не вольными народными голосами сделано, но самодержавною его властью, то и членов государь сам определял, переменил, прибавлял и отнимал к другим делам, когда ему угодно было, по нужде и времени». А раз так, полагал Теплов, то «ежели не соизволили его (П. С. Салтыкова.— С. Т.) назвать сенатором, то и нужды в том нет»²⁶.

Одновременно с реформой высшего управления Петр I реорганизовал центральные и местные учреждения. При этом правительство внимательно изучило законодательство западноевропейских стран. Большое влияние на решение Петра I ввести в России коллегии оказал опыт Швеции и Датско-Норвежского государства, в которых еще в XVII в. сложилась развитая система центральных и местных учреждений. Взамен большого количества приказов были созданы коллегии, которые должны были явиться связующим звеном между Сенатом и губернской администрацией. Коллегии действовали по функциональному, а не территориальному принципу. Их компетенция распространялась на территорию всей империи. В коллегиях было проведено более четкое разделение функций между отдельными ведомствами.

Преимущество коллегий по сравнению с приказами Петр I мыслил в том, что в новых учреждениях не должно быть произвола и бесконтрольных действий судей, ибо все дела поручаются «не единому лицу, но многим к тому угодным и от высочайшей власти учрежденным». Президент коллегии «не может без соизволения товарищей своих учинить». Коллегиальность Петр I ввел в управлении армией и флотом. «Правление соборное... — подчеркивалось в Духовном регламенте, — совершеннейшее есть и лучшее, нежели единоличное правительство, наипаче же в государстве монаршеском, яковое есть паше Российское»²⁷. Коллегиальная форма ведения дел привлекла Петра I не только потому, что позволяла абсолютному монарху усилить контроль за

²⁶ А. Н. Филиппов. Об «экспрессии» сенатор и о Российском сенате (Доклад имп. Екатерине II Г. Н. Теплова). — «Журнал Юридического общества», 1897, № 4, стр. 71, 72.

²⁷ ПСЗ, т. VI, № 3718, стр. 316.

деятельностью всех звеньев администрации, уменьшить ее произвол. Она должна была также обеспечить более квалифицированное рассмотрение всех дел в учреждениях. Последнему обстоятельству, как свидетельствуют многочисленные указы, резолюции и пометы Петра I, он придавал большое значение.

Правительство учредило сеть центральных учреждений — коллегий и контор. Армией и флотом ведали Военная и Адмиралтейская коллегии, сменившие соответствующие приказы. Вопросы внешней политики перешли из Посольского приказа в Коллегию иностранных дел. Суд находился в ведении Юстиц-коллегии. В компетенции Вогчинной коллегии находились земельные дела дворян. Правительство Петра I попыталось также отделить суд от управления, что было свойственно позже буржуазной юстиции²⁸.

Растущие потребности государства в средствах, особенно на содержание регулярной армии, флота и разветвленной сети учреждений, привели к созданию трех финансовых коллегий (Камер и Ревизион-коллегии, Штатс-контора), занимавшихся сбором налогов, составлением бюджета и контролем за расходованием средств.

Правительство, будучи заинтересовано в развитии производительных сил в стране, что было необходимо для укрепления могущества дворянского государства, учредило три коллегии (Берг-, Коммерц- и Мануфактур-), которые должны были содействовать распространению горной и легкой промышленности, а также внутренней и внешней торговли. Этим же целям отвечало образование Главного магистрата — центрального учреждения, управлявшего посадским населением России, которому подчинялись местные магистраты²⁹. Главный магистрат частично состоял из представителей посадов, избираемых населением городов. Создание сети учреждений, ведавших развитием промышленности и торговли в стране, а также управлявших городским населением, свидетельствовало о стремлении абсолютной монархии использовать формирующуюся буржуазию для укрепления экономического могущества дворянского государства. Проводимая абсолютистским государством экономическая политика в свою очередь содействовала росту зарождавшейся буржуазии, которая в это время была слишком слаба, чтобы претендовать на политическую власть.

Правительство Петра I приняло меры по укреплению местного аппарата. При проведении реформы центрального управления были созданы местные органы большинства коллегий, чего не

²⁸ Л. А. Стещенко. Образование коллегий юстиции (1719—1725 гг.). — «Вестник Московского ун-та. Право», 1966, № 6.

²⁹ Я. Е. Водарский. Из истории создания Главного магистрата. — «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961, стр. 108—112; он же. Проект регламента Главного магистрата и его редакции (1720 г.). — «Проблемы источниковедения», кн. X. М., 1962, стр. 195—207.

было в XVII в. В результате двух областных реформ была создана трехступенчатая система учреждений (губерния — провинция — уезд), вводившаяся на большей части государства, исключая некоторые национальные окраины. При этом было проведено более четкое распределение обязанностей между всеми звеньями местных учреждений. Сеть местных учреждений часто игнорировала национальные особенности населения отдельных районов России, сложившиеся между ними экономические и культурные связи, в чем проявился бюрократический подход к организации местного управления. В управлении национальными окраинами (Прибалтика, Левобережная Украина, Башкирия, частично Сибирь и др.) были сохранены некоторые особенности, в чем проявилась политическая гибкость абсолютной монархии, старавшейся использовать в своих целях местных феодалов³⁰.

В бюрократическом государстве важную роль играли учреждения, осуществляющие функции контроля. В 1711 г. Петр I создал в центральных и местных учреждениях сеть фискалов, подчинившихся Сенату. Им поручалось «над всеми делами тайно подсматривать» и доносить Сенату, а в особо важных случаях — самому царю. Фискалам следовало наблюдать, «чтоб все порядком по данным регламента управляемо было правдою и доброю ревностию»³¹. Однако сами фискалы далеко не всегда следовали этим требованиям законов и допускали огромные злоупотребления.

В 1722 г. Петр I для улучшения контроля за деятельностью государственного аппарата ввел должность прокурора в коллегиях и канцеляриях, подчинив их генерал-прокурору Сената, который, «яко око» императора и «стряпчий о делах государственных», был обязан следить за соблюдением законов³². После создания прокуратуры институт фискалов начал отмирать и в конце 20-х годов XVIII в. прекратил свое существование³³. Вводя институт прокуроров, Петр I не собирался отказываться от услуг «тайных доносителей»: они играли важную роль в борьбе не только с злоупотреблениями, хищениями и взятками администрации, но и с политическими противниками абсолютизма³⁴.

В системе учреждений абсолютной монархии важное место занимали карательные органы, подавлявшие сопротивление недовольных ее политикой. Петр I пришел к власти в обстановке резкого обострения противоречий в правящей верхушке, пытавшейся в борьбе за власть опереться на стрелецкое войско. Часть стрель-

³⁰ Е. Н. Кушева. Дворянство.— «Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в.» М., 1954, стр. 205—210.

³¹ ПСЗ, т. VI, № 3534, стр. 156.

³² Там же, № 3937, стр. 544—545; № 3979, стр. 662—664.

³³ Г. Н. Анпилов. Фискалитет при Петре I.— «Вестник Московского ун-та. Историко-филологическая серия», 1956, № 2; Л. А. Стещенко. Фискалы и прокуроры в системе государственных органов России первой четверти XVIII в.— «Вестник Московского ун-та. Право», 1966, № 2.

³⁴ Г. Н. Анпилов. Указ. соч., стр. 70, 72.

цов выступала в защиту своих прав и привилегий. По мере раз-
вертывания преобразований Петр I встречал растущую оппози-
цию среди части родовитой аристократии, духовенства. Рост го-
сударственных налогов и повинностей, особенно во время Север-
ной войны, вместе с усилением эксплуатации со стороны феодалов
вызывал протест трудового народа — крестьян и посадских
людей.

В таких условиях абсолютная монархия еще в конце XVII в.
создала специальный орган для борьбы с политическими против-
никами — Преображенский приказ. Этот приказ и последователь-
но сменявшие его учреждения, осуществлявшие политический
сыск (Тайная канцелярия, Тайная экспедиция Сената), фактиче-
ски были поставлены над всем государственным аппаратом и под-
чинялись непосредственно монарху, который сам направлял и
контролировал их деятельность³⁵. В 1733 г. императрица Анна
Ивановна для конфискации имущества должников по казенным
недоимкам, а также своих политических противников создала Кан-
целярию конфискации³⁶.

Петр I, как и другие абсолютные монархи, уверовав во всемо-
гущие государственной власти, считал, что полиция — это «душа
гражданств и всех добрых порядков и подпор человеческой
безопасности и удобства»³⁷. Однако при нем были образованы
полицейстерские канцелярии только в Петербурге и Москве. Не-
достаточная расчлененность функций между разными звеньями
государственного аппарата проявилась в том, что многие обязан-
ности полиции были поручены местным органам коллегий и про-
винциальным и уездным воеводским канцеляриям. Создание бо-
лее широкой сети полицейских учреждений во главе с Главной
полицейстерской канцелярией относится к 1732—1733 гг.³⁸

Характеристика основных политических институтов абсолют-
ной монархии будет неполной, если мы не упомянем об армии.
При Петре I были созданы постоянная регулярная армия и флот,
комплектовавшиеся на основе рекрутских наборов из числа кре-
стьян и посадских людей. Офицерский корпус состоял в большин-
стве своем из дворян. Служба в армии была пожизненной, что
усиливало ее отрыв как от тяглых, так и от привилегированных
слоев населения. В начале XVIII в. была прекращена раздача

³⁵ Н. Б. Голикова. Политические процессы при Петре I. М., 1957, стр. 14—
15, 20, 32, 38 и др.; она же. Органы политического сыска и их развитие в
XVII—XVIII вв.— «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)», стр. 250—
280.

³⁶ ПСЗ, т. IX, № 6322.

³⁷ ПСЗ, т. VI, № 3708, стр. 296.

³⁸ М. И. Сизиков. Из истории создания регулярных полицейских органов
в России.— «Сборник аспирантских работ», вып. 8. Свердловск, 1969; он
же. О начале организации регулярной полиции в Москве и периферий-
ных городах России.— Там же, вып. 10. Свердловск, 1969, стр. 263—270;
он же. Расширение полицейского аппарата России в 30-х годах XVIII в.—
Там же, вып. 13. Свердловск, 1971, стр. 80—88.

поместного жалованья. Это привело к прекращению несения службы с земли. Солдаты и офицеры стали получать денежные оклады. Армия содержалась за счет средств, поступавших из государственного бюджета, которым бесконтрольно распоряжался монарх ³⁹.

Сильная, хорошо организованная и обученная армия вместе с военно-морским флотом сыграли огромную роль в разрешении внешнеполитических задач, стоявших перед Россией в первой четверти XVIII в. В то же время начиная с правления Петра I есть основания говорить об усилении использования армии в гражданском управлении, главным образом как полицейской силы (посылка офицеров и солдат гвардии для понуждения местной администрации быстрее выполнять указы правительства, а также для контроля за деятельностью Сената в первое десятилетие его существования) ⁴⁰. Генералы и офицеры вместе с командами проводили переписи населения, помогали губернаторам и воеводам подавлять волнения и ловить беглых крестьян. Воинские команды участвовали в сборе подушной подати, для чего в уездах и деревнях строили полковые дворы ⁴¹. С середины 20-х годов XVIII в. воинские команды посылались в деревни для выколачивания недоимок с крестьян, за счет которых они жили (эти «экзекуции» отменили в 1736 г.) ⁴². При сохранении обязательной службы для дворян до 1762 г. отставные офицеры служили в гражданских учреждениях. До середины XVIII в. наиболее образованные чиновники выходили из Шляхетского корпуса и других военных учебных заведений. Наконец, верхушка офицеров армии, особенно гвардия, играла важную роль в политической жизни России, активно участвовала в дворцовых переворотах и заговорах.

Возрастание значения армии в управлении государством объяснялось отчасти нерасчлененностью в этот период военной и гражданской службы, отчасти недостатком грамотных, знающих свое дело чиновников. В то же время оно отражало стремление абсолютной монархии иметь надежную опору для усиления политической централизации страны и подавления оппозиции, откуда бы она ни исходила.

Важным звеном в оформлении абсолютистского государства явились финансовые реформы, которые укрепили его материальную базу, позволили обеспечить содержание постоянной армии, флота, огромного бюрократического аппарата. Так, расходы на содержание аппарата управления в 1725 г. по сравнению с бюджете

³⁹ Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958, стр. 19—38, 39—54, 142—148.

⁴⁰ М. М. Богословский. Указ. соч., стр. 311—321; «История Правительствующего Сената за двести лет. 1711—1911 гг.», т. 1. СПб., 1911, стр. 210—213.

⁴¹ М. М. Богословский. Указ. соч., стр. 355—403.

⁴² С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966, стр. 135—136, 254.

том 1680 г. увеличились примерно в 5—6 раз⁴³. Характерное для абсолютизма усиление централизации государственного управления захватило и финансы. Одновременно с созданием разветвленной сети фискальных учреждений в центре и на местах правительство ликвидировало ряд устаревших мелких сборов. В первой четверти XVIII в. оно провело податную реформу, заменив подворное обложение подушным. Новая система обложения прямыми налогами была более жесткой, что увеличило их бремя для крестьян и посадских людей. Одновременно были уничтожены сословные привилегии разрядов феодалов, существовавшие при пососном и подворном обложении и заключавшиеся в том, что менее всех крестьян платили помещичьи крестьяне. С введением подушной подати в основном завершился процесс унификации обложения, начавшийся еще во второй половине XVI в., что содействовало изживанию пережитков феодальной раздробленности в фискальной системе. В интересах укрепления финансов государства, что было выгодно всему классу феодалов, абсолютная монархия пошла на ликвидацию привилегий отдельных его прослоек. Уменьшение сословных привилегий феодалов при обложении крестьян налогами отразило процесс дальнейшего усиления относительной самостоятельности государства⁴⁴.

Абсолютная монархия стремилась также упорядочить учет государственных доходов и расходов. Петр I поручил сперва Ближней канцелярии, а затем Камер-коллегии и Штатс-конторе составлять ежегодные росписи доходов и расходов государства. Незавершенность процесса централизации финансового управления (сбором доходов ведали многие учреждения) и отсутствие единой кассы, наряду с другими причинами, привели к тому, что до начала 70-х годов XVIII в. правительству не удалось добиться ежегодного составления государственного бюджета⁴⁵.

Важной особенностью административных реформ правительства Петра I было то, что они создавали единообразную систему центральных и местных учреждений во главе с Сенатом, действовавших на территории всего государства. Огромную роль в усилении централизации аппарата управления сыграла регламентация его деятельности со стороны абсолютной монархии. Впервые в истории России законодательство установило строгую иерархию учреждений и должностей чиновников. Обязанности и тех и других были точно определены в указах, регламентах и инструкциях. Все учреждения получили штаты, утвержденные царской властью.

Каждый чиновник, по мнению Петра I, являлся слугой государства, он должен трудиться для достижения «общего блага».

⁴³ С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII—XVIII в.— «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)», стр. 306.

⁴⁴ С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в., стр. 17—23, 114—116, 120—123.

⁴⁵ Там же, стр. 123, 221—222, 249—265.

Чтобы хорошо выполнить обязанности, чиновники должны были неуклонно следовать закону. В именном указе Петра I от 17 апреля 1722 г. «О хранении прав гражданских и невершении дел против регламентов...» по этому поводу говорилось так: «Ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже всуе законы писать, когда их не хранить или ими играть, как в карты, прибирая масть к масти»⁴⁶. Мысль о том, что чиновники обязаны население «по государственным уложениям, уставам и данным привилегиям содержать» и хранить их «так крепко во всем, как Воинской регламент», не раз повторялась в законодательных актах Петра I⁴⁷, которому, по словам Н. И. Павленко, «идеальными... представлялись учреждения, уподобленные казарме, а служители учреждений — военным чинам, с такой же неукоснительностью выполняющим указы, как солдаты и офицеры выполняли военные уставы»⁴⁸.

Понимая, что перестройка органов управления немыслима без изменений в системе права, правительство Петра I предприняло несколько попыток в 1700, 1714 и 1720 гг. кодифицировать право и ввести в новый свод законов те изменения, которые произошли после принятия в 1649 г. Соборного уложения. Однако эти планы не были доведены до конца⁴⁹.

Основным законодательным актом, регулирующим деятельность государственного аппарата Российской империи, явился утвержденный Петром I 28 февраля 1720 г. Генеральный регламент коллегий. Его нормы были обязательны для всех учреждений — центральных и местных. Он был издан царем «ради порядочного управления государственных своих дел». Впервые закон подробно определил, что надлежит делать «вышним и нижним служителям обще и каждому особо», начиная от президента коллегии и кончая простым копиистом, которых Петр I рассматривал как неотъемлемые составные части единого государственного механизма. Новый закон устанавливал единые принципы работы всех звеньев государственного аппарата, закреплял иерархию должностей внутри учреждений.

Рост государственного аппарата и усложнение его функций привели к значительному увеличению численности чиновников. Если

⁴⁶ ПСЗ, т. VI, № 3970, стр. 656.

⁴⁷ ПСЗ, т. V, № 3294, стр. 627; т. VII, № 4422, стр. 205; № 4572, стр. 350 и др.

⁴⁸ Н. И. Павленко. Петр I, стр. 86.

⁴⁹ В. Н. Лагкин. Законодательные комиссии в России в XVIII ст., т. I. СПб., 1887, стр. 2—41; А. Г. Маньков. Крестьянский вопрос в Палате об Уложениях 1700 г. — «Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв.» М.—Л., 1960, стр. 7—79; он же. Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720—1725 гг. — «Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв.» Л., 1970, стр. 112—126; он же. Проект Уложения Российского государства 1720—1725 годов. — «Проблемы истории феодальной России», Л., 1971, стр. 157—166.

в XVII в. учреждение возглавляли судья приказа или воевода и их товарищ, то в XVIII в. президент коллегии или губернатор получили заместителя и коллегию в лице членов присутствия. Все чиновники делились на две категории: 1) члены присутствия, участвовавшие в обсуждении и решении дел, и 2) служители «канцелярии», или «приказные люди», которые, по мысли законодателя, должны были обеспечивать исправное функционирование учреждения. С этой целью Петр I расширил состав «канцелярий», возглавлявшейся секретарем. Если в XVII в. в канцеляриях приказов делопроизводство вели подьячие трех статей во главе с дьяками, то в коллегиях были секретари, канцеляристы и копиисты, а также регистраторы, нотариусы, переводчики, экзекуторы, актуариусы, бухгалтера, архивариусы, комиссары и пр. В Сенате, Синоде, Военной, Адмиралтейской, Иностранной коллегиях была введена должность обер-секретаря.

Примечательной особенностью Генерального регламента было то, что, хотя Петр I и закреплял законодательно иерархию должностей в учреждениях, он не разделял их «китайской стеной» и создавал возможность для достижения низшими чиновниками высших постов в государстве в зависимости от выслуги и личных заслуг. По 36-й главе Регламента каждому учреждению рекомендовалось иметь несколько кандидатов из юношей, которые после обучения письму и арифметике могли бы замещать свободные вакансии. При этом в Генеральном регламенте проводилась мысль о том, что «канцелярская» или «приказная» работа не должна считаться зазорной и для дворян, ибо «кроме сего пути», т. е. последовательного восхождения по лестнице гражданских чинов, начиная с должности копииста, «никто в вышней градус и до министерского чина произведен быти не может». Как мы покажем далее, эта мысль получила дальнейшее развитие в Табели о рангах, которой Петр I отводил чрезвычайно важное место в организации государственного аппарата абсолютной монархии, ибо она вводила единые принципы комплектования бюрократии и способствовала изменению ее социального состава.

Генеральный регламент вводил общие формы делопроизводства и отчетности, а также многочисленные разновидности документов, которых не было в XVII в. Все это усиливало бюрократизацию государственного управления⁵⁹. Обсуждение всех вопросов в учреждениях должно было фиксироваться в протоколах и других видах документации, причем во избежание потери «государственного интереса» следовало письменно оформлять наличие особых мнений чиновников. На документах требовалось ставить подпись секретаря («скрепу»), что свидетельствовало о правильности производства документа и соответствии его закону. Регламентация делопроизводства в учреждениях, по мысли Петра I, должна была

⁵⁹ К. Г. Митяев. История и организация делопроизводства в СССР. М., 1959, стр. 41—51, 56—64.

усилить контроль за деятельностью чиновников. «Не ради накопления груды исписанной бумаги перо и чернила получили такое значение и пользовались такою милостью, — писал историк права Э. Н. Берендтс, — протоколы должны были играть роль неподкупных свидетелей деятельности каждого слуги государства, гарантии исполнения законов. Сам царь, Сенат, собиравшийся вместо его величества персоны, подчинялись этому правилу»⁵¹.

Чтобы улучшить работу государственной машины, Петр I включил в Генеральный регламент ряд пунктов, содержащих стимулы для чиновников. «Главное дело в том состоит, — писал он, — чтоб каждый свое дело знал и прилежно оное отправлял в соответствии с данной царю присягой, не допуская ничего такого, что «высокому интересу противно». За хорошую работу царь обещал «истинных служителей» жаловать «особливою протекциею и высокою милостию и по заслугам награждать». Нерадивых слуг ожидали наказания в зависимости от степени их вины»⁵².

В связи с законодательным регулированием обязанностей чиновников возникает вопрос, в какой мере эти нормы Генерального регламента осуществлялись на практике? Ответ на него поможет выяснить, как далеко зашел процесс специализации.

В литературе верно отмечено, что многие указы Петра I не всегда выполнялись так, как этого хотел законодатель. Реальная жизнь вносила серьезные коррективы в его намерения. М. М. Богословский, изучив историю введения инструкции воеводам 1719 г., остроумно заметил: «Тот, кто описал бы эту деятельность, ограничиваясь изложенною выше систематическою и разностороннею программю, очень напоминал бы того газетного репортера, который, прочтя афишу, дал отчет о несостоявшемся концерте»⁵³. Одно из существенных различий в организации управления в XVIII в. по сравнению с XVII столетием заключалось в том, что в губернии, провинции и уезде правил не один человек, а «канцелярия», которая делилась на «экспедиции» («столы»), «повытья» и разного рода «делопроизводства». Эти структурные подразделения возглавлялись канцелярскими служителями разных рангов — от секретаря до копииста. Очень часто им поручали многие важные дела, которые они выполняли от имени верховной власти: сбор налогов, сыск беглых, отказ имений помещикам, набор рекрутов и т. д. Они же обычно возглавляли конторы крепостных дел. В Астраханской губернской канцелярии, например, три копииста имели самостоятельные делопроизводства и ведали сношениями с калмыками и другими восточными народами, один канцелярист управлял военными делами и т. д.⁵⁴

⁵¹ Э. Берендтс. Опыт системы административного права, т. I, вып. 1. Ярославль, 1898, стр. 128—129.

⁵² ПСЗ, т. VI, № 3534, стр. 150, 158.

⁵³ М. М. Богословский. Указ. соч., стр. 91.

⁵⁴ Ю. В. Готье. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II, т. I. М., 1913, стр. 51, 64—65, 280, 291, 302—304 и др.

Представители низшего звена канцелярских служителей в местном управлении часто не только готовили воеводе или губернскому правлению проект решения, выступали в качестве специалистов по определенному кругу вопросов. Такой чиновник нередко «оказывался не только памятью, но и мыслью воеводы, под видом справок и напоминаний придумывавший само решение, подсказываемое затем воеводе»⁵⁵.

Точно так же обстояло дело и в центральных учреждениях Российской империи, где «чин», должность по Генеральному регламенту зачастую не соответствовали действительно выполняемым функциям «канцелярского служителя». Приведем несколько выразительных примеров такого рода.

Военная коллегия была одним из важнейших центральных учреждений абсолютистского государства. В 30-х годах XVIII в. повытье Приказного стола коллегии, в ведении которого была секретная переписка и управление казачеством, возглавлял регистратор И. Андреев, хотя, согласно 33-й главе Генерального регламента, ему следовало учитывать входящие и исходящие документы. Канцелярист А. Михайлов был начальником Рекрутского повытья, ведавшего комплектованием армии офицерами и солдатами, увольнением их в отставку, назначением жалованья и пенсий и т. д. Канцелярист А. Васильев находился в Аудиторском повытье, у которого под началом была деятельность всех военных судов армии Российской империи⁵⁶. В Сибирском приказе в 40-х годах XVIII в. канцелярист А. Михайлов заведовал Иркутским повытьем, куда поступали все дела по управлению этой провинцией. Канцелярист И. Петров ведал делами Камчатской экспедиции⁵⁷. В середине XVIII в. Тайную канцелярию возглавлял сенатор граф А. И. Шувалов. Фактически Петербургской конторой этого учреждения ведал небезызвестный С. И. Шешковский. В Московской конторе всеми делами заправлял М. А. Поплавский⁵⁸. Оба они имели чин протоколиста и по Генеральному регламенту принадлежали к верхнему слою «канцеляристов», которым следовало заниматься делопроизводством.

Приведенные примеры, количество которых можно легко умножить, свидетельствуют о том, что в изучаемое время правительству не удалось добиться намечаемого Генеральным регламентом разделения обязанностей между различными разрядами бюрократии, особенно среди ее низшего звена — «канцелярских служителей». Из этих примеров видно, что «канцелярские служители», чьи должности входили в Табель о рангах, не ограничивались ведением делопроизводства в учреждениях, но выполняли самые

⁵⁵ М. М. Богословский. Указ. соч., стр. 92.

⁵⁶ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 203, лл. 23—24 об.

⁵⁷ Л. С. Рафиенко. Политика российского абсолютизма по унификации управления Сибирью во второй половине XVIII в. — «Вопросы истории Сибири и досоветского периода». Новосибирск, 1973, стр. 222.

⁵⁸ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 513; ч. 3, л. 1198 об.

различные (и нередко важные) обязанности в аппарате управления⁵⁹. Реальное место в государственном аппарате чиновников зачастую не соответствовало намерениям правительства.

Одновременно с усилением бюрократизации и централизации государственного аппарата России и более четким разделением функций между его отдельными звеньями начала постепенно складываться и новая прослойка населения — бюрократия. Наиболее заметно этот процесс наблюдался в низшем звене администрации. Среди приказных людей устанавливается иерархия должностей, а продвижение по службе стало зависеть от личной выслуги и опыта человека. Однако при назначении на важнейшие посты в центральном и местном управлении по-прежнему учитывалась главным образом принадлежность лица к высшим слоям класса феодалов⁶⁰. Отмена в 1682 г. местничества сыграла важную роль в утверждении принципа личной выслуги. Однако пережитки местничества продолжали сохраняться в конце XVII — первой четверти XVIII в. и мешали осуществлению дальнейшей централизации государственного управления. Так, хотя во многих указах правительства отдавалось предпочтение службе и заслугам, однако принадлежность к феодальной аристократии давала человеку значительные преимущества, особенно при получении первого офицерского чина⁶¹. Сам Петр I, как ни боролся он с проявлениями местничества, время от времени был вынужден считаться с родословными отношениями среди дворянства и делать отступления в пользу «знатных». Об этом свидетельствовало назначение царем родовитого боярина Б. П. Шереметева командиром дворянской конницы в начале Северной войны, а затем главнокомандующим русской армией и фельдмаршалом⁶². Известен также случай местничества между тремя «царедворцами», назначенными в Юстиц-коллегию, что привело к изданию Петром I 4 апреля 1719 г. указа «О пресечении местничества и о порядке старшинства коллежских членов». Он напоминал, что «прежде бывшей место и случай древних невместностей весьма пресеченый до конца искоренены, и старые разряды вечно оставлены, а вместо того славное безместие и прочность полезная на дела согласная е.в.г. ради всяких пастоящих интересов учреждена и накрепко подтверждена есть». «Преслушникам» указов, кто «учнет места по особым сво-

⁵⁹ Ср. *Н. Ф. Демидова*. Приказные люди XVII в. (Социальный состав и источники формирования). — «Исторические записки», т. 90. М., 1972, стр. 337.

⁶⁰ *Н. Ф. Демидова*. Приказные люди XVII в., стр. 336; она же. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв. — «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)», стр. 208—210, 214—221.

⁶¹ *М. Д. Рабинович*. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны. — «Россия в период реформ Петра I», стр. 141—142, 166.

⁶² *А. И. Заозерский*. Фельдмаршал Шереметев и правительственная среда Петровского времени. — «Россия в период реформ Петра I», стр. 196—197.

им прихотям вновь вчинать недельно», Петр I грозил тем, что они «будут истязаны и наказаны»⁶³.

Существование пережитков местничества, наряду с другими причинами, объяснялось сохранением старых градаций между отдельными прослойками служилого сословия. Поэтому Петр I вскоре после прихода к власти принял меры, направленные на их ликвидацию. Поскольку они встречали оппозицию со стороны части бояр, духовенства, стрельцов, чьи сословные привилегии ущемлялись, Петр I действовал осторожно. В 1695 г. было запрещено производить служилых людей в стольники, стряпчие и дворяне московские. С учреждением регулярной армии в 1701 и 1703 гг. было прекращено пожалование в московские чины. В 1709 г. Петр I в порядке исключения пожаловал в бояре близкого к нему П. М. Апраксина, в 1711 г. В. А. Юшкова наградил чином окольничего. Позже этими чинами дворян не жаловали. Однако при этом Петр I не упразднил «чины», на которые делилось служилое сословие в XV—XVII вв. Они упоминались в официальных документах в первой половине XVIII в., постепенно исчезая со смертью их обладателей. Чтобы возвысить пад родовитой аристократией своих приближенных, среди которых были «худородные» дворяне и выходцы из непривилегированных сословий, Петр I жаловал их графскими и баронскими титулами. Ближайший сподвижник царя А. Д. Меншиков стал князем. С этой же целью Петр I учредил в России ордена (Андрея Первозванного и Александра Невского) и другие знаки отличия. За заслуги царь жаловал новыми чинами: «тайного советника», «надворного советника»⁶⁴. В указах и патентах он подчеркивал, что новые титулы, чины и другие знаки отличия даются за особые услуги монарху.

Введение полков нового строя в XVII в., а затем создание регулярной армии сопровождалось образованием лестницы новых воинских чинов. Большинство их существовало уже в последней четверти XVII в. В начале XVIII в. система воинских чинов была дополнена в связи с завершением процесса формирования регулярной армии, что было закреплено в Воинском уставе 1716 г. Создание военно-морского флота в России также сопровождалось разработкой системы офицерских чинов, законодательно оформленной в Морском уставе 1720 г.⁶⁵

При назначении офицеров правительство уже во второй половине XVII в. стало учитывать не только породу, но и выслугу, знания и боевой опыт. Отмена в 1682 г. «богоненавистного и враж-

⁶³ ПСЗ, т. V, № 3384, стр. 713—714.

⁶⁴ А. Романович-Словатинский. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912, стр. 6—9.

⁶⁵ Н. Глиноцкий. Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чинопроизводства в русской армии.— «Военный сборник», 1887, № 4, стр. 268—275; Г. Я. Сальман. Морской устав 1720 г.— первый свод законов русского флота.— «Исторические записки», т. 53. М., 1955, стр. 310—330.

дотворного местничества» содействовала внедрению бюрократического принципа выслуги при комплектовании офицерского корпуса. Об этом, в частности, свидетельствовало назначение «на офицерские должности таких по современным представлениям неродословных людей, какими являлись пришлые иноземцы», под команду которых попадали родовитые дворяне. Правительство наделяло часть иноземных специалистов поместьями, проводя на практике мысль, «что офицерский чин открывает доступ в высший класс населения — поместье дворянства». Несмотря на немногочисленность подобных случаев, этот факт имел важное значение, так как «поставил знание, хотя бы и фиктивное, выше породы»⁶⁶.

Петр I особенно настойчиво проводил в армии принцип назначения людей на офицерские должности с учетом выслуги и личных способностей, что было связано с его взглядами на роль государства и монарха. Чтобы подать личный пример дворянам, царь сам проходил службу, но не в старых, а в новых чинах, начав ее бомбардиром и последовательно поднимаясь по лестнице военных чинов⁶⁷. Во время Северной войны Петр I впервые в России ввел производство в офицеры за отличие в бою, так как армия испытывала острую нужду в командных кадрах⁶⁸. Это решение царя открывало доступ в офицеры выходцам из непривилегированных сословий.

Массовое уклонение дворян от службы в армии и недостаточная эффективность указов о сыске «нетчиков» привели к тому, что одновременно с усилением репрессий в отношении «преслушников» Петр I решил принять меры, которые должны были еще выше поднять значение верной службы государству и монарху. Примерно в 1711 или в самом начале 1712 г. в записной книжке царя появилась примечательная заметка: «Офицерам всем дворянство и первое место»⁶⁹. Она свидетельствовала о намерении Петра I дать преимущества служившим в армии офицерам, а лиц, не имевших дворянства, включить в состав привилегированного сословия.

16 января 1712 г. Петр I издал указ Сенату, в котором требовал: «Сказать всему шляхетству, чтоб каждой дворянин во всяких случаях [какой бы фамилии ни был], почесть и первое место давал каждому обор-офицеру, и службу почитать и писатца только офицерам, а не шляхетству, [которые не в офицерах], только то писать, куды разве посланы будут». За несоблюдение этого указа виновному следовало платить штраф, равный трети жалованья⁷⁰.

⁶⁶ А. З. Мышлаевский. Офицерский вопрос в XVII в.— «Военный сборник», 1899, № 6, стр. 307—308.

⁶⁷ Н. И. Павленко. Петр I, стр. 44—48, 51—53.

⁶⁸ Н. Глиноецкий. Указ. соч., стр. 270.

⁶⁹ ОРФ Института истории СССР, ф. «А», раздел 1, оп. 2, д. 90. Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, т. II. Первая половина. Акты об общественных классах. Л., 1942 (рукопись, док. 24, стр. 121).

⁷⁰ Там же, док. 25, стр. 121.

Затем 26 февраля 1714 г. Петр I запретил производить в офицеры тех дворян, «которые с фундамента солдатского дела не знают» и не служили солдатами в гвардии. Царский запрет не распространялся на солдат «из простых людей», которые, «долго служа», получили право на офицерский чин⁷¹. Трудно согласиться с М. Д. Рабиновичем, который полагает, что указ 26 февраля 1714 г. имел своей целью не только установить преграду для проникновения в офицерский корпус неквалифицированным дворянам, но и ограничить доступ в офицеры выходцам из разночинцев⁷². Как нам представляется, содержание цитированного выше указа не дает оснований для второго вывода М. Д. Рабиновича.

Напротив, новый указ Петра I от 1 января 1719 г. «О производстве в воинские чины и о замещении вакансий» шел еще дальше и не только повторял основные пункты указа 26 февраля 1714 г., но юридически закреплял новый порядок чинопроизводства в армии, основанный на личной выслуге. Согласно этому закону, требовалось «чрез чин никого не жаловать, но порядком чин от чину возводить». Детей дворян и офицеров, которые не будут служить солдатами в гвардии, было велено «ни в какой офицерский чин не допускать». В указе допускалась возможность для людей «из простых» получать офицерские чины⁷³. Два года спустя, 16 января 1721 г., Петр I издал указ о включении обер-офицеров и их детей в состав дворян⁷⁴, что явилось логическим завершением складывавшихся в конце XVII — начале XVIII в. взглядов царя на государственную службу. Как правильно отметил В. О. Ключевский, «приобретение известного служилого чина вводило в состав высшего служилого класса» любое лицо, «какого бы оно ни было происхождения»⁷⁵.

Настойчиво внедряя в армии личную выслугу как главный критерий для повышения человека на служебном поприще, Петр I искал наиболее целесообразную для государства форму его применения на практике. Об этом, в частности, свидетельствует написанный им собственноручно указ 1720 г. под весьма характерным названием: «О вредности для государственного интереса порядка повышения по старшинству в службе и о неприменении его в России». Поводом к его изданию послужила история, случившаяся в английском флоте во время недавней войны между Англией и Францией. Когда французский брандер зажег английский корабль, на котором находился вице-адмирал, и все офицеры покинули судно, то боцман не растерялся, «уговорил человек с пятьдесят, чтоб остались, с которыми отчаянно тот корабль спас». Королева Анна произвела боцмана в капитаны, но он отказался

⁷¹ ПСЗ, т. V, № 2775, стр. 84—85.

⁷² М. Д. Рабинович. Указ. соч., стр. 164.

⁷³ ПСЗ, т. V, № 3265.

⁷⁴ ПСЗ, т. VI, № 3705.

⁷⁵ В. О. Ключевский. Сочинения, т. VI. М., 1959, стр. 455—456.

от этого чина и «просил токмо жалования, объявляя, что ему того не снести, а когда не снесет, то ни капитан, ни боцман будет»⁷⁶

Эта история произвела сильное впечатление на такого импульсивного человека, каким был Петр I, а главное, описанный в ней поступок вполне отвечал его представлению о том, что каждый человек должен выполнять свой долг на том месте, на котором он находится, и подавать пример другим⁷⁷. Поэтому он включил эту историю в свой указ в назидание всем подданным. Существующий во многих государствах «обычай» повышать «в чинах по старшенству в службе», писал Петр I, «кажетца, весьма не доброй есть порядок, и не точки доброй, но еще и вредной государственному интересу, а случаетца и самим тем, которые повышены бывают». Далее он мотивировал эту мысль в духе популярной в то время рационалистической теории «естественного права», «ибо всяк может лехко разсудить, что бог неравное дарование людям дал». Если «последней по списку полковник» достоин производства в генералы, морализировал царь, то при существующем порядке повышения в чинах в зависимости от выслуги ему надлежит или дожидаться «кончины» других полковников или назначения их бригадирами и генерал-майорами. Точно так же обстоит дело и с производством в генерал-фельдмаршалы. «Возможное ль дело, и такое б число генералоф куды употребить и какое б великое иждивение было», — риторически вопрошал практичный Петр I. Для «государственного интереса» плохо и то, «когда не по достоинству дела, но по старшенству службы возвышают», потому что в этом случае человек не может хорошо выполнять новые обязанности, которые превышают его реальные возможности. И хотя за «повреждение» интересов государства человек «наказан будет», но еще хуже то, «что явитца негодным, и тако век не человеком застанет».

Однако, поскольку царь ничего конкретного в это время, видимо, не мог предложить взамен существующей практики чиновного производства, он ограничился довольно общей сентенцией на тему о том, что «желал бы, чтоб у всех было такое разсуждение», как у английского боцмана. «Но понеже не всякой такого разсуждения», то Петр I закончил указ довольно неясной фразой о том, чтобы все знали о подобном поступке, «дабы никто того в оскорбление не ставил и неведением не отговаривался»⁷⁸.

Позже, спустя два года, Петр I снова вернулся к мысли о необходимости улучшения существующего порядка чиновного производства, чтобы при сохранении личной выслуги, как главного критерия для повышения в рангах, больше учитывать личные способности и знания человека. В 1722 г. он составил любопытный указ

⁷⁶ ОРФ Института истории СССР, ф. «А», раздел 1, оп. 2, д. 90, док. 34, стр. 133.

⁷⁷ Ср. Н. И. Павленко. Петр I, стр. 46—50 и сл.

⁷⁸ ОРФ Института истории СССР, ф. «А», раздел 1, оп. 2, д. 90, док. 34, стр. 132—133.

по этому вопросу: «Чтоб для лутчего искусства, чтоб не ошибитца в выборе офицеров, которых дела неизвестны, а стара служат, того для, чтоб прежде премены чина, вручать такие дела, которые надлежит тому чину, куды хотят его произвесть, дабы мочно знать, будет ли его с такой чин»⁷⁹. Испытательный срок, по мысли царя, должен был обеспечить подбор более способных и опытных людей для замещения офицерских должностей.

Содержание обоих указов интересно для выяснения взглядов Петра I на организацию службы в армии и гражданском управлении. Однако изложенные в них мысли не нашли дальнейшего развития в законодательных актах царя, ибо при издании Табели о рангах он закрепил принцип продвижения чиновников в зависимости от личной выслуги и заслуг во всех звеньях государственного и дворцового аппарата, хотя и не указал, как сочетать их на практике.

Военная и Адмиралтейская коллегии вместе с подчиненными им учреждениями составляли неотъемлемую часть управления абсолютной монархии. На них распространялось действие Генерального регламента и других законодательных актов правительства, определивших порядок работы всего аппарата управления Российской империи. В начале 20-х годов XVIII в. в русской армии и флоте сложилась иерархическая система чинов, причем правительство не только фактически, но и юридически допускало возможность получения офицерских чинов выходцами из непривилегированных сословий.

Если мы обратимся к истории гражданских учреждений, то увидим несколько иную картину. Проведение административных реформ в первой четверти XVIII в. сопровождалось более четким разграничением функций между отдельными отраслями государственного управления. Обособление гражданского управления от военного привело к тому, что в начале XVIII в. возникли новое понятие (и термин) «гражданская», «статская» служба. Усложнение задач, стоявших перед государством, сопровождалось постепенной дифференциацией и специализацией отдельных отраслей управления, причем внутри каждой из них складывалась своя номенклатура должностей, многие из которых отсутствовали в XVII в. В это время появились новые должности, связанные с развитием артиллерии, инженерного и морского дела, горной и легкой промышленности, медицины, образования, науки, культуры и т. д. Однако в начале XVIII в. не было установлено соотношения должностей гражданского и военного управления и отсутствовал закон, регулирующий принципы комплектования бюрократии в различных звеньях государственного аппарата.

Таким образом, в результате преобразований правительства Петра I в России в первой четверти XVIII в. в общем завершился процесс оформления основных политических институтов абсолют-

⁷⁹ Там же, док. 67, стр. 218.

ной монархии: постоянной регулярной армии и флота, разветвленной сети центральных и местных учреждений, карательных органов, централизованной фискальной системы. Правительство проводило более четкое, чем в XVII в., разделение функций между отдельными отраслями государственного управления. Важно подчеркнуть, что правовые нормы и иерархическая система учреждений, созданные абсолютной монархией, действовали на большей части территории государства, исключая некоторые национальные окраины. Это усиливало централизацию управления. Укрепление государственного аппарата сопровождалось увеличением численности чиновников, строгой регламентацией их деятельности, что нашло свое отражение в законодательстве абсолютизма.

Административные реформы в первой четверти XVIII в. укрепили господство дворян в новых исторических условиях, когда под влиянием зарождающихся буржуазных отношений усложнялась социальная структура общества и в стране обострились классовые противоречия. Абсолютистское государство, будучи органом дворянского класса, в своей основе оставалось феодальной монархией, хотя оно и приобретало некоторые буржуазные черты (попытки правительства Петра I отделить суд от администрации, усилить контроль за всеми звеньями государственного аппарата, ввести «законность» вместо «обычая» в деятельность учреждений). В итоге создание системы бюрократических учреждений и иерархии должностей способствовало превращению чиновничества в особую прослойку общества.

История разработки Табели о рангах

Реформы правительства Петра I способствовали созданию особой прослойки общества — чиновников, чье положение среди других классов-сословий и групп феодальной России стало определяться законами абсолютной монархии. К числу важнейших законодательных актов правительства Петра I, оформлявших здание дворянско-чиновничьей монархии в России XVIII в., относится изданная в 1722 г. Табель о рангах, установившая строгую иерархию должностей и чинов гражданского, военного и придворного ведомств, а также закрепившая принцип продвижения чиновников по служебной лестнице в зависимости от личной выслуги. Все последующее законодательство абсолютной монархии относительно чиновничества в XVIII в. и в более позднее время исходило из принципов, установленных Табелью о рангах.

Осуществление норм Табели о рангах влекло за собой чрезвычайно важные социальные последствия, которых не имело большинство законодательных актов Петра I, регулировавших деятельность различных звеньев государственного аппарата: перемену социального статуса части чиновников, вышедших из непривилегированных сословий, увеличение численности и изменение состава правящего класса, постепенный отрыв чиновников от прежней социальной среды и превращение бюрократии в особую категорию общества. Все сказанное заставляет нас самым тщательным образом исследовать историю создания Табели о рангах. К этому остается прибавить, что в разработке Табели о рангах главную роль сыграл Петр I. Поэтому мы получаем возможность пролить дополнительный свет на такую малоисследованную проблему, как правотворческая деятельность Петра I, ибо в этом законе нашли свое воплощение многие идеи царя об организации службы чиновничества, которое должно было стать послушным орудием для выполнения воли абсолютного монарха.

Общая оценка Табели о рангах дана в ряде работ дореволюционных и советских авторов¹. Однако история разработки этого важнейшего памятника законодательной деятельности абсолютной

¹ Е. Н. Кушева. Дворянство.— «Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в.» М., 1954, стр. 193—198.

монархии в России не получила сколько-нибудь полного освещения в литературе. Так, П. П. Пекарский, сообщив о том, что некоторые иностранцы приписывали немецкому философу Г. В. Лейбницу мысль о введении Табели о рангах в России, кратко упомянул о редактировании Петром I этого закона и напечатал три фрагмента текста преамбулы к нему и одной из статей, написанных царем². С. М. Соловьев, коснувшись вопроса об утверждении Петром I Табели о рангах, полагал, что она написана Я. В. Брюсом, Г. И. Головкиным, Д. И. Дмитриевым-Мамоновым и М. А. Матюшкиным³. В действительности эти лица входили в состав комиссии, которой Сенат в январе 1722 г. поручал доработать окончательный вариант проекта Табели о рангах после обсуждения его в Адмиралтейской и Военной коллегиях и в Сенате. Ошибочность мнения С. М. Соловьева показал В. А. Евреинов, автор небольшой публицистической брошюры, написанной «на злобудня» в связи с обсуждением в правительстве в 80-х годах XIX в. проекта упразднения системы чиновпроизводства, введенной в России Петром I. Он составил краткий раздел по истории создания Табели о рангах, отметил роль Петра I и А. И. Остермана в разработке этого закона. В приложениях Евреинов опубликовал некоторые важные русские и иностранные документы, извлеченные им из фондов Кабинета Петра I и Коллегии иностранных дел⁴. Однако в целом история этого памятника не стала предметом специального изучения ни в дореволюционной, ни в советской историографии.

Как можно судить на основании сохранившихся материалов, разработка Табели о рангах продолжалась около трех лет: она началась не ранее конца сентября 1719 г. и была завершена 24 января 1722 г., когда Петр I утвердил окончательную редакцию этого законодательного акта. В истории создания Табели о рангах можно выделить 4 этапа: 1) подготовка первой редакции Табели в Коллегии иностранных дел А. И. Остерманом (конец сентября 1719 г.— декабрь 1720 г.); 2) создание второй редакции проекта Петром I (январь 1721 г.); 3) обсуждение второй редакции Табели о рангах в Сенате, Военной и Адмиралтейской коллегиях (февраль — октябрь 1721 г.); 4) завершение Сенатом окончательной редакции Табели о рангах (январь 1722 г.).

1. Редакция проекта Табели о рангах А. И. Остермана

Решение Петра I упорядочить «штатский чин» складывалось постепенно, по мере проведения преобразований государственного строя в России, в особенности коллежской реформы. Одно

² П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 31; т. II. СПб., 1862, стр. 564—567.

³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IX. М., 1963, стр. 455—456.

⁴ В. А. Евреинов. Гражданское чиновпроизводство в России. СПб., 1888, стр. 30—47, Прилож. 1—4, стр. 82—109.

из ранних свидетельств источников о намерении Петра I реорганизовать существующую систему чинов относится к 1713 г. 18 декабря 1713 г. он приказал Сенату «выписать из шведских и прочих порядков градусоф всех чинов, кроме воинских»⁵. Однако это распоряжение не было выполнено, так как 7 июля 1714 г. сенатор М. М. Самарин направил канцлеру Г. И. Головкину письмо, в котором просил собрать такие сведения в архиве Посольского приказа, чтобы выполнить царский указ⁶.

Однако и это обращение Самарина, видимо, не дало нужного результата, так как 19 марта 1719 г., когда составление Генерального регламента коллегий было в основном завершено, в записной книжке Петра I появилась заметка для памяти: «О рангах»⁷. В этот же день обер-секретарь Сената, видимо по поручению царя, сделал запись о том, чтобы «печатные ведомости о шведских рангах взять у Фика»⁸.

При осуществлении административных реформ правительство не только учитывало существовавшую в России практику и отечественное законодательство, но и широко использовало опыт европейских стран. В его распоряжении были самые разнообразные и многочисленные источники информации об организации управления и государственном строе соседних стран. По заданию царя дипломаты, торговые агенты и специально командированные за границу лица присылали или привозили в Россию иностранные регламенты и инструкции военных, морских, гражданских и придворных учреждений, трактаты и сочинения о государственном управлении в различных странах, часть которых переводилась на русский язык⁹. Такие же сведения поступали к царю от нанимавшихся на русскую службу иноземцев, пленных шведских офицеров, иностранных дипломатов и купцов. Наконец, Петр I и его сподвижники имели возможность и лично познакомиться с организацией государственного управления во Франции, Голландии, Пруссии, Австрии, Англии, Речи Посполитой и других европейских государствах во время поездок за границу.

Судя по тому, что большая часть материалов по истории составления Табели о рангах сохранилась в архиве Коллегии иностранных дел, Петр I поручил подготовку этого закона дипломатическому ведомству. Иностранная коллегия была лучше всего осведомлена о гражданских, придворных, военных и морских чинах и рангах в России и в других европейских государствах.

⁵ ЦГАДА, ф. 1451, Именные указы Сената, кн. 6, л. 149. Этот и следующий документы любезно предоставлены Е. Н. Баклановой, за что приношу ей свою благодарность.

⁶ ЦГАДА, ф. 160. Письма разных лиц на русском языке, 1714 г., д. 17, л. 76.

⁷ Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, т. I. М.—Л., 1945, стр. 68, 69.

⁸ ОРФ Института СССР, ф. «А», раздел 1, оп. 2, д. 90, док. 40, стр. 143.

⁹ Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 29—30, 39, 44, 50, 53, 57, 62, 63, 75, 77, 120, 148, 275—277 и др.; М. А. Афанасьев. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, стр. 323—363.

Возникает вопрос: кому мог Петр I поручить составление проекта Табели о рангах? Учитывая особую важность этого законодательного акта, призванного ввести в России новую систему чинов и рангов во всех звеньях государственного и придворного аппарата, можно смело утверждать, что такое ответственное задание мог получить человек, обладавший значительным политическим опытом и пользовавшийся особым доверием царя. Вряд ли это был переводчик или даже секретарь Иностранной коллегии. В состав ее «присутствия» в это время входили всего четыре человека: канцлер Г. И. Головкин, вице-канцлер П. П. Шафиров, тайный канцелярии советник А. И. Остерман и советник канцелярии В. В. Степанов. Головкин и Шафиров занимали крупные должности и были заняты делами Иностранной коллегии. Остерман и Степанов были тоже достаточно опытными дипломатами, они оба были хорошо известны царю.

Однако нам представляется, что составление проекта Табели о рангах Петр I поручил именно А. И. Остерману, возглавлявшему Секретную экспедицию Иностранной коллегии. Сын лютеранского пастора из Вестфалии, Остерман был для своего времени образованным человеком. В юности он учился в Йенском университете; хорошо знал иностранные языки (латынь, голландский, французский, итальянский, не говоря уже о немецком и русском). Вице-адмирал К. И. Крюйс принял его на службу. Поступив переводчиком в Посольский приказ, Остерман довольно быстро сделал карьеру. В 1711 г. он получил чин тайного секретаря. Петр I заметил способного чиновника и стал его выдвигать, давая ему важные дипломатические поручения, брал с собой во время поездок за границу. В 1718 г. царь назначил Остермана вторым (после Я. В. Брюса) членом русской делегации на Аландский конгресс. Фактически Остерман играл там первую роль¹⁰. После неудачи миссии Лефорта Петр I в июле 1719 г. послал в Швецию для ведения переговоров о мире Остермана, как более авторитетное лицо, пользовавшееся большим доверием царя¹¹.

В феврале 1720 г. Петр I пожаловал Остерману чин тайного канцелярии советника Иностранной коллегии. В декабре 1720 г. в покоях Елизаветы Петровны состоялась помолвка Остермана с его невестой М. И. Стрешневой, на помолвке и свадьбе (январь 1721 г.) присутствовали царь и царица¹². О возросшем влиянии Остермана свидетельствовало и то, что в 1721 г. Петр I назначил его членом делегации на Ништадтский конгресс. В то время как официальный глава делегации Брюс поехал в Ништадт, Остерман еще месяц оставался в России и получал дополнительные инструк-

¹⁰ М. А. Полиевкova. Андрей Иванович Остерман.— «Русский биографический словарь», т. 12. СПб., 1905, стр. 405; С. А. Фейгина. Аландский конгресс. М., 1959, стр. 198—202, 224, 265—266, 386—387.

¹¹ С. А. Фейгина. Указ. соч., стр. 430.

¹² П. П. Каратыгин. Семейные отношения графа А. И. Остермана.— «Исторический вестник», 1884, № 9, стр. 603—604.

ции от царя¹³. На выбор Петром I кандидатуры Остермана для составления проекта Табели о рангах могло также повлиять и то, что он не только знал иностранные языки, но как иноземец и дипломат, часто бывавший за границей и встречавшийся с послами других держав, был хорошо осведомлен о существовавших там учреждениях и чинах, что «от обычая чинят», «что уже обыкло». Последнему обстоятельству Петр I придавал особое значение, о чем свидетельствуют его письма к К. Н. Зотову, П. И. Ягужинскому¹⁴ и другим лицам.

Наше предположение об участии Остермана в разработке проекта Табели о рангах подкрепляется следующими данными. Об этом писали биографы Остермана, причем один из них, А. Терещенко — служащий Главного Московского архива Министерства иностранных дел, в подтверждение этого факта сослался на неизданную рукопись управляющего архива, крупного знатока документов этого хранилища А. Ф. Малиновского «Биографические сведения о управлявших в России иностранными делами министрах»¹⁵. О том, что Петр I поручал Остерману составлять Табель о рангах, писал и В. А. Евреинов¹⁶, но без ссылок на источник.

Участие Остермана в составлении первой редакции проекта Табели о рангах подтверждается также пометой секретаря Секретной экспедиции Иностранной коллегии И. Ю. Юрьева Большого: «Проекты о рангах в Российском государстве, чиненные в 1721-ом году, которые отданы к Секретной экспедиции от тайного советника канцелярии господина Остермана»¹⁷. Она находится в конце написанного по-немецки текста 14 статей к проекту Табели о рангах, за ней идет их русский перевод¹⁸. В этом же деле находится «Объявление о рангах», в котором перечислены должности придворного и «цивильного» штата, разбитые на 13 степеней, или классов¹⁹. Статьи поясняли размещение должностей по рангам и излагали принципы чиновпроизводства в госу-

¹³ Л. А. Никифоров. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Нипштадтский мир. М., 1959, стр. 395—396.

¹⁴ Ср. Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 43, 44.

¹⁵ А. Терещенко. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России, ч. III. СПб., 1837, стр. 90, 206; П. П. Каратыгин. Указ. соч., стр. 605.

¹⁶ В. А. Евреинов. Указ. соч., стр. 34.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 370, д. 16, л. 5 об.

¹⁸ Там же, лл. 1—5 и 6—10 об.

¹⁹ Там же, лл. 64—76. Проект Табели и статьи к ней находятся в деле, на обложке которого имеется цифра «5» и заголовок: «1721-го года. Проект по причине сочиняемой о рангах Табели о учреждении в России придворных и статских чинов, сочиненной бароном Остерманом». Почерк, каким написан заголовок, и указание на баронский титул Остермана, полученный им осенью 1721 г., дают основание предполагать, что проект Табели о рангах и черновые материалы (описание придворных должностей) Остерман передал в архив Иностранной коллегии в 20-х годах XVIII в. (в 1730 г. он получил титул графа).

дарственном и дворцовом управлении. Как следует понимать смысл приведенной выше пометы? Нам думается, что она может рассматриваться как подтверждение участия Остермана в составлении проекта Табели о рангах и его авторства первой редакции этого документа.

Если понимать буквально смысл этой пометы, то получается, что третий по рангу после Головкина и Шафировова чиновник Иностранной коллегии выступает всего лишь в роли «передаточной инстанции». Вряд ли Юрьев Большой стал специально отмечать такой незначительный факт, как передача ему Остерманом чьих-то черновиков.

Возникает вопрос: когда Остерман мог составить проект Табели о рангах? Поскольку русская делегация на Аландский конгресс вернулась в Петербург во второй половине сентября 1719 г., то Остерман не мог приступить к выполнению поручения ранее этого времени. Не считая кратковременных приездов к царю для инструкций, он отсутствовал в России более полутора лет (с середины января 1718 г.)²⁰. В середине января 1721 г. Петр I начал редактировать проект Табели о рангах. Наиболее ранняя дата на одном из черновиков царя сделана рукой кабинет-секретаря А. В. Макарова и относится к 19 января 1721 г.²¹ Следовательно, Остерман мог работать над проектом Табели о рангах немногим более года (с конца 1719 до начала 1721 г.).

Поскольку проведение всех реформ государственного управления в России осуществлялось под непосредственным руководством Петра I, то Остерман, по-видимому, получил указания от царя о том, как составлять проект нового закона. Так не раз бывало в подобных случаях²².

А. И. Остерман основательно изучил сведения о чинах в Австрии, Англии, Венеции, Дании, Испании, Речи Посполитой, Пруссии, Франции и Швеции, которые имелись в Иностранной коллегии. Названные страны весьма существенно различались по уровню социально-экономического и политического развития, государственному строю и степени политической централизации. В этой связи представляется чрезвычайно важным попытаться определить, какими реальными сведениями располагал Остерман.

Мы можем частично ответить на этот вопрос. Данные о чинах в различных европейских странах содержались в записках, составленных для нужд Посольского приказа по поручению Петра I

²⁰ С. А. Фейгина. Указ. соч., стр. 201—202, 214, 379—384, 410, 467.

²¹ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. I, кв. 37, л. 396.

²² Петр I рекомендовал критически использовать иностранное законодательство. Например, в указе от 4 апреля 1718 г. он предлагал Комиссии для сочинения морских уставов поступать следующим образом: «...Выписать из аглинских, французских, датских, шведских и голанских уставов и привести поупункно о каждой материи, зачав аглинским, а к оному из прочих приводить в обеих книгах...»; затем следовало вносить необходимые дополнения и исправления (Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 57, 60—61).

в 1713 г. находившимся на русской службе немецким бароном Г. Гюйссеном²³.

Некоторые из записок Гюйссена сохранились. Это «Показание главных служителей короны и двора аглинского, польского и гишпанского» и «Краткая записка о каморных советниках при разных европейских дворах о чинах судей с изъяснением их должности и о канцелярских служителях» на русском языке²⁴. На документе есть помета «ранги», свидетельствующая, видимо, о том, что с ним знакомились при подготовке Табели о рангах. Эта записка является, по-видимому, частью какого-то более обширного сочинения. Она начинается словами: «Финанцы — или камор-советники, о которых чину и надлежащем управлении выше сказано» (начало записки отсутствует). В ней описаны государственные и придворные финансовые учреждения и обязанности отдельных чиновников, главным образом Франции. Кроме того, в ней дан краткий обзор должностей чиновников судебного ведомства в Англии, Австрии, Венеции, Генуе, Голландии, Дании, Испании, Речи Посполитой, Пруссии, Саксонии, Франции, Швеции. В одном деле с «Краткой запиской о каморных советниках» хранится «Описание должностей разных чиновников, служащих при европейских дворах, также и некоторых судебных мест» 1702 г.²⁵

П. П. Пекарский, упомянув о том, что Гюйссен составил по поручению Петра I записку о чинах и коллегиях, не объяснил, почему предложениям Гюйссена не был дан ход. Видимо, в 1713—1714 гг. у Петра I еще не сложился окончательно план преобразований центрального управления, он лишь собирал данные об учреждениях и чинах в европейских государствах. Представленные Гюйссеном сведения и служили для этой цели. Однако они носили весьма общий характер и не давали конкретного представления о системе учреждений и чинов в той или иной стране. Остерман, надо полагать, знакомился с представленными Гюйссеном материалами, однако в его проекте отсутствуют какие-либо заимствования из законодательства Польши и итальянских государств. Это объяснялось тем, что многое в социально-политическом строе этих государств, где крупную роль играла аристократия, было несходно с положением России, в которой вводилась строгая иерархия учреждений и должностей, полностью зависевших от воли неограниченного монарха. По этой же причине на выработку Табели о рангах не повлияло законодательство о чинах Священной Римской империи, для которой была характерна раздробленность государственного управления²⁶.

²³ П. П. Пекарский. Указ. соч., т. I, стр. 101—102.

²⁴ ЦГАДА, ф. 370, д. 15, лл. 1—13 об.

²⁵ Там же, лл. 1—7 об. «Описание» имеет свою пагинацию.

²⁶ В архиве Иностранной коллегии сохранилось описание «О чинах пещарского двора», в котором перечислены должности придворных, министров, послов, генералов и офицеров армии и гвардии и их оклады.

Остерман ознакомился также с регламентами Франции и Англии. В XVII — начале XVIII в. Франция занимала особое место в Европе. Монархи и дворяне видели во французском абсолютизме «образцовое» государство. Французское дворянство задавало тон своим собратьям по классу на Европейском континенте и считалось среди них самым «древним» и благородным, наиболее опытным в военном деле и самым культурным. Многие государи стремились подражать во всем королю Людовику XIV, достигшему крупных успехов в усилении неограниченного характера своей власти и укреплении могущества Франции. В России второй половины XVII в. опыт французских абсолютных монархов пропагандировал в своих сочинениях еще Ю. Крижанич. Для него высшим идеалом были не Англия и Голландия, где уже свершились буржуазные революции, а абсолютная Франция Людовика XIV, в которой безраздельно господствовало дворянство, что являлось образцом для дворян всей Европы²⁷.

Царь Петр I тоже весьма интересовался Францией и пытался посетить ее еще во время своего первого заграничного путешествия в 1697—1698 гг., но Людовик XIV, по словам герцога Сен-Симона, «вежливо отклонил его намерение» из-за политических соображений. Петр I совершил поездку во Францию лишь в 1717 г.²⁸ Позже, при создании постоянной регулярной армии и флота и разработке Военного и Морского уставов, Петр I критически использовал ординансы и другие законодательные акты Людовика XIV²⁹. Влияние французского законодательства отмечено и при учреждении прокуратуры в России при Петре I³⁰. Опыт абсолютистской Франции, как мы покажем далее, оказал определенное влияние и на разработку Табели о рангах.

Сведения о чинах во Франции Остерман извлек из двух документов: «Известие рангу или порядку во Французском королевстве между морских и горных офицеров обретающегося» и «Описание короткое французского двора чинам и рангам или порядку им, денежных дач годовых, которое выписано есть из диаيريا, учиненного е. ц. в. от посла господина Андрея Артамоновича Матвеева при его резиденции во Франции в 1705-ом и 1706-ом годах»³¹. В их основе лежал регламент Людовика XIV 1689 г., о чем свидетельствует помета на полях. Оба эти документа явля-

²⁷ М. А. Адамов. Указ. соч., стр. 406—408.

²⁸ Н. А. Бакланова. Культурные связи России с Францией в первой четверти XVIII в. — «Международные связи России в XVII—XVIII вв.» М., 1966, стр. 314.

²⁹ Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 75—77; А. К. Пузыревский. Развитие постоянных и регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1899.

³⁰ В. И. Веретенников. Очерки истории генерал-прокуратуры в России доекатерининского времени. Харьков, 1915, стр. 31—50.

³¹ ЦГАДА, ф. 370, д. 3, лл. 10—13 и 1—9 об. Первый документ послан А. А. Матвеевым из Парижа 14 июня 1706 г., второй — из Гааги 26 мая 1709 г.

ются извлечениями из статейного списка, или дневника, русского посла в Голландии А. А. Матвеева, который он вел в Париже, находясь со специальной миссией при дворе Людовика XIV в 1705—1706 гг.³²

Сын крупного политического деятеля, начальника Посольского приказа боярина-«западника» А. С. Матвеева и Е. Г. Гамильтон, дочери переселившегося в Россию шотландца, А. А. Матвеев был не только высокообразованным (он, в частности, хорошо знал латынь, греческий, польский, французский и другие языки), но и чрезвычайно наблюдательным человеком. Матвеев в большинстве случаев правильно разобрался в описываемых им явлениях жизни французского общества, дал меткие и точные характеристики многим государственным деятелям Франции. Примечательной особенностью его «Записок» является точность и достоверность в изложении фактов и событий, стремление автора опираться на современную ему литературу по истории Франции³³.

«Записки» А. А. Матвеева, крупного государственного деятеля и дипломата, разделявшего взгляды царя Петра I на необходимость «прорубить окно в Европу», дают ценный материал для ответа на вопрос, что более всего привлекало внимание наиболее образованных представителей «птенцов гнезда Петрова» в странах Западной Европы и что они хотели перенести на родную почву в тот переломный период, когда в России осуществлялись крупные реформы в экономике, государственном строе, культуре и быту. Содержание труда Матвеева о Франции начала XVIII в. свидетельствует о том, что его автора интересовали самые разнообразные стороны жизни французского общества времени Людовика XIV: двор, армия, дворянство, духовенство, политический строй, административная система, центральный и местный аппарат, науки и искусство, высшее образование.

Сопоставление «Известия рангу...» и «Описания короткого французского двора чинам и рангам...» с «Записками» Матвеева свидетельствует о том, что в распоряжении Остермана было примерно 30% текста его сочинения. Оба документа содержат данные о государственном строе Франции, организации центрального и местного управления страной, армии, системе придворных, военных и гражданских чинов. Именно эти вопросы интересовали Петра I при проведении преобразований в России. И Матвеев, надо полагать по запросу царя, присылал интересующие Петра сведения в Посольский приказ. Копии обоих документов сохранились в фонде Кабинета Петра I, обращавшегося к ним во время работы над проектом Табели о рангах.

³² «Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева)». Публикация подг. И. С. Шарковой. Под ред. А. Д. Люблинской. Л., 1972.

³³ А. Люблинская, И. Шаркова. А. А. Матвеев и его труд.— В кн.: «Русский дипломат во Франции», стр. 3—6, 16—19.

В «Описании» были подробно перечислены все чины придворного и государственного управления Франции, в том числе местного (губернаторы), охарактеризованы их обязанности, состав Королевского совета и распорядок его заседаний, указаны размеры годового жалованья чиновников, названы имена членов королевской семьи, а также представителей родовитой аристократии, занимавших различные посты в управлении государством и при дворе. Повышенный интерес Матвеева к составу и компетенции Королевского совета и к обязанностям министров и государственных секретарей, чьи функции он определил весьма точно, вполне объяснимы. В России в эти годы происходила перестройка административной системы. Старые центральные учреждения — приказы и Боярская дума не годились для осуществления новых задач во внутренней и внешней политике и проведения дальнейшей централизации управления. У Петра I не было «регулярного» совета. Опыт абсолютистской Франции, где весь государственный аппарат был подчинен воле абсолютного монарха, мог быть в чем-то использован и в России ³⁴.

А. А. Матвеев специально отметил, что французские короли являлись неограниченными монархами. Ранее во Французском королевстве была должность коннетабля, ныне она ликвидирована, «понеже конетабль, который во всех воинских делах наивящую власть имел, отставлен». Войсками командуют маршалы, которые подчиняются королю. Матвеев включил в «Описание» раздел «О парламенте», который возник в 1302 г. «от короля Филиппа Беля и был в силе равной, как ныне Великобританской парламент, права свои содержать». Однако в правление Людовика XIII и его сына Людовика XIV парламент «всех своих сил отпал» и «никаких дел ныне без власти королевской собою и без великого капцлера не может вершить, разве самых звычайных и бесспорных»; теперь он является высшим судебным учреждением Франции ³⁵. В «Описании» были приведены сведения о функциях парламентов в Париже и провинциях. Выдержки из «диария» Матвеева содержали описание судебно-административных и финансовых учреждений Франции (Счетная палата, Палата косвенных сборов и др.).

Специальный раздел «Описания» был посвящен подробной характеристике французской армии, в особенности организации и численности полков гвардии, являвшихся опорой неограниченной королевской власти ³⁶. Матвеев отметил дворянский состав гвардии и монополию дворян на замещение офицерских должностей. Большой интерес русского дипломата к французской армии понятен, ибо в это время Россия вела тяжелую Северную войну за выход к Балтийскому морю, и Петр I принимал энергич-

³⁴ А. Люблинская, И. Шаркова. Указ. соч., стр. 23.

³⁵ ЦГАДА, ф. 370, д. 3, лл. 8 об.— 9.

³⁶ Там же, лл. 5—6 об.

ные меры по созданию регулярной армии и военно-морского флота, жадно интересуясь опытом соседних государств.

Во втором документе, характеризующем систему военных и морских чинов во Франции, Матвеев обращал особое внимание на отсутствие местничества и строгое соблюдение иерархии должностей, т. е. на те же самые принципы, которые Петр I стремился внедрить в армии, флоте и гражданском управлении. Он также отметил отсутствие местничества при дворе Людовика XV: «В доме королевском всегда... приезд и отъезд свободной без всяких мест и чинов, как самых меньших офицеров, так и шляхты французской». Если на придворных приемах офицеров и дворян приглашают за королевский стол, «и всех, высокого и меньшего чину людей, места никоим образом не остерегаются, разве по старости, без всяких споров, кто где займет место тем и довольствуется»³⁷.

Замечания Матвеева о государственном строе абсолютистской Франции весьма любопытны. Они дают наглядное представление о том, что интересовало русских деятелей за границей. В то же время Матвеев несколько переоценил степень исчезновения местнических прав во Франции. Историк А. Н. Савин показал, что не только в 80–90-х годах XVII в., но и в первые два десятилетия XVIII в. родовитая французская аристократия, хотя и не занимала влиятельных постов в армии и государственном управлении, продолжала вести длительные споры из-за мест на придворных церемониях и в общественных местах³⁸.

При работе над проектом Табели о рангах Остерман отказался от заимствования каких-либо должностей и чинов из французского законодательства. Обе записки Матвеева были использованы для составления сводного документа — «Описание французского двора чинам и рангам», который после сокращения (опущены имена некоторых чиновников и описание полков французской гвардии, парламента и финансовых учреждений; перечень чинов и должностей придворного, гражданского, военного и морского управления дан в виде таблицы) стал называться «Краткое описание французского двора чинам и рангам»³⁹.

Остерман обращался также к данным по истории государственного управления Англии. В его распоряжении были два источника сведений по этому вопросу: «Стат или состояние новое Англии под государствованием короля Вильяма 1692 г.» (т. е. Вильгельма III)⁴⁰ и «Известие чинов короны Великобританской по состоянию настоящему при державствующей ныне королеве Анне, учиненное в Лондоне для объявления июля в 11 день 1707-го

³⁷ Там же, лл. 11–12 об.

³⁸ А. Н. Савин. Местничество при дворе Людовика XIV.— «Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому». М., 1909, стр. 281–290.

³⁹ ЦГАДА, ф. 370, д. 3, лл. 17–21, 80; Госархив, IX р., Отд. II, кн. 93, лл. 229–230; В. А. Евреинов. Указ. соч., Прилож. 1, литер А, стр. 82–85.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 370, д. 13, лл. 1–2 об.

году»⁴¹. Оба документа были посланы 11 июля 1707 г. послом в Лондоне Матвеевым.

В первом документе, являющемся кратким изложением «Стата» 1692 г., перечислены 9 важнейших должностей в государственном и дворцовом управлении Англии, которые замещают принцы крови или «главнейшие афицеры», входящие в Тайный Совет короля (канцлер, казначей, «хранитель приватной королевской печати», «верховой комнатной», «великий маршал, или конюший», «великий адмирал» и др.). Матвеев отметил, что ранее в Англии существовал чин «великого наместника», который ныне упразднен, «понеже власть его безмерно велика была». По этой же причине еще в первой половине XVI в. уничтожена должность великого коннетабля⁴².

«Известие чинов» королевы Анны содержало более полное изложение должностей государственного управления и придворного ведомства. Помимо уже упоминавшихся в «Стате» 1692 г. должностей чинов королевского Тайного Совета, председателем которого был архиепископ Кентерберийский, названы государственные секретари, епископы, члены английского парламента, «служители города Лондона», «цивилисты и юристы, то есть ученые в гражданских делах и в правах». Матвеев специально отметил, что в Англии отсутствует местничество: при дворе, в армии, флоте и гражданских учреждениях «никаких рангов ни в чем не бывает». Такие же нравы Матвеев заметил и в быту английских дворян. «В домех же вельможных или партикулярных, как во Франции, так сходной тому поведению и в Англии, — подытоживал он свои наблюдения, — ряд обходится, кто прежде придет и сидит, хотя бы меньшей дворянин, а в то же время случилось высокому короны той войтить министру, повинен он без всякого большому предосуждения или умаления части его держать прежнее свое место, где он его до того занял, и тот вельможа свое над ним начнет иметь с всякою люцкостью без малейшей о том злобы или рвения, что уже в твердой обычай здесь вошло»⁴³.

Повышенный интерес Матвеева к взаимоотношениям «вельмож» и «меньших дворян» во Франции и Англии объяснялся тем, что в России первой четверти XVIII в. пережитки местничества все еще давали о себе знать.

«Известие чинов» королевы Анны Остерман сократил, оставив лишь перечень должностей членов королевского Тайного Совета, который включил в «Описание рангам четырех европейских дворов»: Англии, Дании, Пруссии и Швеции⁴⁴.

При знакомстве с содержанием обоих регламентов о чинах в Англии обращает на себя внимание тот факт, что в них не было

⁴¹ ЦГАДА, ф. 370, д. 13, лл. 3—7.

⁴² Там же, лл. 1—2.

⁴³ Там же, л. 4 и об.

⁴⁴ В. А. Евреинов. Указ. соч., Прилож. 1, литер Б, стр. 85—86.

строго проведено разделения обязанностей между чиновниками государственного управления и придворного ведомства: и те и другие входили в королевский Тайный Совет. По регламенту королевы Анны, первым председателем Тайного Совета был не канцлер, а духовное лицо (архиепископ Кентерберийский).

Регламенты о чинах Англии и Франции (как правильно отметил В. А. Евреинов), были использованы при составлении Табели о рангах в России, но главное влияние оказало законодательство Пруссии, Дании и Швеции, где имелась более детально разработанная система чинов придворного и государственного управления.⁴⁵

Наибольшее влияние на разработку Табели о рангах оказало законодательство Шведского и Датско-Норвежского государств. Обращение русского правительства к их опыту было вызвано тем, что в социально-экономическом и политическом развитии Скандинавских стран и России имелось много сходного. Если по уровню социально-экономического развития Швеция занимала промежуточное положение между феодально-крепостнической Россией и такими передовыми буржуазными странами, как Англия и Голландия, то в политическом отношении она была сравнительно молодым абсолютистским государством, где самодержавная форма правления установилась в последней четверти XVII в., т. е. в тот период, когда в России вполне отчетливо определился переход к абсолютизму. Это привлекало внимание Петра I к опыту своего ближайшего соседа, сумевшего достичь крупных успехов в укреплении государства. Могущество королевской власти в Швеции поддерживалось регулярной национальной армией, комплектуемой на основе рекрутских наборов, чего не было в большинстве европейских стран; разветвленной сетью бюрократических учреждений, коллегиальных по форме. Уже в XVII в. Швеция считалась образцовым коллегиальным государством. Такими же чертами характеризовалось развитие хозяйства, социальных отношений и государственного строя в соседнем с Швецией Датско-Норвежском королевстве, где имелась особенно детально разработанная система бюрократических учреждений и чинов.⁴⁶

Обращение Петра I и его ближайшего окружения к опыту Скандинавских государств объяснялось во многом также и тем, что в этих странах существовала сильная королевская власть. Это отвечало интересам сторонников абсолютной власти монарха в самой России. В начале XVIII в. среди части русских дворян распространялись рукописные историко-географические компиляции, в которых приводились данные о государственном устрой-

⁴⁵ Там же, стр. 32.

⁴⁶ А. С. Кан. История Скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). М., 1971, стр. 70—73, 75—79, 89—91; А. Г. Маньков. Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720—1725 гг.—Исторические связи Скандинавии и России XI—XX вв.» Л., 1970, стр. 116—119.

стве ряда европейских стран. Особым вниманием образованных дворян пользовалось «Краткое описание государств Европейских». Его автор с симпатией описывал историю тех стран, где прежние сословно-представительные учреждения уступили место самодержавию (например, в Дании в 1662 г., в Швеции в 1680 г.). Зато государственный строй Речи Посполитой в этом трактате подвергался сильным нападкам со стороны автора, а положение английского короля, чья власть была ограничена парламентом, вызывало у него сострадание⁴⁷. В этой связи уместно напомнить, что и некоторые сподвижники Петра I отрицательно относились к государственному строю тех стран, где ущемлялась самодержавная власть монарха. Так, П. А. Толстой, посетив в 1697 г. Речь Посполитую, с осуждением писал о магнатах и шляхте, которые «не могут никакого государственного дела сделать без боя и без драки»⁴⁸. Другой сторонник реформ, известный «прожектор» Ф. С. Салтыков, советовал Петру I заимствовать из опыта европейских государств лишь то, что «приличествует токмо самодержавствию, а не так, как республикам или парламенту»⁴⁹.

При проведении реформ центрального и местного управления в России, а также преобразований в системе права правительство Петра I критически использовало опыт Швеции. По поручению Петра I в Россию присылали также датские указы, регламенты, инструкции и другие законодательные материалы.⁵⁰

В распоряжении А. И. Остермана имелись копии уставов о чинах, изданных в 1696 и 1705 гг. королем Карлом XII для Швеции, а также отдельно для Лифляндии, Эстляндии и Ингерманландии.⁵¹ В регламенте 1696 г. дан перечень военных, морских, гражданских чинов, содержащий 40 рангов, или разрядов. В некоторых случаях под одним номером указано несколько должностей. Внутри каждого ранга чиновники размещались в зависимости от выслуги — «кто старше пожалованы». Вслед за перечислением рангов и должностей чиновников в регламенте 1696 г. помещались 5 статей.⁵² Согласно 1-й статье, чиновникам, под угрозой штрафа, запрещалось требовать себе более высокий ранг, чем тот, на который они имели патенты от короля. До утверждения королем патентов чиновники и офицеры не могли пользоваться теми правами и привилегиями, которые им дает более высокий чин (2-я ст.). Лица, получившие чины и ранги на службе у иностранных государей, должны были подтвердить их у шведского

⁴⁷ Д. А. Корсаков. Воцарение имп. Анны Иоанновны. Казань, 1880, стр. 286—293.

⁴⁸ «Путевой дневник П. А. Толстого». — «Русский архив», 1888, кн. 1, стр. 196.

⁴⁹ Цит. по кн. Н. Павлов-Сильванский. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897, стр. 18.

⁵⁰ Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 53, 57 и др.

⁵¹ ЦГАДА, ф. 370, д. 19, лл. 1—5, 15—18 об.

⁵² Там же, лл. 6—9 об., 27—28.

короля (3-я ст.). Получение нового ранга при отставке зависело от короля. Лица, совершившие преступления, лишались своих чинов и рангов (ст. 4—5-я). Регламент о рангах 1705 г. по сравнению с уставом 1696 г. претерпел незначительные изменения: в него включены должности президента Висмарского трибунала (3-й ранг) и названа «вдовствующая королева», мать Карла XII.

Правительство Петра I, внимательно следившее за ходом внутривосточной борьбы в Швеции⁵³, старалось учитывать все изменения в политической структуре своего соседа при проведении реформ управления в России.

Сведения о датской системе чинов Остерман извлек из регламента короля Христиана V от 11 февраля 1699 г. и регламента его сына Фредерика IV от 1717 г.⁵⁴ Регламент короля Христиана V перечислял 103 чина дворцового, военного и государственного управления, которые были разбиты на 9 классов, или степеней. В отличие от уставов других европейских государств, в нем были перечислены «женские ранги» (всего 24), т. е. те лица, которые допускались на приемы ко двору короля. Они соответствовали рангам верхушки чинов дворцового, военного и государственного управления. В датском регламенте было 5 статей. Король в законодательном порядке закрепил за членами своей семьи право получать высшие ранги «по их высокому урождению». Вторая статья регламента содержала очень важное постановление: лица, дослужившиеся до должностей трех первых степеней, и члены их семей, независимо от происхождения, становились потомственными дворянами. В этих классах была верхушка придворных сановников: члены королевского Тайного Совета, генералитет, адмиралы, графы, бароны, тайные советники, обер-маршал, обер-гофмейстеры и др.⁵⁵⁻⁵⁶ Далее шли две статьи: о соблюдении рангов в общественных местах и на публичных церемониях, а также о порядке получения рангов при отставке со службы. Регламент 1717 г. незначительно отличался от регламента 1699 г.: несколько иное распределение должностей по классам при увеличении количества мужских рангов со 103 до 110, а женских с 24 до 23.

Пруссия была третьей страной, чье законодательство о чинах и рангах оказало значительное влияние на проект Табели о рангах А. И. Остермана. Политические взгляды последнего изучены недостаточно. М. А. Полиевктов, специально касавшийся этого вопроса, отметил, что Остерман прошел хорошую школу под руководством Петра I. Занимая крупные посты в дипломатическом, а позже и в государственном аппарате, он выступал защитником «государственного интереса», добивался укрепления могущества абсолютной монархии⁵⁷.

⁵³ А. С. Кан. Указ. соч., стр. 83, 85—86.

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 370, д. 56, лл. 28—34, 64—67 об.

⁵⁵⁻⁵⁶ Там же, л. 32 и об.

⁵⁷ М. А. Полиевктов. Указ. соч., стр. 406.

Сохранившиеся в процессе составления проекта Табели о рангах документы свидетельствуют о том, что Остерман был сторонником той политической системы, которая сложилась в Пруссии и других немецких государствах во второй половине XVII — начале XVIII в. Ее важнейшей составной частью было строгое разделение функций между отдельными звеньями государственного управления, мелочная регламентация деятельности чиновников и всех подданных. При закреплении основной массы сельского населения, слабости городов и бюргерства вся политическая власть была в руках дворянства, являвшегося опорой короля в борьбе за политическую централизацию. Наиболее сильным немецким государем был курфюрст Бранденбурга (Пруссия), сумевший найти прочную опору у прусских дворян-крепостников. В 1701 г. бранденбургский курфюрст Фридрих I (1688—1713 гг.) принял титул короля Пруссии. Переход к абсолютной монархии в Пруссии сопровождался созданием постоянной армии, централизованного разветвленного аппарата управления, полиции и установлением крайне мелочной полицейской опеки над деятельностью чиновников. Подражая абсолютным монархам Франции, прусские короли стремились создать пышный двор. Обязанности придворных и слуг были тщательно регламентированы.

В незавершенной записке под названием «Предложение, из иных ранг регламентов сочиненное»⁵⁸, которая сохранилась в одном деле вместе с проектом Табели о рангах Остермана и другими подготовительными материалами, развивается мысль о необходимости точно определить круг обязанностей каждого чиновника, ибо от их числа зависит порядок в государстве. «Где многие советники, суть тут и изрядно поступается». Автор записки считал необходимым, чтобы монархи «всегда угодных людей имели, хотя оные не всегда яко работники употребляютца, один другому вспомагает, и что один не ведает или не разумеет, другой объявит и общими советами учинить могут, понеже редко один так к многим делом искусство имеет». Заметим, что эта же мысль развивалась в указах и регламентах Петра I о введении коллегий в России.

Нарушение принципа разделения обязанностей между советниками, говорилось в записке, пагубно отражается на судьбах государств: «Гишпания многие земли, флоты и войска имела, но понеже регулярного разделения и учрежденного управления в советах не было, и для того она великая махина и сила по времени в умаление и не в какое рассуждение пришла». Желанный идеал автор записки видел в государстве прусского типа. «А против

⁵⁸ ЦГАДА, ф. 370, д. 16, лл. 51 об.—56. Определение авторства А. И. Остермана затрудняется тем, что эта записка является писарской копией оригинала. Не исключено, что «Предложение» было составлено Г. Гюйссеном, но даже и в этом случае его можно использовать для характеристики взглядов Остермана, ибо сходные идеи проводились в подготовленном им проекте Табели о рангах.

того, — продолжал он свою мысль, — другие князья средней силы чрез порядочные советы и жестокие розыскивания всех дел, на которые предстоящим конъюнктурам временем разсуждение имели и после время свое усмотрели и от всех разумных пользовались силу и слабость по состоянию разсуждая, свое государство потому нутренно и снаружи благо учредили, добрые советы слушали и приняли и прочее к вящей славе, силе и к достоинству достигли»⁵⁹.

Однако было бы неверно объяснять обращение к опыту прусской монархии при составлении проекта Табели о рангах только позицией Остермана. Гораздо большее значение имело то обстоятельство, что сам царь Петр I испытал определенное влияние идеологов прусской абсолютной монархии. Сочинения Пуффендорфа он рекомендовал в качестве учебного пособия по истории царевичу Алексею, а позже приказал издать их на русском языке⁶⁰.

В бумагах А. И. Остермана сохранились переводы «Королевского прусского учреждения о степени 1705 году» и нового «Устава о рангах» 1713 г. Фридриха I⁶¹, а также немецкие тексты и русские переводы «Дворцового регламента курфюрста бранденбургского Фридриха» от 16 сентября 1699 г. и регламентов, определяющих обязанности чиновников различных отраслей дворцового управления (обер-маршал, обер-штальмейстер, обер-шенк, гофмаршал и др.)⁶². Королевский регламент о рангах, изданный в апреле 1713 г., не вносил принципиальных изменений в устав 1705 г., установивший строгую иерархию чинов в государстве. Главная мысль, которая пронизывала «Королевское прусское учреждение о степени 1705 году», — это беспрекословное подчинение низших чиновников высшим, которые в свою очередь зависели от королевской власти.

А. И. Остерман внимательно изучал прусские регламенты. Из «Королевского прусского учреждения о степени 1705 году» он выписал все придворные и гражданские чины, которые отсутствовали в шведских регламентах⁶³, и использовал эти данные для распределения существовавших в России должностей по классам. Перечень чинов, содержащихся в прусском «Учреждении» 1705 г., после некоторого сокращения изложения обязанностей чиновников был включен Остерманом в «Описание рангам четырех европейских дворов»⁶⁴.

Таким образом, из обзора видно, что в распоряжении А. И. Остермана были довольно полные данные о существовав-

⁵⁹ Там же, л. 52 и об.

⁶⁰ П. П. Пекарский. Указ. соч., т. I, стр. 324—326; т. II, стр. 437; Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 148.

⁶¹ ЦГАДА, ф. 370, д. 1, лл. 29—40, 109—113.

⁶² Там же, лл. 1—28, 44, 108.

⁶³ Там же, лл. 42—43.

⁶⁴ В. А. Ереминов. Указ. соч., Прилож. 1, литер Б, стр. 85—94.

ших системах чинов в большинстве европейских стран, в том числе и самые поздние. Преимущественное внимание Остермана к законодательству о чинах Швеции, Дании и Пруссии объяснялось наличием черт сходства в социально-экономическом и политическом строе этих стран и России, что и обусловило использование их опыта русским правительством при проведении административных реформ. В то же время регламенты о чинах Франции и особенно Англии, в государственном строе которой значительную роль играла буржуазия, имевшая свои сословные органы, меньше повлияли на составление Табели о рангах.

В этой связи будет уместно сказать, что инициатором такого подхода к использованию законодательства европейских стран о чинах был Петр I, а не А. И. Остерман, которому отводилась роль аккуратного и послушного исполнителя распоряжений царя. В фонде Кабинета сохранились регламенты о чинах Англии, Дании, Пруссии, Франции и Швеции, которые царь изучал во время работы над проектом Табели о рангах⁶⁵. Надо думать, что по его указанию Остерман составил уже упоминавшиеся экстракты из регламентов о чинах различных европейских стран. Изучив содержание регламентов о чинах основных европейских стран, которыми располагала в то время Коллегия иностранных дел, Петр I и рекомендовал Остерману взять за основу при составлении проекта Табели о рангах уставы Швеции, Дании и Пруссии.

Чтобы дать ответ на вопрос об источниках Табели о рангах, необходимо изучить все сохранившиеся редакции проекта этого закона и подготовительные материалы к ним. Помимо иностранных уставов в распоряжении Остермана были русские законодательные материалы. О соотношении русских и иностранных источников дает представление изучение текста остермановской редакции проекта Табели о рангах. Остерман составил проект Табели о рангах, который состоял из двух частей: «Объявление о рангах»⁶⁶ и пояснительный текст к нему, насчитывавший 14 статей, или, как его называли современники, «Пункты». Они были составлены в форме проекта царского указа и кончались словами: «Дан за подписанием нашей собственной руки и государственною нашею печатью в резиденции нашей в Санкт-Петербурге»⁶⁷.

Обратимся к содержанию «Объявления о рангах». Оно включало 44 должности придворного и 103 — «цивильного» штата, итого 147 названий. В «Пунктах» Остерман специально оговорил, что он не включил в проект воинские и морские чины, духовенство и кавалеров ордена Андрея Первозванного⁶⁸, но не мотивировал это. Отсутствие воинских и морских чинов в проекте можно

⁶⁵ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. II, кн. 93, лл. 229—231.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 370, д. 16, лл. 64—76.

⁶⁷ Там же, лл. 1—5 об. (немецкий текст) и 6—10 об. (русский перевод).

⁶⁸ Там же, л. 10 об.

объяснить тем, что Остерман не считал себя подготовленным для распределения по рангам офицеров армии и флота.

Интересно примечание о «духовном чине». По-видимому, оно появилось после знакомства Остермана с законодательством Дании. В датском регламенте о чинах (1699 г.) были названы представители верхушки духовенства: епископы в Зеландии и в столице Норвегии Христиании, королевский духовник (3-й ранг); епископы провинций (4-й ранг), «приходские и дворцовые попы в Копенгагене» (8-й ранг)⁶⁹. Зная о недовольстве Петра I оппозицией части иерархов его преобразованиям, а также отношении русской церкви к делу царевича Алексея, Остерман не решился включить в проект Табели о рангах «духовный чин» и только напомнил о нем царю.

Все должности в «Объявлении о рангах» были разбиты на 13 степеней, или классов. За основу классификации были взяты ранги придворного штата, которым отдавалось предпочтение перед должностями государственного аппарата. В этом отношении Остерман следовал обычной в средние века практике, ибо служба дворян при дворе всегда считалась более важной и почетной, нежели в государственных учреждениях. Принцип распределения должностей по степеням, или классам, был им заимствован из датского законодательства, но количество степеней установлено в зависимости от той номенклатуры должностей, которая складывалась к этому времени в России. Остерман полагал, что могуществу абсолютного монарха должен соответствовать пышный двор с многочисленными служителями. Поэтому он рекомендовал ввести в России многое из того, что уже было при дворах других европейских монархов, отдав предпочтение датской и, особенно, прусской системам придворных чинов, которым была свойственна детальная регламентация обязанностей каждого служителя.

Остерман предложил включить в придворный штат не только высшие слои придворных чинов (обер-маршал, обер-камергер, обер-шталмейстер, обер-гофмейстер, камергеры и т. п.), но и низшее звено служителей, ведавшее дворцовым хозяйством и обслуживанием членов царской семьи, включая камердинеров, берейторов, поваров, кондитеров, музыкантов, курьеров и т. д.⁷⁰ «Европеизация» государственного строя России затронула и быт царского двора: в придворный штат включались должности капельмейстера, экзерцициймейстера, библиотекаря, антиквариуса и др.

В данном случае он не только следовал примеру западноевропейских дворов, но учитывал и широту кругозора Петра I, которого интересовали различные отрасли науки, техники, культуры. Включая в Табель о рангах некоторые придворные должности,

⁶⁹ Там же, д. 56, лл. 29 и об., 31.

⁷⁰ В «Предложении» обязанности антиквариуса объяснялись так: «Антиквариус оной есть, которой пад манетами, штатутами и над коморою старинных вещей надзираение имеет» (там же, д. 16, л. 54 об.).

Остерман стремился подчеркнуть их дворянский характер. Так, поясняя обязанности обер-кухенмейстера, чья должность была также в прусском и датском регламентах, он писал, что это «ныне почитай всюда дворянская шаржа есть»⁷¹.

Большинство названий должностей придворного штата в «Объявлении о рангах» было заимствовано из прусских регламентов. Однако на самом деле 34 должности из 44 существовали при русском дворе в XVII — начале XVIII в., но под другими наименованиями. В этом легко убедиться, сравнив «Объявление о рангах» с «Показанием древних российских чинов гражданских и придворных с изъяснением каждого», составленным в Иностранной коллегии в 1721 г. Ознакомившись с «Объявлением о рангах», Петр I не во всех случаях сразу нашел им русские эквиваленты среди должностей дворцового управления. Сохранилась черновая роспись придворных чинов, написанная рукой А. В. Макарова, в которой было 13 классов. Против некоторых названий в скобках дано русское толкование, которое сделал Макаров или записал со слов Петра I; например: «гран метре де ла робе — казначей или боярин большой казны», «мунт-шенк — ямской прикащик», «надворный цейхмейстер — купчина ис купчества», «шлосфохт — товарищи губных старост», «антиквариус — головы ларечные», «обер-шенк — Ямского приказа судья»⁷².

Во время редактирования проекта Табели о рангах в январе 1721 г. Петр I приказал Иностранной коллегии составить «Показание древних российских чинов гражданских и придворных с изъяснением каждого». Содержащее описание обязанностей думных чинов, дьяков, гостей, подъячих трех статей, а также придворных должностей, причем в ряде случаев указаны их немецкие эквиваленты (ловчий — обер-егермейстер, стряпчий — гофмейстер, стольник — титулярный камергер, шарошник — мунт-шенк и т. д.)⁷³. Этот документ интересен в нескольких отношениях. Во-первых, он свидетельствует о том, что в России XVI—XVII вв. существовала своя система чинов в дворцовом и государственном управлении. Во-вторых, многие из чинов русского придворного штата вошли под новыми, преимущественно немецкими, названиями сперва в редакцию проекта Табели о рангах Остермана, а затем и Петра I.

Гораздо больший интерес в проекте Остермана представляет «цивильный» штат. Когда он приступил к составлению «Объявления о рангах», номенклатура новых гражданских должностей в России в основном уже сложилась. Она во многом была заимствована из Швеции, чьи учреждения Петр I неоднократно рекомендовал брать за образец при разработке регламентов и инструк-

⁷¹ ЦГАДА, ф. 370, д. 16, л. 51 и об.

⁷² ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. I, кн. 37, л. 385.

⁷³ В. А. Евреинов. Указ. соч., Прилож. 2, стр. 95—98; см. также ЦГАДА, ф. 370, д. 14, лл. 1—6 об.

ции, внося в них необходимые коррективы применительно к русской действительности. Так, в указе Сенату от 11 декабря 1717 г. содержался составленный Петром I «Реестр людям в коллегиях», в котором перечислены должности советников, ассессоров, секретарей, нотариусов, актуариусов, регистраторов, рентмейстеров, переводчиков⁷⁴. Должность переводчика существовала в Посольском приказе еще в XVII в. Спустя четыре дня в новом указе царя были названы президенты и вице-президенты коллегий⁷⁵. Должности канцлера и подканцлера⁷⁶, а также действительных тайных и надворных советников существовали уже в начале XVIII в. 3 ноября 1718 г. сенаторам и президентам коллегий были розданы копии «приговору сенатского» и подготовке к реформе местного управления, в которой были названы должности губернаторов, ландсгевдингов, ландрихтеров, земских секретарей, камериров, ландмейстеров, кирхеншпильфохтов. 26 ноября 1718 г. Петр I собственноручно составил перечень органов губернского управления и дал русское толкование 14 шведским терминам (ландсгевдинг, обер-ландрихтер, ланд-секретарь, бухгалтер, ланд-рентмейстер, ланд-фискал, ландмейстер и др.)⁷⁷. В связи с созданием Юстиц-коллегии и сети местных судов в официальных документах были указаны основные должности судебных чиновников Швеции⁷⁸. В январе 1719 г. были изданы инструкции воеводам, земским комиссарам, земским камерирам, в феврале — регламент Штатс-контор-коллегии, в марте — Камер-коллегии, содержавшие подробный перечень учреждений и должностей местного управления⁷⁹. 19 февраля 1719 г. был подписан указ об устройстве канцелярии Сената, в котором дано определение обязанностей отдельных чиновников⁸⁰, и т. д. Наконец, после того как Петр I исправил 12-й вариант Генерального регламента коллегий, его текст 30 апреля 1719 г. был разослан всем коллегиям для внесения дополнений и изменений⁸¹. В этом документе были также названы основные должности центрального и местного управления.

Таким образом, свыше 90% названий должностей государственного управления, включенных в «Объявление о рангах», к весне 1719 г. уже можно было найти в русских официальных документах. В отдельных случаях Остерман использовал русское законодательство при составлении номенклатуры должностей, сославшись на Генеральный регламент⁸².

⁷⁴ Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 216—217, 218.

⁷⁵ ПСЗ, т. V, № 3133.

⁷⁶ Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 517 (1709 г.).

⁷⁷ Там же, стр. 61, 63.

⁷⁸ Там же, стр. 386, 370, 371, 380.

⁷⁹ ПСЗ, т. V, № 3294—3296, 3303.

⁸⁰ Там же, № 3311; Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 411—412.

⁸¹ ПСЗ, т. V, № 3363.

⁸² ЦГАДА, ф. 370, д. 16, лл. 64 об., 65.

Кроме того, Остерман привлекал и иностранные уставы, заимствуя наименования должностей, которых еще не было в России. Так, из шведского регламента 1696 г. были взяты названия должностей обер- и унтер-штатгальтеров в столице, экономии штатгальтера, губернаторов пограничных провинций⁸³; из датского устава 1699 г.— обер-директора над пошлинами, директора провинциальных пошлинных сборов, титулярных государственных советников и камергеров⁸⁴.

Взаимство с «цивильным» штатом свидетельствует о том, что в нем количественно преобладали должности низшего и среднего звена чиновничества, что отражало рост бюрократизации государственного управления при абсолютизме. На долю высшего чиновничества (1—6-й ранги) приходилось всего 23 должности из 103.

В «Объявлении о рангах» были подробно перечислены должности секретарей, переводчиков, актуариусов, архивариусов, нотариусов, камеринов, имевшихся в центральных (Сенат и коллегии), губернских, провинциальных и уездных учреждениях, а также в органах городского самоуправления, возглавлявшихся бургомистрами. В нем были названы должности почтмейстеров и межевщиков в городах, а также канцеляристов, копиистов и вахмистров коллегий, которые имелись в шведском регламенте 1696 г.

При размещении должностей по классам в «Объявлении о рангах» Остерман следовал иерархии должностей, которая была намечена в Генеральном регламенте коллегий. Иностранное законодательство, особенно датское и прусское, оказало большое влияние на размещение должностей по рангам⁸⁵. Однако буквального совпадения не было: Остерман использовал идею разделения должностей по классам, но предложил свою группировку; внутри рангов должности следовало размещать в зависимости от времени выслуги их обладателей. «Цивильный» штат государства, по его проекту, должен был возглавлять канцлер «как первый министр». Вместе с ним входили в 1-й ранг президенты коллегий и действительные тайные советники. Во 2-м ранге находились генерал-губернаторы, обер-штатгальтер в столице, вице-канцлер, а также тайные советники. Последней должности, как видно из «Объявления о рангах», Остерман придавал большое значение. Помимо них еще были тайные советники канцелярий и тайные военные советники (4-й ранг), имевшиеся в рангах Дании и Пруссии, а также советники коллегий (4-й ранг), надворные и титулярные советники, ассессоры коллегий (8-й ранг) и ассессоры надворных судов.

В пояснениях к «Объявлению о рангах» Остерман мотивировал целесообразность включения должностей действительных

⁸³ ЦГАДА, ф. 370, л. 19, л. 30 и об.

⁸⁴ В. А. Евреинов. Указ. соч., Прилож. 1, стр. 87, 89.

⁸⁵ Там же, стр. 32—33, 36.

тайных советников в 1-й ранг, а также предложенную им разбивку придворных и государственных должностей по рангам ссылками на пример европейских, особенно немецких, государств, где важную роль в управлении играли тайные советы. И хотя в своем проекте Табели о рангах Остерман должен был исходить из отсутствия в России Тайного совета, все его симпатии были на стороне последнего⁸⁶.

В проекте Остермана отсутствует чин «сенатора», хотя в официальных документах того времени Сенат именовался «Правительствующим» и «Высокоправительствующим». Когда он начал работу над своим проектом Табели о рангах, русское правительство уже располагало сведениями о тех изменениях, которые король Карл XII произвел в системе высших органов Швеции. Находившийся на русской службе немец Г. Фик, которому Петр I поручил помогать Я. В. Брюсу составлять регламенты и инструкции коллегий и других учреждений, представил в Иностранную коллегию 25 апреля 1718 г. записку по этому вопросу. В ней содержались данные об организации высшего управления страной после утверждения абсолютизма в правление Карла XI и его сына Карла XII. Став самодержавным монархом, Карл XI стремился править единолично с помощью своих советников. Для усиления централизации и улучшения работы учреждений он провел более четкое распределение обязанностей между ними, снабдил их регламентами и инструкциями, которые все были обязаны неуклонно выполнять. Фик отметил, что, добиваясь укрепления неограниченной власти, «в определении служителей смотрел король больше на достоинство, нежели на породу», мало считаясь с «Сенатом», т. е. риксродом. В результате в правление Карла XI «французскому и всенародным максима́м самодержавства последовали»⁸⁷.

Карл XII, ведя Северную войну, на время частых и длительных отлучек опять стал использовать «Сенат» как высший орган для управления Швецией, «однако ж он принцессе, своей сестре, президиум во оном отдал». В 1714 г. король реорганизовал управление, и чтобы ослабить влияние риксро́да, подражая «от большей части французским порядком», учредил должности 6 министров («стапратов» — государственных советников) во главе с «вышним омбуцманом». После этой реформы «Сенат иного дела, кроме судебного, не имеет», его члены фактически стали превращаться в обычных советников короля, каждый из них имел дру-

⁸⁶ Мысль о необходимости абсолютному монарху иметь Тайный совет, в котором сосредоточено решение важнейших дел и члены которого поставлены над всеми государственными учреждениями, подчиняясь только королю, подробно развивалась в «Предложении» (ЦГАДА, ф. 370, д. 16, лл. 50—50 об., 77—79 об.). Позже, в 1724 г., Остерман составил проект регламента Иностранной коллегии, которую он называл Тайным советом (М. А. Поліевков. Указ. соч., стр. 407).

⁸⁷ Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 546—547.

гой чин (обер-штатгальтер, генерал-губернатор, обер-гофмаршал и т. д.). «И ныне,— писал Фик,— есть, почитай, такой вид, что сей король титул сенаторской весьма отставить хочет», и «никому больше не дает»⁸⁸.

Доставленную им информацию внимательно изучали в России. По запросу Иностранной коллегии Фик представил 20 марта 1719 г. справку «Ранг шведскому гражданскому статусу», в которой были отражены изменения, произведенные Карлом XII в 1714 г. в управлении Швецией⁸⁹. Следует подчеркнуть, что Остерман и без записок Фика хорошо знал состояние государственного управления в Швеции после смерти Карла XII: находясь на Аландском конгрессе, он постоянно посылал за такой информацией агентов в Стокгольм, а в июле 1717 г. сам посетил столицу Швеции⁹⁰.

С учетом приведенных данных можно полагать, что опыт Швеции также повлиял на решение Остермана не включать должность сенатора в Табель о рангах, чтобы подчеркнуть зависимое положение Сената от власти абсолютного монарха и предупредить образование такого органа, который мог бы как-то ущемлять самодержавие. Подобная позиция Остермана соответствовала той линии, которой держался в отношении Сената Петр I, дававший сенаторам чин тайного советника и не включавший их должности в Табель чинов.

В целом при составлении «цивильного» штата и размещении его должностей по рангам в проекте Остермана чувствуется большая, чем в придворном штате, зависимость от иностранного, особенно шведского и датского, законодательства. Однако при этом следует отметить «вторичный характер» использования иностранных наименований должностей государственного управления: сперва их заимствовало правительство, затем эти названия брал Остерман и дополнял их перечень некоторым количеством новых «чинов», еще не встречавшихся в официальных русских документах.

Рассмотрим содержание «Пунктов» к Табели о рангах. Они начинались словами: «По примеру других учреждений рангов следующие пункты к вышеписанному (т. е. к «Объявлению о рангах». — С. Т.) прибавлены, дабы сие дело в совершенный порядок и ясность привести»⁹¹. Из 14 статей «Пунктов» Остерман взял 5 статей из регламента 1696 г. Карла XII, не меняя их расположения. Статья 1-я шведского регламента определяла размеры наказаний чиновникам, если они будут требовать более высокие ранги, чем те, на которые имели право. Остерман указал, когда чиновникам не следует придерживаться имеющихся у них рангов.

⁸⁸ Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 546.

⁸⁹ Сохранилось несколько копий этого документа (ЦГАДА, ф. 370, д. 19, лл. 30 и об., 34—42 об. и др.).

⁹⁰ С. А. Фейгина. Указ. соч., стр. 409.

⁹¹ ЦГАДА, ф. 370, д. 16, л. 6.

Шведский регламент 1696 г.

«1. Ежели кто себе больши данного от королевского величества патента ранг усвоит или для племянства и родства ранг уступит кому другому, пред которым ему преференцию иметь надлежало, и по такому образу уменьшит надлежащее свое достоинство и честь, над оным без всякой милости штраф учинен будет 1500 ефимков и ис того штрафа две части, или 1000 ефимков, отдать в главную церковь в столице, а третью часть фискалу или доносителю»⁹².

Редакция Остермана

«1. Кто умысленно вышнего рангу востребует или возьмет, нежели здесь написано, тому за каждой случай платить штрафу 2 месяца жалованья. И ежели кто без жалованья служит, то платить ему такой штраф, как жалованье тех чинит, которые с ним равного рангу и действительно жалованье получают. Из штрафных денег имеет доводчик третью долю получить, а достальные имеют в богаделенных домах употреблены быть. Но сие осмотрение каждого рангу не в таких оказиях требуется, когда некоторые, яко добрые друзья и соседи, съедутся или в публичных ассамблеях, но токмо в чиновных съездах, при погребениях, при крещениях и подобных публичных торжествах, или в таких случаях, когда кто из гордости, своевольства или из ссорылюбия у другога место спорить похощет»⁹³.

Уточнение Остерманом случаев, когда можно было не соблюдать ранги, было связано с изданием 26 ноября 1718 г. «Объявления, каким образом ассамблеи отправлять надлежит», начало и три первых пункта которого были написаны Петром I, стремившимся привить новые формы быта дворянам, офицерам и чиновникам⁹⁴. Осуждение в этой статье «гордости» и «ссорылюбия» было направлено против пережитков местничества среди дворян.

Текст 2—4-й статей шведского регламента 1696 г., определявших порядок утверждения монархом патентов на чины и ранги, полученные на службе в своей стране и за границей, а также при выходе чиновников в отставку, Остерман включил в свою редакцию проекта без каких-либо изменений в содержании, но изложил их более четко и кратко⁹⁵.

Содержания 5-й статьи шведского регламента 1696 г. о наказании офицеров за преступления лишением чинов и рангов Остерман не менял, но изложил в иной литературной редакции,

⁹² Там же, л. 3 и об.

⁹³ Там же, л. 6.

⁹⁴ ПСЗ, т. V, № 3246; П. П. Пекарский. Указ. соч., т. II, стр. 435—437.

⁹⁵ Ср. ЦГАДА, ф. 370, д. 16, л. 6 об. и д. 19, лл. 3 об.—4 об.

подчеркнув мысль о том, что за «тяжкие преступления» все лица, независимо от «титла и рангу», лишаются должности и чина, которые могут быть восстановлены лишь по воле монарха⁹⁶. «Тяжкими преступлениями» считались выступления против царской власти, хищения казны и т. п. В те годы, когда составлялся проект Табели о рангах, состоялся процесс по делу царевича Алексея, были раскрыты крупные злоупотребления ряда сановников и фискалов. Петр I был скор на расправу, но позже прощал некоторых виновных, сумевших доказать ему преданность своей верной службой. Предлагаемая Остерманом редакция 5-й статьи «Пунктов» и предусматривала возможность подобных ситуаций.

При составлении 6, 8—10 и 12-й статей «Пунктов» Остерман использовал датское законодательство. Это прежде всего относится к содержанию статей, касавшихся «женских рангов», которые встречались только в датских регламентах. Статья 6-я «Пунктов», провозглашающая принцип, что «все замужные жены, высокие и нижние, поступают в рангах по чинам их мужей», под угрозой, по смыслу точно соответствовала абзацу регламента Христиана V 1699 г.⁹⁷ Текст 8-й статьи «Пунктов» определял иерархию «женских чинов» в России: незамужние дочери чиновников, служившие фрейлинами при дворе, должны были получать чин на шесть рангов ниже, чем отец (если отец имел чин 1-го класса, то дочь находилась в 7-м классе и т. д.). Статья 9-я устанавливала взаимоотношения между женщинами, занимавшими должности в придворном штате царицы (обер-гофмейстерины, гофмейстерины и т. п.), и женами лиц, служивших при дворе царя⁹⁸.

Сравнение текстов регламента Христиана V и 6, 8, 9-й статей «Пунктов» свидетельствует о том, что Остерман заимствовал из датского закона идею введения «женских рангов», но дал свою группировку их по классам. Включение в проект Табели о рангах статей, устанавливающих ранги для жен чиновников, было новым явлением. Оно было связано с проводимой Петром I политикой «европеизации» России, проявлявшейся и в быту различных сословий и групп населения. Одним из следствий этой политики было привлечение женщин на официальные государственные церемонии, торжества, ассамблеи, что находило свое отражение в петровском законодательстве, в том числе и в подготавливаемом проекте Табели о рангах.

Особенно важное значение в «Пунктах» имела 10-я статья, согласно которой все лица, дослужившиеся до чинов шести первых классов (рангов), получали потомственное дворянство, независимо от социального происхождения. Содержание этой статьи в основном повторяло текст «Регламента о рангах» Христиана V:

⁹⁶ Ср. ЦГАДА, ф. 370, д. 16, лл. 6 об.— 7 и д. 19, л. 4 об.

⁹⁷ Ср. там же, д. 16, л. 7 и д. 56, л. 34.

⁹⁸ Там же, д. 16, лл. 7 об.— 8 об.

«Регламент о рангах» 1699 г.

«А те персоны, которые служат или служили в тех чинах, которые в трех первых степенях описаны, какого б урждения они ни были, хотя они наши природные подданные или приезжие, имеют сами, их жены и дети вечно быть и содержутся за древное шляхетство и равно имеют получать привилегии, чести, достоинства и прерогативы, хотя они от короля щитом и гербом пожалованы или нет»⁹⁹.

10-я статья «Пунктов»

«Все служители российские или чужестранные, которые в шести первых статьях находятся или действительно были, имеются с женами, законными детьми и потомками в вечные времена лучшему старшему шляхетству во всяких достоинствах и авантажах равно почтены быть, хотя б они из niskой породы были и прежде от коронованных глав никогда в шляхецкое достоинство произведены или гербом снабжены не были»¹⁰⁰.

В «Пунктах» было удвоено количество рангов, дающих возможность выходцам из непривилегированных сословий получать дворянство путем выслуги. Это объяснялось рядом причин. В три первые класса Остерман включил всего 8 должностей гражданского и 5 — придворного управления (канцлер и вице-канцлер, президенты коллегий действительные тайные советники, тайные советники, губернаторы, обер-маршал, обер-камергер, обер-штабмейстер и др.), всего не более 35—45 чел. Если бы он слепо копировал нормы датского регламента, то значительная часть высшего слоя чиновников (вице-президенты коллегий, различного рода советники, вице-губернаторы, воеводы провинций и пр.) не попала бы в разряд лиц, имеющих право получить дворянство службой монарху. Между тем на этих должностях при Петре I находились не только потомственные дворяне, но и выходцы из социальных низов.

В этой связи возникает вопрос: сам ли Остерман удвоил количество рангов, дающих дворянство выходцам из социальных низов, или это было сделано по указанию царя? Мы не имеем свидетельств источников, но думается, что такое важное решение не мог предложить ни один сановник без предварительной санкции Петра I, непосредственно участвовавшего в подготовке проектов подавляющего большинства указов и регламентов.

Включение в «Пункты» статьи, открывавшей возможность для проникновения в ряды привилегированного сословия выходцам из социальных низов, несомненно способствовало укреплению социально-политической базы абсолютной монархии, делало бюрократию ее послушной служанкой. Само внесение этого пункта было логическим развитием принципа выслуги, идеи службы монарху.

⁹⁹ Там же, д. 56, л. 32 и об.

¹⁰⁰ Там же, д. 16, л. 8 об.

Статья 12-я «Пунктов» содержала положение о том, что члены царской фамилии имеют более высокие ранги, чем все остальные чиновники государства. Она повторяла в несколько иной литературной редакции соответствующий абзац из датского регламента 1699 г.¹⁰¹ Вряд ли есть основания в данном случае упрекать Остермана в заимствовании: во всех европейских странах члены королевской семьи имели право занимать высшие должности в государстве и при дворе. Следует заметить, что в 12-й статье «Пунктов» специально оговаривалось, что таким правом обладали не только прямые потомки правящей династии, но и те лица, которые «с царскою принцессою сочтанны». Эти строки писались Остерманом вскоре после процесса по делу царевича Алексея и его сообщников, закончившегося смертью царевича. У Петра I в это время было несколько дочерей и младенец-сын. Кроме того, несколько племянниц, дочерей старшего брата Ивана Алексеевича, были замужем за герцогами мелких немецких государств.

Статья 7-я «Пунктов» развивала чрезвычайно важное положение о том, что любой человек, независимо от социального происхождения, может получить ранг благодаря верной службе монарху. Тем самым чины, приобретаемые службой монарху, ставились выше привилегий, даваемых дворянину происхождением. Мысль об этом содержалась в регламентах о чинах Швеции, Дании и других государств, но особенно четко она была сформулирована Фридрихом I во вступлении к «Королевскому прусскому учреждению о степени 1705 году».

«Королевское прусское учреждение о степени 1705 году»

«...Объявляем, что мы для учреждения всяких помешательств и ссор об степени между наших служителей всемиловейше благоизобрели совершенный указ и учреждение написать и сим объявити велели тако и сим образом, что при сем не иные какие расположения, кроме чину почитаются, також все наши служители, хотя они суть не шляхетные или вышнего урждения, токмо по чинам, которые они от нас имеют, достоинство и установленную степень в явных и особливых собраниях по порядку, како мы учредили, держати должны...»

7-я статья «Пунктов»

«Сыновьям Российского государства князей, графов, баронов и знатнейшего шляхетства, також де служителей знатнейшей статьи, хотя мы позволяем для знатной их породы или их отцов знатных чинов в публичные ассамблеи, где двор находится, свободной доступ пред другими нижнего чину и охотно видим, чтоб они от других во всяких случаях по достоинству отличались, однако ж мы для того никому никакого рангу не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не показывают или чрез особливую милость характера не получили»¹⁰².

¹⁰¹ ЦГАДА, ф. 370, д. 16, л. 9 и д. 56, л. 32.

¹⁰² Там же, д. 1, лл. 29 об.— 30 и д. 16, л. 7 и об.

Мысль о превосходстве верной службы монарху над привилегиями, даваемыми «породой», содержалась и в уже цитированшемся указе Петра I от 16 января 1712 г. о почитании обер-офицеров. В результате потомки родовитой аристократии и дети «отцов знатных чинов» были уравнены перед абсолютным монархом с разночинцами и поставлены на одну ступень: чтобы получить ранги, отличающие человека в обществе, каждому необходимо было служить.

Таким образом, в целом статьи 7—19-я «Пунктов» предусматривали законодательное закрепление принципа личной выслуги над происхождением, причем выходцы из социальных низов могли получать дворянское достоинство по достижении чина определенного ранга. Включение этих пунктов отвечало интересам абсолютизма, укрепляло его социальную опору в лице бюрократии.

К ним примыкали еще две статьи: обладатель двух и более чинов мог пользоваться тем рангом, который давала более высокая должность; каждый чиновник должен иметь наряд, экипаж и ливрею для слуг по своему чину (11-я и 14-я статьи)¹⁰³.

Несколько особняком стоит самая обширная 13-я статья¹⁰⁴. В ней говорилось, что только монарх может жаловать дворянское достоинство. Царь всегда имел право жаловать подданных в дворяне. Новым было то, что это включалось в закон, призванный укрепить власть абсолютного монарха, причем если ранее царь жаловал в дворяне отдельных лиц, то по Табели о рангах все чиновники по достижении определенного ранга становились шляхтичами. Далее в 13-й статье шла пространная филиппика против незаконно присваивающих себе дворянство и гербы. Под угрозой «воспоследующего обругания» каждый человек должен был избегать «такого непристойного поступка». Затем сообщалось, что царь скоро учредит комиссию, которая проверит принадлежность русских и иноземных чиновников к дворянству. Остерману было известно о намерении Петра I учредить должность герольдмейстера для учета дворян. Еще в 1713 г. царь поручал барону Г. Гюйссену составить проект образования Герольдмейстерской коллегии и разработать церемониал приема послов¹⁰⁵. Вновь к мысли о необходимости назначить «герольда» Петр I, как явствует из его записной книжки, вернулся во второй половине января 1721 г., в связи с редактированием остермановского проекта Табели о рангах¹⁰⁶. Пункт о борьбе с лицами, незаконно присваивающими дворянство и гербы, был заимствован Остерманом из законодательства европейских стран. В России гербы начали вводиться Петром I после 1722 г. Суровое осуждение самозванных дворян отражало недовольство правительства тем, что

¹⁰³ Там же, д. 16, лл. 8 об.— 9, 10.

¹⁰⁴ Там же, лл. 9 об.— 10.

¹⁰⁵ И. Ш. Пекарский. Указ. соч., т. I, стр. 101.

¹⁰⁶ Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 89—90.

при составлении в 1682 г. Бархатной книги в Разрядный приказ было подано много фальшивых родословных росписей.

Заканчивалась 13-я статья полемическим выпадом: «Никто не возможет чрез то себя узаконить, что целое шляхетство какой провинции кого в братство их примет». Он был направлен против сохранения привилегий верхов бюргерства и немецкого дворянства Лифляндии и Эстляндии, хотя они прямо и не названы. Когда в ходе Северной войны русские войска заняли Восточную Прибалтику, правительство Петра I заключило классовый союз с остзейским дворянством и сохранило его привилегии, оговорив их в «капитуляциях» и «универсалах», составленных при сдаче Риги, Пернова и Ревеля. Позже сословные права прибалтийских дворян и верхушки бюргеров были подтверждены в условиях Ништадтского мирного договора. Такая политика Петра I была продиктована рядом политических соображений: сложной международной обстановкой и желанием прочно закрепить за Россией Прибалтику, привлекая па свою сторону господствующий класс этих провинций и используя его для управления краем. Царь строго следил за выполнением условий «капитуляций»¹⁰⁷.

Будучи сторонником абсолютной монархии, Остерман в «Пунктах» в очень осторожной форме выступил против сохранения привилегий остзейских дворян в неизменном виде. В 30-х годах XVIII в., став фактически главой русского правительства, он выступал против привилегий остзейских дворян, ибо усматривал в них феодальные начала, враждебные усилению политической централизации страны¹⁰⁸.

При подготовке проекта Табели о рангах Остерман использовал отечественное законодательство и сложившуюся в России иерархию чинов. Он также широко привлекал иностранные уставы о чинах (прямое заимствование и творческая переработка отдельных правовых норм с учетом русских условий, а также использование наименований некоторых должностей и принципов их группировки по рангам и т. д.). Однако, используя нормы иностранного, главным образом шведского, датского и прусского, права, Остерман стремился придать «европейскую форму» уже сложившейся в России иерархии учреждений, должностей и чинов, основанной на личной выслуге.

В связи с работой Остермана над проектом Табели о рангах возникает вопрос: сам ли он выдвигал некоторые важные положения, затрагивающие интересы правящего класса и бюрократии (например, определение количества рангов, дающих выходцам из социальных низов потомственное дворянство и др.), или вносил их после консультаций с Петром I? В литературе правильно отмечено, что чрезвычайно трудно, а порою и невозможно выделить долю Петра I в разработке важнейших законодательных

¹⁰⁷ Я. Я. Зугис. Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946, стр. 42—62, 74—80; Л. А. Шикифоров. Указ. соч., стр. 432—433.

¹⁰⁸ Я. Я. Зугис. Указ. соч., стр. 163—166, 179.

актов. Обладая незаурядными способностями, талантом, широким кругозором государственного деятеля и огромной работоспособностью, царь не только играл главную роль в выборе основных направлений во внутренней и внешней политике России, но активно вмешивался в подготовку законов, постоянно выступая в роли редактора и автора¹⁰⁹. Вряд ли мы ошибемся, если допустим, что Петр I не просто интересовался составлением проекта Табели о рангах, но и давал Остерману свои указания на этом этапе его разработки.

2. Первая редакция Табели о рангах Петра I 1721 г.

Следующий этап в создании Табели о рангах связан непосредственно с именем Петра I, который приступил к работе по редактированию проекта Остермана в январе 1721 г. и подверг его коренной переделке. В результате возникла новая редакция. Проект Остермана не удовлетворил царя по ряду причин. Он не охватывал такой важный «члн» абсолютной монархии, как армия, где служила большая часть дворян. Именно в армии и флоте ранее всего сложилась иерархическая система чинов, основанная на принципе личной выслуги, допускавшая проникновение в ряды офицеров выходцев из других сословий. Отставные офицеры замещали должности в гражданских учреждениях. В интересах укрепления государства было необходимо установить определенные взаимоотношения между лестницами чинов в обоих ведомствах. В проекте Табели о рангах Остермана на первом месте стояли должности придворного штата. Система государственных чинов была подчинена им. Это принижало в глазах дворян гражданскую службу. Между тем Петр I пытался словом, делом, личным примером воспитывать подданных в уважении к «государственному интересу».

За основу распределения всех должностей в государстве по рангам Петр I взял лестницу чинов, существовавшую в сухопутной армии, прибавив к ней чины морских офицеров. В написанном Петром I наброске в два столбика перечислены 10 морских и столько же воинских офицерских чинов в порядке служебной иерархии, начиная от генерал-адмирала и генерал-фельдмаршала и кончая обер-штурманом и прапорщиком¹¹⁰. Затем Петр I отредактировал этот список (вместо должности «генерал-фельдмаршал-лейтенант» он написал просто «генерал» и т. п.) (см. Приложение).

Петр I считал необходимым закрепить привилегированное положение офицеров гвардии и артиллерии: их чины были выше на один ранг, чем соответствующие чины остальных офицеров

¹⁰⁹ В. Э. Грабарь. Материалы к истории литературы международного права в России. М., 1958, стр. 44—46.

¹¹⁰ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. I, кн. 37, л. 397.

армии и флота¹¹¹. Гвардия была важнейшей опорой абсолютизма в бурных событиях конца XVII — первой четверти XVIII в. В то же время она была школой офицерских кадров из числа дворян для всей армии. По мнению царя, дворянские недоросли должны были начинать военную службу только в гвардейских полках. В его указе президенту Военной коллегии от 4 июня 1723 г. говорилось о том, что под страхом суда, «кроме гвардии, никуда дворянских детей и офицерских иноземческих не писать»¹¹². Наравне с гвардией Петр I поставил офицеров артиллерии, которую он поощрял для укрепления боеспособности армии¹¹³.

Определив принцип распределения всех должностей по классам, царь, употребляя сокращенное написание слов, наметил ранги штатских чинов в зависимости от рангов офицеров армии. Его черновик содержит перечень девяти первых рангов воинских чинов и восьми — штатских (из них указаны лишь три первых: канцлер, действительные тайные советники, президенты коллегий). Вместо остальных должностей вписаны цифры, которые, видимо, обозначали номера соответствующих гражданских чинов и были понятны помощнику Петра I в этой работе А. В. Макарову, который тут же отдавал писцам для переписки полученные от царя черновики Табели о рангах. На этом листе есть помета: «Сие писано в 10-й день генваря 1721-го году и отдано того же числа»¹¹⁴. После переписки черновых набросков Петр I снова правит проект Табели о рангах. Он использовал «Объявление о рангах» А. И. Остермана и дополнил его новыми должностями гражданского управления, появившимися в ходе реформ государственного аппарата (генерал-полицмейстер, генерал-директор).

Одновременно Петр I менял классы отдельных должностей: советники коллегий были повышены на один ранг и были приравнены к чину армейского полковника. Должности канцлера, действительных тайных советников и президентов коллегий по сравнению с предложениями Остермана были понижены соответственно на один, три и четыре ранга. Большинство других должностей гражданского управления по сравнению с военными было понижено на один-два ранга. Петр I исключил из Табели должности вице-канцлера, титулярных камергеров, тайных советников канцелярии и тайных военных советников, которые Остерман заимствовал в регламентах Пруссии и Дании, но вписал чин тайного советника канцелярии Иностранных дел, соответствовавший рангу генерал-майора армии, который уже был у Остермана.

¹¹¹ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. II, кн. 93, лл. 210—211. 10 марта 1719 г. Петр I приказал в гвардии рационы давать «по цесарскому уставу» — рангом выше, чем в кавалерии (ПСЗ, т. V, № 3332).

¹¹² ОРФ Института истории СССР, ф. «А», раздел I, д. 90, док. 92, стр. 269.

¹¹³ Б. В. Золотарев. К вопросу о начале артиллерийского и военно-инженерного образования в России. — «Проблемы истории феодальной России». Л., 1971, стр. 198—206.

¹¹⁴ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. I, кн. 37, л. 396.

Принципиальный характер имело включение в государственные штат должности «обер-герольдмейстера», которую Петр I приравнял к рангу бригадира. Этим он подчеркнул новый характер должности герольдмейстера, который был обязан вести учет дворян, чтобы обеспечивать бесперебойно кадрами армию, флот и государственный аппарат. В отличие от Петра I Остерман рассматривал должность герольдмейстера как сугубо придворную — хранителя дворянских сословных привилегий, как это было в странах Западной Европы ¹¹⁵.

Сравнение этой редакции Табели с «Объявлением о рангах» Остермана свидетельствует о том, что Петр I создал новый документ, в котором поставил должности гражданского и придворного управления в зависимость от системы воинских чинов. Придворные чины шли за государственными. Общий заголовок в Табели тоже был изменен: если у Остермана были две рубрики («Придворный стат», «Цивильный стат»), то Петр I дал одну — «Государственный стат», которая достаточно выразительно характеризует отношение царя к подготавливаемому закону.

Подписав 1 февраля 1721 г. проект Табели о рангах, Петр I не считал его окончательным и предусматривал привлечение к его обсуждению высших сановников Российской империи — членов Сената, которым давался для размышления полугодовой срок, «дабы еще осмотретьца, ежели что переменить, прибавить, или убавить»; он «особливо» предлагал подумать «о тех чинах стацких и дворовых, которые от ранга генерала-майора и ниже, так же и о их жалованье, кому какое надлежит: против ли ранга служивых (т. е. военных.— *С. Т.*), которые с кем в одном классе или меньше или иным больше» ¹¹⁶. Сам Петр I еще не решил, как устанавливать жалованье чиновникам.

Чтобы облегчить сенаторам знакомство с проектом Табели о рангах, Петр I приказал сделать два приложения. Первое содер-

¹¹⁵ В бумагах Остермана имеется объяснение обязанностей герольдмейстера: «Должность сво быть президентом в обер-герольдии и гербовой канцелярии, особливими уставами снабдена. 1. Учреждает он королевский герб с провинциями по-порядку искусства и сходству, как оной на печатях, монетах, знаменах, штандартах, мобилиах, серебряной посуде, каретах и в прочем по достоинству употреблять при перемене или при умножении, чтоб всегда пристойная фигура содержана была. 2. Учреждают они орнаменты, или украшения, при короновании, при играх рыцарства и триумфах. 3. Свидетельствует происшедшее всеу употребление в гербах и фамилиях, дабы никто более, нежели ему принадлежит, не употреблял, и чтоб знатные господа и шляхетные фамилии при их прерогативах или преимуществах содержаны были. 4. Содержат они полную родословную роспись поколениям и гербам, ис которых княжеские и шляхетные фамилии всегда известие получить могут, ежели кто ис кровных их потеряется. 5. Учреждают статьи и уставы кавалерских орденов по намерению его величества. 6. Диплом и гербы тех, которые новыми достоинствами княжескими, графскими и шляхетными характерами пожалованы бывають» (ЦГАДА, ф. 370, д. 16, л. 14 и об.).

¹¹⁶ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. II, кн. 93, лл. 210—211.

жало роспись всех воинских чипов от генерал-фельдмаршала до солдата с указанием годовых окладов их жалованья «по новому расположению», т. е. штату 1720 г. Вслед за ними были перечислены все нестроевые должности (полевые священники, лекари, писари и т. п.) и их оклады. Параллельно были указаны оклады офицеров и солдат «по цесарскому» и «датскому» регламентам¹¹⁷. Во втором документе были названы «новые чины» гражданского управления, от действительных тайных советников до камер-шрайберов и канцеляристов в провинциях, чьи наименования были заимствованы из уставов Дании и Швеции и затем использованы Петром I¹¹⁸.

Петр I внес изменения в «Пункты» к Табели о рангах. Он исправил текст преамбулы, которой начинались «Пункты».

Редакция Остермана

«По примеру других учреждений рангов следующие пункты к вышеписанному прибавлены, дабы сие дело в совершенный порядок и ясность привести».

Редакция Петра I

«Во учрежденной вышеобъявленной Табели рангов прилагаются сии пункты, каким образом со оными рангами каждому поступать и за преступления наказаны будут».

Написанная в обычном для Петра I стиле, преамбула содержала угрозу наказанием за нарушение Табели. Однако более важное значение имело исключение царем из текста указания на подражательный характер подготавливаемого законодательного акта.

Петр I в конце 4-й статьи сделал дополнение, указав, когда следует придерживаться Табели о рангах:

Редакция Остермана

«...но токмо в чиновных съездах, при браках, при крещеннях и сим подобных публичных торжествах, разве в таких случаях, когда кто из гордости, своевольствия, ссорылюбия у другово место спорить похощет».

Редакция Петра I

«...но токмо в церквах при службе божией, при дворовых церемониях, яко при аудиенции послов, торжественных столах, в чиповных съездах, при браках, крещеннях и сим подобных публичных торжествах. Равной же штраф и тому следует, кто кому ниже своего рангу место уступит, чего надлежит фискалом прилежно смотреть, дабы тем охоту подать к службе и оным честь, а не нахалом и тунеядцам получать вышеписанной штраф как мужескому, так и женскому полу необходимо за преступления надлежит»¹¹⁹.

В 1-ю статью «Пунктов» Петр I включил характерные и для многих других его актов угрозы наказывать штрафом лиц, не ис-

¹¹⁷ ЦГАДА, ф. 370, д. 17, лл. 6—8 об.

¹¹⁸ Там же, лл. 13 об.—15 и д. 16, лл. 70—72, 74—76.

¹¹⁹ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. I, кн. 37, л. 388.

полняющих Табель. Он убрал формулировку Остермана о лицах, склонных к «ссорылюбию», так как она слишком прозрачно намекала на живучесть пережитков местничества в России. Включать такие слова в закон, призванный укрепить, сementировать правящий класс, Петр I, видимо, считал нецелесообразным. Но и предложенная им формулировка, осуждавшая «пахалов и ту-неядцев», тоже была слишком эмоциональной: в ней прорвалось раздражение Петра I теми дворянами, которые уклонялись от службы государству и которых он много раз понуждал суровыми мерами, вплоть до штрафов, конфискации имений и ссылки на каторгу, выполнять свой долг «верных подданных» монарха и блюсти «государственный интерес».

5-ю статью он переделал и дополнил разделом «Толкование о пытаных».

Редакция Остермана

«Те, которые за тяшкие преступления отставлены или в руках палача были, оные лишены от имевшего[ся] титула и рангу и не имеют ни в какие честные компании приходить, разве они от нас и для особливо склоняющей притчины за собственную нашу высокою рукою и печатью в совершенную их честь паки возставлены и о том публично объявлено будет»¹²⁰.

Редакция Петра I

«Те, которые за тяжкие преступления отставлены, публично на площади наказаны или хотя только обнажены или пытаны были, оные лишены от имевшего[ся] титула и ранга, разве они от нас за какие выслуги паки за собственную нашу рукою и печатью в совершенную их честь возстановлены и о том публично объявлено будет.

Толкование о пытаных.

В пытке бывает, что многие злодеи по злобе других приводят, того ради, которой напрасно пытан, в безчестные причестья не может, но надлежит ему дать нашу грамоту с обстоятельством его невинности»¹²¹.

Таким образом, Петр I уточнил, в каких случаях человек лишается рангов и исключается из «общества». У Остермана речь шла о лицах, совершивших тяжкие преступления и побывавших в руках палача. Петр I конкретизировал это положение, указав, что ранги не имеют права носить те, кто был публично наказан или шельмован [обнажен], а также подвергнут пытке. В данном случае он привел в соответствие текст 5-й статьи «Пунктов» с содержанием 53-й главы Генерального регламента коллегий, имевшей название «О шельмовании и па публичном месте о наказаниях, чтоб таковых в службу не допускать и сообщения никому с таковыми не имсть». Согласно этой главе, чиновников, которых ошельмовали или публично наказали, не разрешалось допускать

¹²⁰ ЦГАДА, ф. 370, д. 16, лл. 6 об.— 7.

¹²¹ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. I, кн. 37, л. 389 об.

на государственную службу, «в компании». Остальным людям запрещалось их посещать, «и единым словом, таковой весьма лишен общества добрых людей». За нарушение этого запрета виновным грозили лишение чина и ссылка на каторгу. Глава 53-я Генерального регламента имела также «Толкование о пытаных», написанное собственноручно Петром I, в котором говорилось о тех, кто «на публичном месте наказан или обнажен был»¹²². Содержание этой главы, несколько переставив и изменив слова, Петр I повторил в 5-й статье проекта Табели о рангах.

Право верховного судьи во всех случаях было важнейшей привилегией монарха. Написанное Петром I «Толкование о пытаных» должно было убеждать подданных в том, что осужденного или подвергнутого пытке человека может помиловать и сделать полноправным членом общества только всемогущий монарх.

Правка текста 8-й статьи была вызвана тем, что Петр I составил по существу новую Табель, включив в нее воинские чины, которые он поставил на первое место. Это повлекло за собой изменения в лестнице гражданских и придворных чинов. Их царь отразил в новой редакции статьи «Пунктов», устанавливавшей иерархию незамужних дочерей чиновников в зависимости от служебного положения их отцов¹²³. Петр I опустил концовку 8-й статьи в редакции Остермана, в которой подчеркивалось, что незамужние дочери находившихся на государственной службе отцов имеют право на соответствующие ранги лишь в том случае, если они «из шляхетской породы». Тем самым он устранил известную непоследовательность проекта Остермана, подчеркивавшего значение принципа личной выслуги и допускавшего получение потомственного дворянства за службу, но в то же время ставившего получение дочерьми чиновников рангов в зависимость от их принадлежности к дворянскому сословию.

В текст 9-й статьи, устанавливавшей иерархию чинов при дворе царицы, Петр I по сравнению с редакцией Остермана внес незначительные уточнения, вызванные включением в Табель воинских чинов и изменением рангов некоторых гражданских и придворных должностей.

В 10-й статье правка царя была предельно краткой, но весьма радикальной: Петр I увеличил количество рангов, по достижении которых выходцы из непривилегированных сословий вместе с семьями получали потомственное дворянство. По редакции Остермана, этим правом могли пользоваться чиновники первых шести классов. Петр I включил в их число чиновников 7-го и 8-го классов¹²⁴. Это было чрезвычайно важное решение, ибо оно открывало более широкий доступ в ряды дворянства выходцам из социальных низов.

¹²² Ср. Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 509; ПСЗ, т. VI, № 3534, стр. 158—159.

¹²³ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. I, кн. 37, л. 390 об.

¹²⁴ Там же, л. 391 об.

В 20-х числах января 1721 г. Петр I прибавил к «Пунктам» еще одну статью, поместив ее после 13-й статьи остермановской редакции: «Кто из нижних чинов, ис каких-нибудь, кроме дворянства, произведен будет за службу до обер-аффицерства, то есть до прапорщика, и таковых, которые до сего ранга пожалованы будут, то оные и дети и наследники их имеют почтены быть дворянским достоинством»¹²⁵. Ее содержание напоминало именной указ Петра I от 16 января 1721 г. о том, что «все обер-офицеры, которые произошли не из дворянства, оные и их дети и их потомки, суть дворяне, и надлежит им дать патенты на дворянство»¹²⁶. Новая статья имела чрезвычайно важное значение. Если текст указа от 1721 г. из-за его краткости можно было истолковать как единовременное решение вопроса о сословной принадлежности выходцев из низов, дослужившихся до первого обер-офицерского чина, то включение аналогичной по смыслу статьи в проект Табели о рангах не оставляло сомнений в намерениях Петра I.

10-я и новая, 14-я, статьи проекта закона предусматривали получение дворянства за службу в государственных учреждениях и в армии. При этом законодатель закреплял различный порядок получения потомственного дворянства для выходцев из непривилегированных сословий в армии (с 14-го ранга) и гражданских учреждениях (с 8-го ранга), отдавая преимущество воинской службе. Чиновники 14—9 классов получали личное дворянство.

3. Обсуждение проекта Табели о рангах в Сенате и Военной и Адмиралтейской коллегиях

Завершив редактирование проекта Табели о рангах к 1 февраля 1721 г., Петр I направил его в Сенат и дал сенаторам полугодовой срок для размышлений. Особая важность закона объясняет, почему для участия в его обсуждении Петр I привлек также членов присутствия Военной и Адмиралтейской коллегий. Сенат и обе коллегии весьма серьезно отнеслись к поручению царя. Они не ограничились изучением проекта Табели о рангах и имевшегося у них материала, связанного с разработкой регламентов и инструкций для русских учреждений, но затребовали из Иностранной коллегии оригиналы и копии переводов иностранных уставов о чинах и рангах¹²⁷.

Первым прислал Петру I свое мнение Сенат. Оно было составлено 20 сентября 1721 г. и подписано 9 сенаторами: графам Ф. М. Апраксиным, Г. И. Головкиным, И. А. Мусиным-Пушкиным, князьями Д. М. Голицыным, Г. Ф. Долгоруковым, Д. К. Кантемиром, бароном П. П. Шафировым, а также графом А. А. Мат-

¹²⁵ ЦГАДА, ф. 370, д. 17, л. 4 об.

¹²⁶ ПСЗ, т. VI, № 3705, стр. 290.

¹²⁷ ЦГАДА, ф. 370, д. 2, лл. 29—40; д. 3, лл. 23—44 об.; д. 13, лл. 8—11 и др.; д. 55, лл. 2—3.

всевым и П. А. Толстым. Под сенатским мнением не было подписи сенаторов А. Д. Меншикова и Я. В. Брюса, находившегося на Ништадтском конгрессе.

Все сенаторы были опытными государственными деятелями. Головкин, Шафиров, Толстой, Матвеев, Долгоруков являлись также крупными дипломатами, были хорошо осведомлены о системах иностранных учреждений и чинов. Приехавший в начале XVIII в. в Россию молдавский князь Д. К. Каптемир принадлежал к числу образованнейших людей того времени, знал европейские и восточные языки, был автором ученых трудов. Он был знаком с организацией управления в Турции. Президенты Военной и Адмиралтейской коллегий Меншиков и Апраксин, а также глава Монастырского приказа Мусин-Пушкин были не только крупными государственными деятелями, но и особо доверенными людьми Петра I. Меншиков и Апраксин приобрели большой опыт в процессе создания регулярной армии и флота, в частности во время разработки Воинского (1716) и Морского (1720) уставов. Князь Д. М. Голицын принадлежал к числу наиболее образованных представителей старой родовитой аристократии.

К сожалению, мы не располагаем сведениями о том, как обсуждался проект Табели о рангах сенаторами. Известны лишь конечные результаты обсуждения. Проект Табели о рангах получил полное одобрение сенаторов, что они и написали в своем «Мнении». Сенат специально отметил, что у него нет возражений по поводу предложенной классификации воинских рангов, «по-неже о воинских и морских чинах сочиненной порядок в рангах сходен против рангов государей, особливо же французского, яко древнего и самодержавного короля»¹²⁸.

Основные поправки и дополнения Сената касались порядка размещения отдельных должностей государственного и придворного управления по классам, а также включения некоторых новых должностей в закон. Видимо, на этом основании В. А. Евреинов сделал вывод, что «в Сенате Табель о рангах рассматривалась с формальной стороны, делалось сравнение проектированных рангов и должностей с соответственными рангами таковых должностей в иностранных государствах и на основании этого сравнения полагалось повысить ту или иную должность»¹²⁹.

Детальное, скрупулезное сравнение проекта обсуждаемого закона с аналогичными уставами европейских государств свидетельствовало о том, что к поручению Петра I сенаторы отнеслись не формально. Издание закона, устанавливавшего систему чинов в различных отраслях государственного управления близко касалось и каждого из них. Их замечания затрагивали 28 должностей государственного и 7 — придворного управления, названных в проекте Табели о рангах, всего — 35 (примерно 40%).

¹²⁸ В. А. Евреинов. Указ. соч., Прилож. 2, стр. 99.

¹²⁹ Там же, стр. 35.

Главное внимание сенаторов привлекли те должности государственных учреждений, которые занимала основная масса чиновничества России: ближайшие сподвижники Петра I заботились об укреплении аппарата управления. Их предложения сводились к тому, что необходимо повысить на один ранг ту или иную должность. Это прежде всего относилось к должности канцлера, которая в регламентах Англии, Франции, Дании, Швеции находилась в 1-м классе. Такие же замечания были высказаны в отношении чинов действительных тайных и тайных советников. При этом члены Сената не выразили недовольства, что в проекте обсуждаемого закона нет особой должности сенатора. Они только просили царя тех, «которые сидят в Сенате», считать не тайными, а действительными тайными советниками¹³⁰.

Аналогичные предложения о переводе в более высокий класс Сенат сделал в отношении кавалеров ордена Андрея Первозванного, а также должностей обер-маршала, президентов коллегий, обер-штабмейстера, генерал-рекетмейстера, обер-шенка, тайного кабинет-секретаря, обер-церемониймейстера, обер-секретаря Сената, обер-провиантмейстера в столице, обер-секретаря коллегий, секретаря Сената, секретарей надворных судов, губернских правлений, актуариусов и регистраторов Сената, архивариусов, нотариусов и переводчиков коллегий (итого 19).

Петр I принял большую часть этих предложений.

В то же время Сенат, например, предлагал повысить на два ранга должности вице-президентов надворных судов и обер-рентмейстера в столице. Первую из них Петр I повысил на один ранг, во втором случае не согласился с предложением Сената¹³¹. Подобные расхождения не имели принципиального характера. Важно подчеркнуть, что Петр I учел большую часть замечаний сенаторов и повысил ранги многих должностей, так как он стремился усилить интерес дворян к службе в гражданских учреждениях.

Внимательно изучая проект и иностранные регламенты, сенаторы заметили, что в Табели о рангах отсутствуют должности коллежских актуариусов, регистраторов, канцеляристов, хотя они были названы в шведских уставах и в Генеральном регламенте при перечислении обязанностей служителей канцелярий¹³². Они предложили включить их в текст закона и дать актуариусам, регистраторам и канцеляристам Сената ранг унтер-лейтенанта сухопутной армии (13-й класс), а «старшим» канцеляристам коллегий («старым подьячим») — фендрика (14-й класс). Целесообразность такого дополнения Сенат мотивировал тем, что «ныне в соизволении его царского величества есть в такие чины производить из шляхетства, дабы тех оным к тому заохотить»¹³³.

¹³⁰ В. А. Евреинов. Указ. соч., Прилож. 2, стр. 99.

¹³¹ Там же, стр. 100—101; ПСЗ, т. VI, № 3890, стр. 487.

¹³² ПСЗ, т. VI, № 3534, стр. 194—196.

¹³³ В. А. Евреинов. Указ. соч., Прилож. 2, стр. 101—102.

В процитированных словах имелся намек на 36-ю главу Генерального регламента «О молодых людях для обучения при канцелярии», в которой Петр I объявил, что на канцелярские должности в учреждениях «позволяется из шляхетства допускать»¹³⁴. Однако Петр I согласился не со всеми рекомендациями сенаторов: должности канцелярских служителей, среди которых преобладали разночинцы, не попали в Табель о рангах и не получили обер-офицерских рангов.

Сенат дал ответ на запрос Петра I о том, как назначать чиновникам жалованье. Установление размеров окладов «высших чинов статских и дворовых по рангу генерал-майора полагается на волю его царского величества, а в Сенате о том определение учинить невозможно». Вероятно, сенаторы, входившие в разряд «высших чинов» государства, сочли неудобным определять самим себе размеры жалованья, а потому предоставили этот вопрос решать царю. Что касалось окладов «нижних чинов», то Сенат был против уравнивания размеров жалованья штатских и придворных чинов с военными, «понеже было б оным нижним чинам жалованье малое, которым пропитаться им будет невозможно, ибо оные мало не все безпоместные, и в некоторых канцеляриях, кроме жалованья, никаких доходов не получают»¹³⁵. Конкретно размер жалованья каждого разряда чиновников необходимо устанавливать после консультаций с Камер-коллегией и Штатс-канцелярией.

Приведенные слова интересны как официальное признание наличия значительного слоя чиновников, живших в основном на казенное жалованье. Однако сенаторы несколько сгустили краски: в их «Мнении» в разряд «нижних чинов» попали все должности, имевшие ранги бригадира, полковника и ниже, т. е. вице-президенты и советники коллегий, воеводы и многие другие, которые занимали в основном представители верхнего и среднего слоев класса феодалов, имевшие крупные вотчины.

В заключительной части «Мнения» находилось важное предложение о включении в новый закон старых «чинов» времен Московского царства. «Понеже остались в древних чинах некоторые персоны,— писали сенаторы,— а именно: бояре, кравчие, окольные, думные дворяне, спальники, стольники и прочие чины, того ради предлагается: не изволит ли его царское величество оных по их живот определить против других рангами, ибо в России из тех чинов ныне определены и впредь определяемы быть имеют в губернаторы, в вице-губернаторы и воеводы, и ежели ранги им будут не определены, то от подчиненных им будет не без противности»¹³⁶.

Высшие сановники империи, участвовавшие в осуществлении реформ Петра I, направленных на усиление неограниченной

¹³⁴ ПСЗ, т. VI, № 3534, стр. 154.

¹³⁵ В. А. Евреинов. Указ. соч., Прилож. 2, стр. 102.

¹³⁶ Там же.

власти монарха, понимали, что все содержание Табели о рангах было направлено на укрепление политической централизации и искоренение старого принципа «породы» при замещении должностей в государственном и дворцовом управлении. Однако их предложение наделить новыми рангами обладателей старых феодальных чинов, полученных по праву происхождения, «по их живот», чтобы избежать недовольства последних, противоречило всему духу нового закона, утверждавшего строгую иерархию рангов и чинов в зависимости от принципа личной выслуги. Приняв такое решение, сенаторы не представляли себе, как его можно конкретно реализовать, а посему полагались на усмотрение царя.

Позиция Петра I в этом вопросе была предельно ясной: он стремился искоренить всякую память о старых чинах, а потому не согласился с предложением сенаторов. Мнение Сената было подписано 20 сентября 1722 г., а 22 сентября того же года вышел указ Синода, по которому следовало «на литургии при архиерейском служении во обычные времена, когда где было возглашаемо благоверные князи и бояре и прочая, возглашать отныне вместо того... благоверных, правительствующий синклит, военачальников — градоначальников и христолюбивое воинство»¹³⁷.

Уже подписав «Мнение», сенаторы сделали к нему одно прибавление: просили царя временно отменить штраф за нарушение Табели о рангах в церквях новой столицы, «понеже в Санкт-Петербурге церкви малые, не так просторные, как в окрестных государствах костелы и кирки строятся и где нарочно устроены места каждой персоне особое, да и в оных людством против российского народа гораздо меньше», во время торжественных служб не все помещаются в церкви и находятся снаружи. Штрафы следует взимать с тех, «кто при церквях и при прочих церемониях место у кого займет наглостью не по рангу и другому выше своего ранга не уступит с упрямства»¹³⁸. Сенатский постскриптум примечателен не только как лучшее свидетельство осведомленности сенаторов об обычаях и порядках в соседних государствах, но и как косвенное признание живучести пережитков местнических нравов в России.

В целом анализ «Мнения» Сената свидетельствует о том, что высшие сановники поддержали основные положения нового закона, направленные на усиление власти абсолютного монарха.

В принципиальной оценке проекта Табели о рангах Военная и Адмиралтейская коллегии были едины с Сенатом, куда, кстати сказать, входили оба президента: А. Д. Меншиков и Ф. М. Апраксин. «О воинских сухопутных и морских чинах сочиненной порядок,— писала, например, Адмиралтейская коллегия,— против рангов французского, яко древнего самодержавного короля, по нашему мнению, приличен, того ради об оных к перемене не раз-

¹³⁷ ПСЗ, т. VI, № 3829, стр. 436.

¹³⁸ В. А. Евреинов. Указ. соч., Прилож. 2, стр. 103.

суждаем»¹³⁹. Члены присутствия обеих коллегий хорошо знали о характере обсуждения Табели о рангах в Сенате. Изложив свои соображения, Адмиралтейская коллегия так закончила «Мнение»: «В прочтих же чинах, которые в Табели объявлены, ссылаемся на доношение сенатское, понеже наш президент в том разсуждении всегда присутствовал»¹⁴⁰. Не исключено, что чиновники других центральных учреждений, находившихся в столице, тоже были в курсе дебатов в Сенате и обеих коллегиях по вопросу об устройстве системы чинов, близко затрагивавшей их интересы.

В мнении Военной коллегии, подписанном ее президентом Меншиковым, членами присутствия генералами Г. И. Боном, И. И. Бутурлиным, М. Я. Волковым, князем П. А. Голицыным, И. И. Дмитриевым-Мамоновым, М. А. Матюшкиным, Г. Д. Юсуповым и обер-секретарем А. Я. Волковым, было 10 пунктов. Из них лишь один касался офицеров армии, остальные содержали предложения по системе чинов гражданского управления. Это может быть объяснено тем, что проект нового закона обеспечивал защиту интересов служивших в армии дворян.

Военная коллегия предложила закрепить в новом законе преимущества службы в гвардии перед службой во всех других родах войск, а также в государственных и придворных учреждениях: «О гвардии наше мнение такое есть: кажется не без обиды будет офицером от гвардии ис того, что оные внесены в одну класу с офицерами от артиллерии. Того ради не будет ли соизволено офицером от артиллерии остаться в сей класе, а офицеров же от гвардии одною рангою поставить выше артиллерских, понеже его величество уже ко многим такую превысокую милость явить соизволил, что из капитанов от гвардии в полковники произведены». Свое предложение члены Военной коллегии мотивировали тем, что царь фактически всегда давал гвардии такие привилегии и использовал ее для выполнения особо важных поручений. «И тако всегда в той надежде все были, что афицеры от гвардии двумя рангами выше прочих полков стояли, а по случаям и командировались, и хотя такими рангами определяются, по при трактаментях (т. е. изданиях законов.— С. Т.) быть тех же, как пыне получают»¹⁴¹. В этой связи нелишне напомнить, что Меншиков, Дмитриев-Мамонов и Юсупов были тесно связаны с гвардией.

Члены Военной коллегии выступили против механического перенесения в Россию некоторых шведских должностей. Так, они одобрили включение в 6-й класс всех должностей, «кроме оберштатгальтера, понеже о должности чина ево неизвестны». Если это такая же должность, как в других государствах, то она соответствует наместнику и должна быть помещена в 1-й класс. «Буде же оного чина должность иная какая, то и звание надлежит

¹³⁹ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. II, кн. 93, л. 225.

¹⁴⁰ Там же, л. 228.

¹⁴¹ Там же, л. 223 и об.

иное, а не обер-штатгальтера». До выяснения этого вопроса не следует определять ранг унтер-штатгальтера.¹⁴²

Военная коллегия предложила исключить из 6-го класса Табели о рангах шведскую должность «ланц-гевдингов», «которые разумеются быть воеводы. Однако ж кажется оным такую рангу дать много». Тем воеводам, которые не служили в армии или флоте, а следовательно, «воинских чинов не имеют», достаточно майорского ранга (8-й класс). Лица, получившие более высокие ранги, должны сохранять их, будучи и воеводами¹⁴³.

Если Сенат в основном предлагал повысить ранги большинства должностей, то члены Военной коллегии подошли к этому вопросу более дифференцированно. Так, они считали необходимым повысить на два ранга должность обер-секретаря Сената и перевести ее из 10-го в 8-й, «то есть полковничей класс», мотивируя это двумя соображениями: «Понеже такой чин у нас может быть вместо стац-секретаря, а стацкой секретарь в Швеции имеет чин полковничей». К этому же и все указы из Сената рассылаются «за ево рукою», поэтому надо поднять его чин над другими должностями.

Исходя из того, что в Иностранной, Военной и Адмиралтейской коллегиях «советники высоких рангов, а в других выше полковника нет, да и те многие не из служащих», Военная коллегия полагала также необходимым «сих колегей обор-секретарей и секретарей и протчих канцелярских служителей от прочих колегей отменить, а имянно: поставить одною рангою ниже сенатских а выше коллежских». Усложнение градации канцелярских должностей в названных коллегиях обосновывалось и тем, «что в сих трех коллегиях временем бывает присудствие его царского величества и отправляются многие тайные дела». Одновременно коллегия рекомендовала повысить должность кабинет-секретаря, приравняв ее к тайным советникам канцелярий, «ибо оного действие не меньше их»¹⁴⁴. «Решпект монарху», важность дел и соблюдение государственной тайны, таким образом, должны были компенсироваться более высоким местом на лестнице чинов, а заодно и более высоким жалованьем.

Некоторые должности члены Военной коллегии предложили понизить в рангах. Так, президентов надворных судов надлежало перевести из бригадирского (7-го) класса в полковничий (8-й), но вице-президентов повысить на один ранг, чтобы они следовали сразу за президентами. Для этого их необходимо было перевести из 10-го в 9-й класс. При этом члены Военной коллегии, ссылаясь на пример Швеции, выразили сомнение в целесообразности учреждения надворных судов в крупных городах России. «Також мнится нам, — писали они, — неприлично быть многим надворным судам, понеже в Швеции такой суд в одной резиденции». Для России лучше иметь такой суд в «резиденции» и «на Москве для старости

¹⁴² Там же, лл. 221, 222 об.

¹⁴³ Там же, л. 221 об.

¹⁴⁴ Там же, лл. 222, 222 об.— 223.

места», а в остальных городах «вместо надворных быть провинциальным судам, а в них за президентов быть воеводам»¹⁴⁵.

Нетрудно заметить, что Военная коллегия была против введения в России некоторых шведских должностей. Инициатором включения этих критических замечаний был сам президент Военной коллегии Меншиков, который в данном случае одобрял не все предложения обсуждаемого проекта. Спустя пять лет, уже после смерти Петра I, он был одним из наиболее решительных сторонников упразднения значительной части новых местных учреждений, мотивируя это фискальными затруднениями казны¹⁴⁶.

Военная коллегия отказалась дать конкретный ответ на вопрос Петра I, как платить жалованье чиновникам, указав, что «ведомо о том в Правительствующем Сенате». В принципе она считала необходимым установить оклады, «смотря по трудам, каждому чину». Члены Военной коллегии были солидарны с сенаторами в том, что гражданским чиновникам учреждений нельзя назначать ставки армейских офицеров соответствующих рангов, ибо это тяжело отразится на материальном положении «тех, кои в niskих рангах положены». А это «не без великой будет обиды, потому что многие чины есть, что рангою niskи, да трудов их много, которым обыкновенно оклады чинятся по их искусству и по препорции трудов»¹⁴⁷. Они, видимо, исходили при этом из того, что подавляющее большинство офицерских должностей в армии занимали дворяне, владевшие вотчинами, которые давали им определенный доход. К тому же офицеры армии были лучше обеспечены материально, так как помимо жалованья они получали казенное обмундирование, «рационы», квартиры, лошадей и т. п.

В отличие от Военной коллегии, члены присутствия Адмиралтейской коллегии во главе с генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным (вице-адмиралы К. И. Крюйс, М. И. Змаевич, полковник Норов и обер-секретарь Тормасов) мало затронули государственные и придворные чины. Они, «сколько возмогли разуметь», «смотрели» проект, уделив главное внимание обоснованию необходимости включения в Табель о рангах различных морских должностей: капитанов от экипажа, капитанов от порта, обер-сарваеров, «понеже команда и дело великое», а также казначей Адмиралтейства, цалмейстеров, обер-комиссаров, мичманов и гардемаринов. Двум последним чинам следовало дать ранги сержантов и капралов гвардии, «понеже берутца в гардемарины более из знатного шляхетства, дабы тем произвождением более изохотить»¹⁴⁸.

¹⁴⁵ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. II, кн. 93, лл. 221 об.— 222 об.

¹⁴⁶ *М. М. Богословский*. Областная реформа Петра Великого. М., 1902, стр. 490—491, 495—499; *С. М. Троицкий*. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966, стр. 26—27, 40.

¹⁴⁷ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. II, кн. 93, л. 224.

¹⁴⁸ Там же, лл. 225 об.— 226, 227 об. Черновик «Мнения» Адмиралтейской коллегии с правой президента Ф. М. Апраксина сохранился в его фонде (ЦГАВМФ СССР, ф. 233, Дела гр. Ф. М. Апраксина, оп. 1, д. 207, лл. 265—268 об.).

Если в отношении помещения перечисленных чинов в Табель о рангах у членов Адмиралтейской коллегии не было сомнений, то о некоторых нестроевых хозяйственных должностях они высказались менее определенно. На них были русские и иностранные специалисты корабельного дела, получавшие «немалое» жалованье; некоторые из них служили по контрактам (корабельные и шлюпочные мастера и подмастерья, «машт-макары», «блок-макары», «зейль-макары», «первый кузнец», «первый резной мастер»). Закончив их перечень, Адмиралтейская коллегия спрашивала царя: «Ранги им пожаловать изволишь ли и против кого»¹⁴⁹.

Заслуживает внимания та аргументация, к которой обратились члены Адмиралтейской коллегии, чтобы отстоять свои «профессиональные интересы» и убедить царя в необходимости отдать предпочтение морским капитанам по сравнению с сухопутными. «Понеже морская команда, — писали они, — как вашему царскому величеству известно, пред полевою опасностью многим превосходительнее и к потерянию живота и чести ближе, ибо на поле полковая команда зависит на едином порядочном солдатстве, а морская — от моря, от земли, но точия всегда трепещет и ожидает смерти, также и против неприятеля надлежит иметь такое ж команда и солдатство». Отсюда, делала общий вывод Адмиралтейская коллегия, «тако протчим воинским морским чинам, дабы высокую вашего величества милостию быть пожалованным против гвардии, понеже дело новое и чтоб тем привести в охоту и ревность»¹⁵⁰. В этой части «Мнения» коллегии приводились те же доводы, которые не раз повторял Петр I, поощряя какое-либо новое «дело».

Адмиралтейская коллегия тоже высказалась за то, чтобы повысить ранги для должностей канцлера, действительных тайных советников, обер-маршала и кавалеров ордена Андрея Первозванного, «дабы з другими дворами было согласно»¹⁵¹. Предлагая, «чтобы ранг по примерам других дворов был сходен», высшие сановники империи заботились не только об обеспечении себе достаточно высокого места на лестнице чинов, но также и о международном престиже Российского государства. В таком подходе находило своеобразное проявление заботы о «государственном интересе», которое было не чуждо многим «птенцам гнезда Петрова».

Что касалось вопроса о жалованье государственным и придворным чиновникам, то Адмиралтейская коллегия была против уравнения их окладов со ставками армейских офицеров по соображениям, приведенным в мнениях Сената и Военной коллегии¹⁵².

В приведенных выше документах изложены коллективные мнения членов Сената, Военной и Адмиралтейской коллегий о проекте Табели о рангах, но в них, по понятным причинам, не отражен ход

¹⁴⁹ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. II, кн. 93, л. 227 и об.

¹⁵⁰ Там же, л. 225 об.

¹⁵¹ Там же, лл. 226—227.

¹⁵² Там же, л. 228.

обсуждения закона. Нами обнаружено «Мнение» вице-адмирала К. И. Крюйса, позволяющее пролить свет на этот важный для истории разработки Табели о рангах вопрос. Записка Крюйса была написана в сентябре 1721 г. В ней адмирал коснулся списка морских чинов в проекте закона, отметил отсутствие в Табели должности обер-экипажмейстера, которой не было и в Морском регламенте, но которую, по его мнению, следовало включить в Табель, «понеже е. ц. в. Адмиралтейство считается второе в Европе». Должность обер-экипажмейстера следовало поместить в 6-й класс вместе с генерал-майорами сухопутной армии. Крюйс предлагал также повысить на один класс ранги морских офицеров по сравнению с рангами офицеров сухопутной армии, так как на флоте более тяжелая служба. К тому же морским офицерам иногда приходится командовать более крупными соединениями, чем сухопутным офицерам таких же рангов¹⁵³. Эти замечания Крюйса были поддержаны другими членами Адмиралтейской коллегии и подробно аргументированы в ее «Мнении».

Размещение должностей государственного «стата» и придворных чинов вызвало восторженную оценку Крюйса, видимо рассчитывавшего, что его комплименты станут известны автору проекта Табели о рангах Петру I. «В распределении оных рангов ничто иное вспоманути не могу, — писал адмирал, — токмо я многии истории и книги читал, но нигде не присмотрел такого хорошего распорядка, как оное учинено, и не могу сказать, кто б лутче того мог учипить»¹⁵⁴. На вопрос царя, как пазначать жалованье гражданским чином, Крюйс не дал ответа, но в принципе высказался за то, чтобы служащим в гражданских учреждениях давать более высокие оклады, чем в армии и флоте, и привел любопытный довод в пользу своего мнения. «Констапелю, — писал Крюйс, — можно и до адмирала рангом произойти, и прапорщику способная линия до генерала достигуть, а гражданская линия не такая способная, ибо политика не яко сивил (т. е. предсказательница судьбы. — С. Т.), понеже может перед сивилию политика двумя долями до скончания своея жизни остатца»¹⁵⁵. Другими словами, частые превратности судьбы на гражданской службе нередко лишают человека возможности достичь высших чинов. Это следует учитывать при определении размеров жалованья.

Анализ мнений Сената, Военной и Адмиралтейской коллегий свидетельствует о том, что высшие сановники России прежде всего уделили главное внимание обеспечению привилегированного положения дворянства, служившего в гвардии, с чем позже согласился Петр I. Этой же цели отвечали рекомендации Адмиралтейской коллегии, направленные на повышение заинтересованности дворян в морской службе. Одновременно сенаторы и генералитет

¹⁵³ ЦГАВМФ СССР, ф. 233, Дела гр. Ф. М. Апраксина, оп. 1, д. 207, лл. 269—270.

¹⁵⁴ Там же, л. 270 и об.

¹⁵⁵ Там же, л. 271.

высказывали мнение о необходимости повышения в рангах отдельных должностей, для чего ссылались прежде всего на регламент Франции, а также на уставы о чинах Швеции, Дании, Пруссии и других государств. В целом реализация их замечаний отвечала интересам дворян, так как создавала им более выгодные условия для службы в гражданских учреждениях.

4. Дополнительная статья Петра I к Табели о рангах о порядке чиновпроизводства дворян и об обучении их наукам

Отправив 1 февраля 1721 г. Табель о рангах для обсуждения в Сенат, Петр I продолжал работать над ее проектом. Как явствует из черновых набросков, начиная с февраля 1721 г., он составил несколько вариантов статьи, устанавливающей порядок чиновпроизводства дворян на штатской службе в зависимости от выслуги и образования (в окончательной редакции она стала 14-й).

Необходимо сказать о причинах, побудивших Петра I уделить специальное внимание этому вопросу. Подготовка проекта Табели о рангах затянулась, так как царь и другие лица часто отвлекались для более срочных дел. При редактировании проекта Генерального регламента коллегий не раз возникал вопрос об установлении иерархии чинов и рангов в новых учреждениях, на что обращали внимание царя обер-секретари Сената А. С. Щукин, И. Д. Позняков, секретарь Иностранной коллегии И. П. Веселовский, А. В. Макаров и другие лица, участвовавшие в подготовительной работе. В ходе этой работы вставал также вопрос об установлении системы чинов и наделении дворянским статусом лиц, занимавших должности в государственном аппарате. В первом варианте 14-й главы Генерального регламента «О почитании рангов» содержалось весьма радикальное предложение: «Всем президентам от коллегиев надлежит немедленно быть графом, вице-президентам — бароном, а протчим служителем, до секретарей и надзирателей зборов в калегиях також — шляхтичам, хотя оные не в таком чине родились или от коронованных глав во оные не учреждены, честь отдавать же»¹⁵⁶. В двух последующих редакциях эта статья подверглась коренной перделке: чиновники различных рангов должны были иметь «равное почтение» с графами, баронами и шляхтичами. Составители Генерального регламента пытались также наметить лестницу чинов в главе 26-й «О ранге служителей в коллегиях», отметив, что Петр I «никакого порятку в рангах еще не учредил». Однако позже обе эти статьи не вошли в окончательную редакцию Генерального регламента¹⁵⁷. Ответ на эти вопросы должна была дать Табель о рангах, почему Петр I и поспешил отослать ее для обсуждения высшим сановникам государства. Некоторые важные вопро-

¹⁵⁶ Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 430.

¹⁵⁷ Там же, стр. 430—431, 510—512.

сы (принципы определения жалованья штатским и придворным чинам, соотношение чинов гвардии, армии и гражданского управления) были только названы царем в проекте Табели. К числу нерешенных вопросов относилась разработка правил чинопроизводства на гражданской службе.

4 В 36-й главе Генерального регламента коллегий «О молодых людях для обучения при канцелярии» Петр I предусмотрел привлечение на штатскую службу дворянских недорослей. Тех из них, кто научился под надзором секретарей «всем делам», можно было «производить в вышние чины по градусам ..., ибо кроме сего пути никто в вышний градус и до министерского чина произведен быть не может». Учение в канцеляриях «приказным» наукам и последующую службу в штатских учреждениях, писал Петр I, «фамилиям знатным и шляхетским в укоризну не ставить». Следовало только заботиться, чтобы дворянские недоросли одной «фамилии» не все были в гражданской службе, «но по пропорции» и в воинской¹⁵⁸. «Статская» служба признавалась такой же важной и нужной государству, как и военная. Однако в Генеральном регламенте не было сказано о том, какими принципами следовало руководствоваться при определении выслуги дворян во время обучения и службы в канцеляриях.

Поскольку Петр I во всей своей политике опирался прежде всего на дворянство, он стремился повысить его роль не только в армии и флоте (что уже в общем было сделано с изданием Военского и Морского уставов), но и в гражданском управлении. Он понимал, что для привлечения дворян в государственный аппарат были необходимы стимулы, почему и стремился закрепить принцип личной выслуги во всех его звеньях, назначить денежное жалованье чиновникам. Интересы укрепления дворянского государства требовали создания квалифицированных кадров чиновников, способных со знанием дела управлять обширной сетью новых учреждений. В своих дополнениях к проекту Табели о рангах Петр I развивал мысль о необходимости получения дворянами знаний, что должно было обеспечить им более быстрое продвижение по служебной лестнице, высокие чины и ранги.

Первый из черновых набросков Петра I датирован 19 февраля 1721 г. Он является частью документа, начало которого не сохранилось. В нем Петр I намечал принципы чинопроизводства дворян на гражданской службе в зависимости от личной выслуги с учетом социального статуса молодых шляхтичей. Детям «знатных» дворян следовало давать при поступлении на «статскую» службу чин секретаря, «средних» — нотариуса, а тем, кто был «из мелкого дворянства», — регистратора.

Для детей дворян, учившихся за границей, устанавливалась целая шкала, которой следовало руководствоваться при определении их выслуги. Поскольку пребывающие в «науках» недоросли

¹⁵⁸ ПСЗ, т. VI, № 3534, стр. 154.

не имели чина и ранга, то им первый год учения засчитывался за 1 год службы солдатом, 2 года — капралом и т. д. Чтобы получить чин, соответствующий рангу армейского полковника, недоросль должен был прослужить **не** менее 19 лет. При этом Петр I допускал возможность нарушения принципа выслуги для тех, «которые знатные услуги покажут»: они «могут за свои труды производить рангами выше, как то чинитца и в воинской службе, хто покажет свою какую выслугу»¹⁵⁹. Напомним, что во время Северной войны в армии было введено ускоренное производство в первый офицерский чин за храбрость. Таким путем выходцы из «подлого народа» становились обер-офицерами, а затем и дворянами.

В приведенном выше черновике Петра I обращает на себя внимание **признание** наличия трех слоев среди дворянства и попытка предоставить существенные преимущества «знатным» и «средним» дворянам при поступлении на службу в учреждения. Это предложение находилось в явном противоречии со всем содержанием проекта Табели о рангах, подчеркивавшего роль личной выслуги во всех звеньях аппарата управления абсолютной монархии. Оно свидетельствует о том, что Петр I учитывал сложный состав правящего класса и не был таким решительным и принципиальным противником «знатного» дворянства. Сурово подавляя оппозицию родовитой аристократии и постепенно упраздняя старое деление феодального сословия на «чины», он в то же время предполагал давать значительные преимущества родовитому дворянству, если оно будет верно служить монарху.

Новым моментом было также включение Петром I в проект Табели о рангах пункта об **обучении** дворян «статским» наукам в «чужих краях», причем в качестве стимула годы учения приравнялись к службе в армии. В указе от 1 января 1719 г. Петр I провозгласил принцип, что дети дворян в армии должны начинать службу солдатами. Эта же мысль проводилась при определении срока выслуги в гражданских учреждениях и учебе. Везде дворянский недоросль рассматривался Петром I как солдат, слуга государства.

Следующий документ представляет собой переписанный писарем черновик Петра I. В начале текста царь добавил слова, поясняющие, кого он относил к числу «знатных»: это «ис первых фамилий княжеских, графских и протчих знатных дворян»¹⁶⁰.

Составив проект дополнительной статьи к Табели о рангах, казавшейся «статской» службы дворян, Петр I передал его А. Д. Меншикову через кабинет-секретаря А. В. Макарова. Вместе с другими членами присутствия Военной коллегии Меншиков 23 февраля 1721 г. обсудил дополнительную статью и сообщил Петру I коллективное мнение. В Кабинете царя сохранилась копия выписки из протокола Военной коллегии. Ввиду важности этого доку-

¹⁵⁹ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. I, кн. 37, л. 403.

¹⁶⁰ Там же, л. 400.

мента для понимания дальнейшего хода работы над Табелью о рангах приведем его полностью. «Понеже, — говорится в нем, — в том дополнении упоминается о фамилиях княжеских, а в Российском государстве такие княжеские фамилии разные суть, того ради требуетца указ, которые фамилии княжеские за действительные почитать. Тут же упоминаются знатные дворяне, а дворянство також не одно есть. Того ради потому ж требуетца решение, каким образом дворянство почитать: по афицерским ли рангам или, по-прежнему розрядному порядку»¹⁶¹.

Таким образом, Военная коллегия подвергла критике составленное Петром I дополнение к Табели о рангах, обратив внимание царя на нечеткость в терминологии при характеристике состава российского дворянства. Члены присутствия Военной коллегии недвусмысленно высказались против того, чтобы при определении «знатности» дворянина исходить из «породы» и ставить па первое место титулы.

Такое решение по поводу дополнений царя к Табели о рангах, несомненно, было принято Военной коллегией под влиянием ее президента Меншикова. Не случайно в мнении Военной коллегии на первое место был поставлен вопрос о княжеских фамилиях. Напомним, что Меншиков единственный в России имел титул «светлейшего князя». Вероятно, формулировки царского проекта вызвали у Меншикова опасения, что новый закон может как-то ущемить положенис новой титулованной знати и в первую очередь его личные интересы. Выдвинувшись благодаря личным способностям и царскому фавору, будучи тесно связан с офицерством гвардии, Меншиков в то же время, видимо, учитывал интересы основной массы офицерства русской армии, особенно той ее части, которая получила дворянство в результате военной службы. В этой связи нелишне указать, что в Ингерманландском полку, которым князь командовал во время Северной войны, был самый высокий процент офицеров-недворян (свыше $\frac{1}{3}$)¹⁶².

Примечательна реакция Петра I на замечания членов Военной коллегии: он стал вносить исправления в проект новой статьи Табели о рангах в таком духе, как они ему советовали. В вопросе об обеспечении прав дворян, служивших офицерами в армии, у него не было расхождений с руководством Военной коллегии. Редактируя дополнительную статью к Табели о рангах, Петр I в новых набросках за основу «знатности» дворян стал брать выслугу, постепенно уточняя формулировки. Сперва он поставил на первое место «детей тех, которых отцы в первых 6-ти рангах обретаются», и лишь затем представителей «первых знатных фамилий дворянства, у которых отцы хотя и не в тех рангах или без рангов»¹⁶³. По проекту Табели о рангах в первые шесть классов

¹⁶¹ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. II, кн. 56, л. 3.

¹⁶² М. Д. Рабинович. Указ соч., стр. 153.

¹⁶³ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. I, кн. 37, л. 402.

входили высшие военные (от фельдмаршала до генерал-майора включительно) и гражданские должности.

Однако и в этом случае царь сохранил упоминание о разделении дворянства на две части: выслуженное (новое) и представители «первых знатных фамилий». Точно так же Петр I поступал и во многих других случаях. Так, посылая в Смоленск для розыска капитан-поручика Г. Г. Скорнякова-Писарева, он дал ему следующий наказ: «Всеякими людьми, хто к тому прилично будет, разыскивать и очные ставки давать. А хто принадлежит к пытке, тех и пытать, *кроме штап-офицеров, так же обор-офицеров знатных*, кои в армейских полках служивают»¹⁶⁴. Неоднократно упоминая в своих указах «знатных», «царедворцев» и дворян «из обор-офицеров», Петр I не желал вызвать недовольство части феодалов упразднением старых чинов.

Продолжая совершенствовать текст новой статьи, Петр I включил пункт о том, что годы учения за границей будут засчитываться в стаж службы лишь тому, кто успешно освоит науки, «которые к статскому правлению надлежат»¹⁶⁵. Затем царь уточнил, какие науки следует изучать молодым дворянам за границей: «Что касается до правого суда, также торгам внешним к прибыли государства и экономии». По возвращении в Россию таких лиц следовало «свидетельствовать» в знаниях. Тому, кто провел эти годы «праздно», годы учения «не зачитать». Позже Петр I прибавил раздел, согласно которому учившимся в России чиновникам следовало время обучения засчитывать в стаж службы «вполы» по сравнению с лицами, командированными для этой цели за границу¹⁶⁶.

Предлагая поместить в Табель о рангах пункт о посылке за границу детей для обучения гражданским наукам, Петр I, несомненно, учитывал, что в 1721 г. в России отсутствовали светские учебные заведения, которые могли бы дать чиновникам необходимые познания по юриспруденции, «экономии» и другим вопросам. В составленном в том же 1721 г. проекте «Инструкции герольдмейстеру» царь выразил свое беспокойство по поводу того, что «у нас еще учении не горазда вкоренились, також и в гражданских делах, а особливо в экономических делах почитай ничего нет». Впредь, «пока академии исправятца» (в это время у него, видимо, уже созрела мысль об учреждении в России Академии наук и перестройке деятельности Морской и Славяно-греко-латинской академий), герольдмейстеру следовало «краткую школу зделать» и в ней «от всяких знатных и средних дворянских фамилий обучать экономии и гражданству третью часть». Две трети дворян должны служить в армии, «дабы служивых на земли и море не оскудить»¹⁶⁷.

¹⁶⁴ Цит. по указ. статье М. Д. Рабиновича, стр. 170 (курсив мой.— С. Т.).

¹⁶⁵ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. I, кн. 37, л. 402 и об.

¹⁶⁶ Там же, лл. 404—405.

¹⁶⁷ Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 352.

Таким образом, в проекте дополнительной статьи к Табели о рангах Петр I изложил свои предложения об организации подготовки дворян к государственной службе в гражданских учреждениях. Они содержали новую для своего времени мысль об обязательности обучения дворян наукам для замещения должностей в государственном управлении.

5. Обсуждение проекта Табели о рангах в Сенате в январе 1722 г.

Среди бумаг Кабинета Петра I сохранились черновые наброски, свидетельствующие о том, что по получении мнений Сената, а также Военной и Адмиралтейской коллегий, царь вносил изменения в распределение по рангам должностей государственного и придворного управления. Один из черновики содержит перечень чинов первых четырех классов, он написан рукой кабинет-секретаря Макарова, указавшего дату — «1721 год». Должность канцлера помещена в 1-м классе, действительных тайных советников и обер-маршала — во 2-м и т. д., т. е. так, как это дано в окончательной редакции закона¹⁶⁸. В январе 1722 г. Сенат обсуждал новую редакцию Табели о рангах, в которую Петр I внес те изменения, которые он счел возможным принять после знакомства с замечаниями сенаторов и членов Военной и Адмиралтейской коллегий.

Проект Табели о рангах рассматривался на 10 заседаниях Сената: 8, 10, 11, 13—17, 19 и 25 января 1722 г. В его обсуждении участвовали Петр I и сенаторы Ф. М. Апраксин, Я. В. Брюс, П. А. Голицын, Г. И. Головкин, Д. К. Кантемир, А. А. Матвеев, А. Д. Меншиков, И. А. Мусин-Пушкин, П. А. Толстой и П. П. Шэфиров. Сенат заседал в селе Преображенском, на Генеральном дворе, так как в конце 1721 г. царский двор на время переехал в Москву.

8 января 1722 г. в Сенате были «слушаны учиненные пункты» к Табели о рангах. Затем сенаторы обсудили «Мнение, которое внесено из Иностранной коллегии о произвождении и поступке шляхетских детей», и приказали, «исправя» его, приготовить к докладу царю. В протоколе есть помета Познякова об исполнении этого решения¹⁶⁹.

Нам не удалось отыскать «Мнение» Иностранной коллегии. Возможно, она использовала для этой цели «Реляцию, каким образом молодые графы, бароны и шляхтичи в Швеции к государственным службам воспитаны и потом употреблены бывают», которую составил Г. Фик и 7 февраля 1721 г. прислал в коллегию¹⁷⁰. В Швеции и Лифляндии, писал Фик, «шляхта, как и другие чины,

¹⁶⁸ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. I, кн. 37, лл. 385, 387.

¹⁶⁹ ЦГАДА, Сенат, кн. 1888, лл. 149—149 об.

¹⁷⁰ ЦГАДА, ф. 370, д. 18, лл. 1—3. Оригинал на немецком языке; лл. 5—13 — русский перевод. В деле имеется копия «Реляции» Фика и краткий эк-

имели издревле свободу детей своих по благоизобретению воспитывать, учить и в чужестранные земли отпускать». Дворяне не несут обязательной службы: «...там никому от правительства не повелевается, чтоб он своих детей к воинному или морскому делу или гражданскому приводил или в Стокгольм посылал»¹⁷¹.

Из «Реляции» Фика следовало, что образование в Швеции приобрело уже в это время ярко выраженный дворянский характер. Для обучения детей дворян имеются академии, гимназии, школы. Богатые лица учат детей дома, а затем посылают за границу, определив их склонность к гражданской или военной службе. Служба в армии начинается с 16—17 лет, причем дворянину дается преимущество: «...чины снизу проходит, однако ж по его состоянию и достоинству скорее, нежели подлых людей, произведен бывает», чему в немалой степени способствуют богатство и связи родителей¹⁷². В таком же возрасте дворяне начинают служить и в гражданских учреждениях; наиболее способных молодых людей шведский король за свой счет посылает учиться за границу (в Германию, Италию, Францию), где они приобретают знания, опыт, связи. По возвращении в Швецию этим людям дается преимущество при замещении должностей в государственном управлении по сравнению с теми, кто меньше учился. Фик отметил, что «из шведского шляхетства не вступит никто, хотя б он в какой скудности ни был, в рядовой чин писарей, яко в канторы, таможни, магистраты, судебные и прочие, но он охотнее до смерти пойдет под мушкет насупротив того». В случае нужды в средствах дворяне, не знающие «добрых наук», идут служить канцеляристами только в Большую государственную канцелярию или коллегии.

Далее Фик обращал внимание на то, что дворяне заботятся о своих «маетностях», фабриках, рудокопных заводах, «дабы приватная экономия в государстве не убавилась». Тем, кто служит, король охотно дает отпуск для ведения хозяйства. Каждый дворянин легко может получить отставку и поступить на службу к другому монарху. Если шляхтич верно служит королю, то «никогда телесно лишением чести или маетностей наказан не бывает пли в руки палача не впадает», за исключением тяжких преступлений¹⁷³.

Нарисованная Фиком картина дворянских вольностей, существовавших в Швеции «издревле» и «во время самодержавства», возможно, независимо от намерений ее составителя, имела polemический подтекст: в ней как бы осуждались действия Петра I,

стракт из нее (там же, лл. 14—22 и 23—24). В 1718 г. Фик составил записку о развитии наук и просвещения в России, с которой тогда же ознакомился Петр I (*М. В. Владимирский-Буданов. Государство и народное образование в России в XVIII в.* Ярославль, 1874, стр. 149).

¹⁷¹ ЦГАДА, ф. 370, д. 18, лл. 5—8 об.

¹⁷² Там же, лл. 7 об.—8, 12 об.

¹⁷³ Там же, лл. 11 об., 13.

сурово каравшего русских дворян за уклонение от государственной службы и нежелание учиться.

В сенатском протоколе от 10 января 1722 г. указано, что в этот день в Преображенском на Генеральном дворе присутствовали «7 персон» во главе с Петром I (Апраксин, П. Голицын, Головкин, Кантемир, Матвеев, Толстой, Шафиров), а также обер-секретарь Позняков, которые приняли важное постановление: «По учиненному Табелю о рангах, кто до коего ранга дойдет, те чины иметь быть до смерти или до извинения какого»¹⁷⁴. Тем самым чиновники получили право пожизненно пользоваться теми привилегиями, которые давали им их ранги. Однако «чины» и «ранги» не были наследственными, их надо было заслужить. При этом было специально оговорено, что не следует смешивать «ранги» и «чины», соответствующие тем или иным должностям, которые человек занимает в течение определенного срока. Сенат распорядился к «пунктам о рангах учинить реестр, как в Морском регламенте учинено»¹⁷⁵. Это постановление было выполнено¹⁷⁶.

В результате в окончательной редакции Табели о рангах появилась новая (17-я) статья, согласно которой «президенты и вице-президенты в надворных судах, обер-ландрихтеры в резиденции, президент в магистрате в резиденции, обер-комиссары в коллегиях, воеводы, обер-рентмейстеры и ландрихтеры в губерниях и провинциях, казначеи при монетном деле, директоры над пошлинами в портах, обер-экономии комиссары в губерниях, асессоры в надворных судах и губерниях, камериры при коллегиях, ратманы в резиденции, почтмейстеры, комиссары при коллегиях, камериры в провинциях, земские комиссары, асессоры в провинциальных судах, земские рентмейстеры не надлежит за вечный чин почитать, но за уряд как вышеписанным, так и им подобным, ибо оные не суть чины. Того ради ранг иметь должны, пока они действительно у своего дела обретаются, а когда переменятся или отставятся, тогда того ранга не имеют»¹⁷⁷.

10 января 1722 г., будучи в Сенате, Петр I распорядился составить указ: «О вчинении афицерских детей, которые не из шляхетства, во шляхетство, а штатских чипов детей во шляхетство не считать»¹⁷⁸. Первая часть этой фразы повторяла содержание царского указа от 16 января 1721 г., уже отраженного в проекте Табели о рангах (14-я ст.). Новым здесь было запрещение предоставлять дворянское звание детям гражданских чиновников. Однако эта мысль была изложена в самой общей форме и не давала ответа на вопрос, всех ли категорий «статских» чиновников она касалась.

¹⁷⁴ ЦГАДА, Сенат, кн. 1888, л. 154.

¹⁷⁵ ПСЗ, т. VI, № 3485, стр. 4.

¹⁷⁶ ЦГАДА, Сенат, кн. 1888, л. 154 и об.

¹⁷⁷ ПСЗ, т. VI, № 3890, стр. 493.

¹⁷⁸ ЦГАДА, Сенат, кн. 1888, л. 155.

Чем можно объяснить то, что Петр I год спустя снова вернулся к вопросу о законодательном оформлении права на дворянство для офицеров армии, вышедших из непривилегированных сословий и их детей? Вряд ли это можно объяснить тем, что в указе от 16 января 1721 г. говорилось о выдаче патентов на дворянство обер-офицерам и их детям, а в 1722 г. речь шла «о вчинении» тех и других в шляхетство. Несмотря на незначительные оттенки в формулировках, в обоих указах речь шла об одном и том же. По нашему мнению, появление нового указа Петра I было вызвано тем, что он опасался недовольства потомственных дворян, которые не желали делиться своими привилегиями с выходцами из социальных низов. Видимо, поэтому царь приказал внести разъяснение в ту статью нового закона, которая говорила о наделении обер-офицеров и их детей потомственным дворянством.

При доработке текста 14-й статьи, которая в окончательной редакции Табели о рангах стала 15-й по счету, дворянами становились все лица, получившие первый обер-офицерский чин в армии, независимо от их социального происхождения, а также их дети, родившиеся после того, как их отцы стали обер-офицерами. При этом было введено существенное ограничение: если у новопеченного обер-офицера уже были дети, то ему предоставлялось право записать в дворяне только одного сына. «Протчие же чины, как гражданские и придворные, которые в рангах не из дворян, оных дети не суть дворяне»¹⁷⁹. Таким образом, согласно новой редакции статьи, был значительно ограничен круг лиц, имевших возможность получить за службу потомственное дворянство.

На заседании Сената 11 января продолжалось обсуждение проекта Табели о рангах. Запись в протоколе за этот день проливает некоторый свет на характер прений. Между сенаторами, не смущавшимися присутствием императора, то и дело возникали острые ссоры и разногласия. Чтобы продвинуть далее подготовку нового закона, «обер-секретарь Позняков предлагал: что в Табель, которой в рангах вновь подписан, из прежнего табеля чинов, о которых по мнениям спору не было, не внесено, и их к тому сообщить ли». На этом же заседании Петр I «указал для сообщения оный Табель переписать светлее, и оных впишет»¹⁸⁰, т. е. сам разместит по рангам и классам те должности, о которых горячо спорили сенаторы.

Два дня спустя, 13 января, когда сенаторы находились в Столовой палате и проводили смотр дворян¹⁸¹, к ним пришел кабинет-секретарь А. В. Макаров и сообщил, «что его царское величество указал двум персонам из Сената и двум из воинских окончить Табель о рангах». На следующий день Сенат назначил

¹⁷⁹ ПСЗ, т. VI, № 3890, стр. 492.

¹⁸⁰ ЦГАДА, Сенат, кн. 1888, л. 158 об.

¹⁸¹ В 1721—1722 гг. правительство проводило общегосударственный смотр всех представителей служилого сословия.

комиссию, в которую включил канцлера Г. И. Головкина, президента Берг-коллегии Я. В. Брюса и генерал-майоров И. И. Дмитриева-Мамонова и М. А. Матюшкина¹⁸². Оба генерала были членами присутствия Военной коллегии и участвовали в ее заседаниях, на которых обсуждались проект Табели о рангах и дополнения к ней. К тому же они были тесно связаны с гвардией. Они могли лучше штатских чинов Сената проследить за точным соблюдением иерархии воинских чинов в тексте нового закона. Канцлер Головкин длительное время возглавлял Посольский приказ, а затем Иностранную коллегию и хорошо знал существовавшие в европейских государствах системы учреждений и чинов. Брюс принадлежал к числу наиболее образованных сотрудников Петра I. Ему царь поручал сбор иностранных законов о праве наследования, чинах, артиллерии и по другим вопросам. Брюса Петр I назначил руководить работой по составлению регламентов и инструкций коллегиям¹⁸³.

15 января 1722 г. комиссия Сената редактировала проект Табели о рангах. 16 января она докладывала сенаторам о своей деятельности, но в протоколе не указано, о чем именно шла речь¹⁸⁴. Можно предположить, что среди членов комиссии, а затем и в собрании сенаторов опять возникли разногласия по вопросу о предоставлении дворянства выходцам из социальных низов, дослужившимся в армии до обер-офицерского чина. Сами сенаторы не смогли прийти к единому мнению по этому вопросу и обратились за советом к царю. Этим и можно объяснить то обстоятельство, что па заседании Сената 16 января с участием Петра I опять обсуждался вопрос о предоставлении потомственного дворянства армейским обер-офицерам и их детям, хотя его принципиальное решение уже было дано Петром I год назад в указе от 16 января 1721 г. и подтверждено в Сенате 10 января 1722 г. В результате в протоколе Сената появилась следующая запись царского указа: «О бытии птапу-афицером, которые не из шляхетства, в дворянех и о пропзвождении их детей в дворянство ж». Тут же было решено, «куда надлежит послать указы и в народ публиковать»¹⁸⁵. Подтверждая прежнее решение, Петр I, во избежание недоразумений, специально оговорил, что выходцы из низов, дослужившиеся до штаб-офицерских чинов¹⁸⁶, и их дети тоже являются потомственными дворянами (в указе 1721 г. упоминались лишь обер-офицеры).

¹⁸² ПГАДА, Сенат, кн. 1888, лл. 161 об., 162.

¹⁸³ Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 29—30, 45, 53, 62.

¹⁸⁴ ПГАДА, Сенат, кн. 1888, л. 163.

¹⁸⁵ Там же, л. 164. В Полное собрание законов текст этого указа не включен.

¹⁸⁶ По Воинскому уставу, от фендрика до майора — обер-офицерские чины, от майора до полковника — штаб-офицерские, от бригадира и выше — генеральские (ПСЗ, т. V, № 3006, стр. 443).

16 января 1722 г. Петр I вместе с сенаторами обсуждал также вопрос о размерах денежного жалования чиновникам, после чего было решено назначать «стацким и придворным чинам жалование против положенных военных рангов», однако реализацию этого постановления решили отложить до утверждения Табели о рангах. В опубликованном указе предлагалось представить царю соображения, какое устанавливать жалование чиновникам: равное окладу офицеров, больше или меньше¹⁸⁷.

В период между 13 и 17 января 1722 г. комиссия Сената снова уточняла размещение гражданских должностей по рангам и во всех затруднительных случаях обращалась к царю. Сохранились ее докладные пункты с резолюциями Петра I. В них комиссия, в частности, спрашивала, какие ранги следует дать секретарям коллегий и губернских канцелярий, бургомистрам и обер-фискалам, а также именитым людям Строгановым. Когда Петр I не смог ответить на вопрос комиссии о рангах государственных секретарей во Франции, он наложил резолюцию: «Писать к Павлу Егужинскому, чтоб о сем он спросил Кампрезона» (французского посла)¹⁸⁸.

17 января 1722 г. Петр I и сенаторы обсуждали вопрос об обязанностях герольдмейстера. Царь решил учредить при Сенате эту должность. В указе от 12 января 1722 г. его обязанности были сформулированы в самой общей форме: «При Сенате надлежит быть... герольдмейстеру или иной какой чин, кто б дворян ведал и всегда представлял к делам, когда спросят»¹⁸⁹. Теперь эта мысль получила дальнейшее развитие: «Герольдмейстеру перво знать надлежит дворян всех и их детей. И когда кто к какому делу спрошен будет, то б мог несколько человек к тому достойных представить. Также кто когда умрет или у кого дети родятся, чтоб ведал же и имел о том записку, как было в Розряде»¹⁹⁰. Затем 17 января Петр I и сенаторы «имели разсуждение о учинении Табеля о рангах и [к] подписанию приказали переправить». 19 января 1722 г. они снова «слушали Табель о рангах и к тому о поступке приложенные пункты»¹⁹¹. После этого заседания Сенат не обсуждал проект Табели о рангах. В Полном собрании законов окончательный текст Табели о рангах опубликован под 24 января 1722 г. В этот день Петр I подписал ее текст (этот экземпляр нам не удалось найти). Однако и после утверждения Табели о рангах в нее

¹⁸⁷ Н. А. Воскресенский сообщает, что текст этого указа написан Петром I 11 января 1722 г. и под этой датой помещен в Полном собрании законов (Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 97; ПСЗ, т. VI, № 3876). Написав текст указа о жалованье 11 января, Петр I, видимо, только 16 января ознакомил с его содержанием Сенат.

¹⁸⁸ ОРФ Института истории СССР, ф. «А», раздел 1, оп. 2, д. 90, док. 71, стр. 222.

¹⁸⁹ ПСЗ, т. VI, № 3877, стр. 479—480.

¹⁹⁰ ЦГАДА, Сенат, кн. 1888, л. 167. Опубликовано Н. А. Воскресенским (указ. соч., стр. 353).

¹⁹¹ ЦГАДА, Сенат, кн. 1888, лл. 168, 169 об.

вносились отдельные дополнения, которые утверждались царем. 25 января 1722 г. «Брюс внес в прибавок чины от Берг-коллегии»¹⁹².

Табель о рангах была напечатана в Москве 30 января 1722 г.¹⁹³ 2 февраля на Генеральном дворе ее еще раз смотрел Петр I вместе с сенаторами¹⁹⁴, после чего приказал «оной Табелю и пункты публиковать». Это было выполнено Сенатом 14 февраля 1722 г.: «Сего ж числа учиненные Табелю о рангах посланы для публики и объявления в Москву и прибиты при воротех»¹⁹⁵.

В протоколах Сената не отражена работа комиссии по редактированию проекта Табелю о рангах. Мы не ошибемся, если скажем, что вся ее деятельность проходила под руководством Петра I и при его активном участии. Среди черновых бумаг царя сохранился листок, на котором он написал: «...ранги чинам воинским, и статским и придворным, которые в котором классе чины и которые в одном классе, те имеют по старшинству вступления в чин между собою, однако же воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был». Внизу почерком кабинет-секретаря А. В. Макарова написано: «Табель о рангах всех чинов воинских, стацких и придворных», которые ему, вероятно, продиктовал Петр I. В окончательном варианте эти слова стали заголовком Табелю о рангах. На листе имеется поставленная рукой Макарова дата — «1722 год»¹⁹⁶. Таким образом, Петр I был автором заголовка нового закона, в котором в концентрированной форме изложена его суть: строгая иерархия всех чинов в зависимости от личной выслуги, которые дают их обладателям особые привилегии в счете служебного старшинства между чиновниками.

6. Окончательная редакция Табелю о рангах и ее общая оценка

В результате обсуждения и доработки проекта Табелю о рангах, продолжавшихся около года, в ее текст были внесены следующие изменения: 1. Закон получил заголовок. 2. Была составлена новая таблица чинов и рангов, включившая должности, существовавшие в сухопутной армии, гвардии, артиллерии, флоте, гражданских и придворных учреждениях. 3. Увеличено количество статей в «Пунктах» к Табелю о рангах с 15 до 19 и изменен порядок их размещения. 4. Содержание трех статей было подвергнуто значительной переработке и дополнению, в других статьях

¹⁹² ЦГАДА, Сенат, кн. 1888, л. 175 об.

¹⁹³ П. П. Пекарский. Указ. соч., т. II, стр. 564—565.

¹⁹⁴ П. П. Пекарский высказал мнение, что Петр I правил текст Табелю о рангах в корректуре (указ. соч., т. II, стр. 566).

¹⁹⁵ ЦГАДА, Сенат, кн. 1888, лл. 180, 194.

¹⁹⁶ Ср. ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. I, кн. 37, л. 399; ПСЗ, т. VI, № 3890, стр. 486.

были сделаны уточнения. В итоге была создана новая редакция Табели о рангах.

Всего в Табели о рангах было 14, а фактически 13 рангов, так как в 11-м классе была всего одна должность — корабельного секретаря. В. А. Евреинов высказал мнение, что цифра 13, соответствовавшая количеству офицерских чинов в армии, признавалась «неудобною», почему Петр I и прибавил еще один ранг¹⁹⁷. В распределение должностей по рангам Петр I внес ряд изменений по совету членов Сената, Военной и Адмиралтейской коллегий. Он учел 30 (из 35) поправок Сената и большую часть замечаний обеих коллегий, в том числе предложение Военной коллегии, чтобы должности офицеров гвардии были на два ранга выше остальных чинов.

А. Повысив ранги многих должностей, Петр I тем самым стремился увеличить заинтересованность дворян в государственной службе, так как эта мера вела к увеличению размеров денежного жалования чиновников. Надо полагать, что эту же цель он преследовал, включив в Табель о рангах должности верхнего слоя «канцелярских служителей» (регистраторы, актуариусы и т. п.), которые тоже должны были замещаться дворянскими недорослями, о чем говорилось в дополнительной статье, написанной царем. В то же время должности низшего, наиболее многочисленного звена чиновников (канцеляристы, подканцеляристы, копиисты, писцы) остались за пределами Табели о рангах, так как среди них преобладали выходцы из непривилегированных сословий. Петр I отклонил предложение Адмиралтейской коллегии о включении в Табель о рангах нестроєвых должностей (корабельные мастера, кузнецы и пр.).

Петр I не принял предложения сенаторов о включении в Табель о рангах старых чинов, хотя бы временно, «по живот» их владельцев, так как оно шло вразрез с проводимой им политикой усиления политической централизации и способствовало сохранению почвы для местнических настроений родовитой аристократии. Наоборот, при редактировании «Пунктов» были усилены разделы, которые закрепляли привилегии той части чиновников, которые получали потомственное дворянство па службе абсолютному монарху в армии и государственном аппарате.

В процессе работы над Табелю о рангах Петр I пополнил текст «Пунктов» четырьмя новыми статьями. Во избежание ослабления единоначалия и проявления местничества в армии между отдельными родами войск Петр I приказал «на море командовать морскому над сухопутным» и наоборот, «хотя кто с кем одного ранга»¹⁹⁸. О содержании новой статьи (17-й), разъяснявшей различие между «чином» и «должностью», мы уже говорили выше, характеризуя обсуждение проекта Табели о рангах в Сенате

¹⁹⁷ В. А. Евреинов. Указ. соч., стр. 34.

¹⁹⁸ ПСЗ, т. VI, № 3890, ст. 2.

10 января 1722 г. Две другие статьи (13-я и 14-я) были тесно связаны между собой по содержанию и касались «статского чина». В них Петр I изложил свои взгляды на принципы чиновпроизводства в гражданских учреждениях. В начале 13-й статьи отмечалось, что «статские чины прежде не были распорядены». Поэтому «почитай никто или zelo мало, чтоб кто надлежащим порядком снизу свой чин верхней заслуживал из дворян, а нужда ныне необходимая требует и в вышешие чины того брать, кто годен будет, хотя б одной и никакого чина не имел».

В этой части статьи Петр I констатировал нарушение принципа последовательного восхождения чиновников по служебной лестнице, хотя и признавал вынужденный характер подобной практики: нехватка у государства знающих дело людей для замещения высших должностей в новых учреждениях, не позволяющая ждать, когда дворянин постепенно поднимется по лестнице чинов¹⁹⁹.

Далее раскрывается основная причина недопустимости подобных действий в гражданских учреждениях. «Но понеже сие в рангах будет оскорбительно воинским людям, которые во многие лета и какою жестокою службою оное получили, а увидят без заслуги себе равного или выше, того ради кто в которой чин и возведен будет, то ему ранг заслуживать как следует». И чтобы не было никакой педоговоренности в этом важном для служивших в армии дворян вопросе, далее говорилось: «И дабы впредь на вакансии не со стороны хватать, но порядком, как в воинских чинах производится». Для осуществления этого следовало при «статских» коллегиях иметь по 6—7 юнкеров. Фискалам поручалось следить за правильным применением Табели о рангах в штатских учреждениях, чтобы они не нарушали принцип выслуги при производстве в очередные чины²⁰⁰.

14-й статьей Табели о рангах Петр I установил порядок продвижения службы дворян в гражданских учреждениях с учетом их обучения «статским наукам». Поскольку ее первоначальный вариант вызвал возражения Военной коллегии, потому что в ней отдавалось предпочтение детям старой родовитой знати, то Петр I внес изменения, поставив на первое место сыновей чиновников первых шести классов.

При окончательной доработке 14-й статьи Петр I отказался от деления дворянских недорослей в зависимости от «знатности»

¹⁹⁹ Чтобы упорядочить чиновпроизводство в армии и гражданских учреждениях, Петр I, видимо, еще в 1720 или 1721 г. издал указ: «Чтобы чины давать в определенное время в декабре и в уреченных местах, а не на дорогах, и чтоб все письменное, а не словесное было, и чтоб чрез указанное число и не чрез правы положенные, как в армии, так и в гварнизонах и штате [не давать], и чтоб штраф положить, хто против сего допустить будет о ком» (ОРФ Института истории СССР, ф. «А», раздел 1, оп. 2, д. 90, док. 53, стр. 186).

²⁰⁰ ПСЗ, т. VI, 3890, стр. 491—492.

и рангов их родителей. В законе говорится о «дворянских детях», которые должны учиться при Сенате, в коллегиях или за границей. Те, которые уже окончили какое-либо учебное заведение и научились грамоте, осваивают «науку управлять» при центральных учреждениях и числятся коллегии-юнкерами. Лица, не окончившие школы, считаются титулярными коллегии-юнкерами. И те и другие не имеют рангов. Петр I сохранил пункт, по которому пребывание в юнкерах коллегий приравнялось к службе в армии, исключив из составленной им шкалы год службы в качестве солдата, начав этот счет со службы капралом. Комментируя эти статьи, В. А. Евреинов, по нашему мнению, правильно обратил внимание на то, что Петр I стремился замещать высшие должности в государственном управлении только дворянами. С созданием института коллегии-юнкеров, комплектуемых из числа дворян, почти полностью закрывался доступ в высшие слои для выходцев из непривилегированных сословий. Если же подобные случаи возникнут, то в соответствии с Табелью о рангах такие лица получали дворянство по достижении чина 8-го класса.²⁰¹

В окончательной редакции Табели о рангах была произведена перестановка статей: 12-я статья, в которой говорилось о том, что «принцы от нашей крови» имеют преимущество в рангах и чинах перед всеми остальными чиновниками, стала 1-й. Это отвечало всему духу нового закона, подчеркивавшего зависимость чиновников всех рангов от службы монарху. Вслед за ней была помещена новая статья, устанавливавшая подчиненность офицеров сухопутной армии и флота в зависимости от конкретной обстановки. Соответственно изменилась нумерация 10 следующих статей. При редактировании Табели о рангах были внесены изменения в текст статьи (9-й) о рангах незамужних девиц, которые были повышены на два класса.

Помимо статьи 15-й, дававшей потомственное дворянство только обер-офицерам армии, серьезной доработке подверглась статья 16-я (бывшая 13-я). В нее было включено упоминание о вновь созданной должности герольдмейстера, которому поручалось вести составлением дворянских гербов и выдачей патентов на дворянство. В ту же статью был добавлен пункт, устанавливавший полуторагодовой срок для проверки принадлежности человека к дворянскому сословию и для получения герба. Гербы давались лицам, получившим дворянское достоинство за службу в армии или в государственных учреждениях, «смотря по заслугам». Тем дворянам, «которые хотя в воинской службе и не были и ничего не заслужили, а могут доказать не меньше ста лет, и таким гербы давать же»²⁰². Решение об этом было принято Петром I на заседании Сената 19 января 1724 г. при утверждении «Инструкции

²⁰¹ В. А. Евреинов. Указ. соч., стр. 39—40.

²⁰² ПСЗ, т. VI, № 3890, стр. 492—493.

герольдмейстеру»²⁰³. Для доказательства древности дворянских родов Петр I взял столетний срок, т. е. промежуток между двумя общегосударственными смотрами служилых людей. Первый такой смотр правительство Михаила Федоровича проводило в 1622 г. после «Смуты»²⁰⁴. Новый общегосударственный разбор дворян и приказных людей Петр I начал в 1721 г., после Северной войны.

Одновременно из текста этой статьи был исключен раздел, направленный против привилегий остзейских дворян и бюргеров, так как по Ништадтскому мирному договору с Швецией Петр I гарантировал «шляхетные и нешляхетные» привилегии жителям Лифляндской и Эстляндской провинций²⁰⁵.

Наконец, на заключительном этапе редактирования Табели о рангах были сделаны небольшие уточнения в некоторых статьях. Так, из преамбулы к «Пунктам» была исключена угроза наказания за несоблюдение нового закона. В 3-й статье было указано, что штрафы за несоблюдение Табели о рангах должны идти на содержание госпиталей, а не богаделен. В связи с припятием Петром I 22 октября 1721 г. императорского титула был издан особый указ о титуле его жены и детей²⁰⁶. Поэтому в Табелю о рангах были внесены уточнения в статьи, где упоминался титул царицы.

Еще в начале XVIII в. в официальных документах стало употребляться обязательное титулование. Издание Табели о рангах привело к расширению подобной практики. Титулование просуществовало до Великой Октябрьской социалистической революции. Титул чиновника зависел от занимаемой должности и ее места в Табелю, а также от его социального происхождения. Чинам первых двух классов был присвоен титул «высокопревосходительство»; чинам 3-го и 4-го классов — «превосходительство»; 5-го класса — «высокородие»; 6—8-го классов — «высокоблагородие»; чиновники 9—14-го классов имели титул «благородие». В титул входило название должности (генерал, президент, губернатор, воевода и т. д.). Если чиновник был князем или графом, то к его титулу добавлялось слово «сиятельство», у дворян и баронов — «благородие»; по особому повелению царя некоторые князья получали титул «светлости». Духовенство тоже подразделялось на степени и имело свои титулы: митрополиты и архиепископы — «высокопреосвященство», епископы — «преосвященство», архимандриты, настоятели, игумены, протоиереи, благочинные — «высокопреподобие», священники — «преподобие»²⁰⁷. Титулование чиновников и офицеров в официальных документах усиливало бюрократизацию государственного управления.

²⁰³ Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 353.

²⁰⁴ «Акты Московского государства», т. II. СПб., 1894, № 458, стр. 284.

²⁰⁵ ПСЗ, т. VI, № 3819, стр. 425; Л. А. Никифоров. Указ. соч., стр. 435, 445—446, 483.

²⁰⁶ ПСЗ, т. VI, № 3840, 3862.

²⁰⁷ К. Г. Мигяев. История и организация делопроизводства в СССР. М., 1959, стр. 51—52.

Создание Табели о рангах продолжалось немногим больше трех лет (1719 — начало 1722 г.). За это время было подготовлено четыре редакции Табели о рангах: редакция А. И. Остермана, 1719 г.; редакция Петра I от 1 февраля 1721 г.; редакция Петра I с учетом замечаний Сената, Военной и Адмиралтейской коллегий (конец 1721 — начало января 1722 г.); окончательная редакция, в которой учтены результаты обсуждения проекта в Сенате в январе 1722 г. В процессе доработки и редактирования первоначальная редакция нового закона претерпела существенные изменения: Петр I составил новый вариант распределения всех должностей по рангам, или классам, за основу которого взял систему чинов в армии. В окончательный вариант Табели о рангах вошли чины горного и лесного ведомств.

Издание Табели о рангах усилило централизацию государственного управления, укрепило социально-политическую базу абсолютной монархии. Новый закон ввел во всех звеньях государственного аппарата единую систему чинов, основанную на иерархии должностей и принципе личной выслуги. В 14 классов Табели о рангах было включено 262 должности, которые были разбиты на три параллельных ряда чинов: военные — 126 (48%), государственные — 94 (36%) и придворные — 42 (16%). Военные должности подразделялись на чины сухопутной армии, гвардии, артиллерии и военно-морского флота. Все должности государственных и придворных учреждений приравнивались к соответствующим воинским чинам, которые количественно преобладали над «государственным штатом». Привилегированное положение гвардии, в которой в абсолютном большинстве были дворяне, было закреплено тем, что офицерские чины в гвардии были на два ранга выше соответствующих чинов в других родах войск и государственном аппарате (чин полковника гвардии был приравнен к рангу армейского генерал-майора и т. д.). Низшее звено гражданских чиновников (канцеляристы, подканцеляристы, копиисты и писцы) не было включено в Табель о рангах, так как правительство Петра I исходило из того, что чины определенных рангов должны занимать только дворяне или люди, получавшие дворянский статус за службу государству.

Текст «Пунктов» Табели о рангах был увеличен с 14 до 19 статей; одновременно были переработаны и дополнены 10 из 14 статей первой редакции, внесены поправки и в другие статьи.

В разработке и обсуждении проекта Табели о рангах активно участвовал весьма широкий круг сановников России, входивших в состав высшего органа государства — Сената и трех «первых» коллегий: Адмиралтейской, Военной и Иностранной. Огромную роль в подготовке нового закона, оформлявшего систему чинов дворянско-чиновничьей монархии, сыграл царь Петр I. Он не только контролировал и направлял всю деятельность высших учреждений Российской империи по разработке Табели о рангах, но сам трижды отредактировал проект закона. Петр I является ав-

тором Табели, содержащей разбивку всех чипов и должностей по рангам, а также четырех статей и заголовка нового закона. Он также основательно переделал большую часть статей «Пунктов». Таким образом, Петр I по праву может считаться одним из основных создателей Табели о рангах.

Однако при этом было бы неверно недооценивать роль других государственных деятелей из ближайшего окружения царя, сыгравших важную роль в разработке и обсуждении Табели о рангах. Приведенный материал свидетельствует о том, что подготовка Табели о рангах осуществлялась коллегиально, с привлечением значительного числа высших сановников России, среди которых были такие крупные государственные деятели и дипломаты, как А. Д. Меншиков, Г. И. Головкин, Ф. М. Апраксин, П. П. Шафиров, А. А. Матвеев, Я. В. Брюс, И. А. Мусин-Пушкин, П. И. Ягужинский, А. И. Остерман и другие. Обращение за советами к своим сотрудникам было вообще характерно для Петра I как государственного деятеля, отличавшегося широким кругозором и умением принимать важные решения с учетом мнений других лиц, будь то план проведения военной операции²⁰⁸, важная дипломатическая акция²⁰⁹ или подготовка нового закона. При этом Петр I очень внимательно относился к советам и критическим замечаниям своих помощников. Точно так же поступил он и в данном случае, когда получил замечания высших сановников империи на проект Табели о рангах и учел большую часть из них. Однако при коллегиальном подходе к разработке одного из важнейших законов решающее слово всегда оставалось за царем.

В истории разработки Табели о рангах обращает на себя внимание та тщательность и основательность, с которой петровское правительство готовило этот законопроект. При его составлении было использовано русское законодательство (Воинский и Морской уставы, армейские штаты 1720 г., Генеральный регламент коллегий, инструкции и регламенты центральным и местным учреждениям, система государственных и придворных должностей и чипов, существовавших в Русском государстве в XVI—XVII вв., и другие материалы), которое содержало перечень основных должностей, а также закрепляло их иерархию и принцип личной выслуги во всех звеньях государственного аппарата сверху донизу. Тем самым абсолютный монарх Петр I осуществил то, чего настойчиво добивалось дворянство в России, начиная с XVI столетия. Еще в середине XVI в. идеолог дворян И. С. Пересветов предлагал царю Ивану IV заменить в государственном управлении принцип родовитости принципом личной выслуги, воинской доблести

²⁰⁸ Е. П. Подъяпольская. Военные советы 1708—1709 гг.— «Полтава». М., 1959, стр. 112—136; Т. С. Майкова. Военные «журналы» петровского времени.— «Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков». М., 1969, стр. 378—384.

²⁰⁹ В. Э. Грабарь. Указ. соч., стр. 44—45; С. А. Фейгина. Указ. соч., стр. 408, 419, 422 и др.

и «мудрости» «воинников». Но в тех исторических условиях, как хорошо показал А. А. Зимин, самодержавие еще не располагало достаточными возможностями, чтобы опираться только на дворян и выдвигать их на все должности в государственном аппарате лишь в зависимости от «мудрости» и «храбрости»²¹⁰. Предложения И. С. Пересветова в известной мере обгоняли время, поэтому не случайно в XVII — начале XVIII в. представители различных слоев населения России, в том числе служилые и приказные люди, интересовались сочинениями этого идеолога дворянства. В общественно-политической литературе того времени существовала «пересветовская» традиция²¹¹.

В то же время па разработку норм Табели о рангах большое влияние оказало законодательство европейских государств. Русское правительство располагало данными о системах чинов, существовавших в Австрии, Англии, Венеции, Дании, Испании, Речи Посполитой, Пруссии, Франции и Швеции. Оно тщательно изучало иностранные уставы и регламенты, критически отобрав из них то, что считало возможным применить в России. Наибольшее влияние на составление Табели о рангах оказали правовые нормы Швеции, Дании и отчасти Пруссии, что объяснялось наличием общих черт в социально-экономическом и политическом развитии этих стран и России. Оно проявилось в различных формах (использование идеи распределения всех государственных и придворных чинов по классам, введение в России «женских рангов», предоставление дворянства за государственную службу, заимствование текста отдельных статей и названий должностей, введение гербов для дворянства и др.).

В литературе нет единого мнения по вопросу об источниках, использованных при разработке Табели о рангах. Так, П. П. Пекарский, хотя и не изучал специально историю создания Табели о рангах, высказал мысль, что она составлена Петром I «по образцу имевшихся у него в переводе росписаний королевств самодержавных французского, прусского, шведского и датского», а также с учетом английского законодательства²¹². Это мнение повторили А. Романович-Словатинский, А. П. Филиппов, К. В. Сивков и другие историки²¹³. А. И. Маркевич считал, что Петр I «скопировал шведский табель о рангах между прочим вместе со многими другими для сходства России с Западной Европой; с тою же целью переименовывал старые чины в новые и старые уничто-

²¹⁰ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 351—354, 356, 360.

²¹¹ Там же, стр. 440—448.

²¹² П. П. Пекарский. Указ. соч., т. II, стр. 565.

²¹³ А. Романович-Словатинский. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912, стр. 3, 33, 59; «История Правительствующего Сената за двести лет. 1711—1911», т. 1. СПб., 1911, стр. 304, прим. 2; К. В. Сивков. Петр — писатель. — «Три века», т. 3. М., 1912, стр. 52.

жил...»²¹⁴ В своей оценке значения иностранных источников для создания Табели о рангах он повторял мнение П. П. Пекарского. Однако Маркевич верно подметил стремление Петра I к «европеизации» системы государственных учреждений и чинов в России. Эту же мысль разделяли и многие сановники царя, что отразилось на мнениях сенаторов и членов Военной и Адмиралтейской коллегий о проекте Табели о рангах.

В. А. Евреинов правильно указал, что «Табель о рангах, заимствованная по своей внешней системе и наименованию разных чинов и должностей из иностранных образцов, собственно по своему содержанию, основной мысли не отличалась резко от системы московской...» Однако, высказав верное суждение, он ограничился обзором иностранных уставов и не показал русских источников Табели о рангах²¹⁵. Более определенно о критическом, творческом подходе правительства Петра I к использованию иностранного законодательства при подготовке Табели о рангах высказался В. А. Мякотин, который правильно подчеркнул, что, «несмотря на немецкие названия чинов, взятые из чужой жизни, этот порядок не был далеко простым заимствованием, произвольной переделкой существовавших отношений на иной, а именно иноземный, лад, он являлся в виде решительного и смелого, но неизбежного обобщения начал, уже выработавшихся в Московском государстве и теперь только облеченных в общую, принципиальную форму путем законодательства»²¹⁶.

Фактически с мнением В. А. Мякотина был солидарен и такой крупный знаток законодательства петровского времени, как Н. А. Воскресенский. В предисловии ко второму тому публикации «Законодательные акты Петра I» он писал о том, что «в предписаниях Петра по поводу предполагаемых к использованию западноевропейских актов в русском правотворчестве больше декларативного размаха, чем точного определения характера и степени имевших место в результате законодательной работы заимствований». Изучение всех известных ему источников по истории создания Табели о рангах привело Воскресенского к заключению, что основные нормы закона «были выработаны самостоятельно, после тщательного обдумывания и обсуждения»²¹⁷.

Приведенный выше конкретный материал, по нашему мнению, убедительно свидетельствует о том, что, опираясь на русский законодательный материал и сложившуюся систему чиновнопроизводства в России, а также критически используя опыт европейских абсолютистских держав, Петр I создал своеобразный закон, сыгравший важную роль в укреплении власти абсолютного мо-

²¹⁴ А. И. Маркевич. История местничества в Московском государстве в XV—XVII вв. Одесса, 1888, стр. 585.

²¹⁵ В. А. Евреинов. Указ. соч., стр. 31—33, 45.

²¹⁶ В. А. Мякотин. Лекции по русской истории. СПб., 1892, стр. 208—209.

²¹⁷ ОРФ Института истории СССР, ф. «А», раздел 1, оп. 2, д. 90, стр. 52, 54.

нарха. Точно так же поступал он при разработке Воинского и Морского уставов, регламентов Берг- и Мануфактур-коллегий и других законодательных актов, юридически оформлявших здание абсолютной монархии в России²¹⁸.

Если регламенты большинства западноевропейских государств добивались в первую очередь удовлетворения нужд королевского двора (размещение придворных и чиновников на различных празднествах и торжественных церемониях), то при создании Табели о рангах Петр I поставил на первое место интересы государства, задачи укрепления аппарата власти абсолютного монарха. По сравнению с «государственным статом» лестница придворных чинов заняла в ней подчиненное положение. В Табели о рангах было проведено более четкое, чем в регламентах других европейских государств, разграничение лестницы чинов в армии (чины сухопутной армии, артиллерии), флоте, гражданском аппарате и при дворе.

В новом законе полностью отсутствовали такие важные слабые средневекового феодального общества, как родовитая титулованная знать и духовенство, а также представители сословных организаций. В данном случае Табель отразила более высокую степень централизации государственного управления, что в общем соответствовало особенностям социально-политического развития России после перехода к абсолютизму. В это же время в одних европейских государствах в систему чинов входили верхи духовенства и титулованная аристократия, в других — лица, являвшиеся членами тайных советов короля (Англия, Франция, Дания, Швеция) или наместниками отдельных областей государства (Священная Римская империя).

В большинстве европейских государств служба монарху была привилегией членов феодального сословия. В России она стала для них и обязанностью. Фактически это была пожизненная служба. Табель о рангах увеличивала служебное бремя для представителей дворянского класса, дополнив его обязанностью учиться. Поэтому в целом новый закон усиливал бюрократизацию самого правящего класса России, что нашло отражение в статьях, подчеркивавших преимущество рангов и чинов, получаемых за государственную службу, а также определявших порядок предоставления дворянского достоинства за службу в армии и гражданских учреждениях.

В целом, Табель о рангах создавала единую систему чинов, чего не было в России XVII в. Как верно отметил В. О. Ключевский, существовавшая тогда иерархия чинов «не представляла непре-

²¹⁸ Д. С. Бабурин. Очерки по истории Мануфактур-коллегий. М., 1939, стр. 48—58, 75—103; П. П. Епифанов. Воинский устав Петра Великого. — «Петр Великий». М.—Л., 1947, стр. 195—196; П. С. Ромашкин. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947; Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953, стр. 102—106, 161—162, 514—517.

рывной лестницы ступеней, которую одно и то же лицо могло бы пройти снизу до самой вершины»²¹⁹. В XVIII в. государство в законодательном порядке, под угрозой наказаний, требовало, чтобы дворяне начинали службу с низших чинов и продвигались в высшие «по градусам».

С изданием Табели о рангах наносился окончательный удар пережиткам местничества в России. Установленные Табелью о рангах принципы продвижения чиновников в зависимости от личной выслуги и образования заменили старую, средневековую систему чинов, основанную на преимуществах, даваемых происхождением, принадлежностью к привилегированной прослойке феодального класса. Новый закон отвечал прежде всего интересам дворян, составляющих социальную опору абсолютной монархии. Он закреплял их возросшее значение в армии и государственном управлении. Об этом же свидетельствовало и то обстоятельство, что в качестве высшей награды за верную службу монарху человек получал чины и ранги, которые выходцам из низов общества давали дворянское достоинство. В Табели о рангах Петр I уделил много внимания определению порядка получения дворянского достоинства на государственной службе. Это тоже отличало новый закон от уставов о чинах большинства европейских государств.

Своеобразное «уравнение» противоречивых интересов различных прослоек и групп господствующего класса феодалов, одинаково обязанных служить монарху и во всем зависевших от него, было выгодно дворянству, добивавшемуся ослабления влияния родовитой аристократии. Бюрократия закрепила политическое господство дворян. К. Маркс указывал, что в каждую историческую эпоху управляет не весь господствующий класс, а лишь его отдельные слои, причем те «различные формы, в которых в разное время сосредоточивается его центр тяжести, и различные части класса, приобретающие влияние благодаря этим формам, гибнут»²²⁰.

Отмечая возвышение дворянства и укрепление его политических позиций с изданием Табели о рангах, не следует забывать о другой стороне этого процесса. Одновременно происходило усиление власти неограниченного монарха, что устанавливало ее относительную независимость от интересов различных слоев правящего класса, в том числе и от дворянства. Если ранее монарх жаловал в дворянство лишь отдельных лиц за особые заслуги, то с Петра I стало юридической нормой, что выходцы из непривилегированных сословий становились личными, а затем и потомственными дворянами по мере выслуги.

Значение этого решения для судеб абсолютной монархии трудно переоценить. Оно создавало законные возможности для автоматического «одворянивания» части чиновничества. В условиях

²¹⁹ В. О. Ключевский. Сочинения, т. VI. М., 1959, стр. 442.

²²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 322.

сохранения и усиления сословных перегородок в XVIII в. и в более позднее время возможность получить дворянство оказалась мощным стимулом для бюрократии, делала ее послушным орудием абсолютизма. Одновременно создавались возможности для постоянного пополнения рядов дворянства выходцами из социальных низов. Вплоть до своей гибели в октябре 1917 г. российское дворянство не было замкнутым сословием. В результате применения норм Табели о рангах, как мы увидим далее, происходило своеобразное «расширенное воспроизводство» правящего класса, который вбирал в себя выходцев из самых различных слоев населения феодальной России. Это, в свою очередь, обеспечивало большую живучесть и гибкость абсолютизма в России, ибо, указывал К. Маркс: «Чем более способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство»²²¹.

Этой же цели служило включение Петром I в систему военных и гражданских чинов абсолютной монархии должностей представителей формирующейся интеллигенции (профессора академий, врачи, специалисты горного дела и др.), а также органов городского управления. При проведении реформы городского самоуправления городские магистраты, хотя и были выборными органами посадского населения, оказались в полной зависимости от государственных учреждений. По регламенту 1721 г., члены Главного и городских магистратов были пожизненными чиновниками. За «честную и безукоризненную» службу государству они могли быть «пожалованы шляхетством». Ради «пользы государства» Петр I при издании Табели о рангах наделил их рангами: должность президента столичного магистрата была включена в 8-й класс, бургомистра — в 9-й, городских бургомистров — в 10-й²²². «С изданием Табели о рангах, — писал И. Дитятин, — выборные члены магистратов стали считаться в известных чинах и таким образом были введены в качестве составного звена в цепь чиновничьей иерархии, облекшись в соответствующие чину мундиры». В результате «выборным от торгово-промышленного сословия в качестве награды обещается полное удаление из этого сословия»²²³.

Принятие законодательного акта, способствовавшего укреплению социально-политической базы абсолютизма и расширению состава правящего класса путем одворянивания выходцев из непривилегированных сословий, было обусловлено рядом причин. К концу первой четверти XVIII в. произошло огромное усиление власти абсолютного монарха в результате проведения целой се-

²²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 150.

²²² ПСЗ, т. VI, № 3708, стр. 300.

²²³ И. Дитятин. Устройство и управление городов России, т. I. Города России в XVIII ст. СПб., 1875, стр. 213; см. также, стр. 204—212; А. Пригара. Опыт истории состояния городских обывателей в Восточной России. СПб., 1868, стр. 143—146; А. А. Кизеветтер. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903, стр. 619—620.

рии политических и экономических реформ, в особенности создания постоянной армии и дворянской гвардии, а также сети бюрократических учреждений, которые содержались за счет денежного жалования, получаемого из казны. Большую роль в укреплении престижа царя Петра I сыграли такие моменты, как блестящие победы, одержанные русской армией в ходе Северной войны, а также суровое подавление всякой оппозиции, откуда бы она ни исходила, в том числе от лиц, группировавшихся вокруг царевича Алексея. Закон, открывающий доступ в дворянство выходцам из социальных низов путем государственной службы, ущемлял интересы «старых» феодалов, заставлял делиться своими привилегиями с «новичками» (освобождение от тягла, право владеть населенными землями и т. п.).

При обсуждении проекта Табели о рангах, несмотря на скудость данных источников, наибольшие разногласия вызвало предложение о предоставлении дворянства за выслугу. Отражение споров по этому вопросу можно найти не только в 13, 14, 15 и 16-й статьях Табели о рангах, устанавливающих порядок получения чинов и дворянства в армии и государственных учреждениях, но и в «Инструкции герольдмейстеру»²²⁴.

Большая часть этого документа, написанного вскоре после прений в Сенате, была посвящена определению состава дворянства России и обеспечению прав тех лиц, которые вливались в состав «благородного сословия» в результате выслуги. «Его величества всего государства дворянство,— указывалось в «Инструкции»,— состоит из высших и нижних, прежних и нынешних военных, гражданских и придворных чинов». Эта формулировка констатировала достаточно сложный состав российского дворянства, но деликатно обходила вопрос о еще продолжавших существовать старых градациях по «породе» и «знатности». Герольдмейстеру поручалось вести учет всех дворян, для чего ему следовало передать «все прежние шляхетские списки, которые есть при Сенате и остались в прежнем Разряде»²²⁵. Поскольку после составления этих списков многие лица умерли, а главное, появились новые дворяне, «того ради о военных сухопутных и морских, которые из шляхетства, а дослужились до обер-офицерского ранга», следовало получить сведения из Военной и Адмиралтейской коллегий. И впредь герольдмейстер должен был заботиться о самом тщательном учете новых дворян и их потомства, когда они дослужатся до обер-офицерских чинов, понеже «сие дело нового основания»²²⁶.

Верхушка правящего класса абсолютистской России во главе с Петром I при обсуждении проекта Табели о рангах пошла на принятие решения, которое допускало в ряды дворян выходцев из

²²⁴ Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 353.

²²⁵ ПСЗ, т. VI, № 4414.

²²⁶ Там же, № 3896, стр. 497—499.

других сословий, ибо «приток свежей крови», укрепляя классовые позиции всего сословия феодалов, в частности, позволял при его малочисленности заполнять основные командные должности в армии и государственном управлении «своими» людьми — дворянами. Естественно, что рекрутируемая таким путем бюрократия полностью зависела от абсолютной монархии. Этому во многом способствовало то, что в основе Табели о рангах лежала система воинских чинов; существовавшие в армии правовые нормы были взяты за основу устройства гражданских учреждений, офицерские оклады использовались при определении размеров жалованья чиновников и т. д. Не случайно В. И. Ленин в качестве одной из характерных черт российского абсолютизма называл «традиции воещины и бюрократизма в смысле невыборности судей и чиновников»²²⁷.

То, что установленный Табелью о рангах порядок чинопроводства необычайно усиливал власть абсолютного монарха, хорошо понимали идеологи самодержавия в России в XVIII—XIX вв. Так, когда через 125 лет после издания Табели начались разговоры о ее отмене, то небезызвестный реакционер, министр просвещения граф С. С. Уваров подал в феврале 1847 г. Николаю I записку «О системе чинов в России». Полемизируя с русскими и иностранными критиками Табели о рангах, он убеждал Николая I сохранить неизменным установленный Петром I порядок прохождения государственной службы чиновниками, ибо ему русские монархи обязаны «новой силою, небывалою в руках других государей и составляющую твердую опору их власти». До тех пор пока это орудие «останется в руках властителей, едва ли что может поколебать самодержавную власть в ее основаниях»²²⁸. Абсолютные монархи и сами хорошо сознавали, какую могущественную силу составляет в их руках бюрократия, получавшая все свои привилегии, вплоть до дворянства, путем выслуги, и поэтому отклоняли в XVIII — первой половине XIX в. все попытки пересмотра этого пункта Табели о рангах.

Отмечая дворянскую направленность Табели о рангах, необходимо подчеркнуть известную внутреннюю противоречивость этого законодательного акта. В борьбе против оппозиции феодальной аристократии за дальнейшую централизацию государственного управления абсолютная монархия опиралась на мелкое и среднее дворянство, создавала дворянскую бюрократию. «Одворянивание» части выходцев из социальных низов в результате государственной службы не только консервировало сословность, но насаждало и укрепляло ее во всех сферах общественной, политической и культурной жизни. Это обстоятельство, как мы покажем далее, оказало существенное влияние на изменение состава самого правящего класса.

²²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 131.

²²⁸ В. А. Ерешинов. Указ. соч., Прилож. 5, стр. 110—114.

В то же время, чтобы подорвать влияние родовитой знати, действии принципа «породы», абсолютная монархия насаждала среди дворян такие начала в аппарате управления (принцип личной выслуги, роль способностей, образования), которые в целом были свойственны буржуазному государству. В этом же направлении действовало введение денежного жалованья для всех категорий чиновников. Для укрепления своей власти абсолютизм допускал в ряды чиновников выходцев из непривилегированных сословий, которые постепенно начали вытеснять потомственных дворян в аппарате управления. Тем самым абсолютная монархия содействовала возникновению элементов буржуазного государства, отрыву чиновничества от социальной среды и превращению его в бессословную прослойку капиталистического общества. Исторический парадокс состоял в том, что первоначально эти новые, по существу буржуазные, принципы комплектования служащих государственного аппарата абсолютной монархии были заключены в сословную дворянскую оболочку.

**Эволюция Табели о рангах
и законодательство абсолютизма
о службе чиновников
в 20—60-х годах XVIII в.**

После смерти Петра I в январе 1725 г. и до воцарения императрицы Екатерины II в июне 1762 г., по меткому определению историка В. О. Ключевского, наступила «эпоха дворцовых переворотов»¹. За 37 лет на российском престоле сменилось шесть монархов, из которых двое (младенец Иван Антонович и Петр III) были свергнуты силой и позже убиты. При малолетних детях и женщинах, занимавших русский престол, по словам П. И. Панина, подвизались «припадочные люди» — фавориты, боровшиеся между собою за власть. Смена монарха, дворцовые заговоры и интриги, возвышение одних и падение других фаворитов и их «креатур» были довольно частым явлением в то время. А. И. Герцен писал об этом периоде русской истории: «Сегодняшние министры и генералы уже на следующий день шли закованные в кандалы на место казни или отправлялись в Сибирь»².

В этой связи возникает вопрос: каково было отношение преемников Петра I к установленным Табелью о рангах нормам комплектования государственного аппарата? Изучение законодательства абсолютной монархии в 20—60-х годах XVIII в. свидетельствует о том, что в это время в Табеля о рангах были внесены серьезные изменения, причем в правительственной политике в отношении бюрократии можно условно наметить два периода: 1) от времени утверждения Табели о рангах до начала 60-х годов XVIII в. и 2) после издания Манифеста о вольности дворян в 1762 г. до конца 60-х годов XVIII в., когда правительство Екатерины II издало ряд законов, направленных на дальнейшую бюрократизацию аппарата управления.

**1. Изменения Табели о рангах
в середине 20-х — начале 60-х годов XVIII в.**

Изменения Табели о рангах начались еще при жизни Петра I и продолжались при его ближайших преемниках. В основном они шли по следующим направлениям: 1) пополнение и изменение перечня должностей в Табели о рангах; 2) повышение рангов от-

¹ В. О. Ключевский. Сочинения, т. IV. М., 1958, стр. 258.

² А. И. Герцен. Собрание сочинений в 30 томах, т. VII. М., 1956, стр. 177.

дельных чинов и должностей; 3) дальнейшее развитие принципов выслуги и заслуги при продвижении чиновников по служебной лестнице; 4) ослабление сословно-дворянского подхода при замещении обер-офицерских должностей в пользу разночинцев.

Полноление перечня должностей в Табели о рангах было обусловлено ростом потребностей государства, усложнением его функций и дифференциацией отдельных отраслей управления. Так, 23 февраля 1723 г. Петр I приказал включить в нее должности генерал-фискала, обер-фискала и фискалов. Необходимость этой меры в указе царя была мотивирована тем, что правительство назначило новых фискалов из числа «знатных» дворян, которым необходимо дать ранги. Их предшественники, оказавшиеся замешанными в «великих преступлениях», рангов не имели, исключая обер-фискала, так как они «вскорости были выбраны из самых нижних людей». Генерал-фискал получил ранг генерал-майора армии, обер-фискал — бригадира, обер-фискал Военной коллегии — полковника, фискалы Военной конторы и дивизий — подполковника, фискалы коллегий и Главного магистрата — майора, провинциал-фискалам был дан ранг капитана³. Этой мерой Петр I хотел укрепить классовый дворянский состав органов контроля и улучшить их работу. 23 ноября 1724 г. был издан указ о том, чтобы фискалам городских магистратов провинций рангов не давать, так как эти должности замещают посадские люди⁴. В 1724 г. Петр I пополнил Табель о рангах новыми «статскими» чинами. Они не соответствовали какой-либо определенной должности, а являлись особо почетной наградой для высшей бюрократии⁵. Были учреждены чины действительного статского советника (4-й ранг) и статского советника (5-й ранг). Одновременно чин тайного советника был повышен на один ранг и помещен в 3-й класс, что соответствовало генерал-лейтенанту армии⁶.

В 1726 г. Екатерина I включила в 4-й класс Табели о рангах должности ландратов и регирунгсратов Лифляндии и Эстляндии, уравнив их в ранге с генерал-майорами. Анна Ивановна подтвердила это постановление⁷, что означало укрепление позиций остзейских дворян в местном управлении. В связи с расширением дипломатических связей России в 1758 г. правительство Елизаветы Петровны ввело должность советника при посольствах за границей в ранге подполковника (7-й класс)⁸. Значительное пополнение Табели о рангах произошло в 60-х годах XVIII в. в связи с введением новых штатов учреждений России и другими мерами правительства Екатерины II, укреплявшими государственный аппарат.

³ ПСЗ, т. VII, № 4170.

⁴ Там же, № 4602.

⁵ В. А. Евреинов. Гражданское чиновничество в России. СПб., 1888, стр. 41.

⁶ ПСЗ, т. VII, № 4500.

⁷ ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 7, лл. 91 об.— 92.

⁸ Там же, лл. 93 об.— 94.

Одновременно с некоторым пополнением Табели о рангах в конце 20-х годов XVIII в. произошло большое сокращение перечня должностей, вызванное тем, что правительство Екатерины I в поисках выхода из финансовых затруднений уменьшило расходы на содержание государственного аппарата. Более всего пострадала сеть местных учреждений, которую Петр I пытался ввести в России.

В результате в 1726—1727 гг. правительство упразднило 27 должностей⁹, не считая проведенной в 1723 г. ликвидации должности обер-секретаря коллегий (обер-секретари были оставлены в Сенате, Синоде, Военной, Адмиралтейской и Иностранной коллегиях)¹⁰. Позже, вплоть до начала 60-х годов, правительство не изменяло номенклатуру должностей «государственного штата». Сокращение государственного аппарата не только не дало экономии в бюджете России, но и уменьшило количество должностей, дающих возможность выходцам из непривилегированных сословий получать личное и потомственное дворянство, хотя правительство не ставило перед собой такой цели. Однако, упразднив названные выше должности, правительство не исключило их из Табели о рангах. Оно использовало их для награждения выходивших в отставку армейских офицеров, которых, по указу Анны Ивановны от 14 ноября 1735 г., жаловали следующим чином, но не воинским, а штатским. Так, например, поручика лейб-гвардии Семеновского полка Н. Остафьева при отставке наградили чином вице-президента надворного суда, что соответствовало чину подполковника (VII ранг).

После смерти Петра I его преемники стали предпринимать попытки пересмотра размещения по классам отдельных чинов и должностей Табели о рангах, что было тесно связано с обострением борьбы за власть представителей правящих кругов и придворных группировок. Так, 13 сентября 1725 г. русский посол в Берлине граф А. Г. Головкин прислал в Иностранную коллегия барону А. И. Остерману, видимо по его запросу, подробное описание прусских придворных чинов¹¹. 2 декабря того же года канцлер граф

⁹ Это должности: президентов, вице-президентов и прокуроров надворных судов в столице, унтер-штатгальтера и экономии-штатгальтера, обер-директора над пошлинами, обер-ландрихтера, президента магистрата и обер-провиантмейстера в столице; регирунсратов в губерниях, обер-комиссара в коллегиях, обер-рентмейстера в губерниях, обер-ландрихтера в провинциях, бургомистра в столице, асессора надворных судов, директора над пошлинами в портах, казначей при монетном деле, обер-экономии комиссара и обер-комиссара в губерниях, асессора и фискала надворных судов в губерниях, ратмана в резиденции, камерира провинций, земских комиссаров, асессоров провинциальных судов и земских рентмейстеров (ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 7, лл. 106—110).

¹⁰ ПСЗ, т. VII, № 4353. Здесь и далее мы не касаемся изменений в системе офицерских чинов в армии и флоте, ибо этот вопрос должен явиться предметом специального рассмотрения. К тому же дополнения к номенклатуре чинов офицеров армии и флота не влияли на размещение гражданских должностей по классам.

¹¹ ЦГАДА, ф. 370, д. 7, лл. 120—133.

Г. И. Головкин затребовал себе из архива Иностранной коллегии упоминавшееся выше «Описание короткое французского двора чинам и рангам...», составленное на основании извлечений из «Дневника» русского посла в Париже А. А. Матвеева. Копию «Описания» Головкин направил в тот же день в Военную коллегию¹². 12 января 1727 г. по приказу Остермана из архива Иностранной коллегии были отданы секретарю Военной коллегии К. Макарову по два экземпляра печатных регламентов о чинах Дании и Швеции, а также «Старинное описание российским чинам на немецком языке», видимо написанное самим вице-канцлером¹³.

Обращение верховников к законодательным материалам, использованным правительством в 1719—1722 гг. для составления Табели о рангах, не повлекло за собой каких-либо принципиальных изменений в этом законе. Единственное новшество, которое было принято ими, заключалось в том, что по указу от 26 февраля 1728 г. членам Верховного Тайного совета следовало «перед полными генералами иметь первенство по жизнь свою». Всем остальным чиновникам, «как воинским сухопутным и морским», так штатским и придворным чинам, кто с кем в одном классе обретается, тем между собою и место и председательство иметь по примеру других государств по старшинству со времени вступления каждого в чин»¹⁴. В результате, возвысив себя над верхушкой сановной бюрократии, верховники в остальном остались верны принципам, сформулированным в Генеральном регламенте коллегий, Табели о рангах и других законодательных актах Петра I. Да и это их решение в известной мере можно рассматривать как дальнейшее развитие идеи выслуги.

Через несколько недель после провала «затейки» верховников, безуспешно пытавшихся ограничить самодержавие в пользу аристократии, императрица Анна Ивановна и ее окружение обратились к подготовительным материалам Табели о рангах. В это время началось возвышение А. И. Остермана, который участвовал в выработке проекта Табели о рангах и хорошо знал об иностранных источниках этого закона. 8 апреля 1730 г. секретарь Иностранной коллегии К. Бреверн, являвшийся доверенным лицом новой императрицы, по ее приказу взял в архиве Коллегии иностранных дел копии всех иностранных регламентов о чинах, существовавших в прошлом, а также на Руси¹⁵. Судя по многочисленным пометам, эти документы внимательно изучались в окружении Анны Ивановны. Однако каких-либо изменений в системе гражданских чинов в Табели о рангах после этого не было сделано.

Новая императрица Елизавета Петровна 4 ноября 1743 г. приказала должность обер-церемониймейстера Иностранной коллегии

¹² ЦГАДА, ф. 370, д. 3, л. 80 об.

¹³ Там же, д. 55, л. 6.

¹⁴ ПСЗ, т. VIII, № 5245.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 370, д. 1, лл. 116—119 об.; д. 13, лл. 13 об., 14—17 об.; д. 56, л. 101 об.

перевести из 5-го класса в 4-й, а церемониймейстера — из 7-го в 5-й. Обе эти должности занимали представители наиболее родовитых дворянских фамилий, имевшие доступ ко двору. 22 июля 1745 г. Елизавета Петровна распорядилась чип надворного советника повысить на один ранг и поместить его в 7-й класс¹⁶. В 1748 г. должность канцелярии советника была также повышена на один ранг и приравнена к чину полковника армии (6-й класс)¹⁷.

Издание 20 ноября 1728 г. нового придворного штата, который содержал более обширный перечень должностей дворцового ведомства, оказало некоторое влияние на Табель о рангах. Она пополнилась некоторыми новыми наименованиями, а главное, отдельные чины были повышены в рангах. Так, должность обер-камергера из 4-го класса была переведена во 2-й, камергера — из 6-го класса в 4-й¹⁸. Это было явным отклонением от линии Петра I, ставившего на первое место «воинский» и «государственный» штаты. Подобные отклонения от его принципов при размещении должностей придворного ведомства продолжались и позже. Они делались прайдельством в угоду знати, игравшей видную роль при дворе и в высшем государственном управлении.

12 января 1737 г. Анна Ивановна подтвердила включение должности камергера в 4-й класс Табели о рангах, а должность камер-юнкера приказала перевести из 9-го в 6-й класс¹⁹. В правление Елизаветы Петровны родовитые дворяне, занимавшие высшие придворные должности, получили новые преимущества в продвижении по службе. По указу императрицы от 6 февраля 1742 г., должность камер-юнкера была повышена еще на один ранг и помещена в 5-й класс Табели о рангах. Если ранее камер-юнкеры имели ранг капитана, то теперь они считались равными армейским бригадирам. Одновременно камер-юнкеры получили другую важную привилегию: вести счет служебного старшинства с армейскими офицерами соответствующих рангов. Такое же право было дано и камергерам²⁰, что облегчало им продвижение по службе, ибо в армии офицеры скорее получали новые чины.

Столь значительное повышение в рангах камер-юнкеров объяснялось тем, что эти должности занимали братья А. И. и П. И. Шуваловы, Р. И. Воронцов и некоторые другие лица, сыгравшие главную роль в дворцовом заговоре, давшем императорский трон дочери Петра — Елизавете. Одним из первых после издания указа от 6 февраля 1742 г. получил чин камер-юнкера гвардии подпоручик Р. И. Воронцов (10 февраля), который после дворцового переворота 25 ноября 1741 г. караулил принцессу Анну Леопольдовну и императора Иоанна VI, а затем сопровождал их в ссылку в Ригу²¹.

¹⁶ ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 7, лл. 91 об.— 92, 93 об.— 94.

¹⁷ ПСЗ, т. XII, № 9534.

¹⁸ ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 7, лл. 90 об.— 92.

¹⁹ ПСЗ, т. X, № 7157.

²⁰ ПСЗ, т. XI, № 8510.

²¹ Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, кн. 901, л. 78.

Табель о рангах юридически закрепила такие критерии служебной годности человека, как выслуга, заслуги и образование. Начавшаяся после смерти Петра I борьба за власть между отдельными группировками господствующего класса дворян и привела к тому, что эти нормы законодательства на практике постоянно нарушались. Особенно много злоупотреблений такого рода было в армии. Представители борющихся за власть группировок пытались пайти опору среди офицеров, особенно в гвардии. Поэтому они не только назначали на командные должности своих ставленников в нарушение установленных при Петре I правил чинопроизводства, но и изменяли эти правила, основанные на сочетании принципов выслуги и заслуг данного лица при допущении выборности обер-офицерских должностей²². С начала 30-х годов XVIII в. правительство Анны Ивановны стало усиленно пополнять офицерский корпус армии и гвардии за счет остзейских дворян и иностранцев²³. Последних, по указу 1736 г., разрешалось назначать на свободные вакансии вплоть до майора без утверждения императрицы²⁴.

Об остроте внутрикласовых противоречий среди дворянства свидетельствует тот факт, что на протяжении 20 лет (1721—1742) правительство 4 раза меняло порядок чинопроизводства офицеров армии. В нашу задачу не входит подробное рассмотрение этого вопроса, поэтому отметим лишь главные изменения, ибо они влияли на положение гражданской бюрократии, которая была уравнена в рангах с офицерами армии²⁵.

Указом от 11 июня 1726 г. правительство Екатерины I отменило замещение штаб- и обер-офицерских должностей в армии путем тайных выборов, так как при этом бывает много «страсти». Вместо этого офицеров следовало назначать «по старшинству и достоинству»²⁶. Такой порядок просуществовал менее пяти лет: 5 февраля 1731 г. правительство Анны Ивановны восстановило выборность офицерских должностей в армии, причем предложения о пожаловании в высшие офицерские чины (от полковников и далее) следовало посылать самой императрице, минуя Сенат²⁷, в котором в это время еще находились представители аристократии, выступавшие против власти абсолютного монарха. Поскольку путем баллотирования избирали кандидатов на первый обер-офицерский и штаб-офицерский чины (в прапорщики и майоры), а при производстве в остальные чины учитывалась выслуга, то правительство во избежание конфликтов при счете служебного старшинства, по ука-

²² В. А. Евреинов. Указ. соч., стр. 46.

²³ Я. Я. Зугис. Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946, стр. 155—162, 171 и др.

²⁴ ПСЗ, т. IX, № 6866.

²⁵ В. А. Евреинов. Указ. соч., стр. 47.

²⁶ ПСЗ, т. VII, № 4896.

²⁷ ПСЗ, т. VIII, № 5690, 5920.

зу от 7 декабря 1731 г., разрешало переводить офицеров из полка в полк лишь с санкции монарха ²⁸.

Однако и после издания этих указов число конфликтов при баллотировании офицеров в полках не уменьшилось. Спустя еще пять лет в 1736 г., Анна Ивановна была вынуждена отметить, что при избрании офицеров «происходят немалые непорядки и многие достойные по старшинству обойдены бывают». Поэтому императрица снова приказала из унтер-офицеров в прапорщики и из капитанов в майоры повышать путем тайного голосования. «А в протчие чины,— говорилось в ее указе,— производить по достоинству, а не по старшинству, смотря только, чтобы достойные в чины были произведены» ²⁹.

Необходимо учитывать, что в это время по закону не учитывалась сословная принадлежность человека ³⁰, как это предусматривал еще Петр I, в ряде случаев ущемлявший сословные привилегии дворян в интересах укрепления всего государства.

В «период дворцовых переворотов» были значительные отступления от норм Табели о рангах и при назначении чиновников на руководящие должности в государственном аппарате. В литературе отмечено, что произвол в замещении важнейших постов в управлении особенно сильно задевал высшие слои бюрократии и сравнительно меньше касался среднего и низшего звеньев чиновничества ³¹. В обстановке обострения борьбы за власть правящие группировки постоянно отступали от соблюдения выслуги, отдавая предпочтение заслугам монарху и пытаясь узаконить подобную практику. Так, вскоре после провала «затейки» верховников кабинет-министр А. И. Остерман написал императрице Анне Ивановне «Представление», в котором предлагал повысить в чинах многих представителей высшей бюрократии. Эта записка интересна тем, что в пей Остерман развивает мысль о необходимости отдать предпочтение заслугам, а не выслуге. «Ежели кто какую особливую службу показал,— писал он,— и такого несмотря на старшинство и ни на что пожаловать пристойно для анкуражирования другим». Если же человек не оказал монарху особых услуг, тогда необходимо «при достоинстве и старшество смотреть, ибо молодчий без показания какой чрезвычайной службы пред старшим пожалован бывает, то старший в печале останется и охота к службе пропадет» ³². В приложенном к «Представлению» Остермана реестру сановников, которых следовало повысить в рангах, были названы князья Г. Д. Юсупов, И. Ф. Барятинский, генералы

²⁸ Н. Глиноецкий. Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чиновпроизводства в русской армии.— «Военный сборник», 1887 № 4, стр. 274.

²⁹ ПСЗ, т. IX, № 7022.

³⁰ А. Романович-Словатинский. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912, стр. 222.

³¹ Я. Я. Зутис. Указ. соч., стр. 279.

³² ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 7, л. 1.

И. И. Дмитриев-Мамонов, Г. Д. Чернышев «и прочие, которые при последних случаях себя особо радетьельными показали». Остерман также считал полезным установить, сколько человек будет пожаловано в высшие воинские чины (от бригадира и выше), и сообщить, что такими рангами верховная власть будет жаловать по заслугам, а не за выслугу. Поскольку многочисленные награждения высокими рангами лиц, участвовавших в событиях 1730 г., привели к перепроизводству штаб-офицеров и генералов, Остерман предложил тех офицеров, которые идут из армии в отставку и будут служить в гражданских учреждениях, жаловать статскими чинами³³. Анна Ивановна не только повысила в чинах большую часть лиц, перечисленных в реестре Остермана, но по его совету издала уже упоминавшийся указ 1736 г. о порядке замещения офицерских должностей в армии³⁴.

В последующие годы продолжалось назначение чиновников по «заслугам», не за выслугу, причем такая практика отчасти распространялась и на среднее звено бюрократии, служившей в центральных учреждениях Петербурга и Москвы. Так, по данным реестра патентов на чины, пожалованные в последние дни правления регентши Анны Леопольдовны (17 сентября и 12 декабря 1741 г.), из 11 человек, получивших чин действительного статского советника (генерал-майорский ранг), двое чиновников «перепрыгнули» через два ранга. Из 14 новых статских советников три человека были повышены сразу на три ранга; из 30 советников — 14 чиновников³⁵ и т. д.

Произвол временщиков и фаворитов в назначении на важнейшие должности в гражданском и военном управлении, сопровождавшийся в правление Верховного Тайного совета попытками возродить былое влияние родовитой аристократии, вызвал недовольство основной массы дворян. Об этом, в частности, свидетельствовало содержание шляхетских проектов, составленных в 1730 г. Дворянство требовало запретить представителям одной фамилии занимать несколько важных постов в учреждении, не допускать совмещения должностей одним человеком и назначать чины и ранги с учетом выслуги³⁶.

Эти требования дворянства об упорядочении замещения должностей в государственном управлении были учтены позже правительством Елизаветы Петровны, издавшей 25 февраля 1742 г. указ «О повышении чинами по старшинству и заслугам», подтверждавший приверженность политике Петра I в этом вопросе³⁷. Его

³³ ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 7, лл. 1 об.—3.

³⁴ Еще раньше, 14 ноября 1735 г., был издан указ о пожаловании отставных офицеров статскими рангами и назначении их в гражданские учреждения (ПСЗ, т. IX, № 6836).

³⁵ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 114, лл. 544—546 об. и сл.

³⁶ Д. А. Корсаков. Воцарение имп. Анны Иоанновны. Казань, 1880, стр. 159—163, 169—172, 175—176, 187.

³⁷ ПСЗ, т. XI, № 8516.

выполнение было обязательно для военных и гражданских учреждений. Исключения из этого правила могли допускаться в случае особых заслуг офицеров или чиновников и только с санкции монарха³⁸.

Издав Табель о рангах в 1722 г., Петр I не определил, сколько лет должен был прослужить чиновник в одном чине, чтобы получить следующий ранг. Поскольку основанием для повышения служащих государственного аппарата была выслуга, Герольдмейстерской конторе Сената было поручено вести списки чиновников каждого из 14 классов, в которых регистрировались время поступления человека на службу, а также все его последующие перемещения. Таким образом, чиновники каждого класса стояли в общей очереди и должны были получать новые чины по старшинству³⁹. В то же время закон разрешал повыщать отдельных лиц в обход выслуги «по достоинству», т. е. за особые заслуги. При неразработанности правовых норм законодательства XVIII в. было довольно трудно различить возвышение человека в результате фавора и назначение «по достоинству». Когда глава учреждения представлял чиновника к следующему чину «по достоинству», а не на основании выслуги, то его собратья считали такое повышение результатом протекции.

Приведем несколько характерных примеров того, как применялись нормы Табели о рангах на практике. Так, в феврале 1754 г. секретарь Галицкой провинциальной канцелярии К. А. Посников подал в Сенат челобитную с просьбой пожаловать его в следующий чин, так как он уже 18 лет служил в этой должности. Его карьера началась в 1726 г. писчиком в местной воеводской канцелярии. До поступления на службу сын подьячего Посников год учился в цифирной школе в Галиче⁴⁰. Герольдмейстерская контора проверила правильность приведенных им данных о службе и поддержала его ходатайство. Свое решение она мотивировала ссылками на уже упоминавшуюся 50-ю статью Генерального регламента, а также на указы правительства от 21 октября 1737 г., 15 февраля 1742 г. и 23 сентября 1743 г., предусматривавшие повышение чиновников в зависимости от давности службы и заслуг. Герольдмейстерская контора определила место Посникова в общем списке чиновников его ранга, сославшись на определения Сената от 8 июня и 4 ноября 1752 г. о том, чтобы «обретающихся у дел в губерниях и провинциях и городах (кроме Лифляндии, Эстляндии и Финляндии) всех чинов, состоящих в рангах, к произвождению старшинства считать губернских с губернскими, провинциальных и корчемных контор с провинциальными, городских с городскими, а состоящих в Лифляндской, Эстляндской, Выборгской губерниях и провинциях счислять особливо, понеже оные

³⁸ ПСЗ, т. XI, № 8789.

³⁹ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 1, л. 185.

⁴⁰ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 553 об.—554; кн. 453, л. 523—523 об.

состоят на их правах». В результате выяснилось, что «старее ево состоит в Тверской провинциальной канцелярии секретарь Николай Башилов», который получил свой чин на год раньше. Поскольку он уже умер, Сенат 4 декабря 1757 г., т. е. спустя три года после подачи челобитной, призвел Посникова в коллежские секретари⁴¹.

В 1764 г. Н. Дурасову, два года служившему в должности советника Мануфактур-коллегии и имевшему ранг надворного советника, было отказано в получении ранга коллежского советника, так как кроме него имелось еще 26 претендентов, у которых был больше стаж службы⁴².

Сложнее решался вопрос, когда чиновник имел образование и способности. Нередко эти критерии для более быстрого продвижения по службе приходили в столкновение с основным принципом — служебным старшинством, что не отвечало интересам государства, так как формально-уравнительный принцип выслуги не учитывал «качество» — способности и знания чиновника. В этом отношении показательна судьба переводчика Иностранной коллегии Н. Ф. Алфимова. Сын небогатого помещика (у него вместе с братьями было 150 душ крепостных), служившего «при Морской академии учителем мореплавательных наук», Алфимов в 1737 г. явился на смотр в Сенат и был зачислен в Кадетский корпус. В 1747 г. он успешно закончил это учебное заведение и получил чин поручика, а также превосходный аттестат, в котором было отмечено хорошее знание им латыни, немецкого, французского языков и других наук. Алфимова зачислили переводчиком в Иностранную коллегию, а через два года дали ранг капитана. Канцлер А. П. Бестужев-Рюмин аттестовал Алфимова как весьма способного чиновника и в 1755 г. поддержал его просьбу о пожаловании ему чина ассессора, ибо «он по состоянию изученных им в том корпусе наук и против протчих особливой к наукам прилежности признается по определению в гражданскую службу наиспособнейшим и в рассуждении того и к тому долговременной его при том корпусе бытности (10 лет учебы в Кадетском корпусе. — С. Т.) и добрых кондуктов в выпуске поруческим чином почитается за достойного»⁴³.

Однако Сенат отказал Алфимову в просьбе на том основании, что в Иностранной коллегии имеется 11 переводчиков, которые служат дольше его. При этом он сослался на Генеральный регламент и Табель о рангах, в которых подчеркивалась необходимость отдавать предпочтение служебному старшинству над всеми другими критериями. Сенат отвел как юридически несостоятельную ссылку Алфимова на то, что некоторые лица уже получили ассессорский ранг, хотя имели такой же стаж службы, как и он. В его определении разъяснялось, что названные Алфимовым люди были повы-

⁴¹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 453, лл. 525—529.

⁴² ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 3, лл. 49—50.

⁴³ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 451, лл. 753—755.

шены потому, что числились в штате Сената, а служба в высшем учреждении Российской империи в соответствии с законодательством давала чиновнику более высокий ранг⁴⁴.

Но на практике не всегда возникали такие бесспорные с точки зрения законодательства первой половины XVIII в. случаи, как мы только что описали. Принадлежность к привилегированному дворянскому сословию давала человеку возможность в обход Табели о рангах продвигаться быстрее других чиновников, выпедших из разночинной среды. Так, копиист Сената В. Елгозин в 1749 г., после пяти лет службы, был произведен в канцеляристы «не по старшинству, но по дворянству и по прилежности к делам». После тщательной проверки Герольдмейстерской конторой принадлежности Елгозина к дворянству (его прапрадед служил в 1626 г. городовым дворянином по Калуге) Сенат назначил его в 1755 г. секретарем Корчемной конторы⁴⁵.

Для детей знатных и богатых дворян имелось много возможностей обходить Табель о рангах и быстро продвигаться по службе, минуя низшие чины и должности. Одним из средств для достижения этого была запись малолетних детей дворян в гвардию солдатами и даже офицерами. Начало такой практике положил сам Петр I. Так, в 1715 г. он приказал определить пятилетнего сына своего любимца Г. П. Чернышева — Петра солдатом в Преображенский полк, а семь лет спустя — назначил камер-пажом в ранге капитана-поручика при дворе шлезвиг-голштинского герцога. В 1724 г. при рождении сын фельдмаршала князя М. М. Голицына — Александр был записан солдатом в гвардию и в 18 лет был уже капитаном Преображенского полка. В 1731 г. 11-летний князь Д. М. Голицын стал прапорщиком Измайловского полка. В 1726 г. А. А. Нарышкина, когда ему исполнился год, произвели сразу в мичманы флота⁴⁶ и т. д.

Однако в общей массе чиновников удельный вес таких «счастливых» был сравнительно невелик. Основная масса гражданских чиновников получала свои должности и ранги путем выслуги.

Служба в армии открывала больше возможностей для повышения в чинах, особенно во время частых войн, когда офицерские ранги давали за храбрость, удачные операции, не считаясь с выслугой и социальным происхождением. При выходе в отставку и поступлении на штатскую службу армейские офицеры нередко нарушали счет выслуги среди гражданских чиновников.

Для предупреждения конфликтов при счете служебного старшинства правительство издало 13 января 1753 г. специальные правила. Сенаторы и президенты трех «первых» коллегий (Военной, Адмиралтейской и Иностранной) вели счет служебного старшин-

⁴⁴ Там же, лл. 756—762 об.

⁴⁵ Там же, кн. 441, лл. 140—155.

⁴⁶ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 769, 785; Герольдмейстерская контора, кн. 439, лл. 294, 324 и др.

ства между собою в зависимости от имевшихся у них рангов, однако их дальнейшее повышение зависело только от воли монарха. Остальные чиновники канцелярии Сената, имевшие офицерские ранги (обер-секретари, секретари, экзекуторы, переводчики и пр.), вели счет старшинства между собою, а также со служащими штатских коллегий, «в равенстве против коллежских чинов, в тех же рангах состоящих». Чиновники находившихся при Сенате контор и канцелярий (Герольдмейстерская, Рекетмейстерская, Раскольническая и др.) определяли сроки выслуги между собой. Членам присутствий штатских коллегий, канцелярий и других центральных учреждений следовало вести счет старшинства по чинам «всем между собою, не примешивая к оным находящихся у дел же в губерниях и других местах». Учитывая специфику отдельных ведомств, правительство давало аналогичные рекомендации для чиновников Берг- и Мануфактур-коллегий, а также служащих Юстиции и Камер-коллегий лифляндских и эстляндских дел, которые вели делопроизводство на немецком языке, академиков и профессоров Академии наук. Из этого перечня делались исключения для чиновников Главного магистрата, где преобладали недворяне, а также для служащих дворцового ведомства (последние назначались не Сенатом, а императрицей)⁴⁷. В феврале 1754 г. эти правила были дополнены рекомендациями, учитывающими особенности отдельных учреждений⁴⁸. 26 июля 1754 г. Сенат издал указ «О производстве юнкеров в секретари и ассесоры по старшинству без различия мест, в которых они служат», сделав исключения для юнкеров трех «первых» коллегий, а также учреждений, ведавших торговлей и промышленностью и управлением Прибалтийскими губерниями⁴⁹.

Этими мерами правительство Елизаветы Петровны стремилось упорядочить продвижение чиновников в зависимости от принципа личной выслуги. Все остальные критерии имели подчиненное значение. Фактически, как правильно отмечено в литературе, правительственные распоряжения, начиная с издания Генерального регламента коллегий и Табели о рангах и кончая указами 1753—1754 гг., вводили вместо местничества по породе местничество по должности и чинам⁵⁰. Такая практика, по мнению правительства, должна была стимулировать служебное рвение чиновников.

При сохранении обязательного характера государственной службы для дворян вплоть до начала 60-х годов XVIII в. внедрение абсолютной монархией принципа личной выслуги способствовало

⁴⁷ ПСЗ, т. XIII, № 10066. 14 ноября 1762 г. Екатерина II отменила такой порядок и приказала Сенату «при определении к делам... с прочими писать в кандидаты и придворных кавалеров» (ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 3, л. 143).

⁴⁸ ПСЗ, т. XIV, № 10190.

⁴⁹ Там же, № 10267.

⁵⁰ А. И. Маркевич. История местничества в Московском государстве в XV—XVII вв. Одесса, 1888, стр. 610; А. З. Мышлаевский. Офицерский вояпрос в XVII в.— «Военный сборник», 1899, № 6, стр. 290.

бюрократизации самого дворянского класса. В «местничанье» «по старшинству» участвовали титулованная аристократия, потомственное дворянство, выходцы из «подлого народа», представители формирующейся интеллигенции. Приведем несколько характерных случаев.

В середине 50-х годов XVIII в. обер-комендант Петербурга и член присутствия Военной коллегии генерал-майор князь Ф. В. Мещерский грозился уйти в отставку, если его не «пожалуют в генерал-лейтенанты», так как считал себя обойденным при очередном повышении в рангах генералитета⁵¹. В октябре 1763 г. известный архитектор князь Д. В. Ухтомский, имевший ранг подполковника, просил Екатерину II произвести его в полковники, ссылаясь на то, что его коллега архитектор С. И. Чевакинский, хотя имел меньший стаж службы, уже пожалован в такой чин⁵².

«Чиновное местничанье» представителей титулованного дворянства достаточно выразительно характеризует изменения в положении родовитой аристократии при абсолютизме, подчеркивает «служилый» характер дворянского сословия. Князья Ф. В. Мещерский и Д. В. Ухтомский занимали высокие посты, получали большое жалованье и были крупными землевладельцами (у Мещерского было 2100 душ крепостных крестьян⁵³. Получение новых рангов для таких дворян во многом было делом чести⁵⁴.

Иначе обстоит дело для основной массы среднего и низшего звена бюрократии, не имевшего имений: строгое соблюдение очередности в получении рангов и чинов означало для них увеличение денежного жалованья, являвшегося главным источником существования.

В этом отношении показательна служба советника Камер-коллегии лифляндских и эстляндских дел И. Крока, который учился за границей юриспруденции и языкам. В 1729 г. он поступил сверхштатным переводчиком в Нарвскую гарнизонную канцелярию, а в 1733 г. перешел служить нотариусом в Петербург в канцелярию Шляхетского корпуса. Знание языков (он владел латынью, немецким, французским, голландским, шведским и финским языками) помогло Кроку устроиться переводчиком в Сенат, где ему в 1741 г. дали чин секретаря. В этой должности он прослужил 11 лет, после чего получил чин надворного советника и должность ландсгауптмана Эзельской провинции; в 1753 г. его произвели в коллежские советники с окладом 1200 руб. в год. Вотчин у него не было. Чтобы дать детям образование, Крок добился перевода в Петербург. Сенат представил его к очередному повышению рангом, но императрица не утвердила. Поэтому в 1764 г. Крок просил Екатерину II повысить его в ранге и должности с зачетом «безвинно потерянного старшинства здесь или в Эстляндии». Крок

⁵¹ ЦГАДА, Госархив, XVI р., кн. 232, л. 26.

⁵² ЦГАДА, Герольдмейстерская коптора, кн. 524, лл. 271—272.

⁵³ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 3, л. 1148 об.

⁵⁴ А. Романович-Словатицкий. Указ. соч., стр. 20.

жаловался, что он обойден «множеством младших в чине и службе». Среди таких лиц он назвал Ф. И. Сукина и И. Н. Баумана⁵⁵.

Оба названных Крюком чиновника за их заслуги и способности были назначены правительством в 1764 г. вице-президентами: Бауман — в Камер-коллегию лифляндских и эстляндских дел, Сукин — в Мануфактур-коллегию. Питомец Шляхетского корпуса, Сукин принадлежал к наиболее образованной части бюрократии. В 1760 г., в возрасте 30 лет, его назначили секретарем Сената, где он возглавлял третью экспедицию, ведавшую делами по Коммерц-, Берг- и Мануфактур-коллегиям, Главному магистрату, Купеческому банку и Комиссии о пошлинах. Сукин выполнял ответственные поручения правительства во время Семилетней войны, выступал с проектами о развитии торговли и промышленности в России⁵⁶. И. Крюк, видимо, не обладал такими способностями, как Бауман и Сукин, поэтому Екатерина не удовлетворила его просьбу о повышении рангом.

Своеобразной разновидностью «чиновного местничанья» было присвоение чиновникам государственных и дворцовых учреждений тех офицерских рангов, к которым были приравнены их должности по Табели о рангах. Поскольку при этом возникала «обида» для дворян, получивших чины и ранги службой в армии и флоте, которой государство всегда отдавало предпочтение, то правительство преследовало такие незаконные действия «статских» служащих⁵⁷, хотя и не могло полностью их пресечь.

Добиваясь соблюдения принципа личной выслуги, абсолютистское государство, несмотря на его формально-уравнительный характер, заботилось об обеспечении сословно-классовых интересов дворян и о создании им более благоприятных условий для продвижения по служебной лестнице по сравнению с выходцами из других сословий. Как уже отмечалось, Петр I при издании Генерального регламента коллегий и Табели о рангах исходил из того, что все основные должности в государственном аппарате будут занимать дворяне. Для привлечения шляхетства на «статскую» службу были учреждены должности коллегии-юнкеров, облегчавшие освоение основ «науки управлять». Дворянский характер этой должности подчеркивался тем, что коллегии-юнкеры хотя и начинали службу копиистами, но имели ранг прапорщика (14-й класс)⁵⁸.

Однако Петру I не удалось осуществить свое намерение постепенно заполнить все должности в учреждениях чиновниками из числа дворян. Первые наборы в коллегии-юнкеры были неудачны: дворяне не хотели учиться приказным наукам. Если не удавалось найти способ остаться в своих вотчинах, они стремились запи-

⁵⁵ ЦГАДА, Сенат, кн. 6477-а, лл. 7—10 об.

⁵⁶ С. М. Троицкий. Новый источник по истории экономической мысли в России в середине XVIII в. — «Археографический ежегодник за 1966 г.», М., 1968, стр. 425—436.

⁵⁷ ПСЗ, т. VIII, № 5878; т. IX, № 7024; т. XI, № 8447 и др.

⁵⁸ ПСЗ, т. XIII, № 9928.

саться в гвардию или в армию. Правительство пыталось также организовать обучение юнкеров при надворных судах, для чего в 1724 г. было набрано 100 чел., но это начинание из-за нежелания дворян не имело успеха. Два года спустя надворные суды были ликвидированы в связи с сокращением штатов. В Сенате и коллегии многие вакансии коллегии-юнкеров не были заполнены⁵⁹.

Уклонение дворян от учебы находилось в тесной связи с их нежеланием нести государственную службу. Создание регулярной армии и флота, расширение сети учреждений и увеличение численности чиновничества, верхнее и среднее звенья которого в основном комплектовались за счет дворян, в целом отвечало интересам всего класса феодалов. В то же время эти меры увеличили бремя государственной службы для дворян, сделали ее более тяжелой. В свою очередь это порождало столкновения между частными интересами отдельных групп дворянства и абсолютистским государством, заботившимся об укреплении экономических и политических позиций всего феодального сословия. Порою эти противоречия принимали весьма острый характер: достаточно вспомнить грозные указы Петра I и его преемников против дворян, укрывавших от ревизий и не желавших платить в казну подушную подать за своих крепостных⁶⁰. Такие же суровые указы царь издавал в отношении дворян, уклонявшихся от государственной службы. Так, в указе от 11 января 1722 г. Петр I писал, чтобы о них было велено «в народ публиковать, что таковые будут шельмованы и з добрыми людьми ни в какое дело причтены быть не могут. И ежели кто таковых ограбит, ранит, что у них отнимет и до смерти убьет, и о таких челобитья принимать не велено, и суда в том не давать. А движимое и недвижимое их имении отписаны будут бесповоротно, а по прошествии сроков всех нетчиков имена будут особо напечатаны и для публики прибиты к виселицам на площади, дабы от них всяк знал яко о преслушателях указом и равные изменником»⁶¹. Как видно из приведенных строк, дворянин-нетчик объявлялся государством вне закона. Однако подобные угрозы не давали нужного эффекта, ибо абсолютная монархия не могла подвергнуть массовым репрессиям дворян, составлявших ее социальную опору. Сам Петр I не раз должен был смягчать наказания «преступникам».

Столкнувшись с недостатком канцелярских служащих в учреждениях, ибо дворяне не хотели служить «подьячими» и учиться в юнкерских школах, царь был вынужден издать известный указ от 31 января 1724 г. «О непроизводении в секретари приказных, которые дворянство не имеют». Название указа не соответствовало его содержанию, так как в нем говорилось следующее: «Буде же из подьяческого чина кто какое знатное дело покажет и заслужит,

⁵⁹ А. Романович-Словагинский. Указ. соч., стр. 139—140.

⁶⁰ С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966, стр. 119—120, 129—131, 138—141.

⁶¹ ЦГАДА, Сенат, кн. 7302, л. 400 об.

то таких с свидетельства Правительствующего Сената производить секретарем, и чтоб кто будет секретарем, из таких давать шляхетство, как и в воинской службе кто в прапорщики показан»⁶². Напомним, что, по 15-й статье Табели о рангах, лица, дослужившиеся в армии до чина прапорщика, становились потомственными дворянами вместе с детьми, которые рождаются в обер-офицерстве. При этом отец получал право записать в дворяне одного из сыновей, родившихся до того, как он стал обер-офицером.

С изданием указа от 31 января 1724 г., подтвержденного в 1726 г.⁶³, «достойные из приказных людей» получили более благоприятные возможности для продвижения по службе; их «низкое» происхождение не служило помехой для получения секретарского чина, дававшего потомственное дворянство.

Законы Петра I, создававшие для разночинцев юридические возможности получения дворянства, встретили отрицательное отношение со стороны родовитой аристократии. Во время событий 1730 г. авторы ряда шляхетских проектов предлагали, чтобы правительство отделило «подлинных» дворян от «новых», получивших дворянское достоинство службой⁶⁴. Против включения в ряды «благородного» шляхетства детей бывших холопов, попов, подьячих, крестьян выступал в те годы идеолог дворянства В. Н. Татищев⁶⁵.

Во второй половине 20-х — первой половине 30-х годов XVIII в. в связи с ослаблением контроля правительства за деятельностью местной администрации губернаторы и воеводы не только сами назначали канцелярских служителей, но и производили их в секретари, что давало им дворянство и облегчало дальнейшее продвижение по лестнице чинов. Распространение подобной практики вызвало тревогу правительства, тем более что во многих случаях руководители центральных и местных учреждений назначали секретарей за взятки, с нарушением сроков выслуги, что вызывало недовольство чиновничества. Так, в связи с судебным процессом одного из руководителей аристократической оппозиции — князя Д. М. Голицына выяснилось, что он содействовал камериру Камер-коллегии Л. Перову в незаконном получении секретарского чина за то, что Перов оказывал ему различные услуги в «партикулярных делах». Анна Ивановна не только сурово расправилась с идеологом аристократии, но и подвергла строгим наказаниям Перова и других чиновников Камер-коллегии. Перова из коллежских секретарей перевели в канцеляристы, вице-президента Камер-коллегии Засецкого и асессора Кафтырева, отпустивших Перова из Москвы в Петербург, понизили в должности на месяц и оштрафовали, прокурора Мельгунова уволили из коллегии и определили к другим делам⁶⁶.

⁶² ПСЗ, т. VII, № 4449.

⁶³ Там же, № 4873.

⁶⁴ Д. А. Корсаков. Указ. соч., стр. 161, 163, 172.

⁶⁵ Г. Ф. Миллер. Известие о дворянах российских... СПб., 1790, стр. 28—29.

⁶⁶ ЦГАДА, Сенат, кн. 7308, л. 6 и об.

В том же 1737 г. были обнаружены крупные преступления секретарей Канцелярии конфискации, бравших взятки и незаконно перепродававших описанное имущество⁶⁷. Раскрытие злоупотреблений послужило поводом для издания целой серии указов правительства относительно этой категории чиновников. Чтобы затруднить доступ выходцам из низов к высшим должностям в государственном аппарате, 24 мая 1737 г. было запрещено производить секретарей в ассессоры в Сенате без санкции Кабинета министров и императрицы. Кабинет министров потребовал к 1 июня представить сведения о том, сколько человек было произведено в секретари начиная с 1726 г.⁶⁸ Затем правительство приказало произвести перепись канцеляристов и секретарей в центральных и местных учреждениях и усилить контроль за их деятельностью⁶⁹.

Поскольку эти распоряжения не были выполнены своевременно, 21 октября 1737 г. правительство издало пространный указ, в котором осуждало коррупцию и взяточничество в учреждениях при назначении секретарей. В результате эти должности занимают люди, «которые ничего не разумеют и к управлению дел неключимы». Это отрицательно влияет на работу учреждений, ибо секретари «должны все дела в руках иметь и в действо производить». Особо сурово осуждалось в указе нарушение принципа выслуги при замещении секретарских должностей, пренебрежение интересами государства. В губерниях и провинциях «в секретари едва не все такие произведены, которые нигде инде в службе не были, кроме тех мест, где они родились, но и в таких местах никакой интересом е. и. в. прибыли не показали, разве плутни». Поэтому лица, ставшие секретарями «за партикулярные услуги», «все в безпутстве пребывают и тем только служат, чрез кого такие себе чины получили, а что надлежит к пользе государства, того не внемлют». Далее указ объявлял таких секретарей главными виновниками неудовлетворительной работы всего государственного аппарата, ибо они «для несытости своей под видом правды свои мины подводят и народ утесняют», разбирают лишь «интересные» дела, позволяющие им взимать поборы с истцов, «а по должности своей о государственных делах и о пользе народной не мыслят, к чему и высших командиров приводят».

Чтобы пресечь подобные злоупотребления, Анна Ивановна поручила Сенату до конца 1737 г. завершить начатую летом этого года перепись канцеляристов и секретарей в центральных и местных учреждениях России, провести их разбор и уволить лиц, непригодных к выполнению секретарских обязанностей, набрав на их места для обучения новых людей из детей подьячих. Одновременно в учреждениях следовало сократить сверхштатных секретарей и придерживаться штатов 1725 г.

⁶⁷ ПГАДА, Госархив, XI р., д. 6, лл. 24—25.

⁶⁸ ПСЗ, т. X, № 7262.

⁶⁹ Там же, № 7298, 7342.

Впредь правительство установило следующий порядок назначения секретарей. Руководители каждого учреждения представляют Сенату кандидатуры и составляют на них аттестаты. Обер-секретари и секретари Сената должны проэкзаменовать претендентов на эту должность, проверить, нет ли на них штрафов и начетов, и подписать их аттестаты, после чего Сенат утверждает то или иное назначение. Во избежание злоупотреблений местной администрации на должности секретарей в губернских и воеводских канцеляриях разрешалось назначать только канцеляристов Сената, Синода, коллегий и центральных канцелярий, которые имели значительный практический опыт. На освобождающиеся при этом вакансии в центральных учреждениях следовало брать лучших подьячих из городских канцелярий⁷⁰.

В цитированном указе правительства правильно отмечались недостатки в замещении секретарских должностей в учреждениях, а также огромные злоупотребления, допускавшиеся этой категорией чиновников. Интересны также замечания о том, что плохая работа секретарей, являвшихся руководителями канцелярий в учреждениях, отрицательно сказывается на деятельности всего государственного аппарата. Они свидетельствовали о том, что в 30-х годах XVIII в., в обстановке острой борьбы за власть, некоторым высшим сановникам было не чуждо понимание необходимости укрепления низшего звена аппарата управления. Однако, констатируя эти недостатки и предложив меры по улучшению подбора секретарей, правительство не сумело организовать их реализацию, на что повлияло новое обострение борьбы внутри правящих группировок. К тому же требование указа от 21 октября 1737 г. о назначении секретарей местных учреждений только из числа канцеляристов центральных ведомств было невыполнимо, так как последние сами постоянно жаловались на нехватку канцелярских служителей. В 1742 г. Елизавета Петровна издала указ, запрещавший губернаторам и воеводам самовольно назначать подьячих секретарями без утверждения их Сенатом⁷¹.

При недостатке секретарей из числа дворян правительство было вынуждено временно мириться с тем, что на эту должность попадали разночинцы, пополнявшие ряды правящего класса. Однако оно изыскивало меры, чтобы ограничить получение дворянства за службу. В 1739 г. был издан указ, запрещавший назначать в сибирских городах воевод из купцов, казаков «и прочих тому подобных, которые браны в рекруты и дослужились до обер-офицерских рангов». В этом же указе отмечалось, что нередко воеводами и дворянами записывают разночинцев, которые вообще не служили и не имеют обер-офицерских чинов⁷².

При недостатке канцелярских служителей в учреждениях правительство запрещало потомков приказных людей записывать

⁷⁰ ПСЗ, т. X, № 7410, стр. 322—323.

⁷¹ Там же, т. XI, № 8550.

⁷² Там же, т. X, № 7730.

в армию и подушный оклад, стремясь превратить их в замкнутую сословную группу населения России⁷³. При этом оно создавало им препятствия при получении секретарского чина. Так, в 1750 г. было запрещено жаловать канцеляристов в секретари и протоколисты «до будущего рассмотрения». В 1755 г. эта позиция правительства была снова подтверждена: 11 октября 1755 г. был издан указ Сената «О неопределении детей секретарских и прочих людей нижнего приказного звания, кои не из дворян, ни в какую службу, кроме приказной, впредь до будущего рассмотрения»⁷⁴. Секретарями в учреждениях в середине XVIII в. в подавляющем большинстве случаев служили разночинцы. Так, например, по сведениям Герольдмейстерской конторы, в январе 1752 г. среди губернских секретарей было всего четыре потомственных дворянина и 27 разночинцев⁷⁵.

При разработке правил счета служебного старшинства для гражданских чиновников правительство поставило дополнительные преграды для выходцев из среды разночинцев на пути к обер-офицерским чинам и дворянству. По указу от 9 февраля 1758 г., подтвержденному 23 ноября 1760 г., «состоящим не из дворянства в гражданских обер-офицерских рангах, яко то: протоколистам, регистраторам, бухгалтерам и тому подобным чинам, по точному об них в Табели о рангах изображению, что дети их не суть дворяне, деревень равно с дворяны покупать и за собою иметь не велено». Им также запрещалось вести счет служебного старшинства с армейскими офицерами соответствующих рангов. Аналогичный запрет распространялся на офицеров геодезии, учеников архитекторов, служителей Академии наук и других, числившихся «по разным мастерствам»⁷⁶.

Чтобы ограничить доступ к чинам, дающим дворянство, правительство Елизаветы Петровны установило 8-летний срок пребывания в должности канцеляристов, после чего их разрешалось жаловать в регистраторы. По истечении восьми лет их назначали секретарями⁷⁷. Однако, поскольку этот указ уравнивал разночинцев и дворян, служивших канцеляристами, Сенат выступил в защиту привилегий представителей класса феодалов, вынужденных начинать свою карьеру с низших должностей. 23 января 1761 г. сенаторы единогласно приняли определение по этому вопросу, которое передавалось на утверждение императору Петру III.

Прежде всего Сенат отметил нарушение законодательства Петра I и его преемников. Генеральный регламент (гл. 36), Табель о рангах (ст. 13) и указ от 31 января 1724 г. подчеркивали необходимость производить всех канцелярских служителей, в том числе и

⁷³ ПСЗ, т. XI, № 9819.

⁷⁴ ПСЗ, т. XIV, № 10473; ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 451, л. 831 об.

⁷⁵ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 388, лл. 165—166.

⁷⁶ ПСЗ, т. XV, № 11148.

⁷⁷ Там же, № 11060.

недворян, в секретари, строго соблюдая выслугу. По указу правительства от 21 октября 1737 г., было разрешено жаловать в секретари канцеляристов Сената, Синода и коллегий. Эти меры, по мнению Сената, привели к ущемлению сословных привилегий дворян, ибо «из шляхетства в секретарский чин вступившие и окроме тех чинов издревле по заслугам государства предков их дворянским правом предпочтены, следовательно, другие, не будучи дворянами и получа вновь чины, равного с ними преимущества иметь не должны». Между тем, писали сенаторы, хотя разночинцев, дослужившихся до секретарского чина, не следовало по этому указу производить «в ассесоры и далее» без санкции монарха, это делали и продолжают делать⁷⁸. Помимо конкуренции разночинцев, полагал Сенат, «не меньше ж вступившим в статскую службу дворянам в производстве их на вакансии в вышние по градусам чины препятствует и то, что из действительно военнослужащих по отставке от воинской службе знатным числом присылается для определения к статским делам». Для устранения конкуренции отставных армейских офицеров Сенат предложил чисто бюрократическую меру: в центральных учреждениях «производить не со стороны, но самых тех дворян, кои с нижних чинов происходили службою, а отставных из действительно военнослужащих определять в губернии, провинции и города». Отставных офицеров следовало назначать на вакансии в центральные учреждения лишь при отсутствии претендентов из числа служивших там дворян⁷⁹.

Далее сенаторы изложили свое мнение о том, как следует усовершенствовать порядок отбывания службы представителями «приказного чина, кои не из дворян»: «Хотя сей приказной чин от природы их столь низок есть, столь не меньше для исправления неминувое при канцеляриях быть должен», то его следует поставить на свое место, как это было при «предках» императора, когда он «нынешнего многим был исправнее и в делах знающ». «Повреждение нравов» канцелярских служителей Сенат объяснял влиянием армии, «генеральских канцелярий», где писари быстро получают чины. В результате «и другие, равные им, в одно убежание от приказного чина все случаи употребили», записывая детей своих в армию. «Для пресечения» утечки канцелярских служителей из гражданских учреждений в армию Сенат предложил разрешить сенатских и синодальных канцеляристов «и других одного с ними ранга ис канцеляристов же» жаловать в провинциальные секретари, затем в сенатские регистраторы; коллежских регистраторов — в губернские секретари. Такая мера, по сути дела чисто бюрократическая, должна была, полагали сенаторы, повысить заинтересованность канцеляристов в своей службе. Однако и по получении секретарских чинов таким людям не следовало разрешать «дворянским правом пользуетца» и деревни покупать, ибо, по Табели о рангах,

⁷⁸ ЦГАДА, Сенат, кн. 3353, лл. 484—485 об.

⁷⁹ Там же, лл. 485 об.— 486 об.

его дает чин асессора. Лишь после «долговременной и беспорочной службы в последнем чине не менее 10 лет» сенатские протоколисты, коллежские секретари и регистраторы получают право просить о пожаловании асессорским чином и дворянским достоинством, что утверждается монархом⁸⁰.

Таким образом, дворянский Сенат предлагал отменить все отступления от норм Табели о рангах, сделанные Петром I в указе от 31 января 1724 г. и развитые его преемниками. Для обеспечения дворянам преимуществ на гражданской службе следовало направлять отставных обер-офицеров на службу в провинцию. Сенаторы прямо не писали в своем определении, но это подразумевалось, что подобная мера не должна была распространяться на потомственных дворян. В критических замечаниях Сената по поводу более легких способов получения офицерских чинов и дворянства на военной службе было зерно истины, но в целом на них лежал отпечаток ведомственной розни: «статская служба» открывала не менее широкие возможности для продвижения по лестнице чинов для выходцев из «подлого народа», что со всей отчетливостью проявилось во время переписи 1754—1756 гг. У Сената были все основания для беспокойства в связи с уменьшением удельного веса родовитых дворян в государственном аппарате, что показали данные переписи чиновников России, проведенной правительством в 1754—1756 гг.

В целом предложения сенаторов об ограничении доступа разночинцам на должности в управлении, дающие их обладателям высокие ранги и дворянское достоинство, шли в русле тех идей, которые развивали в 50—60-х годах XVIII в. П. И. Шувалов, Я. П. Шаховской, Н. Вонлярлярский и другие идеологи дворянства, предлагавшие абсолютной монархии усилить роль членов «благородного» сословия во всех звеньях государственного аппарата⁸¹.

Предложения Сената, затрагивавшие интересы служивших в армии дворян и чиновников гражданских учреждений, не были утверждены Петром III. Но в апреле и мае 1762 г. правительство издало указы, по которым приказные люди, не являвшиеся дворянами, должны были не менее восьми лет прослужить канцеляристами, после чего их разрешалось производить в обер-офицерские чины, вводящие их в ряды дворян⁸². В результате правительство в законодательном порядке установило юридические ограничения в чинопроизводстве для этой категории чиновников с учетом их сословной принадлежности.

Однако при недостатке канцелярских служителей в учреждениях эти меры не могли помешать разночинцам в обход закона получать обер-офицерские чины и дворянство. Для более быстрого

⁸⁰ Там же, лл. 487 об.—489.

⁸¹ Ю. В. Горье. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II, т. II, М., 1941, стр. 135—144, 164, 168—175.

⁸² ПСЗ, т. XV, № 11510, 11540.

продвижения по лестнице чинов обер-офицеры, ссылаясь на манифест 18 февраля 1762 г., выходили в отставку, получали очередной ранг, а затем снова возвращались на государственную службу. Особенно много таких нарушений правительственных указов было среди приказных людей губернских, провинциальных и городских канцелярий. Поэтому, чтобы помешать представителям «крапивного семени» обгонять в чинах своих собратьев, Сенат в 1763 г. издал специальный указ «О неопределении к делам отставленных канцеляристов с чинами регистраторов без сенатского указа»⁸³.

2. Манифест о вольности дворянства и дальнейшая бюрократизация государственного аппарата

Важнейшим этапом в истории бюрократии в России явилось издание правительством Петра III 18 февраля 1762 г. манифеста о вольности дворянства, отменившего обязательный характер военной и гражданской службы для представителей класса феодалов. Он оказал значительное влияние на правительственное законодательство об организации службы чиновничества и изменении его социального состава, способствуя притоку разночинцев в государственный аппарат. История издания манифеста о вольности дворянства и его значение для дальнейших судеб правящего класса в России довольно полно освещены в литературе⁸⁴.

Отмена обязательного характера государственной службы для дворян была подготовлена всем ходом социально-экономического и политического развития России в первой половине XVIII в. В связи с ростом товарно-денежного хозяйства и постепенным вытеснением буржуазных отношений усилился процесс консолидации господствующего класса феодалов в единое привилегированное сословие. В этот период возросла роль дворянства в экономической и политической жизни страны. Шляхетство стало настойчиво добиваться от абсолютной монархии юридического закрепления своих сословных привилегий, в частности освобождения от такой повинности, как обязательная государственная служба, которая мешала их хозяйственным устремлениям в новых экономических условиях.

Утверждение абсолютизма в первой четверти XVIII в. сопровождалось увеличением служебного бремени для дворянского сословия: военная и гражданская служба дополнились новой обязан-

⁸³ ПСЗ, т. XVI, № 11767.

⁸⁴ А. Романович-Словатинский. Указ. соч., особенно стр. 185—213; М. Яблочков. История дворянского сословия в России. СПб., 1876; С. А. Корф. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762—1855 гг. СПб., 1906; Г. В. Вернадский. Манифест Петра III о вольности дворянской и законодательная комиссия 1754—1758 гг.— «Историческое обозрение», 1915, т. XX; Н. Л. Рубинштейн. Уложенная комиссия 1754—1756 гг. и ее проект нового уложения «О состоянии подданных вообще». — «Исторические записки», т. 38. М., 1951; и др.

ностью — учебой. Создание постоянной армии и расширение сети центральных и местных учреждений сделало для него более тяжелой и регулярной государственную службу. В то же время замена в 1714 г. поместного жалования денежным сделала менее привлекательной для дворян службу государству, тем более что оно выплачивалось весьма нерегулярно в связи с хроническим дефицитом в бюджете России в первой половине XVIII в. Поэтому шляхетство использовало самые различные способы, чтобы избежать тяжелой обязанности. В первой половине XVIII в. правительство много раз издавало указы о строгом наказании уклонявшихся от государственной службы дворян и не являвшихся на смотры, вплоть до конфискации их владений, ссылки в Сибирь, пожизненной отдачи в солдаты, но эти репрессии не давали нужного результата⁸⁵.

Во время событий 1730 г. авторы дворянских проектов требовали от самодержавия сокращения до 20—25 лет государственной службы, создания для детей шляхты специальных учебных заведений, зачисления дворян на службу в армию офицерами, прекращения принудительной записи в матросы и обучения ремеслам, регулярной выплаты жалования, а также отмены указа о единонаследии⁸⁶. Среди дворян было много недовольных также и тем, что им приходилось начинать службу с низших чинов и тратить много лет, прежде чем удастся достичь «степеней известных». Отзвук подобных настроений «благородного» сословия чувствуется не только в шляхетских проектах государственных реформ 1730 г., но и в начале XIX в., в «Размышлениях о государственном устройстве империи» М. М. Сперанского. Отмечая рост «самовластия» монарха в XVIII столетии, что якобы отдаляло его от народа, т. е. от дворян, он писал: «Не четырнадцать ли раз каждый дворянин, переходя из класса в класс, чувствует на себе силу неограниченной власти и не четырнадцать ли раз, привязываясь к сей воле, отторгается от народа?»⁸⁷

Абсолютная монархия была вынуждена учесть значительную часть требований основной массы дворянства, являвшегося ее социальной опорой. В 1731 г. правительство Анны Ивановны отменило указ о единонаследии и учредило Кадетский корпус для обучения детей шляхетства военным и гражданским наукам. В 30-х годах XVIII в. последовала целая серия указов государства, которые свидетельствовали об известном изменении правительственной политики в отношении учебы дворян: если ранее уклонение от записи в школы рассматривалось как отказ от службы и строго каралось, то теперь государство разрешило шляхетству домашнее обучение детей.

Созданная в 1731 г. Военная комиссия намечала сократить до 25 лет службу дворян в армии, причем тот, кто поставит в ки-

⁸⁵ А. Романович-Словатинский. Указ. соч., стр. 118—138.

⁸⁶ Д. А. Корсаков. Указ. соч., стр. 161, 172, 177.

⁸⁷ М. М. Сперанский. Проекты и записки. М.—Л., 1961, стр. 65.

расирские полки солдата с лошадью и полным снаряжением, мог уйти в отставку после шести лет пребывания в армии. За поставку двух таких солдат дворянина следовало совсем освобождать от службы. Однако подобное предложение, ослаблявшее армию и ущемлявшее интересы всего государства, не было утверждено Сенатом, в котором еще находились сподвижники Петра I. К тому же от такой реформы выиграла бы лишь немногочисленная верхушка класса феодалов, а все бремя военной службы осталось бы на плечах мелкого дворянства. Пойти с ним на конфликт после событий 1730 г. правительство Анны Ивановны, естественно, не могло. Отклонив предложение Военской комиссии, Сенат писал: «Знатного шляхетства дети, которые за собою деревень, також и пожитку имеют довольно число, никогда волею своею в службу не пойдут, но с охотою будут давать вместо себя людей и лошадей с убором, а сами будут жить дома во всякой праздности и лености и добрых наук и обхождения». Более состоятельные дворяне будут служить по 6 лет, «а до тех урочных лет (т. е. 25 лет.— С. Т.) в службе разве только одни такие будут, которые самые убогие и от такой службы откупиться будет нечем»⁸⁸. В 1736 г. Анна Ивановна издала манифест (введен в действие по окончании русско-турецкой войны), по которому срок обязательной службы в армии для шляхетства сокращался до 25 лет для всех дворян, которые получили также право оставлять одного сына для присмотра за хозяйством, выставляя вместо него рекрута⁸⁹.

Государство не отменило обязательности дворянской службы, но все грозные указы правительства о выполнении этого требования не достигали и не могли достигнуть ожидаемого эффекта. Дело в том, что дворянское государство не могло в сколько-нибудь широких размерах применить массовые репрессии против представителей «благородного» сословия. Напротив, сам Сенат, как это явствует из его доклада Елизавете Петровне от 23 ноября 1751 г., не раз предлагал объявить прощение нетчикам, что ею и утверждалось. Так, в 1743—1750 гг. в Петербурге и в Москве в Сенате и Герольдмейстерской конторе на смотрах было 8753 дворянских недоросля. Из них за уклонение от своевременной явки для записи в службу 725 чел. было решено «навечно» определить в солдаты, 58 — в матросы и 18 — на поселение в Оренбург, итого 801 чел., или 9,1%. Однако действительно наказали лишь 92 чел., остальные получили прощение по ходатайству Сената.⁹⁰

Как показал Н. Л. Рубинштейн, манифест 18 февраля 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» явился результатом частичной реализации той программы сословных требований дворянства, которая была подготовлена в пос-

⁸⁸ Н. Глиноецкий. Указ. соч., стр. 272.

⁸⁹ ПСЗ, т. IX, № 7142; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в.». М., 1957, стр. 85—86.

⁹⁰ ЦГАДА, Госархив, XVI р., кн. 231, лл. 1—16, 597—598 об.

Последние годы правления Елизаветы Петровны, в связи с деятельностью Уложенной комиссии, острая борьба между представителями двух группировок в правящих кругах — братьев П. И. и А. И. Шуваловых, предлагавших для укрепления экономических и политических позиций дворян некоторые меры, учитывающие интересы формирующейся буржуазии, и братьев М. И. и Р. И. Воронцовых, отстаивавших политику узкодворянских привилегий, привела к тому, что при издании манифеста 18 февраля 1762 г. в него вошли лишь те предложения Воронцовых, которые предусматривали освобождение дворян от обязательной государственной службы. Остальные пункты о предоставлении дворянству широких привилегий в области промышленности и торговли, ущемлявшие интересы купцов и мануфактуристов, в этот закон не были включены из-за противодействия влиятельных при Петре III сановников — генерал-прокурора Сената А. И. Глебова и Д. В. Волкова, являвшихся сторонниками курса П. И. Шувалова во внутренней политике⁹¹.

Во введении к манифесту издание этого закона мотивировалось тем, что «благородные мысли вкоренились в сердцах всех дворян, которые сами охотно служат государству. Проводимая Петром I и его преемниками политика принуждения дворян к службе и учению в России и за рубежом во имя процветания государства дала свои плоды. В армии и учреждениях России имеется достаточное количество знающих свое дело чиновников и офицеров. Поэтому для государства отпала необходимость принуждать дворян к службе. При выходе в отставку они награждались новым рангом, если прослужили в прежнем чине не менее года. Дворяне получили право жить за границей и посылать туда учиться своих детей. Абсолютный монарх обещал хранить вольности дворян и призывал их добровольно служить государству и приобретать необходимые для этого знания. Однако государство не разрешало давать отставку тем дворянам, которые служили в армии солдатами. Чтобы получить «абшит», им полагалось иметь обер-офицерский чин или прослужить не менее 12 лет солдатом⁹².

С изданием манифеста 18 февраля 1762 г. абсолютизм удовлетворил одно из важнейших требований дворянства. Отмена обязательности государственной службы для представителей правящего класса подвела черту под теми законодательными актами абсолютной монархии, которые юридически закрепляли ликвидацию условного характера землевладения и прекращение типичной для феодализма «службы с земли». После издания указа 1714 г. о едином наследии, оформившего слияние поместья с вотчиной, обязательная служба дворян государству стала пережитком. К тому же все офицеры армии и чиновники гражданских учреждений с конца первой четверти XVIII в. стали получать не поместное и натуральное жалованье, а денежный оклад, что в целом было характерно для

⁹¹ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 216—220, 237—240, 250—252.

⁹² ПСЗ, т. XV, № 11444.

буржуазного государства. Манифест 18 февраля 1762 г. ликвидировал этот сословный пережиток для дворян. В результате государственная служба дворян стала превращаться из обязанности в привилегию дворянского класса занимать все важнейшие должности в Российской империи⁹³. ↑

Ликвидация обязательности государственной службы дворян, в условиях усилившейся тяги членов «благородного» сословия в свои поместья для занятий хозяйством, открывала более благоприятные возможности разночинцам для проникновения в государственный аппарат и получения дворянского достоинства. Чтобы предупредить такие нежелательные для дворянского государства последствия, правительство в 60-х годах XVIII в. приняло ряд мер, которые должны были повысить заинтересованность дворян в государственной службе. ↓

Поскольку такие критерии, как личные заслуги и знания, даваемые человеку образованием и опытом, постоянно приходили на практике в столкновение с формально-уровнительным принципом службы, правительство, руководствуясь более широко понимаемыми интересами всего государства, стало отдавать предпочтение «достоинству» чиновника, т. е. его заслугам и способностям. Так, 16 августа 1760 г. Елизавета Петровна издала указ, по которому «ревностно и верно труждающихся чинами и жалованьем не по одному только старшинству, но и по достоинству награждать повелено»⁹⁴. Два года спустя Екатерина II почти дословно повторила эту мысль в указе Сенату о том, чтобы «нижние порозжие места частью наполнить достойными и способными людьми, частью же к наполнению е. и. в. представить, наблюдая прямое достоинство и заслуги, а не старшинство»⁹⁵. Выдвижение на первый план заслуг, «достоинства» чиновников было связано с проводимой новой императрицей политикой обновления высшего и среднего звеньев бюрократии, занимавших руководящие должности в государственном управлении. Юридическое закрепление «заслуги» как главного критерия продвижения чиновников по службе подводило «законную» основу под действия правительства Екатерины II, удалявшего неугодных вельмож⁹⁶.

Однако последующие распоряжения правительства по этому вопросу свидетельствуют о том, что оно не собиралось отказываться от заслуги как главного критерия при повышении чиновников. 24 июля 1762 г. Екатерина II приказала Герольдмейстерской конторе ежегодно в январе представлять списки чиновников по всем учреждениям, чтобы награждать наиболее отличившихся на служ-

⁹³ Ю. В. Готье. Указ. соч., т. II, стр. 164; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. XIII. М., 1965, стр. 603—604 (комментарии С. М. Каштанова).

⁹⁴ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 525, лл. 10—11 об.

⁹⁵ Там же, кн. 523, л. 673.

⁹⁶ В. О. Ключевский. Сочинения, т. V. М., 1958, стр. 334—335; В. А. Бильба-сов. История Екатерины Второй, т. 2. СПб., 1891, стр. 211.

бе лиц⁹⁷. 3 марта 1763 г. был издан указ о введении для всех чиновников России аттестатов о службе, чтобы правительство имело более объективные критерии для повышения в должности служащих государственного аппарата⁹⁸. Затем правительство утвердило формуляр послужного списка чиновников, представляемых для награждения⁹⁹.

Для усиления контроля за работой государственного аппарата и упорядочения замещения вакантных должностей Екатерина II распорядилась каждые полгода присылать в Герольдмейстерскую контору Сената из всех учреждений России списки чиновников, содержащие сведения о прохождении ими службы. 7 февраля 1764 г. она приказала Сенату и остальным учреждениям Российской империи составлять журналы, в которых бы регистрировались вся деятельность и поведение чиновника со времени поступления на государственную службу вплоть до выхода в отставку или перехода в другое ведомство. В них следовало «присовокуплять..., с каким кто достоинством и особливою заслугою или же напротив того пороком и погрешностию службу свою производил, также и за что, когда и как награжден, исправляем или наказан». При переводе чиновника в новое учреждение туда пересылалась выписка из журнала о прохождении службы. По этому же указу чиновники получили право представлять «особливые персональные аттестаты от главных командиров». С помощью разного рода аттестатов, полагала Екатерина II, везде «открыты будут прямые достоинства, заслуги и доброе поведение всех в статской службе обретающихся людей»¹⁰⁰. Этими указами правительства Екатерины II были укреплены основы бюрократического порядка продвижения людей по службе, которые были характерны для деятельности всего государственного аппарата царской России.

Сохранился любопытный документ, показывающий, как эти принципы осуществлялись правительством на практике. Вводя новые штаты учреждений с 1 января 1764 г., Екатерина II поручила сенатору И. И. Неплюеву, старому, опытному и образованному сановнику, представителю младшего поколения «птенцов гнезда Петрова», провести проверку пригодности чиновников высшего разряда к выполнению своих обязанностей в соответствии с занимаемой ими должностью.

Герольдмейстерская контора Сената представила Неплюеву сведения о службе членов присутствий коллегии, канцелярий и контор, включая ассессоров. В своей записке он отметил, кто из чиновников, по его мнению, не соответствует занимаемой должности. Всего таких людей в его списке оказалось 17 чел. Двух чи-

⁹⁷ ПСЗ, т. XVI, № 11625.

⁹⁸ Там же, № 11769. Фактически аттестаты чиновникам существовали и ранее (ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 441, лл. 470—472 об.).

⁹⁹ ПСЗ, т. XVI, № 11772.

¹⁰⁰ ПСЗ, т. XVI, № 12030, 12134; ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 524, лл. 253—254 об.

новников — надворного советника Л. Василевского (Юстиц-коллегия) и коллежского советника И. Крока (Камер-контора лифляндских и эстляндских дел) — Неплюев забраковал из-за старости и предложил заменить более молодыми и способными людьми ¹⁰¹. Пять чиновников, по мнению Неплюева, были «неспособны» занимать свои должности «за показанными немалыми пороками», как он деликатно назвал хроническое пьянство: это были ассессор В. Морозов, надворный советник А. Клестов (Юстиц-коллегия), ассессоры И. Гридякин, А. Лодыженский, надворный советник А. Балк (Главная соляная контора) ¹⁰². Пятеро других сановников были «неспособны», потому что «дела не знают». Среди них оказались Д. И. Кочетов, президент Камер-коллегии — главного финансового учреждения России, вице-президент А. Шувалов и советник И. Баранов (Ревизион-коллегия), ассессор Штатс-конторы С. Каргитов и полковник Сацыперов (Петербургская губернская канцелярия). Непригодными для занимаемой должности считал Неплюев и тех трех чиновников, которым была дана тоже отрицательная оценка: «репутации за дельного человека не имеет» (президенты Юстиц- и Ревизион-коллегий Б. Ф. Щербачев и Ф. Кнутов, обер-президент Главного магистрата Ф. П. Квашнин-Самарин) ¹⁰³. Подобная оценка Неплюева была вызвана тем, что названные чиновники недостаточно знали порученное дело и не имели качеств, необходимых для руководителей важных отраслей государственного управления. Из этих 15 чел. лишь двое имели образование (Квашнин-Самарин и Щербачев). Хотя исполняющий обязанности президента Берг-коллегии князь А. Мещерский и обладал качествами администратора, но его Неплюев советовал Екатерине II перевести «в другое место за незнанием той науки». По этим же соображениям был «неспособен» надворный советник Камер-коллегии П. Бекман, «излишний по статусу», к тому же еще он перешел в это учреждение «из Медицинского факультета, да и недавно» ¹⁰⁴.

Зато деятельность других чиновников получила положительную оценку Неплюева. Среди них, например, были статский советник А. Шишкин и 64-летний вице-президент Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел Ф. И. Эммс, типичный чиновник-служака, который за 42 года службы обрусел, получил дворянство и вотчины. Неплюев полагал, что они оба способны быть президентами коллегий ¹⁰⁵. Если эти чиновники годились для повышения в должности вследствие огромного опыта, то Ф. М. Старой-Милуков и А. Шамшев имели для этого основания «по науке»: они оба в 1724—1726 гг. ездили вместе с В. Н. Татищевым изучать горное дело в Швеции, а затем почти 40 лет служили инженерами на

¹⁰¹ ЦГАДА, ф. 370, д. 23, лл. 3 об., 6. Ю. В. Готье относит «Мнение» И. И. Неплюева к концу 1763 — началу 1764 г. (указ. соч., т. II, стр. 187, прим. 6).

¹⁰² ЦГАДА, ф. 370, д. 23, лл. 5 об., 6, 16 об., 17.

¹⁰³ Там же, лл. 4 об., 9, 19 об.

¹⁰⁴ Там же, лл. 3 об., 12.

¹⁰⁵ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 3, лл. 1152—1152 об.; ф. 370, д. 23, лл. 6, 9.

русских заводах и в Берг-коллегии. Старой-Миллюков, по мнению Неплюева, мог бы занять место вице-президента Берг-коллегии¹⁰⁶.

Таким образом, во всех приведенных нами случаях переаттестации руководящих кадров на первое место Неплюев, видный государственный деятель XVIII в., обладавший широким кругозором, ставил деловые качества чиновников, наличие у них специальных знаний.

Однако повышение чиновников за заслуги постоянно вызывало недовольство основной массы бюрократии, с чем приходилось считаться абсолютной монархии. Так, даже генерал-прокурор князь А. А. Вяземский, желая назначить обер-секретарем Первого департамента Сената молодого и способного чиновника С. Акчюрина, должен был учитывать имеющуюся «очередь»: по стажу службы на эту должность имели право надворные советники В. Флеров и С. Шешковский. Поскольку Флеров был для такого поста стар, а Шешковский находился «при особливых в. и. в. делах, от которых его отлучить не можно», то генерал-прокурор предложил одновременно с Акчюриным повысить обоих служаков, «дабы не могли они по сему случаю попести обиды, когда мимо и другой обер-секретарь определен будет». Флерова назначили товарищем киевского вице-губернатора в ранге коллежского советника, Шешковскому дали чин обер-секретаря Сената¹⁰⁷.

Интересы государства постоянно приходили в столкновение с формально-уравнительным принципом замещения должностей в аппарате уравнивания в зависимости от личной выслуги. Так, когда А. А. Вяземский решил определить в протоколисты Первого департамента Сената к генерал-прокурорским делам переводчика Академии наук В. И. Крамаренкова и сенатского канцеляриста С. П. Колосова, то это назначение вызвало протест сенаторов. Они спрашивали генерал-прокурора о причинах нарушения установленного порядка, так как «указами 1719, 1742 и 1764 годов... чрез чин и не по старшинству никого производить не велено... и для чего Сенатской канцелярии служители, имеющие ближайшие чины, обходятся?» Сенаторов также беспокоило, что Колосов был из вольноотпущенных крестьян М. И. Сердюкова. В его назначении протоколистом при генерал-прокуроре они усматривали урон дворянскому достоинству. Вяземский свое решение мотивировал тем, что «должность сенатского протоколита требует отменного знания языка и довольную память с большим прилежанием»; Крамаренкова и Колосова экзаменовали: «оба найдены к сей должности способными». Тогда генерал-прокурор «почтил для пользы службы... более нужную способность, нежели обыкновенное старшинство, оных к определению». Императрица Екатерина II поддержала

¹⁰⁶ См. о них ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 394—394 об.; ч. 3, лл. 1179—1180; ф. 370, д. 23, лл. 12, 13; А. И. Юрт. Поездка В. Н. Татищева в Швецию (1724—1726 гг.). — «Исторические записки», т. 88. М., 1971. стр. 320—321.

¹⁰⁷ ЦГАДА, Сенат, кн. 3744, л. 1 и об.

точку зрения Вяземского, получившего право привлекать в канцелярию Сената служащих «по способности»¹⁰⁸.

Введение аттестатов далеко не всегда позволяло государству выявлять действительно дельных чиновников, ибо проверка их деловых качеств осуществлялась чисто бюрократическими приемами. Приведем лишь один типичный пример.

12 марта 1764 г. товарищ воеводы Суздальской провинции титулярный советник дворянин Т. И. Болотников подал в Сенат челобитную с просьбой дать ему чин коллежского асессора и оставить в прежней должности. Болотников 20 лет прослужил в гвардейском Преображенском полку, начав карьеру солдатом, затем в чине титулярного советника был в Дворцовой конюшенной канцелярии, а с 1759 г. — товарищем воеводы. В обоснование своей просьбы о новом чине, а также о том, чтобы быть ему товарищем воеводы «бесменно», ловкий, и расторопный чиновник представил два аттестата, каждый из которых подписали по несколько десятков местных помещиков, ходатайство епископа Геннадия и архимандритов пяти монастырей, а также челобитную Суздальского провинциального магистрата, подписанную восемью купцами¹⁰⁹. Хлопоты Болотникова дали нужные результаты, что специально отметил Сенат в своем решении: «Хотя старее ево Болотникова того ж чину девять человек и есть, однако таких аттестатов, какие он, Болотников, имеет, от них не объявлено, да и представлений с награждением их чинами из тех мест, где они у дел находятся, нет»¹¹⁰.

Приведенный нами материал свидетельствует о весьма относительной объективности представленных Болотниковым аттестатов, ибо он, используя свое служебное положение, получил самые лестные отзывы о своей деятельности у зависимых от него лиц и учреждений. Такие случаи, разумеется, не были исключением. Канцелярист Сибирской губернской канцелярии А. Катин, родом из солдатских детей, добываясь пожалования в подьячие с приписью, представил 6 аттестатов из учреждений, где он служил¹¹¹.

Чтобы поощрить чиновников, Екатерина II ввела в 1764 г. пенсию для лиц, прослуживших непрерывно 35 лет. Пенсия составляла половину оклада чиновника и назначалась тем служащим, которые при выходе в отставку не награждались следующим чином. Поскольку пенсионный фонд был незначительным (25 тыс. руб. в год), в мае 1765 г. Сенат приказал установить очередь для чиновников, желающих выйти в отставку с пенсией с учетом их выслуги¹¹².

¹⁰⁸ М. М. Штранге. Демократическая интеллигенция России в XVIII в. М., 1965, стр. 121—122.

¹⁰⁹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 523, лл. 315—322 об.

¹¹⁰ Там же, лл. 323 об.—324.

¹¹¹ Там же, кн. 524, лл. 163—165.

¹¹² ПСЗ, т. XVI, № 12475, 12398.

Таким образом, издание в 60-х годах XVIII в. правил, упорядочивающих установление сроков выслуги, а также указов, подчеркивающих роль заслуг, личных способностей (введение аттестатов, наградных списков, пенсий и т. п.), должно было, по мнению правительства, улучшить деятельность государственного аппарата, обеспечить выдвижение наиболее способных чиновников. Материальное стимулирование (награды, пенсии и т. п.) должно было создать большую заинтересованность у дворян в государственной службе, особенно после издания манифеста 1762 г.

Мы имеем весьма убедительные свидетельства того, что правительственная политика «приохочивания» дворян к службе давала свои плоды. Стремясь освободиться от более тяжелой военной службы, дворяне в соответствии со 2-й статьей манифеста 1762 г. выходили в отставку, получив очередной офицерский ранг, прослужив всего год в том или ином чине, а затем поступали в «статские» учреждения. Это было явным нарушением закона, так как тем, кто выходил в отставку и шел на службу в гражданские учреждения, следующий ранг давался в армии лишь после трех лет пребывания в одном чине. В результате таких незаконных поступков, писал Сенат в докладе Екатерине II 11 марта 1773 г., дворяне «у равных с ними статских чинов по воинскому чину берут председатель». По Табели о рангах следовало давать преимущество воинским чинам, но оно распространяется на обер- и штаб-офицеров, пока они служат в армии. Такие отклонения от закона ущемляют также права тех дворян, которые сразу заявили о своем желании уйти из армии в гражданскую службу и поэтому служили три года в полках, чтобы получить следующий ранг¹¹³.

От служивших в армии дворян не отставали их собратья, находившиеся в гражданских учреждениях. Воспользовавшись манифестом о вольности дворянству и указом Екатерины II от 14 марта 1765 г., представители «благородного» сословия выходили в отставку, получали повышение в ранге, а затем снова поступали на службу и обгоняли в чинах и наградах остальных чиновников.

Чтобы пресечь такую незаконную практику, сводящую на нет все правительственные распоряжения об упорядочении чиновпроизводства, сделанные в 60-х годах XVIII в., Сенат предложил строго соблюдать 2-ю статью манифеста 18 февраля 1762 г. об увольнении офицеров из армии в отставку. Кроме того, следовало «вступающих в статскую службу, хотя бы и с воинскими чинами, считать к произведению с статскими наряду» с момента поступления в гражданские учреждения. Для тех дворян, кто вышел в отставку с новым чином, прослужив в армии год, счет старшинства вести с гражданскими чиновниками после двух лет. В тех случаях, когда штатский чиновник получал новый ранг при выходе в отставку, а затем возвращался на службу, их выслугу не считать до тех пор, «покуда все те, кои до увольнения их от служ-

¹¹³ ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 9, лл. 68—69.

бы в одном с пимп ранге старше их бывшие поступят в чины». Если чиновник вторично выйдет в отставку, то новый ранг ему не давать до тех пор, пока все находящиеся на службе не сравняются с ним ¹¹⁴.

Административные реформы правительства Екатерины II, проведенные в первые годы ее правления, привели к значительному изменению номенклатуры должностей в Табели о рангах, а также их размещению по классам. В 1766 г. Сенат просил императрицу утвердить новую Табель, не меняя содержания статей этого закона. Необходимость издания новой Табели Сенат мотивировал также тем, что «в настоящее время для произвождения статских и вступающих в статскую службу некоторых чинов не достаает». Поэтому он предложил ввести новые чины: надворного асессора (9-й ранг), титулярного асессора (11-й ранг), коллежского и городского комиссаров (12-й и 14-й ранги) ¹¹⁵. К докладу Сената была приложена Табель о рангах, в которую Герольдмейстерская контора внесла все дополнения, сделанные за 45 лет преемниками Петра I. В новый вариант Табели вошло 33 должности канцелярских служащих различных рангов, 10 — служителей Академии художеств, по 9 — чинов горного ведомства, полиции и преподавателей Кадетского корпуса.

Наибольшее пополнение Табели о рангах произошло после введения в 1764 г. новых штатов центральных и местных учреждений Российской империи. Одной из целей правительства при этом было укрепление местных органов управления, которое подверглось наибольшей ломке и сокращению при преемниках Петра I. Новые штаты расширили состав канцелярий губернских провинциальных и уездных канцелярий за счет включения в них должностей чиновников, имеющих обер-офицерские ранги. Если ранее воеводскую канцелярию в уезде возглавлял подьячий с приписью, то теперь его заменил городской секретарь в ранге прапорщика (14-й класс). Во всех провинциях появилась должность протоколиста, в губернских — переводчиков (14-й класс). В 1763—1766 гг. было увеличено количество должностей «канцелярского штата» (регистраторы, протоколисты, переводчики и др.) в Синоде, Канцелярии артиллерии и фортификации, Главной провиантской канцелярии, учреждены должности секретарей в местных конторах Главной соляной конторы, экзекутора — в Синоде и Коммерц-коллегии ¹¹⁶ и т. д. Усиление правительственного контроля за деятельностью центральных и местных учреждений привело к появлению должности прокурора в Главном магистрате, Главном комиссариате, Главной провиантской канцелярии (6-й класс), в провинциях (7-й класс) ¹¹⁷. В целом увеличение числа должностей чиновников, обслуживающих в учреждениях делопроизводство, отражало рас-

¹¹⁴ ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 9, лл. 69 об.— 70 об.

¹¹⁵ Там же, ч. 7, лл. 82—86 об.

¹¹⁶ Там же, лл. 94, 96, 99, 99 об.— 101.

¹¹⁷ Там же, лл. 93, 96.

тушую бюрократизацию государственного аппарата. Большая часть их была включена в низшие классы Табели о рангах.

При учреждении в 1764 г. Академии художеств в России правительством назначило архитекторам офицерские ранги. Президенту Академии художеств был пожалован чин 4-го класса (генерал-майора), ректору — 6-го класса (полковника), адъюнкт-ректором — 7-го класса (подполковника). Профессора живописи, скульптуры и архитектуры, а также конференц-секретарь Академии художеств имели чины 8-го ранга¹¹⁸. Их чины были на два ранга выше, чем у профессоров Академии наук и Кадетского корпуса.

Сенат намечал также наделение обер-офицерскими рангами архитекторов, которых следовало разделить на три класса, соответствовавших чинам 8—10-го рангов Табели о рангах, и введение должностей архитекторских помощников четырех классов (10—14-й ранги), а также мастеров живописи и скульптуры (14-й ранг по Табели). Среди художников, скульпторов и архитекторов преобладали разночинцы. Наделение их обер-офицерскими рангами превращало потомков «подлых людей» в дворян. Поскольку учениками художников и архитекторов являлись разночинцы, то их, а также «всех ремесел и рукоделий» мастеров, подмастерий и учеников не полагалось включать «в классы». Однако, чтобы выделить их из «подлого народа» и повысить заинтересованность в службе государству, Сенат предлагал Екатерине II мастерам давать на звание листы с печатью «за судейским взятием», разрешить «за их искусство», носить шапки, «подлыми штрафами не наказывать, а иметь к ним уважение, сходное с полагаемыми в классы художниками»¹¹⁹. Эти предложения Сената свидетельствовали о стремлении абсолютной монархии подвергнуть бюрократизации формирующуюся интеллигенцию, включить ее в государственный аппарат.

Екатерина II включила в Табель о рангах должности чиновников, ведавших казенными заводами: главного командира и берграта при Гороблагодатских и Камских заводах (5-й и 7-й ранги), обер-бергмейстера (7-й ранг), обер-гитенфервальтера и бергмейстера Кольвано-Воскресенских заводов (8-й ранг), а также механика, маркшейдера (10-й ранг), надзирателя при Гороблагодатском горном начальстве (14-й ранг)¹²⁰ и др.

По новому уставу Кадетского сухопутного корпуса 1762 г. в Табель о рангах были также включены должности «директора наук» (7-й ранг), «инспектора по обучению кадетов гражданского звания» (8-й ранг), профессора в чине капитана (10-й ранг), воспитателя и его помощника, эконома (11—12-й ранги), помощника эконома (14-й ранг)¹²¹. Наконец, в Табель о рангах вошли некото-

¹¹⁸ Там же, лл. 92, 94, 96.

¹¹⁹ Там же, лл. 83—85.

¹²⁰ Там же, лл. 92, 95, 97, 102.

¹²¹ Там же, лл. 95, 96, 97, 98, 99, 102.

рые новые административно-полицейские должности: квартиргер-майоры, а также браунд-майоры при Главной полицмейстерской канцелярии в Петербурге и ее конторе в Москве (8-й ранг), обер-провиантмейстер и провиантмейстеры при хлебных магазинах (8-й и 10-й ранги) и др.¹²² Утверждение новых штатов учреждений сопровождалось повышением на один класс должности герольдмейстера, которого приравнивали к чину генерал-майора армии (5-й ранг)¹²³.

Таким образом, предложения Сената предусматривали внесение некоторых изменений и дополнений в Табель о рангах — основной закон, которым руководствовались все учреждения Российской империи при назначении чиновников. Их реализация отвечала интересам абсолютной монархии, так как при этом упорядочивалось продвижение чиновников по служебной лестнице, в которое вносились коррективы.

Характеризуя изменения в Табеле о рангах в 40—60-х годах XVIII в., В. А. Евреинов правильно обратил внимание на то, что в это время наметился разрыв между «рангом» и «должностью», или «чином». Если по Табеле о рангах иерархия между должностями и чинами выражалась в 14 рангах, то к середине XVIII в. получает развитие практика награждения чиновников более высокими рангами при сохранении в прежней должности, чего не было ранее¹²⁴. Так, например, воевода Ладоги титулярный советник И. Мясоедов в 1755 г. был пожалован в ранг коллежского асессора «с старшинством как титулярный советник», и оставлен на прежнем месте¹²⁵. В 40-х — начале 60-х годов XVIII в. должность генерал-рекетмейстера (5-й ранг) занимал И. И. Дивов, которого в 1748 г. пожаловали в генерал-майоры (4-й ранг), а в 1765 г. — в тайные советники (3-й ранг). Должность генерал-адъютанта (6-й ранг) при Екатерине II занимали фельдмаршалы А. Г. Разумовский и А. Б. Бутурлин (1-й ранг), генерал-фельдцейхмейстер Г. Г. Орлов, генерал-поручик А. Г. Орлов (2-й ранг)¹²⁶ и т. д.

Учитывая сложившуюся практику, Сенат пытался узаконить разрыв между должностью и рангом и установить срок пребывания в одном чине. В 1755 г. он проектировал повысить па один ранг всех чиновников государственных учреждений, получивших обер-офицерские чины до 1745 г., и оставить на прежних должностях¹²⁷. В 1760 г. Сенат снова повторил свое предложение о повышении на один ранг всех чиновников, которые служат в одном чине более 10 лет¹²⁸. Наконец, в 1767 г. правительство Екатерины II установило семилетний срок пребывания в чинах одного

¹²² ПГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 9, лл. 95, 97.

¹²³ Там же, лл. 91 об.— 92.

¹²⁴ В. А. Евреинов. Указ. соч., стр. 50—51.

¹²⁵ ПГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 16, л. 123.

¹²⁶ Там же, ч. 7, лл. 103 об.— 104.

¹²⁷ ПГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 442, л. 54.

¹²⁸ ПГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 2, лл. 519—538.

класса, после чего чиновников разрешалось награждать следующим рангом ¹²⁹.

Таким образом, получение новых рангов стало наградой чиновникам за выслугу, но не влекло автоматического повышения в чинах и должностях. Пожалование придворными чинами тоже приобрело характер особой почетной награды для высшей военной и гражданской бюрократии.

* * *

В 20—60-х годах XVIII в. правительство развивало и совершенствовало нормы чиновпроизводства Табели о рангах, гибко приспособляясь к изменяющимся условиям. Рост потребностей государства, усложнение его функций повлияли на изменение и пополнение номенклатуры должностей государственного и придворного «стата». При этом произошло повышение классов отдельных должностей, что объяснялось, с одной стороны, ростом аппарата управления, дифференциацией его отраслей, с другой — борьбой правящих группировок за власть, во время которой правительство наделяло своих приверженцев более высокими рангами.

В условиях обострения противоречий внутри класса феодалов правительство неоднократно изменяло порядок чиновпроизводства офицеров в армии, что затрагивало также и интересы гражданских чиновников. Но, несмотря на отдельные колебания, в целом абсолютная монархия сохраняла в 20—60-х годах XVIII в. личную выслугу как главный критерий при продвижении чиновников по лестнице чинов. С середины XVIII в. правительство стало несколько больше уделять внимания заслугам, способностям, образованию чиновников, что нашло отражение в указах 60-х годов XVIII в. Однако и при этом государство требовало все отступления от принципа выслуги совершать только с санкции верховной власти, сообщая, «кто старше их в командах находится».

Издав указы 1762—1767 гг., правительство Екатерины II стремилось усовершенствовать применение этих критериев, сочетая материальные и моральные стимулы для чиновников, при усилении контроля центральной администрации за их применением. С этой целью для чиновников были введены пенсии, наградные списки, аттестаты и журналы о прохождении службы, установлен 7-летний срок пребывания чиновника в одном ранге.

Рост экономического и политического влияния дворян, успешно добывавшихся юридического оформления своего привилегированного положения в обществе, привел в 1762 г. к отмене обязательности государственной службы представителей сословия

¹²⁹ В. А. Евреинов. Указ. соч., стр. 51. Для чиновников Сибирской и Иркутской губернии в 1765 г. был установлен 6-летний срок пребывания в каждом чине, учитывая отдаленность и слабую заселенность этого края (ПСЗ, т. XVII, № 12524).

феодалов. «Раскрепощение» дворянского сословия открывало более благоприятные возможности для проникновения в государственный аппарат разночинцев. Чтобы этого не произошло, государство указами 1762—1763 гг. ввело законодательные ограничения при замещении должности секретаря с учетом сословной принадлежности человека (установление 8-летнего срока пребывания чиновника в должности канцеляриста для награждения его обер-офицерским рангом). Тем самым было значительно ограничено действие указа Петра I от 31 января 1724 г., разрешавшего назначать на должность секретаря выходцев из низов и уравнившего их в правах с разночинцами, служившими в армии и становившимися дворянами по достижении первого обер-офицерского чина. Подобные меры правительства в конце 50—60-х годах XVIII в. были тесно связаны с усилением сословно-дворянского характера внутренней политики абсолютной монархии.]

Формирование бюрократии в России

1. Организация учета дворян в первой половине XVIII в. и переписи чиновников в 1754—1756 гг. (Некоторые источниковедческие вопросы)

Утверждение абсолютизма в России сопровождалось бюрократизацией всего государственного аппарата и юридическим оформлением положения чиновничества, чему способствовало издание Табели о рангах. В данной главе нам предстоит рассмотреть, как осуществлялось на практике законодательство абсолютизма о чиновничестве. В истории формирования бюрократии как особой прослойки общества наиболее существенное значение имеет выяснение следующих вопросов: состав, численность и источники комплектования чиновников; происхождение бюрократии, сопровождавшееся превращением службы в учреждениях в наследственное занятие для представителей нескольких поколений одной и той же семьи и в главный источник существования; роль денежного жалованья; уровень образования отдельных слоев бюрократии.

Чтобы конкретно представить, как происходило формирование российской бюрократии, необходимы массовые данные, позволяющие исследовать этот сложный процесс в динамике. Располагаем ли мы для этих целей достаточным количеством источников? Чтобы ответить на этот вопрос, следует кратко коснуться организации учета чиновников в изучаемое время.

До начала XVIII в. Разрядный приказ был основным учреждением, ведавшим учетом и назначением на службу различных категорий служилого сословия (московских и городских дворян, детей боярских, жильцов, подьячих и т. д.). После ликвидации Приказа в 1711 г. его функции перешли к Разрядному столу Сената. В 1722 г. Петр I учредил при Сенате Герольдмейстерскую контору, которой поручил учет дворян, пригодных к государственной службе. Новое учреждение, как и Разрядный приказ, вело также учет приказных людей.

По инструкции Петра I от 5 февраля 1722 г., герольдмейстер должен был составлять три вида списков: 1) генеральный именной и порознь по чинам; 2) дворян, находившихся на службе в армии и в гражданских учреждениях, а также лиц, вышедших в отставку; 3) дворянских недорослей, содержащие сведения об их учебе или службе. В Герольдмейстерскую контору передавались списки дворян и других категорий служилого населения из архи-

вов Разрядного приказа и Сената¹. Поскольку в ряды правящего класса в соответствии с указами 1721 и 1722 гг., а также по Табели о рангах вливалось много людей, получивших дворянство за службу, то герольдмейстеру поручалось получить о них сведения из Военной и Адмиралтейской коллегий.

Инструкция рекомендовала герольдмейстеру не ограничиваться данными, хранящимися в архивах различных учреждений, по использовать проводившийся в 1721—1722 гг. общегосударственный смотр служилых людей в связи с предстоявшим Персидским походом и «о дворянах сделать ему списки из нынешних приездов и смотра порознь по чинам, и что у них детей и свойственников мужского пола, и в каковы лета, и в каком учении или кроме учения при них в домах живут». Для уточнения сведений о годных к службе дворянах Герольдмейстерская контора должна была ежегодно получать данные из всех центральных и местных учреждений. Герольдмейстер был обязан следить за тем, чтобы дворяне не уклонялись от выполнения своих обязанностей².

Герольдмейстер С. Колычев 6 марта 1722 г. приказал записывать дворян по такой форме: «Имя рек, лет —, служить стал с — году. Ежели военного чину, в котором полку служил и каким образом от службы отбыл или в вакансии. А ежели отставлен — об отставке ево, где дан ему указ и за чьими руками. Детей у него: сын, имя рек, лет —, обретаецца в службе или где инде, имя рек же, лет —; в учении русской грамоте, словесному и писать изучился, а других наук не учен или изучен и какой грамоте и живет в доме у него. Свойственников имя рек писать, которые у него в доме живут, лет (прописать против вышеписанного ж, как и о детях). Жительство имеет в таком-то городе или уезде, крестьян за ним в таком-то да в таком-то уезде по переписным книгам — году дворов состоит»³.

Правительство интересовало широкий круг вопросов, связанных с пригодностью дворян к отбыванию государственной службы. Новым моментом было включение графы об образовании дворянства. Однако в целом в «Инструкции герольдмейстеру» чувствуется влияние той практики, которая существовала в Разрядном приказе. Герольдмейстерская контора, как и ранее, должна была вести учет класса феодалов по разрядам, только старые «чины» (бояре, стольники, жильцы и т. п.) заменялись новыми (генералы, полковники, советники, ассессоры, секретари и т. д.).

Перестройка системы чинов, произведенная Табелью о рангах 1722 г., не успела отразиться на учете дворян при проведении смотра 1721—1722 гг.: их, как и ранее, записывали по «чинам», полкам, уездам. Изучение сохранившихся документов фонда Герольдмейстерской конторы и коллекции дел Сената по Герольд-

¹ ПСЗ, т. VI, № 4414.

² Там же. № 3896; А. Романович-Словагинский. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912, стр. 47—50.

³ ЦГАДА, Сенат, кн. 7302, л. 54.

мейстерской конторе за 20—60-е годы XVIII в. свидетельствует о том, что герольдмейстеру не удалось в полной мере выполнить свои обязанности по учету дворян. Достаточно сказать, что вплоть до конца XVIII в. Герольдмейстерская контора не располагала сколько-нибудь полными сведениями об общей численности дворян⁴.

Более успешно выполняла Герольдмейстерская контора другую функцию — ведение оперативного учета дворян и чиновников. Она составляла по рангам и чинам списки дворян и их детей, находившихся на службе или числившихся в отставке. Необходимо отметить чрезвычайную дробность учета чиновничества Герольдмейстерской конторой и отсутствие в ее архиве сводных данных, характеризующих численность, состав, образование, материальное положение всех служащих государственных учреждений. Существовавшая система чиновпроизводства, в основе которой лежал принцип личной выслуги, привела к тому, что правительство обычно интересовало количество чиновников того или иного ранга, а также данные о прохождении ими службы (фамилия, имя, отчество, возраст чиновника, чин и ранг, год поступления на службу и присвоения последнего чина, размеры окладов).

В архивах Герольдмейстерской конторы и Сената сохранилось большое количество списков чиновников по различным ведомствам (военное, морское, гражданское, придворное) и по отдельным учреждениям (центральным и местным). Кроме того, имеется множество списков чиновников по рангам (а их было 14, не считая подъячих с приписью, канцеляристов, подканцеляристов, копиистов и писцов), а также чиновников определенных должностей (прокуроры и переводчики коллегий, губернаторы, воеводы, актуариусы, регистраторы и т. п.). Подобные списки составлялись Сенатом, Герольдмейстерской конторой и отдельными учреждениями по мере надобности (при сокращении расходов в бюджете на содержание государственного аппарата, после дворцовых переворотов, для нужд придворного ведомства, которому были необходимы сведения для размещения чиновников по рангам и чинам на различных церемониях и т. д.). В связи с недостатком канцелярских служащих и секретарей правительство постоянно требовало от учреждений сведения о численности нижнего звена чиновничества, назначало им смотр⁵.

Наиболее полные биографические данные о чиновниках содержат «сказки», или послужные списки. Ходатайствуя о зачислении на должность или о повышении в ранге, чиновники обычно сообщали о себе подробные сведения (возраст, продолжительность службы, изменения в чинах и окладах, социальное происхождение, образование, особые заслуги, данные о материальном

⁴ В. М. Кабузан, С. М. Троицкий. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782—1858 гг.— «История СССР», 1971, № 4, стр. 154—157 и сл.

⁵ ПСЗ, т. VIII, № 5399, 6183 и др.

положении, наличии крепостных и т. д.). «Сказки» чиновников являются чрезвычайно ценным источником для изучения истории формирования бюрократии. Они сохранились в огромном количестве буквально во всех фондах центральных и местных учреждений XVIII в. Однако «сказки» настолько расплывлены, что в целом по России их невозможно собрать и статистически обработать, чтобы получить общую картину на тот или иной год.

В июне — августе 1737 г. Сенат распорядился провести перепись секретарей и подъячих местных учреждений⁶. Поскольку осенью правительству стало известно о нарушении порядка замещения секретарских должностей в местных и центральных учреждениях, по указу Анны Ивановны от 21 октября 1737 г. было велено до конца года произвести перепись секретарей в коллегиях и канцеляриях. Во время переписи было также учтено верхнее звено канцелярских служащих центральных учреждений (регистраторы, актуариусы, архивариусы, бухгалтеры, комиссары, нотариусы). Правительство интересовалось главным образом общей численностью канцелярских служащих и их выслугой; другие данные (социальное происхождение, наличие крепостных и т. п.) специально не учитывались, так как по закону им не разрешалось иметь вотчины.

Герольдмейстерской конторе не удалось завершить перепись в 1737 г. Большая часть центральных учреждений, находившаяся в Петербурге, в конце 1737 — начале 1738 г. прислала в контору необходимые материалы. Они представляли собою «сказки», содержащие биографические сведения о каждом чиновнике⁷. Данные о количестве секретарей в конторах коллегий и канцелярий в Москве поступили только в декабре 1741 г.⁸ Список секретарей центральных учреждений Москвы был составлен после разбора этой категории чиновников; против каждой фамилии было указано, пригоден человек к отбыванию службы или нет. В этот список не вошли данные о других категориях «секретарей» (актуариусы, регистраторы, канцеляристы и т. п.). Списки секретарей в местные учреждения поступали с большим опозданием. В результате данные переписи 1737 г. оказались неполными. Они включают различные виды документов («сказки» чиновников и перечни секретарей по отдельным учреждениям), которые нельзя сопоставлять.

Обследуя документы фондов Сената и Герольдмейстерской конторы, мы обнаружили уникальный по своему значению комплекс источников — материалы переписей чиновников России, проведенных правительством Елизаветы Петровны в 1754—1756 гг. В эти годы правительство осуществило две переписи: чиновников, чьи должности были включены в 14 классов Табели о рангах, а также канцеляристов местных учреждений.

⁶ ПСЗ, т. X, № 7298, 7342.

⁷ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 203.

⁸ ЦГАДА, Сенат, кн. 1667, лл. 256—276 об.

Решение о проведении переписи чиновников, имеющих офицерские ранги, было принято в конце 1753 г. 27 января 1754 г. кабинет-секретарь императрицы барон И. А. Черкасов послал генерал-прокурору Сената князю Н. Ю. Трубецкому письмо, в котором извещал его о том, что Елизавета Петровна приказала «зделать в Правительствующем Сенате ведомость о всех обретающих при делах е. и. в. гражданских чинах, состоящих в генералитетских и штаб- и обер-офицерских чинах». В ней следовало указать точные данные о возрасте чиновников, образовании, времени поступления чиновника на службу и ее дальнейшем прохождении, окладах, количестве крепостных крестьян. Такие же сведения чиновники должны были сообщить о детях м. п. В своем письме Черкасов напоминал Трубецкому о том, что еще 18 декабря 1753 г. он передал указ императрицы прислать аналогичные сведения «о всех обретающихся в штатской службе, при дворе» и полагал, что «о обоих делах в одной убратца ведомости возможно»⁹. Перечень вопросов, на которые чиновники должны были дать ответ для составления ведомости, полностью совпадал с теми данными, которые они должны были сообщать о себе Герольдмейстерской конторе во время смотров.

Проведение переписи чиновников было связано с политикой, проводимой в 50-х годах XVIII в. правительством Шуваловых. Наряду с реформами в области экономики (отмена внутренних таможен, издание нового тарифа, проведение генерального межования, учреждение банков и т. п.), правительство принимало меры по укреплению аппарата управления и упорядочению его работы. В литературе отмечалось, что кроме волокиты и бюрократизма на работе учреждений отрицательно сказывалась нехватка чиновников. Дела о производстве служащих в новые чины и назначении на вакантные должности лежали годами, дожидаясь утверждения Елизаветой Петровной¹⁰. В 1754 г. начала свою деятельность комиссия по составлению нового уложения.

В связи, с тем, что во многих учреждениях имелись незаполненные вакансии, были предприняты меры по укомплектованию их чиновниками: 29 марта и 18 декабря 1753 г. Елизавета Петровна утвердила предложения Сената о назначении президентов в Берг-, Вотчинную, Камер-, Коммерц-, Ревизион- и Юстиц-коллегии, главных судей в Сибирский и Сыскной приказы, а также в канцелярии Монетную, Конфискации, Мастерской и Оружейной палат. Одновременно были назначены новый герольдмейстер, генерал-кригс-комиссар, обер-прокурор Сената, а также губернаторы и вице-губернаторы Московской, Нижегородской, Новгородской, Петербургской, Ревельской, Рижской, Сибирской и Смоленской губерний¹¹.

⁹ ЦГАДА, Госархив, XIV р., д. 54, л. 77.

¹⁰ «История Правительствующего Сената за 200 лет», т. 2. СПб., 1911, стр. 187—190, 251—254.

¹¹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 400, лл. 177, 180—181, 194—197, 202, 228—229, 314—318 и др.

Получив приказ императрицы от 27 января 1754 г. о проведении переписи, генерал-прокурор Сената Н. Ю. Трубецкой приказал Герольдмейстерской конторе собрать все необходимые сведения о чиновниках, имевших обер-офицерские ранги. Поскольку контора такими данными не располагала, она разослала указы во все центральные и местные учреждения России с требованием «в крайней скорости» представить ведомости о чиновниках¹².

Перепись чиновников продолжалась более двух лет, так как учреждения с большим опозданием присылали пужные сведения. К тому же Герольдмейстерская контора не довольствовалась проверкой сообщаемых чиновниками сведений в тех учреждениях, где они служили, но сама посылала им многочисленные запросы относительно биографий отдельных чиновников¹³.

После неоднократных напоминаний Герольдмейстерская контора собрала сведения от большинства учреждений и приступила к составлению генеральной ведомости чиновников Российской империи, имевших обер-офицерские чины, т. е. всех 14 классов Табели о рангах. Однако работа полностью не была завершена. Получив в сравнительно короткий срок несколько сот ведомостей, содержащих подробные сведения о нескольких тысячах чиновников, Герольдмейстерская контора, располагавшая небольшим штатом, сосредоточила главное внимание на проверке поступающих данных и не успела свести их воедино. Начавшаяся осенью 1756 г. Семилетняя война отвлекла внимание правящих кругов от решения этого вопроса.

В ходе проведения переписи был собран огромный материал по истории чиновничества и государственного управления России в XVIII в., который можно разделить на четыре основные группы: 1) «сказки» чиновников, или их послужные списки, 2) ведомости учреждений о чиновниках, 3) «Пункты» Герольдмейстерской конторы о каждом чиновнике, 4) Переписка центральных и местных учреждений с Сенатом и Герольдмейстерской конторой об уточнении сведений «сказок» и «пунктов», а также приложения к ним; копии указов и патентов императоров и Сената о пожаловании чиновникам дворянства, чинов, рангов, орденов, вотчин и окладов, аттестаты и т. п.

Материалы переписи охватывают период начиная с последних лет XVII в. и по 1756 г. Они являются официальными документами государственных учреждений и использовались в их деятельности. Все материалы переписи тщательно проверялись в тех учреждениях, где составлялись «сказки» и ведомости чиновников, а также в Герольдмейстерской конторе. Сохранилось большое количество помет о проверке тех или иных сведений в учреждениях, а также копии разного рода документов, справок, выписок из ар-

¹² ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 421, л. 3 и об.

¹³ Там же, лл. 193—206; кн. 419, л. 11; Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 316, 369, 383 и др.

хивов, подтверждающих достоверность приводимых в «сказках» данных. Чиновники не были заинтересованы в том, чтобы скрывать данные из своих послужных списков. Наоборот, они стремились как можно подробнее описать свою службу и указать все то, что могло способствовать их дальнейшему продвижению¹⁴.

Основным документом при проведении переписи были «сказки» чиновников, обычно составлявшиеся с их слов канцеляристами. Иногда чиновники не только подписывали текст «сказки», но писали его от начала до конца. В тех случаях, когда документы написаны на немецком, итальянском и других языках, к ним приложены русские переводы. Единого формуляра «сказок» не было; иногда их текст разграфлен. Некоторые из них по полноте сообщаемых сведений и характеру изложения материала приближаются к позднейшим автобиографиям.

Вторую большую группу материалов переписи составляют ведомости учреждений, содержащие послужные списки чиновников, расположенные в соответствии с классами Табели о рангах, а затем в зависимости от продолжительности службы чиновников. Эти ведомости также не имели строго установленной формы. Обычно они включали все основные данные из «сказок» чиновников.

Третью группу материалов переписи составляли «пункты». Они содержали краткие экстракты о службе каждого чиновника того или иного класса (фамилия, имя, отчество, возраст, титул, точная дата получения последней должности, ранг, учреждение, оклад). Данные об образовании и о прохождении службы чиновником и его детьми, а также о количестве крепостных в «пунктах» отсутствуют. Лишь в нескольких случаях в «пункты» о крупнейших сановниках были включены без изменений их «сказки» (например, сенатора князя Б. Г. Юсупова)¹⁵. Содержащиеся в «пунктах» сведения о службе чиновников в значительной мере компенсируют отсутствие «сказок», хотя и не полностью, а также позволяют уточнить данные ведомостей отдельных учреждений, так как являются более точным источником (данные «сказок» и ведомостей проверялись Герольдмейстерской конторой при включении в «пункты»).

Таким образом, перепись 1754—1756 гг. дала массовый сопоставимый и достаточно надежный материал по истории чиновничества России в середине XVIII в. Его ценность заключается также в том, что перепись осуществлялась по единой программе и большая часть первичных данных («сказок») была получена в сравнительно короткий срок¹⁶. В целом отложившиеся в резуль-

¹⁴ Вопрос о достоверности данных о социальном происхождении чиновников решается особо (см. § 3 этой главы).

¹⁵ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 439, лл. 50—56 об.

¹⁶ С. М. Троицкий. Материалы переписи чиновников в 1754—1756 гг. как источник по социально-политической и культурной истории России XVIII в.—«Археографический ежегодник за 1967 г.». М., 1969, стр. 132—148.

тате переписи чиновников в офицерских рангах источники являются уникальными по богатству и полноте сообщаемых ими сведений, позволяющих выяснить численность, состав, происхождение, образование, материальное положение и ряд других вопросов, связанных с формированием российской бюрократии.

Перепись 1754—1756 г. охватила чиновников в офицерских рангах, служивших во всех звеньях государственного и дворцового аппарата. Но она не учитывала низшее и наиболее многочисленное звено служащих государственных учреждений — так называемых канцеляристов, поскольку их должности не были включены в Табель о рангах. Этот недостаток частично был компенсирован материалами, отложившимися в ходе переписи канцелярских чиновников, которая проводилась в 1754—1756 гг., т. е. в те годы, что и перепись «классных» чиновников. Необходимость учета названной категории чиновников вызывалась острой нехваткой канцелярских служащих в местном управлении, а также стремлением правительства превратить приказных людей в замкнутую сословную группу. С этой целью Сенат в 1754 г. издал указ «О неопределении детей секретарских и прочих людей нижнего приказного звания, кои не из дворян, ни в какую службу, кроме приказной, впредь до будущего рассмотрения»¹⁷. Канцеляристы местных учреждений должны были сообщать о себе в «сказках» те же сведения, что и чиновники, имевшие офицерские ранги. Поэтому мы могли сопоставить большую часть данных, полученных во время обеих переписей, и использовать их для составления сводных таблиц.

Перепись чиновников в офицерских рангах в 1754—1756 гг. была одновременно и их смотром, сопровождавшимся повышением в чинах одних лиц и увольнением в отставку других. На «сказках» профессоров Академии наук, чиновников Иностранной коллегии и других учреждений имеются соответствующие пометы¹⁸.

Фактически это был последний общегосударственный смотр дворян-чиновников. Спустя шесть лет, в феврале 1762 г., правительство Петра III издало манифест об отмене обязательной государственной службы для дворян, после чего перестало требовать от них и их детей являться на смотры. Герольдмейстерская контора с этого времени прекратила составление списков служащих и отставных дворян¹⁹. Вместо этого Екатерина II в 1763 г. приказала Академии наук ежегодно печатать адрес-календарь, сведения для которого должна была поставлять Герольдмейстерская контора Сената. 30 января 1764 г. Сенат приказал всем учреждениям присылать ему каждые полгода сведения о количестве чиновников, их выслуге и прохождении службы²⁰.

¹⁷ ПСЗ, т. XIV, № 10473; Ю. В. Готье. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II, т. I. М., 1913, стр. 260—266.

¹⁸ С. М. Троицкий. Материалы переписи чиновников, стр. 142.

¹⁹ А. Романович-Словагинский. Указ. соч., стр. 50.

²⁰ ПСЗ, т. XVI, № 12030.

Адрес-календарь, сообщала Академия наук в Герольдию 7 октября 1764 г., будет включать «известия о всех находящихся в губерниях, провинциях и городах генерал-губернаторах, воеводах и их товарищах и о прочих чинах далее до секретаря включительно, также о придворном, военном и морском штатах и о прочих присудственных местах, кто во оных находятся генералитетского и штапского чина членами и в прочих должностях, даже до секретаря включительно»²¹. Издание первого адреса-календаря задержалось из-за введения новых штатов в центральных и местных учреждениях России с 1 января 1764 г.²² В течение этого года Герольдмейстерская контора собирала для него списки чиновников по учреждениям и уточняла их, а затем посылала их в Академию наук²³.

Первый русский адрес-календарь был издан в 1766 г. в Петербурге под названием «Список находящимся у статских дел господам сенаторам, обер-прокурорам и всем присутствующим в коллегиях, канцеляриях, конторах, губерниях, провинциях и городах, також прокурорам, обер-секретарям, эзекуторам и секретарям с показанием каждого вступления в службу и настоящий чин». Такие списки издавались почти каждый год вплоть до конца XVIII в. Начиная с 1767 г. аналогичные списки стала издавать Военная коллегия²⁴. Адреса-календари содержат ценные справочные сведения, которые были использованы нами для изучения превращения профессии чиновника в наследственное занятие.

2. Численность и состав чиновников центральных и местных учреждений России в середине XVIII в.

В литературе отсутствуют сведения о количестве чиновников гражданского управления России в первой половине XVIII в. Известно лишь, что после введения новых штатов в 1764 г. численность всех разрядов чиновников составила 16 504 чел.²⁵ Незнученность состава и численности чиновников первой половине XVIII в. отчасти объясняется отсутствием сводных данных по этому вопросу в архивах учреждений.

Проводя реформы государственного аппарата, правительство Петра I в конце первой четверти XVIII в. составило и утвердило штаты большей части центральных и местных учреждений. Мно-

²¹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 525, л. 632.

²² ПСЗ, т. XVI, № 11988.

²³ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 525, лл. 633—718.

²⁴ «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725—1800», т. III. М., 1966, стр. 154—159.

²⁵ Н. Ф. Демидова. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв.— «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». М., 1964, стр. 239.

гие из них опубликованы в первом Полном собрании законов. Однако в 1726—1728 гг. из-за фискальных затруднений была ликвидирована часть петровских учреждений и уменьшены штаты в тех учреждениях, которые были сохранены или реорганизованы. Позже, в 30—40-х годах XVIII в., правительство неоднократно вносило новые изменения в структуру и штаты отдельных ведомств. К этому следует прибавить, что, поскольку существовавшие штаты не всегда удовлетворяли потребность в работниках, во многих учреждениях появилось значительное количество сверхштатных чиновников, особенно из числа канцеляристов. Ю. В. Готье, специально изучавший историю местного управления в 20—70-х годах XVIII в., обратил внимание на частые изменения в штатах губернских, провинциальных и уездных канцелярий. Например, канцелярские штаты 1732 г. ввели «свой особый штат, для каждой почти областной канцелярии». Нередко штат уездной канцелярии был больше штата провинции, а численность провинциальной администрации порою превышала количество губернских служащих²⁶.

В результате штаты учреждений дают общее представление о количестве чиновников по большей части учреждений и о сумме расходов абсолютной монархии на их содержание, но не могут служить достаточно надежным источником для установления реальной численности государственного аппарата. Поэтому для определения общей численности и состава чиновничества России в середине XVIII в. мы использовали данные переписей чиновников 1754—1756 гг. (табл. 1).

В общее число чиновников мы включили всех представителей зарождающейся интеллигенции, находившихся на службе у абсолютистского государства, а также служащих дворцового управления. Рост аппарата управления абсолютной монархии и усложнение его функций привели к появлению в системе государственных учреждений новых профессий: ученых, архитекторов, горных инженеров, врачей, геодезистов, специалистов морского дела и других. По Табели о рангах, их должности были включены в соответствующие классы и приравнены к офицерским чинам. Так, например, профессора академий (Морской, а затем и Академии наук), берг-мейстеры, обер-берг-пробиреры находились в 9-м классе и имели ранг капитан-лейтенанта сухопутной армии, маркшейдеры, гитен-фервальтеры — в 12-м (лейтенанты) и т. д. Это свидетельствовало об утилитарном подходе абсолютизма к развитию науки, просвещения и культуры, отражало тенденцию к бюрократизации зарождавшейся интеллигенции, на которую государство смотрело как на обычных чиновников. Стремление абсолютизма к регламентации всех сторон жизни подданных приводило к тому, что мастера «кабинетного» и «садового» дела, управители казенных горных и винокуренных заводов, «фабрик» тоже

²⁶ Ю. В. Готье. Указ. соч., т. I, стр. 274—277.

получали за службу офицерские ранги. 17 января 1737 г. Сенат издал даже указ «О имени канцеляристам рангов сержантов, а подканцеляристам — капральских»²⁷, который, правда, на практике не применялся.

Следует оговорить известную условность включения в наши подсчеты сведений о численности и составе чиновников дворцового ведомства, обслуживавших императорский двор и управлявших владениями царской фамилии (258 чел., или менее 5% всех учетных лиц). Как уже отмечалось, в конце XVII — первой половине XVIII в. в основном завершилось обособление дворцового вотчинного аппарата от государственного. Сеть дворцовых учреждений возглавлялась Главной дворцовой канцелярией. На местах ей подчинялись управительства и вотчинные правления.

Лица, числившиеся в придворном штате, имели более высокие ранги и оклады, чем чиновники государственных учреждений. Так, по указу императрицы Анны Ивановны от 12 января 1737 г., должность камергера, находившаяся в 7-м классе Табели о рангах и соответствовавшая рангу армейского полковника, была передвинута в 4-й класс и приравнена к генерал-майорскому чину. Этим же указом должность камер-юнкера тоже была «повышена»: из 9-го класса ее передвинули в 6-й и приравнили к чину полковника. По указу императрицы Елизаветы Петровны от 6 февраля 1742 г., должность камер-юнкера стала соответствовать рангу армейского бригадира. Камергеры и камер-юнкеры получили право вести счет служебного старшинства с офицерами армии, что облегчало им получение новых чинов²⁸. 8 июня и 4 сентября 1752 г. Сенат принял определения, запрещавшие назначать на службу в придворное ведомство штатских чиновников: для этой цели следовало использовать армейских офицеров и выпускников Кадетского корпуса, среди которых преобладали дворяне²⁹. 24 мая 1758 г. Елизавета Петровна издала указ, по которому «у придворных нижних чинов, состоящих в офицерских рангах (которым по силе Табели о рангах по учиненному в Сенате определению деревень иметь не велено), деревень у них не отписывать»³⁰.

В то же время нет оснований переоценивать степень обособленности дворцового ведомства и его личного состава от аппарата управления абсолютной монархии. Дворцовые учреждения ведали огромным и сложным хозяйством императора и его фамилии, ибо монарх был первым дворянином и помещиком государства. Поскольку царь был главой государства, то служители его «вотчины» занимали привилегированное положение среди других чи-

²⁷ ПСЗ, т. X, № 7160.

²⁸ Там же, т. XI, № 8510.

²⁹ ПГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 442, л. 7.

³⁰ ПГАДА, Госархив, XIV р., д. 184, л. 1. Имеется в виду постановление Сената об обязательной продаже вотчин некоторыми категориями чиновников, не имевших потомственного дворянства (ПСЗ, т. XV, № 10796).

новников. Дворцовое управление подчинялось непосредственно монарху, но на него распространялось действие многих законов государства, регламентирующих работу учреждений. На содержание дворцовых учреждений и императорского двора ежегодно расходовались крупные суммы из государственного бюджета: 450 тыс. руб. (4,4%) в 1725 г. и 2218 тыс. руб. (10,9%) в 1767 г.³¹

Издавая Табель о рангах, Петр I включил в общегосударственную систему чинов должности высшего и среднего звеньев дворцового аппарата. В XVIII в. Кабинет был личной канцелярией монарха по руководству всем государственным аппаратом России³². Состав дворцовой администрации рекрутировался из тех же слоев населения, что и основная масса чиновников. Часто некоторые лица начинали свою карьеру в дворцовых учреждениях или при императорском дворе и затем продолжали ее в государственном аппарате, и наоборот. Так, сын обер-гофмейстера Екатерины I В. Д. Олсуфьева Адам по окончании Кадетского корпуса в 50-х годах XVIII в. служил церемониймейстером Иностранной коллегии, а затем личным секретарем Елизаветы Петровны³³. Генерал-лейтенант и камергер А. Д. Татищев, занимавший в 50-х годах XVIII в. пост генерал-полицеймейстера России, начал свою карьеру в 1712 г. волонтером в армии, затем был в гвардии³⁴. Надворный советник Коммерц-коллегии Ф. М. Бессонов начал служить в 1722 г. копиистом в дворцовой канцелярии, а секретарь Главной дворцовой канцелярии М. С. Лобачев до назначения на эту должность 22 года был копиистом и канцеляристом в Сенате³⁵ и т. д. Учитывая подобные переходы чиновников из государственных учреждений в дворцовые и наоборот, Сенат 13 января 1753 г. распорядился вести счет служебного старшинства чиновникам Главной дворцовой, Конюшенной канцелярий и других дворцовых учреждений вместе со служащими соответствующих рангов коллегий, контор, канцелярий и прочих центральных ведомств, «не примешивая к оным находящимся у дел же в губерниях и других местах»³⁶.

К этому следует добавить, что часть сановной бюрократии не только имела придворные чины, являвшиеся почетной наградой, но и прямо совмещала службу при дворе и в государственном аппарате, оказывала влияние на внутреннюю и внешнюю политику правительства. Эти лица входили в придворную камарилью, которая, по словам В. И. Ленина, имеется «во всякой стране с самодержавным или полусамодержавным режимом»³⁷. Так, напри-

³¹ С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966, стр. 237—240, 243.

³² Н. П. Ерошкин. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960, стр. 89—90, 127—128.

³³ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 356 об.—358.

³⁴ Там же, лл. 469—470.

³⁵ Там же, ч. 1, л. 193; ч. 3, л. 1224.

³⁶ ПСЗ, т. XIII, № 10066.

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 140.

мер, обер-шталмейстер великого князя Петра Федоровича камергер П. С. Сумароков был одновременно членом присутствия Военной коллегии; свое жалованье 4188 руб. он получал по штату Кошюшенной канцелярии³⁸. Фаворит Елизаветы Петровны камергер И. И. Шувалов, оказывавший большое влияние на всю политику ее правительства, с 1755 г. занимал скромную почетную должность в государственном управлении: он был назначен куратором Московского университета³⁹. Хорошо известно также, какую важную роль в государственном управлении играли А. В. Макаров и И. А. Черкасов, возглавлявшие Кабинет. Обер-гофмаршал Елизаветы Петровны Д. А. Шепелев, сын одного из первых русских генералов, начал свою карьеру в 1704 г. солдатом гвардии. В 1708 г. Петр I взял его к себе курьером. Шепелев дослужился до высокого чина в придворном штате и, находясь в ближайшем окружении императоров, сумел сохранить их доверие во время частых дворцовых переворотов. Его имя встречается в составе почти всех высших судов, назначавшихся Анной Ивановной и Елизаветой Петровной для расправы с политическими противниками⁴⁰.

Изучение сохранившихся материалов показало, что перепись 1754—1756 гг. весьма полно учла центральные и дворцовые учреждения Российской империи. Она охватила свыше 95% центральных учреждений. Отсутствуют данные о численности чиновников в некоторых трестепенных учреждениях, где служило несколько десятков человек в офицерских рангах⁴¹.

Сложнее обстоит дело с учетом чиновников местных учреждений. В середине XVIII в. в России имелось 16 губерний⁴². Все «сказки» чиновников губернских канцелярий, имевших обер-офицерские ранги, сохранились и использованы для составления табл. 1. В изучаемое время в России было 45 провинций. В Астраханской, Киевской, Лифляндской, Смоленской губерниях, а также на территории слободских полков (Левобережная Украина) деления на провинции не было. Воеводское управление существовало в 34 провинциях (сохранились «сказки» 63 провинциальных воевод и их товарищей), в восьми случаях центры провинций совпадали с губернскими городами, поэтому в них всеми вопросами управления ведали губернские канцелярии. В Кюменегорской (Выборгская губ.) и Эзельской (Ревельская губ.) провинциях не

³⁸ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 439, л. 67.

³⁹ Там же, л. 303.

⁴⁰ Там же, кн. 418, л. 28 об.; Сенат, кн. 671, лл. 3, 14—14 об. и др.

⁴¹ Для уточнения списка существовавших в России в середине XVIII в. учреждений мы использовали первое Полное собрание законов Российской империи, а также составленное А. В. Черновым справочное пособие «Государственные учреждения России в XVIII в.» (М., 1960).

⁴² Сведения об административно-территориальном делении России в 50-х годах XVIII в. взяты из труда Ю. В. Гогье (указ. соч., т. I, стр. 104—114) с дополнениями В. М. Кабузана («Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в.», М., 1963, Прилож. 3).

было воеводского управления. Чиновники этих провинций, имевшие ранги от асессора и выше (9 чел.), присоединены нами к провинциальным воеводам, остальные 56 чел. объединены с провинциальными секретарями. Иркутская провинция Сибирской губернии возглавлялась канцелярией во главе с вице-губернатором (ее штат присоединен нами к Сибирской губернской канцелярии).

Что касается низшего звена местного управления Российской империи — уезда, то мы располагаем «сказками» 173 воевод и их товарищей, ведавших населением 178 уездных и приписных городов и пригородов⁴³. Трудно назвать точную цифру уездов и городов, существовавших в России в середине 50-х годов XVIII в., ибо их число постоянно менялось, хотя и незначительно. Авторы специальных работ об административно-территориальном делении России этого времени обычно основывались в своих расчетах на данных законодательства, но не всегда выясняли, было ли осуществлено то или иное постановление правительства и когда именно. Это и вызвало расхождения в определении количества уездов и городов. Так, Ю. В. Готье полагал, что в середине XVIII в. имелось свыше 250 уездов, причем 61 центр приходился на губернские и провинциальные города, а также более 20 пригородов и городов, приписанных к уездным центрам⁴⁴. По данным В. М. Кабузана, в 16 губерниях России в это время было около 270 городов, пригородов и крепостей⁴⁵. При этом в некоторых городах Астраханской губернии были не воеводы, а коменданты, подчинявшиеся Военной коллегии. С учетом этих данных можно считать, что в нашем распоряжении имелись «сказки» примерно 85—90% воевод уездных городов.

В системе местных учреждений Российской империи вплоть до начала 60-х годов XVIII в. важную роль играли канцелярии штаб- и обер-офицеров Военной коллегии, ведавшие сбором подушных денег с податного населения и подчинявшиеся Главному комиссариату. В губернских канцеляриях обычно было 2—3 офицера, в провинциальных — 2, реже — 1, в уездных — по одному. Однако эти канцелярии имелись не во всех губерниях, ибо в ряде районов государства (Прибалтийские губернии, Левобережная Украина, Астраханская, части Оренбургской и Сибирской губерний) сохранялись местные особенности в обложении населения прямыми налогами. Мы имеем 169 «сказок» офицеров, ведавших сбором подушных денег по восьми губерниям из десяти⁴⁶, 28 провинциям⁴⁷ и примерно по 110 уездам, что составляет около 85—

⁴³ В том числе по 19 городам мы имеем «сказки» старых воевод, сдававших дела, и вновь назначенных воевод.

⁴⁴ Ю. В. Готье. Указ. соч., т. I, стр. 108—110.

⁴⁵ В. М. Кабузан. Указ. соч., стр. 180—193.

⁴⁶ Это губернии: Архангельская, Белгородская, Воронежская, Казанская, Нижегородская, Московская, Петербургская, Смоленская. Отсутствуют сведения по Новгородской и Сибирской губерниям.

⁴⁷ Нет сведений по Псковской провинции.

90% от их фактического числа. В пользу такого предположения говорит то обстоятельство, что в некоторых уездных городах сбор подушных денег был в ведении воевод. Об этом, например, сообщалось из Важской воеводской канцелярии⁴⁸. В ряде городов должность офицера при подушном сборе была вакантной; к тому же в конце 1755 г. были больны, в отпуску, под счетом и следствием 84 офицера⁴⁹.

По указу 1733 г., в 23 городах России была учреждена должность полицмейстера⁵⁰. К середине 50-х годов XVIII в. их количество не увеличилось: сохранились «сказки» всех полицмейстеров.

Недостаточная изученность истории местного управления России в XVIII в. затрудняет выяснение количества чиновников, находившихся в других учреждениях: вальдмейстерских и крепостных конторах, почтовых ямах, губернских корчемных и межевых канцеляриях и некоторых других. В настоящее время невозможно даже полно установить общее количество этих учреждений. Однако в целом нам представляется, что недоучет чиновников из названных учреждений был не слишком велик. Например, часть крепостных контор и ямов возглавлялась лицами, имевшими обер-офицерских рангов, причем «сказки» некоторых из них были включены в ведомости губернских, провинциальных и уездных канцелярий, содержащих сведения о канцелярских служащих.

В нашем распоряжении имеются «сказки» чиновников крупнейшего городского магистрата России — Московского, которые мы включили в табл. 1. Кроме того, в ведомость Белгородской губернской канцелярии была включена «сказка» секретаря губернского магистрата С. Л. Резайцева⁵¹. По другим городским магистратам мы не обнаружили «сказок» чиновников в офицерских рангах. Возможно, что их и не было, ибо члены городских магистратов и ратуш избирались из числа посадских людей и купцов⁵². Часть канцеляристов были выборными⁵³.

Что касается учета чиновников по отдельным учреждениям, то в целом материалы переписи содержат весьма точные для XVIII в. сведения. Поскольку данные «сказок» учитывались при повышении чиновников в рангах, то все они старались подробно рассказать о прохождении службы. За точностью сведений о численности служащих строго следила Герольдмейстерская контора, требуя

⁴⁸ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, л. 1034 и об.

⁴⁹ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 456—466.

⁵⁰ ПСЗ, т. IX, № 6378.

⁵¹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, л. 146—146 об.

⁵² А. Пригара. Опыт истории состояния городских обывателей в Восточной России. СПб., 1868, стр. 143—146; И. Дигатин. Устройство и управление городов России, т. I. Города России в XVIII ст. СПб., 1875, стр. 204—213, 343.

⁵³ Так, 14 июля 1738 г. Сенат издал даже особый указ «О неопределении в воеводские канцелярии в подьячие находящихся в ратушах писчиков, которые из купечества» (ПСЗ, т. X, № 7620).

подробно сообщать о всех лицах, находившихся в командировках, под следствием, арестом, в отпуску и т. д. Случаи неприсылки «сказок» отдельными чиновниками и учреждениями в общем были редкими⁵⁴.

Начиная в 1754 г. перепись, правительство хотело получить точные сведения о количестве чиновников гражданских учреждений, имевших генеральские, штаб- и обер-офицерские ранги, т. е. о всех лицах, чьи должности были включены в 14 классов Табели о рангах (от коллежского регистратора до канцлера и генерал-прокурора Сената). Низшее звено чиновников (подьячие с приписью, канцеляристы, подканцеляристы, писчики, писари) не подлежало учету. Однако вскоре правительство сделало отступление от первоначального плана и одновременно с переписью чиновников в офицерских рангах распорядилось в том же 1754 г. произвести учет канцеляристов в губернских, а также в провинциальных и уездных воеводских канцеляриях.

В целом «сказки» канцеляристов местных учреждений сохранились довольно полно. Мы располагаем данными о численности чиновников этой категории по 10 губернским, 27 провинциальным⁵⁵ и 178 уездным канцеляриям. При этом следует оговорить, что в ряде случаев в ведомости были включены «сказки» служителей других местных учреждений: канцелярий по сбору подушных денег, крепостных и вальдмейстерских контор, полицмейстерских канцелярий (Уфимская провинция), корчемных контор (Сибирская, Смоленская губ.). Мы использовали эти данные при подсчетах количества канцеляристов в местном управлении. Точно так же мы поступали при выяснении общей численности чиновников в офицерских рангах, служивших в местном управлении, включая в общие подсчеты лиц, командированных из других учреждений⁵⁶.

Обратимся к изучению состава российского чиновничества в табл. 1 учтено 5379 чел., которых мы разбили на четыре разряда.

В первый разряд вошла верхушка чиновничества России, сановная бюрократия: канцлер и вице-канцлер, генерал-прокурор и члены Сената, обер-прокуроры Сената и Синода, президенты и вице-президенты коллегий, начальники, судьи, «присутствующие» центральных контор, канцелярий, приказов, губернаторы, вице-губернаторы и их товарищи, чрезвычайные и полномочные послы

⁵⁴ С. М. Троицкий. Материалы переписи чиновников, стр. 136. Неполнота сведений по отдельным учреждениям оговорена в примечаниях к табл. 1.

⁵⁵ По 6 губерниям и 8 провинциальным канцеляриям сведения отсутствуют.

⁵⁶ Так, в составе чиновников Киевской губернской канцелярии учтены командированные туда на длительный срок секретари Иностранной коллегии Ф. Корбе, К. Е. Редкин, переводчик Ф. С. Семенов, архитекторы Канцелярии от строений И. Мичурин, А. Квасов; Астраханской — член следственной комиссии о злоупотреблениях на рыбных промыслах надворный советник Д. П. Лешев и т. д. (ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 7, 129—135, 146 об., 194—195, 211—211 об., 226—226 об., 232—233 об. и др.). Всего таких «командированных» было около 20 чел.

Таблица 1

Численность и состав чиновников России в 1755 г. 1*

Учреждения	Всего чиновников	В том числе по разрядам			
		I	II	III	IV
<i>Государственные учреждения</i>					
Центральное управление					
Сенат ^{2*}	47	7 ^{3*}	13	27	—
Синод ^{4*}	22	1	3	18	—
Коллегии					
Адмиралтейская ^{5*}	26	—	7	19	—
Берг	18	2	9	7	—
Военная ^{6*}	14	2	3	9	—
Вотчинная	38	2	6	30	—
Главный магистрат	15	2	2	11	—
Иностранных дел ^{7*}	135	21	16	98	—
Камер ^{8*}	51	3	10	38	—
Коммерц	21	2	7	12	—
Мануфактур	23	2	10	11	—
Ревизион	31	2	6	23	—
Штатс-коптора	24	2	10	12	—
Юстиц ^{9*}	25	2	4	19	—
Юстиц-коллегия лифляндских и эстляндских дел ^{10*}	14	—	4	10	—
Канцелярии					
Главная полицмейстерская	82	2	6	74	—
Главная провиантская	9	1	2	6	—
Главной артиллерии и фортификации	33	4	7	22	—
Главного комиссариата	18	2	2	14	—
Конфискации	17	1	4	12	—
Медицинская	14	1	4	9	—
Монетная	35	1	8	26	—
От строений	46 ^{11*}	1	5	40	—
Сбора оставшихся за указными расходами денег	3	1	—	2	—
Тайная	7 ^{12*}	—	—	7	—
Ямская ^{13*}	6	1	2	3	—
Приказы					
Сибирский	15	1	6	8	—
Судный	22	1	5	16	—
Сыскной	13	1	4	8	—
Другие учреждения					
Академия наук	38 ^{14*}	1	6	31	—
Главная соляная контора	9	1	3	5	—
Дворянский банк ^{15*}	5	1	—	4	—

Таблица 1 (продолжение)

Учреждения	Всего чиновников	В том числе по разрядам			
		I	II	III	IV
Кадетский корпус ^{16*}	3	1	1	1	—
Канцелярия казенных винокуренных заводов	11	—	2	9	—
Корчменная контора	11	1	3	7	—
Итого в центральном управлении	901	73	180	648	—
<i>Местные органы центральных учреждений</i>					
Астраханская рыбная контора	4	—	2	2	—
Боровицких порогов канцелярия судовых дел	4	—	1	3	—
Главное правление сибирских и казанских заводов	42	1	7	34	—
Канцелярия Большого Ладожского канала	5	—	—	5	—
Канцелярия Олонецких Петровских заводов	3	—	1	2	—
Канцелярии соляных комиссарств и контор ^{17*}	20	1	9	10	—
Московский и Петербургский почтамты	8	—	2	6	—
Оружейная канцелярия при Тульских заводах ^{18*}	22	2	2	18	—
Починковская поташная контора	3	—	1	2	—
Таможня ^{19*}	17	—	2	15	—
Управители казенных фабрик и заводов ^{20*}	17	—	3	14	—
Итого в местных органах	145	4	30	111	—
<i>Местное управление</i>					
Губернские канцелярии	621	37	33	102	449
Провинциальные воеводские канцелярии	1020	—	72	92	856
Уездные воеводские канцелярии	2196	—	173	—	2023
Городовые полицмейстерские канцелярии	23	—	—	23	—
Духовные консистории ^{21*}	33	—	—	33	—
Канцелярии по сбору подушных денег	163	—	39	124	—
Московский городской магистрат	19	—	—	19	—
Итого в местном управлении	4075	37	317	393	3328**
Всего в государственных учреждениях	5121	114	527	1152	3328
В том числе в государственных учреждениях чиновников в офицерских чинах	1793	114	527	1152	—

Таблица 1 (окончание)

Учреждения	Всего чиновников	В том числе по разрядам			
		I	II	III	IV
<i>Дворцовые учреждения</i>					
<i>Центральное управление</i>					
Кабинет е.и.в.	3	1	1	1	—
Придворный штат ^{23*}	22	22	—	—	—
Главная дворцовая канцелярия ^{24*}	84	21	10	73	—
Дворцовая конюшенная канцелярия	49	1	11	37	—
Камер-цалмейстерская контора	3	—	1	2	—
Мастерская и Оружейная палата	5	1	1	3	—
Обер-егермейстерская канцелярия	15	2	1	12	—
Петербургская и Московская гоф-интендантские конторы	14	1	2	11	—
Собственная е.и.в. Вотчинная канцелярия	15	2	—	13	—
Итого	210	31	27	152	—
<i>Местное управление</i>					
Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства ^{25*}	13	—	2	11	—
Управители дворцовых волостей и сел ^{26*}	18	—	6	12	—
Управители собственных императорских волостей и сел	17	—	—	17	—
Итого	48	—	8	40	—
Всего в дворцовых учреждениях	258	31	35	192	—
Всего в государственных и дворцовых учреждениях	5379	145	562	1344	3328

^{1*} Для составления табл. 1 (а также последующих табл. 3—5, 7—10) использованы «сказки» чиновников государственных и дворцовых учреждений России (ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 1—3; Герольдмейстерская контора, кн. 418, 419, 424, ч. 1—2; кн. 439, 446).

^{2*} В том числе в Герольдмейстерской конторе — 8 чел., Рехетмейстерской — 6, Главной межевой канцелярии — 2, Комиссии по составлению нового уложения — 1 (в ее составе были чиновники, числившиеся в штатах других учреждений). У нас не было данных по Раскольнической и Печатной конторам и типографии Сената, а также по его конторе в Москве. Этот недоучет был небольшим, ибо в Раскольнической конторе было всего 9 чел., включая канцелярских служащих (ПСЗ, т. X, № 7821), а в Московской конторе

Сената в 20—50-х годах XVIII в. находились один сенатор и два ассессора (ПСЗ, т. VI, № 3887; А. *Титаренко*, Сенатская контора в Москве. Седлец, 1912; ЦГАДА, Госархив, X р., оп. 3, д. 397, л. 1 и об.).

^{3*} В середине 50-х годов XVIII в. в России было 10—12 сенаторов.

^{4*} Отсутствуют сведения о членах Синода.
^{5*} Это данные о численности чиновников в Адмиралтейской конторе в Москве, а также в обер-сарваерской, партикулярной верфи, генерал-кригс-комиссарийской, контролерской, провиантской, Кронштадтской, Ревельской и казначейской конторах и мундирной экспедиции, что составляло около 60—70% всего штата коллегии. Мы не имеем «сказок» президента и вице-президента коллегии. Нет данных по пяти конторам: над верфями и строениями, над портом Галерной гавани, Липецких

- заводов, Архангельского и Астраханского портов, а также по Казанскому и Тавровскому адмиралтействам, Экипажской, Артиллерийской и Академической экспедициям и Морскому госпиталю (ср. штат и структуру коллегии за 1737 г. — ПСЗ, т. XL, ч. 1, № 6273; ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 203, лл. 158—377 об.).
- Сведения неполные, нет «сказок» президента, вице-президента и некоторых членов присутствия коллегии, многие из которых одновременно командовали армиями и корпусами и там получали жалованье. В середине 50-х годов членами присутствия были сенатор командующий армией А. Б. Бутурлин, начальник Главного комиссариата С. Ф. Апраксин, принц фон Гольштейн-Бек, оберштаймейстер П. С. Сумароков, начальник Канцелярии от строений В. В. Фермор, обер-комендант Петербургского гарнизона князь Ф. Мещерский, генералы П. В. Измайлов, И. Козлов, И. Гампф, В. И. Суворов, грузинский царевич Георгий (ЦГВИА, ф. 490, Офицерские сказки, оп. 1, л. 623, лл. 1—4 об., 10; ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 440, лл. 714—715). «Сказки» Мещерского и Сумарокова сохранились, последний учтен нами в штате Дворцовой конюшенной канцелярии, ибо он был в 1755 г. обер-штаймейстером великого князя Петра Федоровича и там получал жалованье.
- * Учены также «сказки» чиновников в офицерских рангах, служивших за границей (в Берлине, Варшаве, Вене, Гааге, Гданьске, Дрездене, Константинополе, Копенгагене, Лондоне, Париже, Стокгольме, а также в Иране).
- В том числе пять чиновников Камер-конторы лифляндских и эс-ляндских дел, являвшейся частью Камер-коллегии.
- Нет сведений о трех секретарях Юстиц-коллегии, находившихся под следствием (ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 1, л. 400 об.).
- 10•• Эту коллегию возглавлял по совместительству вице-президент Юстиц-коллегии Ф. И. Эмме, учтенный в ее штате.
- 11•• В том числе 14 архитекторов, их помощников и учеников, два художника, три «мастера садовых дел», один — «кабинетного дела».
- 12•• Нет «сказки» начальника канцелярии графа А. И. Шувалова.
- 13•• Отсутствуют «сказки» 45 офицеров, числившихся в канцелярии «при ямских делах», но во время переписи находившихся в отпуску, командированных, под счетом и следствием и т. д. (см. их роспись — ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 572—576 об.).
- 14•• В том числе 13 академиков и профессоров.
- 15•• 13 мая 1754 г. был издан указ об учреждении Государственного коммерческого банка, возглавлявшегося президентом Коммерц-коллегии (ПСЗ, т. XIV, № 10235). В материалах переписи отсутствуют «сказки» чиновников банка; видимо, он был укомплектован служащими позже.
- 16•• Учены только штатские чиновники канцелярии Кадетского корпуса. Отсутствуют сведения о преподавателях и воспитателях из числа обер- и unter-офицеров Военной коллегии.
- 17•• В том числе контор: по низовым городам, Нижегородской, Петербургской, Бахмутских соляных заводов, а также Архангелогородской, Иркутской, Мензелинского, Пермского, Поморского (в г. Олонце), Псковского, Сибирского и Старорусского комиссарств.
- 18•• Ведала казенными Тульскими и Сестрорецкими оружейными заводами, подчинявшаяся Военной коллегии (ПСЗ, т. XII, № 8979).
- 19•• Учены чиновники Архангелогородской (1), Нарвской (1), Петербургской (5), Рижской (1), Темерниковской (1) портовых и Белгородской (1), Верхотурской (2), Оренбургской (2), Троицкой (3) пограничных таможен. Нет «сказок» 10 чиновников: директоров и инспекторов Белгородской, Васильковской, Великолукской, Добренской, Злынской, Псковской, Смоленской, Торопецкой пограничных и Астраханской и Рижской портовых таможен (ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 1, л. 214 об.).
- 20•• Учены «сказки» управителей Военного рудника (1), Кончезерских медных заводов (2), Путивльской и Рязской суконных фабрик (4), Красносельской бумажной мельницы (1) и Куваевских, Кубнинского, Сосновского, Кандалинского, Пензенского и Штырменского винокуренных заводов. По другим казенным фабрикам и заводам сведений нет.
- 21•• Учены 27 «сказок» секретарей духовных консисторий 24 епархий (в восьми епархиях — Архангельской, Астраханской, Владимирской, Иркутской, Коломенской, Псковской, Смоленской, Тобольской — духовные консистории возглавлялись лицами, не имевшими офицерских рангов), а также секретарей и коллежских регистраторов Казанской новорещенской конторы (1), Новгородского и Суздальского архиепископских казенных приказов (2), Рязанской и Тверской эконолических кафедр (2) и Московского Вознесенского девичьего монастыря (1).
- 22•• В ведомости Герольдмейстерской конторы, составленной в 1755 г., указана другая цифра канцелярских служителей в губернских провинциальных и уездных воеводских канцеляриях — 2963 чиновника, что меньше на 465 чел. (ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 446, лл. 137—193). Это расхождение объясняется тем, что мы использовали ведомости многих канцелярий, поступившие после составления конторой сводной ведомости и содержащие в ряде случаев данные о штатах крепостных контор, канцелярий по сбору подушных денег и других местных учреждений. Когда в использованных нами источниках отсутствовали данные о количестве канцеляристов в отдельных городах, мы заимствовали эти сведения из итоговой ведомости Герольдмейстерской конторы 1755 г.
- 23•• Включены все лица, начиная с камерюнкера, служившие при дворах Елизаветы Петровны, великого князя Петра Федоровича и его жены, но не имевшие должностей в государственном или дворцовом управлении. Эти придворные чины соответствовали генеральским рангам (см. указ от 6 февраля 1742 г. «О бытии камер-юнкерам

в чине бригадирском». — ПСЗ, т. XI, № 8510); мы отнесли их к высшему разряду чиновничества.

24* Нет «сказки» начальника канцелярии.

25* Кольвано-Воскресенские горные заводы перешли в ведение Кабинета в 1747 г. (ПСЗ, т. XII, № 9403).

26* В конце 30—50-х годов XVIII в. Главная дворцовая канцелярия имела на местах 58 управительств, большая часть которых возглавлялась бывшими

дворцовыми слугами и приказными людьми из числа выслужившихся крепостных (в 1737 г. — 39 управителей из 58), а также отставными офицерами (Е. И. Индога. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М., 1964, 296, 302). Следовательно, переписью учтена лишь треть управителей, имевших офицерские чины.

и резиденты, действительные тайные и статские советники, а также высшие чины из придворного штата, включая камер-юнкеров. Их должности входили в первые пять классов Табели о рангах и были приравнены к рангам генералитета, от бригадира до генерал-фельдмаршала включительно.

Во втором разряде мы объединили главным образом обладателей 6—8-го рангов: членов присутствий центральных учреждений и губернских канцелярий (советников коллегий, канцелярий надворных советников, прокуроров, обер-секретарей Сената, Военной, Адмиралтейской, Иностранной коллегий, секретарей Сената, ассессоров и находившихся на штатской службе армейских офицеров от секунд-майора до полковника включительно). К этой же группе отнесены воеводы провинциальных и уездных городов и их товарищи, а также чиновники прибалтийских провинций, имевшие обер-офицерские ранги от майора и выше.

Третий разряд обнимает верхний слой чиновников канцелярий, имевших обер-офицерские ранги до капитана включительно (9—14-й классы): секретарей коллегий, контор, посольств, губернских и провинциальных канцелярий, духовных консисторий, а также архивариусов, протоколистов, бухгалтеров, титулярных советников, комиссаров, коллежских регистраторов, переводчиков, коллегий-юнкеров, студентов Иностранной коллегии, профессоров Академии наук, служащих горного ведомства.

В четвертом разряде помещены канцеляристы, чьи должности не вошли в Табелю о рангах: подьячие с приписью уездных воеводских канцелярий, канцеляристы, подканцеляристы, писцы, копиисты, писчики, писари.

За основу распределения чиновников по разрядам мы приняли распределение их должностей по классам в Табели о рангах. Следует оговорить известную условность такого деления, ибо грани между чиновниками отдельных классов были подвижны: по мере выслуги и освобождения вакансий отдельные лица перемещались в более высокие классы, что при продолжении службы давало им повышение в должности.

Табель о рангах установила строгую иерархию и соподчиненность учреждений и должностей, но обладатели одних и тех же чинов и рангов часто имели весьма существенные различия в компетенции, объеме реальной власти, размерах жалованья. Мы включили «по должности» всех воевод и их товарищей во II разряд чиновников, хотя уездные воеводы, имевшие обычно более низкие ранги

(капитан, поручик, прапорщик, титулярный советник), по многим вопросам своей деятельности подчинялись провинциальной администрации. Но в уезде воевода был полновластным хозяином.

Отсутствие данных о численности канцеляристов центральных учреждений и их местных органов затрудняет установление общей численности чиновничества в России в середине XVIII в., хотя, как правильно отмечено в литературе, рост численности штата «канцелярий» был одним из важнейших признаков бюрократизации аппарата управления абсолютной монархии⁵⁷.

Чтобы определить, каково было соотношение чиновников в офицерских рангах и не имевших таковых, воспользуемся данными 30-х годов. В конце 1737— начале 1738 г. все учреждения должны были представить Сенату списки секретарей и канцеляристов. Это распоряжение было связано с проводимой правительством в 1737 г. переписью канцелярских служащих. Часть этих списков по центральным учреждениям сохранилась и использована для составления табл. 2. Данные о количестве чиновников в офицерских рангах извлечены из ведомостей центральных учреждений, подававшихся Сенату в конце 1740 г. после дворцового переворота, устранившего от власти герцога Бирона.

При знакомстве с данными табл. 2 бросается в глаза большая пестрота в соотношении чиновников в офицерских рангах и канцеляристов по отдельным учреждениям. В среднем по 16 центральным учреждениям канцеляристы превосходили по численности остальных чиновников в 3,7 раза. В табл. 2 учтена большая часть важнейших учреждений России — Синод и 9 коллегий. Это дает нам право с некоторыми оговорками распространить установленное нами соотношение чиновников в офицерских рангах и канцеляристов и на остальные учреждения. Учитывая большие колебания в численности канцеляристов по отдельным учреждениям, мы во избежание завышения их количества будем считать, что это соотношение было равно 1:3,5. Исходя из таких расчетов, можно полагать, что в середине 50-х годов численность канцеляристов в центральных учреждениях и их местных органах составляла 3700—3800 чел. и около 900—1000 — в дворцовом управлении, итого 4600—4800 чел., а вместе со служащими местных учреждений 8500—9000 чел.

Таким образом, численность всех разрядов чиновников в учетных нами государственных учреждениях (центральных и местных) составляла 9000—9500 чел., а вместе со служащими дворцового ведомства — 10 200—10 700 чел. Если принять во внимание, что недоучет чиновников центральных и местных государственных учреждений был сравнительно невелик и в целом, видимо, составлял немногим более 10%, то всего в России в середине 50-х годов XVIII в. их было примерно 11,5—12,5 тыс. Для сравнения напомним

⁵⁷ В. К. Ржевский. Взгляд на теорию бюрократической администрации.— «Русский вестник», 1860, октябрь, кн. 2, стр. 776.

Таблица 2

Соотношение чиновников в офицерских рангах и канцеляристов в 1740 г. ^{1*}

Учреждения	Число чиновников		Во сколько раз больше канцеляристов
	в офицерских рангах	канцеляристов	
Синод	22 ^{2*}	41	2
Коллегии			
Адмиралтейская	48	196	4
Военная	43	217	5
Вотчинная контора	2	17	8,5
Генерал-берг-директориум	4	11	2,8
Иностранных дел	33 ^{3*}	25	—
Камер-контора	3	25	8
Коммерц	16	34	2
Ревизион	15	40	3,7
Штатс-контора	9	29	3,2
Юстиц ^{4*}	5	23	4,5
Канцелярии и конторы			
Академии наук	7 ^{5*}	17	2,5
Артиллерии и фортификации	17	51	3
Главная полицмейстерская	8	34	3,5
Конфискации	8	44	5,5
От строений	13 ^{6*}	91	7
Ямская	3	12	4
Итого	254	941	3,7

^{1*} В табл. 2 использован составленный в 1740 г. в Сенате для Кабинета министров «Список о судьях и членах и прокурорах в коллегиях, канцеляриях и в прочих местах» (ИГАДА, Сенат, кн. 1155, лл. 542—547), содержащий перечень высших и средних чиновников центральных учреждений, включая ассессоров. Отсутствующие в нем данные о чиновниках «канцелярий» этих учреждений в офицерских рангах (секретари, архивариусы, протоколисты, бухгалтеры, регистраторы, комиссары) извлечены из списков «канцелярских» служителей, подававшихся централь-

ными учреждениями в конце 1737—1738 г. Оттуда же взяты сведения о количестве канцеляристов, подканцеляристов, копистов и писцов (ИГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 203).

^{2*} Данные за 1755 г.

^{3*} Президент Иностранной коллегии Миних, являвшийся одновременно президентом Военной коллегии, учтен выше.

^{4*} Без данных по Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел.

^{5*} Не учтены члены Академии наук и профессора.

^{6*} Не учтены архитекторы, мастера садовых дел, их помощники и ученики.

ним, что после издания штатов учреждений в 1763 г., численность чиновников всех разрядов составила 16,5 тыс. чел.

Несмотря на неполноту источников, мы имеем достаточно представительные данные о численности и составе так называемых классовых чиновников (свыше 90% общего числа), занимавших

важнейшие посты в центральном, местном и дворцовом управлении. Перепись также весьма полно учла канцеляристов в местном управлении (примерно 75—80% общего числа).

При сравнении с табл. 1 бросается в глаза чрезвычайная пестрота в распределении чиновников различных разрядов по учреждениям и ведомствам. Чтобы нагляднее представить соотношение чиновников разных разрядов сделаем выборку из табл. 1 и определим удельный вес чиновников каждого разряда в центральном и местном управлении (табл. 3). Канцеляристы примерно в 3,5 раза превосходили лиц, имевших офицерские ранги, и на их долю приходилось около 65—70% всех чиновников. В местных учреждениях доля канцеляристов (IV разряд) была еще выше — 81,7%. Среди всех ученных чиновников они составили 61,9%.

Вторую по численности и по удельному весу категорию составляли чиновники III разряда: на их долю приходилось 1344 чел. (25% всех ученных чиновников). Поскольку мы не имеем данных о канцеляристах в центральных и дворцовых учреждениях и их местных органах, то эта цифра явно занижает удельный вес чиновников, включенных в III разряд. Среди лиц, имевших офицерские ранги, на долю чиновников III разряда приходилось 1344 чел. (65,5%). Столь высокий удельный вес этой категории чиновников был также связан с ростом бюрократизации всего аппарата управления монархии и усложнением его функций.

Членов присутствий центральных и губернских учреждений, а также воевод насчитывалось 562 чел., или 27,4% чиновников в офицерских рангах. Из их среды в основном рекрутировалась немногочисленная верхушка бюрократии империи: президенты и вице-президенты коллегий, начальники контор, судьи приказов.

Верхушка российской бюрократии, среди которой преобладали крупнейшие сановники, составляла весьма немногочисленную группу — 145 чел. (7,1%) всех чиновников в офицерских рангах. На самом деле ее удельный вес, если исходить из общей численности чиновников и местного управления, был еще ниже — 2,7%.

Эти расчеты, несмотря на некоторую условность, свидетельствуют об огромной концентрации власти в руках немногих представителей сановной бюрократии. Круг этих лиц станет еще уже, если мы вспомним, что в изучаемое время XVIII в. вся полнота законодательной, исполнительной власти была у Сената, в состав которого входило около десятка сенаторов, а руководители таких учреждений, как Главный магистрат, Канцелярии от строений и сбора оставшихся за указными расходами денег, Ямская, Корчменная конторы, Академия наук, Шляхетский корпус и некоторые другие, хотя и имели высокие ранги и должности, во всей своей деятельности подчинялись Сенату и не играли никакой самостоятельной роли в управлении.

В целом чиновничество Российской империи можно представить в виде пирамиды, широкое основание которой составляли канцелярские служители в офицерских рангах и канцеляристы без

Таблица 3

Удельный вес различных разрядов чиновников России в 1755 г.

Учреждения	Всего учтено	В том числе по разрядам			
		I	II	III	IV
<i>Государственные</i>					
Центральное управление	901	73	180	648	Нет сведений
%	100	8,1	20	71,9	—
Местные органы центральных учреждений	145	4	30	111	То же
%	100	2,7	20,7	76,6	—
Местное управление	4075	37	317	393	3328
%	100	0,9	7,8	9,6	81,7
Итого	5121	114	527	1152	3328
%	100	2,2	10,3	22,5	65
Итого (без канцеляристов)	1793	114	527	1152	—
%	100	6,4	29,4	64,2	—
<i>Дворцовые</i>					
Центральные	210	31	27	152	Нет сведений
Местные	48	—	8	40	То же
Итого	258	31	35	192	—
%	100	12	13,6	74,4	—
Всего в государственных и дворцовых	5379	145	562	1344	3328
%	100	2,7	10,4	25	61,9
Всего в государственных и дворцовых (без канцеляристов)	2051	145	562	1344	—
%	100	7,1	27,4	65,5	—

табельных чинов. Над ними возвышался сравнительно немногочисленный слой членов разного рода «присутствий», составлявший костяк чиновничества. На верху пирамиды был весьма тонкий слой сановной бюрократии во главе с монархом, обладавшим всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти.

Возникает вопрос: как менялась численность отдельных разрядов чиновников в изучаемое время? Сопоставление итогов переписи чиновников 1754—1756 г. с данными, содержащимися в труде обер-секретаря Сената И. К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства», дает интересный материал для выяснения изменений в структуре бюрократии. И. К. Кирилов использовал в своей книге официальные сведения о количестве чиновников в центральных и местных учреждениях в России на 1726 г. Для сравнения возьмем данные о численности чиновников в офицерских рангах в центральных учреждениях Российской империи в 1726 и 1755 гг., ибо сеть местных органов была сильно сокращена в 1727—1728 гг.⁵⁸

Всего в центральных учреждениях России в 1726 г. было 418 чиновников, чьи должности были включены в Табель о рангах. К 1755 г. их численность возросла до 901 чел., т. е. более чем в 2 раза. По отдельным разрядам численность чиновников изменялась следующим образом: если в 1726 г. было 59 чел. в первом разряде, то в 1755 г. насчитывался 71 чел. Соответственно возросла численность чиновников второго (103 и 180) и третьего (256 и 648) разрядов. Особенно сильно выросла численность верхнего слоя канцелярских служащих (секретари всех рангов, актуариусы, регистраторы, протоколисты, переводчики). Несмотря на некоторую условность сопоставления, приведенные цифры верно отражают основную тенденцию в изменении структуры бюрократии, заключающуюся в увеличении низших разрядов чиновников. Это было связано с ростом аппарата управления абсолютной монархии и его дальнейшей бюрократизацией, что, в частности, проявлялось в расширении состава канцелярий.

3. Социальный состав бюрократии

Мы определили состав и численность отдельных разрядов чиновников. Теперь попытаемся выяснить социальный состав бюрократии, чтобы конкретнее представить источники ее комплектования. Сразу же следует заметить, что при изучении этого вопроса встречаются большие трудности, ибо при проведении переписи чиновников в офицерских рангах от них не требовали сведений о социальном происхождении. Чиновники 1—8-го классов были потомственными дворянами от рождения или становились таковыми,

⁵⁸ Для подсчетов за 1726 г. взяты данные о численности чиновников по разрядам в Верховном Тайном совете, Сенате, Синоде, коллегиях, канцеляриях, находившихся в Петербурге и Москве. В общую цифру чиновников для сопоставимости с данными 1755 г. мы включили профессоров Академии наук. По Иностранной коллегии отсутствуют сведения о штатах граничных посольств (И. К. Кирилов. Цветущее состояние Всероссийского государства, кн. 1. М., 1831, стр. 1—10, 18, 82—85). Данные о численности чиновников в 1755 г. взяты из табл. 3.

получив ассессорский чин. Лица, имевшие должности, включенные в 14—9-е классы Табели о рангах, были личными дворянами, независимо от происхождения. Чиновники этой категории на законном основании считали себя кандидатами в потомственные дворяне. Точно так же смотрела на них и абсолютная монархия. Поэтому 1214 чел. (58,2%) чиновников этой категории обошли молчанием вопрос о своем социальном происхождении (табл. 4).

Несколько иначе обстояло дело при переписи канцеляристов местных учреждений, которых правительство в первой половине

Таблица 4

Соотношение чиновников, указавших данные о социальном составе и не сообщивших таких сведений, в 1755 г.

Категория чиновников	Всего учтено	Указали социальное происхождение	В том числе		Из указали происхождения чин	В том числе установлено социальное происхождение	
			дворян	недворян		недворян	дворян
В офицерских рангах	2051	837	610	227	1214	792	422
%	100	40,8	30,7	10,1	59,2	—	—
Канцеляристы	3328	3328	138	3200	—	—	—
%	100	100	—	—	—	—	—
Всего	5379	4165	738	3427	1214	792	422
%	100	77,5	—	—	22,5	—	—

XVIII в. пыталось превратить в замкнутую сословную группу общества и закрыть в нее доступ выходцам из податных сословий. Поэтому все 3328 чиновников этой категории указали свое социальное происхождение: служившие канцеляристами дворяне стремились подчеркнуть свою причастность к привилегированному сословию феодалов, остальные чиновники хотели отмежеваться от податного населения России.

В итоге из 5379 чел., учтенных во время переписи 1754—1756 гг., сведения о социальном происхождении сообщили 4165 чиновников (77,5%).

Главный водораздел в социально-политической жизни России в изучаемое время проходил между «благородными», или дворянами, и основной массой населения страны, которая, в свою очередь, подразделялась на лиц, плативших налоги и несущих повинности государству или феодалам (различные разряды крестьян, посадские люди, купцы), и людей, освобожденных от государственного тягла и уплаты частновладельческих сборов (приказные люди, отставные солдаты, дети личных дворян и т. п.). Последняя катего-

рия населения России называлась в XVIII в. несколько неопределенным термином «разночинцы»⁵⁹.

Какую же часть чиновничества России составляло потомственное дворянство?

Из табл. 4 видно, что 738 чел. указали в «сказках», что они происходят родом из дворян. Прежде всего возникает вопрос: можно ли основываться на данных «сказок» в тех случаях, когда чиновники прямо указали, что они являются дворянами? Нам представляется, что в целом на него нужно дать положительный ответ, хотя и не следует абсолютизировать степень точности официальных документов. По Табели о рангах (§ 16), Герольдмейстерская контора была обязана следить за тем, чтобы представители социальных низов не называли себя дворянами и не пользовались привилегиями «благородного» сословия. Поэтому во время смотров дворян, намечая кандидатов на должности в государственном управлении или в армии, контора тщательно проверяла их социальное происхождение.

Какими же критериями руководствовалось правительство, определяя принадлежность человека к «благородному» сословию? Как можно судить на основании изучения делопроизводственных материалов Сената и Герольдмейстерской конторы, ведавших учетом и назначением на службу феодалов, таких критериев было два: родство с представителями отдельных разрядов служилых людей по отечеству, а также получение дворянства за военную или гражданскую службу государству, что было закреплено Табелью о рангах. Списки лиц, претендовавших на получение дворянства за службу, утверждались верховной властью по представлении Сенатом⁶⁰. За давностью лет и гибелью архивов, подтверждающих принадлежность человека к разряду служилых людей по отечеству, постоянно возникали споры, кого считать потомственными дворянами. 30 сентября 1758 г. правительство приказало относить к этому разряду тех лиц, которые могут подтвердить документами, что их предки служили городскими дворянами и детьми боярскими и их фамилии записаны в десяти⁶¹. В мае 1761 г. это распоряжение было дополнено указанием о том, чтобы Герольдмейстерская контора вносила в дворянские списки лишь тех людей, «чь предки поместными оклады верстаны и отчинами жалованы, но что от роду их явное доказательство и свидетельство имеется»⁶². Этими же критериями следовало руководствоваться Герольдии и при составлении новой родословной книги дворян⁶³.

⁵⁹ Г. Н. Вульфсон. Понятие «разночинец» в XVIII — первой половине XIX в. — «Очерки истории народов Поволжья и Приуралья», вып. 1. Казань, 1967, стр. 107—124.

⁶⁰ Архив ЛОИИ, ф. 115, кн. 195, л. 6.

⁶¹ Там же, л. 5 об.

⁶² Там же, л. 6.

⁶³ ПСЗ, т. XV, № 11340.

Поскольку при записи в дворянские списки часто возникали конфликты, так как многие лица не всегда могли подкрепить документами свою причастность к тому или иному роду служилых людей по отчеству, правительство приказало не только представлять разного рода справки и выписки из документов архива Разрядного приказа, но и приносить «за руками из фамилий его сказки, их ли он роду и как близок в родстве». Если у человека не было в живых родственников, «то брать ему у прочих знатных особ, обретающихся в службе, свидетельства, той ли он фамилии». В ноябре 1765 г. Сенат приказал Герольдии тщательно проверять сообщаемые дворянами сведения об их происхождении, для чего следовало посылать запросы в архивы учреждений тех городов, где в XVII—XVIII вв. служили предки человека, добывающегося внесения его фамилии в дворянский список⁶⁴.

В целом усиление требований при записи в дворянский список было связано с желанием правящего класса обособиться от других сословий и групп, закрыть в свои ряды доступ разночинцам. Приведем конкретные данные о том, как осуществлялись разбор дворянских недорослей в Сенате и Герольдмейстерской конторе и проверка их социального происхождения. В 1755 г. на смотр в Сенат явился И. Неверов (20 лет, владелец 10 душ крестьян в Алаторском уезде), заявивший, что он «из дворян», так как прадед его был дворянином в Алатырском уезде. После проверки данных его «сказки» Герольдмейстерской конторой выяснилось, что «фамилии Неверовых и одного недоросля прадеда, деда и отца имен не значатца» в дворянских списках. «Да по справке с Розрядным архивом, чтоб предки ево были из дворян, не явилось. И оной недоросль о дворянстве своем никакова доказательства не имеет»⁶⁵.

Г. Ягнетев, М. Сухонин, И. Гамов, А. Кривской и П. Кропотов заявили на смотре, что они являются детьми дворян. В результате основательной проверки их показаний выяснилось: «По справке-де с родословною книгою и с поданными прошлых лет разных фамилий родословными росписями вышписанных фамилий нет и по спискам в Герольдмейстерской конторе 721-го, 722-го и 723-го годов прадедов, дедов и отцов их имен не сыскано, и оные Ягнетев, Гамов и Кропотов о дворянстве своем не доказали. А о Сухонине и Кривском о дворянстве же их собираются справки»⁶⁶. По той же причине было отказано в признании их дворянами С. Менделееву, И. и Е. Овцыным и другим. При этом выяснилось, что некоторые претенденты на дворянство вели свое происхождение от приборных людей. Так, С. Менделеев писал, что его дед числился жильцом, т. е. был служилым человеком по отчеству. Однако Разрядный архив дал справку, из которой следовало, что дед Менделеева «явился в рейтарех городовых с неверстанными», а следовательно,

⁶⁴ Архив ЛОИИ, ф. 115, кн. 195, л. 7.

⁶⁵ ЦГАДА, Сенат, кн. 6404, л. 270 и об.

⁶⁶ Там же, л. 273 и об.

не был служилым человеком по отечеству. На этом же основании было отказано в признании его дворянства и П. Тулубьеву⁶⁷.

Не удалось обосновать свою принадлежность к шляхетству и сыну отставного счетчика Зубцовского уезда А. Болкошину, утверждавшему, что его прадед был из дворян, а дед служил капитаном в лейб-гвардии Семеновском полку. Незадачливого самозванца быстро изобличили во лжи, так как имя его деда не встречалось в родословной книге, родословных росписях и списках дворян, составленных Герольдмейстерской конторой в 1721—1723 гг. Когда же Болкошин заявил, что не знает, «в которых годах оной дед жалован был обер-офицерскими чинами и даны ль были ему патенты», то это тоже не подтвердилось: «И о жалованной грамоте той фамилии известия не имеетца, и оной недоросль о дворянства своем в силу Табели о рангах 16-го пункта не доказал и по справкам, чтоб предки ево были из дворян, не оказалось, також и о деле ево справкою лейб-гвардии Преображенского полку из полковой канцелярии показано, что в том полку имени ево ни в каких чинах не состояло»⁶⁸.

При выяснении социального происхождения Г. В. Рыкачева, служившего солдатом в гвардейском Семеновском полку, полковая Канцелярия получила через Герольдмейстерскую контору из Разрядного архива данные о том, что пращур, прадед и дед Рыкачева были городскими дворянами и упоминались в Вяземской десятне 1634 г., списках дворян 1649 и 1700 гг.⁶⁹

Описанные нами случаи интересны тем, что они дают конкретное представление об основных видах документов, подтверждающих дворянское происхождение человека: это составленная в 80-х годах XVII в. в Разрядном приказе родословная книга дворянских родов, известная также под названием Бархатной книги⁷⁰, родословные росписи, подававшиеся в приказ для ее составления отдельными лицами, списки дворян по разрядам, или чинам, во время общегосударственного смотра служилых людей в 1721—1723 гг.⁷¹, а также текущие архивы гражданских и военных учреждений XVIII в. Однако этими видами не исчерпывается перечень документов, подтверждающих принадлежность человека к дворянству. В некоторых случаях для этой цели использовалось упоминание имен предков в десятных, жилецких списках и т. д.

В работах Н. П. Лихачева и С. Б. Веселовского показаны основные недостатки дворянских родословцев, подававшихся в 80-х годах XVII в. в Палату родословных дел Разрядного приказа после

⁶⁷ ЦГАДА, Сенат, кн. 6404, лл. 274—274 об., 277.

⁶⁸ Там же, л. 283 и об.

⁶⁹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 513, лл. 1—2 об.

⁷⁰ Опубликована Н. И. Новиковым под названием «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих...» (ч. I—II. М., 1787).

⁷¹ Во время смотра 1721—1723 гг. составлялись списки стольников, стряпчих, дворян, жупльцов, рейтар, драгун, воевод, дьяков, подьячих и других чпнов (ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 2—9, 13—20, 22—53 и др.; Сенат, кн. 7302—7304, 8104—8106 и др.).

отмены местничества в связи с работой по составлению Бархатной книги. В основу Бархатной книги были положены древнейшие княжеские, боярские и дворянские фамилии, упомянутые в Государевом родословце 1555 г. Данные Государева родословца дополнялись сведениями из росписей о судьбе последующих поколений того или иного рода почти за 130 лет. Данные дворянских росписей должен был проверять Разрядный приказ, однако он не смог выполнить эту работу. В результате родословные росписи, составлявшиеся задним числом, когда многие данные по истории членов рода были утрачены, изобиловали ошибками: невозможное количество поколений, утрата боковых родственников, произвольное соединение в цепь людей лишь по именам и отчествам, пропуск имен, фальсификация сведений, в особенности появление большого количества «выезжнх» родов и т. п.⁷²

Учитывая это обстоятельство, вероятно, в отдельных случаях Герольдмейстерская контора отказывала некоторым лицам в признании их дворянами без достаточных оснований. Это, в свою очередь, порождало бесконечные споры. Достаточно вспомнить многочисленные дела о признании дворянами части бывших мелких служилых людей, записанных в однодворцы.

Мы не имеем реальной возможности перепроверить по источникам несколько сот «сказок». Отмеченное обстоятельство несколько влияет на точность наших расчетов, однако имеющиеся в источниках сведения дают в целом массовый и достаточно надежный материал для изучения основных тенденций в процессе формирования бюрократии.

Проводя смотры и разборы чиновников, правительство постоянно уточняло их происхождение. Так, когда в 1740 г. во время смотра чиновников центральных учреждений после дворцового переворота, устранившего от власти герцога Бирона, ассессор Камер-коллегии В. Неронов написал, что он «родом из дворян», то против его фамилии была сделана помета: «А по справке в Герольдии не сыскано, токмо был подьячим»⁷³. И во время переписи 1754—1756 гг. Герольдмейстерская контора и администрация отдельных учреждений занимались проверкой принадлежности чиновников к дворянскому сословию. Например, когда цейхвартер канцелярии казенных Сестрорецких заводов Г. Я. Ашио сообщил, что «отец его из иноземцев старых выездов французской нации города Брабанта и из шляхетства», то в Герольдмейстерской конторе на его «сказке» была сделана надпись: «Не из дворян»⁷⁴. Учитывая существовавшую практику проверки сведений о социальном происхождении при повышении в должности, другой чиновник, регистратор Ревизион-коллегии С. Н. Аксенов, написал, что он

⁷² Н. П. Лихачев. Государев родословец и Бархатная книга. СПб., 1900 (отдельный оттиск), стр. 1—14; С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 14—20.

⁷³ ЦГАДА, Сенат, кн. 1155, лл. 554 об.—555.

⁷⁴ Там же, кн. 8122, ч. 3, л. 1127.

ожидает производства в секретари за заслуги по службе и потому «что предки ево были дворяне», видимо, во избежание новой проверки, указал, что о его дворянском происхождении были «учинены справки и сверх того о родстве его взята у него... поколенная роспись»⁷⁵. При сравнительной малочисленности штатов большей части учреждений их администрация и Герольдмейстерская контора могли проверить, есть ли у чиновника юридические основания именовать себя дворянином.

Гораздо сложнее определить принадлежность к дворянству тех лиц, которые не сообщили во время переписи сведений о своем социальном происхождении (422 чел., или 36,3% всех дворян, см. табл.4). Как справедливо заметил Л. М. Савелов, «XVIII век, особенно его 1-я половина, — это самая темная страница в истории дворянства для генеалога. Старое дело все разрушено, нового ничего не создано, и генеалогу приходится по обрывкам собирать сведения о представителях родов, кое-какой материал дают только сказки о службе и дела Герольдмейстерской конторы»⁷⁶.

Начавшийся еще в XVII в. процесс правового обособления основных классов (сословий) России затронул и феодалов. Из его состава, в частности, были исключены низшие слои: служилые люди по прибору, приказные люди и др. В то же время по Табели о рангах был юридически закреплён порядок получения дворянского звания в результате государственной службы выходцами из социальных низов. «С этого времени, — писал Л. М. Савелов, — число дворянских родов быстро увеличивается, на смену древних родов, представители которых благодаря тяжелым условиям службы на окраинах превращались в однодворцев и государственных крестьян, появилась целая масса родов, происходивших от новых деятелей XVIII столетия, в числе которых мы видим царских истопников, конюхов, вспеваальной музыки контористов и вспеваков»⁷⁷.

Естественно, что большинство людей, получивших дворянство за службу, не вели родословных записей, а при составлении губернских родословных книг после издания в 1785 г. жалованной грамоты дворянству многие из них постарались скрыть свое «низкое» происхождение, вообще обходя этот деликатный вопрос при занесении их фамилий в родословную книгу⁷⁸.

Законодательство XVII — первой половины XVIII в. не содержало сколько-нибудь точных юридических определений основных классов (сословий), из которых состояло население феодальной России. В XVIII в. наименование одного из разрядов служилых людей «дворяне» (или «шляхетство») становится названием класса феодалов. Как известно, к числу важнейших привилегий феодала

⁷⁵ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 335 и об.

⁷⁶ Л. М. Савелов. Лекции по русской генеалогии, ч. 1. М., 1908, стр. 86.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ См. многочисленные примеры подобных «умолчаний» о социальном происхождении. — «Родословная книга дворянства Московской губ.», т. 1. М., 1914, стр. 64, 66, 102, 181, 411 и др.

лов относилось право нести службу государю (особенно военную и при его дворе), владеть землей и крестьянами, не платить налогов и не нести повинностей, иметь привилегии в суде. В силу особенностей исторического развития, в частности сохранения в течение длительного времени внешней опасности, служба государству для дворян вплоть до издания манифеста 1762 г. была не только почетной привилегией, но и обязанностью.

Для несения службы государство привлекало не только феодалов, но и представителей других сословий и групп населения России, давая им поместное и денежное жалованье, освобождение от уплаты налогов и другие привилегии. Они составляли в XVII в. низшие слои служилого сословия (приказные люди, служилые люди по прибору). В первой половине XVIII в. многие потомки приборных и приказных людей, несмотря на запретительные указы правительства, продолжали владеть землей и крепостными крестьянами. Часть посадских людей и купцов тоже имели крепостных. Поэтому сам факт владения вотчиной или указание в «сказке» чиновника на «испомещение» его самого или предков в том или ином уезде не может служить достаточным основанием для его идентификации с дворянином. Эта мысль была подчеркнута в указе Сената от 23 мая 1761 г.⁷⁹ В то же время и отсутствие у чиновников земли и крепостных не дает оснований для их зачисления в разряд разночинцев, ибо, как правильно отметила Е. Н. Кушева, «именно с начала XVIII в. возникает тип безземельного дворянина»⁸⁰.

Для решения этого сложного вопроса мы применяли различные приемы, основываясь прежде всего на тех данных, которые имеются в материалах переписи. В ряде случаев «сказки» содержат сведения о родственных связях чиновников по мужской линии, которые дают надежные основания для определения их социального статуса, в том числе принадлежности к дворянству. Так, переводчик Иностранной коллегии П. В. Бакунин не указал социального происхождения, но написал, что является сыном советника канцелярии этой коллегии В. М. Бакунина, который был родом из дворян⁸¹. Точно так же поступили служивший в русском посольстве в Гамбурге Н. В. Борзов, сын бригадира В. С. Борзова, переводчики Иностранной коллегии Н. И. Вешняков (племянник резидента в Турции статского советника А. А. Вешнякова), А. С. Волков (сын прокурора Московской губернской канцелярии), поручик А. С. Шемякин (сын генерал-майора С. В. Шемякина)⁸² и другие чиновники. На основании данных о родственных связях по мужской линии мы отнесли к дворянам 29 чел.

⁷⁹ ПСЗ, т. XV, № 11255.

⁸⁰ «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954, стр. 200.

⁸¹ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 725, 747.

⁸² Там же, лл. 487, 673 и об., 721, 736 и об.; Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 5—6.

Основанием для отнесения человека к разряду дворян могло быть и занятие им определенных должностей в военном, гражданском и дворцовом аппарате. 26 февраля 1714 г. был издан указ, запрещавший производить в офицеры дворян, не служивших солдатами в гвардии⁸³. Начинать службу в армии сразу с офицерских должностей могли, естественно, дети знати или тех дворян, чьи родственники имели связи. Дети знати или императорских фаворитов в знак особой милости жаловались офицерами и унтер-офицерами в армию. Поэтому в тех случаях, когда во время переписи 1754—1756 гг. чиновники сообщали, что начинали свою карьеру с офицерских или унтер-офицерских должностей, мы, не боясь ошибиться, можем считать их дворянами. Так, прокурор Берг-коллегии Г. А. Дубенский поступил в 1725 г. в армию в качестве унтер-офицера. Точно так же начиналась карьера советника Военной коллегии И. К. Петрицева, ассессора Мануфактур-коллегии М. Д. Павлова, главного судьи Сысского приказа Н. С. Безобразова, астраханского губернатора генерал-майора А. С. Жилина⁸⁴ и др. В некоторых случаях принадлежность чиновников к шляхетству легко устанавливалась, ибо они начинали службу в таких полках, куда набирались знатные дворянские недоросли в знак особой милости царя к их родителям. Так, член присутствия Главного комиссариата статский советник С. Я. Косецкий в 1703 г. был зачислен солдатом в выборную дворянскую роту; там же служили «своим коштом» в молодости ассессор Ямской канцелярии Ф. И. Лопухин, товарищ воеводы Исетской провинции Н. А. Аничков⁸⁵ и др. Находившийся при сборе подушных денег в Смоленской губернии подполковник Ф. И. Унковский в 1707 г. был записан солдатом в полк царевича Алексея Петровича. Нижегородский губернатор А. И. Панин был взят в 1708 г. денщиком к царевичу. Прокурора Юстиц-коллегии С. Ф. Кропотова Петр I записал солдатом; обер-полицмейстера бригадира Д. И. Кочетова в 12 лет определили в солдаты к малолетнему царевичу Петру Петровичу, а в 1723 г. назначили пажом императрицы Екатерины I⁸⁶.

Всего на основании данных «сказок» о том, что их владельцы начинали службу в армии офицерами или унтер-офицерами, отнесено к дворянам 62 чел. В эту цифру мы включили члена присутствия Петербургской губернской канцелярии полковника И. Я. Пещурова, который начал служить матросом, но в 1718 г. «по желанию ево отдал он вместо себя в матрозы из людей своих человека, а сам отослан был для определения» в гвардейский Семеновский

⁸³ ПСЗ, т. V, № 2775.

⁸⁴ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 388—388 об., 415; ч. 3, л. 1028 и об.; Герольдмейстерская контора, кн. 419, л. 231; кн. 439, л. 689 и об.

⁸⁵ ЦГАДА, ф. Сената, ч. 3, лл. 1323, 1367; Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 210, 630 об.

⁸⁶ ЦГАДА, ф. Сената, ч. 1, л. 30; ч. 2, лл. 470—471; Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 193, 512; кн. 439, л. 790.

полк⁸⁷, а также 9 человек, которых после нескольких месяцев службы солдатами произвели в офицеры.

Принадлежность к высшим слоям феодального сословия обеспечивала его представителям значительные преимущества при присвоении первичного офицерского звания⁸⁸. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы подтверждают правильность наблюдений М. Д. Рабиновича. Так, судья Канцелярии конфискации, действительный статский советник П. П. Сумароков, в 1711 г. поступил в армию солдатом и в следующем году был произведен в прапорщики, а затем в поручики. Точно так же начиналась карьера начальника Корчемной канцелярии генерал-майора Г. В. Стрелкалова⁸⁹ и др. Наконец, в эту группу мы включили и вице-губернатора Рижской губернии генерал-майора Ф. М. Воейкова, которого в 1718 г., в возрасте 10 лет, родители определили учеником в Коллегию иностранных дел. В 1721 г. его отправили в Вену к русскому послу Ланчинскому изучать языки. Однако карьера дипломата, видимо, не увлекла Воейкова, и в 1731 г. его зачислили сразу капитаном в гвардейский Измайловский полк⁹⁰.

До перехода в гражданские учреждения значительное число чиновников служило в армии, начав свою карьеру в полках гвардии. Хорошо известно, что первые русские гвардейские полки — Преображенский и Семеновский — были в основном укомплектованы дворянами. Петр I неоднократно требовал, чтобы дворянские недоросли начинали военную службу солдатами в гвардии, после чего их разрешалось производить в офицеры. При малочисленности первых гвардейских полков царь хорошо знал всех служивших в ней лиц. Он сам утверждал баллотировочные листы при выборе офицеров в гвардии, которые потом направлялись служить в армейские полки и на высшие должности в гражданском управлении⁹¹. В 1719 г. Петр I учредил лейб-регімент, в который набирали детей дворян⁹².

Однако позже, в период обострения борьбы придворных группировок за власть, классовый дворянский состав гвардии начал несколько меняться. Правительство Анны Ивановны в противовес Преображенскому и Семеновскому полкам создало еще два гвардейских полка — Измайловский и Конный. Офицерами новых полков были назначены не только русские, но и прибалтийские дворяне, а также некоторые иноземцы. Рядовой состав этих полков набирался на Украине, в частности из солдат ландмилиции, среди

⁸⁷ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, л. 348.

⁸⁸ М. Д. Рабинович. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны. — «Россия в период реформ Петра I». М., 1973, стр. 166.

⁸⁹ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 547—549; ч. 3, лл. 969—970.

⁹⁰ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, л. 20.

⁹¹ Н. Глиноецкий. Исторический очерк развития офицерских чинов и система чиновпроизводства в русской армии. — «Военный сборник», 1887, № 4, стр. 269, 270.

⁹² ПСЗ, т. V, № 3370.

которых преобладали однодворцы и другие представители «служилых людей старых служб». Так, из 350 солдат Измайловского полка лишь около 100 чел. были дворянами. С середины 30-х годов XVIII в. часть солдат других гвардейских полков начала комплектоваться путем набора рекрутов из податных сословий (первоначально их удельный вес был незначителен)⁹³.

Учитывая в основном шляхетский характер двух первых гвардейских полков и лейб-регимента, мы относили к числу дворян всех чиновников, начавших до 1731 г. военную службу солдатами гвардии. Солдатами в гвардии начинали службу сенатор И. И. Бахметев, президент Мануфактур-коллегии, архангельский губернатор С. Юрьев, белгородский — П. М. Салтыков, товарищи губернаторов и вице-губернаторы И. И. Костюрин (Киевская губ.), А. И. Карташов (Смоленская губ.)⁹⁴, около 40 воевод и другие чиновники.

Указание на службу в гвардии до 1731 г. помогло идентифицировать 93 дворян. В их число мы включили и восемь чиновников, которых первоначально взяли в полевую армию, а позже перевели в гвардию. Например, числившийся в штате Камер-коллегии «у смотрения богаделен» В. Ф. Третьяков (61 год) с 1720 г. служил драгуном в армии, откуда его в 1725 г. перевели в недавно созданный лейб-регимент. То же самое сообщили о себе поручик Главной полицмейстерской канцелярии К. И. Ахлебаев⁹⁵ и другие чиновники.

К числу дворян мы отнесли 21 чиновника, указавших в «сказках», что в молодости они были пажами или гоф-юнкерами при царском дворе. Как известно, служба при дворе считалась особенно почетной и выгодной. Придворные должности замещались обычно детьми знатных и богатых дворян. Так, товарищ московского губернатора подполковник И. Л. Никифоров, владелец 363 крестьянских душ, начал свою службу гоф-юнкером при дворе царевны Екатерины Ивановны; его коллега в Оренбургской губернии И. А. Брылкин в 1726 г. был зачислен в гимназию при Академии наук и в том же году назначен камер-пажом при дворе курляндской герцогини Анны Ивановны; воевода г. Ливны капитан В. П. Дурново, владелец 1165 душ, с 14 лет служил пажом при царице Евдокии Федоровне; воевода Старого Оскола А. В. Чаадаев (671 душа) — при царевне Прасковье Ивановне⁹⁶ и т. д.

Следует оговорить, что указания чиновников на то, что они служили при дворе в качестве лакеев, конюхов, берейторов, стряпчих, егерей, ловчих и тому подобной челяди, не могут служить ос-

⁹³ Н. Глиноецкий. Указ. соч., стр. 269; Я. Я. Зугис. Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946, стр. 160.

⁹⁴ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 411; Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 127, 138, 191, 199; кн. 439, л. 77.

⁹⁵ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 390 об.—391; ч. 3, л. 1122.

⁹⁶ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 4 об.—5, 888—888 об., 955—955 об.; кн. 439, л. 105 и об.

нованием для отнесения этих лиц к дворянам, если в «сказках» нет специальных сведений об этом. Поясним это примерами. Начальник Камер-цалмейстерской конторы Д. А. Симонов служил с 1721 г. при императорском дворе «без рангу». В 1726 г. он стал «зильбердинерским помощником» (т. е. помощником смотрителя за столовым серебром), а в 1728 г. — гоф-курьером в ранге поручика. Комиссары Обер-егермейстерской канцелярии М. И. и С. И. Ларионовы начали с должности кречетника при царской охоте. В своих «сказках» все три чиновника написали, что они родом из дворян⁹⁷. Лакеем при дворе был в прошлом поручик Главной полицмейстерской канцелярии грузинский князь Ф. С. Сологови⁹⁸. Коллежский ассессор Ямской канцелярии В. В. Татаринов первоначально был при дворе помощником келлермейстера, а затем келлермейстером, ведая приходом и расходом продуктов. В 1741 г. его повысили: он стал комиссаром «при двух должностях: при овощной и конфетной». В 1749 г. Татаринов получил чин ассессора и добился откомандирования в Ямскую канцелярию. О своем социальном происхождении он умолчал, так как не был дворянином⁹⁹. Приведем другой весьма характерный пример. В обер-егермейстерской конторе в должности комиссара числился М. Ф. Юрьев, 40 лет. До этого он ведал вотчинными делами при дворе Екатерины I, был содержателем Измайловского зверинца. Его отец Ф. Юрьев, многие годы находясь «у вотчинных дел» Екатерины I, в 1718 г. получил от нее право не служить и жить где захочет¹⁰⁰. Характерно, что сын обласканной императрицей слуги не указал своего происхождения: дворянином он не был, а называть настоящих предков не считал для себя выгодным, хотя все другие его собратья подчеркивали свою причастность к «благородному» сословию.

Данные об образовании чиновников в ряде случаев могут служить основанием для определения их социального статуса, ибо начиная с 30-х годов XVIII в. правительство последовательно насаждало сословность в системе учебных заведений России. Это прежде всего относится к выпускникам Шляхетского корпуса. Узкосословный, дворянский характер этого учебного заведения был определен уже в его регламенте 1731 г. и не раз подтверждался в последующих указах правительства¹⁰¹. Поэтому мы отнесли в разряд дворян 20 чиновников, учившихся ранее в Шляхетском корпусе, исключая переводчика Коллегии иностранных дел

⁹⁷ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 601 об.—602; ч. 3, лл. 978 об.—979, 1194 об.—1195.

⁹⁸ Там же, ч. 2, л. 495.

⁹⁹ Там же, лл. 567—568.

¹⁰⁰ Там же, л. 602.

¹⁰¹ ПСЗ, т. VIII, № 5811, 5881, 5886, 5894; т. IX, № 6395. См. также С. В. Рождественский. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX вв., т. I. СПб., 1912, стр. 14—18, 22—26 и сл.

С. Ф. Решетова, который написал в «сказке», что он родом «из обер-офицерских детей»¹⁰², т. е. был сыном личного дворянина.

О том, что чиновники происходили из среды дворян, свидетельствовало и то, что некоторые из них были в прошлом коллегии-юнкерами или являлись таковыми в момент проведения переписи. По законодательству первой половины XVIII в., должность коллегии-юнкера была сугубо «дворянской». В соответствии с Генеральным регламентом 1720 г., в Сенате, коллегиях, приказах и центральных канцеляриях и конторах учреждались вакансии для детей дворян, где бы они «обучались как письму, так и всем делам, принадлежащим во оной коллегии», после чего их разрешалось «производить в высшие чины по градусам». По Табели о рангах грамотных дворян зачисляли в коллегии-юнкеры; тех же, которые не учились, «а нужды ради и за оскудением ученых приняты», определяли сперва в титулярные коллегии-юнкеры. Приходившим из армии дворянам засчитывали срок службы офицерами, капралами и сержантами¹⁰³. Позже правительство не раз издавало указы, призывающие дворян отдавать детей в коллегии-юнкеры, чтобы из их среды пополнять кадры чиновничества¹⁰⁴. 6 марта 1737 г. Кабинет министров утвердил доклад Сената о правилах зачисления дворянских недорослей коллегии-юнкерами в различные учреждения в зависимости от наличия крепостных крестьян. Дворяне, имевшие более 100 душ крестьян, могли посылать учиться детей в школу юнкеров при Сенате; владельцы более мелких поместий (но не менее 25 душ) имели право отдавать своих сыновей в юнкеры при коллегиях и канцеляриях. Вместе с небольшим казенным жалованьем наличие определенного количества крепостных, по мнению Сената, позволило бы недорослям не только «слыть» дворянами, но и поддерживать на должном уровне престиж «благородного» сословия в глазах приказной братии и «между канцелярскою должностью и другими пристойными науками к шляхетству и гражданству обучаться»¹⁰⁵.

О «дворянском» характере этой должности свидетельствовало и то, что, хотя коллегии-юнкеры выполняли обязанности копиистов, они имели ранг прапорщика¹⁰⁶ и по завершении обучения обычно назначались сразу секретарями коллегий. Поскольку дворянские недоросли просили часто отпуска для присмотра за вотчинами, 17 декабря 1751 г. Сенат определил максимальный срок для этой цели четыре месяца¹⁰⁷. До 1752 г. юнкеры именовались также «коллежскими дворянами»¹⁰⁸.

¹⁰² ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 666.

¹⁰³ ПСЗ, т. VI, № 3534, гл. 20; № 3890, § 14; С. В. Рождественский. Указ. соч., т. I, стр. 7, 36—42.

¹⁰⁴ ПСЗ, т. X, № 7182.

¹⁰⁵ Там же, № 7201; см. также № 7248.

¹⁰⁶ ПСЗ, т. XIII, № 9928.

¹⁰⁷ ЦГАДА, Сенат, кн. 6404, л. 129.

¹⁰⁸ М. В. Владимирский-Буданов. Государство и народное образование в России в XVIII в. Ярославль, 1874, стр. 266.

84 чиновника написали в «сказках», что они были коллежскими дворянами или являлись таковыми во время переписи. При этом 28 чел. сами сообщили, что они происходят родом из дворян. Из 56 чел. мы отнесли «по должности» к числу дворян 46 чиновников, служивших юнкерами или коллежскими дворянами.

Необходимо разъяснить, почему мы не включили 10 юнкеров в разряд дворян. Все эти лица служили в Коллегии иностранных дел, где в соответствии с законодательством XVIII в. было сделано отступление от общего правила при наборе дворян на эту должность, «ибо в оной в коллегии-юнкеры определяются особливо по усмотрению той коллегии к тому достойные и иностранных языков знающие»¹⁰⁹. По этой причине среди юнкеров Иностранной коллегии оказались сыновья священников А. Стахив и П. В. Шишкарев, учившиеся в Славяно-греко-латинской академии и взятые за хорошее знание иностранных языков на дипломатическую работу¹¹⁰, а также трое иноземцев, чьи родители находились на русской службе¹¹¹. Четыре других чиновника были разночинцами, детьми личных дворян, ибо они родились до получения их родителями потомственного дворянства. Поясним это примером. Секретарь Иностранной коллегии Д. В. Волков, спустя два года ставший секретарем Конференции при высочайшем дворе и игравший крупную роль в управлении страной во второй половине 50-х — начале 70-х годов XVIII в., сперва учился «иждивением отца» дома, в 1742 г. поступил на должность студента в Иностранную коллегию, а в 1745 г. был произведен в юнкеры в ранге прапорщика. Его отец В. Б. Волков был родом из подьячих. К 1731 г. он дослужился до чина секретаря, стал личным дворянином и в 1754 г. числился в этой должности при Главном комиссариате¹¹². Д. В. Волков родился в 1727 г., когда отец еще принадлежал к разряду приказных людей, и поэтому он тоже был таковым в 1745 г., когда его произвели в коллегии-юнкеры, а следовательно и в личные дворяне.

Мы имеем возможность дополнительно проверить правильность зачисления в дворяне лиц, служивших коллегии-юнкерами. Так, переводчик Иностранной коллегии Ф. Гросс сообщил, что он в 1750 г. поступил на русскую службу и сразу был зачислен в юнкеры, ибо его родной дядя, дворянин, статский советник Г. Гросс служил чрезвычайным посланником в Пруссии¹¹³. Другой юнкер

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 701, 767.

¹¹¹ Там же, лл. 699, 811.

¹¹² Там же, лл. 444—445, 658. Мы не включили также в число дворян и стражчего е.и.в. Вотчинной канцелярии И. В. Надинского, ибо он сообщил в «сказке», что после 10 лет учебы в Казанской духовной семинарии был юнкером при Казанской консистории (там же, ч. 3, лл. 1352—1353). Во-первых, должность юнкера была учреждена лишь при центральных учреждениях, во-вторых, все содержание «сказки» Надинского свидетельствует, что он происходил из среды духовенства.

¹¹³ Там же, ч. 2, лл. 717—718, 724.

этой же коллегии И. Ф. Аш (22 лет) был сыном «силезского уроженца» Ф. Ю. Аша, поступившего в 1707 г. на русскую службу и ставшего в 1726 г. почт-директором Петербурга. И. Ф. Аш родился после получения отцом потомственного дворянства (в 1762 г. Аши были пожалованы в бароны)¹¹⁴. Казначей Монетной канцелярии прапорщик Я. П. Засецкий в 1723 г. был определен в юнкеры Адмиралтейской коллегии своим отцом генерал-майором П. И. Засецким, владельцем 942 душ крестьян¹¹⁵. Сыновья коллежского советника Ф. С. Голубцова, служившего в Сенате «при генерал-прокурорских делах», были коллегии-юнкерами: старший брат Александр (19 лет) учился в школе Сената, младший Николай (18 лет) числился при его Рекетмейстерской конторе¹¹⁶. Оба брата, как и их отец, не указали социального происхождения. Однако родословная дворян Голубцовых опубликована. В XIX в. представители этой фамилии находились среди чиновников двух первых классов, т. е. принадлежали к самой верхушке российской бюрократии¹¹⁷.

Наконец, правильность определения происхождения чиновников по их службе юнкерами подтверждается и всей практикой зачисления недорослей на эту должность при проведении смотров дворян. Приведем несколько типичных примеров.

В 1755 г. находившийся в должности секретаря Вотчинной коллегии канцелярист А. Г. Дьяков представил на смотр в Сенат своего брата Дмитрия, 15 лет, и просил зачислить его в эту же коллегию титулярным коллегии-юнкером «до вакансии на свое содержание». Для обоснования законности претензии на эту должность он сообщил сведения по истории своего рода: «Пращур ево Гаврила Кондратьев, прапрадед Осип Гаврилов сын, прадед Кондратей Осипов сын, дед Сидор Кондратьев сын Дьяковы были по городу Туле из давних лет дворяне и служили по тому городу дворянскую службу и за те службы верстаны немалыми поместными и денежными окладами». Отец Дьяковых, Герасим Сидорович, служил канцеляристом Вотчинной коллегии и оставил детям «родовых» 25 душ в Тульском уезде. Герольдмейстерская контора тщательно проверила по «спискам» и другим документам Разрядного архива все сведения о дворянстве Дьяковых и установила, что пращур Г. К. Дьяков упомянут в Тульской десяте 1628 г. в городских дворянах, ему был дан оклад 250 четв. поместной земли. В городских дворянах служили и другие предки Дьяковых, в том числе и Г. С. Дьяков до его поступления в

¹¹⁴ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 723; ч. 3, лл. 1524—1526 об.; П. В. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. I. СПб., 1854, стр. 19.

¹¹⁵ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 524 и об.

¹¹⁶ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 1375—1376; кн. 439, лл. 635—636.

¹¹⁷ В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. 1. СПб., 1886, стр. 205—207; П. В. Долгоруков. Указ. соч., ч. I, стр. 45.

канцеляристы Вотчинной коллегии. Поэтому Д. Г. Дьякова зачислили в титулярные коллегии-юнкеры¹¹⁸.

Приведем еще один характерный случай. В штате Коллегии иностранных дел в 1755 г. числился секретарем А. О. Пуговишников, сын приказного человека¹¹⁹. По Табели о рангах чин коллежского секретаря числился в 10-м классе, поэтому А. О. Пуговишников был всего лишь личным дворянином. Это обстоятельство сыграло отрицательную роль в начале служебной карьеры его сына Алексея, который уже два года служил копиистом в Иностранной коллегии. Когда ему исполнилось семь лет, отец представил его на первый смотр в Сенат, после чего юноша обучался наукам с учителями дома. На втором смотре в 1752 г. он «объявил желание быть в числе имеющихся при Сенате дворян», т. е. учиться в школе коллегии-юнкеров. Однако ему было отказано в этом, потому что его отец был всего лишь личным дворянином, а он сам в соответствии с законодательством был из приказных людей, или «обер-офицерским сыном». В 1755 г. А. А. Пуговишников уволился из Иностранной коллегии по собственному желанию с должности копииста. Используя свои и брата И. О. Пуговишникова, статского советника Иностранной коллегии, связи, А. О. Пуговишников пытался определить сына в Шляхетский корпус и уже заручился согласием на прием сына его директора сенатора князя Б. Г. Юсупова¹²⁰. Ходатайствуя 2 августа 1755 г. о зачислении сына в кадеты «по небольшим еще летам ево, чтоб он удобнейшим к службе в. и. в. мог быть», Пуговишников просил также внести его в дворянский список. Для обоснования этой просьбы он привел подробные ссылки на указы и инструкции Петра I, открывавшие легальные возможности выходцам из непривилегированных сословий входить в ряды дворянства, в частности на указ от 31 января 1724 г., позволяющий просить о пожаловании в дворянство детей тех лиц, которые получили чин коллежского секретаря¹²¹.

Однако в просьбе А. А. Пуговишникову было отказано, так как в соответствии с резолюциями Сената от 11 и 22 августа 1755 г. «велено впредь с того времени секретарских и прочих нижних приказного чина людей детей их, кои не из дворян, до будущего рассмотрения ни в какую службу, кроме приказной, отнюдь никому да не определять». При этом Сенат отметил, что «крестьян за отцом ево и поместной земли никаких заводов нет»¹²². Лишь пожалование А. О. Пуговишникову в феврале 1756 г. чина сенатского секретаря (это дало ему ранг майора и потомственное дворянство)

¹¹⁸ ЦГАДА, Сенат, кн. 6404, л. 364 и об. Точно так же подробно проверялось дворянское происхождение других претендентов на должность коллегии-юнкера (там же, лл. 357—357 об., 372—373 и др.).

¹¹⁹ Там же, кн. 8122, ч. 2, л. 657 и об.

¹²⁰ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 451, л. 828.

¹²¹ Там же, лл. 824 об.—825 об.

¹²² Там же, лл. 827, 837 об.

привело к тому, что его новая просьба о записи сына в дворянский список и определении в юнкеры канцелярии Сената была 4 апреля 1756 г. удовлетворена ¹²³.

Другому претенденту на дворянское звание, копиисту Герольдмейстерской конторы Ивану Васильевичу Оловенникову, не удалось преодолеть новые барьеры, воздвигнутые правительством для выходцев из социальных низов при вступлении в члены «благородного» сословия. 8 декабря 1755 г. он подал челобитную с просьбой зачислить его «по дворянству» на должность коллегии-юнкера Вотчинной коллегии. Его прапрадед Перфилий Оловенников, писал челобитчик, в 1692 г. был пожалован в думные дьяки и занесен в боярские списки с годовым окладом 250 руб. ¹²⁴; дед Дмитрий Леонтьевич, служил товарищем воеводы в Орловской провинции; отец, Василий Дмитриевич, был «в разных командах секретарем», а он с 1746 г. числился копиистом Герольдмейстерской конторы. Однако ссылка на дворянское происхождение оказалась, по мнению членов Сената, несостоятельной, ибо в ходе проверки сообщенных Оловенниковым сведений выяснилось, что он родился спустя год и семь месяцев после получения его отцом чина провинциального секретаря. Следовательно, В. Д. Оловенников стал только личным дворянином, а его сын, родившийся ранее этого события, продолжал оставаться приказным человеком, или «секретарским сыном», по более новой терминологии XVIII в. Сославшись на упоминавшиеся выше приговоры от 11 и 22 августа 1755 г., ограничивавшие для разночинцев доступ в ряды дворян, Сенат отказал 12 июня 1756 г. Оловенникову в его просьбе ¹²⁵.

Дворянами являлись и 9 из 11 чиновников, находившихся в штате Канцелярии казенных винокуренных заводов и не назвавших своего социального происхождения ¹²⁶. По указу Камер-коллегии 1735 г. должности главных управителей и чинов присутствия этой канцелярии должны были замещаться только дворянами или отставными офицерами-дворянами ¹²⁷.

Социальное происхождение 49 чиновников определено по родословным росписям, причем во всех случаях было установлено полное тождество фамилий, имен и отчеств идентифицируемых

¹²³ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кв. 451, лл. 829—829 об., 832, 839 об.; Сенат, кв. 3318, л. 229.

¹²⁴ П. П. Иванов. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-ом Отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853, стр. 305; С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в. М.—Л., 1946, стр. 148, 149, 160—161.

¹²⁵ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кв. 451, лл. 1163—1163 об., 1188 и об.

¹²⁶ Служивший в Канцелярии титулярный советник С. И. Зворыкин указал, что он родом из дворян, а находившийся в должности секретаря канцелярист И. И. Попов был «ис приказных служителей» (ЦГАДА, Сенат, кв. 8122, ч. 3, лл. 1546 об.—1547, 1553 об.—1554).

¹²⁷ Там же, лл. 1554 об.—1556 об.

лиц. Для этой цели нами были использованы опубликованные родословные росписи¹²⁸, а также материалы по истории дворянства отдельных губерний России¹²⁹. Таким путем мы, например, установили происхождение президентов Берг-, Вотчинной и Юстиц-коллегий М. С. Опочина, Я. Л. Хитрова, Н. М. Желябужского, начальника Обер-егермейстерской канцелярии П. Н. Хитрово, воеводы Симбирской провинции А. А. Бекетова, товарищей воевод Переславль-Залесской и Севской провинций А. А. Фонвизина, М. И. Борноволокова¹³⁰ и др.

Для выяснения социального происхождения чиновников нами были использованы справочники А. Барсукова и С. К. Богоявленского, дающие представление о личном составе приказной бюрократии и воеводского управления в России XVII в. Важно подчеркнуть, что во всех этих справочных изданиях названы фамилии, встречавшиеся до начала XVIII в., т. е. до того времени, когда дворянство стало «разбавляться» выходцами из других сословий в результате государственной службы. Мы провели сопоставление фамилий чиновников, дворянских¹³¹ и боярских фамилий XVII — начала XVIII в. и установили таким путем происхождение 92 чел.; приведем наиболее типичные случаи и отклонения от них.

Так, мы отнесли к дворянам капитана Главной полицмейстерской канцелярии П. В. Татищева и воеводу Якутска коллежского асессора У. И. Еропкина. Татищевы и Еропкины принадлежали к числу древнейших дворянских фамилий и были включены в главу 5 Бархатной книги¹³². Представители обоих родов в XVII в. принадлежали к верхушке служилых людей по отечеству, были боярами, окольными, стольниками, служили воеводами¹³³. Та-

¹²⁸ П. В. Долгоруков. Указ. соч., ч. I—IV. СПб., 1854—1857; П. Петров. История родов русского дворянства, т. I. СПб., 1886; В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Указ. соч., т. 1—2. СПб., 1886—1887; А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. 1—2, 2-е изд. СПб., 1895; А. Бобровский. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи, т. I—II. СПб., 1890.

¹²⁹ «Материалы для истории тамбовского, пензенского и саратовского дворянства», т. I.—«Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», вып. 47. Тамбов, 1904; «Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии с указанием важнейших документов, находящихся в делах о дворянстве разных фамилий архива Владимирского дворянского депутатского собрания». Владимир, 1905; «Дворянское сословие Тульской губ. Родословец. Материалы», т. I (X), III (XII). М., 1908; т. VIII—IX. Тула, 1905; И. Н. Ельчанинов. Материалы для генеалогии ярославского дворянства, т. I, ч. 1. Ярославль, 1910; «Родословная книга дворянства Московской губ.», т. 1.

¹³⁰ В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Указ. соч., т. 1, стр. 39, 265; т. 2, стр. 236; А. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., т. 2, стр. 312, 322, 323; П. В. Долгоруков. Указ. соч., ч. IV, стр. 304—305.

¹³¹ Под дворянами мы здесь подразумевали все слои служилых людей по отечеству, исключая приказных и приборных людей.

¹³² П. В. Долгоруков. Указ. соч., ч. 1, стр. 20.

¹³³ А. Барсуков. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII ст. СПб., 1902, стр. 574—575;

тищев в 1740 г., когда ему было 12 лет, был записан в полк солдатом, а в 1753 г., т. е. 25 лет, был уже капитаном. Ему принадлежало 140 душ крепостных в Арзамасском уезде¹³⁴. Еропкин по окончании Петербургской цифирной школы в 1718 г. служил гардемарином на флоте до 1732 г., после чего вышел по болезни в отставку и жил в своих вотчинах, которые находились в Вотрыгнском, Коломенском, Крапивненском, Перемышльском и Чернском уездах. В 1741 г. он поступил в Вотчинную коллегию, а позже служил воеводой в Сургуте и Таре (1743—1750), членом присутствия Сибирского приказа (1750—1752)¹³⁵.

Дворянами являлись и те 12 чиновников, чьи фамилии были внесены в главу 6 Бархатной книги. Так, во время переписи советник Берг-коллегии И. В. Новосильцев и ассессор Монетной канцелярии Ф. В. Новосильцев не сообщили сведений о своем происхождении. Их имена отсутствуют в изданной П. В. Долгоруковым росписи членов этой фамилии. Род Новосильцевых был записан в главу 6 Бархатной книги, а его представители в XVII в. служили столбниками, дворянами, воеводами¹³⁶. В XVIII в. один из Новосильцевых — Василий Яковлевич (умер в 1743 г.) — стал сенатором, но после опалы Бирона сам попал в опалу, а затем под суд и был сослан в деревню¹³⁷. И. В. Новосильцев имел 152 души крепостных, у Ф. В. Новосильцева было 2304 души¹³⁸.

Начальник Герольдмейстерской конторы В. Е. Адодуров, ассесоры И. П. Дирин (Ревизион-коллегия), Ф. С. Милуков (Берг-коллегия), камергер Елизаветы Петровны и русский посол в Швеции Н. И. Панин, советник Камер-коллегии В. А. Панин, прокурор Астраханской губернской канцелярии А. В. Кропотов и еще около 40 чиновников (провинциальных и уездных воевод, офицеров, ведающих сбором подушных денег и т. д.) тоже не указали данных о социальном происхождении, но их фамилии внесены в главу 7 Бархатной книги, а отдельные представители этих родов занимали в XVII — первой половине XVIII в. крупные посты при дворе, в армии и гражданском управлении.

В тех случаях, когда некоторые фамилии, например Фонвизинных, отсутствовали в Бархатной книге, мы пользовались данными дворцовых разрядов или списка воевод А. Барсукова.

Иногда в источниках имеются дополнительные указания, подтверждающие правомерность отнесения части чиновников к дворянам при отсутствии их имен в родословных росписях.

Приведем некоторые характерные примеры. Так, находившийся в штате Главной дворцовой канцелярии прапорщик А. С. Коп-

Н. Н. Голицын. Указатель имен личных, упоминаемых в дворцовых разрядах. СПб., 1912, стр. 82—83.

¹³⁴ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 489.

¹³⁵ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 1234—1235.

¹³⁶ А. Барсуков. Указ. соч., стр. 530—531; Н. Н. Голицын. Указ. соч., стр. 177.

¹³⁷ П. В. Долгоруков. Указ. соч., ч. IV, стр. 166—167.

¹³⁸ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 386 об.— 387 об., 517 об.

нип начал службу в 1732 г. солдатом Преображенского полка. В 1754 г. он имел 300 душ крепостных в Арзамасском, Муромском, Симбирском и Суздальском уездах. В источниках XVII в. отмечено, что представители рода Копниных были помещиками Арзамасского уезда, «служили в дворянах и дьяках»¹³⁹. Служивший воеводой в г. Заволочье (Новгородская губ.) И. А. Бернов имел 66 душ в Новоторжском уезде. Род Берновых внесен в главу 7 Бархатной книги, причем известно, что Берновы с XV в. имели вотчины в Новоторжском уезде¹⁴⁰. У воеводы Можайска коллежского асессора М. С. Извекова было 200 душ в Зубцовском, Ржевском и Суздальском уездах, а у его брата И. С. Извекова, воеводы Старицы, — 70 душ в Ржевском и Вяземском уездах. В XVII в. были известны дворяне Извековы, которые имели поместья и вотчины в Тверском уезде, соседнем с Зубцовским и Ржевским уездами¹⁴¹. Ведавший сбором подушных денег подпоручик И. В. Чемесов имел в Верейском уезде 321 душу. В XVII в. владения дворян Чемесовых находились в основном в этом же уезде¹⁴². Директор Троицкой таможи (Оренбургская губ.) капитан Я. А. Тоузаков владел 30 душами в Симбирском уезде. В XVII в. были дворяне и стольники Тоузаковы, являвшиеся городовыми дворянами в соседнем Арзамасском уезде¹⁴³. Поручик С. М. Кисленский служил воеводой в Пскове; в Тульском уезде за ним числилось имение в 12 душ. В XVII в. Кисленские служили стольниками, стряпчими, а также городовыми дворянами по Тульскому уезду. Воеводой Устюжны Железопольской служил П. Ф. Десятков, имевший 260 душ в Верейском, Малоярославском, Калужском, Романовском, Переславль-Залесском уездах. В XVII в. существовала фамилия дворян Десятых, которые несли службу по Мещовскому уезду. Воевода Карачева И. О. Лавров владел 200 душами в Белевском, Кромском, Серпейском, Ливенском, Карачевском, Орловском, Пошехонском уездах. Городовые дворяне Лавровы в XVII в. служили по Серпейску и Калуге¹⁴⁴.

Выше мы отмечали, что сам по себе факт наличия вотчин или поместной земли не дает достаточных оснований для установления социального статуса чиновника. Однако, когда мы берем не один какой-либо признак, а их сумму, то наличие крупных вотчин является дополнительным аргументом в пользу дворянского происхождения.

Из 93 чиновников, чьи имена не были указаны в использован-

¹³⁹ Там же, ч. 3, лл. 1279 об.—1281; *П. П. Иванов*. Указ. соч., стр. 204; Архив ЛОИИ, ф. С. Б. Веселовского, оп. 1, д. 7, стр. 339.

¹⁴⁰ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, л. 811; *П. В. Долгоруков*. Указ. соч., ч. IV, стр. 287; Архив ЛОИИ, ф. С. Б. Веселовского, оп. 1, д. 7, стр. 72.

¹⁴¹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 668—668 об., 823.

¹⁴² Там же, л. 648 и об.; *П. П. Иванов*. Указ. соч., стр. 453.

¹⁴³ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 1, л. 214; *П. П. Иванов*. Указ. соч., стр. 416.

¹⁴⁴ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 493 об.—494, 838—838 об., 906 и об.; *П. П. Иванов*. Указ. соч., стр. 114, 184—185, 222—223.

ных нами дворянских родословных, 18 чел. служили воеводами или их товарищами в провинциях, 23 — в уездах (итого 41 чел.). В XVIII в., как и ранее, правительство стремилось назначать воеводами богатых дворян, хотя это не всегда удавалось¹⁴⁵. Так, И. Г. Веригин (Алаторская провинция) имел 172 души, И. А. Волчков (Пермская провинция) — 375, Н. И. Давыдов (Вологодская провинция) — 393, А. Н. Дубенский (Вятская провинция) — 400, М. И. Цыклер (Галицкая провинция) — 500, И. И. Шишков (Владимирская провинция) — 126, А. И. Супонев (Угличская провинция) — 379, А. С. Арцыбашев (Цивильск) — 472, Д. М. Бунин (Ольшанск) — 328, А. Б. Дубенский (Саранск) — 487, Ф. И. Левин (Лебединь) — 400¹⁴⁶ и т. д.

К числу дворян мы отнесли и воеводу г. Петровска прапорщика М. Я. Струйского, служившего в 1731—1733 гг. солдатом в Преображенском полку, владельца 109 душ в Пензенском и Симбирском уездах, поскольку это, видимо, искаженное написание фамилии дворян Стрыйковских, существовавшей в Польше и Литве и включенной в главу 9 Бархатной книги¹⁴⁷.

Дворянином был и ассессор канцелярии Главного правления сибирских и казанских заводов П. К. Алексеев, сообщивший в своей «сказке», что «отец его помещен» в Мосальском уезде, где имел 200 душ; у его старшего брата в Мещовском, Веневском и Крапивненском уездах да в подмосковной деревне было 380 душ, а у него самого 6 дворовых¹⁴⁸. Брат Алексеева, видимо, в соответствии с указом о единонаследии 1714 г., получил все отцовские владения.

* * *

В процессе работы по выяснению происхождения чиновников встретилось много трудностей: нередко одну и ту же фамилию носили лица, являвшиеся представителями класса феодалов и непривилегированных сословий: Алексеевы, Ивановы, Ильины, Макаровы, Яковлевы и многие другие. Иногда социальная принадлежность обладателей одинаковых фамилий была указана в источниках или легко устанавливалась по совокупности косвенных данных. Так, в Главной соляной конторе служили секретарем, регистратором и протоколистом И. П., Т. П. и Я. В. Казариновы, вышедшие из среды подьячих¹⁴⁹. Их однофамилец дворянин полковник И. А. Казаринов, начав карьеру с дворянской должности юнкера Иностранной коллегии, затем служил секретарем цесаревны Елизаветы Петровны, солдатом Измайловского полка и с 1752 г.

¹⁴⁵ Ю. В. Готье. Указ. соч., т. I, стр. 230—232.

¹⁴⁶ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 400—401, 439—440, 453, 532—533, 592 об., 596 об., 615, 936 об., 964—965, 1104, 1133 и др.

¹⁴⁷ Там же, л. 593 и об.; П. В. Долгоруков. Указ. соч., ч. I, стр. 39.

¹⁴⁸ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 399 об.—400. В XVII в. Алексеевы служили дворянами московскими, стряпчими, дьяками, а также мещовскими городскими дворянами (П. П. Иванов. Указ. соч., стр. 5—6).

¹⁴⁹ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 878 об.—880 об.

был главным командиром Соляного комиссарства по низовым городам¹⁵⁰. Однако такие случаи были сравнительно редки.

Справочные издания по истории дворянских родов не содержат достаточно точных сведений по этому вопросу. Например, опубликованную родословную Яковлевых, издатель указал, что дворянское происхождение дьяка И. И. Яковлева и его сына Андрея не доказано. Среди представителей этой фамилии было много не дворян¹⁵¹. Аналогичные оговорки сделал П. В. Долгоруков, указав, что наряду с дворянами фамилию Ильиных носили представители других сословий¹⁵².

Специалисты по антропонимике считают, что «по своей истории фамилии насквозь социальные» и «даже формы имен социальные»¹⁵³. Однако, высказав эту интересную мысль, В. А. Никонов вынужден был признать, что «проблема в целом не только не охвачена, но и не поставлена»¹⁵⁴. Поэтому историк пока лишен возможности использовать результаты работы специалистов по антропонимике для генеалогических разысканий.

В таких случаях для определения социального статуса чиновников мы использовали совокупность признаков. Поясним это конкретными данными. Во время переписи 1754—1756 гг. поступили «сказки» от нескольких чиновников, носивших фамилию Макаровых. В дворцовых разрядах упоминается «казанец» А. Макаров, служивший в 1651 г. воеводой на Яике¹⁵⁵, который, видимо, был дворянином в соответствии с занимаемой им должностью. В XVIII в. ассессор Ф. А. Макаров (30 лет) служил в Астраханской губернской канцелярии «у ревизии счетов», имел 50 душ в Ржевском уезде¹⁵⁶. Мы отнесли его к числу дворян, так как в 1740—1748 гг. он учился в Кадетском корпусе¹⁵⁷. По этой же причине мы сочли дворянином и прапорщика А. И. Макарова, владельца 153 душ, в 27 лет занявшего крупный пост — товарища воеводы Калужской провинции, а затем воеводы Дедилова¹⁵⁸. Секретаря Архангельской губернской канцелярии А. Г. Макарова и актуариса Ревизион-коллегии Д. М. Макарова мы отнесли к разночинцам. Один из них начал службу в 1717 г. копиистом «Важской канцелярии приказных, смоляных и прочих дел», другой в

¹⁵⁰ Там же, ч. 3, лл. 1039—1040.

¹⁵¹ А. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., т. 2, стр. 445, 453.

¹⁵² П. В. Долгоруков. Указ. соч., ч. IV, стр. 15—19.

¹⁵³ В. А. Никонов. Личное имя — социальный знак. — «Советская этнография», 1967, № 5, стр. 158—161; С. И. Зинин. Русская антропонимия XVII—XVIII вв. (на материале переписных книг городов России). Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1969, стр. 5—13.

¹⁵⁴ В. А. Никонов. Указ. соч., стр. 154—159.

¹⁵⁵ Н. Н. Голицын. Указ. соч., стр. 150; А. Барсуков. Указ. соч., стр. 281.

¹⁵⁶ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, л. 251 об.

¹⁵⁷ Ф. А. Макаров упоминается как дворянин (А. Бобровский. Указ. соч., т. II, стр. 372—373).

¹⁵⁸ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, л. 750; см. также А. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., т. 2, стр. 346.

1724 г. — в Галицкой провинциальной канцелярии. А. Г. Макаров не имел крепостных, а Д. М. Макаров сообщил, что у него было 122 души в Галицком уезде «моих собственных и доставшихся по приданству и по наследству жены»¹⁵⁹.

Приведем другой характерный пример. Из трех чиновников, носивших фамилию Ильиных, дворянином был ассессор Главной дворцовой канцелярии А. К. Ильин. После 25 лет службы в армии получил в 1737 г. должность ассессора Вотчинной коллегии, а два года спустя был назначен воеводой в Пронск. В Елецком, Епифанском, Каширском, Нижне-Ломовском и Шацком уездах у него и его жены была 241 душа. В XVII в. известны Ильины, служившие дворянами московскими, стольниками, стряпчими, каширскими городовыми дворянами¹⁶⁰.

Двух других обладателей этой фамилии мы зачислили в разnochинцы. К. Д. Ильин после 37 лет службы в армии дослужился до чина секунд-майора, вышел в отставку и жил на скромное казенное жалованье, так как не имел крепостных. Секретарь Крутицкой духовной консистории П. И. Ильин получил свой чин после 32 лет службы в этом учреждении. У него было 70 душ крестьян¹⁶¹. Характерно, что все дворяне, служившие секретарями консисторий, отметили в «сказках» свою принадлежность к «благородному» сословию.

Представители фамилии Павловых служили в XVII — начале XVIII в. думными дворянами, стольниками, дворянами, воеводами, а также дьяками и подьячими¹⁶². Член присутствия Мастерской и Оружейной палаты коллежский советник М. С. Павлов, до этого бывший ассессором Главной дворцовой канцелярии (1740—1754), владлец 1663 душ, и ассессор Дворцовой конюшенной канцелярии А. В. Павлов, в прошлом солдат гвардейского Преображенского полка, имевший 455 душ¹⁶³, принадлежали к дворянской ветви фамилии Павловых.

Подпоручик Б. М. Крюков (39 лет), ведавший в 1744 г. сбором подушных денег и имевший 340 душ, был родом из дворян, хотя Крюковы служили не только дворянами и воеводами, но и подьячими. Об этом свидетельствует значительный размер его вотчин, а также и то, что в XVII в. были тульские городовые дворяне Крюковы (владения Б. М. Крюкова были в соседних Епифанском, Крапивненском и Алексинском уездах)¹⁶⁴. Точно так же определена

¹⁵⁹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 205—206; Сенат кн. 8122, ч. 2, л. 334 и об.

¹⁶⁰ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 3, лл. 1255 об.—1256; П. П. Иванов. Указ. соч., стр. 164—165; П. В. Долгоруков. Указ. соч., ч. IV, стр. 15.

¹⁶¹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 280 об., 561 об.—562.

¹⁶² Н. Н. Голицын. Указ. соч., стр. 187; А. Барсуков. Указ. соч., стр. 70, 71, 121, 133, 135 и др.

¹⁶³ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 1, лл. 122 об.—123, 232 об.

¹⁶⁴ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 733 и об.; Архив ЛОИИ, ф. С. Б. Веселовского, оп. 1, д. 7, стр. 353; П. П. Иванов. Указ. соч., стр. 214—215.

принадлежность не к разночинцам, а к дворянству воевод Перемышля и Воротынска С. С. Жданова и Каргополя Н. И. Маслова, имевших соответственно 379 и 460 душ, подполковника Д. В. Гурьева, владельца 100 душ, полицмейстера Нижнего Новгорода С. Г. Наумова, у которого было 230 душ¹⁶⁵, и др. Напротив, регистратор Монетной канцелярии В. М. Гурьев, прослуживший 15 лет копиистом и не имевший вотчин¹⁶⁶, отнесен к подьячим.

Рассмотрим еще один типичный случай. Среди представителей фамилии Горчаковых в XVII — начале XVIII в. были лица, имевшие княжеский титул, а также являвшиеся дворянами. Некоторые из Горчаковых служили воеводами, письменными головами и дьяками¹⁶⁷. В 1698 г. один из Горчаковых был пожалован из дворян в дьяки. В материалах переписи 1754—1755 гг. нам встретилась «сказка» архивариуса Главной артиллерийской канцелярии Л. Ф. Горчакова, умолчавшего о своем происхождении. Мы относим его к разночинцам, так как, будучи незнатного рода, он за 22 года службы дослужился в 1749 г. до чина архивариуса. Характерно, что во время переписи канцелярских служителей в 1737 г., когда правительство требовало сообщать точные данные о социальном происхождении, Горчаков также обошел этот вопрос молчанием¹⁶⁸ (обычно так поступали многие разночинцы).

Таким образом, при отнесении тех или иных лиц к дворянам мы опирались на совокупность прямых или косвенных данных (родственные связи, а также военная и гражданская служба, образование), количество крестьян, упоминание чиновников или их родственников в родословных росписях и других справочных изданиях по истории дворянства.

Однако не следует переоценивать степень точности данных о социальном составе чиновников, полученных такими методами. В некоторых случаях неизбежно происходило падение степени достоверности сведений, так как какая-то небольшая часть выходцев из социальных низов иногда попадала на «дворянские» должности в армии, государственном управлении и при дворе, а также в Кадетский корпус. Причем этому способствовала не только нехватка людей из числа дворян, но и политика Петра I и некоторых из его преемников, направленная на привлечение в государственный аппарат способных выходцев из социальных низов. Достаточно вспомнить его указ от 31 октября 1701 г. «О приеме всякого звания людей по желанию в Бомбардирскую роту Преображенского полка» — наиболее привилегированную часть дворянской гвардии, а также указ от 7 марта 1721 г. «О записке господских людей по

¹⁶⁵ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 3, лл. 1249 об.—1250; Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 498 об.—499, 755, 841.

¹⁶⁶ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 521 об.

¹⁶⁷ Н. Н. Голицын. Указ. соч., стр. 64—65.

¹⁶⁸ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 3, лл. 1335 об.—1336; Герольдмейстерская контора, кн. 203, л. 53 об.

желанию их в военную службу»¹⁶⁹. Хотя среди пажей и гоф-юнкеров, служивших при дворе, преобладали дворяне, однако и на эти должности проникали дети дворцовой челяди. Чтобы закрыть им доступ к этим должностям, Екатерина II приказала 15 ноября 1762 г. «определять в пажи дворянских детей достойных по рассмотрению»¹⁷⁰.

Учитывая это обстоятельство, мы попытались корректировать полученные нами результаты. Во многих случаях принятая нами методика позволяла провести взаимопроверку избранных нами критериев определения дворянского статуса человека. Так, из 29 чиновников, чье происхождение выяснено на основании данных о родственных связях, 6 чел. упомянуты в родословных росписях дворян, 17 — начинали карьеру с «дворянской» должности коллегии-юнкера, 3 — служили в гвардии до 1731 г. и столько же — учились в Кадетском корпусе. Из 62 чел., начавших службу в армии обер- или унтер-офицерами, 14 упомянуты в родословцах, 15 — были воеводами, т. е. тоже занимали «дворянскую» должность.

Среди 93 чиновников, чье происхождение установлено по их службе в гвардии до 1731 г., 20 чел. встречаются в родословцах, 7 — служили при дворе, 37 — были воеводами. У чиновников, начавших службу при дворе и на этом основании отнесенных к дворянам, 12 чел. упомянуто в родословных росписях, трое позже были воеводами. Из 20 выпускников Кадетского корпуса, а следовательно и дворян, 9 чел. встречаются в родословцах, один — служил воеводой.

Но и после такой взаимопроверки, возможно, какое-то небольшое количество чиновников, отнесенных нами к дворянам, на самом деле не были таковыми. Однако подобные огрехи не могут скольконибудь существенно повлиять на точность наших расчетов и характер общих выводов, ибо мы имели дело с массовыми данными, из которых свыше 77 % содержат надежные сведения.

* * *

Итак, мы определили, что из 1214 чиновников в офицерских рангах, не указавших своего социального происхождения, 422 чел. являлись потомственными дворянами, остальные 792 — были выходцами из непривилегированных сословий. Чтобы более конкретно представить источники пополнения российской бюрократии, необходимо попытаться установить социальный состав этой части чиновников.

Выяснение этого вопроса является гораздо более трудной задачей, чем отнесение некоторых из них к числу дворян. По истории господствующего класса (феодалов) в эпоху феодализма имеется

¹⁶⁹ ПСЗ, т. IV, № 1873; т. VI, № 3754.

¹⁷⁰ Г. А. Милорадович. Материалы для истории Пажеского корпуса. Киев, 1876, стр. 9—10.

справочная литература, хотя и весьма неполная. Для изучения биографий крестьян, посадских людей и других категорий тяглого населения России справочников, по сути дела, нет.

В тех случаях, когда выходцы из социальных низов становились в результате службы потомственными дворянами, они обычно скрывали свое происхождение, особенно если их предки принадлежали к податным слоям населения России. Поэтому на основании данных опубликованных родословных росписей дворянских фамилий нам удалось определить происхождение всего лишь около 10 чел. Так, секретари Сената братья И. В. и Г. В. Васильевы были сыновьями обер-секретаря Адмиралтейской коллегии В. М. Васильева, который был родом из подьячих¹⁷¹. Видимо, из среды подьячих вышел и секретарь Иностранной коллегии К. А. Хрипунов, начавший в 1706 г. службу в Посольском приказе. Его брат И. А. Хрипунов, начав с должности писаря в Ратуше, служил дьяком на Двине, а затем товарищем судьи в Юстиц-коллегии¹⁷². Другие представители фамилии Хрипуновых принадлежали к родовитому дворянству, служили стольниками, стряпчими и дворянами московскими (сын стольника А. В. Хрипунова — Федор в 1755 г. был поручиком в Главной полицмейстерской канцелярии)¹⁷³.

Выходцем из семьи потомственных подьячих были камерир Штатс-конторы Д. Ф. Аронов, чей род в 1788 г. был внесен в 3-ю часть родословной книги дворян Московской губернии¹⁷⁴, а также статский советник Д. И. Невежин, служивший в Сенате «при генерал-прокурорских делах»¹⁷⁵, секретарь Камер-цалмейстерской конторы А. Г. Друковцов и некоторые другие. «Присутствующий» в е. и. в. Вотчинной канцелярии коллежский советник Г. Г. Замятин и его брат И. Г. Замятин, служивший регистратором в Обер-егермейстерской канцелярии (умер в 1755 г.), были детьми директора Московской Синодальной типографии Г. И. Замятнина, в прошлом крестьянина с. Большого Яковлевского Костромского уезда¹⁷⁶.

Важным источником пополнения рядов бюрократии в XVIII в. были потомки приказных людей. Однако провести разграничительную линию между ними и представителями разночинцев (дети солдат, матросов, мастеровых и работных людей и т. д.) чрезвы-

¹⁷¹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 1459—1461; П. В. Долгоруков. Указ. соч., ч. II, стр. 221; В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Указ. соч., т. 1, стр. 164.

¹⁷² ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 649—649 об.; П. П. Иванов. Указ. соч., стр. 444.

¹⁷³ П. П. Иванов. Указ. соч., стр. 444; ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 490 об.—491.

¹⁷⁴ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 3, л. 909; «Родословная книга дворянства Московской губ.», т. 1, стр. 64.

¹⁷⁵ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 439, л. 370; П. П. Иванов. Указ. соч., стр. 286. Во всех справочных изданиях Невежины показаны исключительно как «дьяческая фамилия».

¹⁷⁶ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 3, лл. 979 об.—980; «Родословная книга дворянства Московской губ.», т. 1, стр. 590.

чайно трудно, ибо и те и другие зачастую носили одинаковые фамилии. В уже упоминавшихся пособиях П. П. Иванова, Н. Н. Голицына, А. Барсукова, С. Б. Веселовского, С. К. Богоявленского приведено большое количество фамилий дьяков и подьячих, служивших в XVII — начале XVIII в. в центральных и местных учреждениях. Потомки приказных людей XVII в. в массе своей занимали должности и в новых учреждениях, созданных в первой четверти XVIII в. Однако было бы неверно на основании тождества фамилий всех чиновников, не указавших своего происхождения, считать выходцами из среды приказных людей. При таком подходе нельзя раскрыть всю сложность процесса формирования российской бюрократии и вовлечения в нее выходцев из «подлого народа».

Выясняя происхождение чиновников, вышедших из непривилегированных слоев общества, мы не могли воспользоваться всеми критериями, которые применяли при отнесении служащих к шляхетству: копиястами и канцеляристами в XVIII в. служили не только потомки приказных людей, но дворяне, церковники, разночинцы и другие. Поэтому указание в «сказках» на выполнение обязанностей канцеляристов не может служить единственным основанием для зачисления чиновников в разряд потомков приказных людей. С некоторыми оговорками в качестве критерия для социальной группировки выходцев из низов могут служить данные об образовании.

В первую очередь это относится к лицам, учившимся в московской Славяно-греко-латинской академии, а также в духовных семинариях. Как известно, в первой половине XVIII в. правительство стремилось превратить их в замкнутые сословные учебные заведения для детей духовенства. С этой целью Петр I запретил дворянам получать профессиональное духовное образование. Аналогичный запрет был распространен и на детей крестьян. В июле 1728 г. Синод распорядился не принимать в Славяно-греко-латинскую академию детей солдат. В результате в Академии преобладали дети духовенства. Однако некоторое количество выходцев из других слоев населения попадало в Академию, пока наконец в 1769 г. не был издан указ, полностью запрещающий прием светских лиц, исключая детей служителей Синодальной типографии¹⁷⁷.

Правительственные указы не оставались только на бумаге. Так, например, служивший в 30-х годах XVIII в. копиястом в Комиссии о мерах и весах Петр Соколов рассказал любопытный факт из своей биографии. С 1729 по 1731 г. он обучался «в Славяно-греко-латинской московской академии в российской школе на своем коште». В 1731 г. его приняли в «латинские школы», назначили денежное жалованье, но долго учиться ему там не пришлось: в 1732 г. был получен указ Синода, «чтоб в той Академии обучаться

¹⁷⁷ С. Смирнов. История московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855, стр. 177—180; М. В. Владимировский-Буданов. Указ. соч., стр. 89—90, 112—113; С. В. Рождественский. Указ. соч., т. I, стр. 52—64.

латинскому диалекту токмо духовного чина детям». Сыну подьячего пришлось пойти по стопам родителей ¹⁷⁸.

Учитывая узкословный характер учебных заведений Синода, мы сочли возможным отнести к категории церковников около полутора десятков чиновников, учившихся в Славяно-греко-латинской академии и семинариях: консула в Энзелийском порту П. Чекалевского, бывшего резидента в Иране В. Ф. Братищева, секретаря Иностранной коллегии С. И. Писарева, переводчиков П. В. Ворошипа и П. П. Смирнова, коллегии-юнкера П. Ф. Шишкарева, протоколиста И. А. Артемьева, служившего по окончании Духовной академии при Феофане Прокоповиче, а затем поступившего в коллегию ¹⁷⁹. Из среды духовенства вышли, видимо, регистратор Юстиц-коллегии С. С. Нечаев, в 1716—1732 гг. учившийся в Славяно-греко-латинской академии, и архивариус Монетной канцелярии А. В. Щербаков, находившийся в ней в 1724—1732 гг. ¹⁸⁰

«Духовного чина» были и уже упоминавшийся стряпчий е. и. в. Вотчинной канцелярии И. В. Надинский, который «обучался в Казанской семинарии в славено-греко-латинских науках с 1730 по 1740 год» и позже служил юнкером в местной консистории, а также комиссар канцелярии Академии наук С. В. Зборомирский, бывший учитель латыни в Псковской семинарии, и служивший там же переводчиком прапорщик Л. К. Розсохин, изучавший «мунгальский» язык при Иркутском Вознесенском монастыре ¹⁸¹. Несомненно, из среды духовенства вышел товарищ директора московской Синодальной типографии А. И. Пелский, с 1736 до 1745 г. учившийся в семинарии при Троице-Сергиевом монастыре, а затем служивший учителем греческого языка в Славяно-греко-латинской академии. Пелский хорошо знал латынь, древнееврейский язык, богословие, философию, риторику, которые преподавал в младших классах Академии. В 1753 г. он за «немаловажные в той Академии труды и по известному во учении достаточеству к надсмотрению над типографскими справщиками способности определен в Московскую типографскую контору директорским товарищем с рангом синодского секретаря» ¹⁸². К числу церковников мы отнесли также протоколиста Синода Е. Череповского, с малых лет воспитывавшегося в доме вологодского архиерея, секретаря Переславль-Залеской духовной консистории Г. М. Сокольского, выпускника Харьковской семинарии ¹⁸³, и некоторых других.

¹⁷⁸ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 203, л. 859.

¹⁷⁹ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 653—653 об., 663, 664—664 об., 674, 677 об., 701, 786—787.

¹⁸⁰ Там же, л. 521; ч. 3, лл. 1153 об.—1154.

¹⁸¹ Там же, ч. 1, лл. 11, 13 об.; ч. 3, лл. 1352—1353.

¹⁸² Там же, ч. 1, л. 276 и об.

¹⁸³ Там же, л. 269 и об.; Герольдмейстерская контора, кн. 419, л. 282 об. Служивший секретарем в канцелярии Рязанской экономической канцелярии Ф. В. Чернявский учился в семинарии Троице-Сергиева монастыря и в Черниговской семинарии. В своей «сказке» он указал, что является дворянином (ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, л. 281—281 об.).

«Социальную окраску», на наш взгляд, придает указание в «сказках» на то, что чиновник учился в цифирной школе. Этот вид учебных заведений был создан правительством для детей подьячих; в 1716 г. было запрещено принимать в цифирные школы детей дворян, в 1720 г. отменена обязательность обучения в них для посадских людей¹⁸⁴. К числу приказных людей мы отнесли секретаря А. И. Калугина (Главный комиссариат), окончившего Севскую цифирную школу, К. Зверева (Сыскай приказ), выпускника Костромской школы С. Б. Будаева (Петербургская губернская канцелярия), К. Посникова (Галицкая провинция)¹⁸⁵ и других (всего немногим более 10 чел.).

В отдельных случаях изучение содержания «сказок» позволило установить родословные связи чиновников, учтенных переписью 1754—1756 гг., а это в свою очередь помогло выяснить их социальную принадлежность. Так, мы имели «сказки» четырех чиновников из рода Навроцких. Трое из них были братьями (Аврам, Ефим, Андреян), сыновьями дьяка Мундирной канцелярии Артема Навроцкого. Андреян Навроцкий указал в «сказке», что он происходит «из приказного чину»¹⁸⁶.

Однако мы имели мало случаев, когда на основании данных «сказок» о родственных связях можно было без оговорок зачислить чиновников в разряд приказных людей. Гораздо чаще они указывали не сословную принадлежность, а должность или чин отца. При этом нам неизвестно, когда отец того или иного чиновника получил потомственное дворянство: до или после рождения сына. В первом случае все дети наследовали новый социальный статус отца, во втором — отец получал право просить о записи в дворяне одного из сыновей, родившихся до получения им дворянства, остальные дети считались приказными людьми, разночинцами¹⁸⁷.

Чтобы выделить таких лиц из всей массы чиновников, мы ввели особую рубрику — «дети личных дворян». В нее мы включили и детей обер-офицеров. Напомним, что в законодательстве XVIII—первой половины XIX в. широко применялся термин «обер-офицерские дети». Так, в группу «детей личных дворян» мы включили сыновей секретарей А. М. Морсочникова (Синод), И. Мариньи (Иностранная коллегия), а также сыновей переводчиков (Н. Арсеньев — Иностранная коллегия), бухгалтеров (Е. Г. Рыков — Синод) и др.¹⁸⁸

Необходимо подчеркнуть условность и трудность отнесения некоторых лиц к разряду «детей личных дворян», насчитывавших всего около 60 чел., что объясняется промежуточным положением

¹⁸⁴ С. В. *Рождественский*. Указ. соч., т. I, стр. 127—130, 146 и др.

¹⁸⁵ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 445 и об.; ч. 3, л. 1031 об.; Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 350 об.—351 об., 553 об.—554.

¹⁸⁶ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 1, л. 204—204 об.; ч. 2, лл. 415, 435—436; кн. 606, л. 210.

¹⁸⁷ ПСЗ, т. VI, № 3890, § 5; № 4449.

¹⁸⁸ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 1, лл. 277, 286 об.; ч. 2, лл. 774 об., 793 и др.

этой группы, тяготеющей к дворянству. Приведем лишь один характерный пример. В 1754 г. в штате Ревизион-коллегии служил надворным советником С. С. Копьев, сын подьячего, начавший свою карьеру в 1702 г. в школе переводчиков Посольского приказа. Его сын Даниил числился переводчиком Иностранной коллегии в ранге поручика. Он родился в 1731 г., до того как его отец получил чин асессора (1737) и стал потомственным дворянином. Однако Копьев младший написал в «сказке», что является дворянином, хотя не имел на это юридического права. Он получил таковое в 1767 г., одновременно с пожалованием в асессоры¹⁸⁹.

Указание в «сказках» на национальную принадлежность обычно несло и «социальную нагрузку»: оно помогает определить происхождение части чиновников и более четко разграничить дворян и выходцев из других слоев населения. Поступая на русскую службу по приглашению правительства, иностранцы заключали «капитуляции», или договоры, и предъявляли патенты (дипломы), подтверждающие их принадлежность к дворянству, а также наличие чинов, титулов, орденов. В то же время часть иноземцев нанималась служить без «капитуляций». Некоторые, начав служить по контракту, затем оседали в России, вливаясь в ряды дворян или чиновников. К их числу, например, относился обер-комендант Ревеля бригадир Ф. А. Луцевин, «иноземец старых выездов»¹⁹⁰.

Все находившиеся на русской службе иностранцы во время переписи 1754—1756 гг. указали свою национальную принадлежность, хотя этого и не требовалось по условиям переписи. Всего такие данные сообщило около 200 чел., среди которых были греки, итальянцы, поляки, немцы, турки, шведы, французы и др. К числу «иноземцев» мы отнесли и тех чиновников, которые сообщали не национальную, а государственную принадлежность: «уроженец Швеции», «голландцы», «курляндцы», «эстляндцы» и т. п., среди которых, видимо, были не только выходцы из Пруссии и Швеции, но и латыши, эстонцы, финны и др. Особенно много «иноземцев» было среди чиновников Выборгской, Ревельской и Рижской губерний, в Медицинской канцелярии, а также в канцелярии Академии наук и горном ведомстве.

Само указание на национальную принадлежность говорило о желании иностранцев использовать это обстоятельство в практических целях: добиться выгодного, хорошо оплачиваемого места, а также отмежеваться от податного населения.

В тех случаях, когда иностранцы указывали сословную принадлежность (дворяне, мещане, купцы, офицерские дети), мы относили их к соответствующей группе русского чиновничества. В итоге 156 чел. были нами включены в категорию «разночинцев».

¹⁸⁹ Там же, ч. 2, лл. 344—345, 676; Госархив, XVI р., д. 168, ч. 11, лл. 109 об.—110.

¹⁹⁰ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 108—109.

В эту многочисленную группу чиновников вошли также дети учителей, медиков, ремесленников, мастеровых, работных людей, лица, начинавшие служить учениками на мануфактурах и горных заводах, и т. д. К числу «разночинцев» мы отнесли и нескольких потомков дворцовых слуг, таких, как, например, титулярный советник М. Я. Зарин, родом «из конюшенного чину»¹⁹¹ (Дворцовая конюшенная канцелярия). В эту же группу включены и некоторые представители нерусских народностей, служившие чиновниками: например, переводчики Иностранной коллегии калмык П. А. Балучин, приехавший в Петербург с ханом Черен-Дондуком и принявший крещение, татарин А. У. Алтышев и др.¹⁹²

Когда работа по определению социального происхождения чиновников была завершена, нам посчастливилось найти в ЦГАДА данные, позволяющие осуществить дополнительную проверку избранных нами критериев и методики. В частности, мы обнаружили два комплекса источников, о которых уже говорилось выше: «сказки» секретарей и канцеляристов центральных учреждений России, относящиеся к 1737 г.¹⁹³ и «Список о судьях, и членах и прокурорах в калегиях, канцеляриях, канторах и протчих местах», составленный Герольдмейстерской конторой Сената в конце 1740 г. после дворцового переворота, устранившего от власти герцога Бирона¹⁹⁴.

Во время переписи 1737 г. к числу «канцелярских служителей» были отнесены чиновники, имевшие по Табели о рангах 9—14-й ранги (от секретарей до коллежских регистраторов включительно). Всего мы имеем 1202 «сказки».

В «Списке» 1740 г. учтено 215 чиновников, причем во всех случаях точно указано их социальное происхождение: из дворян, подьячих, купцов, «боярских людей» (один человек). Если чиновник принадлежал к иноземному дворянству, то это специально оговаривалось: например, членом присутствия в Фортификационной конторе служил Д. Деколонг «из шляхетства французской нации», в Юстиц-коллегии — ассессором Гейсон «из немецких шляхтичей», президентом Академии наук был барон А. Корф «ис курляндских шляхтичей»¹⁹⁵. Для остальных выходцев из-за рубежа, являвшихся разночинцами, отмечалось, что они «из иноземцев», или указывалась национальность: например, советник канцелярии Академии наук Я. Д. Шумахер был «альзацкой нации». О директоре Петербургской почтовой конторы Ф. Аше было написано, что он происходит «города Бреславля из гражданского чину», о его московском коллеге В. Пестеле — «города саксонского из гражданского чину»¹⁹⁶.

¹⁹¹ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 1, л. 264 об.

¹⁹² Там же, ч. 2, лл. 615—617 об., 683 и др.

¹⁹³ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 203, лл. 1—910.

¹⁹⁴ ЦГАДА, Сенат, кн. 1155, лл. 542—577.

¹⁹⁵ Там же, лл. 546 об.—547, 555 об.—556, 572 об.—573.

¹⁹⁶ Там же, лл. 563 об.—564, 568 об.—569, 574 об.—575.

Таким образом, в нашем распоряжении всего 1417 «сказок» чиновников, относящихся к 1737—1740 гг. Данные этого комплекса источников были использованы для проверки правильности определения социального происхождения 1214 чиновников, не сообщивших таких сведений во время переписи 1754—1756 гг. В результате чрезвычайно трудоемкой и кропотливой работы по сопоставлению «сказок» 1754—1756 гг. с данными учета канцеляристов 1737 г. и «Списка» 1740 г. было установлено полное тождество имен и фамилий 257 чел., или около 21% чиновников, не указавших в 1754—1756 гг. социального происхождения. Поскольку в «сказках» канцеляристов 1737 г. некоторых учреждений (Иностранная коллегия, Берг-директориум, Монетная канцелярия и др.) вообще отсутствовали данные о социальном происхождении, то в действительности мы могли использовать сведения только о 195 чиновниках (около 15%).

В целом результаты, полученные при сопоставлении «сказок» середины 50-х годов с аналогичными видами источников конца 30-х годов, подтвердили правильность принятой нами методики определения социального статуса чиновников. Так, мы отнесли к дворянам М. С. Опочинина (президент Берг-коллегии), И. Ф. Глебова (генерал-майор — Главная артиллерийская канцелярия), М. А. Зюзина (начальник Главного комиссариата), И. И. Сукина (советник Канцелярии конфискации), И. Г. Микулина («присутствующий» в Канцелярии от строений), В. Ф. Пестрикова (генерал-майор — начальник Оружейной канцелярии), Д. А. Алексеева (ассессор Берг-коллегии), С. В. Волчкова (ассессор канцелярии Академии наук)¹⁹⁷ и др. В «Списке» 1740 г. и материалах переписи 1737 г. точно указано, что эти лица являются дворянами¹⁹⁸. Статского советника Иностранной коллегии И. И. Топильского, а также советников Вотчинной коллегии В. С. Полякова и С. С. Копьева (Ревизион-коллегия) мы зачислили в категорию потомков приказных людей. В «Списке» 1740 г. отмечено, что Топильский и Поляков были родом из подьячих, а Копьев — «ис переводчиков»¹⁹⁹.

Данные конца 30-х годов подтвердили правомерность отнесения не указавших социального происхождения иноземцев в разряд разночинцев: в «Списке» 1740 г. национальный момент («из иноземцев») свидетельствовал о принадлежности чиновника и к определенной социальной группе общества. Разночинцами были вице-президенты Берг- и Юстиц-коллегий В. Райзер и Ф. И. Эмме, Главный судья Монетной канцелярии швейцарец И. А. Шлат-

¹⁹⁷ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 1, лл. 6—6 об.; ч. 2, лл. 385—386, 389 об.—390, 442 об.—443, 557—559, 668, 828 об.—829, 848—848 об., 933—934.

¹⁹⁸ Ср. ЦГАДА, Сенат, кн. 1155, лл. 545 об.—546, 567 об.—571 об.; Герольдмейстерская контора, кн. 203, л. 481.

¹⁹⁹ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 343—345, 353—356, 634—634 об.; кн. 1155, лл. 559 об.—560, 561 об.—563.

тер²⁰⁰, не говоря о других иностранцах, занимавших более низкие должности и служивших переводчиками, горными инженерами, медиками, актуариусами, бухгалтерами и т. п.

Использование данных конца 30-х годов не только позволило проверить правильность нашей методики определения социального статуса, но и дополнительно установить происхождение более 100 чел., не отнесенных нами к категории дворян. Так, обер-секретари Адмиралтейской и Военной коллегий и Канцелярии отстроей Б. Никитин, С. А. Попов и Я. И. Метлин, ассессор Главной полицмейстерской канцелярии Ф. И. Андреев были детьми подьячих, советник Дворцовой канцелярии Е. В. Тишин — сыном секретаря Синода, т. е. сыном личного дворянина²⁰¹, и т. д.

После изучения содержания «сказок» канцеляристов, отложившихся в 1737 г., и материалов переписи 1754—1756 гг. выяснилось, что 63 чиновника происходили из среды подьячих, 8 были детьми солдат, по 6 — дворян и церковников, 3 — обер-офицеров, 1 — посадских людей, 44 — разночинцев²⁰², итого 131 чел. В группу разночинцев были включены 1 иноземец, 6 детей мастеровых и ремесленников, сообщивших, что они начали службу в качестве учеников на Тульских и Сестрорецких оружейных заводах, а также 37 чел., чьи отцы служили канцеляристами.

Наконец, привлекая «сказки» 1737 г. и «Список» 1740 г., мы смогли дополнительно проверить достоверность сведений о социальной принадлежности тех лиц, которые сообщили такие данные в 1754—1756 гг. В результате сопоставления этой группы «сказок» нам не удалось обнаружить расхождений в показаниях одних и тех же лиц при указании социального происхождения. Важно подчеркнуть, что это наблюдение относится не только к верхушке бюрократии, состоявшей в основном из потомственных дворян, многие из которых упоминаются в родословцах и других справочных изданиях, но и к представителям среднего и мелкого дворянства²⁰³.

* * *

Сведя воедино имевшиеся в нашем распоряжении данные источников, мы составили табл. 5, дающую наглядное представление о социальном составе чиновников России. В середине 50-х годов XVIII в. из 5379 чел., учтенных переписью, 3190 чел. (59,4%)

²⁰⁰ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 386—386 об., 542—542 об., 633—633 об.; ч. 3, л. 1152—1152 об.; кн. 1155, лл. 554 об.—555, 564 об.—565, 566 об.—567, 568 об.—569.

²⁰¹ Там же, кн. 8122, ч. 1, лл. 184—184 об., 295; ч. 2, лл. 474—475; ч. 3, лл. 938 об.—939, 1223—1223 об.; Герольдмейстерская контора, кн. 203, лл. 26, 31 об., 158, 702 об., 856.

²⁰² ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 203, лл. 162, 641, 656.

²⁰³ Ср. ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 1, лл. 186 об., 188; Герольдмейстерская контора, кн. 203, лл. 159 об., 324 и др.

Таблица 5

Социальный состав чиновников России в 1755 г.

Разряд	Всего учтено чиновни- ков	В том числе		В том числе среди недворян											
		дворян	недворян	дети личных дворян	приказ- ных людей	церков- ников	солда- рейта, драгуны	от отво- рцев	казаков	крестьян	поса- дских людей	купцов	разно- чинцев	и поземцев	
<i>Государственные учреждения</i>															
Центральные															
I	73	64	9	—	1	3	—	—	1	—	—	2	—	2	
II	180	125	55	7	16	—	1	—	—	1	—	1	12	17	
III	648	225	423	42	142	28	2	—	—	3	1	2	148	55	
Итого	901	414	487	49	159	31	3	—	1	4	1	5	160	74	
%	100	45,95	54,05	5,44	17,66	3,44	0,33	—	0,11	0,44	0,11	0,55	17,76	8,21	
Местные органы центральных учреждений															
I	4	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
II	30	22	8	2	—	1	—	—	—	—	—	—	2	3	
III	111	31	80	1	12	—	1	—	—	—	—	—	54	12	
Итого	145	57	88	3	12	1	1	—	—	—	—	—	56	15	
%	100	39,31	60,69	2,07	8,28	0,69	0,69	—	—	—	—	—	38,62	10,34	

Таблица 5 (продолжение)

Разряд	Всего учтено чиновников	В том числе		В том числе среди недворян											
		дворян	недворян	дворян	лицей личных дворян	приказных людей	перковников	солдат, рейтар, драгун	однодворцев	казаков	крестьян	посадских людей	купцов	разночинцев	иноземцев
Местное управление															
I	37	35	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
II	317	259	58	—	1	4	2	—	—	1	—	1	48	1	
III	393	143	250	3	44	5	8	3	—	2	4	10	118	53	
IV	3328	138	3190	21	2354	234	275	20	64	71	33	28	86	4	
Итого	4075	575	3500	24	2399	243	285	23	64	74	37	39	253	59	
%	100	14,11	85,89	0,59	58,87	5,96	6,99	0,56	1,57	1,82	0,91	0,96	6,22	1,44	
Дворцовые учреждения															
I	31	24	7	1	1	—	—	—	—	—	—	—	5	—	
II	35	26	9	1	2	—	2	—	—	—	—	—	2	2	
III	192	64	128	4	38	3	1	—	—	—	1	—	75	6	
Итого	258	114	144	6	41	3	3	—	—	—	1	—	82	8	
%	100	44,19	55,81	2,33	15,89	1,16	1,16	—	—	—	0,39	—	31,78	3,10	

Таблица 5 (продолжение)

Разряд	Всего учтено чиновников	В том числе		В том числе среди недворян											
		дворян	недворян	дворян	лицей личных дворян	приказных людей	перковников	солдат, рейтар, драгуны	однодворцев	казаков	крестьян	посадских людей	купцов	разночинцев	иноземцев
Всего в государственных и дворцовых учреждениях															
I	145	127	18	1	2	3	—	—	1	—	—	2	6	3	
%	100	87,59	12,41	0,69	1,38	2,07	—	—	0,69	—	—	1,38	4,13	2,07	
II	562	432	130	10	19	5	5	—	—	2	—	2	64	23	
%	100	76,87	21,13	1,78	3,38	0,89	0,89	—	—	0,36	—	0,36	11,38	4,09	
III	1344	463	881	50	236	36	12	3	—	5	6	12	395	126	
%	100	34,45	65,55	3,72	17,56	2,68	0,89	0,22	—	0,37	0,45	0,89	29,39	9,38	
IV	3328	138	3190	21	2354	234	275	20	64	71	33	28	86	4	
%	100	4,15	95,85	0,63	70,75	7,03	8,26	0,60	1,92	2,13	0,99	0,84	2,58	0,12	
Итого I—IV	5379	1160	4219	82	2611	278	292	23	65	78	39	44	551	156	
%	100	21,57	78,43	1,52	48,52	5,17	5,43	0,43	1,21	1,45	0,73	0,82	10,25	2,90	

были разночинцами. Дворяне-чиновники были в меньшинстве в государственном аппарате: на их долю приходилось 40,6% (2189 чел.). Среди них численно преобладали потомственные дворяне (1160 чел., или 53%), лица, получившие дворянство за службу насчитывали 1029 чел. (47%), в том числе 881 чиновник III разряда имел пока личное дворянство.

Если мы попытаемся определить, какую долю в государственном аппарате России в середине XVIII в. составляли потомственные дворяне, то сразу заметим, что они были в меньшинстве среди чиновничества — 1160 чел. (21,57%). Представители других сословий и групп насчитывали 4219 чел. (78,43%). Таким образом, в середине XVIII в. почти $\frac{4}{5}$ бюрократии Российской империи составляли выходцы из непривилегированных сословий.

Если мы обратимся к данным о социальном составе чиновничества по отдельным ведомствам и разрядам, то общая картина изменится: в центральных и местных учреждениях, а также в дворцовых на долю дворян приходилось от 40 до 50% всех служащих. При этом, как правило, дворяне занимали большую часть высших постов в учреждениях (чиновники I и II разрядов).

Об этом же свидетельствует соотношение потомственных дворян и выходцев из других сословий среди чиновников каждого из четырех разрядов. Прежде всего бросается в глаза явное преобладание дворян среди чиновников I разряда — 87,5%. Высший слой сановой бюрократии Российской империи в изучаемое время состоял преимущественно из потомственных дворян. Среди чиновников II разряда, занимавших ключевые посты в государственном управлении, дворяне также преобладали — 76,8%. Зато в следующем, III разряде они были уже в меньшинстве — всего 34,5%. И наконец, среди канцеляристов (чиновники IV разряда) на долю представителей класса феодалов приходилось всего лишь 4,1%.

Сохраняя важнейшие посты в аппарате управления в руках представителей класса феодалов, абсолютная монархия в значительных размерах привлекала на государственную службу выходцев из других слоев общества, давая части из них дворянство. В целом такая политика укрепляла позиции абсолютизма.

Источники позволяют более подробно изучить социальный состав отдельных разрядов бюрократии. Прежде всего выясним, каков был удельный вес титулованной знати среди чиновничества. Из 1160 дворян обладателей титулов насчитывалось 73 чел., т. е. 6,5%, или около 1,5% всех чиновников. В действительности титулованных дворян было несколько больше, примерно 8—9%, ибо у нас неполные сведения по Сенату, Адмиралтейской коллегии и некоторым другим учреждениям.

Верхушка правящего класса Российской империи не была однородной в социальном и национальном отношении, не говоря уже об имущественном положении. Это отразилось на составе чиновников-дворян, обладавших титулами. Представители древних русских княжеских фамилий насчитывали 31 чел. (Голицыны — 6,

Мещерские — 5, Щербатовы — 3, Вяземские, Долгоруковы, Оболенские, Шаховские — по 2, Вадбольские, Друцкие-Соколиньские, Касаткины-Ростовские, Куракины, Несвицкие, Трубецкие, Урусовы, Черкасские и Юсуповы — по 1). Вторую по численности группу титулованного дворянства составляли чиновники из феодальной верхушки нерусских народов, входивших в состав Российской империи, а также грузинские феодалы, приехавшие в Россию с царем Вахтангом VI (Амилахаровы, Дивеевы — по 2, Баратаевы, Геловановы, Гундоровы, Кекустовы, Кудашевы, Куковатовы, Ратиевы, Сологови, Тенишевы, Туркистановы, Цициановы, Чхеидзе и Шахаевы — по 1). Представители графских фамилий насчитывали 15 чел. Среди них было 2 иностранца (пруссский граф Кейзерлинг и Санти) и 13 русских (Бестужевы-Рюмины, Воронцовы, Гендриковы, Разумовские — по 2 чел., Головины, Головкины, Скавронские, Чернышевы, Ягужинские — по 1). Обладателей баронского титула было 10 чел., из них один был русским — И. А. Черкасов, остальные иностранцами — немцами и шведами (Будберги — 2, Вольф, Кампенгаузен, Кейзерлинг, Корф, Мейендорф, Миних и Остен-Сакен — по 1).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди титулованной знати примерно пятую часть (13 графов и барон) составляли лица, получившие свои титулы за личные заслуги перед абсолютной монархией. Среди представителей «новой» аристократии были не только дворяне (Головины, Бестужевы, Головкины и др.), но и представители «подлого народа», возведенные в дворянство и получившие свои титулы благодаря фавору и родне с царской фамилией (Разумовские, Гендриковы, Скавронские) или выслуге (Ягужинский, Черкасов).

Чтобы правильно оценить роль титулованного дворянства в аппарате управления абсолютной монархии, необходимо сказать, какие оно занимало посты. В 1754 г. из 11 сенаторов семь принадлежали к титулованной знати: князя А. Д. и М. М. Голицыны, И. В. Одоевский, И. А. Щербатов, Б. Г. Юсупов, графы А. П. Бестужев-Рюмин, А. Б. Бутурлин, П. И. Шувалов²⁰⁴. Князь Н. Ю. Трубецкой был обер-прокурором Сената, князь С. В. Урусов — экзекутором. Представителями четырех важнейших коллегий (из 13) были также представители титулованной знати: в Адмиралтейской — князь М. М. Голицын (он же сенатор), вице-президент граф А. И. Головин; в Военной — сенатор граф А. Б. Бутурлин, член присутствия и обер-комендант Петербурга князь Ф. Мещерский; в Иностранной — канцлер сенатор граф А. П. Бестужев-Рюмин, в Камер — князь М. И. Шаховской, в Ревизион-коллегии — вице-президент князь Г. И. Шаховской. Гетманом Украины и президентом Академии наук был граф К. Г. Разумовский брат императорского фаворита. Во главе Тайной канцелярии

²⁰⁴ Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, кн. 642, л. 323—323 об.; ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 440, л. 325—325 об.

стоял сенатор граф А. И. Шувалов, Шляхетским корпусом и канцелярией Большого Ладожского канала ведал сенатор князь Б. Г. Юсупов. Из 13 послов России 8 чел. принадлежали к титулованной знати. Пять губернаторов из 16 имели княжеские, графские и баронские титулы и т. д. Почти половина придворных (10 чел. из 22) тоже являлись представителями титулованного дворянства.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что титулованная знать играла важную роль в государственном управлении. Она занимала ключевые посты в высшем органе Российской империи — Сенате и в учреждениях, ведавших армией, флотом, внешней политикой и осуществлявших карательные функции. Из их же среды назначались многие губернаторы, воеводы крупных провинций.

Необходимо подчеркнуть, что такое положение титулованная аристократия занимала и в более раннее время. Так, при учреждении коллегий в декабре 1717 г. Петр I назначил их президентами трех князей и шесть графов²⁰⁵. Представители княжеских фамилий были во главе Преображенского и Сибирского приказов. Таким же был состав Сената в последние годы правления Петра I²⁰⁶. Из титулованной знати состояли Верховный Тайный совет и Кабинет министров, являвшиеся высшими органами управления в России в 1726—1740 гг. В 30—40-х годах XVIII в. обладатели княжеских, графских и баронских титулов составляли большинство в Сенате и возглавляли важнейшие центральные учреждения, несмотря на частые дворцовые перевороты. Так, в 1739 г. из 10 коллегий 6 (Военная, Адмиралтейская, Иностранная, Вотчинная, Коммерц- и Юстиц-коллегии), а также 2 канцелярии (Главной артиллерии, Монетная), Рекетмейстерская контора и Академия наук возглавлялись князьями, графами и баронами²⁰⁷.

После дворцового заговора в 1740 г., приведшего к власти барона Б.-Х. Миниха, положение почти не изменилось, если не считать удаления от дел графа А. И. Остермана²⁰⁸. Очередной переворот, давший власть дочери Петра I — Елизавете, также не ослабил позиций титулованной аристократии в высшем управлении; произошла лишь частичная перестановка, коснувшаяся отдельных лиц: например, место Миниха в Иностранной коллегии занял князь А. М. Черкасский, в Военной — князь В. В. Долгоруков²⁰⁹.

Титулованная аристократия играла крупную роль в местном управлении, замещая должности губернаторов, вице-губернаторов и их товарищей ...

²⁰⁵ ПСЗ, т. V, № 3133.

²⁰⁶ Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, кн. 642, лл. 317—318 об.

²⁰⁷ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 216, лл. 1—13.

²⁰⁸ ЦГАДА, Сенат, кн. 1155, лл. 542 об., 543 об., 548 об., 555 об., 557 об., 563 об., 566 об.

²⁰⁹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 260, лл. 1—10.

²¹⁰ Ю. В. Готье. Указ. соч., т. I, стр. 205—210.

Однако, отмечая сохранение титулованной знатью важнейших позиций в высшем управлении государством, необходимо учесть, что в первой половине XVIII в. произошло качественное изменение ее состава. Начиная с Петра I абсолютная монархия жаловала за заслуги своих сторонников графскими и баронскими, а иногда и княжескими титулами. В правление Елизаветы Петровны графский титул получили крупные сановники империи братья А. Г. и К. Г. Разумовские, А. П. и М. П. Бестужевы-Рюмины, президент Военной коллегии фельдмаршал А. Б. Бутурлин, начальник Тайной канцелярии А. И. Ушаков, братья П. И. и А. И. Шуваловы, три брата Воронцовых, баронский — кабинет-секретарь И. А. Черкасов и др.²¹¹ «Новая» аристократия пополнялась не только за счет среднего и мелкого дворянства, но и за счет выходцев из социальных низов.

В целом титулованная знать составляла немногочисленную группу среди бюрократии России в изучаемое время. Подавляющее большинство руководящих должностей во всех звеньях центрального и местного аппарата управления абсолютизма занимали представители среднего и мелкого дворянства.

Обращаясь к чиновникам-недворянам, необходимо отметить чрезвычайную пестроту их социального состава. В формировании бюрократии участвовали самые различные слои населения Российской империи: приказные люди, дети личных дворян, разночинцы. На самом деле пестрота социального состава чиновничества была еще больше, ибо в ряде случаев для упрощения подсчетов и облегчения определения удельного веса мы объединяли мелкие группы. Так, например, в графе «церковники» показаны вместе дети белого духовенства (священники, пономари, дьячки) и различного рода монастырских и церковных слуг (причетники, церковные сторожа и т. п.), которые, кстати сказать, не всегда строго разделялись и в источниках. Под рубрикой «крестьяне» записаны представители различных разрядов крестьянства (государственные, помещичьи, монастырские, бывшие холопы и дворовые слуги), платившие подушную подать или уже не несшие государственного тягла.

Еще более пестрой по составу была группа «разночинцы», в которую мы включили 32 чел. детей рассыльчиков, а также детей ямщиков, мастеровых, ремесленников, работных людей, учителей, медиков и т. п. Несомненно, что в эту категорию попало и какое-то количество потомков приказных людей, а также выходцев из среды тяглых людей, по разным причинам не желавших указывать свое настоящее происхождение. К разночинцам относились и те чиновники, которые вместо социального происхождения указали свою национальность.

²¹¹ А. Романович-Словатинский. Указ. соч., стр. 37—44; М. Яблочков. История дворянского сословия в России. СПб., 1876, стр. 405—407.

Основную массу чиновников России в середине XVIII в. составляли потомки приказных людей (48,5%) и близко стоявшие к ним дети личных дворян и обер-офицеров (1,5%) — итого 50%. Около 13% чиновников приходилось на долю разночинцев (10,25%) и иноземцев (2,9%). Чуть более 5% составляли выходцы из среды церковников и столько же — дети отставных солдат, рейтар и драгун. Другие категории населения (казаки, крестьяне, посадские люди, купцы) дали незначительное количество чиновников (от 0,43 до 1,45%).

Если мы обратимся к социальному составу чиновников по отдельным разрядам, то сразу же заметим огромное преобладание потомков приказных людей среди канцелярских служителей — 70,75%. Их доля среди чиновников III разряда была небольшой — 17,56% и совсем незначительной среди верхов бюрократии (I—II разряды). В действительности удельный вес потомков приказных людей среди чиновников II и особенно III разрядов был, видимо, выше, ибо частично они учтены в графе «разночинцы», о чем уже говорилось.

Само увеличение количества разночинцев среди чиновников III разряда, по нашему мнению, объяснялось не только неполнотой источников, но и тем, что лица, ставшие личными дворянами и добивавшиеся чинов, дававших им потомственное дворянство, стремились скрыть свою принадлежность к податным сословиям.

Как видно из табл. 5, основная масса населения России — крестьяне — была слабо представлена в рядах чиновничества — 1,5%, даже если сделать поправку на то, что фактически выходцев из крестьянства было несколько больше (часть их, вероятно, учтена в графе «разночинцы»). И это понятно, ибо господство феодально-крепостнических отношений в стране задерживало переход крестьян в другие сословия и группы.

Этим же объяснялся и низкий удельный вес (1,55%) городского населения в рядах бюрократии.

Однако, оценивая роль городского и крестьянского населения России в процессе комплектования чиновничества как особой прослойки населения, главным занятием которого была государственная служба, необходимо сделать оговорку. Одной из специфических особенностей государственного строя России в эпоху феодализма было широкое использование монархией в своих целях крестьянского и посадского самоуправления. На крестьянские и посадские миры правительство возложило часть фискальных и административно-полицейских функций государства. В ряде случаев органы посадского и отчасти крестьянского самоуправления (особенно в черносошной деревне) были придатком государственного аппарата²¹².

²¹² Вопрос о роли органов крестьянского и посадского самоуправления в системе политических институтов абсолютной монархии нуждается в специальном изучении.

В целом данные табл. 5 свидетельствуют о том, что выходцы из непривилегированных слоев населения России имелись среди всех разрядов чиновничества, численно преобладая в двух «нижних этажах» бюрократической пирамиды. Становясь государственными чиновниками, такие лица порывали со своей средой и, получая по Табели о рангах чины, становились личными, а затем и потомственными дворянами. Из 2051 чиновника, имевших офицерские ранги, 1022 чел. (около 50%) были потомственными дворянами. Почти столько же чиновников (1029 чел.) стали членами «благородного» сословия в результате государственной службы, причем 148 чел. (15,3%) превратились в потомственных дворян, так как уже имели чины 1—8-го классов.

В этой связи возникает чрезвычайно важный вопрос: какова была роль гражданской и военной службы в пополнении численности дворянского класса в изучаемое время? Имевшиеся у нас источники позволяют лишь частично ответить на этот вопрос, поскольку они не охватывают весь офицерский корпус армии и флота. В нашем распоряжении были рапорты полков сухопутной армии «о всех служащих, кои из дворян и не из дворян, а дослужились до обер-офицерства», которые присылались в Герольдмейстерскую контору в 50-х годах XVIII в.

Решение о ежегодной присылке императрице сведений о социальном составе армейского офицерства было принято правительством одновременно с изданием уже упоминавшихся указов 1742—1743 гг. о восстановлении в армии и гражданском управлении чиновпроизводства «по старшинству и достоинству». Однако такие рапорты присылали не все полки, несмотря на неоднократные напоминания Сената. Начиная в 1754 г. перепись чиновников в обер-штаб-офицерских чинах, правительство распорядилось собрать сведения о количестве обер-офицеров в армии из числа разночинцев²¹³.

Но это распоряжение правительства не было выполнено. В результате мы располагаем весьма неполными данными по этому вопросу. Сведя их воедино, получим табл. 6. Содержащиеся в ней цифры несколько завышают долю разночинцев, получивших офицерские ранги, так как у нас не было рапортов по всем полкам гвардии и большей части кавалерийских полков (13 из 46), где всегда преобладали дворяне. Учитывая это обстоятельство, видим, что удельный вес обер-офицеров из числа разночинцев в полках сухопутной армии, видимо, не превышал 12—14%, т. е. находился в общем на том же уровне, что и в начале 20-х годов XVIII в.²¹⁴

Таким образом, в изучаемое время гражданская служба играла большую роль в процессе пополнения рядов правящего класса. С учетом этого обстоятельства становятся более понятными меры дворянского правительства в 50-х — начале 60-х годов XVIII в.

²¹³ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 459, л. 1.

²¹⁴ Ср. М. Д. Рабинович. Указ. соч., стр. 171.

Таблица 6

Социальный состав офицеров армии в середине 50-х годов XVIII в. *

Полки **	Всего учтено офицеров	Из них		В том числе среди недворян										
		дворян	н дворян	детей личных дворян и обер-офицеров	о лугах, рейтар драгун	казаков	однодворцев	крестьян	п. садских людей	кушцов	иркычаных людей	ц. ровников	разночинцев	н. указали п. (исключения)
Пехотные	1184	1010	174	16	54	—	5	16	4	2	6	32	7	32
Кавалерийские	1153	1098	55	13	23	1	—	1	—	1	5	6	4	1
Гарнизонные	752	451	301	50	113	18	11	27	10	1	7	12	5	47
Ландмилищные	648	557	91	20	25	—	32	—	—	2	5	6	1	—
Всего	3737	3116	621	99	215	19	48	44	14	6	23	56	17	80
%	100	83,38	16,62	2,66	5,75	0,51	1,28	1,18	0,37	0,16	0,62	1,50	0,45	2,14

* Для составления табл. 6 использованы рапорты полков армии, содержащие сведения о социальном составе офицеров. Для подсчетов взяты рапорты за 1755—1758 гг. (ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 459, лл. 1—515). По штатам 1756 г. в сухопутной армии было 172 полка, 4 батальона, 2 эскадрона, а также инженерные и артиллерийские

части (Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958, стр. 63—67).

** Мы располагаем данными по 16 пехотным полкам из 53, 13 кавалерийским из 46, 24 гарнизонным из 49, 20 ландмилищным из 24, 2 батальонам из 4 — итого по 73 полкам (т. е. примерно 42%) из 172 всех полков сухопутной армии.

по созданию препятствий разночинцам при получении секретарских должностей, о чем уже говорилось выше.

До сих пор мы уделяли главное внимание возрастанию численности разночинцев в рядах бюрократии, что свидетельствовало о восходящей вертикальной мобильности выходцев из непривилегированных сословий и групп населения России, изменявших в результате государственной службы свой социальный статус. Однако данные табл. 5 позволяют сделать некоторые наблюдения о нисходящей социальной мобильности представителей правящего класса, которые из «верхних этажей» бюрократической пирамиды в изучаемое время начали перемещаться в «нижние»: если среди чиновников IV разряда было всего 4,15% потомственных дворян (138 чел.), то в III разряде они составляли уже 34,45% (463 чел.) и входили в состав верхнего слоя «канцеляристских служителей» (секретари, регистраторы и т. п.). Передвижка потомственных дворян «вниз» по лестнице чинов не влекла за собой изменения их юридического положения, но фактически она означала определен-

ную социальную деградацию таких представителей правящего класса. Два «встречных потока» среди чиновничества протекали в сословной дворянской оболочке. Отмеченные изменения в социальном составе российской бюрократии в середине XVIII в. являлись отражением более общего процесса — постепенного разложения старых феодальных сословий и вызревания классов и прослоек нового буржуазного общества, происходившего под влиянием формирующихся капиталистических отношений.

4. Происхождение чиновников

Приведенные нами сведения о социальном составе чиновников можно назвать как бы «моментальным снимком» российской бюрократии на 1755 г. Но они, по понятным причинам, не могут дать представления о всей сложности и динамике процесса формирования новой прослойки общества. А между тем для понимания классовой сущности бюрократии и ее роли среди других политических институтов абсолютной монархии важно выяснить, как происходило превращение выходцев из различных классов — сословий и групп населения феодальной России в государственных чиновников.

Чтобы изучить процесс формирования бюрократии в развитии мы привлекли «сказки» чиновников XVIII в., отложившиеся при проведении переписи 1754—1756 гг., и использовали генеалогические приемы изучения этих источников. Всего во время переписи отложилось 5379 «сказок», которые содержат ценные биографические данные о чиновниках и их детях (фамилия, имя, отчество, титул, чин, образование, прохождение службы, наличие крестьян и т. д.). Эти сведения тщательно проверялись учреждениями, в которых служили чиновники, а также Герольдмейстерской канцелярией Сената.

Обращение к генеалогическим методам исследования источников обусловлено невозможностью изучить одному историку по биографии пяти с лишним тысяч чиновников, а также отсутствием достаточных источников для проведения такой работы в отношении всех лиц, особенно вышедших из непривилегированных сословий, составлявших 78,5% чиновников, по переписи 1754—1756 гг. Поэтому мы сочетали источниковедчески-статистические и генеалогические приемы изучения «сказок» чиновников.

Необходимо отметить чрезвычайную сложность изучения данных по истории родов чиновников, вышедших из непривилегированных слоев населения феодальной России, ибо дореволюционная генеалогия интересовалась преимущественно историей дворянских родов и фамилий. Лишь в самое последнее время, в связи с усилением интереса в советской историографии к этой вспомогательной научной дисциплине, стала расширяться проблематика генеалогических исследований. Н. Н. Покровский опубликовал работу, посвященную истории шести семей поморских крестьян-земле-

владельцев, Н. Е. Носов изучил историю превращения некоторых родов восточных крестьян Поморья в купцов и буржуа; Н. П. Воскобойникова издала родовой архив крестьян Яренского уезда Артемьевых-Хлызовых (XVII в.), А. А. Преображенский реконструировал архив другой крестьянской семьи — Иртеговых с 20-х годов XVII в. до середины XVIII в., К. Н. Сербина собрала интересные данные по истории более 20 родов городских и сельских кузнецов, домников и скупщиков г. Устюжны Железопольской и Тихвинского уезда²¹⁵. В перечисленных трудах разработана методика изучения биографических данных и их использования для решения конкретных проблем.

В широком смысле слова все 5379 сохранившихся «сказок» содержат данные по генеалогии, ибо во время переписи каждый чиновник должен был сообщить о себе и детях все те сведения, которые были перечислены в указе Герольдмейстерской конторы от 6 марта 1722 г. (фамилия, имя, отчество²¹⁶, титул, должность, прохождение службы, образование, оклад, количество крепостных крестьян). Кроме того, «сказки» содержат сведения о родителях чиновников (фамилия, имя и в особенности социальное положение). Часть чиновников представили сведения об учебе, службе и вочинах детей. Такие данные приведены в 736 «сказках» из 5379 (13,6%). В одних случаях эти сведения могут послужить отправным пунктом для самостоятельных генеалогических разысканий, в других — являясь ценным дополнением к уже опубликованным биографическим материалам об отдельных лицах или родах.

Однако сведения по истории одного-двух поколений рода не всегда дают достаточные основания для выяснения процесса превращения выходца из той или иной сословной группы в потомственного чиновника. Поэтому мы считали необходимым привлекать для генеалогического изучения фамилии тех чиновников, чьи биографии можно восстановить на протяжении жизни представителей

²¹⁵ Н. Н. Покровский. К истории крупного светского землевладения в Двинской земле XV—XVI вв.— «Вестник Московского ун-та. Историко-филологическая серия», 1956, № 2, стр. 125—140; Н. Е. Носов. Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России.— «Вспомогательные исторические дисциплины», сб. 1. Л., 1968, стр. 227—228; *он же*. Становление сословно-представительных учреждений в России. М., 1969, стр. 240—284; Н. П. Воскобойникова. Родовой архив крестьянской семьи Артемьевых-Хлызовых.— «Археографический ежегодник за 1966 г.» М., 1968, А. А. Преображенский. О земельных сделках уральских крестьян в XVII в.— «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 219—224; *он же*. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1973, стр. 199—210; К. Н. Сербина. Крестьянская железоделательная промышленность Северо-Западной России XVI — первой половины XIX в. Л., 1974, стр. 37—48, 151—156.

²¹⁶ 171 чел. (3,1% учтенных лиц) не указали отчество, в чем проявилось влияние существовавшего до начала XVIII в. обычая называть себя унизительными полуименами, хотя Петр I приказал людям всякого звания писаться полными именами.

трех и более поколений одного рода. Всего мы располагаем такими сведениями примерно о 630 фамилиях, т. е. об 11—12% всех лиц, учтенных переписью 1754—1756 гг. Они извлечены из материалов переписей чиновников 1754—1756 гг., а также из родословных росписей, опубликованных П. В. Долгоруковым, П. Петровым, В. В. Руммелем, В. В. Голубцовым, А. Б. Лобановым-Ростовским, и адресов-календарей, или «Списков находящихся в статской службе чинам», издававшихся в конце 60-х — 80-х годах XVIII в.²¹⁷, и других справочных изданий²¹⁸.

Следует указать, что имеющиеся у нас данные позволяют довольно полно проследить основные факты биографии того или иного лица, относящиеся к его служебной деятельности, и изменение социального статуса, но они не дают возможности выяснить историю отдельных родов в полном объеме (отсутствуют сведения о брачных союзах, женщинах, малолетних детях и т. п.).

Процесс формирования чиновничества имел свои особенности на разных этапах бюрократической пирамиды Российской империи и во многом зависел от классовой и сословной принадлежности поступавшего на государственную службу лица. Поэтому мы разбили имевшиеся у нас генеалогические данные на четыре разряда с учетом сословной принадлежности чиновников: I — дворяне; II — приказные люди; III — посадские люди и купцы; IV — крестьяне.

В ходе работы встретились огромные трудности, ибо подавляющее большинство выходцев из непривилегированных сословий (крестьяне, посадские люди и т. п.) не только не вели родословных записей, но нередко сознательно скрывали свое социальное происхождение. Архивы чиновников, вышедших из среды посадских людей, крестьян, разночинцев, не сохранились. Поэтому для одних родов наши источники позволяли выяснить историю их представителей до поступления на государственную службу, для других — их судьбу в конце XVIII—XIX в.

Для многих дворян этого времени не удалось обнаружить родословные росписи. Как это ни покажется странным, но наиболее сложно проследить процесс превращения в потомственных чиновников членов привилегированного, феодального сословия. Занимая господствующее положение во всех сферах экономической,

²¹⁷ «Список находящихся в гражданской службе во всех присудственных местах с показанием каждого вступления в службу и в настоящий чин на 1769 г.» СПб., 1769 (далее — «Список на ... год»).

²¹⁸ «Списки замечательных лиц русских». Сост. П. Ф. Карабановым и дополненные П. В. Долгоруковым. М., 1860. *Н. Туркистанов*. Губернский служебник или список генерал-губернаторам, поручикам правителя, председателям уголовной и гражданской палат и дворянским предводителям в 47 наместничествах (1777—1796 гг.). СПб., 1869; *П. Н. Семенов*. Биографические очерки сенаторов по материалам, собр. П. И. Барановым. М., 1896; «Сборник биографий кавалергардов», т. 1—2. СПб., 1901; *E. Amburger*. Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966.

политической и культурной жизни, они испокон веков отдавали предпочтение военной службе, как наиболее почетной и выгодной. В XVII в. служба в приказах и канцеляриях судьями, не говоря уже о дьяках и подьячих, считалась малопочетной для служилых людей по отечеству. Петр I в целях укрепления классовых основ аппарата управления абсолютной монархии стремился привлечь дворян на гражданскую службу.

Мы располагаем генеалогическими материалами по трем и более поколениям 222 дворянских фамилий из 1160, учтенных переписью 1754—1756 гг. т. е. примерно по 19%. Из-за недостатка объема книги мы не можем изложить историю всех этих родов и должны наметить критерии для отбора фамилий, чтобы попытаться выявить некоторые характерные черты процесса превращения представителей служилого сословия в дворян-чиновников.

В результате консолидации дворянского сословия, а также правительственной политики к середине XVIII в. окончательно исчезло деление правящего класса на «чины» времен Московского царства. Он стал называться шляхетством, или дворянством. В его рядах имелась немногочисленная прослойка титулованного дворянства. Но и в середине XVIII в. правящий класс не был единым: наряду с богатыми помещиками, имевшими сотни и тысячи крепостных, имелись владельцы карликовых имений, дворовых слуг, а также беспоместные дворяне. Помимо потомков древних фамилий в состав феодального класса входили новые роды, получившие дворянство за службу. Учитывая сложный состав дворянского класса, мы наметили четыре критерия для отбора фамилий: 1) место чиновника в государственном аппарате, 2) имущественное положение, 3) социальное происхождение (принадлежность к определенному слою служилых людей) и 4) степень полноты генеалогических данных.

Следует оговорить невключение данных о представителях высшего слоя сановной бюрократии в России. Как известно, в XVIII в. происходила ожесточенная борьба за власть между отдельными группировками правящего класса. В этих условиях распространился фаворитизм, что приводило к быстрому взлету и падению лиц, попавших «в случай». Однако карьера таких «припадочных людей», по словам П. И. Панина, в целом нетипична для процесса формирования бюрократии.

В середине XVIII в. потомственные дворяне составляли 87,5% среди высших сановников России (сенаторы, руководители коллегий, канцелярий, приказов, губернаторы и вице-губернаторы) и 76,8% — среди верхнего слоя чиновников (от коллежских советников до ассессоров включительно).

Рассмотрим историю некоторых дворянских родов, чьи представители служили в центральных учреждениях России и занимали крупные должности в государственном управлении. Весьма характерные сведения дает история шести родов, которые представляют наиболее многочисленные слои служилых людей по отечест-

ву XVII в.: городских дворян и детей боярских (Голубцовы, Патрикеевы), дворян московских (Бакунины), жильцов (Васковы), а также такие категории, как патриаршие дворяне (Остолоповы), бояре и окольничие (Собакины), и обрусевших иноземцев-дворян (Кар).

В 1754 г. в Сенате «при генерал-прокурорских делах» служил Федор Степанович Голубцов, фактически являвшийся правой рукой генерал-прокурора Н. Ю. Трубецкого. Он происходил родом из мелких провинциальных служилых людей. В XVII в. его предки были детьми боярскими и дворянами. Отец Голубцова был, видимо, мелким помещиком Самарского уезда²¹⁹. В 1754 г. у Ф. С. Голубцова было всего 14 дворовых слуг²²⁰. Таких владельцев дворовых слуг или помещиков, у которых было не более 20 душ крепостных, насчитывалось в 1755 г. 1040 чел., или 19,3% всех учетных лиц. Среди чиновников своего разряда (от коллежского советника до ассессора включительно) по количеству крепостных Голубцов был типичной фигурой (всего таких чиновников было 91 чел., или 16,1% данной группы).

Голубцов начал службу в 1721 г. копиистом Московской провинциальной канцелярии. Через семь лет он получил должность канцеляриста. В 1730 г. его повысили и назначили протоколистом Сысского приказа, а спустя два года пожаловали секретарем. После перехода на службу в Сенат в 1738 г. способный чиновник быстро сделал карьеру, так как попал на «хорошее место» — «к генерал-прокурорским делам». В 1744 г. его назначили сенатским секретарем, а в 1754 г. — коллежским советником и дали очень большой оклад — 1200 руб., который получали далеко не все савонники более высокого ранга (сенаторы, президенты коллегий, губернаторы). Еще через 10 лет Голубцов получил чин статского советника, после чего служил товарищем смоленского губернатора, членом присутствия Вотчинной коллегии (умер в 1779 г.)²²¹.

Младший сын Голубцова — Сергей по окончании Шляхетского корпуса служил в армии и достиг чина генерал-майора. Старшие сыновья — Александр (1735—1796) и Николай (1736 — после 1802) — пошли по стопам отца и во время переписи учились в юнкерской школе Сената. Александр закончил карьеру в чине поручика правителя Симбирского наместничества, Николай дослужился в Сенате до чина надворного советника, вышел в 1783 г. в отставку и жил в своем имении в Новоторжском уезде²²².

²¹⁹ В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Указ. соч., т. 1, стр. 205—207.

²²⁰ Не исключено, что у Голубцова во время переписи не было вотчин, потому что был жив его отец, который, возможно, не выделил сыну его долю.

²²¹ В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Указ. соч., т. 1, стр. 207; ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 439, лл. 636 об.—637.

²²² В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Указ. соч., т. 1, стр. 208, Н. Туркистанов. Указ. соч., стр. 43, 99; ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 439, л. 639.

Представитель третьего поколения Голубцовых — Федор Александрович — в 1776 г. окончил Артиллерийский инженерный шляхетский корпус, служил в армии, а затем секретарем Сената «при генерал-прокурорских делах», т. е. вернулся туда, где ранее подвизался его дед. Свою карьеру Ф. А. Голубцов закончил так, как только могло мечтать большинство чиновников России, — министром финансов, затем сенатором и членом Государственного совета, будучи осыпан высшими орденами империи²²³.

Дальнейшая история рода Голубцовых не представляет интереса для нашей темы, ибо в XIX в. представители этой фамилии прочно занимали свое место среди высших сановников Российской империи, вступая в брачные союзы с отпрысками наиболее знатных дворянских и титулованных фамилий²²⁴.

Советник канцелярии Иностранной коллегии Василий Михайлович Бакунин был типичным помещиком средней руки: в 1754 г. у него было 160 крепостных во Владимирском и Нижегородском уездах. История рода Бакуниных интересна в двух отношениях: с одной стороны, она помогает представить, как происходило превращение таких помещиков в потомственных чиновников, вынужденных служить, чтобы иметь средства для содержания семьи; с другой — она показывает, чего могли достигнуть в XVIII в. на государственной службе способные представители правящего класса.

В XVII в. предки В. М. Бакунина служили дворянами московскими, стряпчими. Один из них — Никифор Михайлович — был в 80-х годах XVII столетия дьяком приказа Сысного Денежного дела²²⁵. Отец, Михаил Иванович Бакунин, в начале XVIII в. служил в армии провиантмейстером, а затем комендантом в Красном Яру и Царицыне²²⁶. В этой должности он не раз имел дело с калмыцкими тайшами. Двух своих сыновей — Василия (род. в 1701 г.) и Ивана (род. в 1708 г.), которые знали калмыцкий язык, он определил служить по дипломатическому ведомству. В 1720 г. В. М. Бакунина сразу зачислили переводчиком в Иностранную коллегию, так как он хорошо владел калмыцким языком. Молодой чиновник проявил недюжинные способности, личную храбрость и прекрасное знание международной обстановки на юго-восточных границах империи. За 34 года службы он десятки раз участвовал в переговорах с калмыцкими князьями, «горскими народами», выполняя сложные и опасные поручения. Так, в 1722 г. во время Персидского похода, находясь в Низовом корпусе Петра I, Бакунин «поймал между калмыцких войск шпиона кубанского татарина». Позже он служил при астраханском губернаторе А. П. Волынском, а затем при русском резиденте в ставке калмыцкого

²²³ В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Указ. соч., т. 1, стр. 208, 209.

²²⁴ Там же, стр. 209—213; П. В. Долгоруков. Указ. соч., ч. I, стр. 44.

²²⁵ С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 195.

²²⁶ В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Указ. соч., т. 1, стр. 101.

хана Аюки В. П. Беклемишеве в качестве переводчика. Здесь он сыграл важную роль во время борьбы за власть между наследниками Аюки. В 1725 г. он «калмыцких владельцев Дасанга и Нитар Доржу, которые с лишком в десяти тысячах кибиток хотели откочевать на Кубань, в чем с тамошним солтаном уже и соглашались, увещеваниями своими отвратил и попрежнему удержал в подданстве е. и. в.». И хотя в том же году Нитар Доржи, «залуча его в пути между улусов калмыцких, бил палками и едва до смерти не замучил и из ружья не застрелил», молодой дипломат остался жив и за свои заслуги в 1726 г. был произведен из переводчиков в секретари. В 1741 г. его пожаловали в ассессоры. Этому повышению предшествовало выполнение ряда ответственных заданий, свидетельствовавших о широком государственном кругозоре дипломата. Например, «по прожекту» Бакунина в 1736 г. «бывший хан Дондук Омбо с калмыцким народом призван с Кубани» в подданство России донским атаманом Д. Ефремовым. В 1744 г. Бакунина произвели в канцелярии советники с окладом 1000 руб. в год. В. М. Бакунин умер в 1766 г., имея чин действительного статского советника и будучи членом присутствия Иностранной коллегии²²⁷. В 1761 г. он составил «Описание калмыцких народов...», которое частично опубликовано²²⁸.

У В. М. Бакунина было три сына: Петр Большой (1725— после 1800 г.), Михаил (1727— до 1802 г.) и Петр Меньшой (1734— 1786 гг.)²²⁹. Все они успешно окончили Шляхетский корпус. Петр Васильевич Большой с 1743 г. служил переводчиком в чине поручика в Камер-конторе лифляндских и эстляндских дел; через три года его назначили секретарем. В 1748 г. 23-летнего чиновника взяли служить ассессором в Иностранную коллегию, так как он хорошо знал иностранные языки. Перевод в дипломатическое ведомство к калмыцким делам, сопровождавшийся крупным повышением в чине и окладе (с 400 до 650 руб.), надо полагать, был сделан при участии отца, занимавшего крупный пост в Иностранной коллегии. Ко времени переписи П. В. Бакунин был женат и получил, видимо, от отца 50 душ крестьян в Балахнинском и Костромском уездах. После 43 лет службы он свою карьеру закончил, как и отец, действительным статским советником²³⁰.

²²⁷ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 747—747 об. В опубликованной родословной росписи Бакуниных ошибочно указано, что В. М. Бакунин служил консулом в Иране в 1743—1747 гг. (*В. В. Руммель и В. В. Голубцов*. Указ. соч., т. 1, стр. 101). На самом деле консулом в Иране был его брат Иван Михайлович.

²²⁸ «Красный архив», 1939, № 3 (94), стр. 189—254; № 5 (96), стр. 196—220.

²²⁹ В. В. Руммель и В. В. Голубцов издали родословную Бакуниных, где среди детей В. М. Бакунина ошибочно назван Федор Васильевич Бакунин (указ. соч., т. 1, стр. 102). На самом деле в роду был Федор Иванович Бакунин, сын младшего брата В. М. Бакунина — Ивана (ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 650—651).

²³⁰ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 647—647 об.; *В. В. Руммель и В. В. Голубцов*. Указ. соч., т. 1, стр. 102.

Средний сын В. М. Бакунина — Михаил — в 27 лет был уже ассессором Камер-коллегии. Он получал 197 руб. в год и, будучи в 1754 г. холостым, жил на казенное жалованье, так как отец не выделил ему вотчину. После 39 лет службы он получил чин действительного статского советника и должность вице-президента Камер-коллегии. Женившись на княжне Мышецкой, он превратился в крупного помещика²³¹.

Третий брат — Петр Васильевич Меньшой Бакунин — пошел по стопам отца и старшего брата и подвизался в Иностранной коллегии. Он был крупным дипломатом, дослужился до чина тайного советника, в 1780—1783 гг. состоял членом присутствия Иностранной коллегии. Его перу принадлежит декларация о вооруженном нейтралитете России 1780 г.²³²

В XIX в. потомки Василия Михайловича и его брата Ивана Михайловича служили в крупных чинах в гражданских учреждениях, в том числе в Иностранной коллегии и в армии²³³. Один из них, правнук В. М. Бакунина, внук его сына Михаила — Михаил Александрович Бакунин сыграл крупную роль в русском и европейском революционном движении, явившись одним из создателей мелкобуржуазной утопической теории анархизма²³⁴. М. А. Бакунин, вышедший из рода потомственных сановников, почти 100 лет занимавших крупные посты в управлении Российской империей, был, по выражению В. И. Ленина, представителем «непролетарского, домарксистского социализма»²³⁵.

В отличие от Голубцовых и Бакуниных, судьба потомков обедневшего сына боярского Ивана Максимовича Патрикеева была трудной, изобиловала драматическими событиями. Они не смогли высоко подняться по лестнице чинов. Отчасти это объяснялось недостатком у них способностей, а также тем, что они служили в третьестепенных учреждениях. Занимаемые ими должности были на один-два ранга ниже, чем такие же должности в Иностранной коллегии или Сенате, где служили Голубцовы и Бакунины. Соответственно у Патрикеевых были ниже оклады и меньшие возможности для выдвигания.

Сам И. М. Патрикеев в конце XVII в. «служил по городу Козлову в детях боярских», за что получил поместье в Борецком стане. Незадолго до смерти они с женой Ксенией Алексеевной решили разделить движимое и недвижимое имение между сыновьями. Однако тут произошло неожиданное обстоятельство, которое изменило все их планы. Старший сын Автоном Иванович Патрикеев, как это явствует из копии завещания его матери, «покрыв нас с

²³¹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, л. 1470—1470 об.; В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Указ. соч., т. 1, стр. 102.

²³² ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 725; В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Указ. соч., т. 1, стр. 102; А. А. Корнилов. Молодые годы Михаила Бакунина. М., 1915, стр. 2—4.

²³³ В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Указ. соч., т. 1, стр. 102.

²³⁴ См. Н. Пирумова. Бакунин. М., 1970.

²³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 49.

мужем, не хотя нас поить-кормить», из Москвы бежал в Сибирь. Разгневанные родители лишили беглеца полагавшейся ему доли наследства. Отец подал «явочное челобитье» в Земский приказ и умер во время розысков непутевого сына. Тогда его вдова составила 2 апреля 1731 г. новое завещание, по которому все наследство переходило к трем ее младшим сыновьям: Василию Большему, Василию Меньшему и Ивану. Возмущенная бесчестным поступком старшего сына, чтобы вытравить всякую память о нем в семье, она завещала сыновьям и их потомкам заменить фамилию Патрикеевых на Кострицких: «По прежнему завещанию мужа моего писатца б прежнею фамилиею Кострицкими, а не Патрикеевыми, и сею Кострицкою фамилиею не гнушаться, понеже древняя она состояла, а Потрекеевыми переложилась по прадеде их Патрекее Матвееве сыне». Один из Кострицких, Василий Иванович, служил камериром в Сибирском приказе. Представитель третьего поколения рода Кострицких, его сын Матвей Васильевич (род. в 1728 г.), в 1754 г. был коллежским регистратором в канцелярии Вольшого Ладожского канала и получал 250 руб. в год. Крестьян и земли у него не было, ибо «оставшие после деда крестьяне ево и помесные дачи отцом ево помещику Ермолаеву и протчим проданы все без остатку». К своей сказке М. В. Кострицкий приложил выпись из писцовых книг Козловского уезда 1684 г. на землю (250 четв.), которой владел его дед²³⁶. В 1767 г., после 27 лет службы, М. В. Кострицкий получил чин секретаря Сената²³⁷.

Секретарь Сената Козьма Федорович Васков (57 лет) происходил из семьи дворян: его дед и отец служили по жилецкому списку. Во время переписи за Васковым было 39 душ в Верейском и Можайском уездах. А. Варсуков упоминает «верейтина» Ивана Григорьевича Васкова, служившего в 1676—1678 гг. воеводой в Верее. Вероятно, это и был дед К. Ф. Васкова. Свою карьеру чиновника К. Ф. Васков начал в 12 лет, поступив в 1709 г. копиистом в Сибирский приказ. Не имея образования и связей, он лишь спустя 13 лет получил первое крупное повышение: его назначили молодым подьячим в канцелярию Сената. Еще через 20 лет, в 1742 г., он дослужился до чина коллежского секретаря и по прошествии 8 лет получил крупное назначение — пост сенатского секретаря. В 1753 г. по старости его перевели в архив Сената²³⁸.

Сын Васкова — Михаил (род. в 1720 г.) в общем повторил путь отца, поступив в 1734 г. копиистом в Московскую контору Сената. Если К. Ф. Васков получил чин коллежского секретаря через 32 года службы, то сыну, воспользовавшемуся связями отца, понадобилось для этого вдвое меньше времени — 15 лет: в 1749 г. его

²³⁶ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 1, лл. 224—227. В XVII в. был также род Патрикеевых, служивших стольниками, стряпчими, дворянами московскими, дьяками приказов (*П. П. Иванов*. Указ. соч., стр. 316).

²³⁷ «Список на 1769 г.», стр. 12.

²³⁸ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 1457—1458; *А. Барсуков*. Указ. соч., стр. 39.

назначили секретарем Герольдмейстерской конторы. Своих крестьян у него не было. В дальнейшем М. К. Васков более медленно продвигался и лишь после 27 лет службы, после того как ему трижды отказывали в повышении, наконец получил в 1781 г. чин коллежского советника²³⁹.

Превращение потомков дворян в государственных чиновников, вынужденных служить и после издания в 1762 г. манифеста о вольности дворянства, было вызвано тем, что в массе своей они не имели крупных вотчин. Точно так же становились чиновниками представители других категорий служилых людей по отечеству, являвшихся мелкими помещиками или вообще не имевших крепостных крестьян.

Секретарь Синода Михаил Константинович Остолопов (37 лет) сообщил, что происходит родом из «патриарших» дворян, хотя Петр I запретил употреблять это наименование, приказав 1 мая 1722 г. П. И. Ягужинскому передать Сенату его указ: «Патриарших дворян впредь писать ровно с прочими дворяны, а патриаршими им не писатца и особо их не отделять»²⁴⁰. Дед Остолопова, Борис Иванович, был дьяком Патриаршего разряда²⁴¹, а «отец состоял в приказном чине». М. К. Остолопов унаследовал их профессию и в 1747 г. поступил копиистом в Синод. Он жил на казенное жалованье 400 руб., так как не имел крепостных. Его сын Иван (7 лет) обучался наукам дома. В 1763 г. М. К. Остолопов дослужился до чина обер-секретаря Синода²⁴². Владимир Остолопов (видимо, второй сын М. К. Остолопова, родившийся после переписи 1754 г.) начал служить в 1768 г., в 1792 г. получил чин надворного советника и числился в штате Оружейной экспедиции Тульской казенной палаты²⁴³.

Таковыми же чиновниками абсолютной монархии становились в XVIII в. и потомки древних и богатых аристократических фамилий. Они тоже должны были служить государству, но не из-за экономической необходимости, а под угрозой наказания. Однако полного равенства между представителями знатных богатых родов и «служилой мелочью» не было и в это время: первые могли записать детей солдатами в гвардию или отдать их в Кадетский корпус и таким путем, минуя низшие должности, быстрее занять хорошо оплачиваемые посты в государственном аппарате. После издания в 1762 г. манифеста о вольности дворянства некоторые из них продолжали служить, желая сделать карьеру. Приведем лишь один

²³⁹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, л. 1465; Госархив, XVI р., д. 168, ч. 19, лл. 27—28 об.

²⁴⁰ ЦГАДА, Сенат, кн. 1888, л. 287.

²⁴¹ Б. И. Остолопов был дьяком Патриаршего двора в 1668—1674 гг., позже он служил дьяком Ямского и Сысского приказов (С. К. Богоявленский. Указ соч., стр. 109, 113, 196, 226, 227).

²⁴² ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 1, лл. 267 об.—268 об.; «Список на 1769 г.», стр. 21.

²⁴³ «Список на 1796 г.», стр. 158.

характерный пример. В 1754 г. в Иностранной коллегии служил Михаил Григорьевич Собакин, который происходил из древнего боярского рода, ведущего свой корень от тверского боярина Даниила Григорьевича Собакина, переехавшего вместе с братом С. Г. Нагим в 1495 г. на службу к великому князю московскому Ивану Васильевичу. В XVI—XVII вв. многие представители рода Собакиных были пожалованы в бояре или окольные; возглавляли Сысной, Судный московский, Ямской и другие приказы²⁴⁴.

Биография М. Г. Собакина интересна тем, что представитель аристократической фамилии начинал свою карьеру точно так же, как и основная масса дворян. Повинуясь строгому указу Петра I, грозившему наказывать нетчиков «безо всякой пощады», окольный М. Г. Собакин привел в январе 1722 г. на смотр в Герольдмейстерскую контору двух внуков, детей сына Григория, обер-рекетмейстера Сената, и среди них семилетнего Михаила, за которым было записано 75 дворов крестьян из приданого его матери²⁴⁵. После смотра дворянских недорослей М. Г. Собакин был отпущен домой. В 1731 г. его записали в Кадетский корпус. В 1738 г. М. Г. Собакина выпустили в армию, дав ему за хорошую учебу сразу чин поручика. Военная коллегия назначала его членом секретных комиссий, посылавшихся в 1740 г. в Новгород и сибирские города. Поскольку молодой способный офицер хорошо знал языки, то в 1741 г. его взяли в Иностранную коллегия, дав ему высокий для его возраста (26 лет) и стажа службы чин ассессора. Собакин более 6 лет руководил разбором и описанием документов архива коллегии и составил «Известие о старинных чинах и должностях»²⁴⁶. С этой работой Собакин, видимо, справлялся весьма успешно, ибо в 1747 г. он получил новое назначение — должность первого члена Малороссийской экспедиции и чин советника канцелярии Иностранной коллегии с окладом 1000 руб. в год. Столь быстрому возвышению Собакина способствовали не только хорошее образование и личные способности, но знатное происхождение и богатство (в 1754 г. у него было 4550 душ²⁴⁷), особенно ценившиеся в дипломатическом ведомстве. Следует заметить, что на 2053 чиновника, имевших крестьян, приходилось всего 48 чел., у которых было свыше 1000 крепостных крестьян (0,9% всех учтенных чиновников имели 53,1% всех крестьян). В 1767 г. Собакин стал

²⁴⁴ А. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., т. 2, стр. 228—230; С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 153, 154, 156, 184—185, 191, 226, 227.

²⁴⁵ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 1, л. 339.

²⁴⁶ Не исключено, что назначение М. Г. Собакина руководителем работы по приведению в порядок архива Иностранной коллегии в какой-то мере было связано с его личным интересом к истории. Его прадеду окольному Василию Никифоровичу Собакину принадлежал Псковский летописец, который позже попал к историку и архивисту П. Н. Бантыш-Каменскому, а от него — в Главный Московский архив Министерства иностранных дел (А. Б. Лобанов-Ростовский, Указ. соч., т. 2, стр. 230, 233).

²⁴⁷ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 748 и об.

тайным советником, членом присутствия Иностранной коллегии и одновременно судьей Оружейной конторы. Умер Собакин сенатором в апреле 1773 г., находясь не у дел, ибо Екатерина II уволила его в январе 1772 г. в отставку за то, что он, будучи назначен товарищем московского генерал-губернатора, испугался чумы и не принял мер против распространения эпидемии в городе²⁴⁸.

Если для одних дворян гражданская служба была постоянным и единственным занятием на протяжении многих десятилетий и даже столетий, о чем свидетельствуют истории родов Голубцовых, Бакуниных, Васковых и других, то для большей части класса феодалов основным занятием была военная служба. Она лишь временами перемежалась «статской» службой, но следующие поколения опять записывались в гвардию или армейские полки.

Во время переписи чиновников 1754—1756 гг. статскому советнику Алексею Филипповичу Кару, имевшему ранг бригадира, было 73 года. До назначения в 1742 г. начальником Главной соляной конторы он 48 лет прослужил в армии. Начав в 1693 г. военную карьеру солдатом в полку своего отца Филиппа Фомича Кара, он дослужился до чина полковника. Старый вояка продолжал служить штатским чиновником, видимо, не столько из-за избытка рвения (почтенный возраст и боевые заслуги давали ему право на отставку), сколько по необходимости: он не был богат. У него было 83 души крестьян и два взрослых сына: Василий (22 лет) — капитан армейского полка и Филипп (20 лет) — камер-паж. Статская должность давала ему крупную по тем временам сумму — 1072 руб. и с лихвой перекрывала доход от эксплуатации крепостных²⁴⁹. Любопытно отметить, что вотчина Кара находилась в том же Нижегородском уезде, где его дед «иноземец Шкотские земли» Томас Кар (по-русски Фома Иванович) получил от царя Михаила Федоровича в 1618 и 1619 гг. поместья в вотчину²⁵⁰. Как видно, потомки шотландского дворянина за полтора века службы в армии не разбогатели и не превратились в крупных помещиков. «Военная линия» в истории этого дворянского рода пресеклась на В. А. Каре. Дослужившись до чина генерал-майора, он 14 октября 1773 г. был послан Екатериной II в Оренбургский край подавлять начавшуюся в России крестьянскую войну. В бою под д. Юзеевой повстанцы наголову разбили отряд Кара, который после этого бросил солдат и уехал в Москву. Екатерина II исключила трусливого генерала из армии и приказала ему жить в деревне²⁵¹. Позже отставной генерал Кар был убит своими же восставшими крестьянами²⁵².

До сих пор мы рассматривали историю тех дворянских родов, чьи представители подвизались главным образом в столице. По

²⁴⁸ «Список на 1769 г.», стр. 10; А. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., т. II, стр. 231—233.

²⁴⁹ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 874—875.

²⁵⁰ А. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., т. I, стр. 251.

²⁵¹ Там же, стр. 253—254.

²⁵² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 9, ч. 1. М.—Л., 1938, стр. 372.

сравнению с провинцией служба в столице давала гораздо больше возможностей выдвинуться предприимчивым и честолюбивым людям. В центральных учреждениях было легче получить очередной чин, там имелось больше хорошо оплачиваемых вакансий (до введения новых штатов в 1764 г. большая часть местной администрации, включая уездных и провинциальных воевод, не получала жалованья, а кормилась «от дел» — за счет поборов с просителей). В провинции дворяне-чиновники, начавшие карьеру копиистами, вместе с другими канцеляристами десятилетиями ждали получения чина коллежского регистратора или провинциального секретаря, не говоря уж о более высоких рангах. Чтобы убедиться в справедливости этого наблюдения, приведем лишь один характерный пример, относящийся к истории рода дворян Арбузовых, которые в XVIII в. служили в Петербурге и Белеве.

В XVII в. представители рода Арбузовых встречались среди разных прослоек служилых людей по отчеству. Иван Никифорович Арбузов в 20—40-х годах XVII в. числился по списку дворян московских и служил воеводой в разных городах. В 90-х годах XVII в. в боярских книгах упоминается Ф. И. Арбузов, также принадлежавший к дворянам московским. Другая ветвь Арбузовых служила городовыми дворянами по Нижегородскому уезду²⁵³. В XVII в. представители рода Арбузовых осели в Белевском уезде и принадлежали к числу небогатых помещиков. В конце XVII — начале XVIII в. Никифор Семенович Арбузов находился в городской службе по Белеву и был подьячим в уездной воеводской канцелярии. В Одоевском уезде ему принадлежало имение (с. Белый Колодезь)²⁵⁴.

У Н. С. Арбузова было 5 сыновей. Все они были чиновниками. Во время переписи 1754—1756 гг. два старших сына — Григорий (38 лет) и Федор — служили секретарями Камер-коллегии в Петербурге, получая по 150 руб. в год. У Федора было в Белевском уезде 50 душ крепостных, у Григория — 41. Г. Н. Арбузов закончил свою карьеру в чине надворного советника, Ф. Н. Арбузов — статским советником, унаследовав от родителей указанное село и приобретя в Белевском уезде с. Воскресенское²⁵⁵. Третий брат, Никифор Никифорович Арбузов, тоже начал свою карьеру в столице и в 1764 г. достиг высокого чина обер-секретаря Сената²⁵⁶.

Два младших брата — Василий и Иван (обоим по 36 лет) служили на родине в Белевской воеводской канцелярии в чине коллежского регистратора. У Василия было небольшое имение (31 душа); он дослужился до надворного советника. Иван в 1755 г. имел 43 души, из которых 19 душ получил по наследству от отца, 7 — принесла в приданое жена, 17 душ он сам скупил в разные

²⁵³ П. П. Иванов. Указ. соч., стр. 11.

²⁵⁴ «Дворянское сословие Тульской губ.», т. III, стр. 7.

²⁵⁵ Там же; ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 306 об.— 307.

²⁵⁶ «Список на 1769 г.», стр. 10.

годы. Иван умер в чине коллежского секретаря²⁵⁷. В результате оба младших брата так и не сделали чиновной карьеры, ибо в провинции их возможности были ограничены.

Внуки Н. С. Арбузова — Сергей Никифорович, Василий Григорьевич и другие — продолжали службу в центральных и местных учреждениях Российской империи. Евграф Арбузов в 1796 г. был председателем Тульской верхней расправы, Петр Арбузов служил советником коллегии при Счетной экспедиции Кабинета²⁵⁸.

В середине XVIII в. в Белевской воеводской канцелярии служили родственники Н. С. Арбузова — подьячий Алексей Григорьевич и канцелярист Михаил Григорьевич Арбузовы, имевшие соответственно 8 и 2 души²⁵⁹. Представители этой ветви мелких провинциальных дворян и их потомки, по сути дела, не отличались от других канцелярских служащих, выпедших из среды приказных людей и разночинцев. В XIX в. 29 потомков Н. С. Арбузова и его родни, будучи мелкими помещиками, служили чиновниками, офицерами армии и флота, занимая небольшие должности²⁶⁰.

В связи с процессом обособления служилого сословия в класс дворян из него были исключены сперва служилые люди по прибору, записанные в 1679 г. в тягло, а затем и приказные люди. При проведении первой ревизии часть мелких служилых людей попала в разряд государственных крестьян или однодворцев. Для тех из них, кто избежал включения в категорию тяглых людей, подобная опасность была реальной и в середине XVIII в.

Из 222 биографий дворян-чиновников, имевшихся в нашем распоряжении, примерно треть принадлежит потомкам мелких служилых людей, которые во время переписи 1754—1756 гг. числились подьячими с приписью, канцеляристами, подканцеляристами и копиистами воеводских канцелярий и других местных учреждений в южных уездах Европейской части России²⁶¹. Именно в этих районах в XVII — начале XVIII в. проходили засечные черты, на которых служили их предки. Сообщая биографические сведения о трех — пяти и даже шести поколениях предков, восходящих к началу XVII в., чиновники стремились доказать свою принадлежность к феодальному классу и избежать записи в тягло или в разряд приказных людей. Однако это им не всегда удавалось.

²⁵⁷ «Дворянское сословие Тульской губ.», т. III, стр. 7; ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 93—94.

²⁵⁸ «Список на 1796 г.», стр. 82, 208.

²⁵⁹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 96—97.

²⁶⁰ «Дворянское сословие Тульской губернии», т. III, стр. 7—10.

²⁶¹ Это уезды: Белевский, Брянский, Валуйский, Верхне-Ломовский, Волновский, Дедиловский, Добренский, Елецкий, Ефремовский, Инсарский, Казанский, Керенский, Костенский, Корочанский, Кромский, Курский, Лебедянский, Ливненский, Нижне-Ломовский, Новооскольский, Обоянский, Рыльский, Саранский, Серпейский и Темниковский — итого 25 (ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 424, ч. 1—2).

В этом отношении типична история дворянского рода Сергеевых. Прадед канцеляриста Обоянской воеводской канцелярии Г. Ф. Сергеева, Родион Назарович Сергеев, был помещиком Орловского уезда. Из с. Горки, где было их поместье, он «был переведен на жительство к городу Карпову и помещен в деревне Картамышевой, которая ныне состоит в Обоянском уезде». Его сын Ульян служил «в прежних полках сотником и в первом Крымском походе умре». В соответствии с нормами поместного права «на его место служил дядя его родной Иван Ульянов сын Сергеев поручиком». Федора, отца Г. Ф. Сергеева, Разрядный приказ назначил подьячим в Обоянскую приказную избу. 28 августа 1688 г. Ф. У. Сергеев был верстан поместным окладом — 250 четв. земли и 8 руб. ежегодного жалованья. Он исправно отбывал службу, за что был «в том же Разряде пожалован за многие приказные его труды — писан со отставными дворяны».

Его сын Григорий в 1720 г. поступил писчиком в воеводскую канцелярию. По его стопам в свою очередь пошли представители пятого и шестого поколений Сергеевых: сын Андрей Григорьевич (27 лет) и внук Яков (5 лет); первый служил в воеводской канцелярии канцеляристом, второй ходил туда обучаться грамоте.

Г. Ф. Сергеев имел записанных по второй ревизии 12 душ (одни «ис поляков, а другие из незаконнорожденных и покупных») да еще приобрел «после ревизии по купчим же разных уездов от помещиков 7». У А. Г. Сергеева не было собственных крестьян. Он получил в приданое за женой 18 душ²⁶². Владельцы таких мелких имений не могли прожить с семьями на получаемые от них доходы, а потому должны были служить. Правда, до 1764 г. государство не платило им жалованья, а лишь давало право взимать с истцов поборы в свою пользу, чем широко пользовались представители «крапивного семени».

Нередко служилые люди в силу различного рода обстоятельств вынуждены были менять свой социальный статус. Некоторым из них удавалось вернуться в прежнее состояние, другие навсегда переходили в новую социальную категорию, причем иногда попадали в тягло. Иван Михайлович Маслов служил подьячим с приписью в Пошехонской воеводской канцелярии, а его родной брат Степан — коллежским асессором в столице. Масловы были родом из дворян Новгородского уезда. В XVII в. их прадед Борис и дед Андрей Масловы «в прежнее литовское разорение» попали «в полон», где прадед и умер. Их дед «из Литвы вышел в малых летах». «Видя, что деревни их все разорены и опустошены и жить стало ему не у чего и вышел же ис полону в самом убожестве», он отправился в Пошехонский уезд в с. Захарьино «и женился того села священника Михаила на дочери и потом сам был в том селе священником, а по нем отец

²⁶² ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 424, ч. 1, лл. 493 об.— 494.

ево (И. М. Маслова.— С. Т.) был священником», где и «прижил их с братом». Однако братья Масловы сумели разыскать документы, подтверждающие их дворянское происхождение. С. М. Маслов служил в армии офицером, а затем был воеводой в Устюжне Железопольской²⁶³.

Иначе сложилась судьба представителей двух других дворянских родов — Пашковых и Криволаповых. Артем Иванович Пашков, прадед канцеляриста Обоянской воеводской канцелярии Архипа Федосеевича, был из городских детей боярских. Его сын Осип сперва тоже служил в детях боярских по Обояни. В 1683 г. по отписке боярина Петра Большого Шереметева его определили в подьячие. Федосей Осипович Пашков по первой ревизии был записан в подушный оклад вместе с малолетним сыном Архипом. Когда сын подрос и обучился грамоте, в 1745 г. воевода зачислил его «на место деда ево Осипа Пашкова» копиистом. Это помогло А. Ф. Пашкову выйти из тягла. Во время второй ревизии «написан он з детьми своими в ряд с канцелярскими служителями». Так завершилось превращение бывшего дворянина в мелкого канцелярского служащего. В 1755 г. у Пашкова было семь душ крепостных, «которые пришли ему во владение по купчим и по приданству за женою»²⁶⁴.

Прадед и дед подканцеляриста Г. Г. Криволапова были помещиками Орловского уезда, переведенными на житье в Обоянский уезд. В 1707 г. его отец Гаврила Родионович поступил надсмотрщиком к крепостным делам в Обояни. С 1713 г. он и сын Григорий служили подьячими в ратуше. Во время подушной ревизии оба Криволапова «написаны были наряду с купечеством, а торгов и промыслов по купечеству не имели, и находились при Обоянской таможене». Освободиться от посадского тягла Криволаповым удалось лишь через четверть века, во время второй ревизии, когда они были «из сорокаалтынного окладу выключены и написаны в ряд Обоянской воеводской канцелярии с канцелярскими служителями»²⁶⁵.

Еще большие мытарства подстерегали представителей рода Новоселовых. Борис Иванович Новоселов служил рейтаром. При проведении первой ревизии его сына Дмитрия Борисовича и внука Ивана Дмитриевича, «не знамо по какому резону», записали за Казанским Спасским монастырем в подушный оклад. Мы не могли проверить сообщение Новоселова. Возможно, сын и внук обедневшего рейтара были закабалены монастырем. Не менее вероятно и другое: желая вырваться из крепостной зависимости, Новоселов объявил себя и отца потомками рейтара. В 1725 г., в возрасте 15 лет, И. Д. Новоселов сумел поступить писчиком в Казанскую губернскую канцелярию. В 1734 г., видимо спасаясь

²⁶³ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 424, ч. 1, л. 42 и об.

²⁶⁴ Там же, лл. 496 об.— 497.

²⁶⁵ Там же, лл. 497 об.— 498.

от притязаний монастыря, он переехал в столицу и был зачислен в Иностранную коллегию. Однако монастырские власти и здесь не оставили в покое Новоселова. «В 1735-ом году по насильно объявленному монастырем ево из Москвы увозу определен он в том монастыре стряпчим». Но Новоселов не смирился со своей судьбой. Он сумел, видимо, найти «ходы» к начальнику Придворной конторы Г. М. Любистову и по указу императрицы Елизаветы Петровны был назначен «для надзирания и управления дому ево и деревень». Новоселову дали чин коллежского регистратора и формально зачислили в штат Герольдмейстерской конторы, но содержал его на свои средства полковник Любистов²⁶⁶.

Вырваться из феодальной зависимости Новоселову помогло покровительство одного из фаворитов императрицы. Начальник Придворной конторы Г. М. Любистов в несколько меньших размерах повторил карьеру другого фаворита Елизаветы Петровны — А. Г. Разумовского. Взятый в 1727 г. ко двору тогда еще цесаревны Елизаветы певчим, Любистов, обладавший красивым голосом, быстро сделал карьеру. В 1742 г. он подвизался при дворе императрицы в бандуристах. Год спустя «при спевальной музыке тенорист» был пожалован в дворяне, а в 1748 г. награжден сразу чином полковника с окладом 772 руб. 80 коп. Елизавета Петровна подарила никогда не служившему в армии «полковнику» 1236 душ крепостных в Ржевском, Владимирском и Пензенском уездах, разрешила ему обучать своих детей дома, их «принуждать к службе не велено»²⁶⁷. Сам недавно возвысившийся фаворит Любистов мог позволить себе взять управителем не то потомка рейтар, не то беглого крестьянина, зачислить его на государственную службу и помочь освободиться от крепостной зависимости.

* * *

Чтобы удовлетворить растущие потребности государства в чиновниках и квалифицированных специалистах, правительства Петра I и его преемников привлекали на службу в больших размерах, нежели ранее, представителей непривилегированных сословий и групп населения России. Одним из важнейших источников пополнения рядов бюрократии были потомки приказных людей. Вплоть до начала XVIII в. приказные люди по своему юридическому и фактическому положению принадлежали к низшему, неродовитому слою служилого сословия. Но они были выше служилых людей по прибору. Приказные люди пользовались всеми основными правами и привилегиями служилого сословия (поместное, натуральное и денежное жалованье, судебные привилегии и т. п.). Среди них существовала своя иерархия чинов. Были случаи, когда городовые дворяне и дети боярские назначались

²⁶⁶ Там же, кн. 419, л. 1383.

²⁶⁷ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 1, л. 76.

подьячими. В этом проявилась известная неразмежеванность сословно-классовой структуры феодального общества в XVII в.²⁶⁸

Мы располагаем генеалогическими материалами о 345 родах приказных людей, что составляет 13% чиновников, вышедших из этой категории населения. Основная масса потомков приказных людей (2354 чел. из 2611), как и ранее, служила на низших канцелярских должностях. Меньшая часть (257 чел.) имела обер-офицерские ранги и личное дворянство; 21 чел. уже получил потомственное дворянство и занимал крупные посты в аппарате управления России. Издание Табели о рангах открыло «путь наверх» выходцам из приказных людей, причем те из них, кто служил в центральных учреждениях и в прошлом принадлежал к немногочисленной привилегированной верхушке — дьячеству, быстрее продвигались по служебной лестнице и вливались в ряды чиновников-дворян. В этом отношении типичны судьбы представителей трех родов: дьяка Курбатова, переводчика Копьева и подьячего Аронова.

В 1754 г. в штате Коллегии иностранных дел числился надворный советник Петр Петрович Курбатов, 43 лет, происходивший из старого дьяческого рода, члены которого занимали в XVII в. крупные посты в государственном управлении. Это обстоятельство сыграло важную роль в служебной карьере Курбатовых в XVIII в., как, впрочем, и в судьбах представителей других дьяческих фамилий, составлявших в XVII в. привилегированный, верхний слой приказной бюрократии. При проведении реформ управления в первой четверти XVIII в. многие дьяки заняли видное положение в новых учреждениях. Один из предков П. П. Курбатова — К. С. Курбатов — в 50—70-х годах XVII в. служил дьяком в приказах Поместном, Новой чети и Земском²⁶⁹. Отец П. П. Курбатова в 1699 г. был «старым подьячим» в Малороссийском приказе²⁷⁰. В 1718 г. он числился секретарем Иностранной коллегии в ранге асессора. В 1727 г. его произвели в канцелярии советники²⁷¹.

Связи отца привели к тому, что П. П. Курбатова-младшего в 16 лет зачислили в Коллегию иностранных дел студентом и послали «в чужестранные государства для наук и канцелярских дел». Сперва он находился в Берлине при русском после графе А. Г. Головкине, вместе с ним был на Суассонском конгрессе, посетил Париж, побывал в Голландии. В 1736 г., продолжая служить в Берлине, Курбатов получил повышение: его назначили дворянином посольства. По возвращении в Россию образованный чиновник, имевший связи и опыт дипломатической работы, до-

²⁶⁸ Н. Ф. Демидова. Приказные люди XVII в.— «Исторические записки», т. 90. М., 1972, стр. 332—354.

²⁶⁹ С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 50, 91, 125.

²⁷⁰ С. А. Белокуров. О Посольском приказе. М., 1906, стр. 154.

²⁷¹ ЦГАДА, Сенат, кн. 42, л. 92; кн. 1155, л. 542; кн. 1882, л. 144; Герольд-мейстерская контора, кн. 203, л. 2.

вольно быстро продвигался по службе: в 1739 г. его назначили переводчиком Иностранной коллегии, год спустя — секретарем в ранге капитана, а еще через год — в майорском ранге. В карьере Курбатова-младшего огромную роль сыграло то обстоятельство, что в конце 30-х годов XVIII в. он служил в Иностранной экспедиции Кабинета министров при влиятельном временщике А. И. Остермане²⁷². В 1753 г. Курбатов был уже надворным советником с годовым окладом 800 руб. и служил «у дел в Публичной Коллегии иностранных дел экспедиции». Оба его малолетних сына (Сергей и Александр) были «на семилетнем смотре» (в 1752 и 1753 гг.) и обучались дома наукам и иностранным языкам. Курбатов был богатым помещиком: в 1754 г. он имел 1130 душ в Московском, Можайском, Серпуховском, Клинском, Суздальском, Одоевском, Орловском и Казанском уездах²⁷³. Его сыновья и внуки продолжали служить и после манифеста 1762 г., хотя их вотчины позволяли им выйти в отставку.

Характерно, что, когда в 1740 г. после дворцового переворота, устранившего от власти герцога Бирона, правительство составило список чиновников центральных учреждений, имевших офицерские ранги, чьи должности были включены в Табель о рангах, против имени канцелярии советника Иностранной коллегии П. П. Курбатова было указано, что он родом «из подьячих», хотя его чин давал ему потомственное дворянство²⁷⁴. Спустя 14 лет его сын, став надворным советником, уже не вспоминал о своем «низком» происхождении. В 1763 г. он был произведен в статские советники²⁷⁵. Его младший сын Александр, представитель третьего поколения Курбатовых, служил по гражданскому ведомству. В 1793 г. он получил чин коллежского советника и числился заседателем Московского приказа общественного призрения²⁷⁶.

Интересна и во многом типична для нижних слоев приказных людей судьба Копьевых. Самойла Степанович Копьев родился в 1691 г. Его отец был подьячим²⁷⁷. В 1702 г. С. С. Копьев поступил в школу переводчиков Посольского приказа и по окончании ее в 1706 г. служил в Походной посольской канцелярии Петра I, а в 1709 г. был послан за границу совершенствоваться в иностранных языках. По возвращении в Россию в 1710 г. Копьева назначили переводчиком немецкого языка походной канцелярии фельдмаршала Б. П. Шереметева и в том же году послали в Тур-

²⁷² ЦГАДА, ф. 177, Кабинет министров, 1740 г., д. 103, л. 5.

²⁷³ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 642—642 об. Одним из источников богатства Курбатовых были царские пожалования. Например, в 1725 г. Курбатов-старший получил 20 дворов (там же, кн. 1344, л. 1 об., 5).

²⁷⁴ Там же, кн. 1155, л. 542.

²⁷⁵ «Список на 1769 г.», стр. 47.

²⁷⁶ «Список на 1769 г.», стр. 74.

²⁷⁷ В 1699 г. в штате Посольского приказа числился неверстанный подьячий Илья Копьев (С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 153), который, возможно, был родственником С. С. Копьева.

цию. Вместе с П. А. Толстым он полтора года просидел в Семибашенном замке в Царьграде, а затем до заключения мира с Турцией находился в Адрианополе. По возвращении в Россию Копьев служил переводчиком в Рижской губернской канцелярии, где был пожалован за хорошую работу в секретари в 1717 г., а затем в земские секретари. В 1732 г. Копьева повысили — назначили секретарем Доимочной конторы Сената, а затем в Канцелярию конфискации. С 1737 г. он осел в Ревизион-коллегии, получив чин асессора, а в 1748 г. надворного советника. В 1754 г. у него было 74 души во Владимирском, Московском и Ростовском уездах. Если в его послужном списке 1740 г. указывалось, что он родом «из переводчиков», то в «сказке» 1754 г. сведения о его социальном происхождении отсутствуют²⁷⁸, ибо, став асессором, выходец из непривилегированного сословия приобрел дворянство.

Его сын Даниил Самойлович Копьев родился до получения отцом потомственного дворянства (1731 г.), однако в своей «сказке» 1754 г. заявил, что он дворянин, хотя и не имел на это юридического права. Окончив в 1751 г. Кадетский корпус, он служил переводчиком в Иностранной коллегии в ранге поручика. Своих крестьян Д. С. Копьев тогда еще не имел, так как был жив отец, и жил на казенное жалованье (300 руб. в год)²⁷⁹. Однако служба в Коллегии иностранных дел не правилась честолюбивому молодому человеку. После смерти отца, не имевшего высоких покровителей, он в 1759 г. просил Сенат перевести его в другое учреждение, где можно было бы быстрее сделать карьеру. Это ходатайство было удовлетворено. В 1764 г. он уже числился асессором Военной коллегии, а затем членом присутствия Канцелярии опекунов иностранных. Став юридически потомственным дворянином, Копьев воспользовался манифестом 1762 г., вышел в 1766 г. в отставку в чине надворного советника и жил на доходы от вотчин, оставленных ему отцом²⁸⁰. Однако отцовские имения, видимо, были невелики и не могли дать большой доход. Поэтому в 1771 г. Копьев опять поступил на службу — теперь уже в Камер-коллегию и снова добивался новых чинов, воспользовавшись тем, что, по областной реформе 1775 г., в губерниях увеличилось количество учреждений и вакансий. Напомним, что с введением в 1764 г. новых штатов оклады большинства чиновников были удвоены. Это увеличивало заинтересованность в государственной службе мелкопоместных дворян. В 1776 г. Копьев безуспешно пытался получить должность председателя палаты уголовного суда Смоленского наместничества и наконец в 1778 г. занял этот пост в Орловском наместничестве, имея чин статского советника²⁸¹.

²⁷⁸ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 344—345; кн. 1155, л. 560.

²⁷⁹ Там же, кн. 8122, ч. 2, л. 676.

²⁸⁰ ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 2, лл. 109 об.—110.

²⁸¹ Н. Туркистанов. Указ. соч., стр. 27.

В 1754 г. среди чиновников Штатс-конторы был упомянут сын подьячего Дмитрий Федорович Аронов, который начал служить писчиком в Московской губернской канцелярии в 1731 г. в возрасте 11 лет, а в 1735 г. перешел в Штатс-контору. В 1756 г. его назначили камериром в ранге поручика. 36 лет спустя Аронов дослужился до чина коллежского асессора и должности члена Штатс-конторы, став потомственным дворянином. В 1788 г. его род был внесен в 3-ю часть родословной книги дворян Московской губ. В 1754 г. Аронов имел всего 7 душ дворовых. В 1757 г. он приобрел сельцо Кондырево (17 душ) и двор в Москве²⁸². Будучи женат на шведке (ее имя нам неизвестно), Д. Ф. Аронов имел трех сыновей. Старшие сыновья — Евграф (1744 — до 1826) и Владимир (1754—1806) пошли по стопам родителя и начали служить копиястами по финансовой части. Евграф вышел в 1788 г. в отставку коллежским советником, Владимир в 1799 г. — надворным советником почтового ведомства. Младший сын Петр (1758—1815) в семь лет был записан в Преображенский полк, после непродолжительного пребывания в гвардии был выпущен прапорщиком в армию и в 1788 году вышел в отставку секунд-майором. Не будучи богатым помещиком, В. Д. Аронов, как и братья, вынужден был служить — частным приставом в Москве²⁸³. В конце XVIII—XIX в. потомки Д. Ф. Аронова стали потомственными дворянами, но не превратились в сколько-нибудь крупных помещиков и занимали мелкие должности в армии и государственном аппарате России.

Для определения социальной базы, на которой происходило формирование российской бюрократии, чрезвычайно важно выяснить, как осуществлялось включение в ряды чиновничества представителей крестьян и посадских людей, составлявших большинство населения государства. Юридическое положение этих сословий феодальной России не способствовало переходу крестьян и горожан в другие категории населения. Если для дворян и приказных людей вплоть до 1762 г. служба была обязательной повинностью, а позже правительство применяло материальные (повышенное жалованье, пенсии) и моральные (ордена и пр.) стимулы для привлечения в государственный аппарат представителей «благородного сословия», то «подлым людям» оно чинило массу препятствий на пути в чиновничество, неоднократно издавало законы, запрещавшие принимать крепостных крестьян на государственную службу²⁸⁴. В 1755 г. среди чиновников имелось 78 чел. бывших крестьян. Фактически их было больше, так как некоторые из крестьян и посадских людей скрыли свое действительное происхождение и попали в категорию разночинцев.

²⁸² ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 3, л. 909; «Родословная книга дворянства Московской губ.», т. 1, стр. 64.

²⁸³ «Родословная книга дворянства Московской губ.», т. 1, стр. 64—65; «Список на 1796 г.», стр. 219.

²⁸⁴ ПСЗ, т. XII, № 9233, 9256.

Очень трудно выяснить биографии чиновников, которые в прошлом были частновладельческими крестьянами. В тех немногих случаях, когда они указывали свое социальное происхождение, обычно ограничивались глухой ссылкой: «из крестьян». Так например, «стемпельмейстер» Рижской обер-инспекторской канцелярии Тимофей Михайлов написал в «сказке», что он родом «из крестьянских детей, определенных в Санкт-Петербургскую губернскую канцелярию»²⁸⁵.

В 50-х годах XVIII в. в Смоленской губернской канцелярии служили канцеляристами два брата — Дмитрий и Осип Дементьевичи Седельниковы, которые были родом «ис помещиковых людей». Старшему брату в 1755 г. было 53, младшему — 41 год. Сообщаемые ими сведения очень лаконичны. Оба, видимо, были беглыми крестьянами. Д. Д. Седельников поступил в канцеляристы еще в 1736 г. За 19 лет службы он сумел добиться освобождения от крепостной зависимости. «И по указу Правительствующего Сената,— говорится в его «сказке»,— ис подушного окладу выключен». В 1750 г. он подбил на побег брата Осипа и помог ему определиться кописистом в губернскую канцелярию. Ко времени переписки О. Д. Седельникову еще не удалось юридически оформить свой переход в разряд приказных людей²⁸⁶.

Некоторое представление об эволюции выходцев из среды помещичьих крестьян дает история рода Замятниных. В 1717 г. Григорий Иванович Замятнин, бывший крестьянин с. Большое Яковлевское Костромского уезда, служил комиссаром; с 1723 г. он был директором Московской Синодальной типографии, в 1726 г. вышел в отставку и умер в 1747 г. Сохранились сведения, что в 1717—1723 гг. он приобрел по нескольким купчим в Звенигородском уезде сельцо Аношкино и д. Березкино, в Коломенском уезде — половину сельца Кривякино и ряд других сел и деревень²⁸⁷, составивших основу владений его потомства, которое энергично приумножало наследственные вотчины.

Г. И. Замятнин был дважды женат. Сын от первого брака Гаврила Григорьевич Замятнин служил в 1737 г. в Оренбургской экспедиции под началом В. Н. Татищева, а затем в Сенате и его Московской конторе. В 1744 г. он был назначен коллежским советником и присутствующим в е. и. в. Вотчинной канцелярии с годовым окладом 400 руб. плюс муки и овса по 60 четв., 15 сажень дров и фуража на двух лошадей. В 1754 г. у него было 53 души в Коломенском уезде, 225 — в Костромском и 57 — в Ингерманландии (всего 335 душ). Сын Г. Г. Замятнина — Александр (род. в 1735 г.) учился в Шляхетском корпусе²⁸⁸.

Другой сын Замятнина от его второго брака, Иван Григорье-

²⁸⁵ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 424, ч. 1, л. 133.

²⁸⁶ Там же, л. 380 и об.

²⁸⁷ «Родословная книга дворянства Московской губ.», т. 1, стр. 590.

²⁸⁸ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 588.

вич, в 1754 г. служил в чине коллежского регистратора в Обер-егермейстерской канцелярии. Он был владельцем 166 душ, находившихся в Коломенском и Звенигородском уездах. И. Г. Замятин умер в мае 1755 г. Его сын Алексей Иванович (1747—1801) дослужился до чина капитана Преображенского полка, вышел в отставку и жил на доходы, получаемые от сельца Березкино Звенигородского уезда, купленного еще его дедом, где у него было в начале XIX в. 90 душ крестьян. В 1802 г. род Г. И. Замятина был внесен в первую часть родословной книги дворян Московской губ.²⁴⁹ В XIX в. потомки бывшего крепостного принадлежали к небогатому дворянству и служили мелкими чиновниками.

В материалах по истории рода Замятинных отсутствуют сведения о том, каким путем удалось первому из известных нам представителей этой фамилии стать государственным чиновником. Вероятнее всего, Г. И. Замятин был беглым крестьянином, сумевшим скрыть свое происхождение. При недостатке канцеляристов в учреждениях администрация вынуждена была нарушать законодательство и брать на службу грамотных людей, не интересуясь их прошлым. Попав на службу в столицу, Замятин смог, что называется, «выбиться в люди». Служа в тесном захолустье, такие люди, как он, в лучшем случае могли добиться должности подьячего с приписью, которую лишь в 1764 г. приравняли к чину провинциального секретаря, что давало дворянство.

Более подробно рассказал о своем жизненном пути крестьянин Никита Шмаков (76 лет), служивший в 1755 г. подканцеляристом в Чеусском остроге Томского уезда, поскольку за побег от помещика его сослали в Сибирь и ему не было необходимости утаивать факты из своей биографии. Он был крепостным крестьянином князя Я. Н. Одоевского и жил в его московском доме. После смерти князя находился у его вдовы, а когда она умерла, то вместе с княжичкой Д. Я. Одоевской перешел в дом ее опекуна и племянника князя А. М. Черкаского, где и служил 10 лет подьячим в домовую канцелярию. При проведении первой ревизии Шмакова записали за Одоевской. Когда же и она умерла, то Шмаков, «не похотя жить в доме князя Черкаского», подал прошение в Московский магистрат «о бытии ему в московском купечестве». Магистрат удовлетворил его просьбу и записал в Панкратьевскую слободу, где он жил, числясь кушцом и уплачивая сорокагривенный подушный оклад в казну. В 1732 г. на Шмакова донес в Московскую губернскую канцелярию один из слуг Черкаского, после чего, «захватя его», «без всякого резову послали в Сибирь с противными арестантами». Поскольку там не хватало канцеляристов, тобольский губернатор Пашаев зачислил грамотного, опытного в приказных делах крестьянина в 1734 г. писчиком в Томскую воеводскую канцелярию. Через четыре года воевода произвел его в подканцеляристы, а в 1749 г. направил служить в Чеусскую

²⁴⁹ «Родословная книга дворянства Московской губ.», т. 1, стр. 590—591.

судную избу²⁹⁰. Биография Н. Шмакова вряд ли может считаться типичной для большинства крестьян, ставших чиновниками. Но она дает яркое представление о тех трудностях, с которыми встречались крестьяне, пытавшиеся выйти из крепостной неволи.

Источники позволяют составить некоторое представление о том, как осуществлялось поступление в государственные чиновники представителей других разрядов крестьян. Так, канцелярист Афанасий Коптяев был «урождением Устюга Великого Архангельского монастыря вкладчиков сын, а отец его бывал Вологодского Прилуцкого монастыря бобыльской сын». В 1775 г. ему было 59 лет. Коптяев начал службу в Устюжской таможене, откуда его взяли в Архангельскую губернскую канцелярию. В 1721 г. Коптяева выслали на смотр подьячих в Москву и оставили копиистом в Штатс-конторе. Там он дослужился до чина подканцеляриста, а в 1725 г. был откомандирован в Устюжскую провинциальную канцелярию. Его младший сын Петр (15 лет) служил писчиком там же, где и отец. Старшего сына Петра (19 лет), копииста, постигло суровое наказание: в январе 1755 г. «по определению той же канцелярии за ложное слово и дело государево сказывание» он был «написан в солдаты». Прослужив более 40 лет в воеводской канцелярии, А. Коптяев добился того, чтобы его и сына исключили из подушного оклада²⁹¹.

Данные по истории рода монастырского крестьянина Коптяева свидетельствуют о том, что переход из тяглого состояния в разряд приказных людей произошел в пределах жизни одного поколения. Сын А. Коптяева унаследовал и профессию и новый статус отца. Его дальнейшая карьера и возможность проникновения в ряды дворянства зависели от личных способностей, предприимчивости и стечения различного рода обстоятельств (переезд в столицу, поступление в центральное учреждение и т. п.).

Подканцелярист Степан Данилович Крылов (42 лет) находился «при делах» в Кашинской воеводской канцелярии с 1729 г. Он был крестьянином Клобукова монастыря. В 1744 г. «по прошению его, а по увольнительному того монастыря властей и крестьян письму в силе Генерального регламента тою Кашинскою канцеляриею определен копиистом». Такая не совсем ясная формулировка дает основания допускать, что монастырь и крестьянский мир в известной мере были заинтересованы в пребывании своего человека в воеводской канцелярии. Не исключено и другое предположение: сумев поступить на службу к воеводе и заручившись его поддержкой, С. Д. Крылов добился согласия монастыря и мира дать согласие на его службу при условии несения тягла, хотя Крылов и не написал прямо об этом в «сказке». Его товарищ, подканцелярист Иван Семенович Горохов (56 лет), крестьянин Калязинского монастыря, прямо указал, что он «отпущен с пись-

²⁹⁰ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 424, ч. 2, лл. 817—818 об.

²⁹¹ Там же, ч. 1, л. 627.

менными увольнениями, а по написанию по нынешней ревизии (т. е. второй ревизии. — *С. Т.*) в подушной оклад подушные деньги и протчие подати им, Гороховым платятся»²⁹². В таком же положении были канцелярист Иван Завьялов (Верхний Устюг), крестьянин Спасо-Прилуцкого монастыря; копиист Андрей Тимофеевич Поляков, крестьянин Рождественского девичьего монастыря, «что у Соли Галицкой на посаде»²⁹³, и др.

Однако, хотя черносошные и монастырские крестьяне служили в государственных учреждениях по «увольнительным письмам» от монастырской администрации и крестьянских миров, они постепенно отрывались от прежней социальной среды. Одним из проявлений этого процесса была выдача отпусков для службы канцеляристом, другим — превращение приказной службы в наследственное занятие.

Так, Василий Иванович Комаров (55 лет) был «ис церковников Шуйского уезда вотчины Николаевского Шартомского монастыря села Введенского». В 1724 г. воевода подпоручик А. Карев зачислил его к себе копиистом. Новый воевода князь Ф. М. Щетинин подтвердил это назначение. В 1747 г. воевода И. Обухов произвел Комарова в канцеляристы. Сыновья Комарова пошли по стопам отца: Дмитрий служил копиистом в Московской губернской канцелярии, Алексей — в Шуе. Государственный крестьянин с. Гуляевского Краснослободского дистрикта Тобольского уезда Стефан Семенович Кузнецов стал дворянином, прослужив в армии 38 лет. При выходе в отставку в 1750 г. капитан Кузнецов получил чин коллежского асессора и место члена Сибирской губернской канцелярии²⁹⁴. Канцелярист Матвей Молоков (Верхний Устюг) сообщил, что он был «ис положенных в подушный оклад» черносошных крестьян, а его сын Сергей шести лет «за малолетством в подушный оклад еще не положен»²⁹⁵. Служивший в Тотемской воеводской канцелярии черносошный крестьянин Степан Брагин (37 лет) тоже платил подушный оклад. У него было четыре сына, из которых старший Дмитрий (17 лет) был «отпущен по пашпорту в сибирские города в прошлом 754 году впредь на три года»²⁹⁶.

Отпуск черносошными мирами тяглецов — не новое явление. Подобная практика имела место в XVII в. в Поморье²⁹⁷. Отмеченные нами случаи свидетельствуют о живучести этого явления в XVIII в.

²⁹² Там же, лл. 391 об.— 392.

²⁹³ Там же, л. 620—620 об.; ч. 2, л. 1203 об.

²⁹⁴ Там же, кн. 419, л. 266 об.

²⁹⁵ Там же, кн. 424, л. 273.

²⁹⁶ Там же, л. 627.

²⁹⁷ А. А. Преображенский. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в., стр. 57—70.

В 1755 г. среди чиновников России имелось 83 чел., указавших, что они в прошлом были посадскими людьми или купцами (1,5%). Фактически горожан, как и крестьян, было больше, ибо некоторые из них утаивали свое «низкое» происхождение. Мы не располагаем сколько-нибудь полными данными по истории тех родов чиновников, которые в прошлом были посадскими людьми или купцами. Однако, учитывая важность вопроса о пополнении состава российской бюрократии за счет городского населения, мы считали возможным привести и биографические данные об отдельных чиновниках, вышедших из посадского населения.

Абсолютистское государство было заинтересовано в развитии промышленности и торговли в стране, в сохранении платежеспособности посадов, связанных круговой порукой. Поэтому оно препятствовало переходу купцов и посадских людей в другие сословия. По этой же причине и посадские миры были против утечки тягловцев и увеличения доли платежей и государственных повинностей для оставшихся членов общины. Однако все ограничения не могли полностью задержать процесс выхода посадских людей из своего прежнего состояния и перехода в новые разряды населения.

По понятным соображениям, бывшие посадские люди и купцы, как и представители других податных сословий и групп России, став государственными чиновниками, обычно не указывали, каким образом они изменили свой юридический статус. Так, канцелярист Старицкой воеводской канцелярии Е. А. Сусленников (38 лет) был родом из местной купеческой семьи. В 1739 г. «по достоинству Старицкой ратуши и всего купечества» он поступил копиистом в воеводскую канцелярию. Такие же сведения сообщил о себе и служивший в Смоленской губернской канцелярии В. С. Балашов, в прошлом сын местного купца²⁹⁸. На основании таких глухих данных трудно судить, вышли названные лица из посадского тягла или нет.

Подканцелярист Андрей Водолеев (Яренская воеводская канцелярия) написал, что он «Соли Вычегодской из посадских людей. И при прежней переписи (первой ревизии.— С. Т.) по имени при приказных делах ис подушного оклада выключен»²⁹⁹. Подьячий с приписью Иван Панаев (Туринск) происходил из местных посадских людей, он «не положен в подушной оклад по отпуску от всего посада». Отпускное письмо от Туринской ратуши Панаев получил еще в 1739 г. и предьявлял его переписчикам во время второй ревизии. Согласно этому письму, «он, Панаев, в приказные служители и чин от посаду отпущен и впредь де ево,

²⁹⁸ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 424, ч. 1, лл. 344 об.—372 об.

²⁹⁹ Там же, ч. 2, л. 1056 об.

Панаева, и наследников им, посадским, никому и по них потомкам в посад не требовать»³⁰⁰. Бывший купеческий сын Евдоким Сидоров (28 лет) стал канцеляристом в Дмитровской воеводской канцелярии тоже «по увольнительной из Дмитровского магистрата», указав, что он и его пятилетний сын Моисей «в подушном окладе не положены»³⁰¹. Его товарищу Лукьяну Коробову, тоже родом из купцов Дмитрова, удалось лишь поступить на государственную службу. На полях его «сказки» в воеводской канцелярии сделана помета: «А оной Коробов с сыном своим по подушному окладу счисляются в дмитровском купечестве и в ымянных книгах написаны с прочими купцами обще»³⁰². Подканцелярист Михаил Никитин (39 лет) служил в Мосальской воеводской канцелярии и был «ис того города от купечества уволен в приказной чин и дано ему того города Мосальска от ратуши письменное увольнение». Как можно понять из «сказки», Никитин порвал уже с посадской общиной, однако его сын Осип (12 лет) был «написан в подушной оклад в нынешнюю минувшюю ревизию в купечестве в показанном городе Мосальске» и за него отцом «как подушные деньги, так и прочие государственные поборы платятся все сполна бездоимочно»³⁰³.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что часть посадского и купеческого населения использовала получение паспортов для выхода из общины и поступления на государственную службу. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что подобная практика существовала не только в городах Поморья и Сибири, но и в центральных и южных уездах Европейской России³⁰⁴. К сожалению, источники не раскрывают причин, побуждавших посадские миры выдавать такие письма. Однако, нам представляется, что нет оснований переоценивать «добровольный» характер таких решений посадских миров. Вероятно, они нередко фиксировали свершившийся ранее уход тяглеца. К тому же в ряде районов (особенно в Поморье, Сибири) в XVIII в., как и ранее, правительство для обеспечения учреждения канцеляристами было вынуждено пополнять их ряды за счет городского населения, государственных крестьян и разного рода разночинцев.

Так, при нехватке приказных людей воевода Галицкой провинции принял на службу местного посадского человека Михаила Яковлевича Юзжина. По ходатайству воеводы Архангельская губернская канцелярия распорядилась в 1726 г. выключить Юзжина из подушного оклада. В 1744 г. такое решение было принято в отношении его сыновей, из которых старший тоже был канцеляристом, а младший учился письму дома. В 50-х годах XVIII в. оба

³⁰⁰ Там же, лл. 1235 об.— 1236 об.

³⁰¹ Там же, ч. 1, л. 534.

³⁰² Там же, л. 536 об.

³⁰³ Там же, л. 452 об.

³⁰⁴ Это города: Вевек, Вологда, Галич, Дмитров, Кострома, Кромь, Лихвин, Мосальск, Руза, Смоленск, Углич, Чухлома, Юрьев-Польский и др.

Юзжина служили в Мезени³⁰⁵. Двое посадских людей Галича — Н. Карпов и С. Я. Богданов — служили «по увольнительному от Галицкого провинциального магистрата письму», но из тягла не были выключены³⁰⁶ и, видимо, ждали удобного момента, чтобы сделать это. Третий канцелярист, Алексей Кондратьевич Ишин, был сыном купца из Парфеньева. Обеднев, его отец поступил в Галицкую воеводскую канцелярию, но продолжал платить посадские налоги. Его сын сумел освободиться от тягла³⁰⁷. Такой же была судьба подьячего с приписью Григория Васильевича Меншикова: сын посадского человека из Юрьева-Польского, он при переписи считался уже родом из подьячих, ибо его отец с 1707 г. служил в этой должности³⁰⁸.

Выход посадских людей и купцов из тяглого состояния был первым шагом на пути их превращения в чиновников. Следующим этапом было превращение государственной службы в наследственное занятие и одворянивание некоторых из них. Выходцы из посадских людей не часто могли дослужиться до высоких чинов и получить дворянство. Так, переводчик Иностранной коллегии Петр Антипович Шукин (род. в 1717 г.) был сыном жителя Мещанской слободы Москвы. Когда отец разорился, родственники помогли Шукину в 1726 г. поступить в Славяно-греко-латинскую академию, в которой он обучался наукам до 1732 г., когда его вместе с другими учениками откомандировали в Коллегию иностранных дел и определили к профессору Керу «для обучения ориентальных персидского, арабского и турецкого языков». После этого Шукина послали студентом в Константинополь с чрезвычайным и полномочным послом надворным советником Вешняковым для совершенствования в иностранных языках. В 1750 г. Шукина назначили переводчиком с окладом 400 руб. в год. В 1759 г. его произвели в секретари Иностранной коллегии в ранге майора, что дало ему дворянство³⁰⁹.

Во всех приведенных нами случаях обедневшие или полностью разорившиеся посадские люди стремились уйти от тяжести тягла и поступали на государственную службу. Превращаясь в чиновников, они переходили в разряд приказных людей, или канцеляристов, и порывали с прежней социальной средой. Но были и другие случаи, правда менее частые, когда купцы меняли свой социальный статус, становясь чиновниками, а затем и дворянами. Как и в XVII в., абсолютная монархия привлекала некоторую часть крупного купечества как специалистов для службы в учреждениях, ведавших развитием промышленности и торговли:

³⁰⁵ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 424, ч. 1, лл. 275 об., 276.

³⁰⁶ Там же, ч. 2, лл. 705—706.

³⁰⁷ Там же, л. 704 и об.

³⁰⁸ Там же, ч. 1, л. 458 об.

³⁰⁹ «Сказка» П. А. Шукина опубликована в Приложении к нашей статье («Археографический ежегодник за 1967 г.», стр. 147—148); «Список на 1769 г.», стр. 51.

в Коммерц- и Мануфактур-коллегиях, Главном и местных магистратах. Начиная со времени Петра I в России появляются, по выражению Е. И. Заозерской, «купцы-чиновники»: президент Главного магистрата И. И. Исаев, И. И. Вихляев и др.³¹⁰

В этом отношении характерна судьба президента Коммерц-коллегии Якова Матвеевича Евреинова — представителя крупной купеческой фамилии. В 1715 г., когда ему исполнилось 13 лет, отец, самый крупный представитель торгово-промышленного мира Москвы в первой четверти XVIII в.³¹¹, послал его «на своем коште» в Голландию на четыре года изучать коммерцию. По возвращении в Россию Петр I командировал молодого коммерсанта на три года консулом в Испанию с окладом 2400 руб. в год. Позже, в 1732 г., Я. М. Евреинова, крупного купца и владельца шелковых мануфактур, хорошо знавшего коммерцию и экономическую конъюнктуру на европейском рынке, назначили членом Монетной канцелярии. В этой должности он прослужил без оклада полтора года. С 1742 г. Евреинов служил в Коммерц-коллегии, сперва членом следственной комиссии о злоупотреблениях генерал-берг-директора барона Шемберха, затем советником коллегии. В 1745 г. его назначили вице-президентом, а спустя 8 лет президентом Коммерц-коллегии с окладом 1058 руб. 10 коп. в год. Два его старших сына (Петр и Сергей) в 1754 г. служили сержантами в Преображенском полку, три других (Михаил, Николай и Иван) обучались наукам дома. Став потомственным дворянином, Евреинов превратился в крупного помещика: помимо приданого жены, он имел 700 душ в Петербурге, а также в Московском, Орловском, Кашинском и Чернском уездах³¹². Во второй половине XVIII — первой четверти XIX в. несколько представителей другой ветви купеческой фамилии Евреиновых служили по гражданской части и получили потомственное дворянство³¹³. В конце XIX в. далекие потомки этого «одворянившегося» купеческого рода выступили поборниками сохранения и укрепления привилегий «благородного» сословия в России³¹⁴.

Выйдя из тягла и поступив на государственную службу, бывшие крестьяне, посадские люди, купцы, а также разного рода разночинцы (дети солдат, личных дворян, мастеровых, низшего духовенства, казачества и т. п.) обычно не возвращались добровольно в свое прежнее состояние. Изучив около 10 тыс. «сказок» чиновников за первые 70 лет XVIII в., мы встретили лишь один случай, когда человек добровольно перешел из подьячих в тягло —

³¹⁰ Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953, стр. 396.

³¹¹ См. там же, стр. 307—315, 394—396.

³¹² ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 439, лл. 207—208.

³¹³ «Родословная книга дворянства Московской губ.», т. 1, стр. 530.

³¹⁴ В. А. Евреинов. Гражданское чинопроизводство в России. СПб., 1888; Г. А. Евреинов. Прошлое и настоящее значение русского дворянства. СПб., 1898.

в однодворцы. В 1755 г. в Ливнах служил канцеляристом Иван Иванович Клушин. Его прадед Ефим Клушин был мелким служилым человеком. В 1684 г. его назначили подьячим. В 1697 г. на место Клушина был назначен его сын Сидор, получивший поместный оклад 250 четей земли в Ливенском уезде. Сын последнего Иван Сидорович и внук Иван Иванович тоже служили подьячими. Во время подушной ревизии при генералитетской проверке И. С. Клушин и два его сына — Иван и Василий — были «написаны в ряд с подьячими», что юридически закрепило социальную эволюцию семьи мелкого служилого человека. Однако И. С. Клушин надумал переменить свое юридическое состояние. «В 726-ом году, — сообщил его сын, — после той прежней переписи оной отец ево один, не хотя быть за ево болезнию, за старостью в подьячих, по желанию и по прошению ево из бывшей прежней генеральной переписи ис подьячих выключен и написан в подушной оклад в однодворцы, а ево, Ивана, и брата ево Василья оставил в подьячих»³¹⁵.

* * *

Мы рассмотрели кратко историю 13 дворянских, 3 крестьянских, 3 посадских и одного купеческого — всего 20 родов, а также привели биографические данные о чиновниках, вышедших из податного населения. Генеалогические данные позволяют сделать некоторые общие наблюдения о процессе формирования бюрократии в XVIII в., тем более что приведенные нами фамилии представляют более многочисленные группы населения России.

В формировании бюрократии участвовали представители различных прослоек феодального класса-сословия: городовые дворяне и дети боярские (роды Голубцовых, Бакуниных, Арбузовых, Масловых и др.), жильцы (род Васковых), патриаршие дворяне (род Остолоповых), бояре и окольные (роды Собакиных, Сабуровых и др.), а также иноземные дворяне (род Каров и др.). Ряды чиновничества пополнялись за счет выходцев из различных групп приказных людей: дьяков (роды Курбатовых, Ижориных и др.) и подьячих (роды Ароновых, Копьевых и др.), а также тяглового населения (крестьян — роды Замятниных, Коптяевых и др.; горожан — роды Юзжиных, Евреиновых и др.).

Пестрый социальный состав бюрократической прослойки общества свидетельствует о том, что выходцы из разных слоев населения России, могли благодаря личной выслуге, способностям и образованию, добиваться постов в государственном управлении. Некоторые из них иногда проникали в сравнительно малочисленный слой сановной бюрократии, державшей в своих руках важнейшие должности в государственном аппарате (например, Голубцовы, Беклешовы, Васильевы и др.).

³¹⁵ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 424, ч. 2, л. 1186.

Данные о службе представителей отдельных родов, принадлежавших к разным социальным слоям населения феодальной России, вскрывают некоторые общие причины, приводившие к образованию бюрократии как особой прослойки общества. По нашему мнению, было два основных фактора, вынуждавшие человека служить: его материальное положение и политика абсолютистского государства. Отсутствие средств для существования у выходцев из податных слоев населения, приказных людей и обедневших представителей класса феодалов заставляло многих из них идти на государственную службу, так как они не имели средств для занятий торговлей и промышленностью, а перспектива стать наемным работником привлекала далеко не каждого. Материалы о служебной деятельности представителей нескольких поколений одного и того же рода свидетельствуют о том, что профессия чиновника становилась наследственным занятием для представителей разных категорий населения. Политика государства, нуждавшегося в чиновниках и офицерах, приводила к тому, что вплоть до 1762 г. служить должны были не только беспоместные и мелкопоместные представители правящего класса, но и потомки знатных и титулованных фамилий, владевших крупными вотчинами (Собакины, Трубецкие, Черкасские и др.). Потребность правительства в канцеляристах способствовала вовлечению в службу и некоторой части податного населения страны. Однако и после издания манифеста о вольности дворянства многие представители «благородного» сословия продолжали оставаться государственными чиновниками, либо потому, что размер их имений не позволял им не служить, либо потому, что они вообще не имели «крещеной собственности» (Остолоповы и др.). Отмечая влияние материального фактора и правительственной политики, не следует переоценивать их значение: часть представителей правящего класса (например, Собакины, князя Голицыны, Долгоруковы, Юсуповы, графы Шуваловы и др.), а также выходцев из непривилегированных сословий (например, потомки дьяков Курбатовых) служили не только по принуждению, но и потому, что добивались власти и влиятельного положения в государстве.

5. Роль денежного жалованья

В образовании бюрократии как особой прослойки общества важную роль играло денежное жалованье, которое усиливало зависимость чиновничества от абсолютной монархии. Истощение фонда черносопшных и дворцовых земель в XVII в. привело к тому, что правительство Петра I прекратило массовые раздачи поместных окладов и повсеместно заменило их уплатой денежного жалованья. Эта реформа материального обеспечения чиновников была осуществлена в 1714 г. Если ранее денежное жалованье было дополнением к поместному и натуральному, то теперь оно приобрело самостоятельное значение. Первые годы после отмены поместного

жалованья правительство в дополнение к денежным окладам выдавало чиновникам хлеб³¹⁶. С ликвидацией выдачи поместного жалованья стала прекращаться обязательная связь между государственной службой и землевладением; это относилось прежде всего к канцелярским служащим и мелким дворянам³¹⁷. В 1715 г. правительство ввело единые годовые оклады для всех должностей местного управления³¹⁸.

При проведении реформы центрального управления Петр I много внимания уделил обеспечению содержания чиновников гражданских учреждений. Мы приводили данные о том, что при разработке проекта Табели о рангах он советовался с высшими сановниками империи по этому вопросу. Сенаторы и члены трех «первых» коллегий — Военной, Адмиралтейской и Иностранной — в принципе высказались за то, чтобы низшее звено чиновников, особенно канцелярские служащие, получали достаточное содержание, ибо среди них преобладали «беспоместные» и «беспрожиточные» люди.

Учитывая эти рекомендации, Петр I издал 11 января 1722 г. указ «О расположении жалованья статским чинам противу воинских рангов»³¹⁹. Однако позже из-за недостатка средств в государственной казне Петр I был вынужден отказаться от намерения приравнять жалованье чиновников гражданских учреждений к окладам армейских офицеров соответствующих рангов. По указу от 12 декабря 1724 г., членам коллегий, канцелярий и других центральных учреждений России, находившихся в столице, было назначено жалованье, равное половине оклада армейских офицеров соответствующих рангов, исключая Военную, Адмиралтейскую и Иностранную коллегии, где чиновникам дали более высокие ставки. Размер окладов чиновников провинциальных учреждений был «против сего вполо», т. е. составил четверть жалованья офицеров армии. Петр I и в этом случае позаботился об интересах служивших в армии дворян: «А которые взяты из воинских чинов от их службы, — говорилось в его указе, — кроме отставных, к таким делам, где жалованья меньше, то им платить первое жалованье, которое они действительно имели»³²⁰. Еще раньше, в 1720 г., был издан указ царя «О даче лейб-гвардии офицерам жалованья по смерти их при переводе к другим делам»³²¹.

Правительство Екатерины I 2 марта 1725 г. подтвердило приращенность линии Петра I в вопросе о материальном обеспечении

³¹⁶ В 1723 г. в связи с неурожаем, охватившим многие районы России, Петр I приказал не давать хлебное жалование чиновникам, имеющим вотчины (ЦГАДА, Сенат, кн. 3321, л. 13).

³¹⁷ Н. Ф. Демидова. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв., стр. 229—230.

³¹⁸ ПСЗ, т. V, № 2879.

³¹⁹ ПСЗ, т. VI, № 3876.

³²⁰ ПСЗ, т. VII, № 4613, 4659.

³²¹ ПСЗ, т. VI, № 3580.

чиновничества, подчеркнув, что учреждения сами могут назначать оклады канцеляристам из сумм, отпускаемых на их содержание, с учетом выслуги и способностей этой категории чиновников, «понеже приказные люди все равного состояния быть не могут, ибо есть такие, которые в делах перед другими искуснее и в трудах прилежнее»³²². Таким образом, законодательство Петра I установило разные нормы ставок для чиновников центральных и местных учреждений; различия в окладах имелись и среди служащих отдельных ведомств.

Однако введенный Петром I порядок оплаты труда чиновников продержался недолго. Для уменьшения дефицита в бюджете правительство в 1726—1727 гг. ликвидировало некоторые учреждения, сократило количество чиновников, получающих жалованье, и уменьшило размеры их окладов³²³. По предложению князя А. Д. Меншикова, в 1727 г. отменили уплату жалованья канцелярским служителям и вернулись к практике XVII в., когда низшее чиновничество кормилось взятками с истцов и челобитчиков. Необходимость этой меры Меншиков мотивировал следующим образом: «А в городах канцелярским служителям, по мнению моему, жалованья давать не надлежит, а позволять брать акциденции от дел против прежнего, чем без нужды довольствоваться могут, а дела могут справнее и бес продолжения решиться, понеже всякой за акциденцию будет неленостно трудиться»³²⁴. Этот способ решения финансовых затруднений государства привел к тому, что большая часть чиновников местных учреждений (провинциальные и уездные воеводы, губернские и провинциальные секретари, канцеляристы) продолжали «кормиться от дел». Не получали жалованья и канцеляристы ряда центральных учреждений, а также актуариусы, регистраторы и секретари Судного и Сысного приказов, созданных в начале 30-х годов XVIII в.³²⁵

В результате после сокращения расходов на содержание государственного аппарата в 1726—1727 гг. дворянское государство взамен фиксированных денежных окладов предоставило наиболее многочисленной части чиновничества право брать взятки с просителей и частично восстановило практику кормления. Именно эти категории чиновников чаще всего имели непосредственный контакт с населением, которое страдало от их злоупотреблений. Размер по-

³²² ПСЗ, т. VII, № 4671. Указы правительства об определении размеров жалованья канцелярским служителям «по трудам и заслугам» применялись в некоторых центральных учреждениях. Сохранились данные, что в 1735 г. на таких основаниях распределялось жалованье между чиновниками Монетной канцелярии, где годовой фонд жалованья учреждения поступал «в полную диспозицию главного директора» (ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 1, л. 88).

³²³ Н. Ф. Демидова. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв., стр. 231—232.

³²⁴ «Сборник Русского исторического общества», т. 55. СПб., 1886, стр. 190.

³²⁵ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 3, лл. 1001 об.—1003, 1538—1552 об. и др.

боров с населения никак не регламентировался и не поддается реальному учету.

Такой подход к разрешению финансовых затруднений государства был весьма характерен для узкоклассовой позиции дворянского правительства, прекрасно осведомленного о том, что среди канцеляристов преобладали выходцы из разночинцев, не имевшие вотчин. Однако материальные интересы верхнего и среднего слоев чиновников, среди которых были в большинстве потомственные дворяне, не пострадали от сокращения государственных расходов. Подобная практика, существовавшая до 1764 г., узаконивала взяточничество, что отрицательно сказывалось на работе государственного аппарата, развращало бюрократию. Это способствовало росту взяточничества и волокиты в небывалых размерах. Разумеется, взятки брали всюю и те чиновники, которые получали жалованье.

Многие видные государственные деятели XVIII в., которым не чуждо было понимание этого отвратительного свойства российской бюрократии, отрицательно относились к решению правительства Меншикова. Крупный русский дипломат князь Б. А. Куракин отмечал в 1727 г., что еще при Петре I увеличилось «неправое правление от судей и мздоимство великое и кража государственная, которое доньше продолжается с умножением, и вывести сию язву трудно»³²⁶. Екатерина II писала, что после отмены жалованья части чиновников в 1726—1727 гг. многие посылались не на службу, но как бы «в богадельни для одного только пропитания, а не для исправления дел». Из-за «несытой алчбы» чиновничества государственные учреждения, по ее мнению, превратились в место «торжища»: «защищается ли кто от клеветы, обороняется деньгами, клеветет ли кто на кого, все происки свои хитрые подкрепляет дарами»³²⁷.

В 1740 г. один из временщиков регентши Анны Леопольдовны, А. И. Остерман, обращал ее внимание на то, что «не худо было бы гражданскому состоянию придать более ревнования, и что касается до жалованья, то так распорядить оное, чтоб они могли некоторым образом довольствоваться им и не имели причины проклядывать запрещенные пути»³²⁸. Однако сам он дальше этих общих правильных замечаний не пошел. Именно в 30-х годах XVIII в., когда Остерман находился у власти, широкое распространение получила практика назначения высоких персональных окладов верхушке чиновников, особенно из числа иностранцев.

Чтобы представить, сколько получали в год денег за свою службу различные категории чиновников в 30—50-х годах XVIII в., используем данные переписи 1754—1756 гг. Мы сразу же заметим необыкновенную пестроту в размерах жалованья служащих цент-

³²⁶ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 1. СПб., 1890, стр. 64.

³²⁷ Цит. по статье Н. И. Павленко. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в.— «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)», стр. 421.

³²⁸ «Памятники новой русской истории», т. 3. СПб., 1873, стр. 269.

ральных учреждений: прокурор — 242 руб. 90 коп.— 400 руб.; ассессор — 98—190—197 руб. 88 коп.; секретарь — 150—200—300—400 руб.; протоколист — 100—200—250—300 руб.; архивариус — 80—100—125—250 руб.; актуариус — 130—150—200 руб.; регистратор — 100—120—200—250 руб.; бухгалтер — 90—100—110—120 руб.; коллегии-юнкер — 40—56—76—100 руб.

Значительные колебания в размерах жалованья этих чинов объяснялись рядом причин. В середине XVIII в. служба в столице России — Петербурге, где большую часть года находился императорский двор, оплачивалась выше. Появилось деление окладов на «петербургские» и «московские». Секретарь коллегии в Петербурге обычно получал 400 руб., а в Москве на 100 руб. меньше, коллежский прокурор — 400 руб., а его коллега в губернской канцелярии — 242 руб. 90 коп. Мы перечислили лишь наиболее часто упоминавшиеся чиновниками центральных учреждений размеры жалованья. Встречались и более низкие оклады. Особенно велики были колебания в размерах жалованья верхушки бюрократии, возглавлявшей центральные учреждения и губернскую администрацию. Для наглядности сведем в таблицу наиболее часто встречающиеся оклады высшего чиновничества (табл. 7).

Руководителями важнейших учреждений России обычно были крупные зановники из числа аристократии, пользовавшиеся особым доверием монарха. Назначая им высокие денежные оклады, он привлекал тем самым на свою сторону представителей влиятельных группировок феодалов, борющихся между собою за влияние и власть. Самодержавные монархи постоянно назначали чиновников на ту или иную штатскую должность и давали им более высокий офицерский ранг, чем это полагалось по Табели о рангах. Они по своему усмотрению решали, получать ли чиновнику полностью весь оклад, соответствующий его должности и рангу, или половину, третью, четвертую часть его, с рационами или без них, с средствами на содержание денщиков или без них, «за вычетом на госпитали» или нет и т. д. Так, президенту Штатс-конторы П. М. Шипову Елизавета Петровна назначила «иноземский оклад», составлявший 2400 руб. в год, «другим не в образец»³²⁹. Другие чиновники (советник Соляной конторы А. Боев, Иностранной — П. П. Курбатов и пр.) тоже получали «иноземское окладное жалование» в знак особых заслуг перед абсолютной монархией³³⁰. О личных заслугах сенатора князя Б. Г. Юсупова свидетельствовало то, что он получал 2094 руб. 15 коп. как директор Шляхетского корпуса и еще 1000 руб. как начальник канцелярии Ладожского канала³³¹, хотя, по указу Сената от 13 апреля 1743 г., полагалось платить жалованье «токмо одно высшего ранга»³³².

³²⁹ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 898.

³³⁰ Там же, кн. 1155, л. 454 и об.

³³¹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 439, лл. 50—56.

³³² ЦГАДА, Госархив, XVI р., кн. 232, л. 23.

Таблица 7

Размеры жалования высшего чиновничества России в 1755 г.

Фамилия	Учреждение и должность	Годовой оклад		Число душ крестьян
		руб.	коп.	
<i>Сенат</i>				
Кн. Н. Ю. Трубецкой	Генерал-прокурор	3000	—	Нет сведений
Кн. Б. Г. Юсупов	Сенатор, начальник Кадетского корпуса, главный директор Ладожского канала	3094	15	4891 и 632 двора «черкас»
И. И. Дивов	Генерал-рекетмейстер	2000	—	800
Д. И. Невежин	Статский советник при генерал-прокурорских делах	2000	—	11
А. И. Глебов	Обер-прокурор	1800	—	Нет сведений
В. Е. Адодуров	Герольдмейстер	1500	—	19
Кн. И. А. Щербатов	Сенатор	1264	84	1724
Ф. С. Голубцов	Коллежский советник при генерал-прокурорских делах	1200	—	14
И. С. Ермолаев	Обер-секретарь	1200	—	331
И. И. Бахметев	Сенатор	1047	7	2500
И. В. Васильев	Секретарь	600	—	54
С. С. Рогачев	Экзекутор	473	40	25
<i>Синод</i>				
Я. Леванидов	Обер-секретарь	1200	—	300
Кн. А. И. Львов	Обер-прокурор	1058	10	650
<i>Коллегии</i>				
Берг				
М. С. Опочинин	Президент	1800	—	490
В. Райзер	Вице-президент	2400	—	Не имеет
Вотчинная				
Я. Л. Хитрово	Президент	2096	25	1818
А. Г. Камынин	Вице-президент	270	—	1043
Камер				
Кн. М. И. Шаховской	Президент	529	15	654
М. С. Козмин	Вице-президент	190	76	463
Иностранная				
Гр. А. П. Бестужев-Рюмин	Канцлер	7000	—	4225

Таблица 7 (продолжение)

Фамилия	Учреждение и должность	Годовой оклад		Число душ крестьян
		руб.	коп.	
Гр. М. И. Воронцов	Виде-канцлер	6000	—	5754 и 51 гак
Гр. Ф. М. Санти	Обер-церемониймейстер	3500	—	27 и 19 ³ / ₄ гака
И. П. Веселовский	Тайный советник	3000	—	Не имеет
А. В. Олсуфьев	Церемониймейстер	2000	—	1297
Х. Гольдбах	Действительный статский советник	2000	—	Не имеет
И. О. Пуговишников	Статский советник	1500	—	1
И. И. Топильский	То же	1000	—	140
М. Г. Собакин	Канцелярии советник	1000	—	4550
А. С. Иванов	Надворный советник	800	—	400
Я. М. Евреинов	Коммерц Президент	1058	10	700 и приданое жены
М. К. Луний	Вице-президент Мануфактур	529	5	380
Н. П. Салтыков	Президент	529	5	4512
К. И. Гелнин	Вице-президент Ревизион	2400	—	Не имеет
В. М. Еропкин	Президент	529	5	1460
Кн. Г. И. Шаховской	Вице-президент Штатс-контора	384	—	970
П. М. Шипов	Президент	2400	—	1700
Г. Эссен	Вице-президент Юстиц	1200	—	14 гаков
Н. М. Желябужский	Президент	1800	—	Нет сведений
Ф. И. Эмме	Вице-президент Послы и резиденты	2400	—	Не имеет
Г. К. Кейзерлинг	Посол в Вене	15000	—	» »
Гр. М. П. Бестужев-Рюмин	» в Дрездене	10000	—	Нет сведений
Гр. А. Г. Головкин	» в Гааге	6000	—	9484
Бар. И. А. Корф	» в Копенгагене	6000	—	Не имеет
А. М. Обресков	Резидент в Константинополе	5000	—	40
Кн. А. Голицын	Посланник в Гамбурге	4000	—	1500
П. Чекалевский	Консул в Энгельийском порту	2000	—	9
Шерер	«Агент» в Гданьске	1100	—	Не имеет

Таблица 7 (окончание)

Фамилия	Учреждение и должность	Годовой оклад		Число душ крестьян
		руб.	коп.	
	<i>Губернская администрация</i>			
	Архангельская губ.			
С. Юрьев	Губернатор	809	40	217
Ф. К. Бутковский	Товарищ губернатора	98	40	5
	Белгородская губ.			
П. М. Салтыков	Губернатор	809	40	3500
П. И. Безобразов	Товарищ губернатора	190	76	200
	Выборгская губ.			
Бар. И. Кейзерлинг	Губернатор	1550	25	Не имеет
А. С. Исаков	Комендант Выборга	1200	—	220
	Киевская губ.			
И. И. Костюрин	Вице-губернатор	671	16	250
	Московская губ.			
Кн. С. А. Голицын	Губернатор	809	50	6246
И. А. Никифоров	Товарищ губернатора	116	70	363
	Новгородская губ.			
Н. Г. Колтовский	Товарищ губернатора	116	70	60
	Оренбургская губ.			
И. И. Неплюев	Губернатор	4188	—	1000
	Петербургская губ.			
Ф. Я. Жилин	Вице-губернатор	1550	25	156
	Рижская губ.			
Ф. М. Войнов	Вице-губернатор	2575	31	100

В 50-х годах XVIII в. оброк с помещичьих крестьян составил около 1 руб. с души³³³, поэтому можно представить соотношение доходов чиновников от службы и эксплуатации крепостных.

Служившие в России иностранцы обычно получали более высокие оклады, чем русские чиновники. Это объяснялось тем, что государство платило им высокие ставки как специалистам, а также тем, что иноземцы не имели вотчин. Последнее обстоятельство они постоянно использовали для получения более высоких рангов и окладов. Так, например, надворный советник Коммерц-коллегии И. Мелиссино, ходатайствуя о пожаловании ему чина коллежского советника, ссылаясь на многолетнюю службу, свое «безпомочное чужестранство», а потому просил новый ранг и более высокое жалованье, «как протчим чужестранным моей братье дается»³³⁴.

³³³ С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в., стр. 143.

³³⁴ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 112, л. 67.

Очень часто чиновники получали разное жалованье, хотя имели одинаковые должности. Различия в окладах объяснялись и тем, что чиновники имели разные офицерские ранги. Поэтому, например, генерал-полицмейстер А. Д. Татищев получал полный оклад генерал-лейтенанта 2575 руб. 34 коп.³³⁵, президент Юстиц-коллегии Н. М. Желябужский — 1800 руб. (оклад генерал-майора без рационов), а начальник Главной канцелярии артиллерии и фортификации А. П. Ганнибал — оклад генерал-майора плюс 40 руб. за «рационы»³³⁶. Их коллега генерал-майор президент Ревизион-коллегии В. М. Ерошкин был вынужден довольствоваться лишь четвертой частью полного генеральского оклада (529 руб. 50 коп.). Этим же объясняются резкие различия в размерах жалованья губернаторов и их товарищей, а также других разрядов чиновников.

Оклады русских послов и высшего слоя чиновников дипломатического ведомства в 2—3—4—6—8 и более раз превышали жалованье многих президентов коллегий, губернаторов и их заместителей. Высокие оклады дипломатов должны были не только помочь им достойно представлять за границей интересы России, но и убедить от превращения в «пенсионеров» соседних держав.

Резкие колебания в размерах денежного жалованья среди чиновников, зависевшие прежде всего от места человека в иерархии чинов и должностей, были мощным стимулом для бюрократии. Успешная карьера давала человеку значительное по тем временам увеличение казенного жалованья. Приведем несколько характерных примеров. Секретарь Коммерц-коллегии И. А. Андреев с 1719 г. служил копиистом в Арзамасской провинциальной канцелярии без жалованья. В 1727 г. он перешел в этой должности в Коммерц-коллегию и стал получать ежегодно 50 руб. При повышении в чинах увеличивался и размер оклада Андреева: будучи подканцеляристом, он получал 70 руб., канцеляристом — 120. Далее, по мере выслуги и освобождения соответствующих вакансий, ему давали прибавку к окладу (сперва — 165, затем — 195 руб.). После назначения Андреева в 1736 г. актуариусом он стал получать 210 руб. Секретарский чин принес новую прибавку: ему назначили 400 руб.³³⁷

Характеризуя существовавшую в России во второй четверти XVIII в. систему установления окладов чиновникам, необходимо отметить одну важную особенность. Повышение чиновника в должности и ранге обычно сопровождалось увеличением размеров его жалованья. Однако это общее правило имело ряд существенных исключений. По достижении человеком ассессорского чина и должностей более высоких рангов часто происходило уменьшение денежного оклада, так как правительство в соответствии с практикой XVII в. считало, что высшие должности в государственном

³³⁵ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 469—470.

³³⁶ Там же, лл. 840 об.—842.

³³⁷ Там же, ч. 1, л. 200 и об.

аппарате должны замещаться крупными помещиками, которые при недостатке средств в казне могут безбедно жить на доходы от своих вотчин³³⁸. Проиллюстрируем это положение примерами.

В 1754 г. среди членов присутствия Главной дворцовой канцелярии числился коллежский советник Е. В. Тишин, имевший ранг армейского полковника. Тишин был сыном секретаря Синода. С 1721 г. он успешно занимался в школе в Петербурге, а в 1728 г. поступил в гимназию Академии наук учиться немецкому языку. В следующем году отец определил его копиистом в Коммерц-коллегию с годовым окладом 25 руб. Перейдя на службу в Сенат в 1733 г., Тишин получил чин канцеляриста. В течение одного года ему дважды повышали оклад, после чего он стал получать 60 руб. Будучи прикомандирован к Оренбургской экспедиции, возглавляемой И. К. Кириловым, он успешно выполнял свои обязанности. В 1736 г. Тишина назначили секретарем в Комиссию мер и весов с окладом 400 руб. К 1748 г. он дослужился до чина коллежского советника. Новое повышение «ударил» по карману Тишина: в соответствии с указом Петра 1724 г. он стал получать половину оклада армейского полковника, что составило 381 руб. 52 коп.³³⁹

Коллежский советник Главной соляной конторы П. Я. Стечкин в основном повторил карьеру Тишина. Будучи секретарем, он получал 600 руб. Присвоив ранг полковника, Стечкину, в отличие от Тишина, назначили жалованье по «московскому списку», которое равнялось $\frac{1}{4}$ оклада полковника, или 190 руб. 76 коп. в год³⁴⁰. Экзекутор Сената С. С. Рогачев получал полный оклад подполковника армии (473 руб. 40 коп.); его должность соответствовала этому рангу. До 1754 г. он был секретарем Сената в ранге майора, за что ему платили 600 руб.³⁴¹ Повышение в должности и ранге привело к уменьшению годового жалованья на 126 руб. 40 коп., т. е. в 5 раз. В то же время для коллегии Рогачева — экзекутора князя С. В. Урусова, служившего ранее прапорщиком в армии, назначение на эту должность сопровождалось крупным повышением оклада³⁴². Однако правительство не всегда понижало в подобных случаях оклады чиновников. Так, бывшему экзекутору Сената И. Дурново при назначении в 1753 г. советником в Сибирский приказ сохранили прежний, более высокий оклад, учитывая его длительную и беспорочную службу³⁴³.

³³⁸ Материальное положение дворянина учитывалось при замещении воеводских должностей, особенно на окраинах России (Сибирь, Астрахань и пр.), куда Сенат рекомендовал посылать «добрых и прожиточных людей», давая им хорошее жалованье (ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 10, л. 838).

³³⁹ Там же, кн. 203, л. 856 и об.; Сенат, кн. 8122, ч. 3, л. 1223 и об.

³⁴⁰ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 876.

³⁴¹ Там же, ч. 1, л. 216—216 об.

³⁴² ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 439, л. 713.

³⁴³ Там же, кн. 400, л. 1066. И. Дурново не был исключением; другим чиновникам тоже сохраняли старые высокие оклады (ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 2, лл. 453—454 об.).

После понижения окладов, сопровождавшего пожалование человека в более высокие чины (8-го и следующих классов), жалование снова постепенно увеличивалось. Так, секретарь Главной соляной конторы Г. Я. Домашнев получал 400 руб. в год по «петербургскому окладу». В 1741 г. его произвели в ассессоры и стали платить четверть жалованья майора по «московскому окладу», т. е. 98 руб. 94 коп. После получения чина коллежского советника ему назначали четверть оклада полковника, т. е. 190 руб. 76 коп.³⁴⁴ Начальник Стечкина и Домашнева, главный командир Соляной конторы статский советник А. Ф. Кар, получал полное жалование бригадира (1072 руб.)³⁴⁵.

В некоторых случаях правительство заменяло повышение чиновника в рангах увеличением годового жалованья. Так, в 1755 г. в Сенате служил секретарем опытный чиновник, выходец из старой приказной фамилии Д. Невежин, «который в полковничьем ранге 19 лет и пред всеми находящимися в коллегиях советниками старше состоит». Поскольку он прекрасно знал все дела, генерал-прокурор Н. Ю. Трубецкой держал его на этой должности, увеличив оклад с 1200 до 2000 руб. в год³⁴⁶.

Повышение чиновника в должности с понижением в окладе затрагивало материальные интересы значительной части средней и высшей бюрократии, которая не хотела мириться с таким положением и добивалась увеличения жалованья. В 30-х — начале 60-х годов XVIII в. получило широкое распространение назначение «персональных окладов» верхушке чиновничества, чему немало способствовала борьба за власть между отдельными группировками правящего класса. По приказу Сената Штатс-контора составила 15 декабря 1763 г. весьма любопытную ведомость о том, кто из чиновников России получает «сверх штатного положения по особливим именным е. и в. и Правительствующего Сената указам». Всего в ней учтен 201 чел. На их содержание по окладам 1720—1725 гг. следовало расходовать ежегодно 92 479 руб. Фактически они получали в 1763 г. 248 961 руб.³⁴⁷ «Переплата» составляла очень крупную сумму — 156 482 руб., т. е. примерно в 1,7 раза превосходила первоначально утвержденные оклады. Среди этих чиновников была верхушка сановной бюрократии, получившая прибавку к окладу от императрицы: это 10 сенаторов из 14, 11 губернаторов из 16, 4 президента и 3 вице-президента коллегий, генерал-рекетмейстер, 2 обер-прокурора, 3 обер-секретаря и 4 секре-

³⁴⁴ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 876 об.— 877.

³⁴⁵ Там же, лл. 874—875.

³⁴⁶ ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 2, л. 452 об.

³⁴⁷ ЦГАДА, Сенат, кн. 3321, лл. 29—50. Фактически количество чиновников, получавших жалование с «переплатой» по сравнению с окладом, было несколько больше, так как Штатс-контора не располагала полными сведениями по Синоду, канцелярии Академии наук, Морскому и Сухопутному кадетским корпусам, Коллегии экономии, Монетной и Межевой, е.и.в. Вотчинной, Дворцовой канцеляриям и Соляной конторе (там же, лл. 50 об.— 51).

таря Сената, начальники трех центральных канцелярий и контор, члены присутствий коллегий, 10 высших служащих дипломатического ведомства и десятки других чиновников.

Однако было бы неверно полагать, что все эти чиновники получали добавку к штатному окладу благодаря царскому фавору или высокому положению в государственном управлении Россией. Наряду с крупнейшими сановниками империи мы встречаем в ведомости Штатс-конторы и более мелких чиновников: архитекторов Канцелярии от строений, имевших ранги от майора до прапорщика (38 чел.), смотрителей портовых и пограничных таможен (20 чел.) и некоторых других. Этим категориям чиновников правительство повысило оклады потому, что оно первоначально установило им весьма низкое жалованье. К тому же подавляющее большинство низших служащих государственного аппарата не имело имений.

Выше мы указывали, что государство учитывало этот момент при определении размеров окладов приглашаемых на службу в Россию иностранных специалистов. Собранные нами факты говорят о том, что вплоть до 60-х годов XVIII в. правительство до известной степени считалось с наличием или отсутствием вотчин у некоторых русских дворян-чиновников, что было своеобразным пережитком отбывания службы государству «с земли» после прекращения выдачи поместных окладов. Так, например, в 1755 г. по предложению Сената Елизавета Петровна пожаловала обрусевшим иноземцам вице-президенту Юстиц-коллегии Ф. И. Эмме 12 гаков в Лифляндии, главному судье Монетной канцелярии И. А. Шлаттеру 10 гаков, отставному прапорщику «калмыцкого знатного роду зейсангу Менко» 50 душ крестьян, так как «они собственных своих деревень и других, кроме жалованья, доходов не имеют». Новому коменданту крепости св. Елизаветы А. Глебову было увеличено годовое жалованье на 1200 руб. «за малоимением за ним деревень», а также потому, что ему приходилось устраивать приемы для приезжающих из-за границы официальных лиц³⁴⁸. При увольнении в 1756 г. в отставку казанского губернатора С. Т. Грекова, владельца 490 душ, императрица наградила его следующим чином — действительного тайного советника³⁴⁹.

Другого чиновника, Ивана Сукина, она уволила с сохранением жалованья за хорошую службу, «в рассуждении недостатка за ним деревень, с произвождением на пропитание по смерти его получаемого ныне жалованья по 381 руб. по 52 коп. в год»³⁵⁰, и т. д.

Огромный разницей и «чересполосица» в окладах среди чиновников, нередко занимавших одни и те же должности и имевших равный стаж службы, заставлял правительство изыскивать меры для упорядочения оплаты их труда, что должно было улучшить

³⁴⁸ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 442, лл. 63—64.

³⁴⁹ Там же, кн. 419, лл. 223—224; Госархив, XVI р., д. 168, ч. 2, л. 396.

³⁵⁰ ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 2, л. 396.

деятельность государственного аппарата. Одной из таких мер правительства Елизаветы Петровны было проведение уже упоминавшейся переписи чиновников в 1754—1756 гг. с целью получения материала для составления новых штатов всех учреждений. 21 июля 1755 г. Сенат приказал все проекты учреждений по этому вопросу «для единственного положения, чтобы не последовало какой-либо разности и различия в законах, отдавать во учиненную при Сенате о сочинении Уложения комиссию»³⁵¹.

Однако эта комиссия не составила новых штатов. В октябре 1760 г. Конференция при высочайшем дворе приняла постановление о том, чтобы все учреждения России присылали в Уложенную комиссию свои предложения о новых штатах. Выполнение этого распоряжения правительства затянулось на несколько лет. В октябре 1760 г. генерал-прокурор Сената князь Я. П. Шаховской ставил вопрос о том, что необходимо отменить привилегии иностранцев, ибо они «жалованье получают противу русских гораздо более, а исправляют такую должность, как и русские». В апреле 1761 г. он выступил в Сенате с предложением ускорить составление новых окладов, ибо интересы государства страдают от неупорядоченности штатов и окладов чиновников. После этого Елизавета Петровна поручила ему подготовить материал для пересмотра штатов³⁵². История составления новых штатов освещена в литературе, поэтому мы не будем специально останавливаться на этом вопросе³⁵³.

Окончательно эта работа была завершена в правление Екатерины II, которая манифестом от 15 декабря 1763 г. ввела новые штаты для всех учреждений Российской империи и примерно вдвое повысила оклады большей части чиновников. По новым штатам было назначено жалованье и канцелярским служащим. Одной из причин введения жалованья низшему звену служащих было желание правительства улучшить работу государственного аппарата, ликвидировать взяточничество. В то же время увеличение размеров окладов чиновников говорило о желании правительства шире привлечь на государственную службу дворян после издания манифеста 1762 г., повысить для них материальные стимулы. Этим же целям отвечало введение в 1764 г. пенсии. В итоге в изучаемое время расходы государства на содержание центрального и местного управления выросли в абсолютных цифрах более чем в 2 раза. Если в 1725 г. они составляли 2,15 млн. руб., то 42 года спустя, в 1767 г., — 5,66 млн. руб. Однако удельный вес расходов на управление сколько-нибудь значительно не менялся: 21,2 и 24,3%³⁵⁴.

В заключение попытаемся определить, какую роль играло государственное жалованье для различных разрядов чиновничества.

³⁵¹ ЦГАДА, Сенат, кн. 3321, л. 27.

³⁵² Там же, лл. 3, 5.

³⁵³ Ю. В. Голье. Указ. соч., т. II. М., 1941, стр. 152—195.

³⁵⁴ С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в., стр. 243.

Как видно из табл. 7, среди верхушки бюрократии России в середине XVIII в. имелась немногочисленная группа чиновников, которые владели мелкими имениями или только дворовыми крестьянами, а иногда вообще не имели крепостных и были вынуждены служить не только потому, что их принуждало к этому абсолютистское государство, но и потому, что они не имели других средств для существования. При этом важно подчеркнуть, что в эту группу входили не только вчерашние приказные люди (И. В. Васильев, И. С. Ермолаев, Д. И. Невежин, И. О. Пуговишников и др.), разnochинцы (бывший «церковник» П. Чекалевский и пр.), иноземцы, которым правительство запрещало покупать крепостных до принятия православия (К. И. Геннин, В. Райзер и др.), но и потомственные дворяне (В. Е. Адодуров, Ф. С. Голубцов, А. М. Обресков и др.).

Однако главное назначение таблицы 7 состоит в том, чтобы дать представление о размерах денежных окладов верхушки бюрократии России, поэтому ее данные не позволяют выяснить, какова была роль казенного жалованья для разных разрядов чиновничества. Используем для этой цели табл. 10, которая содержит сведения о наличии крестьян у чиновников в середине XVIII в. Из 5379 чиновников, учтенных переписью 1754—1756 гг., 3326 чел. (61,8%) вообще не имели крестьян. Этот процент следует признать весьма высоким. Если мы обратимся к данным о распределении крестьян по отдельным разрядам чиновников, то увидим, что наибольшее число лиц, не имевших крепостных, падает на канцеляристов — 2709 чел., или 81,4% в IV разряде. В III разряде было около 40% чиновников, не имевших крепостных. В верхних слоях бюрократии (I—II разряды) количество чиновников без крестьян колебалось от 10 до 13%. Таким образом, лица, не имевшие крестьян, а также владельцы дворовых слуг и мелких имений (до 50 душ крепостных), насчитывали 3728 чел., или 87,9% учтенных нами чиновников. Эти данные свидетельствуют об огромной зависимости основной массы российского чиновничества от государственной службы, которая была для них основным источником существования.

Данные о душевладении бюрократии помогают реально представить значение государственного жалованья для отдельных разрядов чиновничества. Для немногочисленной верхушки сановой бюрократии, имевшей крупные имения, казенное жалованье было подспорьем к тем огромным доходам, которые они получали от эксплуатации «своих подданных». Низшие слои чиновничества полностью зависели от государственной службы.

В первой половине XVIII в. дворяне хорошо учитывали, что может им дать служба в том или ином учреждении, где быстрее можно получить высокие ранги, а следовательно, и денежные оклады. Поэтому они стремились определить своих детей на службу в армию, ко двору, в Иностранную коллегию, Сенат. Этих преимуществ, например, не имела служба в Российской академии наук,

не пользовавшейся особым расположением преемников Петра I. В составленной около 1760 г. записке «О необходимости преобразования Академии» М. В. Ломоносов, сам получивший от императрицы в 1751 г. чин коллежского советника, жаловался ее фавориту И. И. Шувалову, что и в новом регламенте Академии 1747 г. «капитанские ранги по-старому профессорам оставлены, адъюнктам и никакова не дано. И словом, рангов не расположено, чем бы к учению иметь ободрение». Поэтому дворяне предпочитали отдавать детей в Кадетский корпус, «ибо, положив многие годы и труды на учение, они не имеют почти никакой надежды дальше произойти, как до капитана». Если дать ученым чины выше, то шляхетство охотнее пойдет в Академию, отчего бы в ней «в статских чинах ученые дворяне размножились и честь наук возвысили»³⁵⁵.

Итак, приведенные данные свидетельствуют о том, что лишь в начале 60-х годов XVIII в. правительство смогло наконец осуществить намерение Петра I и установить для всех без исключения категорий чиновников центральных и местных учреждений России постоянные денежные оклады. Тем самым были окончательно ликвидированы существовавшие до этого элементы системы кормлений, заключавшиеся в том, что большинство чиновников местного управления (до провинциальных воевод включительно) и часть канцеляристов центральных учреждений не получали твердо установленного казенного жалованья, а, как и ранее, кормились от дел. Введение денежного жалованья как главного средства обеспечения чиновников, независимо от их социального происхождения и места в иерархии должностей и учреждений, было одним из важнейших показателей проникновения новых (по сути буржуазных) принципов в организацию государственного аппарата при абсолютизме.

6. Уровень образования и профессиональной подготовки чиновничества

В истории России первая четверть XVIII в. была переломным моментом. В результате блестящих успехов армии и флота в Северной войне Россия «пробила окно» в Западную Европу, что было необходимо для ее дальнейшего исторического развития. В ходе войны правительство Петра I проводило назревшие еще в XVII в. реформы в области экономики и культуры.

Превращение России в великую державу, усложнение задач, стоявших перед абсолютистским государством в области внутренней и внешней политики, потребовало различного рода специалистов: военного и морского дела, горных инженеров, геодезистов, врачей, архитекторов, ученых, художников, квалифицированных пре-

³⁵⁵ П. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 447—448.

подавателей, переводчиков и многих других. При недостатке или полном отсутствии отечественных кадров в той или иной области Петр I на первых порах приглашал иностранных специалистов. В то же время он прилагал энергичные усилия к созданию в России сети учебных заведений, которые бы готовили собственных специалистов для нужд армии, флота, усиленно развивающейся промышленности. С этой же целью он начал с конца XVII в. посылать русских людей учиться за границу. Эти меры правительства содействовали «европеизации» государственного строя России, критическому усвоению опыта западноевропейских стран. В целом развитие сети школ и программа обучения в них при Петре I были подчинены прежде всего выполнению насущных задач, стоявших перед государством, причем большая часть учебных заведений (Морская академия, Артиллерийская, Математическая, Навигационная, Инженерная, Медицинская школы) готовила специалистов для нужд армии и флота.

В нашу задачу не входит изложение истории школ и просвещения в первой половине XVIII в., так как этот вопрос достаточно полно освещен в литературе³⁵⁶. Для целей нашего исследования важно выяснить, в какой мере успехи в развитии школы и просвещения в России в этот период отразились на профессиональной подготовке бюрократии. Поэтому мы лишь кратко коснемся системы подготовки гражданских чиновников.

Проведение преобразований в России в конце XVII — первой четверти XVIII в. сопровождалось ростом государственного аппарата, что в свою очередь увеличило потребность в грамотных, хорошо знающих свое дело чиновниках. В начале XVIII в. в России не было учебных заведений, которые бы специально готовили людей для службы в государственных учреждениях. Все необходимые навыки и знания чиновники получали на практике. При создании в 1682 г. Славяно-греко-латинской академии правительство пыталось организовать подготовку образованных людей и для нужд государственного управления, однако подобное начинание не имело успеха: Академия была по преимуществу церковным учебным заведением³⁵⁷.

³⁵⁶ См. *Ф. Ф. Веселаго*. Очерк истории Морского кадетского корпуса. СПб., 1852; *П. П. Пекарский*. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I—II. СПб., 1862; *М. В. Владимирский-Буданов*. Указ. соч.; *С. В. Рождественский*. Указ. соч.; *С. Смирнов*. Указ. соч.; *Д. А. Толстой*. Академическая гимназия в XVIII ст. СПб., 1855; *Н. В. Нечаев*. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII ст. М., 1944; *М. Т. Беляевский*. М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955; *А. А. Буров*. Петербургские «русские» школы и распространение грамотности среди рабочих в первой половине XVIII в. Л., 1957; «История Академии наук СССР», т. I. М.—Л., 1958; *Б. Н. Палкин*. Русские госпитальные школы и их воспитанники. М., 1959; *Е. С. Кулябко*. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.—Л., 1962; и др.

³⁵⁷ *С. В. Рождественский*. Указ. соч., стр. 2—3.

В начале XVIII в. правительство Петра I учредило несколько специальных школ: Навигацкую (1701), Артиллерийскую (1701), Медицинскую (1707), Инженерную (1712), Горную при Олонекких заводах (1716). Позже навигацкие школы были созданы в Новгороде, Нарве, Ревеле. В 1715 г. была открыта Морская академия. В 1721 г. по инициативе В. Н. Татищева на Урале начали создавать горные школы. Одновременно в ряде епархий открылись школы, учреждаемые духовенством. По указу Петра I были созданы школы для детей матросов, плотников, кузнецов «и прочих мастеровых» в Петербурге, Ревеле, Таврове (1719) и других городах³⁵⁸.

Социальный состав учащихся первых профессиональных школ был весьма пестрым: в них учились дети не только дворян, но и приказных людей, духовенства и разного рода разночинцев. При недостатке грамотных людей правительство брало учеников из этих учебных заведений для работы в учреждениях.

К началу XVIII в. относится возникновение первого специального учебного заведения, готовившего чиновников для гражданской службы, — школы иностранных языков при Посольском приказе. В ней первоначально учились дети подъячих и переводчиков. Школой ведал переводчик Н. Швиммер, а с 1703 г. пастор Э. Глюк. В 1705 г. он открыл в Москве общеобразовательную школу (гимназию), в которой обучали светским наукам и иностранным языкам. После смерти Глюка гимназией руководил справщик Синодальной типографии Ф. П. Поликарпов. Она просуществовала до 1715 г., после чего была закрыта, так как учеников разобрали другие учебные заведения³⁵⁹.

Петр I отдавал себе отчет в необходимости организации специальной подготовки чиновничества. Об этом, в частности, говорит неопубликованный указ 1709 г., свидетельствующий о намерении царя сделать Навигацкую школу общеобразовательным учебным заведением: «Оная школа не только потребна единому мореходству и инженерству, но и артиллерии и гражданству к пользе»³⁶⁰. Необходимость распространения просвещения в России ради «государственной пользы» обосновывалась в записках А. А. Курбатова, Ф. С. Салтыкова, Г. Фика и других «проекторов». В 1715 г. Петру I был подан анонимный «Проект о учреждении в России академии политики для пользы государственных канцелярий». Немецкий философ Г.-Ф. Лейбниц писал Петру I о том, что для поощрения деятельности профессоров и учителей их следует наделить чинами, которые имеют придворные и служащие государственных учреждений³⁶¹.

³⁵⁸ Н. А. Бакланова. Школа и просвещение. — «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.», стр. 635—662; Л. Г. Бескровный. Военные школы в России в первой половине XVIII в. — «Исторические записки», т. 42, М., 1953, стр. 285—300.

³⁵⁹ М. В. Владимирский-Буданов. Указ. соч., стр. 246, 276—280; Н. А. Бакланова. Указ. соч., стр. 662—664.

³⁶⁰ Цит. по указ. соч. С. В. Рождественского, стр. 6.

³⁶¹ Там же, стр. 75—117.

В 1714—1716 гг. Петр I издал несколько указов об обучении детей дворян и подьячих грамоте и арифметике в цифирных школах³⁶². В 1715 г. была послана группа детей подьячих в Кенигсберг учиться немецкому языку. Дети дворян направлялись во Францию, Англию и другие страны для освоения навигации, инженерного и горного дела и других наук. При издании регламента Духовной коллегии в него был включен пункт, разрешающий поступать в Славяно-греко-латинскую академию не только детям церковников, но и «градским лучшим и приказным людям»³⁶³.

Однако эти меры не могли восполнить недостаток в специалистах. Гимназия Глюка была единственной общеобразовательной школой; цифирные и епархиальные школы давали лишь самые начала знаний. К тому же дворяне, приказные и посадские люди весьма неохотно отдавали своих детей в учение, рассматривая его как разновидность тяжелой государственной повинности³⁶⁴. Кстати сказать, так же смотрело на учение и государство, что отразилось и в указах правительства.

Проводя реформы управления, Петр I включил в Генеральный регламент коллегий 36-ю главу, в которой содержался призыв к дворянству и приказным людям отдавать детей в коллегии и канцелярии учиться приказным наукам. В ноябре 1721 г. был издан указ об организации школы подьячих; в нее «приказные люди детей своих повинны были отдавать, також и с стороны, кто похочет быть приказным, також ж учиться определенным в коллегии молодым дворянам»³⁶⁵. Но эта школа не имела успеха. Через год в инструкции герольдмейстеру Петр I констатировал, что в России «учении не гораздо вкоренились, паче же в гражданских делах, а особливо в экономических», и поручал ему, «пока академии исправятся», открыть «краткую школу»³⁶⁶.

Однако эти меры не могли быстро дать нужный эффект. Среди дворян, не говоря уже о посадских людях и крепостных крестьянах, имелось много неграмотных, которых государство было вынуждено использовать на мелких административно-полицейских должностях. Так, например, в указе Сената Герольдмейстерской конторе от 13 сентября 1722 г. об отсылке отставных неграмотных дворян в распоряжение Вальдмейстерской конторы подчеркивалась мысль о том, что «грамоте умеющих такова многова числа набрать не мочно», поэтому приходится «только в знатные указыные места определять грамоте умеющих, а в протчие и неумеющих»³⁶⁷.

Вся политика абсолютной монархии имела ярко выраженный классовый, дворянский характер. Такой же она была и в области

³⁶² ПСЗ, т. V, № 2762, 2778, 2979, 3447; М. В. Владимирский-Буданов. Указ. соч., стр. 19—31.

³⁶³ ПСЗ, т. V, № 2997, 3058; т. VI, № 3718, стр. 334.

³⁶⁴ ПСЗ, т. VI, № 3575, 3703.

³⁶⁵ Там же, № 3845.

³⁶⁶ Там же, № 3896, § 2.

³⁶⁷ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 10, лл. 922—925

просвещения. Заботясь об обеспечении интересов класса феодалов, Петр I стремился к тому, чтобы важнейшие должности в государственном аппарате занимали дворяне, получившие соответствующую подготовку. По его мнению, кадры чиновников-дворян должны были готовить сами центральные учреждения: Сенат, важнейшие коллегии и канцелярии. Мысль об этом содержалась в Генеральном регламенте; дальнейшее развитие она получила в Табели о рангах, определявшей порядок обучения дворянских недорослей, для чего в учреждениях открывались вакансии коллегий-юнкеров. Чтобы заинтересовать дворян в обучении наукам, Петр I в Табели о рангах приравнял пребывание в коллегии-юнкерах к службе в армии (§ 13—14).

Поскольку дворяне не хотели своих детей отдавать в школы и учить «приказным» наукам, Петр I издавал указы, грозившие ослушникам строгими карами. Его преемники, хотя и продолжали пугать «нетчиков» записью в матросы, штрафами и другими наказаниями, фактически пошли навстречу требованиям дворянства в вопросах о порядке организации государственной службы и образования. Сперва правительство Анны Ивановны удовлетворило требование дворянства об организации специального привилегированного учебного заведения, где бы они не смешивались с приказными людьми и разночинцами, заполнявшими существовавшие в России школы. Еще в 1730 г. Верховный Тайный совет обещал «шляхетство в солдаты, матросы и прочие подлые и нижние чины неволею не определять», а открыть «особливые кадетские роты», откуда дворян сразу выпускать в армию обер-офицерами³⁶⁸.

В 1731 г. был учрежден Шляхетский корпус, издан его устав и определен порядок приема дворянских недорослей³⁶⁹. Главной задачей нового учебного заведения была подготовка офицеров для армии. Но наряду с преподаванием военных, а также «шляхетских» наук (иностранные языки, танцы, фехтование, верховая езда и т. п.), его программа предусматривала и изучение юриспруденции, «понеже не каждого человека природа к одному воинскому склонна, також и в государстве не меньше нужно политическое и гражданское обучение»³⁷⁰. Позже, в 1748 г., в связи с нехваткой образованных чиновников из числа дворян правительство Елизаветы Петровны издало специальный указ «Об обучении кадетов, склонных к статской службе, юриспруденции и арифметике и освобождении их от других занятий и военных экзерциций»³⁷¹.

Однако на первых порах дворяне весьма неохотно отдавали детей в Шляхетский корпус; кадеты плохо учились и убегали домой. В мае 1733 г. Сенат ввел в качестве наказания для каде-

³⁶⁸ Д. А. Корсаков. Воцарение имп. Анны Иоановны. Казань, 1880, стр. 161, 163, 178; С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 14—17.

³⁶⁹ ПСЗ, т. VIII, № 5881, 5886, 5894.

³⁷⁰ Там же, № 5811; С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 15—16.

³⁷¹ ПСЗ, т. XII, № 9532.

тов за первый побег «отсылку для учения с солдатскими детьми в здешнюю гарнизонную школу» на год, за второй — на 3 года³⁷². Спустя три года, 6 мая 1736 г., правительство Анны Ивановны издало пространный указ, обязывавший всех дворян неуклонно выполнять законы об обязательной службе. Его появление было вызвано массовым уклонением дворянства от явки на смотры. В указе осуждались «многие офицерские, дворянские, также солдатские рейтарские, казацкие, пушкарские и прочих всякого звания служилых чинов, кроме рассыльчиков и подьячих, дети», которые, не желая служить государству, «под разными видами кроются, а некоторые из них вступают в дворовую службу разных чинов к людям и переходят из города в город, дабы звание свое утаить и тем от службы отбыть». Далее правительство взывало к сознанию дворян и других «служилых чинов» и напоминало им о необходимости отдавать детей в школы, «чтобы все малолетние служилых отцов дети, имея надежное пропитание, обучались, кто к каким наукам приклонность иметь будет». Необходимость получения образования была мотивирована тем, чтобы дети служилых людей «со временем не токмо государству полезны быть, но и сами себе чрез те науки довольное пропитание сыскать могли». Детям бедных дворян назначалось в школах казенное жалованье, как солдатам в армии; за уклонение от службы или учения назначался штраф 100 руб. или конфискация имения, половина которого шла доносителю³⁷³.

В указе от 6 мая 1736 г. предельно ясно изложена позиция абсолютизма по вопросу о роли сословий в обществе: все те, кто не положены в подушный оклад, обязаны пожизненно служить государству. Учеба рассматривалась как разновидность службы государству, обеспечивавшей подготовку хороших офицеров или чиновников. Примечательно, что абсолютная монархия приравнивала в этом отношении привилегированный класс к податным категориям населения.

Однако изданный 31 декабря 1736 г. манифест «О порядке приема в службу шляхетских детей и увольнения от оной» означал серьезную уступку правительства дворянству, которое получило право по окончании русско-турецкой войны уходить в отставку после 25 лет государственной службы, а также оставлять дома одного сына для присмотра за имениями, который должен вместо себя поставлять в армию рекрута³⁷⁴. Для поощрения просвещения правительство в 1737 г. разрешило детям духовенства ставить рекрутов в армию, а самим поступать в школы, чтобы затем идти «в духовные и гражданские службы»³⁷⁵.

В развитие манифеста от 31 декабря 1736 г. 9 февраля 1737 г. был издан указ, установивший порядок проведения смотров де-

³⁷² ПСЗ, т. IX, № 6395.

³⁷³ Там же, № 6949.

³⁷⁴ Там же, № 7142.

³⁷⁵ ПСЗ, т. X, № 7169.

тей дворян для выявления степени их подготовленности к государственной службе. В семь лет дети дворян должны были являться на первый смотр в воеводские и губернские канцелярии. После этого их отпускали домой учиться писать и читать. Второй смотр устраивали, когда детям исполнялось 12 лет. После него часть детей записывали в различные школы; других, чьи родители имели не менее 100 душ крепостных, отпускали домой, чтобы они «со основанием обучены были» читать, писать, катехизису, арифметике и геометрии. Целесообразность обязательной записи детей мелкопоместных дворян в различные школы мотивировалась в указе «государственным интересом», в частности тем, что «такие мелкопоместные, иногда не рассуждая не токмо о государственной, но и о собственной пользе, хотя способов к обучению своих детей и не имеют, однако ж того ради детей при себе оставить желают, дабы оных по сродной своей горячности под видом науки всегда перед глазами своими иметь»³⁷⁶.

На третий смотр дворянские недоросли должны были являться в 16 лет, причем только в Сенат и Герольдмейстерскую контору в столице или в их конторы в Москве. После очередной проверки знаний часть дворян записывалась в гвардию, армейские полки или поступала служить в учреждения. Те из дворян, кто хотел продолжать образование, могли записываться в Кадетский корпус, Морскую академию и различные школы, а также в коллегии-юнкеры. Дети богатых родителей могли до 20 лет изучать дома географию, историю, фортификацию, иностранные языки. Если дворянские недоросли не получили к 16 годам дома необходимых знаний, их направляли на флот служить матросами. В 20 лет, после четвертого смотра, все дворяне должны были назначаться на службу в зависимости от склонностей и полученных знаний, которым отдавалось предпочтение перед выслугой. Всем учреждениям России следовало «смотреть, чтоб те, которые в своих науках паче других предупели и рачительное старание имели, також де прежде других в чины произведены были и тако за свое прилежание к наукам и награждение получить могли»³⁷⁷.

Манифест от 31 декабря 1736 г. и изданный на его основе указ от 9 февраля 1737 г. вносили важные изменения в законодательство об организации службы и обучения дворянского сословия. Идя навстречу требованиям дворян, правительство ограничило их государственную службу 25 годами. Одновременно было упорядочено проведение смотров дворян, которые сами стали решать, как и чему они должны обучать своих детей, ибо государство предоставило им в этом вопросе большую самостоятельность. В этом отношении правительство Анны Ивановны несколько отошло от жесткого курса Петра I, приравнивавшего домашнее обучение к побегу со службы.

³⁷⁶ Там же, № 7171, стр. 43.

³⁷⁷ Там же, стр. 44—45.

Правительство приняло также меры к улучшению подготовки чиновников. В 1737 г. был проведен новый набор в школы юнкеров при Сенате, а также при коллегиях³⁷⁸. Кабинет министров в марте 1737 г. утвердил правила приема дворян в коллегии-юнкеры, с учетом размеров их вотчин: владельцев 25—75 душ крепостных разрешалось определять в коллегии и канцелярии; тех, у кого было свыше 100 душ, принимали в школу при Сенате. В первый год коллегии-юнкерам платили жалованье копииста, затем канцеляриста. Через пять лет проявивших себя в учении юнкеров производили в секретари. Доходы от вотчин вместе с казенным жалованьем должны были не только давать средства для содержания кадетов, но и помогать поддерживать престиж дворян среди приказной братии³⁷⁹. Затем 11 мая 1737 г. Сенат утвердил разверстку юнкеров по учреждениям и поручил сенатору князю Б. Г. Юсупову общее наблюдение за их подготовкой. В учреждениях обучением юнкеров должны были весть наиболее опытные секретари. В Сенат, Сенатскую контору в Москве и в Иностранную коллегию было назначено по 12 юнкеров, в Синод, Военную, Вотчинную, Камер-, Коммерц-, Ревизион- и Юстиц-коллегии, Штатс-контору — по 6, в Генерал-берг-директориум, Монетную контору, Судный приказ — по 4, в Канцелярию конфискации — 2, итого 98 чел.³⁸⁰ По расписанию генерал-прокурора Сената в 1751 г. во всех учреждениях следовало иметь 182 юнкера, но их было палицо лишь 95 чел., т. е. около половины³⁸¹.

Коллегии-юнкеры должны были не только иметь навык в «приказном порядке» и приобретать «знание указов и прав государственных, Уложения и прочее». Два дня в неделю они обучались грамматике, арифметике, математике, геодезии, географии, латыни. В 1755 г. Сенат приказал юнкеров Коммерц-коллегии «для лучшего понятия коммерции» учить истории, географии, французскому и немецкому языкам и прочим наукам, для чего им следовало посещать классы при Академии наук. В 1761 г. несколько юнкеров было командировано в остзейские губернские и провинциальные учреждения «для изучения тамошних прав и экономических регулов»³⁸². Такая программа предусматривала подготовку хорошо образованных по тем временам чиновников, обладавших знаниями и опытом практической работы, что, по мнению правительства, должно было обеспечить замещение командных должностей в государственном аппарате России дворянами.

Для улучшения подготовки кадетов в Шляхетском корпусе «в пользу всего государства» правительство в том же 1737 г. распорядилось 2 раза в год проверять их знания, для чего создали

³⁷⁸ ПСЗ, т. X, № 7182.

³⁷⁹ Там же, № 7201.

³⁸⁰ Там же, № 7248.

³⁸¹ ЦГАДА, Сенат, кн. 6405, л. 485.

³⁸² С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 37—39.

комиссию с участием сенаторов, преподавателей Морской академии и Инженерной школы и утвердили правила экзаменов³⁸³. Одновременно правительство пыталось привлечь в школы детей духовенства и солдат³⁸⁴.

Возникают вопросы: каковы были результаты правительственной политики в области подготовки кадров для государственного аппарата, в какой мере была подготовлена российская бюрократия к выполнению своих функций? Ответ на них можно получить, изучив «сказки» чиновников, подававшиеся во время переписи 1754—1756 гг. Поскольку правительство требовало сведений об образовании, ибо они в известной мере учитывались при замещении должностей в государственном аппарате, то все лица, охваченные переписью, сообщили такие данные о себе.

Табл. 8 дает представление о соотношении количества чиновников в офицерских рангах, имевших образование и начавших свою карьеру сразу службой в армии или учреждениях. Мы не включили в нее данных о низшем звене чиновничества — канцеляристах местных учреждений, ибо среди них лиц, окончивших цифирные школы или другие учебные заведения, насчитывалось буквально единицы, что составило ничтожную долю процента общего числа служащих этой категории. Как и в XVII в., абсолютное большинство канцелярских служащих местных учреждений России обучалось грамоте дома или в канцеляриях. Здесь же их дети приобретали навыки в письме и делопроизводстве.

Рассмотрим сперва общие итоги в табл. 8. Лиц, получивших образование в государственных учебных заведениях, насчитывалось всего 396 чел., или 19,31% чиновников I—III разрядов. Как мы должны оценивать эти данные?

С одной стороны, эти цифры свидетельствуют о явно невысоком проценте лиц с образованием среди чиновничества России в середине XVIII в. Однако мы не можем сопоставить их с концом XVIII ст., так как история чиновничества этого периода не исследована. Мы не можем их сравнить и с какими-либо более ранними данными не только потому, что в первой половине XVIII в. в России еще не было статистики образования, но и из-за отсутствия до начала 20-х годов XVIII в. самих учебных заведений. Учитывая последнее обстоятельство, следует отметить определенные достижения абсолютистского государства в создании квалифицированных отечественных кадров, хотя численно все еще преобладало чиновничество, учившееся грамоте и арифметике дома и приобретавшее знания и опыт на государственной службе.

Гражданские и военные учебные заведения дали почти одинаковое количество выпускников для службы в государственном аппарате: 186 (9,07%) и 184 чел. (8,97%). Обращает на себя внимание низкий удельный вес лиц, окончивших духовные учебные

³⁸³ ПСЗ, т. X, № 7313, 7369.

³⁸⁴ Там же, № 7827.

Таблица 8
Составление чиновников в офицерских классах, окончивших учебные заведения в 1917 г. и не имеющих образования, в 1755 г.

разряд	Какие учебные заведения окончили				военные	
	гражданские					
школы коллегии-юнкеров, и студенты Иностранной коллегии						
цифирные, гарнизонные и горнозаводские школы						
гимназию при Академии наук						
«немецкие» школы в Москве и Ревеле						
иностранные университеты						
Итого						
					Кадетский корпус	
					Морскую академию	

Государственные учреждения

	Центральные					
	I	II	III	I	II	III
I	2	—	—	3	3	6
II	9	—	—	1	—	4
III	78	—	1	7	—	3
Итого						
						89
						29
						11

Местные органы центральных учреждений

	Местное управление					
	I	II	III	I	II	III
I	1	—	—	—	—	—
II	—	—	—	—	—	—
III	—	—	—	—	—	—
Итого						
						1
						2
						34
						1
						1

Дворянские учреждения

	Дворянские учреждения					
	I	II	III	I	II	III
I	1	—	—	2	—	—
II	2	—	—	—	—	—
III	9	—	—	5	—	—
Итого						
						4
						5
						19
						4
						3

Итого по разрядам чиновников

	Итого по разрядам чиновников					
	I	II	III	I	II	III
I	4	—	—	5	4	6
II	2,76	—	—	3,44	2,76	4,14
III	11	1	—	2	—	7
%	1,95	0,18	—	0,36	—	1,25
II	88	40	—	8	—	10
III	6,55	2,97	—	0,6	—	0,74
%						
Итого						
Всего I—III	103	41	15	4	23	186
%	5,02	2,0	0,73	0,2	1,12	9,07
						58
						2,83
						58
						2,83

Какие учебные заведения окончили

	военные			духовные		
инженерные школы						
артиллерийские школы						
математическую школу						
навигационные школы						
Итого						
						Славяно-греко-латинскую академию
						духовные семинарии
						Итого
						всего получили образование

Государственные учреждения

	Центральные					
	I	II	III	I	II	III
I	1	—	—	7	—	—
II	6	—	—	3	—	—
III	4	—	—	4	—	—
Итого						
						7
						37
						55
						14
						2
						16
						160

Местные органы центральных учреждений

	Местное управление					
	I	II	III	I	II	III
I	—	—	—	—	—	—
II	—	—	—	—	—	—
III	—	—	—	—	—	—
Итого						
						1
						4
						26
						24
						5
						5

Дворянские учреждения

	Дворянские учреждения					
	I	II	III	I	II	III
I	1	—	—	1	—	—
II	5	—	—	—	—	—
III	2	—	—	2	—	—
Итого						
						1
						4
						4
						10
						1
						1

Итого по разрядам чиновников

	Итого по разрядам чиновников					
	I	II	III	I	II	III
I	2	—	—	2	—	—
II	1,38	—	—	1,38	—	—
III	13	4	—	6	—	—
%	2,28	0,72	—	1,08	—	—
II	10	11	—	10	—	—
III	0,74	0,82	—	0,74	—	—
%						
Итого						
Всего I—III	25	17	17	9	184	18
%	1,21	0,83	0,83	0,44	8,97	0,88
						8
						0,39
						26
						1,27
						396
						19,31

Таблица 8 (окончание)

Разряд	Где и кем начал службу			
	в армии		в гражданских учреждениях	
солдатами и офицерами в армии и флоте				
солдатами в гвардии				
и т о г о в армии				
копиистами				
переводчиками, ассессорами, советниками				
итого в учреждениях				
гоф-юнкерами, пажами и камергерами при дворе				
прочими				
нет сведений				
всего				

Государственные учреждения

	Центральные									
	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I
I	24	10	34	1	2	3	10	—	3	73
II	48	18	66	32	14	46	6	2	8	180
III	56	34	90	322	31	353	2	30	13	648

Местные органы центральных учреждений

	Местное управление									
	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I
I	1	—	1	—	2	—	—	—	—	4
II	9	6	15	2	2	4	—	—	5	30
III	20	6	26	35	5	40	—	—	4	111

Местное управление

	Департаменты учреждений									
	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I
I	20	5	25	1	—	1	2	—	—	37
II	185	65	250	12	1	13	4	8	11	317
III	96	32	128	121	20	141	3	37	36	393

Департаменты учреждений

	Итого по разрядам чиновников									
	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I
I	7	4	11	2	—	2	12	1	1	31
II	16	5	21	6	—	6	—	2	2	35
III	33	19	52	75	—	75	1	39	10	192

Итого по разрядам чиновников

	Всего									
	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I
I	52	19	71	4	2	6	24	1	4	145
%	35,87	13,1	48,97	2,76	1,38	4,14	16,55	0,69	2,76	100
II	258	94	352	52	17	69	10	12	26	562
%	45,91	16,71	62,62	9,25	3,03	12,28	1,78	2,14	4,63	100
III	205	91	296	553	56	609	6	106	63	1344
%	15,25	6,77	22,02	41,15	4,16	45,31	0,45	7,89	4,69	100
I—III	515	204	719	609	75	684	40	119	93	2051
%	25,11	9,95	35,06	29,69	3,66	33,35	1,95	5,80	4,53	100

заведения (26 чел., или 1,27%), которые в основном пополняли ряды духовенства.

Перечень светских учебных заведений характеризует то новое, что появилось в XVIII в. в подготовке чиновничества. Помимо цифирных и горнозаводских школ, дававших начальное общее и специальное образование, в первой половине XVIII в. возникают первые гимназии в Москве, Ревеле; их окончили 41 чел. (2%); затем при Академии наук (19 чел.), в которых учащиеся получали более широкую подготовку. Однако выпускники этих учебных заведений составляли меньшинство среди чиновников.

Усложнение функций абсолютной монархии в XVIII в. сопровождалось более четким разделением обязанностей между отдельными отраслями государственного управления. Это требовало не только повышения общего образовательного уровня чиновников, но и приобретения ими специальных знаний в той или иной отрасли государственного управления. Правительство учредило должности коллегии-юнкеров, а также студентов Иностранной коллегии.

В целом за 30 с лишним лет своего существования юнкерские школы подготовили очень мало квалифицированных чиновников, даже если учесть, что часть их выпускников изредка попадала на военную службу. Причиной тому было нежелание дворян заниматься «приказными делами», что хорошо описано в рапорте секунд-майора В. Рудакова генерал-прокурору Сената князю Н. Ю. Трубецкому в июле 1744 г. «Во учрежденной при Правительствующем Сенате школе находящиеся дворяне,— сообщает он,— ко обучению тщания и прилежания не имеют, понеже в показанные для обучения дни, не хотя быть во обучении, также и на дневанье, сказываются больными, а при Сенате и коллегиях нужнейшими приказными делами якобы удерживаны бывають, которые в те времена, видно, бывають в празности и гулянье. Оные же дворяне,— продолжал Рудаков,— перетко отпрашиваются в домовые отпуска, показывая законные нужды³⁸⁵, будто за исправлением домовых и вотчинных дел и нужд. И то, как видно, отбывая от обучения наук, мнится, по большей части для гуляния. И в бытность свою в отпуску обученные науки забывают и по приезде своем науки вновь начинают обучать»³⁸⁶. Штрафы и другие наказания не помогали.

Правительство было вынуждено признать недостаточную эффективность подготовки «руководящих кадров» для дворянской империи с помощью школ юнкеров, которые из-за недостатка квалифицированных преподавателей не получали широкого образования, а приобретали главным образом навыки ведения делопро-

³⁸⁵ Согласно приговору Сената от 17 декабря 1751 г., учившимся в юнкерских школах дворянам разрешили ежегодно получать отпуск на четыре месяца для смотрения за вотчинами (ЦГАДА, Сенат, кн. 6404, л. 129).

³⁸⁶ Там же, кн. 1676, л. 76.

изводства. По манифесту Екатерины II от 15 декабря 1763 г., институт коллегии-юнкеров упразднился; дворян послали в Кадетский корпус, а разночинцев, имевшихся в это время в юнкерских школах, направили в Московский университет. Некоторые юнкеры поступили служить в армию. Для подготовки приказных служителей и копиистов правительство приказало иметь при Московском университете до 80, при Академии наук — до 40 и при Казанской гимназии до 60 малолетних разночинцев и детей приказного чина, «кои способны явятся, и обучать их не только правописанию и хорошему слогу, но отчасти арифметике, географии, а, наиболее положению Российского государства»³⁸⁷.

Превращение России в великую державу сопровождалось укреплением аппарата Иностранной коллегии, а также установлением постоянных дипломатических сношений с большей частью европейских государств. Расширение состава чиновников Коллегии иностранных дел сопровождалось улучшением подготовки отечественных дипломатов³⁸⁸. Если в XVII в. они приобретали опыт и знания на практике (дети знати назначались «дворянами посольств»), то в первой четверти XVIII в. для этой цели были учреждены должности студентов и коллегии-юнкеров. Их вакансии должна была заполнять дворянская молодежь, которая после обучения иностранным языкам и различным наукам в Иностранной коллегии посылалась для практики служить в русских посольствах за границей. Хотя должность юнкера была сугубо дворянской, она была учреждена Петром I для привлечения дворян на руководящие посты в государственном аппарате, но для Иностранной коллегии было сделано исключение, так как здесь нужны были люди грамотные, со знанием иностранных языков. Поэтому среди студентов и юнкеров этой коллегии было много детей личных дворян, переводчиков, подъячих и разночинцев, в том числе иностранцев.

Некоторое представление о характере подготовки студентов Иностранной коллегии дают послужные списки двух чиновников — П. Ф. Шипкарева и П. Чекалевского, ранее бывших учениками Славяно-греко-латинской академии в Москве. В 1735 г. Шипкарева вместе с другими его товарищами командировали в Петербургскую академию наук, где он обучался несколько лет, а затем был зачислен в Иностранную коллегию студентом и послан для практики в русское посольство в Вену и в Париж³⁸⁹. Сын церковного сторожа П. Чекалевский в 1732 г., не закончив обучения в Славяно-греко-латинской академии, был взят на дипломатическую службу и отдан в Иностранной коллегии профессору Г. Я. Керу «для обучения ориентальных языков». Через два года его направили к русскому резиденту в Иран совершенствоваться в персид-

³⁸⁷ С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 42.

³⁸⁸ С. М. Троицкий. Русские дипломаты в середине XVIII в. — «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе». М., 1972, стр. 404—406.

³⁸⁹ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 701.

ском в арабском языках. В 1754 г. Чекалевский был консулом России в Энзелийском порту³⁹⁰.

Среди чиновников, получивших светское образование, имеется 23 чел. (1,12%), учившихся в иностранных университетах и школах. Эта группа была чрезвычайно пестрой по социальному и национальному составу: она включает представителей родовитой знати и нетитулованного дворянства, купцов, приказных людей, разночинцев, среди которых имелись подданные России и выходцы из-за рубежа.

Заслуживает быть отмеченным тот факт, что прибалтийские дворяне, которые сохраняли многие сословные привилегии, имели право посылать своих детей учиться за границу, лишь бы они без разрешения правительства не вступали «в чужую службу»³⁹¹. Это право существовало не только на бумаге. Так, надворный советник К. Симолин, родом из эстляндских дворян, до 21 года нигде не служил, а учился «на своем коште» и путешествовал по Западной Европе. В 1740 г. дядя, тайный советник Иностранной коллегии К. Бреверн, пригласил его служить в дипломатическое ведомство России «к переводческим делам в бухгалтеры»³⁹². Как явствует из «сказок» чиновников учреждений Прибалтийских губерний, некоторые из этих лиц, нередко являвшиеся выходцами из Швеции или мелких немецких государств, посылали своих детей учиться за границу, не будучи дворянами. Так, секретари Ревельской губернской канцелярии О. Я. Гарпе, Г. Я. Дерлинг и актуариус Х. Р. Риземан, все три родом из Эстляндии, окончили юридический факультет университета в Галле³⁹³. Фактически количество чиновников, учившихся за границей, было несколько больше, чем показано в соответствующей графе табл. 8, так как некоторые из них сперва обучались в русских школах, а затем посылались в иностранные учебные заведения.

На долю получивших образование чиновников, окончивших военные учебные заведения России, приходится 184 чел. (8,91%). Из них 58 чел. были выпускниками Кадетского корпуса и столько же Морской академии. Необходимо подчеркнуть известную условность деления учебных заведений того времени на военные и гражданские: стремясь укреплять регулярную армию и флот, правительство в первую очередь создало сеть школ, готовящих офицеров. Недостаток учебных заведений, а также известная нерасчлененность военного и гражданского управления привели к тому, что чиновников готовили и военные школы. Известно, что Петр I смотрел на Навигацкую школу на Сухаревой башне в Москве как на

³⁹⁰ Там же, лл. 786—787; *М. П. Шувалов*. Очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера.— «Сборник Московского Главного архива МИД», вып. 5. СПб., 1893, стр. 96.

³⁹¹ ПСЗ, т. XII, № 9336.

³⁹² ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 640.

³⁹³ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 67 и об., 69, 103.

своеобразный политехникум³⁹⁴. При недостатке чиновников он часто брал учеников из военных школ, не дав им закончить курс наук, и посылал в гражданские учреждения. Чиновников готовило высшее военное учебное заведение — Кадетский корпус, что было прямо записано в его уставе. Выпускники артиллерийских, инженерных, навигацких школ Морской академии служили в коллегиях и конторах, а также геодезистами, инженерами на горных заводах, художниками-рисовальщиками. Значительный удельный вес лиц, учившихся в военных учебных заведениях, объясняется также и тем, что многие чиновники до перехода в гражданские учреждения служили в армии и флоте и первоначально готовили себя для военной карьеры.

Около 80% всех служащих государственного аппарата абсолютной монархии не имело специального образования. Они обладали только начатками знаний: умели читать, писать и считать. Однако у них был накоплен огромный практический опыт, приобретенный во время службы.

Лиц, служивших первоначально в армии и флоте, насчитывалось 719 чел. (35%). Из них 204 чел. (почти 10%) в прошлом были в гвардии. Как мы уже отмечали, в течение всей первой половины XVIII в. офицеры армии, особенно гвардии, играли важную роль в политической жизни России, а также в делах гражданского управления. Высокий процент чиновников, в прошлом являвшихся офицерами или солдатами, усиливал «традиции военщины» в деятельности всех звеньев бюрократического аппарата управления.

Лица, начавшие свою службу копиистами, составляли почти треть чиновников I—III разрядов (609 чел., или 29,69%). Многие иностранцы, имевшие дипломы и патенты, свою карьеру в России часто начинали с более высоких должностей: ассессорами, советниками. Однако численно они составляли небольшую группу — 75 чел. (3,6%). В нее входили также некоторые иноземцы, получавшие за знание языков должности переводчиков. Все эти лица вместе с русскими чиновниками, учившимися за границей, в известной мере содействовали распространению в России опыта западноевропейских государств.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди чиновничества было незначительное количество дворян, начавших свою карьеру при дворе: всего 40 чел. (около 2%). Это отразило процесс бюрократизации дворянства. Если в XVII в. большая часть детей служилых людей по отчеству, думных и московских чинов начинали карьеру при царском дворе, а затем назначались воеводами в армию или в провинцию, судьями и товарищами судей в приказы и посольства, то в первой половине XVIII в. многие дворяне начинали со службы в гвардии.

³⁹⁴ С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 6.

Если мы обратимся к данным об образовании у отдельных категорий чиновничества, то заметим, что среди верхов бюрократии (I разряд) было более всего людей, имевших специальное образование: 39 чел. из 145, или 26,9%. Примечательно, что верхушка чиновничества, державшая в своих руках важнейшие нити государственного управления, в целом имела более высокий уровень подготовки, чем остальная масса служащих государственного аппарата. Среди чиновников II разряда процент лиц, имеющих специальное образование, понижается на 10% (93 чел., или 16,5%); у чиновников III разряда он увеличивается до 19,64% (264 чел.). Именно среди этой категории чиновников и находилась большая часть лиц, имевших специальное образование.

Данные табл. 8 дают слишком общую картину и не позволяют реально представить, в какой мере были обеспечены специалистами отдельные звенья аппарата управления абсолютной монархии в середине XVIII в., в особенности те из них, в которых была сосредоточена полнота власти, а служащие в них лица определяли направление всей правительственной политики и организовывали проведение ее на практике. Высшим органом управления России был Сенат. Из 10 сенаторов, об образовании которых мы имеем сведения, трое начали свою карьеру солдатами армии, один — пажом при дворе. Остальные получили специальное образование.

Генерал-прокурор Сената Н. Ю. Трубецкой, обер-прокурор А. И. Глебов и его коллега в Синоде А. И. Львов до перехода в гражданское ведомство служили в армии солдатами и офицерами³⁹⁵. Генерал-рекетмейстер Сената И. И. Дивов до назначения на эту должность 19 лет прослужил в армии, главный межевщик И. В. Долгин — также 19 лет³⁹⁶. «Находившиеся при генерал-прокурорских делах» статский советник Д. И. Невежин и коллежский Ф. С. Голубцов были старыми служаками, начавшими с должности молодого подьячего³⁹⁷. Некоторым исключением был герольд-мейстер В. Е. Адодуров, питомец гимназии Академии наук, первый русский адъюнкт по высшей математике³⁹⁸.

Президенты 7 коллегий (Военной, Адмиралтейской, Берг-, Вотчинной, Иностранной, Коммерц-, Юстиц-) получили общее или специальное образование. Остальные 5 коллегий (Главный магистрат, Камер-, Мануфактур-, Ревизион-, Штатс-контора) возглавляли люди, не имевшие такой подготовки. Среди вице-президентов коллегий лишь 4 чел. получили образование, остальные начали карьеру службой в армии (5 чел.), при дворе (1 чел.), в учреждениях (2 чел.).

³⁹⁵ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 418, лл. 24—25 об.; кн. 439, л. 241; Сенат, кн. 8122, ч. 1, л. 263.

³⁹⁶ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 439, л. 125; Сенат, кн. 8122, ч. 3, л. 1560.

³⁹⁷ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 439, лл. 370, 636.

³⁹⁸ Там же, л. 349.

В руководстве другими центральными учреждениями и их местными органами преобладали лица, в прошлом служившие в армии (19 чел. из 28). Начальник Тайной канцелярии граф А. И. Шувалов, президент Академии наук и украинский гетман граф К. Г. Разумовский, брат фаворита Елизаветы Петровны, начали службу пажами при ее дворе, главный судья Судного приказа А. И. Юшков — пажом царицы Прасковьи Ивановны³⁹⁹. Сенатор Б. Г. Юсупов, учившийся в Ревельской гимназии, а затем за границей, возглавлял также Шляхетский корпус и канцелярию Ладожского канала. Действительный статский советник, начальник канцелярии Главного правления сибирских и казанских заводов А. Г. Щербинин 2 года учился навигации в Нарвской школе, затем свыше 20 лет служил в армии⁴⁰⁰. Начальник Оружейной канцелярии при Тульских заводах генерал-майор В. Ф. Пестриков окончил Морскую академию, главный командир Соляного комиссарства по низовым городам полковник И. А. Казаринов — школу юнкеров при Иностранной коллегии⁴⁰¹. Лейб-медик императрицы, «главный директор над Медицинской канцелярией и всем медицинским факультетом» П. З. Кондоиди получил диплом доктора в Лейденском университете. Он был хорошим специалистом, прекрасно владел иностранными языками (латынь, греческий, итальянский, французский, немецкий, английский и голландский)⁴⁰².

Несколько иная картина была среди верхов местной администрации: 13 губерний из 16 возглавляли лица, в прошлом служившие солдатами в армии или матросами во флоте. Воронежский губернатор А. С. Пушкин окончил Навигацкую школу в Москве, представитель младшего поколения «птенцов гнезда Петрова», оренбургский губернатор И. И. Неплюев, — Морскую академию, после чего учился за границей; рижский вице-губернатор Ф. М. Воейков был учеником Иностранной коллегии⁴⁰³. Из 10 вице-губернаторов и товарищей губернаторов только 3 чел. получили образование. На руководителей канцелярий, контор, приказов и вице-президентов коллегий в общем может быть распространена характеристика, данная Ю. В. Готье губернаторам XVIII в.: «...практический служебный опыт был главным и почти единственным способом подготовки начальников губерний»⁴⁰⁴.

Источники позволяют составить некоторое представление об отношении чиновничества к получению образования. Их «сказки» 1754—1756 гг. содержат ценные данные о службе и учебе их детей. Из табл. 9 видно, что свыше 25% детей чиновников получило образование или продолжало учиться. Если сравнить удельный

³⁹⁹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 418, л. 4; Сенат, кн. 8122, ч. 3, л. 991.

⁴⁰⁰ Там же, кн. 439, л. 228.

⁴⁰¹ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 848 и об.; ч. 3, л. 1039.

⁴⁰² Там же, ч. 2, лл. 578—579 об.; Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883, Прилож., стр. 182—188.

⁴⁰³ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 20, 73, 159.

⁴⁰⁴ Ю. В. Готье. Указ. соч., т. I, стр. 211—212.

вес лиц с образованием среди «отцов» и «детей», то мы получим следующие данные (в %):

Старшее поколение		Младшее поколение
I разряд —	26,89	I разряд — 20,0
II разряд —	16,55	II разряд — 31,5
III разряд —	19,64	III разряд — 22,5
Всего	19,31	24,7

Несмотря на условность такого сопоставления, мы можем говорить о некотором увеличении удельного веса людей, получающих образование, среди второго поколения чиновников — примерно на 5,5%. На самом деле эта цифра была несколько больше, так как о тех из них, кто уже служил офицером, секретарем или ассессором, родители не всегда сообщали сведения об образовании.

Если распределить данные об образовании второго поколения чиновников по разрядам, то мы заметим большие колебания: почти в 2 раза увеличилось число лиц, получающих образование, среди служащих II разряда, составлявших основное ядро бюрократии. Не переоценивая масштабов происходивших изменений (абсолютные и относительные цифры невелики), мы все же имеем все основания говорить об усилении тяги чиновничества к получению образования.

Данные табл. 9 свидетельствуют об известной перестройке структуры образования в середине XVIII в., выразившейся в увеличении количества лиц, поступавших в светские учебные заведения, и сокращении числа выпускников военных школ. Однако удельный вес выпускников военных школ (55 чел., или 9%) не изменился у «отцов» и «детей». Примечательно, что вскоре после открытия Московского университета в него стали поступать и дети сановной бюрократии. Так, камергер императрицы А. Г. Жеребцов записал двух своих сыновей Ивана (9 лет) и Петра (8 лет) в университет⁴⁰⁵. Однако поскольку большая часть «сказок» была подана в 1754 — первой половине 1755 г., они не могут служить надежным источником для выяснения отношения чиновников к обучению детей в университете, открывшемся позже.

В табл. 9 обращает на себя внимание тот факт, что почти половина детей чиновников (291 чел.) записалась в армию, в том числе 97 чел. в гвардию. Напомним, что среди «отцов» было всего 35% людей, в прошлом служивших в армии. При этом лица, записавшиеся в армию, численно пресобладали среди чиновников I и II разрядов (соответственно 80 и 57%). Потомство верхних слоев бюрократии, пользуясь знатностью, богатством и связями родителей, по традиции стремилось попасть в армию, и особенно в гвардию, где можно было быстрее получить более высокие чины

⁴⁰⁵ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 439, л. 167 и об.

Таблица 9

Образовательный уровень детей чиновников в 1755 г. *

Разряд	Всего учтено чиновников, имеющих детей	Всего учтено детей чиновников	Какие учебные заведения окончили								
			школы коллежии-юнкеров, студенты Иностранной коллегии	Кадетский корпус	цифрные и другие школы	гимназия при Академии наук	иностранные учебные заведения	Московский университет	ученики архитекторов и живописцев	Киевскую духовную академию	итого имеют образования
I	47	83	6	7	—	1	—	3	—	—	17
II	156	254	26	33	9	7	5	—	—	—	80
III	209	271	24	15	16	2	1	—	2	1	61
Всего	412	607	56	55	25	10	6	3	2	1	158

* В подсчеты не включены малолетние дети чиновников (до 6 лет).

и оклады. Несомненно, на увеличение числа лиц, поступающих в армию, повлияло и то, что вчерашние парвеню, дослужившиеся до обер-офицерских чинов и получившие потомственное дворянство, стремились вести образ жизни, приличествующий чинам «благородного» сословия. Усваивая взгляды, привычки и психологию феодального класса, часть «новых дворян» направляла своих детей в армию и гвардию.

У чиновников II разряда, среди которых было много мелких дворян, а также потомков приказных людей и разночинцев, всего около трети детей (85 чел.), пошло служить в армию, причем только 9 чел. записались в гвардию. На выбор профессии детей чиновников этой группы определенное влияние оказывало их материальное положение, ибо среди них преобладали мелкопоместные и беспоместные дворяне и получавшие низкие оклады. В середине XVIII в. получил распространение обычай записывать малолетних детей знати в гвардию и армию солдатами и сержантами. К 16—18 годам, когда недоросли действительно начинали службу, они получали солидные денежные оклады. Мелкие дворяне такой возможности не имели. А между тем служба в армии, гвардии или учеба требовали средств, которыми они не всегда располагали. Приведем лишь один выразительный пример такого рода. Известный поэт Г. Р. Державин, служивший при Екатерине II статс-секретарем, а затем сенатором, президентом Коммерц-коллегии, закончил свой жизненный путь при Александре I министром юстиции России. Свою карьеру сын бедной казанской помещицы, по обычаю многих дворян, начал в армии: в 1762 г., когда ему было 18 лет, он стал рядовым гвардейского Преображенского полка,

Кем начали службу									
солдатами и офицерами в армии и флоте	в гвардии	итого в армии	копистами	переводчиками, секретарями, ассессорами	итого в учреденных	пажами и юнкерами при дворе	пихтмейстерами на горных заводах]	прочими	итого не имеют образования
29	32	61	—	4	4	1	—	—	66
89	56	145	6	14	20	5	4	—	174
76	9	85	91	29	120	2	—	3	209
194	97	291	97	47	144	8	4	3	449

расквартированного в Петербурге. Не имея средств и знакомых, Державин жил в казарме «с даточными солдатами с тремя жена-тыми и двумя холостыми». Боясь смотров императора Петра III, любителя военных парадов, он даже приплачивал из своих скудных средств «флигельману», чтобы тот обучил его поскорее «ружейным приемам и фрунтовой службе». «Между грубых своих сотоварищей» будущий «пиит» и сановник учился военному делу и посылался «во все случающиеся в роты работы, как-то: для чищения каналов, для провозки из магазина провiantа, на вести к офицерам и на караулы в полковой двор и во дворец»⁴⁰⁶. Державин стоял на часах в Зимнем дворце в ту ночь, когда Екатерина II совершила переворот, давший ей императорский трон. Рассказ Державина дополнил его приятель поэт И. И. Дмитриев. Испытывая нужду, Державин «принужден был пойти на хлеб к семейному солдату. Это значило иметь с хозяином общий обед и ужин за условленную цену и жить с ним в одной светлице, разделенной перегородкой». Будучи смекалистым человеком, Державин скоро нашел способ облегчить свое положение: он писал: «грамотки» родственникам солдат, за что их жены уговаривали своих мужей «отправлять в очередь ратную службу» за него⁴⁰⁷.

Данные табл. 9 говорят о дальнейшем уменьшении числа лиц, начинавших свою карьеру службой при дворе (всего 8 чел.). Это было связано с превращением придворных чинов в средство поощрения императорской властью отдельных сановников. В этих

⁴⁰⁶ «Записки Г. Р. Державина. 1743—1812». М., 1860, стр. 16—18.

⁴⁰⁷ И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. М., 1866, стр. 63—64.

условиях лишь немногие представители бюрократии могли с юных лет определять своих детей служить при императорском дворе.

Нарисованная нами картина состояния образования чиновничества России в середине XVIII в. будет неполной, если мы не коснемся домашнего образования. При Петре I домашнее обучение дворян рассматривалось как уклонение от государственной службы, а потому строго наказывалось. Спустя 15 лет положение изменилось. В соответствии с манифестом от 31 декабря 1736 г. и указами 1737 г. обучение детей дома — право и обязанность дворян, ибо необходимо, считало абсолютистское государство, чтобы «шляхетство все были обучены и ко употреблению в воинскую и гражданскую службу угодные»⁴⁰⁸. Во время переписи 1754—1756 гг. 147 чиновников сообщили, что их дети — 216 чел. — в соответствии с законом обучаются необходимым для отбывания государственной службы наукам дома. Из них 26 чел. были детьми чиновников I разряда, 70 — II и 120 — III разряда. В этих цифрах обращает на себя внимание значительное число детей чиновников III разряда (55% учтенных лиц), стремившихся не только приобрести элементарные знания по чтению, грамматике и арифметике, но познакомиться с историей, географией, математикой, одним-двумя, а то и тремя иностранными языками. Напомним, что их родители в массе своей вышли из разночинцев. Примечательно, что стремление к получению знаний с помощью домашних учителей проявилось не только у столичной бюрократии, но и у провинциального чиновничества. Из 216 чел. почти 25% (57 чел.) были детьми чиновников, служивших в местных учреждениях.

Какие же слои чиновничества учили детей дома? Источники свидетельствуют, что к этой форме обучения детей прибегали чиновники всех трех категорий. Так, вице-губернатор Московской губ. Г. Жеребцов, питомец гимназии Академии наук, трех своих сыновей воспитывал дома⁴⁰⁹. Внук петербургского вице-губернатора Ф. Я. Жилина учился дома и одновременно посещал классы «де сиянс Академии»⁴¹⁰. Прокурор Петербургской губернской канцелярии Б. И. Княжнин тоже сочетал обучение детей дома и в академической гимназии. Перечислив те дисциплины, которые преподавали его сыновьям Якову (10 лет) и Федору (9 лет) в гимназии, он прибавил, что «особо оне ж у него в доме обучаются рисовать»⁴¹¹. Сын генерал-майора М. А. Толстого (Главная канцелярия артиллерии и фортификации) Иван (7 лет) в 1753 г. был записан сержантом в артиллерию и отпущен домой «для обучения артиллерийским и прочим наукам на своем коште». Точно так же «служили» два сына другого артиллерийского генерала

⁴⁰⁸ С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 21—23.

⁴⁰⁹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 192—193.

⁴¹⁰ Там же, лл. 344—345 об.

⁴¹¹ Там же, л. 348.

И. Ф. Глебова (крепость св. Елизаветы)⁴¹². Два сына цейхвартера Сестрорецких оружейных заводов Г. Я. Ашио, родом «не из дворян», хотя и были определены в местную гарнизонную школу, обучались наукам и языкам дома⁴¹³.

Однако записывать детей в школы, а затем учить их дома, приглашая различных учителей, могли себе позволить богатые сановники, получавшие большое жалованье и имевшие крупные вотчины. Так, в первой трети XVIII в. А. Д. Меншиков (в 1718 г.) выдавал учителю французского языка Михалю 200 руб., танцмейстеру Я. Зеглеру — 100 руб., гувернанткам девицам Близендорф по 80 руб., не считая бесплатной квартиры и дров⁴¹⁴. В 1719 г. он нанял детям нового преподавателя французского языка И. Гагена и назначил ему жалованье 150 руб. в год⁴¹⁵. В 50-х годах XVIII в. фельдмаршал граф А. Б. Бутурлин платил учителям, обучавшим его детей французскому языку, 652 руб.⁴¹⁶

Иногда в качестве учителей выступали родители, когда они сами располагали достаточными знаниями. Так, сын вологодского купца П. И. Рычков к середине 50-х годов XVIII в. достиг чина коллежского советника и служил членом присутствия в Оренбургской губернской канцелярии. В результате самообразования, а также общения с такими крупными учеными, как И. К. Кирилов и В. Н. Татищев, под началом которых он служил, Рычков превратился в высокообразованного ученого своего времени, хорошо знавшего историю, географию, экономику. Своих пятерых сыновей он обучал наукам сам, привлекая на помощь учителей немецкого и французского языков⁴¹⁷. Астраханский полицмейстер грузинский князь М. М. Баратаев, в прошлом артиллерийский офицер, тоже имел пять сыновей, которых сам обучил грамоте, арифметике, геометрии и другим наукам. В 1755 г. два его старших сына служили прапорщиками в местном гарнизоне⁴¹⁸. Секретарь Оренбургской губернской канцелярии А. Ф. Марков был родом из подьячих. У него было три сына, из которых два старших (Иван 13 лет и Андрей 12 лет) родились до получения им обер-офицерского чина и дворянства, третий Платон (4 лет) был рожден

⁴¹² ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 827 об.— 829.

⁴¹³ Там же, ч. 3, л. 1127.

⁴¹⁴ Архив ЛОИИ, ф. А. Д. Меншикова, кн. 39, лл. 31—32. Некоторое представление о тех книгах, которые использовали в качестве учебных пособий домашние учителя детей Меншикова, дает запись в расходной книге денежной казны домового канцелярии князя за 11 сентября 1719 г.: «Мамзель Близендорф (выдано) за издержанные ее деньги про их светлость, а именно: за книги Езоповых притчей с лицами 2 руб.; за Месмет Бакса с лицами 23 алт. 2 д.; за Атланта с лицами 23 алт. 2 д., за 3 маленькие истории с лицами 30 алт., за 4 маленькие библии с лицами 8 гривен; за 1 маленькую Ейленшигель 6 алт. 4 д. Всего 5 руб. 10 алт.» (там же, л. 31 об.).

⁴¹⁵ Там же, кн. 35, л. 1.

⁴¹⁶ ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 232, лл. 11 об.— 12.

⁴¹⁷ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 317 об.— 318.

⁴¹⁸ Там же, л. 489 об.

«во дворянстве». Старшие сыновья Маркова не были дворянами, а потому не являлись на смотры. Но отец сам научил их грамоте и арифметике, а для обучения немецкому языку нанял преподавателя⁴¹⁹.

Однако такие образованные люди, как Баратаев и, особенно, Рычков, были в то время в общем исключением. Поэтому располагавшие средствами чиновники прибегали к услугам иностранцев, приезжавших в Россию «на ловлю счастья и чинов». Вот как описал учение своих детей в «Дневнике» курский помещик средней руки И. П. Анненков, который был весьма образованным человеком, интересовавшимся книгами серьезного содержания⁴²⁰. 11 августа 1746 г. он записал в Курской провинциальной канцелярии сыновей Аврама (6 лет) и Петра (1 года). Когда Авраму исполнилось 9 лет, отец в 1749 г. отослал его в Белгород, «к иноземцу Ягану Герцу для обучения французского языка с заплатаю по 3 руб. на месяц». Герц (или Херц) зарабатывал себе на жизнь, давая уроки детям дворян и местных чиновников. Например, спустя 10 лет, в 1755 г., сын секретаря Белгородской губернской канцелярии А. Ф. Семенова учился у него «по-французски и по-немецки», а также арифметике⁴²¹. Однако Герц не понравился И. П. Анненкову. В конце июня 1749 г. старший сын Анненкова — Александр и Аврам были отданы «для обучения французского и немецкого языков и арифметики в Курске французу Петру Дефоржу с заплатаю по 2 руб. на месяц с персоны». В ноябре того же года Александр был записан в Москве в лейб-гвардии Измайловский полк солдатом и на два года отпущен домой. Отец снова послал его в Белгород изучать арифметику и геометрию. 22 января 1751 г. А. И. Анненков «в науку вступил» «у живущего при доме архиерейском иноземца Ивана Иванова сына Цвинкера» за 4 руб. в месяц. В 1752 г. 12-летний Аврам Анненков «в Санкт-Петербурге от Герольдмейстерской конторы был представлен на вторичный смотр Сенату» и отпущен домой на 4 года для продолжения образования. Когда подрос третий сын И. П. Анненкова — Петр, то он вместе с Аврамом был отдан отцом «в науку» уже в Орле, тоже к французу Андрею Степановичу Готре. Позже младшие сыновья Анненкова записались в полки и получили офицерские чины. Обучение иностранным языкам домашними учителями, видимо, пошло впрок. Когда старший сын Александр во время Семилетней войны в августе 1758 г. был ранен в бою и попал в плен, он переписывался с отцом на французском и немецком языках⁴²².

⁴¹⁹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 319—321 об.

⁴²⁰ Ф. И. Ланно. Дневник курского помещика И. П. Анненкова как исторический источник.— «Материалы по истории СССР», сб. V. М., 1957, стр. 675—676.

⁴²¹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 139 об.—141 об.

⁴²² «Дневник курского помещика И. П. Анненкова».— «Материалы по истории СССР», сб. V, стр. 679, 683, 690, 699, 700, 701, 731, 738 и др.

Домашнее обучение у иностранных учителей по тем временам обходилось недешево. Да и книги и учебники стоили дорого. Поэтому большинство чиновников и мелких дворян, научив своих детей кое-как читать, писать и считать (сами, с помощью дьячка или отставного солдата), спешили их отдать в копиисты или записать в солдаты⁴²³. Мы не располагаем данными для оценки уровня знаний детей чиновников, полученных в результате домашнего образования. Это потребовало бы специальных разысканий, которые не входят в задачу нашего исследования. Однако положительные результаты домашнего образования следует учитывать при оценке общего уровня профессиональной подготовки чиновничества. В целом, как нам представляется, они свидетельствуют об увеличении числа образованных чиновников. Данные о распространении различных видов общего и профессионального образования среди чиновничества России интересны и тем, что они свидетельствуют о постепенном складывании интеллигенции⁴²⁴. Изучение роли чиновничества в процессе образования интеллигенции должно быть темой специального исследования.

Отмечая количественное преобладание среди чиновников двух высших разрядов лиц, не имеющих общей и профессиональной подготовки, необходимо учитывать новый, чрезвычайно важный момент — появление среди самой верхушки бюрократии пока немногочисленной, но хорошо образованной группы сановников, которая с большим знанием дела отстаивала интересы монархии и класса феодалов.

Именно такие люди численно преобладали в середине XVIII в. среди членов Сената и президентов коллегий — тех центральных учреждений, которые определяли внутреннюю и внешнюю политику абсолютистского государства.

Среди представителей образованной части бюрократии середины XVIII в. можно назвать также уже упоминавшихся питомца Академической гимназии В. Е. Адодурова, выпускников Шляхетского корпуса секретаря Иностранной коллегии, а затем секретаря Конференции при высочайшем дворе Д. В. Волкова, игравшего важную роль в правительствах Елизаветы Петровны и Петра III, занимавшего и позже крупные посты в государственном управлении (оренбургского губернатора, президента Мануфактур-коллегии, сенатора и др.); церемониймейстера Иностранной коллегии, а затем статс-секретаря Елизаветы Петровны и Екатерины II А. В. Олсуфьева; резидента России в Турции талантливого

⁴²³ См. Н. Д. Чечулин. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. СПб., 1889, стр. 49—51 и сл.; М. Раефф. Home, School and Service in the Life of the 18th Century Russian Nobleman.— «Slavonic and East European Review», 1962, vol. 40, N 95, p. 255—263; *idem*. Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility. N. Y., 1966, p. 122—129.

⁴²⁴ М. М. Штрэнге. Демократическая интеллигенция России в XVIII в. М., 1965, особенно гл. 4.

дипломата А. М. Обрескова; надворного советника Ревельской губернской канцелярии И. И. Мелиссино, позже ставшего куратором Московского университета; братьев П. В., М. В. и П. В. Бакуниных, служивших в Иностранной и Камер-коллегиях, из которых младший брат играл крупную роль.

Наличие небольшого количества высокообразованных чиновников в высших звеньях государственного аппарата было показательным для тех изменений, которые происходили в организации высшего управления при абсолютизме, изыскивавшем самые различные методы укрепления классового господства феодалов и усовершенствования государственной машины. В бюрократически организованном аппарате управления основной массе чиновничества, обладавшей минимумом знаний, отводилась роль послушных исполнителей воли монарха и его ближайших советников.

* * *

Мы рассмотрели различные стороны процесса формирования бюрократии в России XVIII в. Приведенные данные свидетельствуют о том, что российское чиновничество имело чрезвычайно сложный состав. Систематическое и иерархическое разделение функций между отдельными отраслями государственного управления и учреждениями сопровождалось образованием целой лестницы чинов в военном, гражданском и дворцовом ведомствах. Добиваясь большей централизации и регламентации всего аппарата управления, абсолютная монархия включила в систему чинов представителей зарождающейся интеллигенции и верхушку органов посадского самоуправления, которых государство стремилось превратить в обычных чиновников.

Господство сословных порядков в России XVIII в. отразилось на социальном составе бюрократии. Высшие и средние должности в аппарате управления абсолютной монархии считались «дворянскими»: их могли замещать только представители правящего дворянского класса. В тех случаях, когда на эти должности попадали выходцы из непривилегированных сословий, в соответствии с Табелью о рангах они получали личное и даже потомственное дворянство. В то же время низшее и наиболее многочисленное звено чиновников (канцелярские служители и канцеляристы), составлявшее около 70% всего личного состава, находилось за пределами Табеля о рангах. Абсолютная монархия не считала их «настоящими» чиновниками, хотя они составляли неотъемлемую часть аппарата управления. Без них не могла функционировать государственная машина. Важность «приказного чина» для нужд государственного управления не раз признавало само правительство. Такая структура бюрократии в XVIII в. свидетельствовала о ярко выраженном сословно-дворянском подходе абсолютной монархии к организации государственного управления. Одворянивание части выходцев из социальных низов, проникавших в средний и выс-

ший слой бюрократии, усиливало классовую однородность государственного аппарата.

Абсолютная монархия установила весьма гибкую систему комплектования чиновничества, предусматривавшую использование в государственном аппарате выходцев из непривилегированных сословий. Значительное количество выходцев из непривилегированных сословий попадало на государственную службу и пополняло ряды чиновничества, несмотря на господство феодально-крепостнических отношений в стране и политику абсолютной монархии, препятствовавших проникновению выходцев из тяглых слоев населения в ряды чиновничества и дворян.

В формировании бюрократии участвовали все сословия и категории населения России, хотя их удельный вес был неодинаков. Среди чиновников преобладали потомки приказных людей и всякого рода разночинцев. Дворяне были в меньшинстве, но зато они составляли большую часть верхних слоев бюрократии (I и II разряды), представители которой занимали ключевые посты во всех сферах государственного управления, в армии и при дворе.

Данные о социальном происхождении бюрократии и о проникновении на руководящие должности в государственном аппарате представителей «подлого народа» свидетельствуют о вертикальной мобильности населения России. Получая низшие должности в центральных или местных учреждениях (копиисты, писцы и т. п.) и становясь государственными чиновниками, такие люди обычно передавали по наследству свое новое занятие. Профессия чиновника становилась наследственной. Это, как правило, влекло за собой изменение социального статуса для выходцев из непривилегированных сословий: превращение их в канцеляристов, а затем, по мере повышения в чинах и рангах, — в личных и потомственных дворян. Иногда такая метаморфоза происходила в пределах жизни одного человека, но чаще она требовала более длительного времени, ибо господство феодально-крепостнических отношений в России и дворянско-сословная политика государства затрудняли выходцам из социальных низов проникновение в ряды чиновников. Подобный порядок рекрутирования бюрократии, при известной малочисленности правящего класса, укреплял позиции абсолютной монархии, расширял ее социальную базу. В то же время он усиливал относительную самостоятельность государства от интересов правящего класса, ибо новонспеченные дворяне были послушным орудием самодержавия.

В изучаемое время государство изменило принцип материального обеспечения чиновников. Казенное жалованье стало важным стимулом не только для разночинцев, но и для многих дворян, вынужденных служить, чтобы иметь средства к существованию. Введение денежного жалованья усилило зависимость бюрократии от абсолютизма.

Об укреплении могущества абсолютизма свидетельствовало и то обстоятельство, что постепенно среди бюрократии увеличива-

лось число лиц, которые получали хорошее по тем временам специальное образование. Образование имело сословный характер. Абсолютная монархия давала значительные привилегии выпускникам Кадетского корпуса и юнкерских школ, присваивая им чины 14—10-го классов. Это обеспечивало дворянам более быстрое продвижение в государственном аппарате. Особенно важное значение имело появление небольшой группы хорошо подготовленных людей среди высшего слоя сановной бюрократии, оказывавшей огромное влияние на всю политику абсолютизма. Однако большая часть служащих государственного аппарата в середине XVIII в. еще не имела специальной профессиональной подготовки.

В целом образование бюрократии в XVIII в. в огромной мере укрепило могущество абсолютной монархии в России, причем это достигалось во многом за счет использования буржуазных начал в комплектовании чиновничества: внедрения принципа личной выслуги, учета личных способностей человека и его заслуг, а также образования. Об усилении новых черт свидетельствовало и то обстоятельство, что в изучаемый период государство осуществило замену поместного и натурального оклада постоянным денежным жалованьем; при этом для большинства чиновников, независимо от их сословной принадлежности и занимаемого места в аппарате управления, оно было главным источником существования.

Социальная эволюция бюрократии

1. Бюрократия и дворянство

Одной из специфических особенностей формирования российской бюрократии в XVIII в. было то, что она имела ярко выраженный сословный дворянский характер: значительная часть чиновников были дворянами или становились таковыми в результате государственной службы, получая вместе с должностями определенного класса личное, а затем и потомственное дворянство. Приобретение чинов, а вместе с ними и дворянского статуса привлекало бюрократию к абсолютной монархии. В то же время оно содействовало сближению верхнего и среднего слоев бюрократии с интересами правящего класса, ибо на них распространялись все привилегии «благородного» сословия России, и прежде всего право владеть крепостными крестьянами.

В этой связи возникает вопрос: в какой мере происходило одворянивание бюрократии? Выше мы показали, что в 1755 г. 1160 чел., или 21,5% всех учтенных переписью лиц, принадлежали к потомственным дворянам. Если мы обратимся к социальному составу чиновников первого — третьего разрядов, имевших обер-офицерские ранги (2051 чел.), то увидим, что потомственных дворян насчитывалось 1022 чел. (около 50%). Почти столько же чиновников (1029 чел.) стали членами «благородного» сословия в результате государственной службы; 148 чиновников (15,3%) уже стали потомственными дворянами, так как имели чины 1—8-го классов. Остальные 881 чел. (84,7%) были личными дворянами и по мере приобретения должностей 8-го класса получали ассессорский чин, а с ним — потомственное дворянство.

Важно подчеркнуть, что такой порядок, установленный Табелью о рангах и другими законодательными актами правительства Петра I, действовал не только в течение всего XVIII в., но и в XIX столетии. И хотя начиная с 60-х годов XVIII в. правительство принимало некоторые меры, затруднявшие получение дворянского звания для выходцев из непривилегированных сословий, основное положение Табели о рангах — получение дворянства за государственную службу — продолжало действовать. Вводимые правительством ограничения в известной мере «уравновешивались» ростом численности армии и сети учреждений абсолютной

монархии, что открывало более благоприятные возможности для проникновения в ряды дворянства «подлых людей». В соответствии с законодательством второй половины XVIII в. получение орденов, ученой степени также облегчало приобретение дворянства. В результате установленного Петром I порядка в XVIII в. и в более позднее время происходил своеобразный процесс «расширенного воспроизводства» дворянства за счет привлечения на государственную службу потомков приказных людей, разночинцев, крестьян, посадских людей и других категорий населения феодальной России.

Мы не располагаем для XVIII в. данными, позволяющими установить, какую часть господствующего класса феодалов составляли лица, получившие дворянство за службу. Однако начиная с VII ревизии имеются такие данные по значительной части европейской территории Российской империи (без национальных окраин), где в 1816 г. проживало 150,5 тыс. дворян м. п., а в 1858 г. — 206,6 тыс., или соответственно 35 и 44,5% всего класса феодалов. Из них лица, получившие личное дворянство за службу, составляли в 1816 г. 44,18% всех феодалов, причем в столичных губерниях (Петербургской и Московской) удельный вес таких дворян был еще выше: 90,3 и 75,6%¹. К началу XX в. количество лиц, получивших дворянство за службу, выросло еще больше².

В результате одворянивания значительной части чиновников постоянно происходило увеличение численности господствующего класса феодалов. Каковы были последствия этого явления для бюрократии и судеб правящего класса России?

Из-за недостаточной изученности истории дворянства в XVIII — первой половине XIX в. трудно ответить на этот сложный вопрос с необходимой полнотой. Однако имеющиеся в нашем распоряжении данные о душевладении чиновничества позволяют выявить некоторые характерные тенденции, связанные с приобретением дворянского статуса верхними слоями бюрократии. Ценный материал для этой темы содержится в «сказках» чиновников середины XVIII в., ибо во время переписи все они должны были указать сведения о количестве крепостных крестьян у них самих и у детей м. п. Обычно чиновники сообщали данные о количестве душ крестьян м. п. по второй ревизии, иногда отмечая те изменения, которые произошли к середине 50-х годов XVIII в. Эти данные интересовали правительство для определения материального

¹ В. М. Кабузан, С. М. Троицкий. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства России в 1782—1858 гг. — «История СССР», 1971, № 4, стр. 159—160, 166—167.

² Так, в одной из губерний великорусского центра (Владимирской) из 1529 фамилий, внесенных в родословную книгу, на долю родов, получивших дворянство путем пожалования (48), военной (526) и гражданской (579) службы приходилось 75% общего количества («Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии...». Владимир, 1905, стр. 2).

положения чиновников в связи с намерением выработать новые штаты учреждений и повысить размеры жалования чиновникам. После замены в 1714 г. поместного жалования денежным подобное требование правительства было пережитком старого обычая, когда дворяне несли службу «с земли».

Большинство чиновников сообщило сведения о количестве крестьян, ибо наличие крепостных и земли подчеркивало их дворянский статус. В целом мы располагаем достаточно надежными данными о душевладении чиновников. Чтобы нагляднее представить размеры владения чиновников, разобьем их на 10 рубрик (табл. 10). Из 5379 чиновников, учтенных переписью 1754—1756 гг., 3326 чел. (61,8%) вообще не имели крестьян. Этот процент следует признать очень высоким³. Если мы обратимся к данным о распределении крестьян по отдельным разрядам, то увидим, что наиболее высокий процент лиц, не имевших крепостных, падает на канцеляристов — 2709 чел. или 81,4% в этой группе. Лица, не имевшие крепостных крестьян, составляли около 40% чиновников III разряда. В верхних слоях бюрократии (I—II разряды) количество чиновников без крестьян колебалось от 10 до 13%.

Соотношение между лицами, имевшими «крещеную собственность» и не обладавшими таковой, находилось в прямой зависимости от социального состава чиновничества: в верхних слоях бюрократии преобладали представители старинного потомственного дворянства, владевшего родовыми вотчинами. В низших слоях чиновничества (III—IV разряды) был велик удельный вес выходцев из непривилегированных сословий, которые не имели права владеть населенными вотчинами. Однако было бы неверно на этом основании всех чиновников без крепостных считать вчерашними крестьянами или посадскими людьми. Источники позволяют частично выяснить социальный состав чиновников, не имевших крестьян. Среди них значительную группу составляли не принявшие православия иностранцы, которым правительство запрещало владеть населенными вотчинами. По переписи 1754—1756 гг. их насчитывалось 156 чел., в том числе 3 — в I разряде, 23 — во II, 126 — в III и 4 — в IV. Из 617 чиновников с крепостными (I—III разрядов) на долю иноземцев приходилось 152 чел., или 24,6%. Основную массу лиц без крестьян составляли чиновники низших — III и особенно IV разрядов, многие из которых сравнительно недавно вышли из податного состояния.

Интересно отметить, что среди чиновников, не имевших крепостных крестьян, были не только вчерашние разночинцы, но и некоторое количество потомственных дворян, в силу различного рода причин лишившихся вотчин. Так, служивший в Камер-кол-

³ На самом деле эта цифра должна быть несколько меньше, так как в нее мы включили молодых чиновников, чьи родители имели вотчины, но еще не выделили детям их долю.

Таблица 10 (окончание)

Разряд	Число имен крестьян	1—20		21—50		51—100		101—300		301—500	
		Всего чиновников	У них душ	Всего чиновников	У них душ	Всего чиновников	У них душ	Всего чиновников	У них душ	Всего чиновников	У них душ
Местные											
II	2	1	14	3	98	—	—	—	—	—	—
%	25,00	12,50	0,88	37,50	6,14	—	—	—	—	—	—
III	14	10	71	8	276	4	306	4	596	—	—
%	35,00	25,00	5,68	20,00	22,10	10,00	24,50	10,00	47,72	—	—
Всего I	15	6	43	8	279	8	636	20	3 900	16	6562
%	10,34	4,14	0,03	5,52	0,18	5,52	0,40	13,79	2,48	11,03	4,17
Всего II	74	91	945	83	3039	76	5 809	129	23 706	60	22 781
%	13,17	16,19	1,02	14,77	3,27	13,52	6,24	22,95	25,46	10,68	24,48
Всего III	528	409	3 033	205	7 018	82	5 801	80	12 868	12	5 073
%	39,29	30,43	7,95	15,26	18,41	6,10	15,21	5,95	33,76	0,89	13,30
Всего I—IV	3 326	1 040	7 152	362	12 485	182	13 383	232	41 068	88	34 416
%	61,84	19,33	2,42	6,73	4,23	3,38	4,53	4,31	13,91	1,64	11,65

легии прапорщик В. Ф. Третьяков указал в «сказке», что он был «испомещен» в Уфимском уезде Казанской губ., «только ныне крестьян за собою никого не имеет»⁴. Не имели вотчин и крестьян дворяне ассессор Н. И. Бутурлин (Мануфактур-коллегия), Я. Я. Деморий, князь Г. С. Гелованов, М. В. Фонвизин (Главная полицмейстерская канцелярия), Д. Ф. Денисов (Главный комиссариат)⁵ и др. Внук детей боярских XVII в. М. В. Кострицкий (канцелярия Большого Ладожского канала) сообщил, что их родовые вотчины в Козельском уезде еще в начале XVIII в. продал его отец, и в подтверждение этого приложил к «сказке» выписи из переписных книг⁶. К сожалению, такие сообщения источников не поддаются статистической обработке, ибо чиновники не всегда указывали, почему у них нет вотчин и крестьян.

Владельцы крепостных крестьян насчитывали 2053 чел., что составляло 38,16% всех чиновников. У них было свыше 295 тыс. крестьян м. п. В распределении крепостных по разрядам чиновников наблюдаются огромные различия, которые не могут быть

⁴ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 3, л. 1122.

⁵ Там же, ч. 2, лл. 414 и об., 447—448, 488 об., 494 об.—495, 503.

⁶ Там же, ч. 1, лл. 224—227.

501—1 000		1 001—3 000		3 001—5 000		5 001—10 000		Нет сведений	Итого	
всего чиновников	у них душ	всего чиновников	у них душ	всего чиновников	у них душ	всего чиновников	у них душ		всего чиновников	у них душ

Местные

2	1 485	—	—	—	—	—	—	—	8	1 597
25,00	92,98	—	—	—	—	—	—	—	100	100
—	—	—	—	—	—	—	—	—	40	1 249
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	100
15	12 180	22	37 270	6	22 081	9	74 262	20	145	157 213
10,34	7,75	15,18	23,70	4,14	14,05	6,21	47,24	13,79	100	100
21	14 566	8	14 468	2	7 761	—	—	18	562	93 075
3,74	15,65	1,42	15,54	0,36	8,34	—	—	3,20	100	100
4	3 212	1	1 125	—	—	—	—	23	1 344	38 130
0,30	8,42	0,07	2,95	—	—	—	—	1,71	100	100
40	29 958	31	52 863	8	29 742	9	74 262	61	5 379	295 329
0,74	10,14	0,58	17,90	0,15	10,07	0,17	25,15	1,13	100	100

объяснены только тем, что канцелярские служители учтены весьма неполно (нет данных по центральным и дворцовым учреждениям и их местным органам). Верхушка бюрократии (110 чел., или 6,4%)⁷ имела 157,2 тыс. крепостных, т. е. 53,3% всех крестьян, или в среднем 1430 душ на одного владельца. У 470 чиновников II разряда (23%) было 93 тыс. душ (31,5%), или в среднем по 198 душ. На долю 793 чиновников III разряда (39,6%) приходилось лишь 38,1 тыс. душ (12,9%), или в среднем по 48 душ. И наконец, самый многочисленный отряд чиновников — канцеляристы — насчитывал лишь 619 владельцев «крещеной собственности» (31%) и имел всего 7011 душ (2,3% общего количества крестьян), или в среднем по 11 душ.

Приведенные данные свидетельствуют об огромной концентрации крепостных крестьян у немногочисленной верхушки саповной бюрократии, состоявшей из родовитого дворянства. Количество крестьян и средний размер душевладения по группам во многом

⁷ Здесь и далее вычислен удельный вес отдельных разрядов чиновников — владельцев крестьян; не учитываются лица, не сообщившие данных о вотчинах (61 чел.) и не имевшие крепостных (3326 чел.).

зависели от социального состава чиновничества, доли среди них родовитых дворян.

Об этом же свидетельствуют резкие колебания в размерах душевладения у чиновников каждого разряда, существование среди них двух «полюсов». Так, 1040 чел. (19,33% всех чиновников и 50,6% владельцев крепостных), у которых было от 1 до 20 крестьян, имели всего 7152 души, или 2,42%. В то же время у 9 чиновников (0,17 и 0,43% владельцев крепостных), имевших по 5000 душ и более, было 74 262 души, или 25,15%.

В действительности амплитуда колебаний между двумя «полюсами» была еще больше. Среди чиновников, имевших минимальное количество крепостных, преобладали владельцы дворовых слуг, не связанных с землей. Так, среди 506 чиновников трех первых разрядов, являвшихся потомственными и личными дворянами, владевшими от 1 до 20 душ, почти половина (251 чел., или около 24% чиновников этих разрядов) имели только дворовых слуг (1102 души, или 15% крестьян этой группы). Владельцев только дворовых слуг было много и среди чиновников IV разряда.

Эти цифры показывают, что, становясь личными, а затем и потомственными дворянами, чиновники не превращались в сколько-нибудь крупных помещиков. В целом у чиновников, имевших от 1 до 20 крестьян, были карликовые имения. Чаще они владели, видимо, даже не целыми деревнями, а их частями. Такими же помещиками были и 362 чиновника, имевшие по 21—50 душ; в их владении находилось 12,5 тыс. крепостных (4,23%). Мелкими помещиками, по сути дела, были и те из них, у кого было до 100 душ.

Если принять за основу деления чиновников по размерам владений нормы, содержащиеся в статье Н. М. Шенуковой (мелкие помещики — 1—100 душ, средние — 101—500, крупные — 501—1000 и более), то мы получим следующие цифры. Мелкие помещики насчитывали 1484 чел. (79,4% чиновников, указавших данные о количестве душ); у них было всего 33 тыс. душ, или 11,3% всех крестьян. Средних помещиков среди чиновников было 320 чел. (16,5%), на их долю приходилось 75 тыс. крепостных (25,6%). Крупные и крупнейшие помещики (88 чел., или 4,1%) владели основной массой крестьян (187 тыс.—63,1%). Преобладание средних и особенно мелких душевладельцев среди чиновничества России в середине XVIII в. в целом соответствовало структуре всего класса феодалов в этот период⁸.

Данные табл. 10 дают обобщенную характеристику размеров душевладения и его распределения по отдельным разрядам чиновничества. Обратимся к источникам, чтобы более конкретно пред-

⁸ Н. М. Шенукова. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII — первой половине XIX в.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г.» Вильнюс, 1964, стр. 390—391.

ставить размеры владений отдельных чиновников с учетом их социального происхождения. Среди 145 чиновников I разряда было 18 выходцев из других сословий, в том числе 3 иностранца, которые не имели крестьян. Вице-президент Камер-коллегии М. С. Козмин происходил родом из старинной дьяческой семьи. Он был крупным помещиком. Во время переписи 1754—1756 гг. Козмин сообщил, что имеет вотчины в Карачевском, Каширском, Керенском и Темниковском уездах, а также в Ингерманландии, в которых жило 463 души⁹. Вице-президент Коммерц-коллегия Я. М. Евреинов, представитель известной купеческой фамилии, получившей дворянство, был также крупным вотчинником. Как можно понять из его «сказки», помещиком он стал благодаря женитьбе на богатой дворянке. В «сказке» Евреинов так написал об этом: «Людей и крестьян имею за собою, кроме собственных, жены моей в разных уездах, а имянно: в Московском, Орловском, Каширском, Чернском, да в Санкт-Петербургском, всего 700 душ»¹⁰. Другой представитель купечества, И. И. Исаев, в 1743 г. назначенный президентом Главного магистрата и имевший ранг майора, что сделало его дворянином, имел всего 10 дворовых слуг, которых он купил у разных помещиков¹¹.

Выходцы из среды духовенства, попав на государственную службу и получив дворянство, тоже не стали крупными помещиками. Так, консул в Энгельском порту П. Чекалевский имел при себе четырех дворовых. Кроме того, у него было в Тамбовском уезде 5 душ, а других нет «за продажею пред сим на необходимые нужды». Бывший резидент в Иране В. Ф. Братищев имел двух слуг: русского и «персиянина». «Лейб-медик е. и. в. тайный советник и главный директор над Медицинской канцелярией и всем медицинским факультетом» П. З. Кондоиди, хотя и имел высокие чины, но был владельцем всего 10 дворовых¹².

Зато чиновники, подвизавшиеся при дворе и получавшие щедрые пожалования от императриц, становились крупными помещиками. Бывший кучер Елизаветы Петровны Н. А. Возжинский был пожалован ею в дворяне и камергеры (1745 г.), получив при этом 212 душ в Белозерском, Кромском, Переславль-Залесском и Петербургском уездах¹³. Начальник Придворной конторы Г. М. Любистов в несколько меньших размерах повторил карьеру фаворита Елизаветы Петровны А. Г. Разумовского. Взятый в 1727 г. певчим ко двору Елизаветы Петровны, Любистов позже стал дворянином, полковником, владельцем 1236 душ крепостных в Ржевском, Владимирском и Пензенском уездах¹⁴.

⁹ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 301 об.

¹⁰ Там же, ч. 1, лл. 207—208.

¹¹ Там же, ч. 2, л. 433 и об.

¹² Там же, лл. 578—579 об., 664—664 об., 786—787.

¹³ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 439, л. 174.

¹⁴ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 1, л. 76.

Приведенные факты¹⁵ свидетельствуют о том, что выходцы из социальных низов, получая за службу дворянство и проникая на высшие должности в империи, в большинстве своем не становились крупными дворянами, ибо в это время была уже ликвидирована раздача поместного жалования. Императорский фавор, браки с богатыми дворянами и скупка крестьян — вот основные источники пополнения вотчин для высшего слоя бюрократии, причем добиться пожалования вотчин от императорской власти могли, разумеется, очень немногие лица.

Эти наблюдения полностью относятся к чиновникам II и III разрядов, среди которых было гораздо больше выходцев из непривилегированных сословий и для которых было еще меньше возможностей получить крепостных от императорской власти. Так, служивший в Сенате «у генерал-прокурорских дел» статский советник Д. И. Невежин был потомком приказных людей. После смерти отца, погибшего во время Северной войны, он унаследовал 60 четв. «пустого». За 49 лет государственной службы Невежин не превратился в крупного помещика: в 1755 г. у него было всего 11 дворовых слуг и 90 четв. земли во Владимирском и Тамбовском уездах. Его коллега, обер-секретарь Сената И. С. Ермолаев, тоже выходец из известной еще в XVII в. семьи приказных людей, имел в Пензенском и Старицком уездах 331 душу. Третий представитель подьячих XVII в., секретарь Герольдмейстерской конторы Сената Я. А. Посников, сообщил, что имеет в Галицком уезде 180 душ, большую часть которых он приобрел после II ревизии¹⁶.

Довольно крупные вотчины имели и некоторые другие потомки старых дьяческих фамилий, дослужившиеся до высоких чинов: коллежский советник В. С. Поляков — 240 душ, ассессор В. И. Иванов — 248 (оба в Вотчинной коллегии), надворные советники Иностранной коллегии П. П. Курбатов — 1130, А. С. Иванов — свыше 200¹⁷ и др. Дьяки и подьячие получали в XVII в. поместные оклады, равнявшиеся окладам соответствующей категории служилых людей по отечеству (например, поместное жалование приказного дьяка было приравнено к жалованью стольника или стряпчего и т. д.)¹⁸. Представители названных нами фамилий не только сумели сохранить полученные в XVII в. их предками вотчины, но и, как увидим далее, приумножить их. Однако большая часть потомков приказных людей и разночинцев, получивших за службу дворянство, не имели сколько-нибудь крупных вотчин. Так, у вы-

¹⁵ Сведения о размерах вотчин кабинет-секретаря императрицы барона И. А. Черкасова, обер-егермейстера графа А. Г. Разумовского, президента Академии наук гетмана К. Г. Разумовского и некоторых других лиц в их «сказках» отсутствуют.

¹⁶ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 439, лл. 370, 641 и об., 1467; Сенат, кн. 1378, л. 172 и об.

¹⁷ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 353—356 об., 361—361 об., 642 об.—643 об.

¹⁸ Н. Ф. Демидова. Приказные люди XVII в.— «Исторические записки», т. 90. М., 1972, стр. 341—342.

ходцев из приказной среды И. О. Пуговишника, имевшего высокий чин — статского советника Иностранной коллегии, и у его брата А. О. Пуговишника, секретаря той же коллегии, было по одному дворовому человеку, у надворного советника С. Ю. Мальцева — 6 душ в Курском уезде (где он ранее служил подьячим), у советника Камер-коллегии А. Р. Федорова — 30 душ (приданое его жены)¹⁹ и т. д.

Во время переписи от чиновников не требовали сведений о происхождении их вотчин, однако многие из них указали такие данные, представляющие большой интерес для определения социального облика дворянства, в особенности тех его представителей, которые сравнительно недавно вышли из низов общества. Выходцы из различных сословий и групп, превратившиеся в потомственных чиновников и дворян или ожидавшие производства в чины, открывающие им доступ в члены «благородного» сословия, стремились обзавестись «крещеной собственностью», используя для этого разные приемы.

Одним из распространенных способов приобретения населенных вотчин были браки чиновников с богатыми дворянками. Еще в XVI в. дьяки вступали в браки с дворянками, приносившими им поместья²⁰. В XVIII в. такие союзы получили широкое распространение. Вероятно, в таких случаях родственники оговаривали права на вотчины. Некоторые чиновники специально указывали, что все вотчины или их часть являются приданым жены. Так, прапорщик Главной полицмейстерской канцелярии Е. М. Максимов, родом из подьячих, имел 4 дворовых и 8 душ в Нижегородском уезде, которые были собственностью его жены; подпоручик И. А. Печенин (Главная дворцовая канцелярия) — 18; товарищ воеводы Вологодской провинции имеретинский дворянин Ф. Е. Габукиев — 95; подпоручик П. И. Конищев — 5²¹ и т. д. Регистратор Новгородской губернской канцелярии Я. И. Рейбер, «природою из цесарской земли», владел участком земли, которую принесла в приданое жена. У известного экономиста П. И. Рычкова, родом из купцов, служившего в ранге коллежского советника в Оренбургской губ., было 2709 душ, принадлежавших ему и его жене²². Вице-канцлеру и кабинет-министру А. И. Остерману принесла богатое приданое жена М. И. Стрешнева, связанная родственными узами с царским домом²³.

¹⁹ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 302, об., 635—635 об., 637 и об., 738—740.

²⁰ Н. Н. Лихачев. Родственные связи княжеских фамилий с семьями дьяков. СПб., 1906, стр. 1—3 и сл.; С. О. Шмидт. О дьячестве в России середины XVI в.— «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 188.

²¹ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 501 об.; ч. 3, лл. 1269 об., 1270; Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 533 об., 537 об.

²² ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 533 об., 537 об.

²³ Е. П. Карнович. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб. 1855, стр. 139.

Брачные союзы помогали увеличивать владения и потомственным дворянам, особенно небогатым. Так, камер-юнкер императрицы Елизаветы Петровны граф И. И. Воронцов имел 2655 душ, из которых 2000 были приданым жены. Его брат Р. И. Воронцов, ставший позже сенатором, разбогател благодаря браку с дочерью состоятельного сибирского купца М. И. Сурминой. Прокурор Мануфактур-коллегии А. Ф. Шувалов своих крестьян не имел (у его отца было лишь 20 душ), но зато у него было 272 души, оставшиеся после смерти первой жены, и 210 душ, полученных за второй женой²⁴.

Особенно часто прибегали к покупке вотчин и крепостных крестьян чиновники, вышедшие из среды разночинцев. Например, секретарь Кабинета императрицы Я. И. Бахарев, родом из подъячих Белевского уезда, купил 167 душ. Секретари Нижегородской губернской канцелярии имели: П. А. Смирнов 237 душ «купленных и проданных», С. О. Жегулин — 16 дворовых²⁵. Сын священника И. В. Надинский, служивший стряпчим в е. и. в. Вотчинной канцелярии, будучи послан в Саратов «для поселения собственных е.и.в. крестьян», не забывал своих интересов: в Чебоксарах предприимчивый попovich купил 10 дворовых, в Алаторском уезде — 9, в Нижегородском — 31. Жена принесла в приданое 3 дворовых слуг²⁶.

В материалах переписей 1754—1756 гг. содержатся многочисленные указания о покупке чиновниками крестьян без земли, которых они не только использовали как слуг, но сажали на купленную землю и тем самым стремились превратиться в помещиков. Например, секретарь Оренбургской губернской канцелярии И. С. Иванов, родом из приказных людей, приобрел 14 дворовых, которые поселены «на покупке ево земле в Уфимском уезде». Его коллега И. А. Коптяжев сообщил, что он «испомещен в той же Оренбургской губернии жалованною по указу ис пустых земель дачею, за ним мужеска полу людей 16 душ»²⁷. Секунд-майор дворянин Г. Н. Чуровский, ведавший сбором подушных денег, сообщил, что в Вологодском и Пошехонском уездах «имеет одну пашенную землю», а в Кунгуре двух дворовых. Майор К. И. Алексеев (Белгородская губ.) имел 5 душ в Новосильском уезде «да неположенных в подушный оклад из башкир семь человек»²⁸, которых он, видимо, закабалил после разгрома восстания в Башкирии в 1735—1739 гг. «Неположенных в подушный оклад башкирят» (5 чел.) имели комиссар П. И. Самарцов (Главная дворцовая кан-

²⁴ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 439, л. 320; Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 412 об.—413; *Е. П. Карнович. Указ. соч.*, стр. 221.

²⁵ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 439, л. 1466; кн. 419, лл. 213 об., 214 об.

²⁶ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 3, лл. 1352—1353.

²⁷ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 319 об.—320, 321 об.—322.

²⁸ Там же, лл. 144 об.—145, 441.

целярия), владелец небольшой вотчины (16 душ)²⁹, четверо мелких чиновников канцелярии Главного правления сибирских и казанских заводов³⁰ и др.

Стремление чиновников сравняться с помещиками и эксплуатировать труд крестьян было так велико, что они не брезговали никакими способами для достижения своих целей. Так, в районах чернососного землевладения (например, Поморье, Сибирь), где были ограничены возможности покупки вотчин, чиновники арендовали земли в уездах и закабалили крестьян, заставляя их работать на себя. Об этом, например, сообщил в своей «сказке» секретарь Вятской провинциальной канцелярии А. И. Перминов, родом «из урядничьих детей». У него было 30 душ дворовых, которые жили в городе при его доме и, надо полагать, использовались не только как слуги, но и работали в хозяйстве этого предпринимчивого дельца. Помимо 30 дворовых, Перминов имел «в уездах по древнему в здешней провинции обыкновению на государственных землях деревенские участки с написанными по ревизии из государственных же чернососных крестьян на время, а не в вечность с 39 душами, которые живут по отпускам от волостных старост из платежа за них в силу именного 725 году указу подушных семи- и четырехгривенных денег в половничестве». Далее Перминов перечислил те волости и станы, в которых были наиболее плодородные земли Вятского края и где было производство товарного хлеба на продажу³¹.

До сих пор мы приводили сведения о душевладении чиновников, относящиеся главным образом к 40—50-м годам XVIII в. Однако имеются данные о том, что и в более раннее время, в первой четверти XVIII в., мелкое провинциальное чиновничество скупало крестьян без земли, используя кабалу и ростовщичество. В начале XVIII в. Петру I было даже подброшено подметное письмо, автор которого с осуждением писал о том, что у «палатных ближних людей и служилых разных чинов дьяков и подъячих на Москве и в городах» имеются «многие тысячи» холопов, которых они содержат по кабальным и отпускным записям³². Автор, видимо, преувеличил количество холопов у приказных людей, однако не преходится отрицать стремление низшего чиновничества эксплуатировать труд зависимых людей.

По сведениям крепостных контор 7 городов (Владимир, Ярославль, Казань, Уфа, Сызрань, Царицын и Астрахань), обработанным Н. Б. Голиковой, канцелярские служители составляли 20% (78 чел.) всех покупателей и 10,3% (41 чел.) продавцов крепостных крестьян без земли. Большинство людей, продававших кре-

²⁹ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 401—401 об., 404—404 об.; ч. 3, л. 1290 об.

³⁰ Там же, ч. 3, лл. 1266 об.—1268.

³¹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 419, л. 599 и об.

³² ЦГАДА, Госархив, IX р., отд. II, оп. 6, кн. 138, л. 3 и об.

постных, являлись мелкими дворянами — 83,5% (182 чел.)³³. Некоторые из провинциальных чиновников на протяжении ряда лет покупали крестьян. Так, «надсмотрщик крепостных дел» Казани Иван Небогатов 1720—1722 гг. приобрел семьями и в розницу свыше 20 взрослых мужчин, не считая малолетних детей. Подьячий Д. Демьянов покупал крестьян без земли в 1715, 1716, 1720 и 1722 гг. (18 взрослых мужчин). Другие канцеляристы казанских учреждений тоже не раз покупали крепостных³⁴.

Находившиеся на службе в России иностранцы, приняв православие и русское подданство, получив дворянство, спешили обзавестись землей и крепостными, постепенно сливаясь с русскими феодалами. Так, сын пленного шведского офицера коллежский ассessor И. Ф. Маменс (Ревизион-коллегия) имел купленных и приданого жены 119 душ, титулярный советник И. Виттиг (контора Бахмутских соляных заводов) сразу же после крещения приобрел 12 душ в слободе Муратовка Бахмутской провинции³⁵.

Следует подчеркнуть, что в первой половине XVIII в. к покупке земли и крестьян для увеличения своих владений прибегали не только мелкие и средние чиновники, получившие дворянство за службу, но и представители немногочисленного слоя сановой бюрократии, такие, как всесильный временщик в царствование Петра I и Екатерины I князь А. Д. Меншиков, вице-канцлер сенатор барон П. П. Шафиров³⁶, кабинет-министр царя, позже президент Камер-коллегии А. В. Макаров, президент Адмиралтейской коллегии адмирал граф Н. Ф. Головин³⁷, камер-юнкер П. Ф. Балк-Полев, оставивший после своей смерти на 20 тыс. руб. закладных³⁸, и другие, получившие от императорской власти крупные вотчины. Меншиков имел в 1727 г. свыше 150 тыс. душ, из которых примерно 20—25% было купленных. По самым примерным подсчетам, на приобретение вотчин и крестьян Меншиков израсходовал огромную сумму — около 350—400 тыс. руб. Во владениях представителей родовитых дворян графов сенаторов И. А. и П. И. Мусиных-Пушкиных на 9,5 тыс. крестьян не менее 20% приходилось на долю покупных вотчин³⁹.

Источники свидетельствуют о том, что российские чиновники, независимо от занимаемого положения и ранга, буквально охо-

³³ Н. Б. Голикова. Торговля крепостными без земли в 20-х годах XVIII в.— «Исторические записки», т. 90, стр. 308—313. Приношу свою благодарность автору, любезно ознакомившему меня с результатами своих разысканий в рукописи.

³⁴ Там же, стр. 315—316.

³⁵ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 886 об.—887; ч. 3, лл. 1159 об., 1160 об.

³⁶ Там же, оп. 113, кн. 1314, лл. 1—254.

³⁷ ЦГАДА, Госархив, XI р., кн. 623, лл. 88—91 об., 105—112, 207—209 об. и др.

³⁸ Там же, XXII р., д. 78, ч. 1, лл. 35—37.

³⁹ С. М. Троицкий. О покупке земель А. Д. Меншиковым, А. В. Макаровым и И. А. и П. А. Мусиными-Пушкиными.— «Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР». Смоленск, 1972, стр. 89—91, 96—99.

тились за каждым участком земли и рабочей силой, в чем сказывалось растущее влияние товарно-денежных отношений на их хозяйство. Приведем лишь два примера, характеризующие методы приобретения вотчин и крестьян крупным сановником империи и мелким провинциальным чиновником. Бывший вологодский подьячий А. В. Макаров сделал головокругительную карьеру: его способности заметил Петр I и приблизил к себе, назначив секретарем своего Кабинета. При Петре I и Екатерине I Макаров был доверенным лицом царской семьи, в 30-х годах XVIII в. он служил президентом Камер-коллегии. Петр I пожаловал ему крупные вотчины. Однако Макаров этим не довольствовался и в течение всей своей жизни занимался скупкой земли и крестьян, не брезгуя кабалой и ростовщичеством. В 1706—1734 гг. по 102 сделкам он израсходовал 18 027 руб. на покупку вотчин, крестьян и ненаселенной земли⁴⁰. В эти подсчеты не включены сделки, которые Макаров совершил совместно с братом И. В. Макаровым, сперва служившим подьячим в Ратуше, а затем пожалованным в дьяки⁴¹. Общая сумма, израсходованная Макаровым на покупку земли и крестьян, была по тем временам весьма значительной. Особенно крупные денежные средства он тратил на покупку вотчин. Так, в 1708 г. Макаров купил у адмирала Ф. М. Апраксина за 1600 руб. с. Богословское с деревнями в Юрьев-Польском уезде, которое стало хозяйственным центром его владений⁴². В 1710 г. он приобрел сельцо Степанково и д. Тарасовку с пустошами у дворянина А. А. Албекова в Московском уезде. В мае 1716 г. Макаров купил д. Тарасовку и другие в Новгородском уезде (1500 руб.), в августе — с. Петровское в Переславль-Залесском уезде (3000 руб.), а в октябре того же года — с. Янушево в Белозерском уезде (190 руб.)⁴³. В следующем году он купил в Брянском уезде д. Карташево (200 руб.) и в Новгородском — д. Забелье с пустошами (160 руб.)⁴⁴. В 1721 г. Макаров приобрел за 2500 руб. в Суздальском уезде с. Семеновское с деревнями⁴⁵. В 1728 г. он совершил две покупки на 1900 руб.: с. Ощерино в Московском уезде и с. Юрьевское в Звенигородском; а в 1729 г. прикупил еще две вотчины в Брянском уезде за 400 руб. и в Переславль-Залесском за 300 руб.⁴⁶

⁴⁰ Там же, стр. 92.

⁴¹ И. В. Макаров скупал дома, лавки, торговые места и землю в Москве, крестьян, земельные участки и отдельные вотчины в различных уездах России, израсходовав на эти цели в 1710—1726 гг. по 14 актам свыше 2500 руб. (ЦГАДА, Госархив, VII р., д. 294, лл. 261 об.—270). 24 июля 1723 г. А. В. Макаров продал брату Ивану в Верхне-Ломовском уезде по рекам Большому и Малому Чембарам половину участка в 85 четв. земли «с поселенными крестьянами» за 200 руб. (там же, л. 268).

⁴² ОР ГПБ, ф. А. В. Макарова, дд. 8—9.

⁴³ Там же, дд. 16, 38, 40; ЦГАДА, Госархив, VII р., д. 294, л. 269.

⁴⁴ ОР ГПБ, ф. А. В. Макарова, д. 45.

⁴⁵ ЦГАДА, Госархив, VII р., д. 294, л. 270.

⁴⁶ Там же, л. 271 об.; ОР ГПБ, ф. А. В. Макарова, д. 125.

Купленные вотчины, а также пожалованные царем (например, в 1709 г. Макаров получил в Брянском уезде поместье в 260 четв. пахотной земли и 17 дворов крестьян, в 1723 г. — села Глебовское, Елизаровка, Ковырево, Горки, Воронцово, Лучанское в Переславль-Залесском и Юрьевском уездах, с. Осветино — в Ростовском, с. Петровское — в Рыльском⁴⁷ и т. д.) предприимчивый кабинет-секретарь затем постепенно округлял, приобретая новые участки пахотной земли, угодья, пустоши, а также отдельные крестьян. Об этом красноречиво говорят данные о распределении скупщических операций Макарова по отдельным районам страны. Его сделки охватывали территорию 29 уездов Европейской России: Белгородского, Белозерского, Бельского, Брянского, Верхне-Ломовского, Вяземского, Галицкого, Дмитровского, Инсарского, Кексгольмского, Корочанского, Курмышского, Клинского, Курского, Московского, Нижегородского, Нижне-Ломовского, Новгородского, Переславль-Залесского, Петербургского, Путивльского, Рузского, Рязанского, Смоленского, Суздальского, Торопецкого, Устюженского, Юрьев-Польского и Ярославского. Большая часть сделок приходится на те уезды, где Макаров имел собственные вотчины.

Бросается в глаза, что наиболее активно он действовал в двух хозяйственных районах: Нечерноземном центре страны (уезды: Юрьев-Польский — 10, Новгородский — 5, Галицкий — 4, Белозерский, Московский и Переславль-Залесский — по 3; всего 28 сделок) и на Юге (уезды: Рыльский — 21, Брянский — 17, Нижний Ломовский — 7, Курский — 4, Белгородский и Корочанский по 3; всего 55 сделок). На остальные уезды приходится по 1—2 сделки. Интерес Макарова, как и других, к вотчинам в Новгородском уезде и Нечерноземном центре в общем-то традиционен, ибо они были сравнительно близки к столицам. В то же время стремление Макарова обосноваться на плодородных землях юга России и расширить здесь свои владения отражало возросшее значение этого региона в хозяйственной жизни страны.

Макаров в значительных количествах скупал землю без крестьян (пашня, пустоши, угодья, лес). Как свидетельствуют источники, в большинстве случаев это были мелкие участки («доли», «жеребьи», и «части») поместного оклада мелких служилых людей — небогатых дворян в чине прапорщика или поручика, жильцов, рейтар, драгун, солдат, однодворцев, подьячих и т. д. Среди лиц, продавших вотчины и крестьян Макарову, мы встречаем всего двух-трех представителей знати: Ф. М. Апраксина, княгиню А. И. Долгорукую, князя Н. Львова. В 1730 г. Макаров купил также у донского казака из г. Каменского А. А. Жеребова и его сестры 50 четв. поместной земли в Нижегородском уезде за 17 руб.⁴⁸

⁴⁷ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. II, оп. 3, кн. 14, л. 29 об.; VII р., д. 294, л. 43 и об.

⁴⁸ ЦГАДА, Госархив, VII р., д. 294, л. 273.

Иногда в качестве продавцов земли и крестьян на протяжении ряда лет выступают одни и те же лица, что свидетельствует о постепенном обеднении и разорении низших слоев служилых людей и о переходе их владений к другим представителям господствующего класса феодалов. Тот факт, что сделки на землю и крестьян были сравнительно невелики по цене и растягивались на ряд лет, свидетельствовал о замедленности этого процесса. Так, стряпчий С. О. Рахманов продал Макарову в 1716 г. в Новгородском уезде д. Тарасовку, а в следующем году там же д. Забелье с пустошами⁴⁹; жилец П. Г. Тютчев в 1730 г. в том же уезде — свой «жеребий» в д. Карташево (87 четв. пашни), землю по р. Городенке, «мельницы, варницы и вальни со всяким строением» за 200 руб., а затем еще семью беглого дворового Ф. Денисова (200 руб.)⁵⁰. Помещик Д. И. Люшин распродал свои владения по частям на протяжении ряда лет. 13 июня 1726 г. он уступил Макарову в Рыльском уезде с. Соломино и две семьи крестьян за 130 руб. В 1728 г. по двум сделкам на 500 руб. от него перешли к Макарову свыше 500 четв. пашни, мельничное место и различные угодья. В апреле 1729 г. Люшин продал еще 60 четв. пашни и угодий, в мае того же года — еще 21 четв. и семью беглых крестьян (17 руб.), а 1 сентября — одного крестьянина (5 руб.)⁵¹. Свои сделки Макаров, как и другие ростовщики из числа дворян и чиновников⁵², совершал на кабальных условиях. При просрочке заклада земля и крестьяне переходили к кабинет-секретарю.

В 1706—1734 гг. из 18 027 руб. около 2000 руб. Макаров затратил на покупку крестьян без земли. И хотя удельный вес этих расходов был сравнительно невелик, цифры интересны тем, что некоторые феодалы, причем не только из числа «новой знати», буквально гонялись за каждым крестьянином. Макаров покупал дворовых и находившихся на пашне крестьян семьями и поодиночке, мужчин и женщин.

Однако, приобретая крестьян, в частности беглых, Макаров не только стремился удовлетворить потребность в рабочей силе и заселить пустые участки, в особенности в южных вотчинах. Скупка беглых крестьян была для него и своеобразным источником получения денежных средств. На эту мысль наводят те условия, которые содержались в купчих грамотах. Во всех актах специально оговорено, что новый владелец обязуется разыскать крестьян (а кабинет-секретарь имел для этого большие возможности) и получает за это право взыскать в свою пользу пожилые деньги с ук-

⁴⁹ ОР ГПБ, ф. А. В. Макарова, д. 38, 45.

⁵⁰ Там же, д. 142; ЦГАДА, Госархив, VII р., д. 294, л. 269.

⁵¹ ОР ГПБ, ф. А. В. Макарова, д. 85, 109—111, 133; ЦГАДА, Госархив, VII р., д. 294, лл. 271—272.

⁵² Ср. *Н. Б. Голикова*. Ростовщичество в России начала XVIII в. и его некоторые особенности. — «Проблемы генезиса капитализма». М., 1970, стр. 255, 259, 282—283, 287.

ривателя беглых⁵³. В соответствии с законодательством Макаров платил в казну с каждой сделки пошлину, составлявшую десятую часть ее стоимости, но эти расходы позже с лихвой окупались.

В подавляющем большинстве случаев в купчих не указан точно год побега крестьян, однако колебания в цене при покупке одного и того же количества беглых крестьян свидетельствуют о том, что давность побега существенно влияла на увеличенные суммы пожилых денег. В то же время она затрудняла и самые розыски. Так, жилец Галицкого уезда И. В. Перелешин продал в 1730 г. Макарову всего за 50 руб. семью крестьян, бежавших еще в 1686 г.⁵⁴ Иногда владелец знал, где находятся беглые, но не мог их вернуть от «сильного» человека (например, в 1730 г. рыльский рейтар С. П. Малеев продал беглых крестьян и сообщил, что они живут в соседних уездах в вотчинах черниговского архимандрита)⁵⁵. В тех случаях, когда пожилое сохранялось за прежним владельцем беглых крестьян, это оговаривалось в купчих. Так, в 1729 г. помещик С. И. Баклановский из г. Устюжны-Железопольской продал Макарову за 30 руб. семью крестьянина В. Максимова, который с детьми и внуками жил в Новгородском уезде в имении капитана Трубникова. Пожилое следовало взыскать Баклановскому⁵⁶. В 1731 г. курский помещик У. С. Рожков уступил Макарову 7 семей беглых крестьян всего за 40 руб. Но в купчей было записано: «Оных крестьян из бегов сыскивать самому (Макарову.—С. Т.) или кому он повелит, а, сыскав, о пожилых годах бить челом на кого надлежит своими харчами. А как оные крестьяне сысканы будут, и по сыску оных крестьян за пожилые годы деньги поделить пополам», а крестьянами владеть Макарову⁵⁷. В этой же грамоте содержится интересное замечание о том, что попытку продать беглых их владелец предпринимал еще в 1728 г., но тогда не нашлось людей, которые могли бы с успехом провести эту трудную для мелкого помещика операцию. Сохранявший свои связи среди верхов бюрократии и в конце 20-х — начале 30-х годов XVIII в., Макаров охотно брался за такие дела, ибо они сулили большую выгоду. Напомним, что по указу от 3 января 1683 г., подтвержденному 23 марта 1698 г., пожилое за укрывательство беглого крестьянина платилось в размере 20 руб.⁵⁸ Практика XVII — начала XVIII в. свидетельствует о том, что при возвращении беглых, прежний владелец получал очень крупные суммы пожилых денег⁵⁹. Скупка беглых крестьян без земли с целью использования их в хозяйстве, а также для по-

⁵³ ОР ГПБ, ф. А. В. Макарова, д. 53, 61, 67 и др.

⁵⁴ Там же, д. 131.

⁵⁵ Там же, д. 132.

⁵⁶ Там же, д. 120.

⁵⁷ Там же, д. 146.

⁵⁸ А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.—Л., 1962, стр. 356—357.

⁵⁹ См. там же, стр. 113—119.

лучения денежных средств при взыскании пожилого была весьма распространенным явлением в первой четверти XVIII в.⁶⁰

Другой пример характеризует те методы, к которым прибегало мелкое провинциальное чиновничество, чтобы сохранить и приумножить свои владения. В 1754 г. в Ливенской воеводской канцелярии служил подьячим с приписью Иван Иванович Брусенцов в возрасте 34 лет, «родом города Орла из городских дворян». Его прапрадед Прокофий Титов в 1631—1632 гг. был верстан помещиком п денежным окладом в починке Чурсине и д. Горяиновой Орловского уезда. В городских дворянах по Орлу служил и его сын Парфен. В 1688 г. ему за службу был дан оклад 275 четв. земли и 7 руб. годового жалованья. Его сын Богдан Парфенович еще в 1683 г. «по желанию ево» был назначен подьячим в Орловскую приказную избу и находился «у всяких татиных, и разбойных и губных дел». По грамоте из Сысского приказа его в 1696 г. пожаловали в старые подьячье. Еще раньше, сообщил И. И. Брусенцов, 21 июня 1693 г. «дед ево, по ево дворянству и за приказные ево труды верстан окладом поместья 200 чети, да денег 7 руб.» При разборе подьячих Орла в 1697 г. стольник Иван Золотарев отметил его усердие: «за ево прилежные труды учинен ему вновь оклад поместья 250 четв. да денег 10 рублей»⁶¹.

В «сказке» Брусенцова приведено подробное описание имевшихся у него крепостных крестьян и способы их приобретения. Эти сведения дают наглядное представление о результатах определенной социальной деградации потомков мелких служилых людей в XVIII в. Брусенцов унаследовал земли и крестьян представителей четырех поколений своего рода. Среди них были «жалованные» прапрадеду, прадеду и деду земли по поместному окладу, а «також и покупные отцом ево по означенному их дворянству земли и люди и крестьяне», которые «по линии и по законному наследству справлены за ним в Орловском уезде» в д. Красной Слободке. Далее идет подробное и чрезвычайно выразительное перечисление этих владений потомственного дворянина. «Из старинных крестьян прадеда и отца ныне людей 5 душ. Да доставшихся ему за женою ево в приданые от тещи ево орловской помещицы Феклы Андреевой дочери дворянина Васильевской жены Сухаревой 2 души. Да отданных по силе состоявшейся о ревизии (второй. — С. Т.) инструкции и указов по желанию ево ис платежа подушного окладу ис церковников одна, да отчисленная от посадского одна, итого во оной деревни написанных за ним 9 душ». Кроме того, Брусенцов имел в Курском уезде в с. Гаево вместе с младшим братом Иваном 4 души. «Да после новой ревизии имеются за ним во владении доставшихся ему в приданое от шурьев ево родных орловских помещиков лантмилицкого корпуса порут-

⁶⁰ Н. В. Голикова. Торговля крепостными без земли в 20-х годах XVIII в. стр. 317—321.

⁶¹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 424, ч. 2, л. 1184 и об.

чика Андрея да прапорщика Ивана Васильевых детей Сухоревых 8 душ. Да по отбытии ево из оной провинциальной канцелярии от дел в прошлом 1754-ом году достались ему во владение по купчей от публичного потариуса Герасима Лунина да Орловского духовного правления подканцеляриста Ивана Юрьева 9 душ»⁶². Всего Брусенцов имел 28 душ. Столь подробное перечисление всех приобретений крестьян было вызвано тем, что, по указу 1754 г., приказным людям было запрещено иметь крепостных. Доказав свое дворянское происхождение, подьячий ловко использовал это для того, чтобы скупить у своих собратьев Г. Лунина и И. Юрьева их «подданных».

Таким образом, и крупный сановник Макаров и мелкий уездный чиновник стремились к достижению одной цели — увеличению имений и числа «собственных подданных», хотя возможности и средства для осуществления своих намерений были у них весьма различны, ибо они находились на разных ступенях «чиновной лестницы». В целом стремление чиновников превратиться в дворян-помещиков свидетельствовало об огромном влиянии крепостнических отношений на бюрократию.

Если одни чиновники, стремясь стать «настоящими» дворянами, покупали дворовых лиц или, пользуясь указом 1736 г., кабелили башкир, то другие пытались захватывать земли в Ингерманландии, на Украине и в других районах, населенных нерусскими народами. Так, во время переписи 1754—1756 гг. секретарь Главной дворцовой канцелярии М. П. Лосев указал, что он имеет 77 душ в Клинском уезде и 19 в Алешнинском, «да черкасских вольных людей несколько дворов». Столичное чиновничество всех рангов не без успеха добивалось получения земель и вотчин в Ингерманландии. Однако в целом среди чиновников, получавших вотчины во вновь присоединенном крае, преобладали крупные сановники (сенаторы, президенты коллегий, начальники контор и канцелярий, придворные, генералитет, офицеры гвардии и армии)⁶³. Гораздо реже среди новых ингерманландских помещиков встречались такие лица, как копиист Иностранной коллегии В. Воронов (65 душ), канцелярист Юстиц-коллегии А. Зюзин (17 душ), подьячий Ф. М. Остафьев (16 душ)⁶⁴.

Новоявленные дворяне из среды чиновников не безговали и другими способами обзаведения крепостными и вотчинами (кабала, взяточничество и т. п.)⁶⁵. В литературе широко известен рас-

⁶² ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 424, ч. 2, л. 1185.

⁶³ С. М. Троицкий. О некоторых источниках по истории землевладения в Ингерманландии в первой половине XVIII в.—«Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики». Рига, 1970, стр. 111—116, 123—125.

⁶⁴ Там же, стр. 120.

⁶⁵ Например, поручик Ю. Я. Козловский (Пермское соляное комиссарство) имел «при себе приемных для воспитания малолетних и зазорных детей» Гаврилу (6 лет) и Никифора (5 лет), которых намеревался запи-

сказ майора артиллерии М. В. Данилова о том, как его зять Астафьев, получив в наследство богатое имение, давал полковому секретарю в качестве взяток не только «малые деревенские гостицы», но и крепостные «душки», за что такой «милостивец» каждый год продлевал паспорт об отпуске⁶⁶. Но подобные случаи, надо полагать, были редким исключением, ибо крупные землевладельцы могли найти другие способы облегчить тяготы государственной службы и сократить ее продолжительность, а у мелких дворян не было возможности давать взятки крестьянами.

* * *

Однако в большинстве случаев одворянивание части бюрократии не вело к появлению новых помещиков. Чиновники-дворяне получали лишь юридическое право владеть населенными землями. Прекращение выдачи поместного жалования в начале XVIII в. и проводимая абсолютной монархией политика наделения землей и крепостными не просто за государственную службу, а за особые заслуги перед монархом ограничили для дворян возможности приобретения и пополнения вотчин за счет пожалований государства. В течение всего XVIII в. абсолютная монархия раздала огромное количество государственных и дворцовых, а также конфискованных у некоторых феодалов земель и крестьян. Подавляющее большинство этих вотчин попало придворным, фаворитам, верхушке сановной бюрократии и офицерства, особенно служившего в гвардии⁶⁷.

Постоянное пополнение дворянства выходцами из других сословий в тот исторический период, когда не было условий для наделения их землей и крестьянами, способствовало, паряду с другими причинами (влияние товарно-денежных отношений, правительственная политика и т. п.), усилению имущественной дифференциации среди правящего класса в XVIII в.⁶⁸ Приток людей, получавших дворянство за государственную службу, находился в явном противоречии с тенденцией к обособлению различных разрядов служилых людей по отчеству в замкнутое привилегированное сословие, вполне ясно наметившейся еще в XVII в. и усилившейся в первой половине XVIII столетия.

сать за собой в подушный оклад при очередной ревизии (ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 894 об.).

⁶⁶ «Записки М. В. Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 г.», Казань, 1913, стр. 25.

⁶⁷ См. подробнее: *Н. Устрялова*. История царствования Петра Великого, т. I. СПб., 1858, Прилож. XII, стр. 392—399; *Е. П. Карнович*. Указ. соч.; *Ю. В. Готье*. Очерк истории землевладения в России. Сергиев-Посад, 1915, стр. 102—103, 112—113 и др.; *Е. И. Индова*. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М., 1964, стр. 65—80; *В. И. Семевский*. Пожалования населенных имений в царствование Екатерины II. СПб., 1906.

⁶⁸ *Е. Н. Кушева*. Дворянство.— «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.» М., 1954, стр. 200.

Взаимодействие противоречивых тенденций (борьба за превращение в замкнутое привилегированное сословие и постоянное обновление и пополнение состава правящего класса за счет разночинцев и «полных людей») не было специфической особенностью истории России. Аналогичный процесс имел место и во многих других европейских странах, где замена сословно-представительных монархий сопровождалась утверждением абсолютизма, опиравшегося на «новое служилое дворянство». Дворянство этой поры вбирало в себя не только лишенных наследства сыновей рыцарей, но и плебеев. «Их социальное и политическое положение, — писал Я. Я. Зутис, — определялось не службой за ленные держания у феодальной знати, как было в первой половине средних веков, а занимаемыми офицерскими и бюрократическими должностями, с которыми связывались определенные чины и титулы, феодальные по названию, но по существу ничего общего не имевшие с прежним дворянством и аристократией»⁶⁹.

Приведенный выше конкретный материал о социальном составе чиновничества и наличии у него крепостных крестьян, на наш взгляд, свидетельствует о том, что в России XVIII в. также происходил процесс частичного изменения и обновления состава правящего дворянского класса, однако его особенности в России по сравнению с другими европейскими странами нуждаются в специальном исследовании.

Одворянивание формирующейся бюрократии в XVIII в. было порождено сложным и внутренне противоречивым процессом социально-политического развития России в период позднего феодализма, для которого характерна острая борьба между нарождающимися буржуазными и господствующими феодально-крепостническими отношениями. Для сохранения и укрепления своего могущества абсолютная монархия прибегала к самым различным мерам. Поэтому все социальные силы и политические институты нового, буржуазного общества рождались в тяжких муках, несли на себе «родимые пятна» феодально-крепостнического строя. Достаточно вспомнить такие явления, как одворянивание части буржуазии или тенденция к феодальному перерождению отдельных групп зажиточного казачества России в XVIII в.

В то же время «феодализация» верхних слоев бюрократии способствовала сохранению деления чиновничества на дворян и разночинцев, что находилось в известном противоречии с буржуазными принципами комплектования служащих государственного аппарата (учет личной выслуги, способностей и образования человека при продвижении по служебной лестнице). Превращение части чиновников в дворян-помещиков усиливало их зависимость от абсолютной монархии, способствовало их сближению с основной массой феодального класса. При этом некоторые чинов-

⁶⁹ Я. Я. Зутис. Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946, стр. 44—46.

ники бросали государственную службу и жили в своих имениях. Это в свою очередь замедляло превращение бюрократии в бессловную прослойку населения, какой она является в капиталистическом обществе.

Во время «затейки» верховников, а затем во время работы уложенных комиссий 1754—1766 и 1767—1768 гг. вопрос о получении дворянства за службу вызывал острые дебаты среди шляхетства⁷⁰. Против сохранения пункта Табели о рангах, позволяющего разночинцам получать выслугой дворянство, горячо выступал идеолог родовитой аристократии князь М. М. Щербатов⁷¹. Однако самодержавие отклоняло все эти попытки пересмотреть Табель о рангах, ибо они шли вразрез с проводимой им политической усиления неограниченного характера верховной власти. Сохраняя этот пункт Табели о рангах, абсолютизм не только еще больше привязывал к себе бюрократию, но и в известной мере консервировал пестрый социальный и национальный состав правящего класса. Это усиливало относительную независимость абсолютной монархии от интересов разных прослоек дворянства, что постоянно учитывало правительство в своей политике. Об этом, в частности, свидетельствуют высказывания одного из крупнейших сановников конца XVIII — начала XIX в. графа П. А. Строганова, входившего в кружок наиболее близких к Александру I лиц. Когда при обсуждении осенью 1801 г. в Негласном комитете вопроса о выкупе на волю крепостных крестьян некоторые сановники высказали опасения, что эта мера правительства может вызвать недовольство и волнения в «обществе», Строганов выступил с большой речью. Возражая Н. Н. Новосильцеву и Н. С. Мордвинову, он весьма подробно описал российское дворянство и полагал, что оно не способно на выступления против решений монархии. «Что такое это дворянство, каков состав его, каков дух?» — спрашивал Строганов. Отвечая на этот вопрос, он говорил: «Дворянство у нас составилось из множества людей, сделавшихся дворянами только службою, не получивших никакого воспитания, которых все мысли направлены к тому, чтобы не постигать ничего, выше власти императора; ни право, ни закон, ничто не может породить в них идеи о самомалейшем сопротивлении. Это сословие самое невежественное, самое ничтожное и в отношении к своему духу — наиболее тупое; вот приблизительная картина большей части нашего сельского дворянства». Столичное дворянство, считал Строганов, в общем мало отличается от провинциального, хотя в его рядах есть образованные люди. «Большая часть дворянства, состоящего на службе, — говорил он, — к несчастью, ищет в распоряжении правительства свои личные выгоды и очень часто слу-

⁷⁰ В. Н. Лагкин. Законодательные комиссии в России в XVIII ст., т. I. СПб., 1887, стр. 169, 255—268 и др.

⁷¹ И. А. Федосов. Из истории русской общественной мысли XVIII ст. (М. М. Щербатов). М., 1967, стр. 69—95.

жит, плутая, но не сопротивляясь». Самодержавию нужно бояться не оппозиции дворян и бюрократии, убеждал Строганов Александр I и других членов Негадного комитета, а волнений крепостных крестьян⁷².

В оценках П. А. Строганова чувствуется нескрываемое пренебрежение к мелким дворянам сановного вельможи, видимо давно уже забывшего, что в прошлом его предки вышли из «мушкетеров». Его характеристика настроений разных кругов дворянства пренебрежительна, ибо в это время среди дворян были люди, разделявшие идеи А. Н. Радищева и его последователей, а также взгляды французских просветителей. Однако Строганов верно подметил, что пестрый состав российского «благородного» сословия, наличие в его рядах большого числа «служилых дворян» развязывает руки правительству.

2. Торгово-промышленная деятельность бюрократии

Одворянивание чиновничества было одной из существенных особенностей процесса формирования бюрократии в России XVIII в. Другой не менее важной чертой, характеризующей социальную природу новой прослойки общества, было ее «обуржуазивание». Следует сделать оговорку в отношении терминологии: правильное говорить не об «обуржуазивании» бюрократии, но об усилении этих новых черт. О буржуазном характере бюрократии свидетельствовали принципы комплектования служащих государственного аппарата не по «поряде», а в зависимости от выслуги, личных способностей и образования, причем их труд стал вознаграждаться не вотчинами и поместьями, а казенным жалованьем.

Занимая особое положение в обществе, бюрократия обслуживала прежде всего интересы господствующего класса, была с ним тесно связана. Поэтому социальная эволюция дворянства под влиянием зарождающихся капиталистических отношений отразилась и на судьбах чиновничества. По мере развития товарно-денежных отношений в недрах феодализма под покровом сословных дворянских привилегий начался сложный процесс трансформации дворянства, пытавшегося приспособиться к новым экономическим условиям. Это, в частности, выразилось в развитии дворянского предпринимательства, получившего значительный размах в середине и второй половине XVIII в., что свидетельствовало о становлении капиталистического уклада в стране. Процесс «обуржуазивания» захватил не только отдельные слои феодалов, но и бюрократию, верхние и средние слои которой составляли также часть дворянства. В середине XVIII в. среди крупных предпринимате-

⁷² М. Богданович, История царствования имп. Александра I и России в его время, т. I, СПб., 1868, Прилож., стр. 51—53.

лей-дворян преобладали лица, занимавшие высшие должности в гражданском и военном управлении России⁷³.

Изменения в материальном положении бюрократии (переход к денежному жалованью, втягивание в торгово-предпринимательскую деятельность), наряду с другими причинами, влияли на ее воззрения, способствовали известному сближению экономических и политических интересов этой части чиновничества и формирующейся буржуазии, а это оказывало большое влияние на выработку курса во внутренней и внешней политике абсолютной монархии, способствовало усилению борьбы различных группировок правящего класса. Все сказанное объясняет большой интерес к выяснению экономического положения российской бюрократии. Эта тема нуждается в специальной разработке. Ее изучение во многом затрудняется тем, что история помещичьего хозяйства в первой половине XVIII в. исследована явно недостаточно. Поэтому для освещения поставленных в монографии проблем мы были вынуждены ограничиться рассмотрением данных о хозяйственной деятельности некоторых представителей преимущественно высшего и среднего слоев бюрократии, чтобы попытаться выяснить некоторые общие тенденции.

Исследуя вопрос об эволюции российского дворянства, Н. И. Павленко высказал мнение, что наибольший размах помещичье предпринимательство получило в середине и второй половине XVIII в. Что касается первой четверти XVIII в., то он отметил, что в это время было «немного» предпринимателей из шляхетства, владевших мануфактурами⁷⁴. Это в целом правильное наблюдение, по нашему мнению, нуждается в некотором уточнении и дополнении, ибо оно не вполне учитывает предпринимательскую деятельность дворян-чиновников в первой половине XVIII в., особенно в сфере торговли и откупов.

Не претендуя на исчерпывающее освещение этой темы, мы ограничимся для первой трети XVIII в. главным образом рассмотрением материалов о хозяйственной деятельности двух крупных сановников России — А. Д. Меншикова и А. В. Макарова, игравших большую роль в государственном управлении и входивших в круг наиболее близких и доверенных лиц царя Петра I, с которыми он обсуждал все важнейшие дела, а также некоторых мелких провинциальных чиновников.

В судьбе Меншикова и Макарова имелось много общего: будучи выходцами из социальных низов общества, они оба сделали головокружительную карьеру благодаря личным способностям, преданности Петру I и его фавору: «Счастья баловень безродный» Меншиков стал «светлейшим князем», сенатором, фельдмарша-

⁷³ Н. И. Павленко. История металлургии в России XVIII в. М., 1962, стр. 327—457.

⁷⁴ «Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы всеобщей дискуссии». М., 1969, стр. 48.

лом, президентом Военной коллегии, крупнейшим деятелем после Петра I, а после его смерти вплоть до опалы осенью 1727 г. был фактически правителем России. Бывший вологодский подьячий Макаров был замечен Петром I, взят на службу в Кабинет царя, и затем стал его личным секретарем, доверенным лицом императорской семьи. В 30-х годах XVIII в., накануне опалы и ареста, Макаров возглавлял Камер-коллегию. И Мепшиков и Макаров пали в результате острой борьбы правящих группировок за власть: «светлейший князь» умер в сибирской ссылке, бывший кабинет-секретарь — под следствием в московской тюрьме Тайной канцелярии. Однако на этом не кончается общность судеб Меншикова и Макарова. Будучи «низкого» происхождения, они благодаря государственной службе и царской милости стали потомственными дворянами, превратились в крупнейших феодалов-землевладельцев. Оба сановника оказались жадными, ловкими, предприимчивыми дельцами, вплоть до своего падения продолжавшими всевозможными способами округлять владения и увеличивать доходы. Эта сторона их хозяйственной деятельности дает чрезвычайно ценный материал для характеристики социального облика ранних представителей российской бюрократии.

А. Д. Меншиков в 1727 г., находясь в зените своего могущества, имел свыше 150 тыс. душ крестьян. Его владения находились в 42 уездах Европейской России, а также в Прибалтике, Белоруссии, на Украине и в Пруссии (местечко Амт) и др. В «империи» Меншикова было свыше 3 тыс. сел и деревень, 7 городов (Батуриц, Копорье, Короп, Почеп, Раиненбург, Ямбург и Ямполь)⁷⁵. По численности «собственных подданных» его хозяйство уступало лишь владениям российских императоров, в которых, по первой ревизии, насчитывалось 414,1 тыс. душ⁷⁶. Это придает особый интерес хозяйству Меншикова, ибо, как правильно отмечено в литературе, крупная вотчина наиболее полно выражала социально-экономическую сущность феодального общества, в ней более заметно прослеживались новые тенденции в хозяйственном развитии страны⁷⁷.

Обширные владения Меншикова начали складываться в начале XVIII в. и пополнялись вплоть до его опалы. В основе богатства Меншикова лежали царские пожалования, составившие около 70% всех вотчин. В 1700 г. он получил свою первую вотчину — д. Лукпно в Московском уезде. Дальнейший рост владений Меншикова неразрывно связан с его государственной службой и фавором царя. Ближайший сподвижник и любимец Петра I, выдвинувшийся еще в конце 80-х годов XVII в., он проявил себя во время Северной войны хорошим организатором и талантливым пол-

⁷⁵ С. М. Троицкий. Районирование форм феодальной ренты в крупной вотчине России в первой четверти XVIII в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968 г.» Л., 1972, стр. 116—119.

⁷⁶ Е. И. Индова. Указ. соч., стр. 80.

⁷⁷ А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М., 1929, стр. 3.

ководцем. Обрадованный его победами над шведскими войсками, Петр I щедро раздавал новоявленному «герцогу Ижорскому» города и мызы в Ингерманландии, поручив управлять этим краем. Однако очень скоро Петр I был вынужден ограничить его владения в Ингерманландии. В 1708 г. Петр I приказал ландрихтеру Ф. Манукову провести межевание земель. По неполным данным, Меншикову в это время принадлежало 1 056 286 десятин пашни и угодий, 2 города, 137 мыз, 799 деревень, 8 погостов, 1 село, в которых насчитывалось латышских крестьянских и бобыльских 4308 дворов. Из них ему оставили 1308 дворов с пашней и угодьями и отвели земли для переселения 1000 дворов русских крестьян. Остальные земли и угодья отошли в казну и были использованы для раздачи помещикам. Взамен Меншиков в 1710—1714 гг. получил из дворцовых владений более 10 имений в Московском, Можайском, Тверском, Пошехонском, Старорусском, Симбирском и Саратовском уездах. За ним также были сохранены города Копорье и Ямбург с мызами и селами⁷⁸. Новые богатые вотчины Меншиков получил в 1709—1710 гг., после того как успешно воевал с шведами в Белоруссии и на Украине и отличился под Полтавой. Петр I отдал своему любимцу на Украине г. Почеп с селами, принадлежавшие ранее гетману Мазепе. Меншиков просил у царя также г. Батурин с округой, но Петр I, не желая осложнять отношений со старшиной, отказал ему и дал взамен из бывших владений Мазепы богатейшую Ивановскую вотчину в Севском уезде и «присудные» к ней села и деревни в ряде соседних уездов. Батурин Меншикову удалось получить лишь 17 лет спустя, после многолетних домогательств, уже после смерти Петра I, от Екатерины I.

Расширение владений феодалов за счет царских пожалований имело давнюю традицию. И хотя в XVII в., особенно во второй его половине, значительная часть раздаваемых правительством земель попадала верхушке правящего класса, все же и основная часть служилого сословия расширяла свои владения за счет царских дач⁷⁹. В XVIII в., особенно после отмены поместного жалования в 1715 г., монархи раздавали земли не за службу, а за особые заслуги приближенным лицам, гвардейцам, верхушке офицеров и чиновников. При стечении благоприятных условий это давало возможность быстро концентрировать огромные земельные богатства в руках немногих лиц, что ярко проявилось в истории возникновения вотчины Меншикова. Высокий удельный вес царских пожалований был характерен не только для него, но и для других представителей «новой знати», также не имевших родовых вотчин и уступавших ему лишь в размерах своих владений.

⁷⁸ С. М. Троицкий. О некоторых источниках по истории землевладения в Ингерманландии в первой половине XVIII в., стр. 126—128.

⁷⁹ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.» М., 1955, стр. 147—151 (автор — А. А. Новосельский).

Другим важным источником пополнения владений Меншикова была покупка земель и крестьян, чему благоприятствовали слияние вотчины с поместьем. Меншиков приобретал целые вотчины, отдельные села и деревни, пустоши, угодья, сенокосы. Так, в Московском уезде он купил в 1700 г. с. Алексеевское (320 душ), в 1704 г. с. Новопрображенское (200 душ) и с. Рождественое (173 души), в 1710 г. в Тотемском уезде — Леленское усолье (435 душ), в 1715 г. — Витебское, а в 1717 г. — Горы-Горецкое графства и т. д.⁸⁰ Имеющиеся сведения не могут считаться исчерпывающими, ибо состояние источников не позволяет определить, сколько всего израсходовал Меншиков на покупку крестьян и земли. Однако известно, что и другие вотчины, полученные от Петра I, князь округлил за счет приобретения новых участков и крестьян. Так, в Нарвском уезде он прикупил 2 острова. В Дружинской вотчине Новгородского уезда из 34 деревень (1187 душ) почти 22% крестьян было куплено у соседних помещиков (10 деревень, 258 душ); из 1261 души Никольской волости Нижегородского уезда 165 чел. (23%) было приобретено Меншиковым; в Пошехонском уезде из 7405 душ князь купил 448 чел. (6%)⁸¹ и т. д. Постоянно растущая потребность феодала в рабочей силе приводила к тому, что его приказчики скупали крестьян семьями и поодиночке, без земли.

Видно, царский фавор сыграл решающую роль в начальный период складывания владений Меншикова. Не исключено и то, что известную роль в появлении у сержанта, а затем поручика Преображенского полка денег для покупки вотчин, домов и ростовщичество могли сыграть «добротные даиния» различного рода просителей, заинтересованных в расположении царского любимца. Меншиков, как и некоторые другие военачальники (Н. Б. Шереметев, Ф. М. Апраксин), увеличивал денежные богатства за счет военных трофеев⁸². В целом во владениях Меншикова было примерно 35—37 тыс. душ м. п. купленных крестьян, т. е. около 20—25% всего населения вотчины. Такой процент следует признать высоким. Скупкой вотчин, земель и крестьян в больших размерах занимались и другие сановники Петра I, причем не только из числа «новой знати», но и представители древних родопитных родов⁸³.

⁸⁰ С. М. Троицкий. О скупке земель А. Д. Меншиковым, А. В. Макаровым и И. А. и П. И. Мушковым-Пушкиными, стр. 89.

⁸¹ См. «Ведомость о деревнях А. Д. Меншикова», составленную его домовою канцелярией в 1728 г. — ЦГАДА, Госархив, XI р., л. 70, л. 5 об., 8 об., 11—12, 64 об., 62, 65 и др.; ОПИ ГИМ, ф. А. Д. Меншикова, л. 10, л. 110 об.—111.

⁸² Е. П. Карнович. Указ. соч., стр. 16, 120—128 и сл. Известны многочисленные случаи дезаковых поборов Меншикова с населения Польши в 1711—1712 гг. (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VIII. М., 1962, стр. 499—500).

⁸³ С. М. Троицкий. О скупке земель А. Д. Меншиковым, А. В. Макаровым и И. А. и П. И. Мушковым-Пушкиными, стр. 90—102; «Сборник биографий кавалергардов», т. I. СПб., 1904, стр. 75.

В хозяйстве Меншикова имелись даже специальные агенты, которые занимались скупкой земли и крестьян в южных районах России для заведения хозяйства. Согласно копии договора, заключенного Петербургской домовою конторой князя в мае 1718 г. с одним из таких агентов — Михаилом Срезневым, последний обязывался «купить па имя его светлости в Киевской и Воронежской губерниях в украинских городах у тамошних помещиков, кто из них похочет продать порозжие свои земли», «укрепить» их за князем и «поселить и присовокупить (как бог да поможет) дворовое число довольное вольными черкасами против тамошнего обычая, как и у протчих». Во избежание конфликтов с правительством и помещиками других городов Срезнев обещал в эти слободы не принимать «из великороссийских городов и из сел и деревень никаких пришлых людей, кто б какова звания ни был, також и из служилых казаков». Новопоселенцам следовало давать на 2—3 года освобождение от повинностей. Тут же содержалось и объяснение большого интереса Меншикова к заведению хозяйства на плодородных землях южных районов страны: их население должно было давать сборы деньгами, главное пенькою — всего «по двадцати тысяч рублей на год». Видимо, эта цифра была завышена. по основная причина тяги феодала к югу названа точно. За свои услуги М. Срезнев должен был получить «награду» и пожизненно должность управителя новопоселенных слобод⁸⁴. Сохранились известия, что М. Срезнев действовал в соответствии с контрактом. К началу 1723 г. они израсходовал свыше 4000 руб. на покупку земли и крестьян⁸⁵.

Добиваясь расширения владений и увеличения доходов, Меншиков прибегал к любым средствам, используя царский фавор, свое высокое положение в государстве⁸⁶, не брезгуя взятками и прямым насилием, как, впрочем, и другие сановники. Так, когда по его требованию была проведена перепись населения Тамбовского и Елецкого уездов, пострадавших в 1713 г. от набега кубанских татар⁸⁷, ландрихтер С. Клокачев обнаружил, что в новопоселенных слободах и селах князя жило много «разных городов сходцев и разночинцев». Некоторые из них жили «на своих поместных дачах» и в 1704 г. были приписаны к городу Борисоглебску в станичную службу и «всякие великого государя подати плачивали». Но в 1706 г. Е. Ивинский в угоду всеильному временщику переписал их и «отказал во крестьяне» за Меншикова, что было

⁸⁴ ОПИ ГИМ, ф. А. Д. Меншикова, д. 2, л. 35 и об.

⁸⁵ ОР ГБЛ, ф. А. Д. Меншикова, картон 15, № 3, л. 1 об.

⁸⁶ Так, во время подушной ревизии в 1719 г. переписчики в угоду Меншикову «пропустили» Равенбургскую вотчину с населением свыше 3000 душ (М. М. Богословский. Областная реформа Петра Великого. М., 1902, стр. 362).

⁸⁷ В вотчинах Меншикова в 1713 г. было убито и угнано кубанскими татарами несколько сот человек обоого пола (ЦГАДА, Сенат, кн. 61, лл. 184—186; Н. И. Дубасов. Очерки из истории Тамбовского края, вып. 2. М., 1883, стр. 46—48).

закреплено во время подворной переписи 1710 г., после чего они перестали нести государственное тягло. В Тамбовском уезде за князем после набега татар было «разных городов сходцев, разночинцев, детей боярских и других всяких чинов людей» в д. Верхней Грибановке — 307 душ, в д. Нижней Грибановке — 192, в д. Русановой — 27 и т. д.⁸⁸

Еще более скандальный характер имело так называемое Почепское дело. Получив от Петра I за участие в Полтавском сражении г. Почеп с селами, ранее принадлежавший гетману Мазепе, Меншиков примежевал к своей украинской вотчине 2743 двора «казаков и их подданных». Начиная с 1715 г. он взимал с них ежегодно 6169 руб. 87 коп., не считая других поборов⁸⁹. Украинские казаки подавали жалобы, протестуя против закрепощения, а Меншиков добивался от Петра I указа о проведении межевания земель, чтобы окончательно закрепить за собой новых «подданных». Когда Петр I в 1718 г. назначил межевщиков, князь подкупил дьяка И. Лосева и заменил царский наказ собственной инструкцией. Межевщики подтвердили установленные князем границы. Это вызвало новую волну жалоб царю казаков во главе с гетманом И. Скоропадским, ибо Лосев примежевал к Почепу «сверх того еще два сотенные города полку Стародубского — Мглин и Баклан с двумя их уездами и с частью Стародубской сотни». Скоропадский просил Петра I, «чтоб повелено было ему (Меншикову. — С. Т.)... место Почеп держать так, как и прежние гетманы им владели»⁹⁰. Однако Меншиков не желал уступать лакомый кусок. Полковник Б. Г. Скорняков-Писарев, брат обер-прокурора Сената, снова провел межевание в угоду князю. Тогда Петр I, возмущенный самоуправством своего фаворита, послал на Украину полковника С. Давыдова, который выявил огромные злоупотребления князя. Для расследования «Почепского дела» царь назначил следственную комиссию из крупнейших сановников империи (Я. В. Брюс, Г. И. Головкин, И. А. Мусин-Пушкин, И. И. Дмитриев-Мамонов, А. А. Матвеев и др.). Под давлением улики Меншиков признал свою вину, о чем 13 февраля 1723 г. подал на Генеральном дворе челобитную. Петр I лишил его должности президента Военной коллегии и приказал вернуть в казну незаконно собранные с казаков деньги (свыше 60 тыс. руб.). От более сурового наказания Меншикова спасло заступничество Екатерины⁹¹.

Еще более ловко он использовал царский фавор в октябре 1725 г. Когда Плещеевы обвинили Меншикова, что он незаконно захватил земли их сородича Ф. Плещеева, князь сослался на то,

⁸⁸ ЦГАДА, Сенат, кн. 61, лл. 187—190.

⁸⁹ ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 70, л. 32; Сенат, кн. 234, лл. 66—70; ф. 243. Портфели Миллера, ч. 1, д. 1, л. 28 и об.

⁹⁰ ЦГАДА, Портфели Миллера, ч. 1, д. 1, лл. 29—31.

⁹¹ См. там же, лл. 31—39; ф. А. Д. Меншикова, д. 199, лл. 1—30; Госархив, IX р., Отд. I, кн. 58, лл. 39, 337—338 об.; С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. IX. М., 1963, стр. 457—458, 468—469.

что в 1704 г. был устный указ Петра I о передаче ему этих вотчин. При этом Меншиков считал, что Плещевы вообще не имели права бить челом Екатерине I и оспаривать устные распоряжения Петра I, «попозже что самодержавные государи никому ответу дать не должны». Если же Сенат и другие учреждения будут пересматривать без утверждения монархом ранее изданные акты, в том числе и данные устно, «то и все е. и. в. указы повсюду везде объявленные от него, Меншикова, и от протчих ево братии сенаторов и других поверенных отставляти, також и пожалованные по высокой е. и. в. самодержавной власти господам сенаторам и генералитету и протчим вотчины опять, по сему легко возможно будет, из чего может произойти е. и. в. воли и учреждению нарушение»⁹². Естественно, что Екатерина I сочла эти доводы основательными, и спорные вотчины остались за светлейшим князем.

То, что Меншиков в погоне за богатством допускал крупные злоупотребления, не было исключением из общей практики: и многие другие «птенцы гнезда Петрова» прославились своими хищениями и взятками (Г. Г. Скорняков-Писарев, П. П. Шафиров, А. Нестеров, А. А. Курбатов и др.).

А. Д. Меншиков имел огромное и сложное хозяйство. Около 70% владений (исключая белорусские вотчины) находилось в южных уездах России, где были наиболее плодородные земли, ставшие в начале XVIII в. сравнительно безопасными для занятий хозяйством.

Стремление феодалов обосноваться на юге России вполне отчетливо проявилось в XVII в.⁹³, в первой трети XVIII в. оно лишь усилилось. Так, в 1713 г. Меншиков имел в Брянском, Курском, Рыльском, Путивльском, Обоянском, Нижегольском, Трубчевском, Хотмышском, Карповском, Вольненском, Алешинском уездах 9467 дворов, в том числе 4402 двора «черкас»; фельдмаршал Б. П. Шереметев — соответственно 3028 и 2864 (Белгородский, Хотмышский уезды); канцлер Г. И. Головкин — 1263 и 1240 (Обоянский, Хотмышский, Карповский уезды); киевский губернатор князь Д. М. Голицын — 1031 и 1024 (Вольненский уезд); сенатор П. М. Апраксин — 762 и 733 (Нижегольский, Салтовский уезды); вице-канцлер П. П. Шафиров — 728 и 715 (Белгородский, Салтовский уезды); митрополит Белгородский — 1008 и 1005 (Белгородский, Хотмышский уезды) и т. д.⁹⁴

Новым явлением для первой трети XVIII в. было стремление русских феодалов обосноваться на плодородных землях Украины. Первыми туда устремились крупнейшие сановники и верхушка офицерства, которым в силу их высокого положения было лег-

⁹² ЦГАДА, Сенат, кн. 225, л. 757 и об.

⁹³ А. А. Новосельский. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства. — «Исторические записки», т. 4. М., 1938, стр. 21—40.

⁹⁴ П. Миллюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великого. СПб., 1905, стр. 405, прим. 2.

че получать земли в этом крае и преодолевать сопротивление украинской старшины. Большие вотчины на Украине получили А. Д. Меншиков, Г. И. Головкин, Б. Х. Миних⁹⁵, П. П. Шафиров, П. А. Толстой⁹⁶, Б. П. Шереметев⁹⁷ и др.

Многочисленные имения Меншикова находились в различных природных и экономических районах европейской части России, имели пестрый национальный и этнический состав. Эти факторы, а также определенные традиции в ведении хозяйства в различных районах страны наложили отпечаток на формы эксплуатации.

В этот период в хозяйстве Меншикова отчетливо наметился процесс замены натуральной и отработочной ренты денежной.

Если одни вотчины уже были полностью переведены на денежный оброк, то в других крестьяне находились на денежном и натуральном оброке, причем доля последнего уменьшалась. В 22 вотчинах, что составляло треть населения владений Меншикова, а без белорусских и украинских имений свыше 50%, была смешанная форма эксплуатации (барщина, натуральный и денежный оброки). Население 22 вотчин (26,5% всех крестьян без украинских и белорусских имений) было на оброке, причем в 16 вотчинах он взимался только в денежной форме.

Наличие такого крупного потребителя натуральных продуктов, каким был двор Меншикова, до известной степени сдерживало переход к денежной ренте в некоторых вотчинах Северо-Западного района и Нечерноземного центра. В то же время сохранение и даже расширение барщины в южных вотчинах было обусловлено выгодностью производства дешевого хлеба. Перевод десятков тысяч крестьян на денежную ренту стал экономически возможным потому, что рыночные отношения в России в первой трети XVIII в. достигли значительного развития⁹⁸.

Однако влияние внутреннего рынка на феодальное хозяйство проявлялось не только в смене форм ренты и расширении производства путем приобретения земли и рабочей силы, но и в широком развитии помещичьего предпринимательства. Часть дворян заводила многочисленные промыслы и мануфактуры, участвовала во внутренней и внешней торговле, занималась ростовщичеством, казенными подрядами и откупами. Эти новые черты были особенно заметны в хозяйстве крупных феодалов, которые имели больше возможностей приспособиться к развитию товарно-денежных отношений. К этому следует прибавить, что Меншиков занимал

⁹⁵ П. К. Алефиренко. Украинские маестности графов М. Г. Головкина и Б.-Х. Миниха в 30-х годах XVIII в.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960 г.» Киев, 1962, стр. 227, 231—233.

⁹⁶ Е. П. Карнович. Указ. соч., стр. 119; ЦГАДА, Сенат, оп. 113, кн. 1314, л. 54.

⁹⁷ К. Н. Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947, стр. 17.

⁹⁸ См. подробнее С. М. Троицкий. Районирование форм феодальной ренты в крупной вотчине России в первой четверти XVIII в., стр. 116—126.

исключительно высокое положение в государственном управлении и поэтому очень хорошо знал экономическую конъюнктуру на внутреннем и внешнем рынке. Он, в частности, возглавлял Ижорскую, а затем Ингерманландскую и Петербургскую канцелярии, которым Петр I поручал многие дела, связанные с осуществлением казенной монополии по закупке и вывозу за границу юфти, хлеба, пеньки, воска и других товаров. Нередко Меншиков даже оказывался опасным конкурентом казны⁹⁹.

Во владениях Меншикова имелись разнообразные промышленные предприятия. Среди них условно можно выделить две группы предприятий: 1) по переработке сельскохозяйственного сырья (кожевенные, винокуренные, парусные «заводы») и 2) по эксплуатации природных богатств (рыбные, салотопенные, солеваренные промыслы, поташные, кирпичные, стекольные «заводы», пильные мельницы, железоделательные «рудни»). В результате плохой сохранности хозяйственного архива Меншикова в большинстве случаев мы располагаем крайне отрывочными, порою весьма глухими сообщениями источников о существовании промышленных предприятий, так что трудно судить об их количестве и размерах, организации производства и сбыте продукции.

У Меншикова имелось несколько кожевенных «заводов». Одив из них, видимо, находился в подмосковных владениях. Сохранились известия о расходовании денег на его содержание. 12 февраля 1709 г. Меншиков в письме из Белгорода приказал управителю Кузьме Думашеву «отпустить к полковнику князь Григорию Волконскому (также служившему у Меншикова. — С. Т.) на строевые кожевенные заводы из домовых наших денег 5000 рублей»¹⁰⁰. В январе 1710 г., как явствует из счетного списка коменданта Копорья Л. Думашева, он израсходовал 227 руб. 16 алт. 4 д. на провоз до Москвы «до кожевенных заводов сала ворвань и отрубей», которые использовались для приготовления более высоких сортов «юфти», шедшей на шитье обуви¹⁰¹. В феврале того же года он дал приказчику «москвитина» П. Соколовского — Д. Турчанинову «на покупку яловичных кож, уксусу и сальных свеч и рогож кожевным заводам 1402 руб. 25 алт. 3 д.» В 1711 г. копорский комендант ежемесячно выдавал «кормовых денег» по 22 руб. 25 коп. для содержания 25 «мастеровых людей». В августе 1711 г. Л. Думашев дал копорскому солдату А. Ф. Холминову 32 руб. 16 алт.

⁹⁹ См. *Р. И. Козинцева*. Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в. — «Исторические записки», т. 91. М., 1973, стр. 269—270, 275, 277, 291—292, 298, 301, 321—323.

¹⁰⁰ ЦГАДА, Портфели Миллера, ч. 1, д. 2, л. 9 об.

¹⁰¹ Архив ЛОИИ, ф. А. Д. Меншикова, д. 5, л. 1 об. Начиная с 1715 г. правительство издало несколько указов, направленных на улучшение производства кожи: о замене дегтя ворванью, об обучении мастеров новым приемам и др. (*П. Г. Любомиров*. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX в. М., 1947, стр. 170—171).

«Иа поупку кож на кожевной завод»¹⁰². Эти данные свидетельствуют о том, что Меншиков имел кожевенный завод и в Копорском уезде. Еще один кожевенный завод находился в Раненбургской вотчине Меншикова (Козловский уезд). О его существовании мы узнаем из письма его дворецкого Г. Волконского от 30 июля 1710 г. дядю А. Я. Щукину, у которого князь поручил ему просить «о присылке в Оранибурх на кожевные и винокуренные заводы и к прочим управительствующимся тамо делам трех человек подъячих добрых». «Да при них еще прибавьте из молодых ребят, сколько прилишно, для письма, — писал Волконский, — понеже велию имеем нужду к тамошним правлениям»¹⁰³.

Нам не удалось найти сведения о дальнейшей судьбе кожевенных «заводов» Меншикова, количестве выпускавшейся ими продукции и ее сбыте. Однако известно, что в 1712 г. князь совместно с графом П. М. Апраксиным начал продавать в Силезии юфть, используя для этой цели купцов и приказчиков из Казани, где было развито кожевенное производство. Вскоре между компаньонами начались ссоры, Апраксин обвинял Меншикова в неуплате ему более 14,5 тыс. руб. В 1723 г. их спор разбирала комиссия Сената¹⁰⁴. Возможно, что какая-то часть продукции кожевенных заводов князя попадала и в Силезию (конец этого дела утрачен).

Имеются сведения о том, что в вотчинах Меншикова было три парусных «завода». Один из них был основан в 1714 г. на р. Клязьме в Московском уезде¹⁰⁵. 1 декабря 1718 г. князь заключил контракт «за руками пороховых мастеров Бархузена и Рютхерса на место на реке Клязьме, где парусные его светлости заводы, под строение пороховых заводов, за которое обещались платить на год... денег по 160 рублей да по бочке белого вина»¹⁰⁶. После опалы Меншикова его мануфактура была передана И. Тамесу, который платил в казну ежегодно 200 руб. оброка за мельницу на р. Клязьме, «хлебной и толченой пенечной анбар и парусной завод»¹⁰⁷.

Два других парусных завода Меншикова находились на Украине: близ г. Почепа и в Шептаковской волости (были пожалованы князю в 1709 г.) П. Г. Любомиров полагал, что они начали действовать лишь в 1727 г., хотя и не аргументировал это мнение

¹⁰² Архив ЛОИИ, ф. А. Д. Меншикова, д. 5, лл. 4—5. И. К. Кирилов отметил, что близ Петербурга на р. Нарве существовало «строение пильной мельницы и кожевное пумповое дело», но не указал его владельца (И. К. Кирилов. Цветущее состояние Всероссийского государства, кн. 1. М., 1831, стр. 30).

¹⁰³ ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 1025, лл. 40—41 об.

¹⁰⁴ ЦГАДА, ф. А. Д. Меншикова, д. 218, лл. 84—85.

¹⁰⁵ Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953, стр. 352—353, 512—513; ОПИ ГИМ, ф. А. Д. Меншикова, д. 10, л. 12. 3 февраля 1726 г. в Петербургскую таможенно было явлено 475 кусков (23 750 аршин) парусного полотна с этой фабрики («Щукинский сборник», вып. 9. М., 1910, стр. 32).

¹⁰⁶ ЦГАДА, Портфели Миллера, ч. 3, д. 5, л. 14.

¹⁰⁷ ЦГАДА, Сенат, кн. 234, л. 41 об.

источниками¹⁰⁸. Почейский парусный завод был, видимо, значительным предприятием. Во время описи владений Меншикова на нем было 459 кусков готового полотна и 8972 пуда 33 ф. «пеньки наличной и в работе»¹⁰⁹. Продукция парусных мануфактур Меншикова, как увидим далее, регулярно поступала на европейский рынок.

В Ивановской вотчине (Севский уезд) и украинских владениях (Почеп, Ямполь, Шептаковская волость и др.)¹¹⁰ Меншиков имел винокуренные заводы. Несомненно, что винокуренные заводы были в южных вотчинах, а также в поволжских имениях князя¹¹¹, ибо эти районы являлись крупными центрами производства вина¹¹². Продукция винокуренных заводов не только шла на удовлетворение нужд княжеского двора, но и поставлялась на продажу в казенные кабаки. Так, в 1709 г. Меншиков отправил в Копорье вино, за которое ему причиталось денег 2909 руб. 31 алт. 5¹/₂ д.¹¹³ Меншиков подряжался ставить вино в казну и в другие годы из южных, украинских и прочих вотчин¹¹⁴. Поставка вина в казенные кабаки была настолько выгодным делом, что в 1711 г. Меншиков вместе с Леденгским усольем купил в Тотемском уезде Шемохоцкие винокуренные заводы. В 1719 г. его агенты поставили с них по 2000 ведер на кружечные дворы в Архангельск и в Соль Вычегодскую, получая по 20 алт. за ведро¹¹⁵.

В хозяйстве Меншикова имелось несколько предприятий, использовавших естественные богатства. Прежде всего следует назвать богатые рыбные промыслы по Волге, особенно в Усольской волости¹¹⁶ Симбирского уезда и в Новоспасской слободе Саратов-

¹⁰⁸ П. Г. Любомиров. Указ. соч., стр. 69.

¹⁰⁹ ЦГАДА, Сенат, кн. 234, лл. 53 об., 62.

¹¹⁰ ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 1023, л. 40, об.; XI р., д. 70, л. 63 об.; Сенат, кн. 234, лл. 54—54 об., 55 об.—56, 59 об., 62 и др.; Архив ЛОИИ, ф. А. Д. Меншикова, д. 50, л. 5 и др.

¹¹¹ Так, Черемшанская волость Казанского уезда, Новоалександровская слобода Симбирского уезда до пожалования Меншикову были приписаны к винокуренным заводам царя (ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 70, лл. 68 об.—69). В 1737 г. во время переписи канцелярских служителей секретарь Канцелярии от строений А. Орлов сообщил, что он с 1711 г. по его просьбе был определен «к вотчинным делам князя Меншикова» и служил под началом его комиссара А. Сергеева «в низовых городах» на винокуренных заводах (в 1710 г. Меншиков захватил 4 казенных завода). В 1715 г., по указу Петра I, «винокуренным заводам, которые строены в низовых городех на ясячных и на протчих землях, а владели ими бес повелительного указа Меншиков, велено быть казенными» (ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 203, л. 687 и об.).

¹¹² В. Д. Димитриев. История Чувашии XVIII в. Чебоксары, 1959, стр. 72—73, 113—116; П. И. Павленко. Указ. соч., стр. 438—441; М. Я. Волков, С. М. Троицкий. О буржуазном расслоении крестьян и складывании рынка наемной рабочей силы в России в первой половине XVIII в.—«История СССР», 1965, № 4, стр. 99—101.

¹¹³ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. II, кн. 16, л. 929 и об.

¹¹⁴ Там же, XI р., д. 393, л. 49 об.

¹¹⁵ ЦГАДА, ф. А. Д. Меншикова, д. 218, л. 76.

¹¹⁶ ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 70, лл. 70 об.—79.

ского уезда. Для ловли рыбы Меншиков использовал не только собственных крепостных, но и нанимал крестьян-отходников и беглых для перевозки рыбы по Волге летом и зимой на саях в Москву и Петербург. В приходной книге за 1724 г. имеется указание, что часть денежного оброка с крестьян Малыковской слободы (1151 руб. 10 алт. 4 д.) была израсходована в этой вотчине «на покупку крестьян, и на рыбных промыслах роздано в задатки и на прочее»¹¹⁷. В тех приволжских селах и слободах, население которых кормилось главным образом рыбной ловлей, одной из статей дохода феодала был сбор по 10 коп. с человека, являвшегося с паспортом для заработка. Так, в 20-х годах XVIII в. в Усольской вотчине ежегодно собиралось в казну князя 8 руб. 60 коп., в Новоспаской волости — 22 руб. 80 коп.¹¹⁸ Следовательно, только легально Меншиков нанимал на рыбных промыслах ежегодно 314 чел. Эксплуатируя труд наемных работников из числа крестьян-отходников и пришлых людей, князь следовал примеру купцов и посадских людей¹¹⁹. Часть вылавливаемой рыбы Меншиков выбрасывал на рынок. В мае 1724 г. в его Московскую контору от купца С. Е. Шадрина поступило 411 руб. 10 коп. «за отданную ему из двора его светлости белужину и осетрину свежую и соленую за икру и за прочее»¹²⁰. После конфискации этих имений в 30—40-х годах XVIII в. рыба отсюда поступала крупными партиями на рынок¹²¹.

Меншиков очень скоро оценил, какую выгоду дает торговля рыбой в Поморье. В январе 1703 г. он получил от Петра I право создать на Белом море компанию по добыче морских зверей (тюленей и моржей) и ловли трески. В компанию вместе с Меншиковым вошли вице-канцлер П. П. Шафиров и его брат Михаил и купцы И. Григорьев и С. Копьев. В 1713 г. доля капитала Меншикова составляла в компании 3000 руб. Шафиров вложил 1000 руб., его брат — 2000, И. Григорьев — 2000, С. Копьев — 500 руб.¹²² Эта компания не только промышляла морского зверя и ловила рыбу, но на кабальных условиях скупала у населения Поморья треску, ворвань, которые вывозила за границу или продавала на месте иноземным купцам¹²³. Однако в общем балансе товаров, вывозимых из России через Архангельский порт, монопольные продукты компании Меншикова составляли небольшую долю — 1,9%

¹¹⁷ ОПИ ГИМ, ф. А. Д. Меншикова, д. 10, лл. 110 об.— 111.

¹¹⁸ ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 70, лл. 75 об., 78.

¹¹⁹ Ср. Н. Б. Голикова. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII в. М., 1965, стр. 62—102.

¹²⁰ ОПИ ГИМ, ф. А. Д. Меншикова, д. 10, л. 112.

¹²¹ Ср. Е. Н. Кушева. Торговля Москвы в 30—40-х годах XVIII в.— «Исторические записки», т. 23. М., 1947, стр. 53—54.

¹²² ЦГАДА, ф. А. Д. Меншикова, д. 3, лл. 1—2 об.

¹²³ А. С. Лаппо-Данилевский. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII ст. СПб., 1899, стр. 41—42, 89—90 и др.; ЦГАДА, Канцелярия конфискации, оп. 1, ч. 6, кн. 14452, лл. 304, 313.

всего вывоза в 1710 г. (треска — 3 тыс. руб., сало вóрванное — 24 тыс. руб.)¹²⁴. Многочисленные злоупотребления Меншикова привели к тому, что в 1721 г. Петр I решил создать новую купеческую компанию во главе с М. Г. Евреиновым и дать ему привилегию¹²⁵.

В хозяйстве Меншикова лесные богатства для извлечения дохода использовались в различной форме: в лесах поволжских вотчин крестьяне собирали мед-сырец, который частично продавался на рынке¹²⁶; в Ивановской вотчине имелся поташный завод, продукция которого поступала на рынок, в том числе и на внешний¹²⁷.

Имея огромное хозяйство, которое он все время расширял, Меншиков вел большие строительные работы. Известно, что Меншиков питал особое пристрастие к постройкам. «Он вечно что-нибудь строит, — писал А. Голомбиевский, — то обстраивает усадьбы в своих многочисленных вотчинах, то строит церкви с башнями и курантами, то оранжереи, фабрики и заводы, то, наконец, какие-то особенные со стеклянными куполами бани, до которых был большой охотник, и всюду сам лично следит за рабочими, ночует на стройках»¹²⁸.

В хозяйстве Меншикова был постоянный спрос на строительные материалы. Крестьяне подмосковной Мячковской волости поставляли князю белый камень для построек. В Копорском, Нарвском, Ладожском и Петербургском уездах во владениях Меншикова имелись лесопильные мельницы. Так, в Ладожском уезде на р. Назе была мельница, на которой «пиловались доски про домовый обиход князя Меншикова». В 1728 г. на ней отмечено 8 «пиловальщиков из солдат», получавших ежегодно по 5 руб., не считая жалованья хлебом, крупой и солью. Другие мельницы не только обслуживали хозяйство феодала, но и приносили ему значительный доход. Оброчный сбор за аренду одной лишь мельницы в Нарвском уезде составил в 1724 г. 3668 руб. 71 коп.¹²⁹ Эта мельница была крупным, хорошо оборудованным по тем временам предприятием. На нарвскую мельницу Меншиков посылал учиться крестьян. 8 сентября 1717 г. князь направил солдат Копорского гарнизона, которых он использовал для работы в своем хозяйстве, «на пильные мельницы для науки». В 1722 г. он распорядился послать «на

¹²⁴ Р. И. Козинцева. Внешнеторговый оборот Архангелогородской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка. — «Исследования по истории феодально-крепостнической России». М.—Л., 1964, стр. 123—124, 125.

¹²⁵ А. С. Лаппо-Данилевский. Указ. соч., стр. 118; Р. И. Козинцева. Участие казны во внешней торговле России, стр. 322.

¹²⁶ ОПИ ГИМ, ф. А. Д. Меншикова, д. 10, л. 112.

¹²⁷ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. II, кн. 90, л. 880 об.

¹²⁸ А. Голомбиевский. Александр Данилович Меншиков. — «Сборник биографий кавалергардов», т. I, стр. 96.

¹²⁹ ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 70, лл. 8, 14.

время» в Вышний Волочок к каналному мастеру М. И. Сердюкову «нашего пильного подмастерья Петра Иванова», «которого он, Сердюков, будет содержать на своем коште»¹³⁰.

Рост спроса на строительные материалы в Петербурге, а также на внешнем рынке приводил к тому, что Меншиков расширял свои пильные мельницы, 4 августа 1727 г. управитель нарвской мельницы Г. Логинов сообщал князю, что купил за 20 руб. мельничное место «у здешней жительницы иноземки Кинтлерши». Один иноземный мастер готов по контракту выстроить новую мельницу, для чего нужно 20 плотников и инструменты (валики, шестерни, колеса, пила и т. п.), которых нет ни в Нарве, ни в Петербурге. Нужные инструменты надо поискать на Олонецких Петровских заводах, а если и там их нет, то «соблаговолите мне приказать выписать из Голландии»¹³¹. Такое значительное предприятие, как нарвская пильная мельница, вероятно, работало не только на внутренний рынок, но и на внешний, ибо через Нарвский порт шла оживленная торговля мачтовым лесом, брусьями, досками¹³².

В 1711 г. Меншиков купил у торгового человека гостиной сотни И. Грудцына в Тотемском уезде Ширшемскую пильную мельницу, которую отдал на оброк вологодскому купцу Я. Хлебникову с детьми. Доски с этой мельницы покупали жители Поморья и иностранные купцы¹³³.

В Петербурге на р. Ижоре Меншиков имел кирпичные заводы, обслуживавшиеся трудом зависимых от него крестьян Дружинской (Новгородский уезд) и других вотчин, для которых эта работа была разновидностью барщины¹³⁴. Часть продукции этих заводов тоже поступала в продажу. Среди многочисленных обвинений в злоупотреблениях в 1715 г. Меншикову инкриминировалась продажа кирпича в «домы государевы дорогою ценою»¹³⁵.

В погоне за деньгами Меншиков в 1711 г. купил у того же И. Грудцына в Тотемском уезде за 40 тыс. руб. Леденгский и Пускинский соляные промыслы, а также пильную мельницу и винокуренные заводы. На Леденгском усолье было 435 душ. Леденгский промысел и другие предприятия он отдал в аренду вологодскому купцу Я. Хлебникову и его сыновьям Денису и Илье, а также комиссару С. Акишеву, которые обязались платить ему в пер-

¹³⁰ Архив ЛОИИ, ф. А. Д. Меншикова, д. 30, л. 13 об.; П. Г. Любомиров. Указ. соч., стр. 241; ОР ГБЛ, ф. А. Д. Меншикова, картон 15, д. 3, л. 22.

¹³¹ Архив ЛОИИ, ф. А. Д. Меншикова, д. 12, лл. 25—27.

¹³² И. К. Кирилов. Указ. соч., стр. 37.

¹³³ ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 70, л. 21; Р. И. Козинцева. Внешнеторговый оборот Архангелогородской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка, стр. 124, прим. 17.

¹³⁴ ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 194, л. 35. Строительство каменных зданий в Петербурге вызвало большой спрос на строительные материалы. Кирпичные заводы имели и некоторые другие сановники.

¹³⁵ Там же, IX р., Отд. II, кн. 88, л. 157.

вые 5 лет по 400 руб. ежегодно, а затем каждый год по 1000 руб. откупных денег ¹³⁶.

В хозяйстве Меншикова имелись стекольный и хрустальный заводы в Ямбургском уезде, а также стекольные гуты в Шептаковской волости и завод в Почепе. К стекольным гутам Шептаковской волости было приписано 52 двора мастеровых и работных людей ¹³⁷. Наиболее крупным предприятием мануфактурного типа был Ямбургский завод. О времени его постройки не сохранилось точных сведений. Когда Меншиков задумал создать описание своих подвигов и деяний, его биограф отметил «некоторые сумнительства, которые требуют изъяснения для умножения истории», и в их числе записал: «Фабрика стеклянная в Ямбурху и на Сестре реке, в котором году началась?» ¹³⁸ В меншиковских бумагах есть запись: «Ямбургские хрустальные заводы учреждены князем Меншиковым прежде 1710 году» ¹³⁹. В качестве неквалифицированной рабочей силы на заводе использовались зависимые от Меншикова крестьяне, солдаты копорского гарнизона. Например, крестьяне Ямбургских мыз в числе других повинностей должны были ежегодно поставлять к печам завода «березовых и ольховых поленных дров» 2380 сажень в год ¹⁴⁰.

На заводе существовала высокая степень разделения труда. По «Окладному списку служителем дому князя Меншикова» от 21 января 1728 г., на заводе имелось постоянных работников 91 чел. Среди них были мастера «горшечного дела», «посудного хрустального дела», «от составления хрустальной материи», «от точки и полировки зеркальных стекол», «резного посудного дела», «дутья кругов зеркальных стекол», «пережигания материи», плотники, столяры, каменщики, кузнецы и многочисленные ученики разных специальностей. Большинство мастеров и рабочих были русскими, выходцами из среды крестьян, солдат, пушкарей, посадских людей, низшего духовенства. В 1728 г. на заводе был также «из московских мастеровых с Воробьевских заводов стеклянного дела от составления материи» К. Калинин, приглашенный, видимо, как крупный специалист и получавший высокий оклад. За свою работу мастера, рабочие и ученики получали денежное, а мастера и семейные работники еще и натуральные жалованье (хлеб, крупа, соль) ¹⁴¹. На заводе служили и иностранные специалисты ¹⁴².

¹³⁶ С. М. Троицкий. Переписная книга Леденгского усолья князя А. Д. Меншикова. — «Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник». Вологда, 1970, стр. 344—345.

¹³⁷ ЦГАДА, Сенат, кн. 234, лл. 56, 62—62 об.

¹³⁸ ЦГАДА, Портфели Миллера, ч. 1, д. 3, л. 2 об.

¹³⁹ Там же, д. 5, л. 5.

¹⁴⁰ ЦГАДА, Сенат, кн. 234, л. 10 об.

¹⁴¹ ЦГАДА, Госархив, VI р., д. 160, ч. 1, кн. 2, лл. 174 об.—182 об.; Архив ЛОИИ, ф. А. Д. Меншикова, д. 39, л. 81 и др.

¹⁴² В ноябре 1723 г. «резпой мастер» Ягап Меннарт подал челобитную князю с просьбой освободить от службы на заводе, ибо за 10 лет работы «получил себе скорбные глаза, отчего и мало вижу» (ЦГАДА, ф. А. Д. Меншикова, д. 194, л. 75).

Продукция Ямбургского завода шла в основном на удовлетворение нужд огромного хозяйства Меншикова, постоянно дававшего заказы на изготовление оконного и зеркального стекла, посуды и т. п.¹⁴³ В штате Петербургской домовый канцелярии князя имелся специальный подьячий, бывший рейтарский сын Иван Сафонов, а «у него на руках магазинны с разною всякою хрустальною и стекляною посудою и зеркалами, у него ж повытье Ямбурх с присутственными мызами»¹⁴⁴.

Часть продукции Ямбургского завода предприимчивый хозяин сбывал жителям Петербурга, для чего имел специального человека в штате вотчинной администрации: «Лавошной сиделец из солдат Иван Прохоров. Сидит на Гостином дворе в лавке у продажи всякой хрустальной и стекляной посуды и зеркал»¹⁴⁵. Продукция Ямбургского завода была хорошо известна современникам своим высоким качеством. В 1724 г. Екатерины I через М. Олсуфьева приказала Меншикову «на собственном вашей светлости стеклянном заводе сделать стеклянный сервиз, с блюдецками, с чашками и рюмками на шалее самой лучшей работы»¹⁴⁶.

Мы не располагаем сколько-нибудь полными сведениями о работе стекольных заводов в украинских владениях Меншикова. Известно лишь, что в ноябре 1726 г. один из управителей доносил в Петербург, что Почепский стекольный завод, построенный управителем Богданом Родионовым, ныне «лежит в пусте, а мастеров де обретается 6 человек»¹⁴⁷. Наконец, в 1713 г. в слободе Улица Трубчевского уезда управитель г. Ямполья, принадлежавшего Меншикову, построил стекольный завод и отдал в 1713 г. в оброчное содержание ямпольскому жителю А. Автомонову, за 90 руб. в год. Завод был предприятием мануфактурного типа¹⁴⁸.

Чтобы завершить перечень промышленных предприятий Меншикова, укажем, что на Украине в Шептаковской волости у него было две рудни, в которых выплавляли железо. Для их обслуживания было определено 40 дворов мастеровых и работных людей¹⁴⁹.

Приведенный выше фактический материал о промышленных предприятиях в вотчине князя Меншикова, несмотря на свою неполноту, весьма показателен для сдвигов, происходивших в первой трети XVIII в. в крупном феодальном хозяйстве под влиянием денежных отношений. В вотчинах Меншикова, расположенных в разных природных и экономических районах России, возникали

¹⁴³ ЦГАДА, Портфели Миллера, ч. 1, д. 2, л. 52 об.

¹⁴⁴ ЦГАДА, ф. А. Д. Меншикова, д. 266, л. 50.

¹⁴⁵ Там же, л. 52.

¹⁴⁶ «Русский архив», т. III. СПб., 1883, стр. 68.

¹⁴⁷ «Щукинский сборник», вып. 9, стр. 99.

¹⁴⁸ М. Я. Волков. Стекольные заводы Юго-Западной России в первой четверти XVIII в.— «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 289.

¹⁴⁹ ЦГАДА, Сенат, кв. 234, л. 62 об.

промышленные предприятия, которые не только обслуживали потребности княжеского двора, но начинали поставлять товары казне и на рынок. Часть этих предприятий использовала в той или иной мере труд наемных работников.

Перечень промышленных заведений и ассортимент их продукции свидетельствуют о том, что феодал быстро откликнулся на запросы внутреннего и, как мы покажем далее, внешнего рынка. С этой целью он не только сам строил различные «заводы», но и покупал готовые, расходуя на эти цели крупные средства. Меншиков обращал свое внимание на предприятия легкой промышленности, связанной главным образом с использованием сельскохозяйственного сырья, и на старинные промыслы, где требовалось меньше затрат на организацию производства и скорее можно было получить прибыль.

* * *

Новым явлением для изучаемого времени было широкое участие крупного феодала во внутренней и внешней торговле. Объектом своих коммерческих операций Меншиков первоначально избрал Москву — крупнейший политический и экономический центр страны. После разгрома восстаний стрельцов Петр I конфисковал их земли и раздавал приближенным из числа крупных сановников и чиновной братии. Меншикову Петр I в 1700 г. дал «безденежно» отписные три двора, лавки, харчевни, мельницы, бани «в Садовниках», в 1701 г. «за Сретенскими воротами» и в других районах Москвы¹⁵⁰.

Начиная с конца XVII в. и вплоть до своего падения осенью 1727 г., удачливый фаворит расширял свои владения в Москве, методично скупая землю, дома, лавки, торговые места, харчевни, постоянные места, расходуя на эти цели крупные денежные суммы. По неполным сведениям, в 1699—1722 гг. Меншиков истратил свыше 9 тыс. руб. на приобретение земли, лавок, домов и т. д.¹⁵¹ Свои операции по скупке городской недвижимости князь не ограничивал одной Москвой. Так, например, в 1710 г., после того как мещане Яким и Евстафий Бороховичевы не уплатили в срок Меншикову долг в 500 золотых талеров, их участки земли и лавки в торговых рядах Могилева перешли в собственность князя, сдавшего их на откуп¹⁵². Скупку недвижимой собственности в городах Меншиков сопровождал раздачей денег в долг на кабальных условиях.

Лавки, бани, харчевни, мельницы, торговые места, затворы, погребя и т. п. Меншиков сдавал на оброк мелкому торговому

¹⁵⁰ ЦГАДА, Портфели Миллера, ч. 1, д. 5, л. 11; ф. А. Д. Меншикова, д. 258, л. 10.

¹⁵¹ С. М. Троицкий. Хозяйство крупного сановника России в первой четверти XVIII в.— «Россия в период реформ Петра I». М., 1973, стр. 239.

¹⁵² ОР ГБЛ, ф. А. Д. Меншикова, картон 11, д. 12, лл. 1—2.

люду. Среди его арендаторов в Москве были купцы, посадские люди, «компанейщик Суконного двора В. Щеголин с товарищи», «портомойный сторож» царского двора И. Михайлов, его собственные, а также помещицы, монастырские, дворцовые крестьяне-отходники и многие другие. В 20-х годах XVIII в. Меншиков ежегодно получал с них 1140 руб. 47 коп. оброка¹⁵³.

Приобретая городскую недвижимость, Меншиков не только наживался за счет сборов с развития торговли и промышленности в городах. Исключительный интерес представляют данные о заведении «светлейшим» князем первого в России доходного дома. Пользуясь тем, что в новой столице — Петербурге остро стоял вопрос с жильем, Меншиков, купив у генерал-майора Г. П. Чернышева за долги дом на Адмиралтейской стороне, стал сдавать его в наем. Сохранилось поданное 3 сентября 1724 г. Меншикову «служителем» его домового канцелярии Н. И. Струнинным «Ведение, коликое число в мазанках его светлости и в Чернышевском его светлости доме обретаецца жильцов и во скольких полатах и почему платят на месяц, явствует ниже сего, а именно нынешнего 724-го году генваря с 1 дня».

Среди «мазанок» один дом стоял «в пусе», во втором «в одной каморке» жил с 20 июля «цдинный мастер» Екатерины I Николай Угонтов, обязавшийся платить 40 алт. в месяц. В третьем доме за такую же цену «нанял каморку торговый человек иноземец Михайло Крестьянов сын Книн». Его соседями были крестьяне-отходники вдовы фельдмаршала графа Б. П. Шереметева Федор Алексеев «с товарищи», снявшие 14 февраля «одну палату да погреб» за 40 руб. в год. Алексеев с 5 апреля на месяц нанимал еще одну «каморку» за 40 алт. В следующей «полате» лежала «поклажа» голландца И. Тамеса, еще не внесшего свою плату с мая по август (5 руб.) в казну князя. В этом же доме «в средней полате» месяц (со 2 июня) жили «плотники разных помещиков». В последней «каморке» жила «иноземка» Анна Ивановна.

В четвертом доме, где, видимо, были получше помещения, в отдельных комнатах жили «иноземцы»: Исай Петров, «каретный» мастер Магниер Яган Боман, «трубач» Борис Цнсс, да «в двух каморках живет музыкант его светлости Готфрид Цнит». Еще две комнаты арендовал для хранения товаров Тамес. В следующем, пятом, доме «в одной каморке живут иноземцы адмиралтейского ведения боцманматы Яган Корнилов сын Борт, Рулес Руль, Ян Крус». Их соседями были «литаврщик Винтер Густав» и «каменщики разных помещиков».

Вблизи от «мазанок» были выстроены «три харчевенные лавки», которые снабжали припасами жильцов князя, а также, вероятно, мелкий трудовой люд Петербурга. Их содержали разные лица: крестьянин-отходник князя Д. М. Голицына — Д. А. Кругли-

¹⁵³ ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 65; д. 70, лл. 43—44; ОПИ ГИМ, ф. А. Д. Меншикова, д. 10, л. 114 и об. и др.

ков, оброчный крестьянин «служителя» Меншикова К. Думашева — Т. Семенов и крестьянин Новоспасского монастыря (Костромская провинция) В. Иванов, обязанные платить князю ежегодно по 6 руб.¹⁵⁴

«Ведение» Н. И. Струнина дает представление и о тех людях, которые «наймывали» помещения «в Чернышевском доме в нижнем жилье». В одной «полате» жил переводчик Адмиралтейства Яган Толман, а в трех «каморках» — иноземка Софья Григорьева, с которой брали по 4 руб. в месяц, «в двух больших каморках» — «адмиралтейского ведения прапорщик Лукьян Сергеев Пушкин». «В верхнем жилье» снимал 2 «полаты» и 2 «каморки» «служитель голштинского герцога Липман». В «деревянных хоромах» этого же дома «в одной малой комнате» жил кухмистер адмирала Крюйса Ф. К. Барабанов, отдельные «светлицы» занимали «француз Рус, француз Петров», Симон Яганов. В маленькой «каморке» ютился денщик доктора Палия — Г. Л. Соколов. Наконец, 18 июля 1724 г. конюх генерала Бассевича нанял у Меншикова за 5 руб. в месяц конюшню и каморку¹⁵⁵.

Приведенные данные свидетельствуют о чрезвычайно пестром социальном и национальном составе жильцов доходного дома Меншикова. Употребляя современное выражение, в ведомости на квартплату названо 19 жильцов. Кроме того, в трех комнатах жило по несколько человек из артелей крестьян-отходников, работавших в Петербурге каменщиками.

Используя данные о плате в месяц за найм «каморок» и «полат», нетрудно подсчитать общую сумму, которую Меншиков получал от эксплуатации доходного дома. Она составляла 369 руб. 60 коп. в год. Если прибавить к ним 18 руб. оброка с «трех харчевенных лавок», а также плату за аренду первого дома, который, видимо, не всегда стоял «в пусте», то «светлейший князь» получал довольно значительную сумму — не менее 400 руб. ежегодно.

Участие Меншикова в торговле не ограничивалось сбытом на рынке части продукции его промышленных предприятий и скупкой городской недвижимой собственности, отдаваемой им на оброк. Часть продуктов, поступавших к князю в форме натурального оброка, а также от эксплуатации труда крестьян на барщине, регулярно, в течение всего изучаемого нами периода отправлялась на рынок. Приказчики и торговые агенты Меншикова доставляли в Петербург из его вотчин крупные партии хлеба, рыбы, хмеля, меда-сырца и других сельскохозяйственных продуктов, о чем ежегодно Петербургская домовая канцелярия рассылала указы¹⁵⁶. Большая часть продуктов сушей или водой доставлялась в с. Гордня Тверского уезда, а отсюда вверх по Волге и далее по каналам и озерам шла в Петербург. С юга и Украины продукты шли

¹⁵⁴ ОПИ ГИМ, ф. А. Д. Меншикова, д. 12, лл. 17—18 об.

¹⁵⁵ Там же, л. 19 и об.

¹⁵⁶ Архив ЛОИИ, ф. А. Д. Меншикова, д. 30, лл. 60—61.

в Петербург через Гжатскую пристань¹⁵⁷. В перевозке хлеба, пеньки, хмеля и других продуктов участвовали меншиковские крестьяне, а также крепостные соседних помещиков и иногда купцы и посадские люди. Так, 3 марта 1726 г. «купецкий человек» Борисоглебской слободы Ярославского уезда Ф. Г. Ерофеев подрядился на своих судах доставить в 1726 и 1727 гг. по 5 тыс. кулей ржаной муки из с. Поромзино Городище Алаторского уезда, взяв за работу по 30 алт. за куль (9 пуд.)¹⁵⁸. Часть продуктов приказчики Меншикова продавали в Петербурге и Москве или отдавали на комиссию купцам¹⁵⁹.

Поскольку лен, пенька, хлеб, конопляное масло, парусное полотно, смольчуга, говяжье сало пользовались большим спросом на европейском рынке, Меншиков, будучи хорошо осведомлен о казенной торговле этими товарами, очень рано сам начал продавать их иностранным купцам. При этом он не ограничивался продажей производимых в его хозяйстве продуктов, а скупал их в различных районах России, иногда поставляя хлеб казне для содержания армии¹⁶⁰.

Через Архангельский порт Меншиков отпускал в Голландию, Германию, Англию хлеб, пеньку, рыбу, доски, воск, сало, ворвань, а взамен ввозил ткани, посуду, вино, предметы роскоши. Сохранившиеся источники не позволяют проследить размер внешнеторговых операций князя за все годы. Так, в 1713 г. Меншиков отправил за границу 749 пуд. 30 ф. пеньки (712 руб. 26 коп.), 398 четв. ржи (398 руб.) и другие товары. В следующем году он продал на 1019 руб. ржи, на 2456 руб. пеньки¹⁶¹. В последующие годы кроме пеньки и хлеба он продавал на небольшие суммы рыбу, доски, воск, сало «гретое», канаты, скупая их у населения Поморья, а также частично, видимо, привозя из других уездов России.

Строительство Петербурга, куда была перенесена столица государства, и расширение экономических связей с западноевропейскими странами способствовали росту спроса на продукты питания, промышленные товары. Петербург начал играть важную роль во внешней торговле России, постепенно оттесняя на второй план Архангельск и Ригу, чему немало способствовала политика Петра I, поощрявшего торг через новый порт.

Меншиков быстро учел, какие заманчивые перспективы сулит внешняя торговля в новой столице, и развернул кипучую деятельность. После издания указа от 31 октября 1713 г. о том, чтобы юфть и пеньку на экспорт везти из Московской и ряда других губерний только в новую столицу¹⁶², Меншиков в известной мере

¹⁵⁷ «Шукинский сборник», вып. 9, стр. 20, 36—40, 41, 61 и др.

¹⁵⁸ Там же, стр. 24—25.

¹⁵⁹ ОПИ ГИМ, ф. А. Д. Меншикова, д. 10, лл. 112 и об., 114.

¹⁶⁰ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. II, кн. 88, л. 157.

¹⁶¹ Там же, кн. 90, лл. 394, 404.

¹⁶² ПСЗ, т. V, № 2732; см. также № 2737, 2784 и др.

переориентировал свои коммерческие операции на Петербург. Торговые сделки через Архангельск стали играть меньшую роль. В 1711—1727 гг. он вывозил из Петербурга за границу пеньку, лен, конопляное масло, смольчугу, парусное полотно и другие товары.

По данным Петербургской таможни, в 1721 г. «служитель» князя Н. Вязмин привез оставшихся 1300 концов парусного полотна, 17 571 пуд «пеньки чистой и в бунтах». Затем он явил «без выписки за домовым обиходом» Меншикова 70 бочек масла конопляного и другие продукты. В том же 1721 г. Вязмин отправил «за море с иноземцем Христофором Брангиным» на галиоте «Сант Яган» у «корабельщика Ягана Збранта» 1207 кусков полотна по 6 руб. за кусок. В мае он продал английскому купцу Гилио Эвансу 300 бунтов пеньки по 1 руб. за берковец¹⁶³, 12 июля — «петербургскому жителю Сидору Томилину» 66 бочек конопляного масла весом «без дерева» 1646 пудов 20 ф. по 1 руб. за пуд. Томилин приобрел также «без торговой записи» 30 кусков парусины за 180 руб. 12 июля «корабельщик» «Санкт-Петергофа» купил у Вязмина 100 кусков полотна: 31 июля голландцы Варфоломей Боршт и Андрей Бодышко — 30 бочек конопляного масла и т. д. Всего агент Меншикова продал в 1721 г. товаров на 17 916 руб. 50 коп., уплатив различного рода пошлин 1264 руб. 23 алт. 2 д.¹⁶⁴ В 1722 г. Вязмин продал «за море» 13 671 пуд 35 ф. «чистой» пеньки по 10 руб. берковец, 343 пуда 5 ф. «получистой» по 7 руб. 50 коп. берковец, 193 пуда 10 ф. «пряжи пеньковой» по 8 руб. берковец, 1740 пудов 15 ф. «пряжи пакленой» по 8 руб. берковец, 30 бочек смольчуги «топлой» по 120 руб. Кроме того, он сбыв в городе «любского корабля корабельщику Матиссу Меллеру» 50 кусков парусного полотна по 6 руб. 20 коп. за кусок. Всего в 1722 г. меншиковские агенты продали за границу товаров на 20 693 руб. 37 коп.¹⁶⁵ В 1724 г. Меншиков продал голландским, немецким и английским купцам 14 015 пудов пеньки, 1933 пуда пряжи, 1709 пудов конопляного масла, 1061 кусок полотна и т. д., всего на 23 529 руб. 40 коп. В 1725 г. торговля шла, видимо, хуже, ибо Меншиков сбыв всего 6551 пудов пеньки, 1175 пудов пряжи, 1978 кусков парусного полотна, а остальные товары представил в следующем году¹⁶⁶.

Источники позволяют выяснить, в каких районах России закупал Меншиков товары, идущие на экспорт. Так, по данным Киевской губернской канцелярии, присланным в Сенат в 1714 г., агенты Меншикова скупили 16 887 пудов пеньки в Брянском, Орловском, Севском, Трубчевском и других южных уездах. Среди работавших на князя скупщиков мы встречаем не только его слуг, но и жителей южных городов, хорошо знавших местный рынок.

¹⁶³ Берковец = 10 пудам.

¹⁶⁴ ОПИ ГИМ, ф. А. Д. Меншикова, д. 14, лл. 61—63 об.

¹⁶⁵ Там же, лл. 67—69 об.

¹⁶⁶ Там же, лл. 71—79.

В 1714 г. «купчина» Меншикова Иван Долгов явил в таможенную Ка-
рачева 500 пудов чистой пеньки, купленной в уезде по 3 руб.
50 коп. берковец. Посадский человек Калуги Григорий Коробов
записал в Брянской таможене по трем явкам на имя князя «уезд-
ной покупки» пеньки чистой 4526 пудов (1428 руб.), другие «куп-
чины», тоже калужане, Калина Трапезников, Евсений Носов,
Карп Милютин (у него было 2 явки) заявили в Брянске соответ-
ственно 600 (180 руб.), 520 (166 руб. 40 коп.) и 1419 пудов
(482 руб. 10 коп.). «Брянский житель» Нестер Чистой привез в та-
можню 1916 пудов пеньки. Служившие в брянских вотчинах Мен-
шикова работники И. П. Похвиснев и С. Андросов скупили в уез-
де 2630 пудов (764 руб. 91 коп.) и т. д. Вся эта пенька отпра-
влялась в Петербург через Гжатскую пристань или Москву¹⁶⁷.
В использованных выше выписях Петербургской таможни отме-
чалось, что Меншиков торговал пенькой, доставленной по «брян-
ским» и «московским» выписям. Это свидетельствует о том, что
закупка пеньки в южных уездах продолжалась и в 20-х годах.
Примечательно, что в этих же уездах находилось много собствен-
ных вотчин князя. Именно на южной окраине России он расши-
рял свое хозяйство за счет приобретения земли и рабочих рук.

Вторым районом, откуда черпал князь товары для экспорта,
была Левобережная Украина, имевшая в изучаемое время тесные
хозяйственные связи с Россией. Сразу же после получения город-
ов Почепа, Ямполья и других владений на Украине в 1709 г. Мен-
шиков организовал вывоз пеньки, хлеба, вина и прочих продук-
тов в Москву и Петербург¹⁶⁸. Так, 9 июня 1711 г. управитель По-
чепской вотчины М. Павлов доносил дворецкому Меншикова
Ф. А. Соловьеву, что он получил указ «покупать на его светлость
пеньку попрежнему». В 1726 г. лишь в Амстердам князь отправил
на судах голландского купца Еремея Меера 14 099 пудов 30 ф.
«почепской пеньки»¹⁶⁹.

Для перевозки пеньки и других товаров до Москвы (или с. Го-
родня) и Петербурга (или Гжатской пристани) домовая канцеля-
рия подражала крепостных князя и соседних помещиков. Так, в
январе 1722 г. в Брянской таможене была оформлена сделка кре-
стьян графа А. С. Головина (Мещовский уезд), напавшихся на
195 подводках для «пенечного отпуска его светлости... из маестности
из Александрополя и Почепа вести пеньку чистую 119 бунтов, в
них весом 3350 пуд, да на вьюках пряжи из чистой проемской
пакли 76 вьюх, в них весу 2150 пуд. А нами взято до Санкт-Петер-
бурга от Почепа по 73 деньги с пуда». В тот же день другая пар-

¹⁶⁷ ЦГАДА, Сенат, кн. 36, лл. 548—555.

¹⁶⁸ Возможно, правильнее говорить в этом и некоторых других случаях не
о том, что Меншиков начал вывозить на рынок продукты своего хозяй-
ства, а о том, что он продолжал в известной мере следовать существо-
вавшей практике. Этот вопрос нуждается в специальном изучении.

¹⁶⁹ Архив ЛОИИ, ф. А. Д. Меншикова, д. 10, л. 1 об.; ЦГАДА, ф. А. Д. Мен-
шикова, д. 267, л. 236 и об.

тия крестьян Головина взялась отвезти в столицу на 221 подводе 5820 пудов пеньки из расчета 22½ коп. за пуд¹⁷⁰.

Меншиков постоянно интересовался ходом торговли в Петербурге, Архангельске, Москве и других городах, состоянием спроса и цен. Так, уехав весной 1722 г. в Москву, он ежедневно посылал в Петербургскую домовую канцелярию приказчикам по несколько писем. Например, 18 мая он приказал управителям А. Изволу и П. Новикову: «Пеньку нашу тамо не продавайте, а, сыскав ластовые суды, по прежде посланному к вам нашему указу отправьте, как надлежит по торговому уставу, в Амстердам к Христофору Бранту, о чем мы к нему писали». Князь требовал регулярно сообщать ему цены на пеньку. «А продайте там доброю ценою масло конопляное, — заканчивал он письмо. — Масло здесь ведром покупается по два рубли, понеже прошлого лета тому семени роду не было»¹⁷¹. Получив из Петербурга очередное доношение, Меншиков 21 мая похвалил управителей за продажу 110 кусков парусного полотна по 6 руб. 20 коп. за кусок, ибо «оное учинили изрядно». Зато сделка с конопляным маслом вызвала осуждение феодала, так как слуги продешевили. Сообщив им, что он обратился с просьбой в Коммерц-коллегию разрешить отпуск поташа (его продажа была монополией казны), князь поручил послать партию хлеба и водки в Швецию «с купцом Петром Барсуковым, а не на нашей галиоте», ибо сейчас среди его собственных слуг нет «заобыкновенных людей»¹⁷². В тот же день Меншиков послал соответствующее письмо и Барсукову, сообщив, что деньги за провоз товаров он может получить в его канцелярии в Петербурге¹⁷³.

Особенно интересовался Меншиков торговлей пенькой, которая пользовалась большим спросом на европейском рынке. При этом всесильный фаворит в погоне за прибылью выступал опасным конкурентом не только русских и иностранных купцов, но даже казны. Его агенты закупали пеньку, лен и другие товары в тех же уездах, где ее скупали русские и иноземные купцы. В 1712 г. они даже обратились с жалобой к Петру I на действия Меншикова, ущемлявшего их интересы¹⁷⁴.

В Петербургской домовой канцелярии князя велись особые «отвесные тетради», в которых строго учитывали привоз и продажу пеньки по сортам. После опалы Меншикова в Петербурге нашли готовые к отправке и продаже 38 094 пуда «чистой» пеньки, 15 643 пуда «получистой» (по оценке следственной комиссии — на 41 425 руб. 30 коп.), 409 берковцев 4 пуда льна «чистого» и «по-

¹⁷⁰ Архив ЛОИИ, ф. А. Д. Меншикова, д. 53, лл. 1—2; д. 10, л. 4; д. 39, л. 20 и др.

¹⁷¹ ОР ГБЛ, ф. А. Д. Меншикова, картон 15, д. 4, л. 32.

¹⁷² Там же, л. 33 и об.

¹⁷³ Там же, д. 1, л. 1.

¹⁷⁴ Р. И. Козинцева. Участие казны во внешней торговле России, стр. 283—289, 310, 333.

лучистого» (на 4094 руб.), смольчуги, «которая прислана из с. Ивановского от Саввы Васильевского», 600 бочек (6000 руб.), 1417 тюков юфти «чистой и розвали» весом 1973 пуда 2 ф. (6442 руб. 80 коп.)¹⁷⁵. Кроме того, следственная комиссия нашла также десятки долговых расписок и квитанций на сумму свыше 85 тыс. руб., принадлежавших английским, голландским и немецким купцам, шкиперам, владельцам судов, а также русским купцам, посадским людям, дворянам, чиновникам, участвовавшим в коммерческих и ростовщических операциях «светлейшего князя»¹⁷⁶.

Меншиков не ограничивался скупкой и перепродажей готовой продукции. Приспосабливаясь к требованиям рынка, он нередко производил частичную обработку пеньки и льна. В Петербурге у него были особые «сарай», где десятки работников производили очистку и сортировку сырья. По «Окладному списку служителем дому князя Меншикова» от 21 января 1728 г. на этих работах имелось постоянных работников 21 чел. «пенечных трепальщиков», получавших 4 руб. — 4 руб. 80 коп. годового жалованья, хлеб, крупу, мясо и соль. «Пенечные трепальщики» комплектовались за счет крестьян, а также солдат и матросов гарнизона Копорья¹⁷⁷. Видимо, это было предприятие, организованное по типу простой кооперации, вроде тех, что имели в 30—40-х годах XVIII в. некоторые крупные московские купцы, наладившие при своих домах переработку скупаемых ими продуктов: меда-сырца (его «перетопка»), рогов (изготовление гребней), щетины, мехов («перечистка» и «переправка»), мыла («переливка»), кожи («переделка» в амуницию) и т. п.¹⁷⁸ Возникновение таких предприятий свидетельствовало о появлении предприятий типа простой капиталистической кооперации и зарождении рассеянной мануфактуры.

Характеризуя хозяйственную деятельность Меншикова, мы не раз отмечали его крупные злоупотребления. Однажды «светлейший» оказался, видимо, сам жертвою махинаций его конкурентов и управителей. В 1718 г. почепский подьячий Ю. Сомов подал феодалу донос на управителя этой вотчины М. Павлова, обвинив его в присвоении денег Меншикова, отпускаемых на закупку пеньки, а также самой пеньки. Сомов писал, что в 1711—1718 гг. Павлов действовал «воровски» не один, а в сговоре с именитыми людьми Строгановыми и крупнейшими московскими купцами и компанейщиками, среди которых назвал М. Г. Евреинова, Г. Сорокина, И. И. Исаева, С. Щеголина, И. В. Волкова, И. Елисеева, «а о иных» ему было «неизвестно». «И те москвичи, — доносил Сомов, — принимали ту пеньку от него, Павлова, ведая, что она закупана на имя и на деньги вашей светлости, а все чинили с ним по согласию и провозили под именем же вашим много безпошлин-

¹⁷⁵ ЦГАДА, Госархив, IX р., Отд. II, кн. 90, л. 880 и об.

¹⁷⁶ ЦГАДА, ф. А. Д. Меншикова, д. 267, лл. 237—245; д. 286, лл. 1—2 и др.

¹⁷⁷ ЦГАДА, Госархив, VI р., д. 160, ч. 1, кн. 2, лл. 125 об.—126 об., 143 и об.

¹⁷⁸ Ср. Е. Н. Кушева. Торговля Москвы в 30—40-х годах XVIII в., стр. 48, 57—58.

но, отчего на вашу светлость в Москве и в городех в таможных и в мытных избах есть написаны доимки, а оные москвичи для того ему ж, Павлову, и ныне по всем помогают». Павлов обвинялся также в хищении оброчных денег. Доноситель упрекал княжеского ревизора А. Чоголокова в попустительстве виновному, предлагал перенести следствие о злоупотреблениях Павлова в Петербург и привел реестр дел и счетов, которые надо забрать для проверки¹⁷⁹.

Возникает вопрос: можно ли считать хозяйство Меншикова типичным для крупных феодалов. Думается, что на него нельзя дать однозначный ответ. Небывало быстрое возвышение Меншикова по служебной лестнице, царский фавор и необыкновенная ловкость, энергия и предприимчивость, очень часто сопровождавшиеся использованием своего высокого положения в государстве и нарушением законов, позволили князю в очень короткий срок сосредоточить в своих руках огромные владения. Размеры этого хозяйства и пути его возникновения дают основание считать его уникальным.

Однако в хозяйственной деятельности Меншикова проявились те черты, которые были присущи в этот период и другим крупным феодалам.

Для увеличения доходов Меншиков применял различные приемы: и традиционные, «старые» (приобретение новых вотчин, земли, угодий и крестьян, повышение размеров эксплуатации крепостных и т. п.) и «новые» (замена натуральной и отработочной форм ренты денежной, расширение барской запашки на плодородных землях Юга с целью производства хлеба, пеньки, масла и других продуктов, пользующихся спросом на рынке). В крупной феодальной вотчине происходила постепенная перестройка, что проявлялось не только в смене и районировании форм ренты, но и в скупке в больших размерах земли и рабочей силы, перемещении производства в более благоприятные районы страны (Юг, Украина), развитии торгово-промышленного предпринимательства. Поражает необыкновенная способность Меншикова приспособляться к изменяющейся экономической обстановке. В зависимости от конкретных условий он прибегал к различным способам получения денег: расширял и покупал торгово-промышленные заведения, эксплуатировал их сам или сдавал па оброк своим и чужим крестьянам, купцам, посадским людям, участвовал в казенных подрядях хлеба и вина, вел ростовщические операции, скупал недвижимость в городах и завел доходный дом в Петербурге. Крупнейший сановник России активно участвовал не только во внутренней торговле, но и во внешней, установив постоянные тесные связи с купцами, судовладельцами и банкирами Англии, Голландии, Германии и других стран. Его коммерческие операции практически охватывали все важнейшие экономические районы Евро-

¹⁷⁹ ОПИ ГИМ, ф. А. Д. Меншикова, д. 2, лл. 21—24. Конец дела не сохранился.

пейской России (Поморье, Центр, Северо-Запад, Поволжье и Украина). В орбиту хозяйственных операций Меншикова были фактически втянуты десятки тысяч людей, принадлежавшие к различным слоям общества: крепостные крестьяне, посадские и работные люди, русские и иностранные купцы, промышленники и мастера, банкиры, чиновники, владельцы морских судов и многие другие.

Подчеркивая то новое, что было характерно для развития крупной вотчины в первой трети XVIII в., не следует, разумеется, переоценивать его масштабы и удельный вес. Как и ранее, главный доход феодалу давала эксплуатация труда крестьян в земледелии.

Как известно, перестройка крупного феодального хозяйства под влиянием товарно-денежных отношений началась в XVII в., о чем свидетельствует история вотчин боярина Б. И. Морозова и других феодалов¹⁸⁰. В первой трети XVIII в. мы наблюдаем дальнейшее развитие и усиление этой тенденции в крупных хозяйствах, о чем свидетельствует история дворцовых владений¹⁸¹, а также вотчин Б. П. Шереметева¹⁸², М. Г. Головкина, Б. Х. Миниха¹⁸³, А. Л. Нарышкина, С. А. Салтыкова, Ф. М. Есипова¹⁸⁴ и других, добивавшихся получения вотчин в южных уездах России и на Украине и скупавших там земли, заводивших винокуренные заводы и другие предприятия и регулярно поставлявших продукты своего хозяйства на рынок.

Об устойчивости явлений, отмеченных при изучении хозяйства Меншикова, свидетельствует и тот несомненный факт, что отдельные его вотчины, попав к новым владельцам, сохраняли тесную связь с рынком и предпринимательский характер. Так, адмирал граф Н. Ф. Головин, получивший за свой донос на князя в 1732 г. в Севском уезде богатейшую Ивановскую вотчину и «присудные» к ней села и деревни в Рыльском, Путивльском уездах, не только сохранил, но и приумножил винокуренные и другие заводы, покупая земли и регулярно отправляя в Петербург «водою на барках» много «разных провизий и пеньки»¹⁸⁵. Точно так же поступали дети князя Д. Кантемира, которым Анна Ивановна в 30-х годах XVIII в. пожаловала из бывших меншиковских владений

¹⁸⁰ Ср. Д. И. Пстрикеев. Крупное крепостное хозяйство в XVII в. Л., 1967, стр. 24—28, 32—38, 107—134, 182—183.

¹⁸¹ Е. И. Индова. Указ. соч., стр. 247, 280 и др.

¹⁸² К. Н. Щенегов. Указ. соч., стр. 16—19, 32—34.

¹⁸³ П. К. Алефиренко. Украинские местности графов М. Г. Головкина и Б. Х. Миниха, стр. 227—228, 231—232, 234—235; *ее же*. Крупное вотчинное хозяйство графа М. Г. Головкина в России первой половины XVIII в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959 г.» М., 1961, стр. 139—143; ЦГАДА, Сенат, кн. 1375, лл. 666, 674 и об., 784 и об. и др.

¹⁸⁴ В. Д. Дмитриев. Указ. соч., стр. 111—115.

¹⁸⁵ ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 623, лл. 40, 77, 87—92, 105—112, 205—209 об и др.; д. 73, лл. 2—6.

села и деревни в Брянском и Севском уездах. Через Гжатскую пристань они отправляли пеньку и хлеб на продажу в Петербург¹⁸⁶. В этом смысле уникальное хозяйство Меншикова не было исключением.

О хозяйственной деятельности кабинет-секретаря Петра I А. В. Макарова сохранилось гораздо меньше данных, чем о вотчинах Меншикова. Владения Макарова уступали по своим размерам «державе» Меншикова. После смерти Макарова во время следствия его сыну П. А. Макарову удалось в конце 30-х годов XVIII в. добиться от Тайной канцелярии возвращения хозяйственных документов (купчие, меновные, закладные грамоты, вексельные письма и пр.). Несмотря на свою отрывочность, они свидетельствуют о том, что А. В. Макаров тоже вел предпринимательское хозяйство. Мы уже приводили данные о скупке кабинет-секретарем земли и крестьян. Приобретение беглых, в частности взыскание «пожилого», давало ему возможность получать средства для расширения хозяйства. Другим источником обогащения было ростовщичество. Сохранилось 37 заемных писем и векселей, относящихся к 1710—1734 гг., на крупную по тем временам сумму — 33 472 руб.¹⁸⁷ Эти данные нельзя считать полными. В ростовщических операциях Макарова участвовала его вторая жена Праксovia Юрьевна, дочь стольника Ю. Лодыженского¹⁸⁸ (многие заемные составлены на ее имя). Во многих случаях в залог шли вотчины, участки земли, отдельные крестьяне, которые затем переходили в руки Макаровых. Среди их должников были столичные чиновники, провинциальные дворяне, купцы, посадские люди, владельцы первых мануфактур, крестьяне, иноземцы.

Ростовщичество и скупка беглых давали Макарову оборотные средства, на которые он покупал вотчины, крестьян, лавки в городах. Но кроме них были и другие способы получения денег. Предприимчивый делец, Макаров в 1716 г. дал, например, 3000 руб. «в китайский торг в отпуск Федора Истошников», за что получил в 1718 г. на 6 тыс. руб. «по настоящей московской цене» камки и китайки, которые пустил в продажу и по меньшей мере учетверил первоначально затраченный капитал¹⁸⁹.

Макаров имел несколько винокуренных заводов в разных районах России (Юрьев-Польский, Курмышский, Рыльский и Белгородский уезды) и регулярно поставлял в 10—30-х годах XVIII в. крупные партии вина в казну¹⁹⁰. Не случайно его обвиняли в нарушении указов о производстве и продаже вина в ущерб интере-

¹⁸⁶ Там же, д. 623, лл. 80 и об., 97 и об., 140 и др.

¹⁸⁷ ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 294, лл. 255—260 об.; ОР ГПБ, ф. А. В. Макарова, дд. 5, 34, 43.

¹⁸⁸ Первой женой Макарова была Феодосия Ивановна, дочь И. И. Топильского, подьячего Разрядного приказа, служившего позже секретарем Сената и тайным советником Иностранной коллегии.

¹⁸⁹ ОР ГПБ, ф. А. В. Макарова, д. 37.

¹⁹⁰ Там же, дд. 25, 26, 58, 88; ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 393, л. 48.

сам казны¹⁹¹. Он имел также кирпичный, овчарный, «суконный, каразейный и стамедный заводы»¹⁹².

Данные о хозяйственной деятельности Меншикова и Макарова свидетельствуют о том, что в первый трети XVIII в. крупные сановники России начали усиленно интересоваться увеличением доходов от торговли и промышленности, не ограничиваясь эксплуатацией труда крепостных крестьян в сфере земледелия. С этой целью они заводили промысловые предприятия в своих вотчинах и организовывали переработку сельскохозяйственного сырья, учитывая рыночный спрос.

А. Д. Меншиков, А. В. Макаров, М. Г. Головкин, С. А. Салтыков, Н. Ф. Головин и другие названные нами лица принадлежали к верхушке правящих кругов. По своему положению в государственном аппарате они имели большие возможности для получения выгодных казенных подрядов, откупов, а также для занятий торгами и промыслами.

Сохранившиеся источники свидетельствуют о том, что точно так же поступали многие другие служащие государственного аппарата, находившиеся на низших ступенях чиновной лестницы, однако их предпринимательская деятельность, разумеется, весьма сильно уступала по своему объему операциям упомянутых крупных сановников.

Выявленные Н. Б. Голиковой данные свидетельствуют о том, что в первой четверти XVIII в. мелкие чиновники поволжских городов активно участвовали в торгах и промыслах, покупали крестьян без земли и использовали их в своем хозяйстве. Так, «надсмотрщик крепостных дел» И. Небогатов (Казань) только в 1720—1722 гг. приобрел свыше 20 мужичи, не считая детей. В 1720 г. он купил у подьячего Мелентьева «пустую помещную землю» в с. Богдавленское Казанского уезда площадью 60 четв. в поле. В следующем году Небогатов прикупил 10 четв. земли и сенные покосы на 350 копен, а в 1722 г. еще 60 четв. земли. Ему принадлежал довольно большой винокурный завод, для которого он закупал крупные партии зерна. У Небогатова была также лавка в Казани; он брал на откуп казенные кабаки. Покупая крепостных крестьян, канцелярист Небогатов, надо полагать, использовал их как работников в своем промысловом хозяйстве, а также сажал на землю¹⁹³. В первой четверти XVIII в. дьяк В. Кучуков, длительное время занимавший должность главного соляного надсмотрщика в Астрахани, владел 21 лавкой. Его вдова и внук Яков

¹⁹¹ ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 294, лл. 32, 241.

¹⁹² Там же, лл. 12, 17 об.—18, 201, 241, 278 об.; ОР ГПБ, ф. А. В. Макарова, д. 151. 23 июня 1719 г. Макаров получил от Петра I в Белгородском уезде «выморочный двор с мельницею и деловых людей и с слободкою, да винокурную поварню для суконного завода, да 500 овец с мастером в Киевской губернии» (ЦГАДА, Сенат, кн. 1184, л. 3).

¹⁹³ Н. Б. Голикова. Торговля крепостными без земли в 20-х годах XVIII в., стр. 20, 33.

сохраняли в 1721 г. 18 лавок, три лавки перешли к другим владельцам. У В. Кучукова была также горшечная изба¹⁹⁴.

Торгово-промысловые заведения имели и другие чиновники Астрахани, как родом из дворян, так и происходившие из приказных людей. Подьячий И. Татаринов держал в 1721 г. кирпичные сараи и снимал лавку у дворянина И. Баженова¹⁹⁵. У подьячего Я. Антонова было 3 лавки и полок, с которых он платил ежегодно 1 руб. 80 коп. оброка¹⁹⁶. Подьячий Казенного приказа Ф. Скорняков в 1721 г. нанимал 6 лавок и кожевенный двор, за которые платил 5 руб. 90 коп. оброка¹⁹⁷. Комиссар дворянин Д. К. Воронин и его отец имели лавку в Большом ряду Астрахани и держали рыболовецкую ватагу, нанимая в рабочую пору приказчика за 12 руб., кашевара-хлебника за 7 руб., четырех работников по 4 руб. каждому. Они же брали на откуп сбор 10-й пошлыны¹⁹⁸. Другой комиссар, И. Болотников, имел речное судно, на которое в 1724 г. нанимал в «тяглую работу» 9 чел. за 24 руб. 60 коп.¹⁹⁹ В 1721 г. дворянин М. П. Смирнов имел в Астрахани три лавки и прилавок, в дополнение к которым он нанимал еще две лавки и два шалаша. У него были также большие участки земли, занятые под огороды. Смирнов вел крупные ростовщические операции. Лишь в 1725 г. он дал 14 ссуд на сумму 1646 руб. 87 коп.²⁰⁰

Постоянно занимаясь торгами и промыслами, некоторые из астраханских чиновников иногда даже меняли свой социальный статус и записывались в посад. В этом отношении весьма интересна судьба дворянина П. Д. Осьминкина, который занимал видное место в торгово-промышленном мире Астрахани. Ему принадлежали лавки, шалаша, харчевни, дворы на посаде. Он активно участвовал в ростовщических операциях, ежегодно давая в долг большие суммы (до 800 руб.). Осьминкин отправлял крупные партии тканей, рыбы, хлеба, масла, меда и других продуктов в Москву, Нижний Новгород, на Макарьевскую ярмарку, в Ставрополь и Дербент. Он брал также на откуп рыбные промыслы²⁰¹. В «Ок-

¹⁹⁴ Н. Б. Голикова. Очерки по истории населения городов Нижнего Поволжья в конце XVII—первой четверти XVIII в. Рукопись докторской диссертации, стр. 344—345, 384.

¹⁹⁵ Там же, стр. 384.

¹⁹⁶ Государственный архив Астраханской области (ГААО), ф. 394, Астраханская губернская канцелярия, оп. 1, д. 20, лл. 17 и об., 71. Здесь и далее мною использованы архивные выписки о торгово-промысловой деятельности чиновников Астрахани, любезно предоставленные мне Н. Б. Голиковой, за что я приношу ей самую искреннюю благодарность.

¹⁹⁷ Там же, лл. 3 об., 4, 18 об., 26, 50 и об.

¹⁹⁸ Там же, л. 15 об.; д. 13, лл. 15, 23 об., 29; Астраханская крепостная контора, д. 1, лл. 19, 21 об.

¹⁹⁹ Там же, Астраханская крепостная контора, д. 1, л. 98.

²⁰⁰ Н. Б. Голикова. Ростовщичество в России начала XVIII в. и его некоторые особенности, стр. 255, 262; она же. Очерки по истории населения городов Нижнего Поволжья в конце XVII—первой четверти XVIII в., стр. 345.

²⁰¹ Н. Б. Голикова. Ростовщичество в России начала XVIII в. и его некоторые особенности, стр. 255, 289; ЦГАДА, ф. 1361, д. 2, лл. 279 об.—280,

ладной книге подушного семигривенного сбора по Астрахани» за 1725 г. указано, что Осьминкин с братом платит 5 руб. 60 коп. за дворовых мужского пола, а сам он «по его прошению определен к купечеству»²⁰².

Переходы дворян в купечество в первой трети XVIII в. не были, видимо, редкостью. По указу Петра I от 23 марта 1714 г. шляхтичам после 40 лет разрешалось записываться в купцы, в «духовный чин» или в какое-либо «знатное художество», причем это «их фамилиям в бесчестие не ставить». Позже, в 1736 г., правительство запретило дворянам поступать в купцы²⁰³.

Определенным показателем перестройки феодального хозяйства под влиянием товарно-денежных отношений являлось развитие помещичьего винокурения. Наличие дешевого сырья и рабочей силы, несложность организации производства, постоянный спрос на вино со стороны казны, выплачивавшей вперед 75% стоимости подряда, а также высокая прибыль при поставке вина государству — все это способствовало развитию винокурения в первой половине XVIII в. В середине 50-х годов XVIII в. винокурение дворян достигло огромных размеров. В 1753 г. из 1572 частных винокуренных заводов на долю помещиков приходилось 1295. Пятая часть дворян — подрядчиков вина в казну (1264 чел.), среди которых было много титулованной знати, сосредоточила в своих руках $\frac{3}{5}$ производственной мощности винокуренных заводов. Большая часть вина производилась в Казанской и Белгородской губ. Заботясь об интересах правящего класса, правительство 19 июня 1754 г. издало указ, по которому производство и поставка вина стали монополией дворян. Купеческие заводы подлежали слому. Появление этого указа, наносившего удар купеческому винокурению, во многом было вызвано тем, что крупнейшие сановники государства (сенаторы братья графы А. И. и П. И. Шуваловы, князь И. В. Одоевский, А. Д. Голицын, генерал-прокурор князь Н. Ю. Трубецкой, обер-прокурор А. И. Глебов и мн. др.), стоявшие у кормила правления, сами имели крупные винокуренные заводы²⁰⁴. Рост производства и поставок вина выпуждал дворян, с одной стороны, строить новые заводы, чтобы приблизить их к источникам собственного сырья, с другой — обращаться к рынку для покупки зерна.

К концу XVIII в. дворянское винокурение получило дальнейшее развитие, причем наиболее крупными производителями и поставщиками вина являлись видные сановники, занимавшие ключевые посты в управлении Российской империи. Н. И. Павленко в ряде случаев проследил преемственность занятий винокурением и поставками вина представителей многих дворянских фами-

302—302 об.; ф. 615, д. 30, лл. 4 об., 18; ГААО, Астраханская губернская канцелярия, д. 86, лл. 6 об., 12, 16 об., 21, 23 об.

²⁰² ГААО, Астраханская губернская канцелярия, д. 90, л. 6 и об.

²⁰³ Архив ЛОИИ, ф. 115, кн. 195, лл. 8 об., 11 об.; ПСЗ, т. IX, № 6949.

²⁰⁴ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 437—446.

лий во второй половине XVIII — начале XIX в., что в целом свидетельствовало об устойчивом характере помещичьего предпринимательства²⁰⁵. Имеющиеся в нашем распоряжении источники, несмотря на свою неполноту и отрывочность, свидетельствуют о том, что дворянское винокурение и поставки вина в казну получили широкое распространение уже в первой половине XVIII в.

В бумагах кабинет-министра А. И. Остермана сохранилась ведомость, содержащая сведения о поставке вина помещиками казне по подрядам, а также остатков вина, изготовленного «про свой домовый обиход». Она подготовлена Камер-коллегией и содержит данные за 1704—1738 гг. В документе отсутствует дата, но, видимо, он был подготовлен в 1739—1740 гг. Ведомость дефектна: она составлена после пожара 1737 г. в Москве, уничтожившего значительную часть документов архива Камер-коллегии. В некоторых случаях чиновники не могли указать, где точно находятся винокуренные заводы того или иного помещика и какова их производительность. Поэтому содержащиеся в ведомости сведения не могут служить основанием для определения общего количества вина, поставлявшегося помещиками казне в первые 40 лет XVIII в., а также для установления точного объема подрядов отдельных лиц.

Однако ведомость Камер-коллегии содержит интересные данные о районах производства вина и о дворянах, занимавшихся винокурением. В частности, в ней упоминаются многие дворяне-чиновники, чьи фамилии фигурируют в ведомостях Камер-коллегии 50-х годов XVIII в. и более позднего времени, обработанных и введенных в научный оборот Н. И. Павленко.

Всего в этой ведомости учтено 76 чел., из них 42 принадлежало к верхушке сановой бюрократии России: 17 сенаторов, в том числе 4 кабинет-министра (графы Г. И. и М. Г. Головкины, князь А. М. Черкасский, А. П. Волынский), 8 чел. придворных в высших рангах, 7 генералов, 6 полковников, кабинет-секретарь императора и секретарь Верховного Тайного совета, 2 советника. Среди остальных владельцев винокуренных заводов были офицеры — от подполковника до прапорщика (19), секретари (3), комиссары (3), канцеляристы (4), разночинцы (5). Из 76 фамилий 30 принадлежали к княжеским и графским родам.

С 1704 по 1738 г. эти лица продали казне 1 008 479 ведер вина, в том числе 584 664 ведра были доставлены по подрядам, а 423 815 ведер как остаток за «домовым расходом»²⁰⁶.

В ведомости Камер-коллегии приведены данные о том, из каких уездов привезено 842 870 ведер (80% всего количества). 58 709 ведер поступило из Вятского, Галицкого, Малоярославско-

²⁰⁵ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 447—455.

²⁰⁶ ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 393, лл. 44—59. Кроме того, 42 066 ведер поступило из дворцовых сел.

го, Можайского, Муромского, Устюжского и Шуйского уездов. Остальные 784 тыс. ведер были произведены в южных и поволжских уездах России, а также на Украине. Особенно крупные партии вина привозились из Белгородского, Путивльского, Севского, Трубчевского уездов Белгородской губ. (343 тыс. ведер). Опубликованные Н. И. Павленко более полные сведения Камер-коллегии 50—60-х годов XVIII в. свидетельствуют о том, что именно на территории Белгородской и Казанской губ. была основная масса винокуренных заводов дворян²⁰⁷.

Обратимся к составу чиновников, поставлявших казне вино в 1704—1738 гг.

В 1706 г. представитель древнего аристократического рода полковник князь В. Ю. Одоевский поставил па Холмогорский кружечный двор 4000 ведер вина «из галицких деревень». В следующем году он и его брат стольник Михаил поставили «подрядом» 4370 ведер в Холмогоры и Архангельск²⁰⁸. Винокуренный завод князей Одоевских в Галицком уезде существовали в 30—40-е годы XVIII в. В 1734 и 1738 гг. сын В. Ю. Одоевского, статский советник И. В. Одоевский, поставил 6390 ведер вина, оставшихся «за домовым расходом». В 50-х годах XVIII в. И. В. Одоевский, ставший сенатором, был известен как крупнейший в России производитель и поставщик вина²⁰⁹.

Канцлер, сенатор, а затем и кабинет-министр граф Г. И. Головкин в 30-х годах XVIII в. регулярно поставлял вино казне со своих заводов на Украине (Глуховский уезд): в 1732 г. — 500 ведер, в 1733 — 1947, в 1734 г. — 1480²¹⁰. Его сын М. Г. Головкин, в 30-х годах XVIII в. сенатор и кабинет-министр, тоже известен как крупный поставщик вина, которое он поставлял со своих заводов, находившихся в Каширском и других уездах²¹¹. Представитель третьего поколения Головкиных, внук канцлера гофмаршал Г. И. Головкин в 60-х годах XVIII в. являлся одним из крупнейших винных подрядчиков²¹².

Молдавский князь Д. К. Кантемир в 1723 г. поставил 10 тыс. ведер вина. Его сын Матвей следовал примеру отца и в 1727, 1728, 1730—1738 гг. привез из своих вотчин в Севском и Трубчевском уездах 103 648 ведер. В 1765 г. он и его брат Сергей были среди 8 крупнейших подрядчиков России, чьи подряды превышали 50 тыс. ведер вина в год²¹³. Представители другой родовой фамилии — сенаторы графы И. А. и П. И. Мусины-Пушкины — тоже

²⁰⁷ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 438—440.

²⁰⁸ ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 393, л. 44.

²⁰⁹ Там же; М. Я. Волков. О винокуренных заводах Поморья и Приуралья 30-х — начала 50-х годов XVIII в. — «Аграрная история Европейского Севера». Вологда, 1970, стр. 463—464; Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 443.

²¹⁰ ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 393, л. 53.

²¹¹ Там же, л. 56.

²¹² Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 445.

²¹³ Там же, стр. 444; ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 393, л. 49.

названы в ведомости Камер-коллегии как лица, регулярно поставлявшие значительные партии вина казне из вотчин в Казанском уезде. Генерал-фельдмаршал сенатор князь И. Ю. Трубецкой, по далеко не полным данным, поставил в 1731—1735, 1737—1738 гг. казне 44 273 ведра вина ²¹⁴.

Регулярно занимались поставкой вина казне в первой половине XVII в. и представители других родовитых титулованных фамилий: князья Г. А. и С. А. Голицыны, сенатор И. Ф. Ромодановский, сенатор генерал-лейтенант И. Ф. Бярятинский и его сыновья Александр и Сергей, А. И. Троекуров, советник Адмиралтейской конторы В. П. Хованский, офицеры гвардии П. И. и С. И. Репнины, кабинет-министр и канцлер А. М. Черкасский ²¹⁵. От старой аристократии не отставали представители новой знати, получившие графские титулы при Петре I и его преемниках: графы П. М. Апраксин, С. В. Рагузинский, сенатор С. А. Салтыков, начальник Тайной канцелярии сенатор А. И. Ушаков, сенатор генерал Г. П. Чернышев ²¹⁶. Представители второго и третьего поколений названных нами фамилий в середине и второй половине XVIII в. продолжали заниматься продажей вина казне, расширяя размеры винокуренного производства ²¹⁷.

При этом важно подчеркнуть, что преемственность в занятиях винокурением не прерывались и в тех случаях, когда представители некоторых родов во время борьбы придворных группировок за власть на время сходили с исторической арены, а их вотчины отписывались в казну или раздавались другим лицам. Выше мы уже отмечали, что меншиковские владения сохраняли тесную связь с рынком и при новых владельцах, хотя личной преемственности не было. А. Д. Меншиков брал большие подряды на вино. В середине XVIII в. его сын А. А. Меншиков, секунд-майор лейб-гвардии Преображенского полка, имел в Арзамасском уезде довольно крупный винокуренный завод. Подряды на вино получал вице-канцлер и сенатор барон П. П. Шафиров. Его сын И. П. Шафиров в 50—60-х годах XVIII в. упоминается среди наиболее крупных винных откупщиков ²¹⁸. В целом данные о распространении винокурения в хозяйствах виднейших сановников государства из числа аристократических фамилий показательны для эволюции крупной помещичьей вотчины, пытавшейся приспособиться к развивавшимся буржуазным отношениям.

Наряду с крупными вельможами винокурением занималась и мелкая чиновная братия. Те из них, кто не имел собственных име-

²¹⁴ ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 393, лл. 50 об.—51.

²¹⁵ ЦГАДА, Там же, лл. 52 и об., 54 об., 57 об.; *М. Я. Волков*. Указ. соч., стр. 463—464.

²¹⁶ ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 393, лл. 46 об., 52, 54.

²¹⁷ Ср. *Н. И. Павленко*. Указ. соч., стр. 442, 443—445, 451, 456 и др.

²¹⁸ ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 393, лл. 49 об., 56; *Н. И. Павленко*. Указ. соч., стр. 439, 441, 443.

ний, заводили винокурни на арендуемой или купленной земле, используя труд наемных работников. Так, подьячий с приписью Керенской воеводской канцелярии Григорий Фирсов поставил на Устюжский кружечный двор в 1734 г. 500 ведер, в 1735 — 250, в 1736 и 1737 г. — по 500, в 1738 г. — 700, итого 1950 ведер. Кроме того, он отправил на Усольский кружечный двор в 1737—1738 г. 800 ведер. По далеко не полным данным, его брат дьяк Иван Фирсов вместе с подьячим Устюжской епархии Ф. Усовым в 1721, 1732, 1735 гг. поставил на питейные дворы в Архангельск, Устюг, Усолье, Яренск 5382 ведра вина. Затем И. Фирсов сам, без компаньона, в 1732—1738 гг. отправил в различные поморские города 12 542 ведра вина. У братьев Фирсовых были небольшие винокуренные заводы²¹⁹. Комиссар Е. Петров в 1715—1733 гг. подряжал вино со своего завода в Унженском уезде в Петербург, Белозеро, Вологду, Галич, Пошехонье, Устюг (26,6 тыс. ведер)²²⁰. Стряпчий В. Арчаковский поставил в 1713—1718 гг. в Москву «подрядом» из Каширского уезда 52 тыс. ведер, его брат А. Арчаковский в 1723—1733, 1738 гг. — 107 356 ведер с заводов в Малоярославском и Каширском уездах (65 казанов)²²¹. Секретари Севской воеводской канцелярии Г. и И. Шагаровы и их брат, подьячий В. Шагаров, родом из мелких служилых людей, систематически поставляли крупные партии вина казне со своих заводов, причем Г. Шагаров скупал вино на Украине и перепродавал его в казенные кабаки²²². Секретарь Сената И. Богданов лишь в 1734—1738 гг. поставил с заводов в Севском уезде 30 тыс. ведер²²³ и т. д.

Одновременно с широким распространением винокурения развивалось дворянское предпринимательство в легкой и горной промышленности и других отраслях экономики. Истоки дворянского предпринимательства восходят к XVII в.: во владениях бояр Б. И. Морозова и И. Д. Милославского, наряду с винокуреными и поташными промыслами были построены металлургические заводы. Все же до середины XVIII в. количество дворян — владельцев промышленных предприятий было невелико²²⁴. Важной вехой в развитии дворянского предпринимательства явилась середина XVIII в., что было связано с формированием капиталистического уклада в России. В 40—60-х годах XVIII в. получило значительное развитие предпринимательство дворян не только в винокурении, тесно связанном с сельскохозяйственным производством, но в горной и легкой (особенно суконной, полотняной и стекольной) промышленности и других отраслях экономики Рос-

²¹⁹ ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 393, л. 45 и об.

²²⁰ Там же, л. 45 об.

²²¹ Там же, л. 44 об.

²²² Там же, л. 46.

²²³ Там же, л. 56 об.

²²⁴ *Е. И. Заозерская. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах в 20—60 гг. XVIII в. М., 1960, стр. 35, 40—44, 89, 92—93, 98; Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 387—390.*

сии²²⁵. Отмечая рост дворянского предпринимательства в середине XVIII в., Н. Н. Фирсов верно обратил внимание на то, что в это время в России сложилась особая социальная группа, наиболее ярким представителем которой явился граф П. И. Шувалов, владелец крупных металлургических и винокуренных заводов, морских промыслов, откупов²²⁶.

Среди дворян наибольшее количество заводов и мануфактур принадлежало крупным вельможам и сановникам Елизаветы Петровны и сменивших ее Петра III, а затем Екатерины II: братьям графам А. И. и П. И. Шуваловым, графу С. П. Ягужинскому, братьям графам М. И. и Р. И. Воронцовым, князю П. И. Репнину, братьям А. А. и Л. А. Нарышкиным, Строгановым, А. И. Глебову, К. Е. Сиверсу и другим, занимавшим высшие посты в гражданском и военном управлении России, а также при дворе. Для ведения своих дел дворяне нередко вступали в союз с представителями формировавшейся буржуазии. В погоне за прибылью дворяне не ограничивались предпринимательством в промышленности и обращались к торговле, подрядам, откупам, ростовщичеству, причем нередко они действовали как очень опасные конкуренты для представителей формировавшейся русской буржуазии.

В 1756 г. влиятельный временщик и «прожектор» сенатор граф П. И. Шувалов, фактически руководивший в 50-х годах XVIII в. деятельностью правительства Елизаветы Петровны, подал проект, по которому следовало разрешить продать за границу через Архангельск 250 тыс. четв. хлеба с уплатой 80 коп. пошлины с четверти, чтобы пополнить на 200 тыс. руб. казенные доходы. Императрица утвердила это предложение, ибо правительство полагало, что от его реализации повысится платежеспособность населения Вятской и других провинций, где скопилось много дешевого хлеба²²⁷. Шувалов решил сам воспользоваться правительственным указом, но не прямо, а через посредника: 26 марта 1757 г. Сенат разрешил его агенту купцу Л. Я. Пломану закупить 100 тыс. четв. хлеба и отправлять его за границу не только через Архангельский, но и Петербургский порт²²⁸. Еще 100 тыс. четв. хлеба было разрешено продать за границу обер-штаб-мейстеру и члену присутствия Военной коллегии П. С. Сумарокову, первоначально добивавшемуся разрешения на вывоз 250 тыс. четв. хлеба и мотивировавшему свою просьбу долгами и нехваткой жалованья (6 тыс. руб. в год)²²⁹.

Такое решение Сената разожгло аппетиты и зависть других сановников и вельмож. 15 апреля 1757 г. камергер императрицы

²²⁵ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 455—457.

²²⁶ Н. Н. Фирсов. Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII в. Казань, 1922, стр. 111—131.

²²⁷ С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966, стр. 68—69.

²²⁸ ЦГАДА, Сенат, кн. 2984, лл. 328—329 об.; 1 четверть = 9 пудам хлеба.

²²⁹ ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 797, лл. 3—4.

М. И. Сафонов обратился в Сенат с просьбой разрешить продать за границу «собственной и купленной аржаной муки до 30 тыс. кулей» (около 270 тыс. пудов), которые он привез в столицу в 1755—1756 гг. и не захотел продавать в розницу²²⁹. Обер-прокурор Сената А. И. Глебов, владелец крупных винокуренных заводов, ежегодно поставлявший казне десятки тысяч ведер вина и хорошо знавший состояние сельского хозяйства, просил разрешить вывезти за границу в течение 5 лет 300 тыс. четв. хлеба, мотивируя это тем, что «обширное Российское государство весьма изобильно плодородием хлеба, которого в разных местах, не имея способа оной продать настоящей ценою, немалое число пронадевает»²³¹.

Такое же количество хлеба хотел продать и сенатор граф М. И. Воронцов. Будучи образованным человеком, хорошо знающим политическую и экономическую конъюнктуру в Европе, вице-канцлер представил пространное обоснование своей просьбы. Напомнив императрице и Сенату о том, что «общество» богатеет «отпуском из государства произрастающих в нем продуктов», который превосходит ввоз иностранных товаров, Воронцов отметил, что такой политике следовал еще Петр I. Для сельскохозяйственной страны, как Россия, полагал он, важно разрешить свободный вывоз хлеба, так как от этого «должно ожидать разных весьма полезных следствий». Разделяя распространенные среди многих помещиков-крепостников мнения о причинах крестьянской «бедности» и «лености», Воронцов считал, что «земельцы» будут лучше трудиться и распахивать пустующие земли, если будут иметь возможность сбывать продукты своего труда. Они смогут увеличить доходы от продажи хлеба скупицам, а также наниматься перевозить хлеб к портам. Особенно благоприятно отзовется эта мера «в отдаленных украинских и низовых одним токмо хлебом изобилующих провинциях», где жители от избытка дешевого хлеба и отсутствия промыслов «приходят в леность и последующую от того бедность». Развитие хлебной торговли «доставило б государству многие пользы, а в казенных доходах в.п.в. немалое приращение». Обещая «изобилие» России от расширения хлебного экспорта, Воронцов ссылаясь на историю Англии, «которая до тех пор претерпевала значительный недостаток в хлебе, получая оной из чужестранных земель, доколь правительство подданных своих не принудило к отправлению хлеба в чужестранные области», стимулирует экспорт поощрительными пошлинами.

Поскольку хлебная торговля судит Россия большую выгоду, Воронцов желал «первыми опытами в том покуситься»; при этом влиятельный сановник, опасаясь конкуренции дворян и купцов, хотел максимально оградить свои интересы и просил на пять лет запретить прочим лицам вывоз хлеба за границу, лицемерно ссылаясь на то, «что от генерального всем позволения вместо чаемой

²²⁹ ПГАДА, Сенат, кв. 2384, лл. 312—313.

²³¹ Там же, л. 315 и об.

общей пользы более опасаться надлежит ущербу и предосуждения»²³². В целом рассуждения М. И. Воронцова об «общей пользе» от предоставления ему правительством монополии хлебного экспорта не могли завуалировать его желание извлечь для себя максимальную выгоду от нового указа правительства в ущерб другим конкурентам. Но в его суждениях проскальзывали характерные для других дворянских авторов замечания о необходимости расширения торговли продуктами сельского хозяйства²³³.

В Сенат за разрешением на вывоз хлеба обратилась также вдова известного государственного деятеля сенатора генерала А. И. Румянцева, выдвинувшегося еще при Петре I благодаря выполнению его задания по возвращению в Россию царевича Алексея Петровича. Ссылаясь на заслуги мужа и жалуясь на долги, она хотела продать 30 тыс. четв. хлеба и муки. Однако Румянцева получила отказ, так как Сенат опасался перебоев в снабжении провинтом столичного гарнизона и флота²³⁴. Первоначально было также отказано в просьбах М. И. Воронцову и А. И. Глебову, хотя они повторяли свои ходатайства.

В новой челобитной в мае 1757 г. Воронцов, опасаясь, что выдача разрешения ему и Глебову на вывоз 300 тыс. четв. хлеба собьет цены, предложил Сенату другой вариант: в 1757—1760 гг. он продает 200 тыс. четв., Глебов — 100 тыс., а в последующие 4 года — наоборот²³⁵. Когда и эта просьба Воронцова не была удовлетворена, оба сановника изменили тактику и объединились, боясь, что скупка хлеба Пломаном и Сумароковым вызовет «остановку» в их планах. После этого они добились от Сената согласия на то, что каждый из них получает подряд на вывоз в 1757 г. 100 тыс. четв. хлеба, Пломан и Сумароков согласились на уменьшение их доли вывоза. К тому же Пломан не смог сам организовать закупку хлеба и выполнение половины подряда (50 тыс. четв.) переуступил протоколисту Чебышеву, сын которого отправил хлеб. В 1758 г. Сенат дал разрешение Воронцову и Глебову на вывоз 300 тыс. четв. хлеба каждому, как они просили ранее. Сумароков получил подряд на 150 тыс. четв.²³⁶ Воронцов и Глебов широко использовали разрешение Сената и продавали за границу не только зерно, муку и крупы, но крупные партии пеньки, конопля, льняного семени²³⁷.

Заинтересованность дворян в расширении экспорта сельскохозяйственных продуктов привела к тому, что в октябре 1760 г. Конференция при высочайшем дворе высказалась за отмену запрещения на вывоз хлеба из Лифляндии и Эстляндии. Рост хлебной

²³² Там же, лл. 309—310 об.

²³³ С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в., стр. 94—97.

²³⁴ ЦГАДА, Сенат, кн. 2984, лл. 452—454.

²³⁵ Там же, лл. 363—364.

²³⁶ Там же, лл. 369—439 об.

²³⁷ Там же, л. 482 и об.

торговли, отмечалось в ее решении, увеличивает доходы казны от поштупления пошлин, что подтвердилось в 1757—1760 гг., когда государство получило свыше 200 тыс. руб. пошлин от Воронцова, Глебова и др.²³⁸

В истории с вывозом хлеба за границу конкурировали между собою крупнейшие сановники и вельможи России, если не считать иноземного купца, который скоро был оттеснен от выгодного дела. При этом Воронцов использовал свое высокое положение в правительстве не только для получения разрешения на экспорт хлеба из России, но и для распродажи его за границей. По поручению вице-канцлера русский посланник в Стокгольме Н. И. Панин сообщал своему начальнику в 1757—1759 гг. в дипломатических депешах хлебные цены в Швеции, Голландии, Англии и других странах, а также подыскивал ему комиссионеров из числа шведских купцов²³⁹.

В других случаях намерения дворян-предпринимателей сталкивались с интересами купцов и промышленников. Об этом, в частности, свидетельствует история учреждения «Компании персидского торгова». В декабре 1754 г. в Сенат обратилось несколько купцов с просьбой разрешить завести компанию для торговли России с Персией. Эту челобитную подписало 7 чел.: крупный московский купец I гильдии, откупщик и заводчик К. Матвеев, получивший за свои заслуги чин коллежского асессора²⁴⁰, содержатели шелковых и полотняных фабрик Д. Я. Земский и В. М. Хастатов, П. Струговщиков, а также симбирский купец, владелец медных заводов И. Б. Твердышев, ярославский купец I гильдии А. И. Ярославцев и астраханский П. М. Волоковинов.

Ссылаясь на то, что торговля с Персией идет плохо, не приносит прибыли казне и купцам, у которых мало капиталов, составители челобитной просили у правительства разрешения на заведение «Российской в Персии торгующей компании». Купцы хотели получить на 15 лет право монопольной торговли с Персией, куда они желали вывозить из России самые разнообразные товары: «сермяжные русские сукна, масло коровье, сало говяжье, баранье, мыло, холст, юфть красную говяжью и коневую, звериную мягкую рухлядь и неделанные кожи, пшеницу и муку пшеничную, писчую бумагу, краску брусковую». В этом перечне были широко представлены сельскохозяйственные продукты, а также продукция крестьянских промыслов. Компанейщики просили разрешение на постройку 3—4 судов, чтобы не зависеть от «Астраханской морской судовой компании». Компания должна быть финансирована за счет капиталов самих купцов. Но зато они хотели получить от правительства ряд привилегий и «для новости сего дела по примеру других европейских государств, яко желающих распростра-

²³⁸ Там же, оп. 113, кн. 1361, лл. 2—4.

²³⁹ «Архив кн. Воронцова», кн. 26. М., 1882, стр. 62—67.

²⁴⁰ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 341, 342; С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в., стр. 174—175.

ниться в пользу Российской империи, пред другими купцами предпочесть и от обид нас и прикащиков наших защитить и выбором в гражданские службы от сего торга не отлучать». Далее купцы подробно перечислили свои условия: 100 тыс. руб. казенной ссуды, предоставление им чинов, охрана их торговых караванов от нападений, предоставление переводчиков, знающих восточные языки, свободный проезд из России на лошадях ямщиков с паспортами и подорожными, а также за границу, предоставление в случае необходимости займов из Купеческого банка, а при отсутствии у него средств — из Дворянского. Компания создается на средства купцов-учредителей, она не будет выпускать акций, но может принимать новых членов. Взамен права на монопольный торг с Персией купцы обещали отдавать в казну все получаемое при обмене русских товаров золото и серебро с уступкой по 10 коп. на золотник золота и по 1 коп. для серебра²⁴¹.

Попытка крупнейших воротил торгово-промышленного мира России монополизировать весьма перспективную торговлю с Персией ущемляла интересы купчества Астрахани, которое издавна торговало с восточными странами. В январе 1755 г. группа астраханских купцов, среди которых были русские, армяне, «татары» (выходцы из Индии) и другие, подала челобитную в Сенат с просьбой не разрешать К. Матвееву и его товарищам заводить компанию для торговли с Персией²⁴².

Во время обсуждения в Сенате купеческих челобитных в борьбу за право ведения монопольного торга с Персией включился еще один претендент — камергер князь П. И. Репнин — крупный помещик, владелец металлургических и винокуренных заводов, шелковой мануфактуры²⁴³. Он тоже захотел получить на 15 лет монополию на торговлю с Персией. Помимо тех товаров, которые собирались продавать в Персии К. Матвеев и его компаньоны, князь Репнин хотел вывозить продукцию крестьянских промыслов и русских мануфактур: холст «хрящ», «железо в деле и не в деле», «чюгун в отливном посудном мастерстве», селитру, порох, канаты и веревки, «которые деланы ис пакли и ни х какому корабельному употреблению негодные». В своей челобитной он специально остановился на обосновании необходимости расширения торговли скотом. «В выпуске ж всякого скота,— писал он в Сенат,— видится немалая прибыль как в пошлинном сборе, так и в продаже оных, понеже оной скот покупаем быть может не в российских городех, но у калмыков, черкесов п киргисов». В свою очередь, продажа скота будет способствовать обогащению этих народов, развитию у них скотоводства. От этого будет прямая выгода казне, населению России, так как «продаваться оной скот будет по большей части народам, живущим под протекцию в.и.в. на границах персидских за Кизляром, горским и другим тамошним

²⁴¹ ЦГАДА, Сенат, кн. 2985, лл. 275—285.

²⁴² Там же, лл. 353—355.

²⁴³ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 363—375, 384, 456—457, 493.

народам». В обоснование своей просьбы Репнин писал, что «они товары, кроме одного хлеба, юфти и холста с хрящем, донныне в Персию не отпускались» и, значит, купцы России от его монополии не будут в убытке. Такая аргументация весьма примечательна: потомок древнего аристократического рода, стремясь сорвать выгодный куп, приводит чисто «купеческие» аргументы, которые более приличествовали торговцам-промышленникам. Примечательно и то, что князь Репнин был достаточно хорошо осведомлен об основных этапах в развитии русско-персидской торговли: в своих челобитных он неоднократно ссылается на опыт Английской компании, имевшей монополию на торговлю с Персией через Россию, а также на торговые операции некоторых русских купцов²⁴⁴.

Помимо П. И. Репнина еще два сановника — генерал-поручик камергер Р. И. Воронцов и бригадир А. П. Мельгунов — тоже попытались получить монополию на персидский торг. Они обратились с просьбой к Сенату разрешить им не только продавать через Астрахань в Персию соль в обмен на золото и серебро, на что они уже имели разрешение от правительства, но также ввозить в Россию шелк, морену, нефть и другие товары. В своей челобитной они писали, что имеют своих агентов: в Астрахани купца А. Астраханцева, в Персии армянина В. Абрамова²⁴⁵.

Рассмотрев все заявки, Сенат отдал предпочтение новой группе соискателей — крупному петербургскому купцу Манвелю Назаровичу Исаханову и его братьям Артемию, Богдану и Никите, родом из Армении. Исахановы просили разрешить торговать с Персией через Астрахань и Кизляр юфтью, салом, маслом коровьим и мылом и обращались с челобитной еще в 1753 г., но тогда получили отказ. Братья не просили у правительства ссуды и чинов, обещали выпустить 4 тыс. акций по 150 руб. каждая и хотели, чтобы их назначили директорами компании²⁴⁶.

Р. И. Воронцову, А. П. Мельгунову, П. И. Репнину, а также К. Матвееву в их просьбе было отказано. Такая позиция правительства объяснялась тем, что Матвеев и его компаньоны запросили слишком много льгот, в том числе казенный займ в 100 тыс. руб., а сами не имели достаточных средств²⁴⁷. Когда правительство отклонило просьбу о займе, Матвеев отказался от своей заявки, хотя Хастатов и Ярославцев были готовы создать компанию без казенных ссуд²⁴⁸. Правительство отдало предпочтение семейной компании армянских купцов, имевших капитал и большой опыт ведения восточной торговли, чем не располагали сановные претенденты. Воронцову и Мельгунову было предложено до-

²⁴⁴ ЦГАДА, Сенат, кн. 2985, лл. 350 и об., 516—518 об.

²⁴⁵ Там же, он. 113, кн. 1095, лл. 20—21 об.

²⁴⁶ Там же, л. 7 и об.; кн. 2985, лл. 392—393 об.

²⁴⁷ В феврале 1758 г. И. Б. Твердышев подал челобитную об исключении его из числа компаньонов создаваемой компании, так как у него не хватало капитала (ЦГАДА, Сенат, кн. 2985, л. 452).

²⁴⁸ Там же, лл. 454—460.

вольствоваться полученной монополией на вывоз в Персию соли. Что касается торговли шелком, мореной и другими персидскими товарами, то они могут их ввозить лишь по договоренности с директорами вновь создаваемой Персидской компании²⁴⁹.

Однако Р. И. Воронцов не отказался от намерения заполучить монополию на весьма выгодную торговлю с Персией и продолжал подавать в Сенат челобитные. Чтобы склонить правительство на свою сторону, он обосновывал свои домогательства рассуждениями о «государственной пользе», неоднократно обращаясь к историческим примерам. Поскольку Воронцову было отказано в монополии на торг с Персией, он в 1758 г. обратил свои взоры на торговлю «з живущими по левую сторону Каспийского моря народами, а имянно: с бухарцами, хивинцами и трухменцами». Если ему разрешат построить несколько судов, то он будет из Астрахани отправлять этим народам «товары по большей части российского продукта»: ржаную и пшеничную муку, кожи, деревянную и чугунную посуду, холсты, крашенину, наперстки, иглы, «зеркала разных разборов, кармазинных и других сортов сукна и стамеды», а также «другие к тамошним местам приличные товары». Поскольку, писал Воронцов, «не может коммерция ни долговременно, ни прямо полезна быть, ежели за отвозимые товары получать только одно золото и товары, а не брать притом взаимно и тамошние товары», то он будет ввозить в Россию драгоценные камни, «овчинки бухарские и ширинские, тамошние парчи, всякие халаты». «Может быть, сим малым с Хивую и бухарами только началом, — заключал он свою челобитную, — сыщется средство восстановить непосредственную и свободную торговлю с Индией и чрез то со временем знатную часть сего важного для всей Европы торгу чрез здешнюю империю установить». Для развития торговли с восточными народами Воронцов хотел получить монополию на 30 лет, обещая также увеличить вывоз из России рыбы, икры, клея. Поскольку он один не сможет осуществить такой грандиозный план, то будет привлекать в свою компанию знающих купцов в Москве, Петербурге и Астрахани. Воронцов предлагал Сенату наградить их «приватными чинами» и разрешить носить шпаги, освободить от постоев, чтобы они «под защитением Коммерц-коллегии находились», как это было сделано в отношении членов купеческой компании, торговавшей от Темерниковского порта²⁵⁰.

26 марта 1759 г. правительство удовлетворило просьбу Р. И. Воронцова и отдало ему на 30 лет право торговли с посточными народами, после чего он стал жаловаться на то, что астраханские купцы в нарушение его монополии отправляют на Мангышлак различные товары²⁵¹. Вместе с Воронцовым в эту компа-

²⁴⁹ Там же, оп. 113, кн. 1095, лл. 2—7. 21—23.

²⁵⁰ ЦГАДА, Сенат, кн. 2985, л. 845 и об.

²⁵¹ Там же, лл. 874—888, 895, 969—972 и др.

нию вошли камергер князь А. Б. Куракин, владелец крупных винокуренных заводов, бравший большие подряды на поставку казне вина и провианта²⁵², а также несколько купцов Москвы и Ярославля. От челобитных о заведении компании по торговле с Хивой и Бухарой Р. И. Воронцов перешел к проектам расширения восточной торговли России и постепенного подчинения и присоединения к ней тамошних народов. Осуществление этих планов, по его мнению, позволило бы России завести «наиприбыточнейшую коммерцию с Индией», чего добивался еще Петр I²⁵³.

В литературе отмечено, что «наиболее предприимчивые и менее щепетильные относительно дворянской чести помещики занимались откупами», участвуя вместе с купцами в публичных торгах²⁵⁴. Важно подчеркнуть, что среди дворян-откупщиков встречались виднейшие сановники Российской империи, некоторые из них были связаны родственными узами с правящей династией.

Так, уже неоднократно упоминавшийся обер-прокурор Сената А. И. Глебов, женатый на племяннице Елизаветы Петровны, был не только крупным сановником, но и дельцом. В 1756 г. он получил в Камер-коллегии на 4 года на откуп взимание кабацких и канцелярских сборов в Нижнем Новгороде, Балахне с уездами и на Макарьевской ярмарке — крупнейшей ярмарке России, за что обязался платить в казну ежегодно 36 тыс. руб. В 1759 г., не дожидаясь окончания контракта, он передал откуп другому родственнику императрицы, ее двоюродному брату камергеру графу И. С. Гендрикову, владельцу суконной мануфактуры в Московском уезде, красильного заведения в Москве и винокуренного завода в Костромской вотчине, откуда он поставлял вино казне²⁵⁵. Камер-коллегия санкционировала эту сделку, но, оберегая интересы казны, возражала против автоматического продления контракта на 5 лет, на чем настаивал Гендриков, просивший также отдать ему на откуп сборы пошлин в Гороховце, Юрьевце-Поволжском и Пучеже. Коллегия хотела в 1760 г. организовать торги, чтобы сдать откуп тому, кто даст большую сумму. На сбор пошлин в Новгороде, Балахне и на Макарьевской ярмарке претендовали купцы Р. Кузнецов (Орел) и А. М. Томилин (Москва). После того как Камер-коллегия не удалось сдать на откуп сбор пошлин в этих городах за желаемую сумму, торги перенесли в Сенат. Там интересы Гендрикова отстаивал его поверенный купец Бурцов. Рассмотрение этого вопроса в Сенате кончилось тем, что Гендриков, подавший в Сенат несколько челобитных, получил в

²⁵² ЦГАДА, Сенат, кн. 3604, лл. 2 об., 197; *Н. И. Павленко*. Указ. соч., стр. 451, 454; *С. М. Троицкий*. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в., стр. 87.

²⁵³ См. *С. М. Троицкий*. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в., стр. 85—87; ЦГАДА, Сенат, кн. 2985, лл. 1147—1166.

²⁵⁴ *Н. И. Павленко*. Указ. соч., стр. 455.

²⁵⁵ Там же, стр. 457; ЦГАДА, Сенат, кн. 3262, л. 4.

марте 1761 г. на откуп те сборы, которых он добивался, на выгодных для него условиях — за 33 425 руб., а не за 49 606 руб., как первоначально хотела их сдать Камер-коллегия. При этом он, используя свое высокое положение при дворе, навязал коллегии менее выгодные условия контракта по сравнению с теми, которые предлагал купец Р. Кузнецов²⁵⁶.

Другой вельможа, сын фельдмаршала Б. П. Шереметева, камергер императрицы Елизаветы Петровны П. Б. Шереметев, один из самых богатых людей в России XVIII в., не гнушался заниматься откупами для увеличения своих доходов. В 1762 г. его поверенный Тяпкин получил в Сенате на 4 года разрешение взимать кабацкие сборы в Уфимской провинции с уплатой казне ежегодно 3250 руб. Ему же были отданы на откуп кабацкие и канцелярские сборы в Вологде и уезде (1180 руб. в год)²⁵⁷. В 1761 г. в Сенате проводились торги для сдачи на откуп сбора кабацких и конских пошлин в Ростовском уезде. В этом аукционе участвовали московский купец I гильдии В. Лаврентьев, петербургский купец К. Иванов, владимирский купец И. Неростов, претендовавшие на сбор конских пошлин, а также купцы И. Мурзин и И. Щукин, которые имели этот откуп в 1758—1761 гг. Вместе с купцами в торгах участвовали два сановника — президент Вотчинной коллегии, действительный статский советник М. К. Лунин и камергер П. Б. Шереметев. Связи последнего при дворе и в Сенате помогли оттеснить всех конкурентов. 7 июня 1762 г. Сенат отдал сбор пошлин Шереметеву²⁵⁸. В откупах участвовали также потомок рода Рюриковичей камер-юнкер, а затем сенатор князь П. А. Трубецкой, его компаньон камергер М. М. Измайлов²⁵⁹ и многие другие.

Мы привели данные, характеризующие торгово-предпринимательскую деятельность некоторых представителей бюрократии в первые шесть десятилетий XVIII в. Они не охватывают все категории центрального и местного чиновничества, а относятся главным образом к верхушке сановной бюрократии, служившей в высших учреждениях Российской империи или входившей в число наиболее близких и доверенных вельмож монарха. Однако для наших целей в первую очередь важно не «количество», а «качество» данных о предпринимательской деятельности дворян-чиновников. Изменения в хозяйственном положении верхушки бюрократии оказывали существенное влияние на разработку государственной политики.

Данные о хозяйстве А. Д. Меншикова, А. В. Макарова и некоторых других свидетельствуют о том, что уже в первой половине XVIII в. происходила весьма интенсивная перестройка крупной

²⁵⁶ ЦГАДА, Сенат, кн. 3322, лл. 409—425 об.

²⁵⁷ Там же, кн. 3384, лл. 352 об., 366 об.—367.

²⁵⁸ Там же, лл. 375—388.

²⁵⁹ Там же, кн. 3322, лл. 400—402.

вотчины под влиянием рыночных отношений. Особенно заметно этот процесс проявился в середине XVIII в., что подтверждается данными о торгово-предпринимательской деятельности Шуваловых, Воронцовых, Нарышкиных и многих других. При этом обращает на себя внимание чрезвычайно разнообразие форм приспособления крупной помещичьей вотчины к складывающимся буржуазным отношениям: переход от натуральной и отработочной ренты к денежной, развитие дворянского предпринимательства, выразившегося в заведении собственных промыслов и мануфактур, особенно винокуренных заводов, участие во внутренней и внешней торговле продуктами своего хозяйства и скупаемого на рынке, а также в казенных подрядах и откупах, ростовческих операциях и т. д. В большинстве случаев дворяне получали поддержку абсолютной монархии (передача казенных заводов, монополий, займы на льготных условиях, привилегий в промышленной и торговой деятельности и т. д.).

Развитие помещичьего предпринимательства в изучаемое время приводило к тому, что дворяне вступали в тесный контакт с русскими и иностранными купцами, промышленниками, посадскими людьми, своими и чужими торгующими крестьянами, банкирами, владельцами судов. В одних случаях они использовали их как своих компаньонов или агентов, в других представители формирующейся буржуазии становились конкурентами помещиков. При этом постепенно происходило частичное изменение социального облика некоторых слоев российского дворянства, их своеобразное «обуржуазивание». Этот процесс захватил и бюрократию, обслуживавшую правящий класс и тесно с ним связанную, причем не только верхние, но и нижние слои чиновничества. Несмотря на неполноту и отрывочность имеющихся данных, есть основание полагать, что уже в середине XVIII в. начал складываться союз дворянина-чиновника и купца-промышленника, причем иногда дворянин сам был в то же время купцом-предпринимателем, не брезговавшим никакими способами для увеличения своих доходов и широко использовавшим свое положение в государственном аппарате. Точно такими же способами пытались увеличить свои доходы и представители «крапивного семени», хотя они, конечно, в большинстве случаев не могли равняться с сановниками в размахе предпринимательской деятельности. В начале XVIII столетия выходец из низов общества А. Д. Меншиков, став «светлейшим князем», вторым после царя лицом в государстве и богатейшим помещиком, не гнушался сдавать каморки доходного дома в Петербурге крепостным крестьянам-отходникам. Спустя 40 лет высшие сановники государства, среди которых были потомки древнейших княжеских и боярских родов, связанных родством с императорской фамилией, не считали для себя зазорным месяцами и годами добиваться выгодного казенного подряда или откупа, соперничая в этом с «подлыми людьми» — купцами и крестьянами. И хотя не во всех отраслях экономики дворяне-чиновники до-

бывались желаемого успеха, однако их предпринимательство не было случайным и временным увлечением. В целом оно свидетельствовало об изыскании помещиками путей приспособления к новым, буржуазным отношениям.

Примечательно, что в середине XVIII в. некоторые наблюдательные современники довольно точно датировали историю дворянского предпринимательства, относя его возникновение к середине XVII столетия. Так, один из идеологов дворянства, генерал-прокурор Сената князь Я. П. Шаховской, будучи назначен в комиссию по разделу наследства барона А. Строганова, 29 мая 1761 г. представил Елизавете Петровне доклад, в котором сообщал о затруднениях в распределении фабрик и заводов между наследниками: «Но токмо точных о соляных, о медных и железных заводах за движимое или недвижимое имение их почитать и как оные наследникам и женам разделять, узаконений нет,— писал Шаховской.— И не для того ль, что такие минеральные промыслы и заводы по большей части после Уложения (Соборного уложения 1649 г.— С. Т.) строиться и размножаться стали, а в дворянские фамилии и гораздо недавнее вошли, и о тех разделах едва ль дела и тяжбы приказные были ль, ибо таких по справкам не окажется»²⁶⁰.

Одновременно с изменениями в хозяйственном положении бюрократии намечались сдвиги и в ее идеологии, известное сближение экономических интересов этой части чиновничества и нарождавшейся буржуазии. Поэтому, например, в финансовых и экономических проектах ряда дворянских авторов весьма заметно прослеживаются буржуазные идеи. Важно подчеркнуть, что вслед за этим нередко происходило и изменение правительственной политики, что, например, весьма заметно сказалось в деятельности правительства в 50—60-х годах XVIII в., которое осуществило ряд реформ, объективно способствовавших развитию буржуазных отношений в России (отмена внутренних таможен, монополий, учреждение банков, покровительственный тариф и т. д.)²⁶¹.

* * *

Формирование российской бюрократии происходило в сложных исторических условиях. Будучи прослойкой общества, обслуживавшей правящий класс, она испытывала на себе сильное влияние дворянства. Благодаря государственной службе выходцы из непривилегированных слоев общества становились личными, а затем и потомственными дворянами и тем самым пополняли ряды

²⁶⁰ ЦГАДА, Госархив, XI р., д. 789, л. 29.

²⁶¹ С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в., стр. 61—102, 180—186; Н. Л. Рубинштейн. Уложенная комиссия 1754—1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще». — «Исторические записки», т. 38. М., 1951, стр. 208—251.

господствующего класса. Часть чиновников не только получала дворянское достоинство, но приобретала землю, крепостных крестьян и становилась настоящими помещиками. Такие чиновники усваивали образ жизни, привычки, идеологию феодального класса. Феодализация, или одворянивание, части чиновничества усиливала его зависимость от абсолютной монархии, задерживала превращение бюрократии в бессловную категорию буржуазного общества.

В то же время начавшийся процесс разложения феодально-крепостнической системы в России в XVIII в. привел к перестройке хозяйства части помещиков, пытавшихся приспособиться к капиталистическим отношениям. Одним из проявлений этого сложного процесса было развитие дворянского предпринимательства. В силу своего положения в государственном управлении чиновники были лучше осведомлены о всех изменениях в экономическом положении страны и имели большие возможности для того, чтобы воспользоваться новой обстановкой для своего обогащения. Представители низшего звена администрации также пытались вести торгово-предпринимательское хозяйство. Однако масштабы их операций обычно были меньше, чем у лиц, находившихся в высших рангах, а следовательно, и имевших больше возможностей для обогащения. Как мы пытались показать, среди дворян-предпринимателей было много чиновников, занимавших ключевые посты в государственном аппарате России. Изменение бытия самой бюрократии, несомненно, оказывало влияние на ее взгляды и позиции при разработке тех или иных законодательных актов.

Однако нет оснований переоценивать степень воздействия этого фактора на весь механизм государственного управления, ибо изменения в политике абсолютной монархии зависели от действия многих других факторов (уровень развития новых, капиталистических отношений, степень остроты классовых противоречий между дворянством и крепостным крестьянством, а также соотношение сил представителей различных группировок правящих кругов, понимание ими задач, стоявших перед государством в тот или иной исторический период, и др.).

Заключение

Мы рассмотрели основные аспекты проблемы формирования российской бюрократии в XVIII в. Подведем краткие итоги всего исследования.

Реформы правительства Петра I в конце XVII — первой четверти XVIII в. способствовали утверждению абсолютизма в России, а также сыграли важную роль в процессе формирования бюрократии. Они создавали условия для превращения чиновничества в особую прослойку общества.

К числу важнейших законодательных актов правительства Петра I, оформлявших здание абсолютной монархии в России, относится изданная в 1722 г. Табель о рангах. Опираясь на русское законодательство и складывавшуюся в России систему чиновнопроизводства, а также критически используя опыт других европейских государств, правительство во главе с Петром I разработало своеобразный закон, сыгравший важную роль в укреплении власти абсолютного монарха. Следует особо подчеркнуть, что Петр I создал тщательно продуманную систему рекрутирования чиновничества. Это обеспечило долгую жизнь закону. Преемники Петра I в XVIII в. лишь развивали и приспособляли к новым условиям отдельные нормы Табели о рангах, не меняя ее основ.

Издание закона, введшего единую систему чинов в военном, гражданском и дворцовом управлении, основанную на принципе личной выслуги, отвечало интересам среднего и мелкого дворянства, составлявшего социальную опору абсолютизма. Вместе с реформами центральных и местных учреждений, проведенными в первой четверти XVIII в., оно в огромной мере усилило машину угнетения правящего класса. В то же время принятие этого законодательного акта укрепляло относительную независимость абсолютной монархии от интересов различных прослоек правящего класса. Новый закон способствовал бюрократизации самого дворянского класса, увеличению его служебного бремени. В то же время формирование бюрократии было важнейшим фактором, подготовившим «освобождение» правящего класса от обязательного характера государственной службы. Этому немало способствовало и то, что абсолютизм в значительных размерах привлекал в аппа-

рат управления выходцев из непривилегированных сословий и групп.

Чтобы усилить классовую однородность государственного аппарата и сделать его послушным орудием правящего дворянского класса, абсолютная монархия давала выходцам из социальных низов по достижении чинов определенного класса личное, а затем и потомственное дворянство. Такая политика вела к превращению бюрократии в привилегированную прослойку, стоящую над народом. Одновременно это способствовало увеличению численности дворянского класса, расширяло социальную опору российского абсолютизма. В то же время одворянивание части разночинцев в результате государственной службы в дальнейшем повлекло за собой серьезные изменения в социальном составе и имущественном положении «благородного» сословия, ибо сопровождалось его своеобразным «размыванием».

В первой половине XVIII в. в России сложилась немногочисленная, но хорошо организованная бюрократия, которая имела сложный национальный и социальный состав. Она рекрутировалась из самых различных слоев населения России. В середине XVIII в. потомственные дворяне были в меньшинстве среди чиновников (немногим более 21,5%), но в их руках находились ключевые посты в государстве. Остальные 78,5% чиновников по своему социальному происхождению были разночинцами. Одворянивание части выходцев из социальных низов, иерархическая организация чиновничества и строгая регламентация его деятельности делали бюрократию могущественным и в то же время послушным орудием абсолютизма.

Формирование бюрократии в России, как и в других странах, было длительным и сложным, внутренне противоречивым процессом, имевшим свою специфику. В борьбе с оппозицией феодальной аристократии за дальнейшую централизацию государственного управления абсолютная монархия опиралась на среднее и мелкое дворянство, стремилась создать дворянскую бюрократию. Это способствовало сохранению и насаждению сословности в России. Становясь личными, а затем и потомственными дворянами, выходцы из низов изменяли свой социальный статус и получали привилегии, которыми обладали представители феодального класса, и прежде всего право иметь землю и «крещеную собственность». Часть таких чиновников со временем вливалась в ряды дворян-крепостников. В итоге одворянивание чиновников задерживало процесс превращения бюрократии в бессословную категорию буржуазного общества.

В то же время, чтобы подорвать влияние родовитой знати, в частности действие принципа «породы», абсолютизм насаждал в государственном аппарате такие принципы (личная выслуга, заслуги, образование), которые в целом свойственны буржуазному государству. Неуклонное возрастание роли денежного жалования для разных категорий чиновников, независимо от их социального

происхождения, было важным показателем проникновения буржуазных начал в организацию управления при абсолютизме. К тому же в XVIII в. далеко не все лица, получавшие за службу дворянство, могли превратиться в помещиков, ибо в начале века государство перестало выдавать поместьное жалование.

Влияние господствующих феодально-крепостнических отношений в России и как следствие этого одворянивание части чиновничества — это лишь одна очень важная сторона процесса формирования бюрократии в России XVIII в., которая усиливала феодальное начало в ущерб буржуазным элементам в социальном облике новой прослойки общества. В то же время российская бюрократия испытывала воздействие и других факторов, что было связано с зарождением и вызреванием в недрах феодализма новых капиталистических отношений и своеобразным «обуржуазиванием» части правящего дворянского класса. Этот процесс захватил и отдельные слои бюрократии, особенно ее верхушку, что нашло свое проявление в развитии торгово-предпринимательской деятельности чиновников. Их положение в государственном аппарате во многих случаях создавало благоприятные условия для развертывания такого рода деятельности. Участие в торгах, промыслах, откупах, наряду с другими причинами, усиливало «буржуазный» характер бюрократии, приводило к тому, что она довольно чутко реагировала на развитие капиталистических отношений. Время от времени правящая верхушка принимала такие меры, которые объективно содействовали развитию капитализма, что, не затрагивая основ классового господства дворян-помещиков, в целом укрепляло экономические и политические позиции всего «благородного» сословия России.

Российская бюрократия со времени своего рождения была тесно связана прежде всего с правящим классом. Это свидетельствовало о том, что в России эволюция абсолютной монархии в буржуазном направлении совершалась медленно, сопровождаясь всякого рода крепостническими «зигзагами» и отступлениями в пользу дворян-крепостников.

Особенностью исторического развития России в XVIII в. являлось то, что формирование бюрократии было использовано абсолютной монархией для укрепления господства дворянского сословия, которое при активной поддержке государственной власти «переваривало» часть разночинцев, попадавших, несмотря на тормозящее влияние феодально-крепостнических отношений, в ряды чиновников.

Исследование истории формирования бюрократии в XVIII в. открывает возможности для сравнительно-исторического изучения этой темы, ибо она является составной частью более общей проблемы — типологии абсолютизма, которая вызывает споры между исследователями во многом из-за отсутствия конкретных данных по истории важнейших политических институтов абсолютной монархии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Табель о рангах, 1722 г.

Класс	Воинские чины				Статские чины	Придворные чины
	сухопутные	гвардейские	артиллерийские	морские		
1-й	Генерал-фельдмаршал	—	—	Генерал-адмирал	Канцлер	—
2-й	Генерал кавалерии, генерал-инфантерии	—	Генерал-фельдцейхмейстер	Адмиралы прочих флагов	Действительный тайный советник	Обер-маршал
3-й	Генерал-лейтенант, кавалер ордена Андрея Первозванного, генерал-кригс-комиссар	—	Генерал-лейтенант	Вице-адмирал, генерал-кригс-комиссар	Генерал-прокурор	Обер-штальмейстер
4-й	Генерал-майор	Полковник	Генерал-майор артиллерии, генерал-майор фортификации	Штаутбенахт, обер-цейхмейстер	Президент коллегии, президент Штатс-конторы, тайный советник, обер-прокурор	Обер-гофмейстер, обер-камергер
5-й	Бригадир, обер-штер-кригс-комиссар, генерал-провиантмейстер	Подполковник	Полковник артиллерии	Капитан-командор, капитан Кроншлотского порта, обер-сарваер корабельного строения, интендант, дейхмейстер, обер-штер-кригс-комиссар	Герольдмейстер, генерал-рекетмейстер, обер-перемониймейстер, обер-вальдмейстер, вице-президент коллегии, генерал-полицеймейстер, директор Канцелярии от строений, генерал-почт-директор	Гофмейстер, обер-гоф-штальмейстер, кабинет-секретарь, обер-гоф-мейстер при императрице, обер-шенк
6-й	Полковник, казначей, обер-провиант-мейстер, обер-комиссар, генерал-адьютант, прокурор, генерал-квартирмейстер-лейтенант	Майор	Подполковник артиллерии, полковник-инженер, обер-комиссар	Капитан I ранга, капитаны других портов, сарваер корабельный, прокурор, интендант партикулярной верфи в	Прокурор в коллегии, президент надворного суда, канцелярии тайный советник Иностранной коллегии, обер-секретарь Сената, штатс-комиссар, обер-рентмейстер в столице, советник в коллегии	Штальмейстер, действительный камергер, гоф-маршал, обер-егермейстер, первый лейб-медик

Приложение (продолжение)

Класс	Воинские чины				Статские чины	Придворные чины
	сухопутные	гвардейские	артиллерийские	морские		
7-й	Подполковник, генерал-аудитор, генерал-провиантмейстер-лейтенант, генерал-вагенмейстер, генерал-гевальдигер, генерал-адьютант при генерал-фельдмаршале, контролер	Капитан	Майор артиллерии, подполковник-инженер, обер-контролер	Капитан II ранга, контролер	Вице-президент надворного суда, обер-секретари Военской, Адмиралтейской, Иностранной коллегий, экзекутор Сената, обер-фискал, прокурор надворного суда, церемониймейстер	Гофмейстер при императрице, лейб-медик при императрице
8-й	Майор, генерал-адьютант при полном генерале, генерал-аудитор, обер-квартирмейстер, обер-фискал, чалмейстер	Капитан-лейтенант	Капитан артиллерии, инженер-майор, оберцейх-квартиер, контролер	Капитан III ранга, корабельный мастер, обер-фискал	Унтер-штаггальтер в столице, экономии штаггальтер, регистратор в губернии, обер-директор над пошлинами и акцизами в столице, обер-ландрихтер в столице, президент магистрата в столице, обер-комиссар коллегии, ассессор коллегии, обер-провиантмейстер в столице, обер-секретарь коллегии, секретарь Сената, обер-бергмейстер, обер-вардеин, обер-мицмейстер, надворный советник, надзиратель лесов, воевода	Титулярный камергер, гофштальмейстер, надворный интендант
9-й	Капитан-флигель-адьютанты генерал-фельдмаршалов и полных генералов, адьютант генерал-лейтенанта, обер-провиантмейстер, генерал-штаб-квартирмейстер, обер-аудитор, полевой почтмейстер, генерал-профос	Лейтенант	Капитан-лейтенант артиллерии, капитан-инженер, обер-аудитор, квартирмейстер, комиссар у пороховых и селитренных заводов	Капитан-лейтенант, галерный мастер	Титулярные советники двух воинских коллегий, секретарь Иностранной коллегии, обер-рентмейстер в губернии, полицмейстер и бургомистр магистрата в столице, ландрихтер провинции, профессора академий, доктора всяких факультетов, архивариусы при обоих государственных архивах, переводчик и протоколист Сената, казначей при монетном деле, ассессор надворного суда в столице, директора над пошлинами в портах	Надворные егермейстер и церемониймейстер, обер-кухенмейстер, камер-юнкер

Указатель имен*

- Абрамов В., купец 358
Аврех А. Я. 14
Автомонов А., мещанин 334
Адогуров В. Е., герольдмейстер 198, 258, 266, 283, 291
Акишев С., комиссар 332
Аксенов С. Н., регистратор Ревизион-коллегии 185
Акчурин С., обер-секретарь Сената 147
Албеков А. А., дворянин 309
Александр I, император 286, 317, 318
Александр II, император 15
Алексеев Д. А., ассессор Берг-коллегии 211
Алексеев К. И., майор 306
Алексеев П. К., ассессор канцелярии Гл. правления казанских и сибирских з-дов 200
Алексеев Ф., крестьянин-отходник 336
Алексеевы, дворяне 200
Алексей Петрович, царевич 63, 65, 72, 73, 116, 188, 355
Алефиренко П. К., 326, 344
Алпатов М. А. 49, 54
Алтышев А. У., переводчик Иностранной коллегии 210
Алфимов Н. Ф., переводчик Иностранной коллегии 128
Амилахаровы, грузинские князья 217
Андреев А., регистратор, нач. по-вытья Приказного стола Военной коллегии 39
Андреев И. А., секретарь Коммерц-коллегии 261
Андреев Ф. И., ассессор Гл. полиц-мейстерской канц. 212
Андреева Ф. А., помещица 313
Андреевский И. Е. 8
Андросов С., работник кн. Меншикова 340
Аничков Н. А., тов. воеводы Исетской пров. 188
Анна, английская королева 43, 57—59
Анна Ивановна (Иоанновна), курляндская герцогиня, затем императрица 33, 120—126, 134, 137, 141, 142, 158, 165, 167, 189, 190, 271—273, 344
Анна Леопольдовна, принцесса 123, 126, 256
Анненков А. И., дворянин, сын Анненкова И. П. 290
Анненков А. И., дворянин, офицер 290
Анненков И. П., курский помещик 290
Анненков П. И., дворянин, сын Анненкова И. П. 290
Анпилогов Г. Н. 32
Антонов Я., подьячий 347
Апраксин П. М., боярин, затем гр. 41, 325, 328, 351
Апраксин С. Ф., нач. Гл. комиссариата 174
Апраксин Ф. М., гр., президент Адмиралтейской коллегии, сенатор 20, 83, 84, 87, 90, 98, 100, 110, 309, 310, 322
Арбузов А. Г., подьячий Белевской воев. канц. 236
Арбузов В. Г., чиновник 236
Арбузов В. Н., надворный советник Белевской воев. канц. 235
Арбузов Г. Н., секретарь Камер-коллегии, затем надворный советник 235

* *Принятые сокращения:* воев.—воеводская, г.—город, гл.—главная, гр.—граф, губ.—губерния, губернский, з-д—завод, канц.—канцелярия, кн.—князь, нач.—начальник, пров.—провинциальный, тов.—товарищ. *Указатель составлен В. Г. Шерстобитовой.*

- Арбузов Е., председатель Тульской верхней расправы 236
- Арбузов И. Н., коллежский секретарь Белевской воев. канц. 235, 236
- Арбузов И. Н., дворянин московский, воевода 235
- Арбузов М. Г., канцелярист Белевской воев. канц. 236
- Арбузов Н. Н., обер-секретарь Сената 235
- Арбузов Н. С., городской дворянин, подьячий Белевской уездной воев. канц. 235, 236
- Арбузов П., советник коллегии Счетной экспедиции Кабинета 236
- Арбузов С. Н., чиновник 236
- Арбузов Ф. И., дворянин 235
- Арбузов Ф. Н., статский советник 235
- Арбузовы, дворяне 235, 252
- Аронов В. Д., частный пристав в Москве 243
- Аропов Д. Ф., коллежский ассессор, член присутствия Штатс-канторы 205, 240, 243
- Арохов Е. Д., коллежский советник 243
- Аропов П. Д., секунд-майор 243
- Ароновы, подьячие 252
- Арсеньев Н., переводчик Иностранной коллегии 208
- Артемьев И. А., протоколист Иностранной коллегии 207
- Артемьевы-Хлызовы, крестьяне 224
- Арчаковский А., винный подрядчик 352
- Арчаковский В., стряпчий, винный подрядчик 352
- Арцыбашев А. С., воевода г. Цивильска 200
- Астафьев, дворянин 315
- Астраханцев А., купец, 358
- Ахлебаев К. И., поручик Гл. полицеймейстерской канц. 190
- Аш И. Ф., юнкер Иностранной коллегии 194
- Аш Ф., директор Петербургского почтамта 194, 210
- Ашп, дворяне, затем бароны 194
- Ашио Г. Я., цейхвартер канцелярии Сестрорецких э-дов 185, 289
- Аюка, калмыцкий хан 229
- Бабурин Д. С. 17, 113
- Баженов И., дворянин 347
- Бакланова Е. Н. 49, 54
- Бакланова Н. А. 269
- Баклановский С. И., помещик 312
- Бакунин В. М., советник канцелярии Иностранной коллегии, затем действительный статский советник 187, 228—230
- Бакунин И. М., дворянин, мл. брат Бакунина В. М. 229
- Бакунин И. М., русский консул в Иране 229, 230
- Бакунин М. А., один из основателей и теоретиков анархизма и народничества 230
- Бакунин М. В., вице-президент Камер-коллегии 229, 230, 292
- Бакунин М. И., комендант г. Красного Яра и Царицына 228
- Бакунин Н. М., дьяк 228
- Бакунин П. В., переводчик Иностранной коллегии 187
- Бакунин П. В. Большой, действительный статский советник Иностранной коллегии 229, 292
- Бакунин П. В. Меньшой, тайный советник, член присутствия Иностранной коллегии 229, 230, 292
- Бакунин Ф. И., дворянин, сын Бакунина И. М. 229
- Бакунины, дворяне 227—230, 234, 252
- Балашов В. С., канцелярист Смоленской губ. канц. 248
- Балк А., надворный советник Гл. соляной канторы 146
- Балк-Полев П. Ф., камер-юнкер 308
- Балучин П. А., переводчик Иностранной коллегии 210
- Бантш-Каменский П. Н. 233
- Барабанов Ф. К., «кухмистер» адмирала Крюйса 337
- Баранов И., советник Ревизион-коллегии 146
- Баранов П. И. 225
- Баратаев М. М., грузинский кн., астраханский полицмейстер 289, 290
- Баратаевы, грузинские князья 217
- Барсов Т. В. 8
- Барсуков А. П. 197, 198, 201, 202, 206, 231
- Барсуков П., купец 341
- Бархузен, мастер порохового дела 328
- Барятинский А. И., кн., заводоладелец 351
- Барятинский И. Ф., кн., сенатор, генерал-лейтенант 125, 351
- Барятинский С. И., кн., заводоладелец 351
- Бассевич, генерал 337
- Бауман И. Н., вице-президент Камер-коллегии лифляндских и эстляндских дел 132
- Бахарев Я. И., секретарь Кабинета императрицы 306

- Бахметев И. И., сенатор, президент Мануфактур-коллегии 190, 258
 Башилов Н., секретарь Тверской пров. канц. 128
 Безобразов Н. С., гл. судья Сысского приказа 188
 Безобразов П. И., тов. губернатора Белгородской губ. 260
 Бекетов А. А., воевода Симбирской пров. 197
 Беклемшев В. П., русский резидент в ставке калмыцкого хана 229
 Беклешовы, дворяне 252
 Бекман П., надворный советник Камер-коллегии 146
 Белокуров С. А. 240, 241
 Белявский М. Т. 268
 Берендтс Э. Н. 38
 Бернов И. А., воевода г. Заволочья 199
 Берновы, дворяне 199
 Бескровный Л. Г. 17, 34, 222, 269
 Бессонов Ф. М., надворный советник Коммерц-коллегии 166
 Бестужев-Рюмин А. П., гр., сенатор, канцлер, президент Иностранной коллегии 128, 217, 219, 258
 Бестужев-Рюмин М. П., гр., дипломат 219, 259
 Бестужевы-Рюмины, гр. 217
 Бильбасов В. А. 144
 Билярский П. 267
 Бирон Эрнст-Иоганн, курляндский герцог, временщик 176, 185, 198, 210
 Благовидов Ф. В. 8
 Близендорф, гувернантки 289
 Блинов И. 8
 Бобровский А. 197, 201
 Богданов И., секретарь Сената 352
 Богданов С. Я., посадский человек, затем канцелярист 250
 Богданович М. И. 318
 Богословский М. М. 9, 11, 26, 34, 38, 39, 90, 323
 Богоявленский С. К. 196, 197, 206, 228, 232, 233, 240
 Бодышко Андрей, голландский купец 339
 Боев А., советник Гл. соляной конторы 257
 Болкошин А., разночинец 184
 Болотников И., комиссар 347
 Болотников Т. И., тов. воеводы Суздальской пров. 148
 Боман Магниер Яган, мастер каретного дела 336
 Бон Г. И., генерал 88
 Борзов В. С., бригадир 187
 Борзов Н. В., переводчик Иностранной коллегии 187
 Борноволокно М. И., тов. воеводы Севской пров. 197
 Бороховичев Е., мещанин 335
 Бороховичев Я., мещанин 335
 Борт Яган Корнилович, боцманмат 336
 Боршт Варфоломей, голландский купец 339
 Брагип Д. С., черносопный крестьянин 247
 Брагип С., черносопный крестьянин, канцелярист 247
 Брангин Христофор, торговый агент кн. Меншикова 339
 Брант Христофор, голландский купец 341
 Братищев В. Ф., русский резидент в Иране 207, 303
 Бреверн К., тайный советник Иностранной коллегии 122, 281
 Брусенцов Б. П., городской дворянин, затем старый подьячий Орловской приказной избы 313
 Брусенцов И. И., подьячий с приписью Ливенской воев. канц. 313, 314
 Брусенцов И. И. (младший), подьячий 313
 Брусенцов П. П., городской дворянин 313
 Брусенцов П. Т., городской дворянин 313
 Брылкин И. А., тов. оренбургского губернатора 190
 Брюс Я. В., гр., сенатор, президент Берг-коллегии 48, 50, 69, 84, 98, 102, 104, 110, 324
 Будаев С. Б., секретарь Петербургской губ. канц. 208
 Будберги, бароны 217
 Булыгин И. А. 29
 Бунин Д. М., воевода г. Ольшанска 200
 Буров А. А. 268
 Бурцов, московский купец 360
 Бутковский Ф. К., тов. архангельского губернатора 260
 Бутурлин А. Б., гр., сенатор, президент Военной коллегии 152, 174, 217, 219, 289
 Бутурлин И. И., генерал 88
 Бутурлин Н. И., ассессор Мануфактур-коллегии 300
 Вадбольские, кн. 217
 Василевский Л., надворный советник Юстиц-коллегии 146

- Васильев А., нач. Аудиторского по-
 вытья Военной коллегии 39
- Васильев В. М., обер-секретарь Адми-
 ралтейской коллегии 205
- Васильев Г. В., секретарь Сената 205
- Васильев И. В., секретарь Сената
 205, 258, 266
- Васильева Н. М. 21
- Васильевский С., приказчик кн. Мен-
 шикова 342
- Васильевы, приказные люди, затем
 дворяне 252
- Васков И. Г., воевода г. Вереи 231
- Васков К. Ф., секретарь Сената 231
- Васков М. К., коллежский советник
 231, 232
- Васковы, жильцы 227, 234, 252
- Вахтанг VI, грузинский царь 217
- Вебер М. 17
- Веретенников В. И. 8, 54
- Веригин И. Г., воевода Алаторской
 пров. 200
- Вернадский Г. В. 140
- Верховский П. В. 8
- Веселаго Ф. Ф. 268
- Веселовский И. П., секретарь, затем
 тайный советник Иностранной кол-
 легии 93, 259
- Веселовский С. Б. 20, 184, 185, 206
- Вешняков А. А., статский советник,
 посол в Турции 187, 250
- Вешняков Н. И., переводчик Ино-
 странной коллегии 187
- Вильгельм III Оранский, английский
 король 57
- Винтер Густав, музыкант 336
- Виттиг И., титулярный советник кон-
 торы Бахмутских соляных з-дов
 308
- Вишняев И. И., купец, бургомистр
 Главного магистрата 251
- Владимирский-Будапов М. В. 99,
 192, 206, 268—270
- Водарский Я. Е. 31
- Водолеев А., подканцелярист Ярен-
 ской воев. канц. 248
- Войков Ф. М., рижский вице-губер-
 натор 189, 260, 284
- Возжинский Н. А., камергер 303
- Волков А. С., переводчик Иностран-
 ной коллегии 187
- Волков А. Я., обер-секретарь Воен-
 ной коллегии 88
- Волков В. Б., секретарь Гл. комис-
 сариата 193
- Волков Д. В., секретарь Конферен-
 ции при высочайшем дворе 143,
 193, 291
- Волков И. В., московский купец 342
- Волков М. Я. 329, 334, 350, 351
- Волков М. Я., генерал 88
- Волковоинов П. М., астраханский
 купец 356
- Волконский Г., кн., полковник, дво-
 рецкий кн. Меншикова 327, 328
- Волчков И. А., воевода Пермской
 пров. 200
- Волчков С. В., ассессор канцелярии
 Академии наук 211
- Вольф, барон 217
- Вольф Христиан, немецкий философ
 25
- Вольнский А. П., астраханский гу-
 бернатор, затем кабинет-министр
 228, 349
- Вонлярлярский Н., дворянин 139
- Воровский В. В. 13
- Воронин Д. К., комиссар 347
- Воронин П. В., переводчик Ино-
 странной коллегии 207
- Воронов В., копиист Иностранной
 коллегии 314
- Воронцов И. И., гр., камер-юнкер
 306
- Воронцов М. И., гр., сенатор, вице-
 канцлер 143, 259, 353—356
- Воронцов Р. И., гр., сенатор 123,
 143, 306, 353, 358—360
- Воронцовы, гр. 20, 143, 217, 219,
 362
- Воскобойникова Н. П. 224
- Воскресенский Н. А. 21, 42, 49, 51,
 52, 54, 60, 63, 67, 69, 70, 75, 82,
 93, 97, 102, 103, 108, 112, 116
- Вульфсон Г. Н. 182
- Вяземский А. А., кн., генерал-про-
 курор 147
- Вяземский Б. Л. 8
- Вяземские, кн. 217
- Вязмин Н., приказчик кн. Менши-
 кова 339
- Габукиев Ф. Е., тов. воеводы Воло-
 годской пров. 305
- Гаген И., учитель 289
- Гамильтон Е. Г., жена Матвеева А. С.
 55
- Гамов И., разночинец 183
- Гампф И., генерал 174
- Ганнибал А. П., нач. канцелярии
 Гл. артиллерии и фортификации 261
- Гарпе О. Я., секретарь Ревельской
 губ. канцелярии 281
- Гейсон, ассессор Юстиц-коллегии 210
- Гелованов Г. С., грузинский кн.,
 капитан Гл. полицейстерской
 канц. 300
- Геловановы, грузинские князья 217
- Гендриков И. С., гр., камергер, вла-
 делец суконной мануфактуры 360

- Гендриковы, гр. 217
 Геннадий, епископ суздальский 148
 Геннин К. И., вице-президент Мануфактур-коллегии 259, 266
 Георгий, грузинский царевич, член присутствия Военной коллегии 174
 Герц Яган, учитель 290
 Герцен А. И., 119
 Глебов А., генерал 264
 Глебов А. И., обер-прокурор, затем генерал-прокурор Сената 143, 258, 283, 348, 353—356, 360
 Глебов И. Ф., генерал-майор 211, 289
 Глиноецкий Н. П. 8, 9, 41, 42, 125, 142, 189, 190
 Глюк Э., немецкий пастор 269, 270
 Глобс Томас, английский философ 25
 Голикова Н. Б. 33, 307, 308, 311, 313, 330, 346, 347
 Голицын А. Д., кн., сенатор 217, 348
 Голицын А. М., кн., дипломат 129, 259
 Голицын Г. А., кн. 351
 Голицын Д. М., кн., сенатор, член Верховного Тайного Совета 83, 84, 134, 325, 336
 Голицын Д. М., кн., прапорщик Измайловского полка 129
 Голицын М. М., кн., генерал-адмирал, сенатор, президент Адмиралтейской коллегии 217
 Голицын М. М., кн., фельдмаршал 129
 Голицын Н. Н. 198, 201—203, 206
 Голицын П., кн. 8
 Голицын П. А., кн., сенатор, член присутствия Военной коллегии 88, 98, 100
 Голицын С. А., кн., губернатор Московской губ. 260, 351
 Голицыны, кн. 216, 253
 Головин А. И., гр., вице-президент Адмиралтейской коллегии 217
 Головин А. С., гр. 340, 341
 Головин Н. Ф., гр., адмирал, президент Адмиралтейской коллегии 308, 344, 346
 Головины, гр. 217
 Головкин А. Г., гр., дипломат 121, 240, 259
 Головкин Г. И., гр., канцлер, сенатор, затем кабинет-министр 48—50, 52, 83, 84, 98, 100, 102, 110, 122, 324—326, 349, 350
 Головкин Г. И., гр., гофмаршал 350
 Головкин М. Г., гр., сенатор, затем кабинет-министр 344, 346, 349, 350
- Головкины, гр. 217, 350
 Голумбевский А. 331
 Голубцов А. Ф., поручик правителя Симбирского наместничества 194, 227
 Голубцов В. В. 194, 197, 205, 225, 227—230
 Голубцов Н. Ф., надворный советник Сената 194, 227
 Голубцов С. Ф., генерал-майор 227
 Голубцов Ф. А., сенатор, член Государственного совета 228
 Голубцов Ф. С., коллежский советник «при генерал-прокурорских делах», позже статский советник, член присутствия Вотчинной коллегии 194, 227, 258, 266, 283
 Голубцовы, дворяне 194, 227, 228, 230, 234, 252
 Гольдбах Х., действительный статский советник Иностранной коллегии 259
 Гольштейн-Бек фон, принц, член присутствия Военной коллегии 174
 Горохов И. С., подканцелярист Кашинской воев. канц. 246, 247
 Горчаков Л. Ф., архивариус Гл. артиллерийской канц. 203
 Горчаковы, дворяне 203
 Готре А. С., учитель 290
 Готье Ю. В. 9, 11, 38, 139, 144, 146, 162, 164, 167, 168, 200, 218, 265, 284, 315
 Грабарь В. Э. 77, 110
 Градовский А. Д. 9—11
 Греков С. Т., казанский губернатор, действительный тайный советник 264
 Григорьев И., купец 330
 Григорьева Софья, иноземка 337
 Гридякин И., ассессор Гл. соляной конторы 146
 Гросс Г., русский посланник в Пруссии 193
 Гросс Ф., переводчик Иностранной коллегии 193
 Гроций Гуго, голландский юрист и философ 25, 26
 Грудцын И., торговый человек гостиной сотни 332
 Гундоровы, грузинские князья 217
 Гурьев В. М., регистратор Монетной канц. 203
 Гурьев Д. В., подполковник 203
 Гюйссен фон Генрих, немецкий барон, доктор права, воспитатель царевича Алексея Петровича 53, 62, 75

- Давыдов Н. И., воевода Вологодской пров. 200
- Давыдов С., полковник 324
- Даневский П. Н. 8
- Данилов М. В., майор артиллерии 315
- Деколонг Д., член присутствия Фортификационной конторы 210
- Демидова Н. Ф. 14, 40, 163, 240, 254, 255, 304
- Деморий Я. Я., поручик Гл. полицмейстерский канц. 300
- Демьянов Д., подьячий 308
- Денисов Д. Ф., титулярный юнкер Гл. комиссариата 300
- Денисов Ф., беглый крестьянин 311
- Державин Г. Р., поэт, сенатор, затем министр юстиции 286, 287
- Дерлинг Г. Я., секретарь Ревельской губ. канц. 281
- Десятков П. Ф., воевода г. Устюжны Железопольской 199
- Десятковы, дворяне 199
- Дефорж Петр, учитель 290
- Дивеевы, князья 217
- Дивов И. И., генерал-рекетмейстер Сената 152, 258, 283
- Димитриев В. Д. 329, 344
- Дирин И. П., ассессор Ревизион-коллегии 198
- Дитятин И. И. 8, 115, 169
- Дмитриев И. И., поэт 287
- Дмитриев-Мамонов И. И., генерал-майор 48, 88, 102, 125—126, 324
- Долгин И. В., гл. межевщик 283
- Долгов И., приказчик кн. Меншикова 340
- Долгорукая А. И., княгиня 310
- Долгоруков В. В., кн., фельдмаршал, президент Военной коллегии 218
- Долгоруков Г. Ф., кн., сенатор 83, 84
- Долгоруков П. В. 194, 197—202, 205, 225, 228
- Долгоруковы, кн. 217, 253
- Домашнев Г. Я., секретарь Гл. соляной конторы 263
- Дондук Омбо, калмыцкий хан 229
- Досанг (Дасанг), калмыцкий тайша 229
- Друковцев А. Г., секретарь Камерцалмейстерской конторы 205
- Друцкие-Соколинские, кн. 217
- Дубасов Н. И. 323
- Дубенский А. Б., воевода г. Саранска 200
- Дубенский А. Н., воевода Вятской пров. 200
- Дубенский Г. А., прокурор Берг-коллегии 188
- Думашев К., управляющий вотчинами кн. Меншикова 327, 337
- Думашев Л., комедант г. Копорья 327
- Дурасов Н., советник Мануфактур коллегии 128
- Дурново В. П., воевода г. Ливны 190
- Дурново И. И., советник Сибирского приказа 262
- Дьяков А. Г., канцелярист Вотчинной коллегии 194
- Дьяков Г. К., городской дворянин 194
- Дьяков Г. С., канцелярист Вотчинной коллегии 194
- Дьяков Д. Г., титулярной коллегии юнкер 194, 195
- Дьяков К. О., городской дворянин 194
- Дьяков О. Г., городской дворянин 194
- Дьяков С. К., городской дворянин 194
- Дьяковы, городовые дворяне 194
- Евдокия Федоровна, царица 190
- Евреинов В. А. 8, 48, 51, 57—59, 63, 66, 68, 84—87, 105, 107, 112, 117, 120, 124, 152, 153, 251
- Евреинов Г. А., публицист 251
- Евреинов И. Я., дворянин 251
- Евреинов М. Г., московский купец 331, 342
- Евреинов М. Я., дворянин 251
- Евреинов Н. Я., дворянин 251
- Евреинов П. Я., дворянин, сержант Преображенского полка 251
- Евреинов С. Я., дворянин, сержант Преображенского полка 251
- Евреинов Я. М., московский купец, затем дворянин, президент Коммерц-коллегии 251, 259, 303
- Евреиновы, купцы, затем дворяне 251, 252
- Екатерина I Алексеевна, императрица 120, 121, 124, 166, 188, 191, 254, 308, 309, 321, 324, 325, 334, 336
- Екатерина II Алексеевна, императрица 7, 20, 29, 30, 119, 120, 130—132, 144—153, 162, 204, 234, 256, 265, 280, 286, 287, 291, 353
- Екатерина Ивановна, царица 190
- Елгозин В., копиист Сената 129
- Елизавета Петровна, императрица 50, 120, 122, 123, 126, 130, 136, 137, 142—144, 158, 159, 165—167, 174, 198, 200, 218, 219, 239, 257, 264, 265, 271, 284, 291, 303, 306, 353, 360, 361, 363

Блисеев И., московский купец 342
Ельчанинов И. Н. 197
Епифанов П. П. 113
Ермолаев, помещик 231
Ермолаев И. С., обер-секретарь Сената 258, 266, 304
Еропкин В. М., президент Ревизион-коллегии 259, 261
Еропкин У. И., воевода г. Якутска 197, 198
Еропкины, дворяне 197
Ерофеев Ф. Г., купец 338
Ерошкин Н. П. 166
Есипов Ф. М. 344
Ефремов Д., донской атаман 229

Жданов С. С., воевода г. Перемышля и Воротынска 203
Жегулин С. О., секретарь Нижегородской губ. канц. 306
Желябужский Н. М., президент Юстиц-коллегии 197, 259, 261
Жеребов А. А., донской казак 310
Жеребцов А. Г., камергер императрицы 285
Жеребцов И. А., сын Жеребцова А. Г. 285
Жеребцов Н. Г., московский вице-губернатор 288
Жеребцов П. А., сын Жеребцова А. Г. 285
Жилин А. С., астраханский губернатор 188
Жилин Ф. Я., петербургский вице-губернатор 260, 288

Завьялов И., канцелярист Устюжской пров. канц. 247
Замятнин А. Г., кадет Шляхетского корпуса 244
Замятнин А. И., капитан 245
Замятнин Г. Г., коллежский советник, член присутствия Собственной е. и. в. вотчинной канц. 205, 244
Замятнин Г. И., директор Московской Синодальной типографии 205, 244, 245
Замятнин Г. Н., дворянин 245
Замятнин И. Г., коллежский регистратор Обер-егермейстерской канц. 205, 244, 245
Замятнины, крестьяне 244, 245, 252
Заозерская Е. И. 251, 328, 352
Заозерский А. И. 40
Зарин М. Я., титулярный советник Дворцовой конюшенной канц. 210
Засецкий П. П., генерал-майор, вице-президент Камер-коллегии 134, 194

Засецкий Я. П., казначей Монетной канц. 194
Зборомирский С. В., комиссар канцелярии Академии наук 207
Збрант Яган, «корабельщик» 339
Зверев К., секретарь Сысского приказа 208
Зворыкин С. И., титулярный советник Канцелярии винокуренных заводов 196
Зевакин Е. С. 14
Зеглер Я., танцмейстер 289
Земский Д. Я., владелец шелковых и полотняных мануфактур 356
Зимин А. А. 111
Зинин С. И. 201
Змаевич М. И., вице-адмирал 90
Золотарев Б. В. 78
Золотарев И., столтник 313
Зотов К. Н., русский агент во Франции 51
Зутис Я. Я. 76, 124, 125, 190, 316
Зюзин А., канцелярист Юстиц-коллегии 314
Зюзин М. А., нач. Гл. комиссариата 211

Иван Алексеевич, царь, брат Петра I 74
Иван IV Васильевич, царь 110, 233
Иван VI Антонович, император 119, 123
Иванов А. С., надворный советник Иностранной коллегии 259, 304
Иванов В., монастырский крестьянин 337
Иванов В. И., ассессор Вотчинной коллегии 304
Иванов И. С., секретарь Оренбургской губ. канц. 306
Иванов К., петербургский купец 361
Иванов П., подмастерье 332
Иванов П. П. 196, 199, 200, 202, 205, 206, 231, 235
Иванова Анна, иноземка 336
Иванова Т. С. 21
Ивановы, дворяне 200
Ивинский Е., поручик 323
Ижорины, дьяки 252
Извеков И. С., воевода г. Старицы 199
Извеков М. С., воевода г. Можайска 199
Извековы, дворяне 199
Изволов А., управитель кн. Меншикова 341
Измайлов М. М., камергер 361
Измайлов П. В., генерал 174
Ильин А. К., ассессор Гл. дворцовой канц. 202

- Ильин Г. Д., секунд-майор 202
 Ильин П. И., секретарь Крутицкой духовной консистории 202
 Ильины, дворяне 200—202
 Индова Е. И. 17, 175, 315, 320, 344
 Иртеговы, крестьяне 224
 Исаев И. И., купец, президент Гл. магистрата 251, 303, 342
 Исаков А. С., комендант г. Выборга 260
 Исаханов А. Н., купец 358
 Исаханов Б. Н., купец 358
 Исаханов М. Н., купец 358
 Исаханов Н. Н., купец 358
 Исахановы, купцы 358
 Истоппников Ф., купец 345
 Ишин А. К., посадский человек, затем канцелярист 250
- Кабузан В. М. 157, 167, 168, 296
 Кавелин К. Д. 17
 Казаринов И. А., гл. командир Соляного комиссариата по низовым городам 200, 284
 Казаринов И. П., секретарь Гл. соляной конторы 200
 Казаринов Т. П., регистратор Гл. соляной конторы 200
 Казаринов Я. В., протоколист Гл. соляной конторы 200
 Калинин К., мастер стекольного дела 333
 Калугин А. И., секретарь Гл. комиссариата 208
 Кампенгаузены, бароны 217
 Кампредон, французский посол в России 103
 Камынин А. Г., вице-президент Вотчинной коллегии 258
 Кап А. С. 59, 61
 Кантемир Д. К., молдавский кн., сенатор 83, 84, 98, 100, 344, 350
 Кантемир М. Д., кн., винный подрядчик 350
 Кантемир С. Д., кн., винный подрядчик 350
 Кар А. Ф., главный командир Гл. соляной конторы 234, 263
 Кар В. А., генерал-майор 234
 Кар Ф. А., камер-паж 234
 Кар Ф. И. (Томас), шотландский дворянин 234
 Кар Ф. Ф., полковник 234
 Карабанов П. Ф. 225
 Каратыгин П. П. 50, 51
 Каргитов С., ассессор Штатс-конторы 146
 Карев А., воевода Шуйской воев. канц. 247
 Карл XI, шведский король 69
- Карл XII, шведский король 60, 61, 69, 70
 Карнович Е. П. 8, 305, 306, 315, 322, 326
 Карпов Н., посадский человек, затем канцелярист 250
 Карташов А. И., тов. губернатора Смоленской губ. 190
 Кары, шотландские дворяне 227, 252
 Касаткины-Ростовские, кн. 217
 Катин А., канцелярист Сибирской губ. канц. 148
 Кафтырев, ассессор Камер-коллегии 134
 Каштанов С. М. 144
 Квасов А. В., архитектор 170
 Квашин-Самарин Ф., обер-президент Гл. магистрата 146
 Кейзерлинг И., барон, выборгский губернатор 260
 Кейзерлинг Г. К., русский посол в Вене 259
 Кейзерлинги, прусские графы и бароны 217
 Кекустовы, князя 217
 Кер Г. Я., профессор 250, 280
 Кизеветтер А. А. 115
 Кирилов И. К., обер-секретарь Сената, географ и картограф 180, 262, 289, 328, 332
 Кисленские, стольники, стряпчие и городовые дворяне 199
 Кисленский С. М., воевода г. Пскова 199
 Клевцов А., надворный советник Юстиц-коллегии 146
 Клокачев С., лапдрихтер 323
 Клушин В. И., подьячий 252
 Клушин Е., городской дворянин, затем подьячий 252
 Клушин И. Е., канцелярист г. Ливны 252
 Клушин И. С., подьячий 252
 Клушин С. Е., подьячий 252
 Ключевский В. О. 43, 113, 114, 119, 144
 Книн М. К., торговый человек 336
 Кнутов Ф., президент Ревизион-коллегии 146
 Княжнин Б. И., прокурор Петербургской губ. канц. 288
 Княжнин Ф. Б., сын Княжнина Б. И. 288
 Княжнин Я. Б., сын Княжнина Б. И. 288
 Козинцева Р. И. 327, 331, 332, 341
 Козлов И., генерал 174
 Козловский Г., разночинец 314
 Козловский Н., разночинец 314

- Козловский Ю. Я., поручик Пермского соляного комиссариата 314
- Козмин М. С., вице-президент Камер-коллегии 258, 303
- Колосов С. П., канцелярист Сената 147
- Колтовский Н. Г., тов. губернатора Новгородской губ. 260
- Кольчев С., герольдмейстер 156
- Комаров А. В., копиист Шуйской губ. канц. 247
- Комаров В. И., канцелярист Шуйской воев. канцелярии 247
- Комаров Д. И., копиист Московской губ. канц. 247
- Кондоиди П. З., лейб-медик, гл. директор Медицинской канц. 284, 303
- Конищев П. И., подпоручик 305
- Кониин А. С., прапорщик Гл. дворцовой канц. 198—199
- Копнины, дворяне 199
- Коптяев А., канцелярист Устюжской пров. канц. 246
- Коптяев П. А. (младший), писчик Устюжской пров. канц. 246
- Коптяев, П. А. (старший), копиист Устюжской пров. канц. 246
- Коптяевы, крестьяне 252
- Коптяев И. А., секретарь Оренбургской губ. канц. 306
- Копьев Д. С., переводчик Иностранной коллегии, позже статский советник 209, 242
- Копьев И., невестный подьячий Посольского приказа 241
- Копьев С., купец 330
- Копьев С. С., переводчик, затем надворный советник Ревизион-коллегии 209, 211, 240—242
- Копьевы, приказные люди 241, 252
- Корбе Ф., секретарь Иностранной коллегии 170
- Корнилов А. А. 230
- Коробов Г., калужский посадский человек, торговый агент кн. Меншикова 340
- Коробов Л., дмитровский купец, затем канцелярист 249
- Корсаков Д. А. 60, 126, 134, 141, 271
- Корф А., барон, президент Академии наук 210, 217
- Корф И. А., барон, русский посол в Дании 259
- Корф С. А. 12, 140
- Косецкий С. Я., статский советник, член присутствия Гл. комиссарата 188
- Кострицкие см. Патрикеевы
- Кострицкий М. В., коллежский регистратор канц. Большого Ладожского канала, затем секретарь Сената 231, 300
- Костурин И. И., киевский вице-губернатор 190, 260
- Кочетов Д. И., обер-полицмейстер, затем президент Камер-коллегии 146, 188
- Крамаренков В. И., переводчик Академии наук 147
- Криволапов Г. Г., подканцелярист 238
- Криволапов Г. Р., подьячий 238
- Криволаповы, дворяне 238
- Кривской А., дворянин 183
- Крижанич Ю., представитель научной и общественно-политической мысли славян XVII в. 54
- Крок И., коллежский советник Камер-конторы лифляндских и эстляндских дел 131, 132, 146
- Кропотов А. В., прокурор Астраханской губ. канц. 198
- Кропотов П., разночинец 183
- Кропотов С. Ф., прокурор Юстиц-коллегии 188
- Круглов Д. А., крестьянин-отходник 336—337
- Крус Ян, боцманмат 336
- Крылов С. Д., копиист Капинской воев. канц. 246
- Крюйс К. И., вице-адмирал 50, 90, 92, 337
- Крюков Б. М., подпоручик 202
- Крюковы, дворяне 202
- Кудашевы, князья 217
- Кузнецов Р., орловский купец 360, 361
- Кузнецов С. С., коллежский ассессор, член присутствия Сибирской губ. канц. 247
- Кукловатовы, князья 217
- Кулябко Е. С. 268
- Куракин А. Б., кн., камергер 360
- Куракин Б. А., кн., дипломат 256
- Куракины, кн. 217
- Курбатов А. А., инспектор Ратуши, затем Архангельский вице-губернатор 269, 325
- Курбатов А. П., коллежский советник, заседатель Московского приказа общественного призрения 241
- Курбатов К. С., дьяк 240
- Курбатов П. П. (младший), статский советник Иностранной коллегии 240, 241
- Курбатов П. П. (старший), надворный советник Иностранной кол-

легпи 240, 257, 304
Курбатов С. П., статский советник 241
Курбатовы, дьяки 240, 241, 252, 253
Кучуков В., дьяк, затем гл. соляной надсмотрщик г. Астрахани 346, 347
Кучуков Я., разночинец, владелец торговых и промысловых заведений, внук Кучукова В. 346
Кушева Е. Н. 32, 47, 187, 315, 330, 342

Лаврентьев В., московский купец, 361
Лавров И. О., воевода г. Карачева 199
Лавровы, городовые дворяне 199
Ланчинский, русский посол в Вене 189
Лаппо Ф. И. 290
Лаппо-Данилевский А. С. 330, 331
Ларионов М. И., комиссар Обер-егермейстерской канц. 191
Ларионов С. И., комиссар Обер-егермейстерской канц. 191
Латкин В. Н. 36, 317
Леванидов Я., обер-секретарь Синода 258
Левин Ф. И., воевода г. Лебедяни 200
Лейбниц Г. Ф., немецкий ученый, философ 48, 269
Ленин В. И. 4, 6, 13, 14, 15, 22, 26, 117, 166, 230
Лефорт П., бригадир 50
Лешев Д. П., надворный советник 170
Липман, «служитель» голштинского герцога 337
Лихачев Н. П. 184, 185, 305
Лобанов-Ростовский А. Б. 197, 201 225, 233, 234
Лобачев М. С., секретарь Гл. дворцовой канц. 166
Логинов Г., «управитель» нарвской мельницы 332
Лодыженский А., ассессор Гл. соляной конторы 146
Лодыженский Ю., стольник 345
Локк Джон, английский философ 25
Ломоносов М. В. 267
Лопухин Ф. И., ассессор Ямской канц. 188
Лосев И., дьяк 324
Лосев М. П., секретарь Гл. дворцовой канц. 314
Лохвицкий А. 8
Лунин Г., нотариус 314
Лунин М. К., вице-президент Ком-

мерц-коллегии, затем президент Вотчинной коллегии 259, 361
Луппов С. П. 28
Луцевин Ф. А., обер-комендант г. Ревеля 209
Львов А. И., кн., обер-прокурор Синода 258, 283
Львов Н., кн. 310
Любистов Г. М., полковник, нач. Придворной конторы 239, 303
Люблинская А. Д. 55, 56
Любомиров П. Г. 327—329, 332
Людвик XIII, французский король 56
Людвик XIV, французский король 26, 54—56
Людвик XV, французский король 57
Люпин Д. И., помещик 311

Мазепа И. С., гетман 321, 324
Майкова Т. С. 110
Макаров А., воевода на Яике 201
Макаров А. В., кабинет-секретарь, позже президент Камср-коллегии 20, 52, 66, 78, 93, 95, 98, 101, 104, 167, 308—312, 314, 319, 320, 345, 346, 361
Макаров А. Г., секретарь Архангельской губ. канц. 201, 202
Макаров А. И., прапорщик, воевода 201
Макаров Д. М., актуариус Ревизион-коллегии 201, 202
Макаров И. В. дьяк в Ратуше 309
Макаров К., секретарь Военной коллегии 122
Макаров П. А., помещик, сын Макарова А. В. 345
Макаров Ф. А., ассессор Астраханской губ. канц. 201
Макаровы, дворяне 200, 201
Максимов В., крестьянин 312
Максимов Е. М., прапорщик Гл. полицмейстерской канц. 305
Малеев С. П., рейтар 312
Малиновский А. Ф., нач. гл. Московского архива МИД 51
Мальцев С. Ю., надворный советник Иностранной коллегии 305
Маменс И. Ф., коллежский ассессор Ревизион-коллегии 308
Мамзик Т. С. 16
Мануков Ф., ландрихтер 321
Маньков А. Г. 36, 59, 312
Мариньи И., секретарь Иностранной коллегии 208
Маркевич А. И. 111, 112, 130
Марков А. А., разночинец, сын Маркова А. Ф. 289

- Марков А. Ф., секретарь Оренбургской губ. канц. 289, 290
- Марков И. А., разночинец, сын Маркова А. Ф. 289
- Марков П. А., сын Маркова А. Ф. 289
- Маркс К. 4, 6, 22, 23, 114, 115
- Маслов А. Б., городской дворянин, затем священник 237
- Маслов Б., городской дворянин 237
- Маслов И. М., подьячий с приписью 237, 238
- Маслов Н. И., воевода г. Каргополя 203
- Маслов С. М., коллежский ассессор, воевода г. Устюжны Железопольской 237, 238
- Масловы, дворяне 237, 238, 252
- Матвеев А. А., гр., дипломат, сенатор 54—58, 83—84, 98, 100, 110, 122, 324
- Матвеев А. С., боярин, нач. Посольского приказа 55
- Матвеев К., московский купец, откупщик, заводовладелец 356—358
- Матюшкин М. А., генерал-майор 48, 88, 102
- Меер Еремей, голландский купец 340
- Мейендорфы, бароны 217
- Мелентьев, подьячий 346
- Мелиссино И. П., надворный советник Коммерц-коллегии, позже куратор Московского университета 260, 292
- Меллер Матисс, немецкий судовладелец 339
- Мельгунов А. П., бригадир 358
- Мельгунов П., прокурор Камер-коллегии 134
- Менделеев С., разночинец 183
- Менко, мелкий калмыцкий феодал (зайсанг) 264
- Меннарт Яган, мастер резного дела 333
- Меншиков А. А., секунд-майор 351
- Меншиков А. Д., кн., фельдмаршал, президент Военной коллегии, сенатор 20, 41, 84, 87, 88, 90, 95, 96, 98, 110, 255, 256, 289, 308 319—346, 351, 361, 362
- Меншиков Г. В., подьячий с приписью 250
- Метлин Я. И., обер-секретарь Канцелярии от строений 212
- Мещерские, кн. 217
- Мещерский А., кн. 146
- Мещерский Ф. В., кн., обер-комендант Петербурга, ген.-майор 131, 174, 217
- Микулин И. Г., нач. Канцелярии от строений 211
- Миллер Г. Ф. 12, 20, 134
- Милорадович Г. А. 204
- Милославский И. Д., боярин 352
- Милюков П. Н. 325
- Милюков Ф. С., ассессор Берг-коллегии 198
- Милютин К., калужский купец 340
- Мпних Б.-Х., гр., фельдмаршал, президент Военной и Иностранной коллегий 177, 217, 218, 326, 344
- Митяев К. Г. 37, 108
- Михаил, священник 237
- Михаил Федорович, царь 108, 234
- Михайлов А., канцелярист Иркутского повьяты Сибирского приказа 39
- Михайлов А., канцелярист, начальник Рекрутского повьяты Военной коллегии 39
- Михайлов И., дворцовый слуга 336
- Михайлов Т., «стемпельмейстер» Рижской обер-инспекторской канц. 244
- Михаль, учитель 289
- Мичурин И. Ф., архитектор 170
- Молоков М., канцелярист Устюжской воев. канц. 247
- Молоков С. М., сын Молокова М. 247
- Мордвинов Н. С., граф, адмирал 317
- Морозов Б. И., боярин 344, 352
- Морозов В., ассессор Юстиц-коллегии 146
- Морсочников А. М., секретарь Синода 208
- Мрочек-Дроздовский П. Н. 8
- Мурзин И., купец 361
- Мусин-Пушкин И. А., граф, сенатор, нач. Монастырского приказа 83, 84, 98, 110, 308, 324, 350
- Мусин-Пушкин П. И., гр., сенатор 308, 350
- Мышецкая, княжна, жена Бакунина М. В. 230
- Мышлаевский А. З. 8, 9, 42, 130
- Мякотин В. А. 112
- Мясоедов И., воевода г. Ладоги 152
- Навроцкие, подьячие 208
- Навроцкий А. А., советник Коммерц-коллегии 208
- Навроцкий А. А., директор таможенной Темерниковского порта 208
- Навроцкий А., дьяк Мундирной канц. 208
- Навроцкий Е., комиссар 208
- Нагой С. Г., боярин 323
- Надвигский П. В., стряпчий с. п. в. В отчинной канц. 193, 207, 306
- Нарышкин А. А., камергер 129, 353

- Нарышкин А. Л., боярин, действительный тайный советник, сенатор 344
- Нарышкин Л. А., камер-юнкер 353
- Нарышкины, бояре и дворяне 362
- Наумов С. Г., полицмейстер г. Нижнего Новгорода 203
- Небогатов И., канцелярист 308, 346
- Невезин Д. И., статский советник «при генерал-прокурорских делах» в Сенате 205, 258, 263, 266, 283, 304
- Невежины, дьякп 205
- Неверов И., разночинец 183
- Неверовы, служилые люди 183
- Неплюев И. И., сенатор, оренбургский губернатор 145—147, 260, 284
- Неронов В., ассессор Камер-коллегии 185
- Неростов И., владимирский купец 361
- Несвицкие, кн. 217
- Нестеров А., обер-фискал 325
- Нечаев Н. В. 268
- Нечаев С. С., регистратор Юстиц-коллегии 207
- Никитин В., обер-секретарь Адмиралтейской коллегии 212
- Никитин М., подканцелярист Мосальской воев. канц. 249
- Никитин О. М., купец, затем подканцелярист 249
- Никифоров И. А., тов. губернатора Лифляндской губ. 260
- Никифоров И. Л., тов. московского губернатора 190
- Никифоров Л. А. 51, 76, 108
- Николай I, император 117
- Никонов В. А. 201
- Нитар-Дорджи, калмыцкий тайша 229
- Новиков Н. И. 184
- Новиков П., управитель кн. Меншикова 341
- Новоселов Б. И., рейтар 238
- Новоселов Д. Б., монастырский крестьянин 238
- Новоселов И. Д., коллежский регистратор 238, 239
- Новоселовы, разночинцы 238
- Новосильский А. А. 320, 321, 325
- Новосильцев В. Я., сенатор 198
- Новосильцев И. В., советник Берг-коллегии 198
- Новосильцев Н. Н., член Негласного комитета 317
- Новосильцев Ф. В., ассессор Монетной канц. 198
- Новосильцевы, стольники, дворяне, воеводы 198
- Норов, полковник, член присутствия Адмиралтейской коллегии 90
- Носов Е., калужский купец 340
- Носов Н. Е. 224
- Оболенские, кн. 217
- Обресков А. М., дипломат 259, 266, 292
- Обухов И., воевода Шуйской воев. канц. 247
- Овцын Е., разночинец 183
- Овцын И., разночинец 183
- Одоевская Д. Я., княжна 245
- Одоевские, кн. 350
- Одоевский В. Ю., кн., полковник 350
- Одоевский И. В., кн., статский советник, сенатор 217, 348, 350
- Одоевский М. Н., кн. 245
- Одоевский М. Ю., стольник 250
- Оловеников В. Д., провинциальный секретарь 196
- Оловеников Д. Л., тов. воеводы Орловской пров. 196
- Оловеников И. В., копист Герольд-мейстерской конторы 196
- Оловеников П., думный дьяк 196
- Олсуфьев А. В., статс-секретарь 166, 259, 291
- Олсуфьев В. Д., обер-гофмейстер 166
- Олсуфьев М., придворный Екатерины I 334
- Ольминский М. С. (Александров М.) 13
- Опочинин М. С., президент Берг-коллегии 197, 211, 258
- Орлов А., секретарь Канцелярии от строений 329
- Орлов А. Г., гр., генерал-поручик 152
- Орлов Г. Г., гр., генерал-фельдцейхмейстер 152
- Остафьев Н., поручик лейб-гвардии Семеновского полка, затем вице-президент Надворного суда 121
- Остафьев Ф. М., подьячий 314
- Остен-Сакены, бароны 217
- Остерман А. И., гр., вице-канцлер, кабинет-министр 48, 50—55, 57, 58, 60—66, 68—82, 109, 110, 121, 122, 125, 126, 218, 241, 256, 305, 349
- Остолопов Б. И., дьяк 232
- Остолопов В. М., надворный советник 232
- Остолопов И. М., сын Остолопова М. К. 232
- Остолопов М. К., обер-секретарь Синода 232

- Остолоповы, патриаршие дворяне 227, 252, 253
- Осьминкин П. Д., астраханский дворянин, торговец и ростовщик, затем купец 347, 348
- Павленко Н. И. 17, 27, 28, 36, 42, 44, 113, 256, 319, 329, 348—353, 356, 357, 360
- Павлов А. В., ассессор Дворцовой конюшенной канц. 202
- Павлов М., управитель вотчины кн. Меншикова 340, 342, 343
- Павлов М. Д., ассессор Мануфактур-коллегии 188
- Павлов М. С., коллежский советник 202
- Павловы, думные дворяне, дьяки подьячие 202
- Павлов-Сильванский Н. П. 12, 60
- Павлова-Сильванская М. П. 18
- Палий, медик 337
- Палкин Б. Н. 268
- Панаев И., подьячий с приписью 248, 249
- Панин А. И., нижегородский губернатор 188
- Панин В. А., советник Камер-коллегии 198
- Панин Н. И., гр., камергер, дипломат 198, 356
- Панин П. П., гр., генерал-майор, сенатор 119, 226
- Патрикеев А. И., дворянин, сын Патрикеева И. М. 230
- Патрикеев (Кострицкий) В. И. Большой, камерир Сибирского приказа 231
- Патрикеев (Кострицкий) В. И. Меньшой, чиновник 231
- Патрикеев (Кострицкий) И. И., чиновник 231
- Патрикеев И. М., сын боярский 230
- Патрикеева К. С., жена Патрикеева И. М. 230
- Патрикеевы, городовые дворяне и дети боярские 227, 230, 231
- Патрикей М. К. (Патрикеев) 231
- Пашков А. И., сын боярский 238
- Пашков А. Ф., канцелярист Обоянской воев. канц. 238
- Пашков О. А., сын боярский, затем подьячий 238
- Пашков Ф. О., канцелярист 238
- Пашковы, дворяне 238
- Пекарский П. П. 48, 53, 63, 71, 75, 104, 111, 112, 268
- Пелский А. И., тов. директора Московской Синодальной типографии 207
- Перелешин И. В., жилец 312
- Пересветов И. С., публицист XVI в. 110, 111
- Перминов А. И., секретарь Вятской пров. канц. 307
- Перов Л., секретарь Камер-коллегии 134
- Пестель В., директор Московского почтамта 210
- Петриков В. Ф., генерал-майор, нач. Оружейной канц. Тульских з-дов 211, 284
- Петр I Алексеевич, император 7, 11, 12, 15, 17, 20, 21, 24—38, 40—57, 59—67, 69—87, 90—117, 119—127, 129, 132—134, 137, 139, 142, 143, 150, 154, 155, 163, 166—167, 188, 189, 195, 203, 206, 218, 219, 224, 226, 228, 232, 233, 239, 241, 251, 253—256, 262, 267—271, 273, 280, 281, 288, 295, 296, 307—309, 319—322, 324, 325, 327, 329—331, 335, 338, 341, 345, 346, 348, 351, 354, 355, 360, 365
- Петр Петрович, царевич, сын Петра I 188
- Петр III Федорович, вел. кн., затем император 119, 137, 139, 140, 143, 162, 167, 174, 287, 291, 353
- Петрикеев Д. И. 344
- Петрищев И. К., советник Военной коллегии 188
- Петров, иноземец 337
- Петров Е., комиссар, винный подрядчик 352
- Петров И., канцелярист Сибирского приказа 39
- Петров Иван, иноземец 336
- Петров Н. 197, 225
- Печенин И. А., подпоручик Гл. дворцовой канц. 305
- Пещуров И. Я., полковник, чл. присутствия Петербургской губ. канц. 188
- Пирумова Н. И. 230
- Писарев С. И., секретарь Иностранной коллегии 207
- Плещеев А., тобольский губернатор 245
- Плещеев Ф., дворянин 324
- Плещеевы, бояре, дворяне 324, 325
- Пломан Л. Я., купец 353, 355
- Подъяпольская Е. П. 110
- Позняков И. Д., обер-секретарь Сената 93, 98, 100, 101
- Покровский М. Н. 13, 14
- Покровский Н. Н. 223, 224
- Полевкотов М. А. 50, 61, 69
- Поликарпов Ф. П., справщик Синодальной типографии 269

- Поляков А. Т., копиист 247
 Поляков В. С., советник Вотчинной коллегии 211, 304
 Понлавский М. А., протоколист Тайной канц. 39
 Попов И. И., секретарь канцелярии винокуренных з-дов 196
 Попов С. А., обер-секретарь Военной коллегии 212
 Порай-Кошиц И. А. 12
 Посников К. А., секретарь Галицкой пров. канц. 127, 128, 208
 Посников Я. А., секретарь Герольдмейстерской конторы Сената 304
 Похвиснев И. П., приказчик кн. Меншикова 340
 Прасковья Ивановна, царевна 190, 284
 Прасковья Юрьевна, вторая жена Макарова А. В. 345
 Преображенский А. А. 224, 247
 Пригара А. 115, 169
 Прокопович Феофан, ученый, публицист 25, 27, 28, 207
 Просина А. Б. 27
 Прохоров П., «служитель» кн. Меншикова 334
 Пуговишников А. А., копиист Иностранной коллегии, затем юнкер канцелярии Сената 195
 Пуговишников А. О., секретарь Иностранной коллегии 195, 305
 Пуговишников И. О., статский советник Иностранной коллегии 195, 259, 266, 305
 Пузыревский А. К. 54
 Пуффендорф С., немецкий юрист и историк 25, 26, 63
 Пушкин А. С., воронежский губернатор 284
 Пушкин А. С. 234
 Пушкин Л. С., прапорщик 337
 Рабинович М. Д. 40, 43, 96, 97, 189, 221
 Рагузинский С. В., гр. 351
 Радищев А. Н. 318
 Разумовские, гр. 217
 Разумовский А. Г., гр., обер-егермейстер, фельдмаршал 152, 219, 239, 303, 304
 Разумовский К. Г., гр., сенатор, президент Академии наук, гетман Малороссии (Украины) 217, 219, 304
 Райзер В., вице-президент Берг-коллегии 211, 258, 266
 Ратиевы, грузинские князья 217
 Рафиенко Л. С. 39
 Рахманов С. О., стряпчий 311
 Редкин К. Е., секретарь Иностранной коллегии 170
 Резащев С. Л., секретарь Белгородского губ. магистрата 169
 Рейбер Я. И., регистратор Новгородской губ. канц. 305
 Рейснер М. А. 26
 Решнин П. И., кн., камергер, заводладелец 351, 353, 357, 358
 Решнин С. И., кн., заводладелец 351
 Решетов С. Ф., переводчик Иностранной коллегии 192
 Ржевский В. К. 10, 176
 Риземан Х. Р., актуариус Ревельской губ. канц. 281
 Рогачев С. С., подполковник, окзектор Сената 258, 262
 Родионов Б., управитель Почепского стекольного з-да 334
 Рождественский С. В. 191, 192, 206, 208, 268, 269, 271, 274, 280, 282, 288
 Рожков У. С., курский помещик 312
 Розсохин Л. К., переводчик Академии наук 207
 Ромодановский И. Ф., кн., сенатор 351
 Романович-Словатинский А. 12, 13, 41, 111, 125, 131, 133, 140, 141, 156, 162, 219
 Ромашкин П. С. 113
 Рубинштейн Н. Л. 140, 142, 143, 363
 Рудаков В., секунд-майор 279
 Руль Рулес, боцманмат 336
 Руммель В. В. 194, 197, 205, 225, 227—230
 Румянцев А. И., генерал, сенатор 355
 Румянцева, жена Румянцева А. И. 355
 Рус, иноземец 337
 Рыкачев Г. В., дворянин 184
 Рыков Е. Г., бухгалтер Синода 208
 Рычков П. И., ученый экономист, коллежский советник, член присутствия Оренбургской губ. канц. 289, 290, 305
 Рюриковичи 361
 Рютхерс, мастер порохового дела 328
 Сабуровы, бояре и окольные 252
 Савелов Л. М. 186
 Савин А. Н. 57
 Салтыков Н. П., президент Мануфактур-коллегии 259
 Салтыков П. М., белгородский губернатор 190, 260
 Салтыков П. С., гр., московский генерал-губернатор 29, 30

- Салтыков С. А., сенатор 344, 346, 351
- Салтыков Ф. С., спальник, русский агент в Англии 60, 269
- Сальман Г. Я. 41
- Самарин М. М., сенатор 49
- Самарцов П. И., комиссар Гл. двор-
довой канц. 306
- Санги, графы 217
- Санги Ф. М., гр., обер-церемоний-
мейстер Иностранной коллегии 259
- Сафонов И., рейтар, затем подьячий
домовой канцелярии кн. Менши-
кова 334
- Сафонов М. И., камергер 354
- Сацыиеров, полковник, член при-
сутствия Петербургской губ.
канц. 146
- Седельников Д. Д., канцелярист
Смоленской губ. канц. 244
- Седельников О. Д., канцелярист
Смоленской губ. канц. 244
- Семевский В. И. 315
- Семенов А. Ф., секретарь Белгород-
ской губ. канц. 290
- Семенов П. Н. 225
- Семенов Т., оброчный крестьянин 337
- Семенов Ф. С., переводчик Иност-
ранной коллегии 170
- Сен-Симон, французский герцог 54
- Сербина К. Н. 224
- Сергеев А., комиссар 329
- Сергеев А. Г., канцелярист 237
- Сергеев Г. Ф., канцелярист Обоян-
ской воев. канц. 237
- Сергеев И. У., городской дворянин,
поручик 237
- Сергеев Р. Н., городской дворянин
237
- Сергеев У. Р., городской дворянин
237
- Сергеев Ф. У., подьячий 237
- Сергеев Я. А., сын канцеляриста
Сергеева А. Г. 237
- Сергеевы, городовые дворяне 237
- Сердюков М. И., купец, строитель
Вышневолоцкого канала 147, 332
- Сиверс К. Е., гр., заводовладелец
353
- Сивков К. В. 111
- Сидоров Е., канцелярист Дмитров-
ской воев. канц. 249
- Сидоров М. Е., купец, затем канце-
лярист 249
- Сизиков М. И. 33
- Симолин К., надворный советник 281
- Симонов Д. А., нач. Цалмейстер-
ской конторы 191
- Скавронские, гр. 217
- Скорняков Ф., подьячий Казенного
приказа 347
- Скорняков-Писарев Б. Г., полковник
324
- Скорняков-Писарев Г. Г., генерал-
майор, обер-прокурор Сената 97,
325
- Скоропадский И., гетман 324
- Смирнов М. П., дворянин, владелец
лавок в Астрахани 347
- Смирнов П. А., секретарь Нижне-
городской губ. канц. 306
- Смирнов П. П., переводчик Иност-
ранной коллегии 207
- Смирнов С. 206, 268
- Собакин В. Н., окольный 233
- Собакин Г. М., обер-рекетмейстер
Сената 233
- Собакин Д. Г., тверской боярин 233
- Собакин М. Г., ассессор Иностранной
коллегии, позже сенатор 233, 234,
259
- Собакин М. Г., окольный 233
- Собакины, бояре и окольные 227
233, 252, 253
- Соколов Г. Л., денщик медика Па-
лия 337
- Соколов П., копиист Комиссии мер
и весов 206
- Соколовский П., купец 327
- Сокольский Г. М., секретарь-Переяс-
лавль-Залесской духовной кон-
систории 207
- Соловьев С. М. 48, 144, 322, 324
- Соловьев Ф. А., дворецкий кн. Мен-
шикова 340
- Сологови, грузинские князья 217
- Сологови Ф. С., грузинский кн.,
поручик Гл. полицмейстерской
канц. 191
- Сомов Ю., подьячий 342
- Сорокин Г., московский купец 342
- Сперанский М. М. 8, 141
- Спиридов М. Г. 12
- Срезнев М., приказчик кн. Менши-
кова 323
- Старой-Милюков Ф. М., ассессор
Берг-коллегии 146, 147
- Стахийев А., юнкер Иностранной кол-
легии 193
- Степанов В. В., советник канцелярии
Иностранной коллегии 50
- Стечкин П. Я., коллежский совет-
ник Гл. соляной конторы 262, 263
- Стешенко Л. А. 31, 32
- Стрекалов Г. В., генерал-майор, нач.
Корчемной канц. 189
- Стрешнева М. И., дворянка, позже
жена Остермана А. И. 50, 305

- Строганов А., барон 363
 Строганов П. А., гр., член Негласного комитета 317, 318
 Строгановы, солепромышленники, затем бароны и графы 103, 342, 353
 Струговщиков П., купец, содержатель шелковых и полотняных фабрик 356
 Струйский М. Я., воевода г. Петровска 200
 Струнин Н. И., приказчик кн. Меншикова 336, 337
 Стрыйковские, дворяне 200
 Суворов В. И., генерал, член присутствия Военной коллегии 174
 Сукин И. И., советник Канцелярии конфискации 211, 264
 Сукин Ф. И., секретарь Сената, затем вице-президент Мануфактур-коллегии 132
 Сумароков П. П., действительный статский советник, судья Канцелярии конфискации 189
 Сумароков П. С., обер-шталмейстер, член присутствия Военной коллегии 167, 174, 353, 355
 Супонев А. И., воевода Угличской пров. 200
 Сурмина М. И., дочь сибирского купца, затем жена Воронцова Р. И. 306
 Сусленников Е. А., канцелярист Старицкой воев. канц. 248
 Сухарев А. В., поручик 314
 Сухарев И. В., прапорщик 314
 Сухонин М., дворянин 183
- Тамес И., владелец полотняной мануфактуры 328, 336
 Татаринов В. В., коллежский асессор Ямской канц. 191
 Татаринов И., подьячий 347
 Татищев А. Д., генерал-лейтенант, генерал-полицеймейстер 166, 261
 Татищев В. Н., государственный деятель, историк 134, 146, 244, 269, 289
 Татищев П. В., капитан Гл. полицеймейстерской канц. 197, 198,
 Татищевы, дворяне 197
 Твердышев И. Б., купец, заводо-владелец 356, 358
 Тишешевы, князья 217
 Теплов Г. И., статс-секретарь 29, 30
 Терещенко А. 51
 Титаренко А. 173
 Тишин Е. В., коллежский советник, член присутствия Гл. дворцовой канц. 212, 262
- Толман Яган, переводчик Адмиралтейской коллегии 337
 Толстой Д. А. 8, 268
 Толстой И. М., дворянин, сын Толстого М. А. 288
 Толстой М. А., генерал-майор 288
 Толстой П. А., русский посол в Турции, затем сенатор 60, 84, 98, 100, 242, 326
 Томас Кар см. Кар Ф. И.
 Томплин А. М., московский купец 360
 Томилин С., купец, заводо-владелец, винный подрядчик 339
 Тописьский И. И., подьячий Разрядного приказа, затем секретарь Сената, тайный советник Иностранной коллегии 211, 259, 345
 Тормасов, обер-секретарь Адмиралтейской коллегии 90
 Тоузаков Я. А., директор Троицкой таможни 199
 Тоузаковы, дворяне 199
 Трапезников К., калужский купец 340
 Третьяков В. Ф., прапорщик, чиновник Камер-коллегии 190, 300
 Троекуров А. И., кн., заводо-владелец, винный подрядчик 351
 Троицкий С. М., 7, 17, 18, 23, 34, 35, 90, 132, 133, 157, 161, 162, 166, 170, 260, 265, 280, 296, 308, 314, 320—322, 326, 329, 333, 335, 353, 355, 356, 360, 363
 Трубецкие, кн. 217, 253
 Трубецкой И. Ю., кн., генерал-фельдмаршал, сенатор 351
 Трубецкой Н. Ю., кн., генерал-прокурор Сената 159, 160, 227, 258, 263, 279, 283, 348
 Трубецкой П. А., кн., камер-юнкер, сенатор 361
 Трубников, помещик 312
 Тулубьев П., разночинец 184
 Туркистанов Н. 225, 227, 242
 Туркистановы, грузинские князья 217
 Турчианов Д., приказчик 327
 Тютчев П. Г., жилец 311
 Тяпкин, приказчик Шереметева П. Б. 361
- Уваров С. С., гр., министр просвещения 117
 Угонтов Н., «цининный» мастер 336
 Унковский Ф. И., подполковник 188
 Урусов С. В., кн., экзекутор Сената 217, 262
 Урусовы, кн. 217
 Усов Ф., подьячий 352

- Устрялов Н. Г. 315
 Устюгов Н. В. 3
 Ухтомский Д. В., кн., архитектор 131
 Ушаков А. И., гр., нач. Тайной канц., сенатор 219, 351
- Федоров А. Р., советник Камер-коллегии 305
 Федосов И. А. 15, 16, 317
 Фейгина С. А. 50, 52, 70, 110
 Феодосия Ивановна, первая жена Макарова А. В. 345
 Фермор В. В., нач. Канцелярии от строений 174
 Фик Г., иностранец на русской службе 49, 69, 70, 98, 99, 269
 Филипп IV Красивый, французский король 56
 Филиппов А. Н. 8, 30, 111
 Фирсов Г., подьячий с приписью 352
 Фирсов И., дяк 352
 Фирсов Н. Н. 353
 Фирсовы, заводовладельцы, винные подрядчики 352
 Флеров В., тов. киевского губернатора 147
 Фонвизин А. А., тов. воеводы Переяславль-Залесской пров. 197
 Фонвизин М. В., геодезии прапорщик Гл. полицмейстерской канц. 300
 Фонвизины, дворяне 198
 Фредрик IV, датский король 61
 Фридрих I, курфюрст браденбургский, прусский король 62, 63, 74
- Хастатов В. М., содержатель шелковых и полотняных з-дов 356, 358
 Хитрово П. Н., нач. Егермейстерской канц. 197
 Хитрово Я. Л. президент Вотчинной коллегии 197, 258
 Хлебников Д. Я., вологодский купец 332
 Хлебников И. Я., вологодский купец 332
 Хлебников Я., вологодский купец 332
 Хованский В. П., советник Адмиралтейской конторы 351
 Холминов А. Ф., солдат, «служитель» кн. Меншикова 327
 Хрипунов А. В., стольник 205
 Хрипунов И. А., тов. судьи Юстиц-коллегии 295
 Хрипунов К. А., секретарь Иностранной коллегии 205
- Хрипунов Ф. А., поручик Гл. полицмейстерской канц. 205
 Хрипуновы, дворяне 205
 Христиан V, датский король 61, 72
- Чаадаев А. В., воевода г. Старого Оскола 190
 Чебышев, протоколист, хлебный подрядчик 355
 Чевакинский С. И., архитектор 131
 Чекалевский П., коллежский ассессор Иностранной коллегии 207, 259, 266, 280, 281, 303
 Чемесов И. В., подпоручик 199
 Чемесовы, дворяне 199
 Черен-Дондук, калмыцкий хан 210
 Череповский Е., протоколист Синода 207
 Черкасов И. А., барон, кабинет-секретарь 159, 167, 217, 219, 304
 Черкаские, кн. 217, 253
 Черкасский А. М., кн., кабинет-министр, канцлер 218, 245, 349, 351
 Чернов А. В., 167
 Чернышев Г. П., генерал, сенатор 126, 129, 336, 351
 Чернышев П. Г., гр., камер-паж, капитан-поручик 129
 Чернышевы, гр. 217
 Чернявский Ф. В., секретарь Рязанской экономической канц. 207
 Чечулин Н. Д. 291
 Чистович Я. 284
 Чистозвонов А. Н. 15
 Чистой Н., брянский посадский человек 340
 Чичерин Б. Н. 9, 10, 17
 Чоглоков А., «служитель» домовой канцелярии кн. Меншикова 343
 Чубинский В. 8
 Чуровский Г. Н., секунд-майор 306
 Чхеидзе, грузинские князья 217
- Цвинкер И. И., учитель 290
 Цициановы, грузинские князья 217
 Цнес Б., музыкант 336
 Цнит Готфрид, музыкант 336
 Цыклер М. И., воевода Галицкой пров. 200
- Шагаров В., подьячий 352
 Шагаров Г., секретарь Севской воев. канц. 352
 Шагаров И., секретарь Севской воев. канц. 352
 Шадрин С. Е., московский купец 330
 Шамшев А. В., ассессор, управляющий казенного Воецкого рудника 146

Шаркова И. С. 55, 56
Шафиров И. П., барон, винный от-
купщик 351
Шафиров М. П., брат Шафирова
П. П. 330
Шафиров П. П., барон, вице-канц-
лер, сенатор 50, 52, 83, 84, 98,
100, 110, 308, 325, 326, 330, 351
Шахаевы, кн. 217
Шаховские, кн. 217
Шаховский Г. И., кн., вице-прези-
дент Ревизион-коллегии 217, 259
Шаховской М. И., кн., президент
Камер-коллегии 217, 258
Шаховской Я. П., кн., генерал-про-
курор Сената 139, 265, 363
Швиммер Н., переводчик 269
Шемберх, барон, генерал-берг-ди-
ректор 251
Шемякин А. С., поручик Гл. полиц-
мейстерской канц. 187
Шемакин С. В., генерал-майор 187
Шепелев Д. А., обер-гофмаршал 167
Шегукова Н. М. 302
Шереметев Б. П., боярин, фельд-
маршал 40, 241, 322, 325, 326,
336, 344, 361
Шереметев Петр Большой, боярин
238
Шереметев П. Б., камергер 361
Шерер, русский агент в Гдагьске 259
Шешковский С. И., обер-секретарь
Сената 39, 147
Шипов П. М., президент Штатс-
конторы 257, 259
Шишкарев П. В., юнкер Иностран-
ной коллегии 193, 207, 280
Шишкин А., статский советник Юс-
тиц-коллегии лифляндских и эст-
ляндских дел 146
Шишков И. И., воевода Владимир-
ской пров. 200
Шлаттер И. А., гл. судья Монетной
канц. 211—212, 264
Шмаков Н., помещичий крестья-
нин, затем подканцелярист Чеус-
ской судной избы 245, 246
Шмидт С. О. 305
Штранге М. М. 148, 291
Шувалов А., вице-президент Ревизи-
он-коллегии 146
Шувалов А. И., гр., нач. Тайной
канц., сенатор 39, 123, 143, 174,
218, 219, 284, 348, 353
Шувалов А. Ф., прокурор Ману-
фактур-коллегии 306
Шувалов И. И., гр., камергер, ку-
ратор Московского университета
167, 267
Шувалов М. П. 281

Шувалов П. И., гр., камергер, се-
натор 123, 139, 143, 217, 219, 348,
353
Шуваловы, гр. 159, 253, 362
Шумахер Я. Д., советник канцеля-
рии Академии наук 210

Щеглов В. Г. 8
Щеголин В., купец 336
Щеголин С., купец 342
Щепетов К. Н. 326, 344
Щербаков А. В., архивариус Моне-
той канц. 207
Щербатов И. А., кн., сенатор 217,
258
Щербатов М. М., кн., истори~~к~~ 317
Щербатовы, кн. 217
Щербачев Б., президент Юстиц-кол-
легии 146
Щербинин А. Г., действительный
статский советник, нач. Канце-
лярии Гл. правления сибирских и
казанских заводов 284
Щетинин Ф. М., кн., воевода Шуй-
ской воев. канц. 247
Щукин А. С., обер-секретарь Сена-
та 93
Щукин А. Я., дьяк 328
Щукин И., купец 361
Щукин П. А., секретарь Иностран-
ной коллегии 250

Эванс Гиль, английский купец 339
Эмме Ф. И., вице-президент Юс-
тиц-коллегии и Юстиц-коллегии
лифляндских и эстляндских дел
146, 174, 211, 259, 264
Энгельс Ф. 4, 6, 23, 114, 115
Эссен Г., вице-президент Штатс-
конторы 259

Юзжин М. Я., посадский человек,
затем канцелярист 249
Юзжины, посадские люди 250, 252
Юрьев И., подканцелярист Орлов-
ского духовного правления 314
Юрьев М. Ф., комиссар Обер-егер-
мейстерской конторы 191
Юрьев С., архангельский губерна-
тор 190, 260
Юрьев Ф., служитель Дворцовой
канц. 191
Юрьев Большой И. Ю., секретарь
Секретной экспедиции Иностран-
ной коллегии 51, 52
Юсупов Б. Г., кн., сенатор, нач.
Шляхетского корпуса, нач. кан-
целярии Большого Ладожского

- канала 161, 195, 217, 218, 257,
258, 274, 284
- Юсупов Г. Д., кн., генерал 88, 125
- Юсуповы, кн. 217, 253
- Юхт А. И. 147
- Юшков А. И., гл. судья Судного
приказа 284
- Юшков В. А., окольный 41
- Яблочков М. Т. 12, 140, 219
- Яганов Симон, ивوزهц 337
- Ягнетев Г., разночинец 183
- Ягужинские, гр. 217
- Ягужинский П. И., гр., генерал-
адъютант, генерал-прокурор Се-
ната 51, 103, 110, 217, 232
- Ягужинский С. П., гр., заводовла-
делец 353
- Яковлев А. И., дворянин 201
- Яковлев И. И., дьяк 201
- Яковлевы, дворяне 200, 201
- Ярославцев И., ярославский ку-
пец 356, 358
- Amburger E. (Амбургер Е.) запад-
ногерманский историк 225
- Blanc S. (Блан С.), французский ис-
торик 18
- Raef M. (Раев М.), американский
историк 17, 18, 291

Указатель учреждений и учебных заведений России*

- Адмиралтейская коллегия 26, 31, 37, 45, 48, 83, 84, 87—92, 98, 105, 109, 112, 116, 121, 129, 158, 174, 175, 177, 194, 205, 212, 216—218, 254, 283, 308, 337
- Адмиралтейская контора 173, 351
- Академическая гимназия 291
- Академическая экспедиция Адмиралтейской коллегии 173
- Академия наук 97, 130, 137, 147, 151, 162—164, 171, 175, 177, 178, 180, 190, 207, 209—211, 217, 218, 262, 263, 266, 267, 274, 279, 280, 283, 284, 288, 304
- Академия художеств 150, 151
- Арзамасская пров. канцелярия 261
- Артиллерийская школа 269
- Артиллерийская экспедиция Адмиралтейской коллегии 174
- Артиллерийский инженерный шляхетский корпус 228
- Архангелогородская портовая таможня 174
- Архангелогородское соляное комиссарство 174
- Архангельская губ. канцелярия 201, 246, 249
- Архангельская духовная консистория 174
- Архангельский порт 330, 338
- Астраханская губ. канцелярия 38, 170, 198, 201
- Астраханская духовная консистория 174
- Астраханская портовая таможня 174
- Астраханская рыбная контора 172
- Аудиторское повьежье Военной коллегии 39
- Белгородская губ. канцелярия 169, 290
- Белгородская пограничная таможня 174
- Белевская воев. канцелярия 235, 236
- Берг-директориум см. Генерал-берг-директориум
- Берг-коллегия 31, 102, 104, 113, 130, 132, 146, 147, 159, 174, 188, 197, 198, 211, 258, 283
- Ближняя канцелярия 35
- Боровицких порогов канцелярия судебных дел 172
- Боярская дума 22, 29, 56
- Брянская таможня 340
- Важская воев. канцелярия 169
- Важская канцелярия приказных, смоляных и прочих дел 201
- Вальдмейстерская контора 270
- Васильовская пограничная таможня 174
- Великолукская пограничная таможня 174
- Верховный Тайный совет, 8, 122, 126, 180, 218, 271, 349
- Верхотурская пограничная таможня 174
- Владимирская духовная консистория 174
- Военная коллегия 20, 31, 37, 39, 45, 48, 78, 83, 84, 87—92, 95, 96, 98, 102, 105, 106, 109, 112, 116, 120—122, 129, 131, 156, 163, 167, 168, 171, 174, 175, 177, 188, 212, 217—219, 233, 242, 254, 274, 283, 320, 324, 353
- Военная контора 120
- Воинская комиссия 141, 142

* *Принятые сокращения:* воев. — воеводская, губ. — губернская, пров. — провинциальная.

Указатель составлен В. Г. Шерстобитовой.

- Вотчинная коллегия 31, 159, 171, 194—198, 202, 211, 218, 227, 258, 274, 283, 304, 361
- Вотчинная контора 177
- Вятская пров. канцелярия 307
- Галицкая воев. канцелярия 250
- Галицкая пров. канцелярия 127, 202.
- Галицкий пров. магистрат 250
- Генерал-берг-директориум 177, 211, 274
- Генерал-кригс-комиссариатская контора 173
- Генеральный двор (в Москве) 324
- Герольдмейстерская коллегия 75
- Герольдмейстерская контора (Герольдия) 18—20, 127, 129, 130, 137, 142, 144, 145, 150, 155—163, 169, 173, 182—186, 194, 196, 198, 210, 221, 223, 224, 232, 233, 239, 270, 273, 290, 304
- Главная артиллерийская канцелярия *см.* Главная канцелярия артиллерии и фортификации
- Главная дворцовая канцелярия 165, 166, 173, 175, 198, 202, 212, 262, 263, 305, 306, 314
- Главная канцелярия артиллерии и фортификации 150, 171, 177, 203, 211, 218, 261, 288
- Главная межевая канцелярия 173, 263
- Главная полицмейстерская канцелярия 33, 152, 171, 177, 190, 191, 197, 205, 212, 300, 305
- Главная провиантская канцелярия 150, 171
- Главная соляная контора (Соляная контора) 146, 150, 171, 200, 234, 257, 262, 263
- Главное правление сибирских и казанских заводов *см.* Канцелярия главного правления сибирских и казанских заводов
- Главный комиссариат 150, 168, 171, 188, 193, 211, 300
- Главный магистрат 31, 115, 120, 130, 132, 146, 150, 171, 178, 251, 283, 303
- Главный московский архив Министерства иностранных дел 51, 233
- Горная школа при Олонецких заводах 269
- Государственный коммерческий банк 174
- Государственный совет 8, 228
- Дворцовая канцелярия *см.* Главная дворцовая канцелярия
- Дворцовая конюшенная канцелярия 148, 166, 167, 173, 174, 202, 210
- Дворянский банк 171, 357
- Дмитровская воев. канцелярия 249
- Дмитровский уездный магистрат 249
- Добренская пограничная таможня 174
- Доимочная контора Сената 242
- Духовная академия *см.* Славяно-греко-латинская академия
- Духовная коллегия *см.* Синод
- Земский приказ 231, 240
- Злынская пограничная таможня 174
- Ижорская канцелярия 327
- Измайловский полк 129, 189, 190, 200, 290
- Ингерманландская губ. канцелярия 327
- Ингерманландский полк 96
- Инженерная школа 269, 275
- Иностранная коллегия *см.* Коллегия иностранных дел
- Иностранная экспедиция Кабинета министров 241
- Иркутская духовная консистория 174
- Иркутское повьтье Сибирского приказа 39
- Иркутское соляное комиссарство 174
- Кабинет е. и. в. 167, 173, 175, 306
- Кабинет министров 18, 135, 177, 218, 274
- Кабинет Петра I 8, 48, 55, 64, 95, 98, 166, 309, 320
- Кадетский корпус *см.* Шляхетский корпус
- Казанская гимназия 280
- Казанская губ. канцелярия 238
- Казанская духовная консистория 193
- Казанская духовная семинария 193, 207
- Казанская новокрещенская контора 174
- Казанское адмиралтейство 174
- Казенный приказ 347
- Казначейская контора Адмиралтейской коллегии 173
- Камер-коллегия 31, 35, 67, 86, 131, 134, 146, 159, 171, 174, 185, 190, 196, 198, 217, 230, 235, 242, 258, 274, 283, 292, 297, 303, 305, 308, 309, 320, 349—351, 360, 361
- Камер-коллегия лифляндских и эстляндских дел 130, 132
- Камер-контора 177
- Камер-контора лифляндских и эстляндских дел 146, 174, 229

- Камер-палмейстерская контора 173, 191, 205
- Канцелярия Академии наук *см.* Академия наук
- Канцелярия артиллерии и фортификации *см.* Главная канцелярия артиллерии и фортификации
- Канцелярия Большого Ладожского канала 172, 218, 231, 257, 284, 300
- Канцелярия Главного правления сибирских и казанских заводов 172, 200, 284, 307
- Канцелярия казенных винокуренных заводов 172, 196
- Канцелярия казенных Сестрорецких заводов 185
- Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства 173
- Канцелярия конфискации 33, 135, 159, 171, 177, 189, 211, 274
- Канцелярия Олонецких Петровских заводов 172
- Канцелярия опекунства иностранных 242
- Канцелярия от строений 170, 171, 174, 177, 178, 211, 212, 264
- Канцелярия сбора оставшихся за указными расходами денег 171
- Канцелярия Сената *см.* Сенат
- Капшинская воев. канцелярия 246
- Керенская воев. канцелярия 352
- Киевская губ. канцелярия 170, 339
- Коллегия иностранных дел (Иностранная коллегия) 31, 37, 48—50, 52, 64, 66, 69, 70, 83, 89, 93, 98, 102, 109, 121, 122, 128, 129, 162, 166, 170, 171, 175, 177, 180, 187, 189, 191, 193, 195, 200, 205, 207, 209—211, 217, 218, 228—230, 233, 234, 239—242, 250, 254, 257, 258, 266, 274, 279—281, 283, 284, 291, 292, 304, 305, 314, 345
- Коллегия экономики 263
- Коломенская духовная консистория 174
- Комиссия мер и весов 206, 262
- Комиссия о пошлинах при Сенате 132
- Комиссия по составлению нового Уложения *см.* Уложенная комиссия
- Коммерц-коллегия 31, 132, 150, 159, 166, 171, 174, 177, 218, 251, 259—262, 274, 283, 286, 303, 341, 359
- Контора Архангельского порта 173
- Контора Астраханского порта 173
- Контора Бахмутских соляных заводов 174, 308
- Контора Кронштадтского порта 173
- Контора Липецких железоделательных заводов 173
- Контора над верфями и строениями 173
- Контора над портом Галерной гавани 173
- Контора партикулярной верфи 173
- Контора Ревельского порта 173
- Контролерская контора 173
- Конференция при высочайшем дворе 191, 265, 291, 355
- Конюшенная канцелярия *см.* Дворцовая конюшенная канцелярия
- Корчемная контора 129, 172, 178, 189
- Кругицкая духовная консистория 202
- Купеческий банк 132, 357
- Курская пров. канцелярия 290
- Ливенская воев. канцелярия 313
- Малороссийская экспедиция Коллегии иностранных дел 233
- Малороссийский приказ 240
- Мануфактур-коллегия 31, 113, 128, 130, 132, 171, 188, 190, 251, 259, 283, 291, 300, 306
- Мастерская и Оружейная палата 159, 173, 202
- Математическая школа 268
- Медицинская канцелярия 171, 209, 284, 303
- Медицинская школа 269
- Мензелинское соляное комиссарство 174
- Монастырский приказ 29, 84
- Монетная контора 274
- Монетная канцелярия 159, 171, 194, 198, 203, 207, 211, 218, 251, 255, 263, 264
- Морская академия 97, 128, 164, 268, 269, 273, 275, 281, 282, 284
- Морской госпиталь 173
- Морской кадетский корпус 263
- Мосальская воев. канцелярия 249
- Московская гоф-интендантская контора 173
- Московская губ. канцелярия 187, 243, 245, 247
- Московская контора Сената 29, 173, 231, 244, 274
- Московская пров. канцелярия 227
- Московская Синодальная типография 244, 205—207, 269
- Московский городской магистрат 169, 172, 245
- Московский почтамт 172
- Московский приказ общественного призрения 241

- Московский университет 9, 167, 280, 285, 292
 Мундирная экспедиция Адмиралтейской коллегии 173
 Навигацкая школа 269, 281, 284
 Нарвская гарнизонная канцелярия 131
 Нарвская портовая таможня 174
 Нарвская школа 284
 Нарвский порт 332
 Негласный комитет 317, 318
 Нижегородская губ. канцелярия 306
 Новгородская губ. канцелярия 305
 Новгородский архиепископский казенный приказ 174
 Обер-егермейстерская канцелярия 173, 191, 197, 205, 245
 Обер-егермейстерская контора 191
 Обер-сарваерская контора 173
 Обоянская воев. канцелярия 237, 238
 Обоянская приказная изба 237
 Обоянская таможня 238
 Оренбургская губ. канцелярия 289, 306
 Оренбургская пограничная таможня 174
 Оренбургская экспедиция 244, 262
 Орловская приказная изба 313
 Орловское духовное правление 314
 Орловское наместничество 242
 Оружейная канцелярия 211
 Оружейная канцелярия при Тульских заводах 172, 284
 Оружейная контора 234
 Оружейная экспедиция Тульской казенной палаты 232
 Патриарший двор 232
 Патриарший разряд 232
 Первый департамент Сената см. Сенат.
 Переяславль - Залесская духовная консистория 207
 Пермское соляное комиссарство 174, 314
 Петербургская гоф-интендантская контора 173
 Петербургская губ. канцелярия 146, 188, 244, 288, 327
 Петербургская портовая таможня 174, 339, 340
 Петербургская цифирная школа 198
 Петербургский порт 353
 Петербургский почтамт 172, 210
 Печатная контора Сената 173
 Поместный приказ 240
 Поморское (в г. Олонке) соляное комиссарство 174
 Посольская походная канцелярия 241
 Посольский приказ 31, 49, 50, 52, 55, 67, 102, 205, 209, 241, 269
 Починковская поташная контора 172
 Пошехонская воев. канцелярия 237
 Преображенский полк 129, 148, 184, 189, 199, 200, 202, 203, 243, 245, 251, 286, 322, 351
 Преображенский приказ 33, 218
 Придворная контора 239, 303
 Приказ Новой чети 240
 Приказ сысского денежного дела 228
 Приказный стол Сената 18, 39
 Провиантская контора 173
 Псковская духовная консистория 174
 Псковская пограничная таможня 174
 Псковская семинария 207
 Псковское соляное комиссарство 174
 Публичная экспедиция Коллегии иностранных дел 241
 Разрядный архив 183, 184, 194
 Разрядный приказ 19, 76, 155, 156, 184, 185, 237, 345
 Разрядный стол Сената 155
 Раскольническая канцелярия 130
 Раскольническая контора 173
 Ратуша 205, 309
 Ревельская гимназия 284
 Ревельская губ. канцелярия 281, 292
 Ревизион-коллегия 31, 146, 159, 171, 177, 185, 198, 201, 209, 211, 217, 242, 259, 261, 274, 283, 308
 Рекетмейстерская контора 130, 173, 194, 218
 Рижская губ. канцелярия 242
 Рижская обер-инспекторская канцелярия 244
 Рижская портовая таможня 174
 Рязанская экономическая канцелярия 207
 Рязанская экономическая кафедра 174
 Севская воев. канцелярия 352
 Скрытная экспедиция Коллегии иностранных дел 50, 51
 Смоленский полк 121, 184, 188, 189
 Сенат 8, 11, 18—20, 29, 30, 32, 34, 35, 37, 38, 42, 48, 49, 67—70, 83—93, 98, 100—103, 105, 107, 109, 116, 121, 124, 127—140, 142—145, 147—152, 155—160, 162, 165, 166, 169—171, 175—178, 180—183, 187, 192, 194—196, 205, 216—218, 221, 227.

- 228, 230—233, 235, 242, 244, 257, 258, 262—266, 270, 273, 274, 279, 283, 290, 291, 304, 324, 325, 328, 339, 352—361, 363
- Сибирская губ. канцелярия 148, 168, 247
- Сибирский приказ 39, 159, 171, 198, 218, 231, 262
- Сибирское соляное комиссарство 174
- Сибирское наместничество 227
- Синод (Духовная коллегия) 8, 28, 29, 37, 87, 121, 136, 138, 150, 170, 171, 173, 176, 177, 180, 206, 207, 212, 232, 258, 262, 263, 270, 274
- Синодальная типография *см.* Московская Синодальная типография
- Славяно-греко-латинская академия (Духовная академия) 97, 193, 206, 207, 250, 268, 270, 280
- Смоленская губ. канцелярия 244, 248
- Смоленская духовная консистория 174
- Смоленская пограничная таможня 174
- Смоленское наместничество 242
- Собственная е. и. в. Вотчинная канцелярия 173, 193, 205, 207, 244, 263, 306
- Соляная контора *см.* Главная соляная контора
- Соляное комиссарство по низовым городам 201, 284
- Старицкая воев. канцелярия 248
- Старицкая ратуша 248
- Старорусское соляное комиссарство 174
- Судный московский приказ 233
- Судный приказ 171, 255, 274, 284
- Суздальский архиепископский казенный приказ 174
- Суздальский провинциальный магистрат 148
- Счетная экспедиция Кабинета 236
- Сысской приказ 159, 171, 188, 227, 232, 233, 255, 313
- Тавровское адмиралтейство 174
- Тайная канцелярия 33, 39, 171, 217, 219, 284, 320, 345, 351
- Тайная экспедиция Сената 33
- Тверская пров. канцелярия 128
- Тверская экономическая кафедра 174
- Темерниковский порт 359
- Темерниковская портовая таможня 174
- Тобольская духовная консистория 174
- Томская воев. канцелярия 245
- Торопецкая пограничная таможня 174
- Тотемская воев. канцелярия 247
- Троицкая пограничная таможня 174, 199
- Тульская верхняя расправа 236
- Туринская ратуша 248
- Уложенная комиссия (1754—1766) 143, 173, 265
- Устюжская пров. канцелярия 246
- Устюжская таможня 246
- Фортификационная контора 210
- Харьковская семинария 207
- Черниговская семинария 207
- Чеусская судная изба 245—246
- Шляхетский корпус 34, 128, 131, 132, 141, 150, 151, 165, 166, 172, 174, 178, 191, 195, 201, 203, 204, 218, 228, 229, 232, 233, 242, 244, 257, 258, 263, 267, 271, 273, 274, 280—282, 284, 291, 294
- Штатс-контора 31, 35, 67, 86, 146, 171, 177, 205, 243, 246, 257, 259, 263, 264, 274, 283
- Экипажская экспедиция Адмиралтейской коллегии 174
- Юстиц-коллегия 31, 40, 67, 130, 159, 171, 174, 177, 188, 197, 205, 207, 210, 211, 218, 259, 261, 264, 274, 283, 314
- Юстиц-коллегия лифляндских и эстляндских дел 171, 177
- Ямская канцелярия 171, 177, 178, 188, 191
- Ямской приказ 66, 232, 233
- Яренская воев. канцелярия 248

Оглавление

Введение	3
Глава первая	
Утверждение абсолютизма и бюрократизация государственного управления (первая четверть XVIII в.)	22
Глава вторая	
История разработки Табели о рангах	47
1. Редакция проекта Табели о рангах А. И. Остермана	48
2. Первая редакция Табели о рангах Петра I 1721 г.	77
3. Обсуждение проекта Табели о рангах в Сенате и Военной и Адмиралтейской коллегиях	83
4. Дополнительная статья Петра I к Табели о рангах о порядке чиновничьего производства дворян и об обучении их наукам	93
5. Обсуждение проекта Табели о рангах в Сенате в январе 1722 г.	98
6. Окончательная редакция Табели о рангах и ее общая оценка	104
Глава третья	
Эволюция Табели о рангах и законодательство абсолютизма о службе чиновников в 20—60-х годах XVIII в.	119
1. Изменения Табели о рангах в середине 20-х — начале 60-х годов XVIII в.	119
2. Манифест о вольности дворянства и дальнейшая бюрократизация государственного аппарата	140
Глава четвертая	
Формирование бюрократии в России	155
1. Организация учета дворян в первой половине XVIII в. и переписи чиновников в 1754—1756 гг. (Некоторые источниковедческие вопросы)	155
2. Численность и состав чиновников центральных и местных учреждений России в середине XVIII в.	163
3. Социальный состав бюрократии	180
4. Происхождение чиновников	223
5. Роль денежного жалованья	253
6. Уровень образования и профессиональной подготовки чиновничества	267
Глава пятая	
Социальная эволюция бюрократии	295
1. Бюрократия и дворянство	295
2. Торгово-промышленная деятельность бюрократии	318
Заключение	365
Приложение	368
Указатель имен	371
Указатель учреждений и учебных заведений России	390

Сергей Мартинович Троицкий

**Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке
(формирование бюрократии)**

Утверждено к печати

Институтом истории СССР АН СССР

Редактор Ю. А. Тихонов

Редакторы издательства Г. Д. Капустина, М. М. Медведев.

Художник Л. С. Эрман

Технические редакторы Л. И. Куприянова, Т. С. Жарикова

Сдано в набор 6/VI—1974 г. Подп. к печ. 11/IX—1974 г.

Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1.

Усл. печ. л. 24,75. Уч.-изд. л. 28,7. Тираж 3400.

Т-16706. Тип. зак. 759.

Цена 2 р. 02 к.

Издательство «Наука»

103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография издательства «Наука»,

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
73	26 сл.	коллегий	коллегий,
126	1 св.	Г. Д. Чернышев	Г. П. Чернышев
260	17 сл.	Войков	Воейков
383	правая колонка, 3 сл.	Полиевкатов	Полиевктов

С. М. Троицкий. Русский абсолютизм и дворянство.